

Иркутский государственный университет
Научно-образовательный центр
Межрегиональный институт общественных наук при ИГУ
(Иркутский МИОН)
Лаборатория исторической и политической демографии ИГУ

**Переселенческое общество
Азиатской России: миграции,
пространства, сообщества.
Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков**

Иркутск

 ОТТИСК

2013

УДК 391 (51)
ББК 63.529(253)-32
П 27

Издание подготовлено при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. в рамках проектов «Переселенческое общество Азиатской России: этномиграционные процессы в формировании локальных пространств и сообществ. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков» (соглашение № 14.В37.21.0012) и «Этномиграционный фактор в формировании социального пространства Сибири» (соглашение № 14.В37.21.0271), выполненных научно-образовательным центром Межрегиональный институт общественных наук при Иркутском государственном университете (НОЦ МИОН при ИГУ) и Лаборатории исторической и политической демографии ИГУ в 2012–2013 гг.

Публикация осуществляется в рамках Программы стратегического развития Иркутского государственного университета (проект Р222-МИ-003).

Научные редакторы:

В.И. Дятлов

К.В. Григоричев

Редакционная коллегия:

Л.Е. Бляхер, Н.Г. Галеткина, И.В. Нам, С.А. Мулина

Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / Науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. – Иркутск: «Оттиск», 2013. – 624 с.

Книга посвящена исследованию влияния этномиграционных процессов на формирование локальных сообществ в условиях переселенческого общества Сибири. Ставится задача сравнить ситуации рубежей XIX–XX и XX–XXI веков. Через изучение отдельных проблем и ситуаций (кейсов) предпринимается попытка проследить воздействие этнических миграций на локальные (прежде всего – городские) сообщества Сибири и Дальнего Востока России. Анализируются процессы трансформации локального социального пространства за счет появления в нем в позднимперский и постсоветский периоды этнического измерения.

Книга предназначена для специалистов в области проблем миграций и диаспор, истории и современного развития Сибири, преподавателям и студентам, широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-905847-49-3

© Коллектив авторов, 2013.

© МИОН при ИГУ, 2013

© Лаборатория исторической и политической демографии ИГУ, 2013

Авторский коллектив:

Введение: В.И. Дятлов, К.В. Григоричев.

Глава 1: К.В. Григоричев (редактор главы; введение; 1.3), Н.В. Мкртчян (1.1), Н.П.Рыжова (1.2), А.С. Бреславский (1.4), И.О. Пешков (1.5).

Глава 2: Л.Е. Бляхер (редактор главы; введение; 2.1), Т.Н. Журавская (2.2), Е.О. Скрипник (2.2), И.О. Пешков (2.3).

Глава 3: В.И. Дятлов (редактор главы; 3.1), А.Н. Алексеенко (3.2), М.Н. Балдано (3.3), С.В. Кириченко (3.4), Е.В. Дятлова (3.5).

Глава 4: С.А. Мулина (редактор главы; введение; 4.3), Н.Г. Суворова (4.1), А.А. Крих (4.2), Т.Н. Сорокина (4.4), И.В. Нам (4.5).

Глава 5: И.В. Нам (редактор главы; введение; 5.3), Г.Н. Алишина (5.1), П.К. Варнавский (5.2).

Глава 6: Н.Г. Галеткина (редактор главы; введение; 6.2), В.И. Дятлов (6.1), В.Ю. Рабинович (6.3), И.Г. Поправко (6.4).

Заключение: В.И. Дятлов, К.В. Григоричев.

Оглавление

Введение. Трансграничные мигранты в городском пространстве Сибири	6
1. Точка отсчета. Особенности исторической традиции.	12
2. «Анклавы». Проблема экономической и жилищной сегрегации мигрантов	17
3. «Виртуальные ядра».	22
4. «Экономические анклавы». Проблема «этнической экономики» города	27
5. Проблема «чайнатауна».	28
6. Мигранты – устойчивый объект внимания горожан и властей.	31
Глава 1. Динамика пространственного развития.	36
Введение	36
1.1. Города востока России «под натиском» демографического сжатия и западного дрейфа.	41
1.2. Населенные пункты ограниченного доступа – насилие государства или особая привилегия?	62
1.3. В тени города: в поисках пространства пригорода	74
1.4. Сельско-городская миграция в Республике Бурятия и развитие пригородной зоны Улан-Удэ в 1989–2012 гг.	90
1.5. «Восточный рынок» на постсоветском «Востоке»: анализ подходов к восточным моделям товарно-вещевых рынков Восточной Сибири и Дальнего Востока	110
Глава 2. Дальневосточное трансграничье	128
Введение	128
2.1. Этнизация и колонизация в региональном дискурсе современной Азиатской России (на примере малых городов Дальнего Востока)	133
2.2. Предприниматель из КНР – собственник, мигрант или работодатель?	168
2.3. Следы российской Маньчжурии: ре-актуализация. Избранные социальные и материальные аспекты российского (сибирского) символического поля в Северном Китае	193
Глава 3. Этнизация городского пространства	211
3.1. Этнизация городского пространства: попытка определиться в исследовательском поле	211
3.2. Этнизация и традиционализация городского пространства современного Казахстана	224
3.3. Верхнеудинск – Улан-Удэ: от уездного города к столице.	249

3.4. Этнизация городского пространства Верхнеудинска/Улан-Удэ: становление бурятской национальной интеллигенции	271
3.5. Китайский общепит Иркутска: присутствие в публичном пространстве города	284
Глава 4. Этномиграционные процессы в пространстве власти.	297
Введение	297
4.1. Крестьянские общества Сибири в научных и административных практиках имперских экспертов (конец XIX – начало XX вв.)	301
4.2. Дворянская колонизация Сибири на рубеже XIX–XX веков	336
4.3. Поляки на службе империи	354
4.4. Приамурская администрация и китайские общества взаимного вспомоществования в начале XX в.: благотворительность и/или управление?.	376
4.5. Национально-культурная автономия: рецепция и попытки реализации проекта в России	422
Глава 5. Диаспорные стратегии интеграции мигрантов.	452
Введение	452
5.1. Немцы Томска в конце XIX – начале XX вв.: опыт диаспоральной институционализации	456
5.2. Кто этнизирует мигрантов: принимающее общество или они сами? Институционализация мигрантского сообщества на примере выходцев из Кыргызстана в Улан-Удэ	466
5.3. Национально-культурная автономия как современная форма самоорганизации этнических сообществ (на примере Томской области).	492
Глава 6. Пространство образов и слов	522
Введение	522
6.1. Синдром «желтой опасности» в дореволюционной России: экзотизация как механизм дегуманизации и исключения	526
6.2. Язык описания «столыпинских» переселенцев в служебной аналитике Переселенческого ведомства	555
6.3. Советская власть и этнические меньшинства Сибири: поиск и формирование дискурса управления (1920-е годы)	574
6.4. Этнофобия и мигрантофобия в интернет-пространстве сибирского города: конструирование образа (Томский кейс)	587
Вместо заключения. От Центра к Сети: изучение этномиграционных и диаспоральных процессов в Иркутске	605
Сведения об авторах	620
Список сокращений.	623

Введение.

Трансграничные мигранты в городском пространстве Сибири¹

Мощные потоки трансграничных миграций из «старого» и «нового» зарубежья сформировали в России совершенно новый элемент экономической, социальной, общественно-политической жизни. Россия превращается в страну мигрантов – и ее общество под воздействием этого неизбежно меняет свой облик. Особенного внимания заслуживает ситуация в Сибири, шире – на востоке России. В *современной* «Азиатской России». И не только потому, что она непосредственно граничит с основными миграционными донорами – Китаем и Центральной Азией. Сюда и через нее текут оттуда полноводные миграционные потоки. Хотя и этот аспект проблемы чрезвычайно важен.

Принципиально важна и специфика сибирского общества как переселенческого, сложившегося в ходе многовекового синтеза гетерогенного переселенческого населения с не менее разнородным аборигенным. Миграции были, есть и останутся в обозримом будущем жизненно важным фактором формирования, развития, самого существования этого общества. Они динамично определяли – и будут определять – его ключевые параметры и характеристики. Учитывая же экономическое и геополитическое место региона в России и в мире, динамика его этнокультурного развития – это проблема общемирового значения.

Поэтому совершенно не академичен вопрос – вносят ли новые миграции нечто принципиально новое в развитие городского пространства переселенческого общества востока России, заложена ли в них потенция к его радикальному изменению.

Некоторые параметры новизны очевидны – и они, так или иначе, подвергаются рефлексии в обыденном сознании, общественно-политических дискуссиях и научных исследованиях. Уникальны масштабы миграционных потоков, их динамика и растущая зависимость от них принимающего общества. Уни-

---

¹ Авторы: В.И. Дятлов, К.В. Григоричев.

кальна роль трансграничного фактора – никогда Россия не принимала столько трудовых мигрантов из-за рубежа. Иностранное происхождение мигрантов означает не только высокую степень их культурной чужеродности, но и возможное наличие привнесенных с родины и/или выработанных в процессе миграции механизмов социальной организации, власти, контроля и регулирования, иногда трудно совместимых с российскими реалиями. Не говоря уже о сложнейших проблемах их правового статуса, натурализации.

За спинами мигрантов (особенно китайских) очень многим постоянно видится страна их исхода, как источника реальной или потенциальной угрозы. Диапазон этих представлений велик – от вполне рационального анализа интересов, ресурсов, тенденций внутренней и внешней политики до иррациональных страхов и фобий. Наличие такой настороженности (вне зависимости от степени ее обоснованности) также является важнейшим фактором современной миграционной ситуации и общественно-политических настроений в обществе вообще.

Однако объект внимания этой книги несколько иной. Его основная задача – посмотреть, как меняется городская среда региона под воздействием миграционного фактора. Появились ли новые элементы городского пространства, если да – каковы их функции, механизмы формирования, логика взаимодействия с городским сообществом и отдельными его структурами и сегментами.

Особую важность этому объекту исследования придает преимущественно городская направленность современных миграционных потоков вообще и трансграничных в особенности. В этом принципиальное отличие от дореволюционной ситуации, когда аграрная миграция играла огромную роль, когда значительная масса мигрантов деревенского происхождения формировали сельское население и на новом месте. Это предполагало возможность и необходимость трансплантации привычного уклада жизни, хозяйственных практик и традиций, групповой, общинной модели социальной организации. С другой стороны, это увеличивало давление на ограниченные по условию природные ресурсы и провоцировало борьбу за них. В условиях этнической и культурной чужеродности новичков борьба могла принимать

форму межэтнических конфликтов. В результате, именно сельское пространство зачастую становилось полем актуализации этничности и, соответственно, объектом пристального внимания и имперских властей, и исследователей.

Город же куда более анонимен и индивидуалистичен, чем деревня, основной ресурс в нем – не природный, а создаваемый людьми, сами эти люди. Следовательно, массовый приток сюда новых людей может и не вести к усилению конкуренции и борьбе за ресурсы. Или придавать этой конкуренции иную направленность и формы.

При этом необходимо учитывать, что и без мигрантов город качественно меняется в постсоветскую эпоху. Диапазон перемен огромен – от элементов нового архитектурного облика до качественных изменений в социальной структуре и организации. Заметные сдвиги наблюдаются и в самих функциях городов, в их роли в жизни страны в целом.

Наша основная гипотеза состоит в том, что в результате массовых трансграничных миграций возник новый сегмент городского пространства в Сибири. И так как город – это не просто конгломерат зданий, сооружений и коммуникаций, а чрезвычайно сложная система человеческих и социальных связей и отношений, то можно выделить ряд сторон, составляющих этого нового феномена. Они находятся друг с другом в очень сложных связях и взаимозависимостях. Такой подход позволяет увидеть, как мигранты и представления о них, мигрантские объекты и комплекс связанных с ними отношений, властных конструкций и повседневных практик становятся важнейшим элементом повседневности постсоветского города, связывающим его физическое и социальное пространство.

Идея пространственности этномиграционных процессов стала еще одной из смысловых линий, связывающих главы книги. Движение мигрантов и мигрантских групп в пространстве географическом, оказывается важнейшим фактором трансформации экономической, властной и культурной жизни сибирских регионов, словом, всех тех сфер, которые составляют содержание социального пространства. Более того, мигранты и миграции становятся фактором, не просто усложняющим систему социальных взаимодействий за счет появления новых акторов и

процессов. Их появление и возникновение комплекса связанных с ними новаций в коллективных представлениях, отношениях, политических и экономических спекуляциях, конструируют новое для постсоветского города пространство этничности. Иными словами, этнические миграции не только усложняют систему отношений в сибирских и дальневосточных городах, но и изменяют структуру их социального пространства, дополняя его новым (этническим) измерением.

Исходя из поставленных целей, будет выстраиваться и структура этой книги. С другой стороны, ее логику и концепцию определяет то, что она является неким завершением серии монографий и статей, выполненных в рамках трех исследовательских проектов. Обзор этих проектов и публикаций мы размещаем в заключительном разделе книги. Здесь же важно подчеркнуть, что при организационной самостоятельности проектов, они объединены общей идеей, общим исследовательским полем, единым принципом организации и осуществлялись одним исследовательским коллективом.

Все проекты посвящены изучению роли этномиграционных процессов в становлении и развитии переселенческого общества востока России. Важность проблемы очевидна. Переселенческие общества, чьи ключевые характеристики заданы миграционными процессами, – феномен общемирового значения. В силу своей распространенности и глобальности – феномен чрезвычайно разнообразный и многоликий. Многообразие его типов и вариантов требует для понимания различных исследовательских стратегий, компаративистики, описания и анализа отдельных обществ, механизмов и результатов их генезиса и функционирования.

Сибирское переселенческое общество дает в этом смысле неопенимый материал. В основе его генезиса лежал, и во многом лежит до сих пор, сложнейший процесс синтеза переселенческого и аборигенного населения, первопоселенцев и новопоселенцев. Синтеза культурного, экономического, социального. При этом необходимо иметь в виду как гетерогенность аборигенного населения, огромное разнообразие его типов, так и не меньшее разнообразие населения пришлого. Причем это пришлое население постоянно укореняется, «осибирячивается», приобре-

тая новые черты культуры, меняя (иногда радикально), старые. Синтез происходит в контексте сильной имперской власти, на базе русского языка и культуры, на основе привносимых из-за Урала экономических укладов и технологий, в экстремально тяжелых условиях жизни, отсутствия надежных коммуникаций и недонаселенности региона. Критически важен здесь и контекст – переселенческое общество формировалось в условиях общества традиционалистского, вступившего затем в эпоху модернизации. Различные стратегии модернизации (эпохи поздней Империи, Советской власти, постсоветских трансформаций) задавали существенные характеристики изучаемого общества, ставя иногда под вопрос его переселенческий характер.

Невероятная сложность самого явления требует использования различных исследовательских стратегий, методологического и концептуального аппарата различных наук, синхронного и диахронного подходов, изучения отдельных ситуаций и компаративистики.

Это стало стимулом к формированию общего большого проекта, выполняемого межрегиональным и полидисциплинарным исследовательским коллективом, который постепенно сформировался за много лет совместной работы в научных и научно-образовательных проектах. Необходимость такого типа исследовательской структуры, функционирующей на принципах неформальной сети, очевидна. Миграционная проблематика позволяет, а иногда и просто заставляет, подходить к ее изучению с точки зрения широкого круга гуманитарных дисциплин, использовать наработанные ими концептуальные и терминологические аппараты, преодолевать неизбежно возникающие непонимания, а иногда и отчуждение. С другой стороны, миграционные ситуации чрезвычайно разнообразны, особенно в условиях такой не просто огромной, но разительно неоднородной страны, как Россия. Во многом ситуация зависит от состояния местной экономики, этнокультурной и социальной специфики местного общества и массы других уникальных в каждом конкретном случае факторов. И здесь опыт, знания и интуиция местных ученых незаменимы.

Особенность нашего проекта состоит в том, что его организаторы не просто собрали вместе специалистов по экономической

и социокультурной истории Сибири имперского периода и демографов, социологов, политологов, антропологов, изучающих современные миграции. Мы попытались найти общие тематические площадки и проблемные поля, с тем, чтобы в ходе совместной исследовательской работы выявить общее и особенное этномиграционных процессов в столь различных контекстах, разделенных не просто временем, но советской эпохой.

Однако критически важный советский период мы решили обойти, прекрасно понимая спорность и уязвимость такого выбора. Характер общественного устройства, политического режима, беспрецедентная закрытость («железный занавес»), беспрецедентный же разрыв с предшествующей традицией, когда были физически истреблены целые социальные группы ее носителей и хранителей – все это предполагает необходимость специальных исследований. К этому следует добавить и ограниченность историографической и источниковой базы, обусловленной закрытостью советского общества и табуированностью изучаемой проблематики.

В то же время, до- и постсоветская эпохи обладают несомненными сходствами, связанными, в том числе, и с внешней открытостью, высокой степенью свободы миграций, актуальностью проблемы внешних миграций, их особой ролью в экономической и социокультурной жизни востока России.

Различия изучаемых эпох неизбежно порождали и разность исследовательских подходов. Изучение причин, механизмов, факторов и последствий миграционных процессов для периода до середины XX века (а фактически и до конца 1980-х гг.) прочно стало вотчиной исследователей-историков, изредка – демографов, тогда как миграции и развитие диаспоральных сообществ в постсоветские десятилетия остаются по преимуществу полем социологов, экономистов, политологов. Различие методологий, методов, профессиональных языков, источников и, как следствие, результатов, невольно приводит к разрыву в изучении единого по сути процесса, искусственному разделению событий на исторические и современные, к «утрате» «исторической базы» в исследованиях современности и «исторической перспективы» – при изучении прошлого.

Задача объединения усилий и ресурсов представителей различных научных дисциплин делает междисциплинарный характер работы ее основной характеристикой. Преодоление дисциплинарных барьеров, нахождение общего языка стало отдельной специальной задачей проекта. Очевидны при этом не только потенциальные возможности такого выбора, но и несомненные риски и трудности. В каждой из наук сложился свой концептуальный аппарат, собственный язык и терминология, конвенции относительно логики и стилистики производимых текстов. Попытка совместных усилий могла привести к эклектизму и разношерстности, механическому соединению текстов по признаку общей темы. С другой стороны, вполне реальной была и возможность потери «профессиональной идентичности» авторами. Чтобы избежать этого, потребовались специальные усилия и стратегия.

В нашем случае – это «язык кейсов», когда изучение отдельных ситуаций становится инструментом поиска понимания общей проблемы. Такой подход дает возможность авторам работать на общую идею, общую проблему, опираясь на собственное профессиональное происхождение, свой концептуальный аппарат и язык, стараясь по возможности, сделать свой текст понятным и приемлемым для представителей других специальностей. Совершенно сознательно, поэтому, мы отказались от хронологического, географического или дисциплинарного подхода при выстраивании логики и структуры наших общих текстов монографического плана. Кейсы в них выстраиваются вокруг проблем. Кроме всего прочего, такой подход дает больше возможностей для того, чтобы задавать вопросы, формулировать проблемы, а не давать законченные ответы.

1. Точка отсчета. Особенности исторической традиции

Несмотря на новизну феномена, он накладывается на уже существующую историческую традицию, в чем-то продолжая ее, в чем-то меняя. Новизна феномена определяется и уникальностью роли именно трансграничных миграций, и особенностями этносоциального и политического развития позднеимперской и социалистической эпох.

В дореволюционную эпоху иноэтничные и инорелигиозные (относительно русского и православного большинства) мигранты могли быстро растворяться в общей городской среде, а могли и формировать в ней свои особые сегменты. Это могли быть религиозные общины с собственной развитой инфраструктурой (храмы, кладбища, школы, благотворительные учреждения, институты), места жилищной концентрации, особые экономические ниши, особый юридический статус и т. д. Это вполне органично вписывалось в общий сословный тип организации общества вообще и городского пространства, в частности.

Трансграничные миграции, представленные китайцами и корейцами («желтыми») в преобладающих представлениях и категориях той эпохи) привели к формированию мест их жилищной и деловой концентрации («китайские слободки», «китайские кварталы», корейские деревни), особому типу их экономической деятельности, образованию специфических экономических ниш. Специальные правовые режимы для мигрантов подкреплялись эффективным функционированием мощных общинных структур, которые осуществляли помимо этнокультурных и профессиональных функций еще и задачи внутреннего контроля, регулирования, социального контроля и санкций. Огромная по масштабам Дальнего Востока численность мигрантов, полная экономическая зависимость от них региона, соседство «спящего гиганта» – Китая и динамично развивающейся и агрессивной Японии вели к тому, что мигранты постоянно присутствовали в информационном пространстве страны, были предметом постоянных дискуссий, идеологической и политической борьбы, административных практик и законотворчества.

Однако советская эпоха, особенно со времен «великого перелома», привела к радикальному изменению ситуации. Трансграничные мигранты были частично выдвинуты за границу, частично подвергнуты репрессиям (аресты, коллективные депортации и т. д.). Они исчезли из жизни страны вообще и городского пространства, в частности. Остались только в быстро ослабевающей исторической памяти. Противоречивые эксперименты в области «национального строительства» исключали возможность этнической самоорганизации и нормальной религиозной жизни. Этнические проблемы считались неудобными для публичного

обсуждения и рефлексии. Принадлежность к некоторым этническим группам, тем более манифестация такой принадлежности, могли доставить крупные жизненные неприятности (вплоть до коллективных репрессий по отношению к немцам во время Второй мировой войны). Государство, осуществляя крупные внутригосударственные миграционные проекты на востоке страны, выработало и эффективные формы и механизмы адаптации мигрантов, препятствующие развитию их коллективной субъектности и возможности самоорганизации. Только к концу советской эпохи возобновляется (и то в крайне ограниченных размерах) деятельность синагог и мечетей, маркирующих не только конфессиональные, но и этнические элементы городского пространства.

В качестве нового – и в перспективе чрезвычайно значимого – этнического и миграционного сегмента городского пространства позднесоветского сибирского города стало появление на их «колхозных рынках» торговцев овощами, фруктами и цветами из различных регионов Северного Кавказа и особенно Закавказья. В массовом сознании принимающего общества они были выделены (и тогда уже стигматизированы) как «кавказцы» или «лица кавказской национальности». Полулегальная рыночная специализация, осуждаемая массовым общественным мнением и официальной идеологией рыночная ментальность и образ жизни, выделяющийся стиль поведения в сочетании с непривычными этнокультурными элементами сделали их предметом пристального и недоброжелательного общественного внимания. Формируются элементы того феномена, который позднее стал называться «кавказофобией»².

В целом же, присутствие мигрантов **как особой группы** в городском пространстве советского сибирского города было сведено к исчезающему минимуму, что находилось в разительном контрасте с эпохой поздней Империи. Хотя отдельной проблемой в этом смысле являются города, полностью созданные мигрантами – это новые города при огромных стройках (типа Усть-Илимска, Саянска). Но это были мигранты внутренние,

---

² Дятлов В.И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Отгиск, 2010. С. 461-468.

причем этнически разнородные. Таким образом, современный город в своем развитии получил крайне противоречивое наследие и разнонаправленные традиции. Дореволюционная традиция осталась только в исторической памяти и мифологии.

В результате, в советское время этничность фактически ушла и из географического, и из социального пространства города, почти целиком переместившись в научный (преимущественно – этнографический) дискурс. Постсоветские миграции становятся мощнейшим инструментом актуализации этничности и возвращения ее в пространство повседневности. Возникающие мигрантские объекты (рынки, торговые базы – чаще плодоовощные, позднее – строительные объекты) становятся отчетливыми маркерами возвращения *этнического* в российское пространство. По новому структурируя физическое пространство города, эти объекты выстраивали новые границы в пределах локального социального пространства, основанные на этнической идентичности. Границы не только барьерные (хотя и эта функция новых границ развивалась в полной мере), но и контактные, выполняющие роль пространства контакта (иногда болезненного) сообществ, ранее не контактировавших между собой в этих статусах (как этнические сообщества).

Фактически, во многом именно мигрантские объекты выступили терминалом вхождения *«безэтнического»* позднесоветского общества в этническое поле. Здесь вырабатывались межэтнические дистанции и практики их преодоления, а попытки осмысления и включения в «картину мира» нового феномена, приводили к формированию новых образов и стереотипов. Возникновение новых дистанций (новой системы диспозиций), в свою очередь, дало мощный импульс формированию сложного комплекса мифов (как способов осмысления новой реальности) и фобий, в которых сложно перемешались представления о мигрантских, этнических, профессиональных группах. Наложившись на непростую ситуацию 1990-х, этот процесс имманентно включил в представления о миграции и мигрантах их связь (и подлинную, и конструируемую) с криминалом, наркотрафиком и иными вызовами и угрозами. Возникнув как часть осязаемого пространства города, мигрантские объекты стали важнейшими

узлами его ментального пространства, одной из несущих конструкций современного массового сознания горожан.

Динамично развивающееся взаимодействие городских сообществ с мигрантами и мигрантскими объектами (прежде всего, рынками) приводило и к заметным сдвигам в социальной организации российских городов. Если начало и середина 90-х сделали этнические (и, прежде всего, китайские) рынки и другие мигрантские объекты очень важными элементами жизни большей части горожан, то уже в 2000-х эти же объекты становятся механизмом и маркером имущественного и социального расслоения. Для молодого поколения «затариваться» на «оптовке» или «шанхайке» становится не столько возможностью эффективного ведения хозяйства, сколько признаком жизненного успеха, символом которого выступает спортивный костюм «Abibas» или сумка «Channel».

Сформировавшаяся за два десятилетия вокруг мигрантских объектов инфраструктура вместе с обширным комплексом представлений об их «этничности» все более явственно влияет на реструктурирование и зонирование города. Так, например, в этом процессе центральная историческая часть города, занятая «китайским» рынком, становится в медийном дискурсе «клоакой», чужим и чуждым городу объектом, исключенным из городского пространства. Представление об объекте при этом становится не менее, а иногда и более мощным инструментом такого исключения, чем специфика внутренней организации и деятельности такого объекта.

Став неотъемлемой частью городской повседневности, мигрантские объекты не просто выступают узлами новой структуры физического и социального пространства. Производимые на их основе статусы и отношения тесно увязаны с определением новых пространственных границ, микрозонирования города. Иными словами, мигрантская инфраструктура города, этнически маркированная в масс-медиа и обыденных представлениях, становится важнейшей связкой физического и социального пространства города, одной из важнейших несущих конструкций его повседневности.

2. «Анклавы». Проблема экономической и жилищной сегрегации мигрантов

Массовое присутствие трансграничных мигрантов в современных сибирских городах, огромное значение в их жизни диаспоральных практик адаптации через опору на группу и ее ресурсы, привело к формированию ими специфических анклавов в городском пространстве. Иногда это видимые при непосредственном наблюдении и соответствующим образом называемые, иногда виртуальные, но при этом вполне реальные и эффективно функционирующие феномены.

Начнем с вещей очевидных, с тех элементов присутствия мигрантов, которые видны и/или которые маркируются в качестве таковых жителями города. Речь идет прежде всего о видимых, территориально локализованных, местах концентрации мигрантов, связанных со спецификой их жизни и трудовой деятельности.

И по значимости для жизни города, и по видимой открытости и заметности, и по интенсивности реакции на их присутствие стоит начать этот анализ с **«этнических», прежде всего «китайских рынков»**³. Их появление стало результатом взаимодействия нескольких мощных процессов. Распад советской системы снабжения, интенсивное формирование рыночной экономики привели к тому, что огромную роль в экономической жизни и системе жизнеобеспечения города стали играть розничные и мелкооптовые открытые рынки. Их историческими предшественниками были «колхозные» продуктовые и вещевые рынки («барахолки»). Сюда устремилась и деловая энергия значительной части трансграничных мигрантов. Очень быстро их присутствие вылилось в переформатирование старых рынков на

³ Подробнее см.: Дятлов В., Кузнецов Р. «Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. М.; Иркутск: Наталис, 2005. С. 166-187; Региональное измерение трансграничной миграции в Россию / Под ред. С.В. Голунова. М.: Аспект-пресс, 2008. С. 215-232; Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: монография / Науч. ред. В.И. Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009 (Глава 5); Тренин Д., Витковская Г. Введение // Московский Центр Карнеги. Перспективы Дальневосточного региона: китайский фактор. М., 1999. С. 7; Бурнасов А. Китайский рынок как логистический центр: на примере рынка «Таганский ряд» в Екатеринбурге // Мигранты и диаспоры на Востоке России: практики взаимодействия с обществом и государством / Отв. ред. В.И. Дятлов. М.; Иркутск: Наталис, 2007. С. 68-80; Рахимов Р.М. Рынок «Дордой» и мигранты из Китая // Центральная Азия – Китай: состояние и перспективы сотрудничества: Мат-лы междунар. конф. (г. Алматы, 4–5 июня 2008 г.) / Отв. ред. Б.К. Султанов, М. Ларюэль. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. С. 193-200.

этнической основе (формирование в них китайских, вьетнамских, киргизских, кавказских и т. д. рядов) и в образование новых сразу на этнической основе.

Часто (хотя и не всегда) они имели «говорящие» названия – «Шанхай» (или «шанхайка»), «Маньчжурия», «Китайский рынок» в Иркутске, например. Их «*китайскость*» определялась прежде всего соответствующим взглядом горожан, хотя практически всегда на них торговали и не китайцы. Этот взгляд формировался не случайно. Базовыми элементами китайского рынка являются китайские товары, китайский менеджмент (как правило, неформальный, но действенный и эффективный), китайские капиталы и китайские торговцы. Иногда наблюдается полный набор этих элементов (как на иркутской «шанхайке»), иногда сочетание части из них. Так на китайских рынках Новосибирска и Екатеринбурга сравнительно невелико присутствие китайских торговцев. Это можно объяснить тем, что основная масса товаров поступает через государства Центральной Азии, что делает более эффективным использование посреднических услуг их жителей. Но китайские товары и управление – это те необходимые элементы, которые делают рынок китайским в глазах горожан. «Китайскость» рынков – это бренд, ее подчеркивают не только названиями, но и элементами оформления, дизайна.

По мере социально-экономического развития России роль «китайских рынков», как и роль открытых рынков вообще, меняется: они теряют свою ключевую роль, оттесняются бурным развитием современных торговых форматов (гипермаркеты, молы, пассажи и т. д.). Это совершенно не означает вытеснения китайских мигрантов из торговли. Они оперативно и динамично меняют и собственные формы, методы деятельности, переходят в новые форматы. При этом концентрация их обычно сохраняется. Сохраняется и их функция «ядра», места делового и культурного взаимодействия китайских мигрантов города. Не все китайцы города занимаются бизнесом, далеко не все делают это на «китайском рынке». Но именно через них они связаны и организованы – экономически и социально. Здесь концентрируются предприятия этнического общепита, развлекательные учреждения (от собачьих бегов до казино), здесь можно получить разнообразный набор необходимых услуг.

Не уменьшается и их роль как «места встречи» – уникальной площадки обыденного, массового, постоянного и повседневного контакта людей разных культур. Крупные рынки посещают тысячи человек в день. Сложности межкультурного контакта и массовые антимигрантские предубеждения отступают здесь перед соображениями взаимной полезности. Люди здесь не просто продают и покупают, торгуются – они вступают в контакт, привыкают к обыденности и полезности присутствия «иногo». Постепенно это «иное» интегрируется, становится частью своего, привычного уклада жизни. Не исчезая при этом в качестве особого сегмента городской жизни, городского пространства. Кроме покупателей с такими рынками тесно связано много обслуживающих их лиц из числа местных жителей. Тех, кто сдает квартиры под жилье и склады товаров, организует услуги такси, работает наемными продавцами, осуществляет посреднические, консультативные и охранные функции.

Функции «места встречи» выполняют и предприятия **«этнического общепита»** – многочисленные кафе, рестораны, бистро и т. д., позиционирующие себя как этнические. Они могут предлагать национальную кухню, персонал (особенно поваров), дизайн, название. Очень часто это просто бренд – и этничность заведения ограничивается элементами оформления. Иногда наоборот – ни название, ни оформление не декларирует этнического характера, но оно становится местом регулярных контактов и общения земляков. В любом случае, эти предприятия вводят иные культуры в городской контекст в качестве его собственной и уже необходимой части. «Иная культура» перестает быть «чужой», она становится частью собственной.

Рынки не являются единственными местами деловой концентрации мигрантов. Сейчас в этом качестве могут выступать и **большие стройки**, на которых работают десятки, а иногда и сотни гастарбайтеров. Очень часто они и живут здесь – во временных подсобных помещениях или уже построенных домах и подъездах. Однако, в отличие от рынков, это «изоляты», невидимой стеной отгороженные и от принимающего общества, и от остальных соотечественников города.

С местами деловой концентрации мигрантов непосредственно связаны и **проблемы их жилищной концентрации**. Иногда

это просто совмещается. Для 1990-х годов была типичной ситуация, когда под дешевую мигрантскую гостиницу снималось бывшее рабочее или студенческое общежитие. Его комнаты, помимо своих прямых функций, служили и складом товаров, и торговым местом.

Описаны случаи, когда удобно расположенная **гостиница** становилась не просто местом жилья, но и центром социальной и экономической жизни мигрантов города. Гостиница «Одон» в Улан-Удэ привлекла внимание китайских торговцев еще с начала 1990-х годов сочетанием дешевизны, доступности и близости к железнодорожному вокзалу и основным местам торговли. На их обслуживание сделали ставку и хозяева гостиницы. Постепенно здесь сформировалась и развитая инфраструктура необходимых китайским торговцам услуг: китайские рестораны, переводческие фирмы, специализированная служба такси, с надежными и знающими потребности клиентов таксистами. Заведения для развлечений и отдыха. Здесь стали собираться поесть привычной еды, развлечься и пообщаться и не жильцы гостиницы. В результате сюда стекается огромный объем информации, здесь устраиваются деловые встречи, заключаются сделки. Теперь это неформальный центр общинной жизни города⁴.

Желание совместить или максимально приблизить друг к другу работу и жилье естественно. Поэтому есть ярко выраженная тенденция к концентрации мигрантов около рынков. Это экономит время, расходы на транспорт и, главное, увеличивает уровень безопасности (по принципу: меньше контактов – меньше конфликтов). Однако постсоветская организация города этому не способствует. Рынки разбросаны по всему городу. То же самое относится и к предпочтительным для съема жилья общежитиям и дешевым гостиницам. Частное жилье в центре города, где обычно расположены рынки, дорого. Частично совместить стремление жить и работать рядом иногда удается в отдаленных **пригородах**, где имеется дешевое жилье и где концентрируются рынки и другие объекты рыночной инфраструктуры (торговые базы, например). В качестве примера можно отметить район

---

⁴ Шармашкеева Н.Ж. Гостиница «Одон» – центр китайской жизни в Улан-Удэ // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 31-37.

Ново-Ленино в Иркутске, где еще в начале 1990-х годов отмечалась повышенная концентрация мигрантов.

Важная и сложная проблема – что подталкивает мигрантов к тому, чтобы селиться рядом. Тяга друг к другу соотечественников, возможность жить в привычной языковой и культурной среде, облегчение таким образом сложнейших проблем адаптации к принимающему обществу? Или выталкивание их сюда ценами на жилье и удобствами работы? По мнению О. Вендиной, тенденция к территориальной концентрации представителей некоторых национальных групп в Москве существует, но это результат скорее процессов социальной и имущественной концентрации, чем тяги к совместному проживанию для удовлетворения этнокультурных потребностей и консолидации⁵.

Возможны случаи, когда центром концентрации общинной жизни становятся не места работы и жизни. Иногда, как это уже отмечалось, это «рестораны для своих» с привычной кухней и стабильным составом клиентов.

Особую роль играют **мечети**. Для мигрантов из Центральной Азии они все больше становятся не только местами удовлетворения религиозных потребностей, но и площадкой для общения, обмена информацией, принятия решений. Другое дело, что мечеть посещают далеко не все мигранты из мусульманских стран – и даже не большинство. Сезонным рабочим-отходникам не хватает для этого времени, да и желания лишний раз выходить за пределы рабочих площадок с большим риском привлечь небескорыстное внимание полицейских. Однако влиятельные люди, принимающие решения, мечеть посещают. Иногда вступают в борьбу за контроль над ее деятельностью с прихожанами – коренными жителями города. Показательны в этом смысле регулярные конфликты вокруг иркутской соборной мечети.

Итак, в ходе интенсивных миграционных процессов в сибирских городах стали формироваться территориально локализованные и видимые «ядра», анклавности их жизни и деятельности.

---

⁵ Вендина О. Мигранты в Москве: грозит ли русской столице этническая сегрегация? // Миграционная ситуация в регионах России. Вып. 3. М., 2005.; См. также: Ашкинази Л. Векштейн М. Национальные предпочтения при аренде жилплощади в Москве, или «Кроме ККА и Азии» // Вестник общественного мнения. 2009. № 1 (Электронная версия: Демоскоп-Weekly. 2009. № 389-390 [Электронный ресурс]: URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0389/analit02/php> (режим доступа: свободный)).

Пока они, как правило, разбросаны по всей территории города. Обычно они выполняют одну – максимум две функции. Это места работы, или жительства, или площадки общения, или презентации собственной культуры горожанам (рестораны). Но вокруг них концентрируется формирующаяся общинная жизнь, они оцениваются в качестве институционализированных «этнических» и «миграционных» центров горожанами.

Однако возникает вопрос – единственные ли это центры, выполняющие подобные функции?

3. «Виртуальные ядра»

Массовый и сконцентрированный во времени приток иноязычных и инокультурных трансграничных мигрантов поставил перед ними острейшие проблемы адаптации – прежде всего натурализации и аккультурации. Обретение юридического статуса (право на проживание, регистрация, право на работу), поиск жилья, работы, поддержание связей с родиной требуют огромных усилий и ресурсов, которых у отдельного мигранта обычно не бывает. Ему требуются информационные, посреднические и покровительственные услуги, просто купить которые на рыночных условиях он не может или может с трудом. В силу неразвитости доступного рынка таких услуг, а также по причине финансовых ограничений.

Поэтому распространенным и массовым способом решения проблемы становится активизация и инструментарное использование семейных, клановых, земляческих связей. Формируется на этой основе неформальная, но чрезвычайно эффективная инфраструктура, обслуживающая рекрутинг, траффик, обустройство на новом месте, трудовую занятость новичков, а также их адаптацию (в необходимых формах и масштабах) в принимающее городское общество. Это становится и способом их социальной организации, механизмом контроля, эксплуатации и мобилизации. В результате могут формироваться устойчивые кланы, обычно иерархично организованные, функционирующие как в сфере бизнеса, так и в области общественных отношений.

Неформальные сети и структуры (деловые, кланово-семейные и земляческие, криминальные) при всей своей невидимости и не институционализированности играют огромную роль в качестве

инструмента социального контроля, регулирования и мобилизации в мигрантской среде, механизма адаптации новичков, средства установления и поддержания связей с разнообразными кругами в принимающем обществе. Учитывая трудовой характер миграций, устремленность основной массы мигрантов в сферу бизнеса, неформальными лидерами становятся, как правило, наиболее влиятельные бизнесмены.

Различного рода посреднические, консультационные услуги, помощь в первичной адаптации мигрантов оказываются по линии *неформальных структур* – семейных, земляческих, клановых. С их помощью мигрант-новичок может найти работу, жилье, решить очень трудные проблемы с регистрацией и обретением легального статуса, войти в контакт с «нужными людьми». Неоценимо значение таких услуг в сфере бизнеса. Возможность «решать вопросы» с чиновниками, представителями правоохранительных органов, местным криминалитетом является залогом не просто успеха, а и самого существования бизнеса.

Эта инфраструктура имеет сложный и многослойный характер, большая ее часть неформальна и не видима извне. Родственники, соседи, земляки формируют те сети, по которым распространяется информация, оказывается поддержка, распределяются ресурсы. На их основе функционируют отношения «патрон-клиент», на них базируются деловые партнерства, с ними связаны «крыши» и криминальные структуры. Важный «узел» этих сетей – рынки, которые сочетают функции хозяйствующих субъектов и торговых площадок с функциями социальных организмов.

Это именно неформальные центры власти и влияния, чей ресурс состоит, с одной стороны, в возможности мобилизации соотечественников, в наличии реальных механизмов контроля над ними, а с другой – в деловых ресурсах, связях в деловых и административных кругах города. Способность эффективно осуществлять посреднические, информационные и (для земляков-клиентов) покровительственные, защитные функции становится для них и самостоятельным важным деловым ресурсом.

В связи с этим, принципиально важно наличие стабильных каналов связей и обмена информацией с городскими властями. Последние, будучи властью муниципальной, не имеют право-

вых полномочий и ресурсов для проведения собственной миграционной политики, которая по закону является монопольной прерогативой центральной власти. Но основной комплекс проблем в этой сфере концентрируется именно на уровне города. И наличие обратной связи, налаживание информационных потоков становится для них насущной необходимостью.

Причем желательно, чтобы эта функция была в максимальной степени институционализирована. Наиболее удобной институцией для этого стали национально-культурные общества (НКО). Их важнейшей характеристикой является официально признанный статус и официально же признанные информационно-посреднические функции во взаимоотношениях с властями. Нуждаясь в партнере, инструменте влияния, информационном канале, городские власти готовы предоставить им и определенные ресурсы и возможности. И дело даже не в том, что иногда на льготных условиях предоставляется помещение, в городские и областные бюджеты закладываются небольшие суммы на финансирование некоторых проектов и мероприятий обществ. Главный ресурс – все же символический, статусный.

По закону же, это обычные общественные организации, чьей спецификой является удовлетворение этнокультурных потребностей той или иной национальной группы города. Понимание этих потребностей может быть разным, как и степень заинтересованности в их удовлетворении. Поэтому и степень участия в них может варьироваться в широких пределах: от полного игнорирования до вложения заметных усилий, времени и финансовых средств.

И хотя по уставам и по определению, их основная задача – поддержание и развитие национальных культур, обычаев и языков, на деле это часто становится задачей второстепенной. Реальная (и высоко ценимая) деятельность концентрируется в сфере взаимодействия с властями, лоббировании, различного рода посредничестве, оказании соотечественникам комплекса услуг в этой сфере.

Принцип организации и деятельности НКО этнический. Это не институции, специально ориентированные на удовлетворение потребностей мигрантов. Они и создаются обычно постоянными жителями города, российскими гражданами. Однако на прак-

тике присутствие в городе мигрантов соответствующей национальности ведет и к тому, что значительная, а иногда и большая часть интересов и деятельности концентрируется в этой сфере. Создающие НКО местные жители быстро переориентируются от решения культурных задач к обслуживанию адаптационных потребностей мигрантов. К этому подталкивает и естественное стремление помочь приехавшим землякам, и желание контролировать их, с тем, чтобы их иногда отклоняющееся поведение не ставило под удар всю этническую группу города, и понимание того, что такая стратегия может дать заметные статусные и материальные выгоды.

По отзывам активистов и лидеров НКО, от них ждут помощи в решении проблем статуса, первичного обустройства мигрантов, решения разнообразных проблем взаимоотношений с властями. Это также инструмент взаимопомощи в сложных или чрезвычайных ситуациях. В некоторых НКО принято в случае внезапной смерти своих членов или просто земляков брать на себя все расходы и организационные усилия, связанные с отправкой тела усопшего на родину. Формальными или неформальными лидерами НКО являются люди влиятельные, часто богатые, обладающие большими связями в городе. Их покровительство – большой ресурс для новичка, а через НКО возможен прямой контакт с ними.

В чем же интерес этих сильных людей, что заставляет их тратить немалые средства и, что еще дороже, время на работу в НКО? Более того, бороться за лидерство в этих общественных организациях? Причины разные и их немало. Естественно, это удовлетворение нормального стремления к лидерству, престижу и социальному признанию. Кроме того, руководящее положение в НКО, помощь его рядовым членам, позволяют строить отношения с ними на принципе «патрон-клиент». Это значительный социальный и экономический ресурс. Еще больший ресурс – высокий статус в городском сообществе, признанное место в его иерархии, прямые выходы на представителей властей и возможность, говоря современным бюрократическим языком, «решать вопросы».

Типична ситуация, когда лидеры и активисты национально-культурных обществ лоббируют интересы представляемых ими

групп и их отдельных членов в коридорах власти. Они проводят пиар-кампании в местных СМИ, делают общеполитические заявления. Некоторые из них постепенно входят в местный истеблишмент именно в качестве штатных национальных лидеров.

Лидерство в НКО – это возможность прямого контакта с властями государств исхода. Новые независимые государства, их правящие элиты, стремятся контролировать соответствующие диаспоры, использовать их финансовые и человеческие возможности для национального строительства, борьбы за власть.

Кроме того, лидеры, уже интегрировавшиеся в местное общество, кровно заинтересованы в установлении контроля над мигрантами-новичками, с тем, чтобы регулировать их поведение. Сознательное или несознательное нарушение ими норм и правил поведения принимающего общества создает соответствующую репутацию всей этнической группе, больно бьет по ее оседлой, постоянной части.

Вся эта система функционирует в рамках рыночных отношений, является ее интегральной частью. Поэтому, оказываемые в ее рамках услуги, стоят денег. Но это не единственная цена. Основная плата – это подчинение, вхождение в систему непреложных обязательств, клиентельной зависимости. Результат – формирование общинного ядра, не только и столько среды людей одного языка и культуры, сколько механизма социального господства, контроля и подчинения. Со своими законами, механизмами их выполнения и системой санкций. Община и общинная солидарность могут функционировать и как механизм взаимной поддержки и контроля, и как оружие в борьбе за ресурсы в принимающем обществе. Они обладают огромным мобилизационным потенциалом.

4. «Экономические анклав».

Проблема «этнической экономики» города

Становясь интегральной частью экономики города, мигранты могут формировать одновременно автономный ее сегмент.

Сектор экономики, чья деятельность так или иначе определяется присутствием мигрантов: рынки, стройки, посредничество и т. д. Наиболее очевидное проявление этого – само присутствие и экономическая деятельность мигрантов, их капиталы, рабочая сила, менеджмент, хозяйствующие субъекты. Однако неизбежен вопрос, какова степень их автономности в пространстве городской экономики, существуют ли между ними внутренние связи и отношения? Иначе говоря, является ли *миграционность и этничность* фактором экономических отношений и связей? Существует ли отдельный сектор экономической жизни мигрантов или они полностью интегрированы в принимающее экономическое пространство в качестве обычных ее элементов?

В теоретическом плане эта проблема давно поставлена и бурно обсуждается в концепциях и подходах «этнической экономики»⁶. Разброс точек зрения здесь велик. Одни авторы считают, что в условиях рыночной экономики ее *акторы* руководствуются только ее императивами, исходят из чисто рыночной логики. Поэтому этничность, общее мигрантское происхождение, родственные и земляческие связи существенным образом не влияют на экономическое поведение. С точки зрения их оппонентов, родственные, клановые, земляческие связи, сети отношений и зависимостей могут стать и становятся на практике самостоятельными и важными факторами поведения рыночных субъектов, их дополнительным ресурсом. Это предопределяет возможность специализации представителей мигрантских групп в отдельных отраслях и профессиях, формирование на этой основе их сообществ. Такой подход перекликается с кон-

⁶ Bonacich E. A Theory of Middleman Minorities // American Sociological Review. 1973. Vol. 38. № 5; Aldrich H.E., Waldinger R. Ethnicity and Entrepreneurship // Annual Review of Sociology. 1990. Vol. 16; Min Zhou. Revisiting Ethnic Entrepreneurship: Convergences, Controversies, and Conceptual Advancements // International Migration Review. 2004. Vol. 38. № 3; Уолдинггер Р., Олдрич Х., Уорд Р. Этнические предприниматели // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 5. [Электронный ресурс]: URL: www.ecsoc.msses (режим доступа: свободный); Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. С. 74-81. [Электронный ресурс]: URL: www.ecsoc.msses (режим доступа: свободный); Радаев В.В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Полис. 1993. № 5; Фирсов Е. Социальная стратификация, этничность и этнические экономики (на примере России) // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 3. [Электронный ресурс]: URL: www.ecsoc.msses (режим доступа: свободный); Дятлов В.И. Предпринимательские меньшинства: торгаши, чужаки или посланные Богом? Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки. М., 1996.

цепцией «торговых меньшинств», выросшей из анализа традиционных, не рыночных обществ.

Для данной работы чрезвычайно важным обстоятельством является взгляд на эту проблему со стороны принимающего общества, горожан и городских властей. Их оценка ситуации, причем не столь важно, опирается ли она на рациональный анализ или является результатом мифотворчества. Они же, и это несомненно, маркируют, выделяют в своих оценках некоторые сферы экономической жизни в качестве мигрантских или этнических. Это и те же «китайские рынки», «киргизские» и «кавказские» ряды на этих и других рынках. Это и «таджикский труд» – уже давно стали клише словосочетания «таджикская зарплата», «работать как таджик» и даже «работать таджиком». Слово «таджик» теряет здесь этническую коннотацию и приобретает социально-экономическую.

С точки зрения массового обыденного сознания, мигранты являются организованными группами, сообществами («диаспорами») – и эта организованность распространяется и в область экономики. Такая же убежденность существует и у массы чиновников, политиков, журналистов. Насколько рациональными являются подобные оценки – вопрос открытый и требующий дальнейших исследований. Однако предварительный и неизбежно поверхностный анализ отношений на китайском рынке «Шанхай» в Иркутске, говорит о существовании сетей и связей на этнической основе, являющихся мощными регуляторами экономического поведения. Об этом же свидетельствует сам тип организации таджикских бригад.

5. Проблема «чайнатауна»

В идеологическом дискурсе и в массовом сознании все описанные выше функции, сегменты городской жизни, связанные с мигрантами, часто концентрируются в категории «чайнатауна». Под этим понимается и место жилищной концентрации мигрантов, и средоточие «этнической экономики», деловой активности, и социальный организм с формальными и неформальными институциями, и место встречи с горожанами, площадка и механизм продажи им «этнического продукта» (туризм как продажа

впечатлений и образов, этническая кухня, экзотические товары, сувениры и т. д.).

Такое понимание сформировалось через наблюдения за чайнатаунами крупных городов Европы и Северной Америки, чья история длится уже почти двести лет. Возникнув в качестве места концентрации китайских мигрантов, они стали сейчас той частью городского пространства, где китайцы живут, работают, вступают в многообразные связи и отношения, создают собственные механизмы социального регулирования, власти и контроля. Это место, где по-китайски говорят, выглядят, ведут себя. С китайскими вывесками, рекламами, запахами. Районы, где «китайскость» продается в качестве товара многочисленным туристам.

Этому пониманию не мешает то обстоятельство, что со временем произошла дифференциация этих функций и смена их значений и иерархии. Первоначальная основная роль механизма первичной адаптации мигрантов, способа их выживания в чужом и враждебном мире постепенно отступала. Ей на смену шла функция площадки для формирования общинных социальных и экономических структур, центра общинной жизни и сохранения культуры предков. Кроме того, центра «этнической экономики». И уже затем на первый план выходит функция «туристического аттракциона», места, где люди «работают китайцами», производят и продают сувениры, национальную еду и впечатления. И все это в форме территориального ядра. Анклава.

Символическое значение феномена чайнатауна оказалось так велико, что с началом массовой китайской миграции в Россию, именно через эту категорию стал оцениваться сам процесс и его возможные последствия⁷. Здесь преобладает интерес к чайнатауну как механизму адаптации мигрантов к принимающему обществу и, одновременно, способу из сегрегации, тормозу адаптации. Однако больше всего волнует их предполагаемая экстерриториальность, замкнутость внутренней жизни и непроницаемость для контроля и регулирования властей.

Чайнатаун предстает как модель и орудие «демографической экспансии», массового мирного проникновения, освоения, а за-

---

⁷ Дятлов В.И. Россия: в предчувствии чайнатаунов // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 6-16.

тем отторжения от России ее восточных регионов. Чем дальше от китайско-российской границы, тем более распространены представления о многих миллионах китайских мигрантов, значительная часть из которых уже осела в постоянных китайских поселениях, экстерриториальных, непроницаемых для контроля и управления российских властей. Подчеркивается также, что это результат целенаправленной политики Китая как государства. Любые проекты с участием китайских капиталов, предполагающие инвестиции в недвижимость, особенно отели, жилищные комплексы, развлекательные и деловые центры, встречают массовую и бурную отрицательную реакцию. Критикуются не экономические аспекты этих проектов – противников волнует перспектива их «чайнатаунизации».

На деле, чайнатаунов в сибирских и дальневосточных городах пока нет. В этом при желании очень не сложно убедиться. Они присутствуют в массовом сознании и идеологической сфере как некая «виртуальная реальность». Их нет – но есть бурно обсуждаемая проблема.

В последнее время эта проблема привлекла внимание властей. Последовал ряд резких заявлений высокопоставленных политиков и чиновников о недопустимости и опасных последствиях «анклавизации» и о том, что чайнатауны не должны возникнуть в российских городах. В интервью агентству Интерфакс директор Федеральной миграционной службы К. Ромодановский заявил: «Понимаем, что ни в коем случае нельзя допускать чайна-таунов. Это элемент обособленности. В этом направлении тоже работаем»⁸.

Однако это не снимает вопроса о перспективах. Отсутствие чайнатаунов, отрицательное отношение к ним общественного мнения и властей не дают гарантии от возможности их появления. Возможное (но не обязательное) появление этого феномена уже не в виртуальном качестве сформирует новую и весьма специфическую часть городского пространства, вызовет нарушение прежде сложившегося равновесия, обогатит город и новыми ресурсами, и новыми проблемами.

---

⁸ Ромодановский К. В России не будет «чайна-таунов» // Interfax-Russia.ru. 2010. 23 нояб.

Его возникновение станет и симптомом, показателем формирования новых сложных и противоречивых по последствиям миграционных проблем. Главная из которых – появление тенденции к долговременному и даже постоянному оседанию мигрантов в сочетании с отставанием процесса их культурной и социальной адаптации. Пока же общинность, функционирование собственных механизмов социального контроля, элементы этнической экономики уже имеются в восточных городах России – но без их территориальной концентрации.

6. Мигранты – устойчивый объект внимания горожан и властей

Мигранты уже сравнительно давно и прочно стали объектом пристального внимания городского сообщества. И в этом смысле они также являются важной частью городского пространства. Это неизбежно и естественно, т. к. само появление нового элемента городской жизни, причем элемента заметного и играющего большую роль, не может не вызвать реакции. Присутствие мигрантов создает реальные проблемы, на которые необходимо реагировать. Для этого их надо увидеть, понять, оценить и выработать отношение и стратегию поведения. С другой стороны, мигранты присутствуют в массовом сознании, в отношении, надеждах, страхах и озабоченностях людей. Это определяет их присутствие в информационном поле города, в формирующейся идеологической и политической сфере, заставляет местные власти реагировать и принимать управленческие решения.

Итак, мигранты как часть устойчивого информационного поля города.

Их появление, поведение, образ жизни и деятельности, роль в жизни городского сообщества постоянно обсуждают на уровне неформальных разговоров, слухов, пересудов. Естественно, интенсивность этого растет по мере появления информационных поводов – обычно из сферы криминальной хроники, а также событий и конъюнктуры на рынках. Отсюда тесная связь этой части информационного поля города с местными, региональными и центральными масс-медиа, которые и формируют структуру и направленность системы информационных поводов. Очень

часто в сознании людей формируются и сосуществуют две картины мира – на основе собственного опыта и под воздействием масс-медиа. И если они вступают в противоречие – безусловное предпочтение отдается второй.

Для масс-медиа тема мигрантов постепенно становится одной из ключевых. И здесь необходимо учитывать, что «СМИ – это и носитель информации об общественных настроениях, действиях властей и других акторов на этом поле («зеркало»), это и самостоятельный и важный игрок, обладающий собственными интересами в качестве хозяйствующего лица, продающего информационный товар, вступающий в сложные взаимоотношения с властями, обществом, отдельными его группами. Они формируют, создают образы, предлагают слова для вербализации и оценки проблем и явлений, формируют дискурсы. Общественное мнение во многом складывается не в процессе непосредственного общения, а в результате внедрения суждений и установок, созданных при помощи медиа-образов. В каком-то смысле, в современном обществе есть только то, что есть в СМИ»⁹.

При всем разнообразии сюжетов о мигрантах, их стилистике и даже уровне толерантности, их в массе своей объединяет отношение к мигрантам как к «гостям», которые должны знать свое место. Мигранты – это несомненные и безусловные «они», «другие», «чужие». Все эти обсуждения не являются нейтральными, они окрашены отношением, как правило, насыщены большой энергетикой. На этой основе формируются стереотипы в качестве необходимого инструмента выстраивания отношений и определения социальной иерархии. Сформировались, в частности, устойчивые стереотипы «китайца» и «таджика»¹⁰. Их обязательной частью является мигрантофобия, которая решительно потеснила различного рода этнофобии в качестве лидирующего ксенофобского комплекса современного российского общества.

⁹ Миграционная ситуация и региональная пресса: газеты современной Азиатской России // Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: монография / Науч. ред. В.И. Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009. С. 121.

¹⁰ Дятлов В.И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков / Науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Отгиск, 2010. С. 451-484.

С другой стороны, заметной частью городских сообществ мигранты рассматриваются как важный ресурс, прежде всего экономический, требующий защиты. Это относится, прежде всего, к китайцам на Дальнем Востоке¹¹.

Все это неизбежно делает мигрантов **объектом идеологической борьбы, политической жизни и административных практик**. Массовые анти-мигрантские настроения в городском сообществе становятся инструментом идеологической и политической мобилизации и борьбы за власть для довольно широкого спектра политических сил. В городскую обыденность постепенно входят политические и политизированные анти-мигрантские акции – от бесчинств скинхедов до официально разрешенных «Русских маршей». Мигрантская проблематика выдвигается в центр электоральной борьбы.

Присутствие многочисленных трансграничных мигрантов, их активная экономическая деятельность, напряженное отношение к ним в принимающем городском сообществе – все это создает массу проблем для городских властей. Именно муниципальная власть города и действующие в нем органы федеральной и региональной власти, несут на себе основную тяжесть решения неизбежно возникающего многообразного и чрезвычайно сложного комплекса задач, проблем и конфликтов. При этом миграционная политика является монополией федеральных властей. В совокупности с тем, что гигантское разнообразие российских регионов требует и огромной специфики властного регулирования в них миграционных проблем, это ведет к фактическому формированию местной миграционной политики в виде гибкого набора неформальных практик¹².

В свою очередь, через систему лоббирования и неформальных связей лидеры мигрантских сообществ (формальные, чаще

---

¹¹ Бляхер Л.Е., Пегин Н.А. Динамика представлений населения Дальнего Востока России о китайских мигрантах на рубеже XX-XXI веков (на материале интервью с предпринимателями) // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков / Науч. ред. В.И.Дятлов. Иркутск: Отгиск, 2010. С. 485-501.

¹² Региональная миграционная политика // Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: монография / Науч. ред В.И. Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009. С. 16-120; Калугина Г. Местная власть и трансформация дискурса «национальной политики» в постсоветскую эпоху. Случай Иркутска // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2010. № 2(57). С. 91-106.

– неформальные) оказывают воздействие на принятие управленческих решений на уровне города.

Неизбежным и важным следствием растущей роли трансграничных мигрантов в жизни городских сообществ стало формирование связанного с ними **слоя людей, профессиональных групп и институций**. Это государственные и муниципальные органы, их служащие и чиновники, регулирующие проблемы пребывания и экономической деятельности. Это деловые партнеры, наниматели и наемные, посредники, продавцы необходимых товаров и услуг, специализирующиеся на этой теме журналисты, эксперты. Наконец, это покупатели товаров и услуг, производимых и продаваемых мигрантами.

И если посмотреть на проблему таким образом, то можно утверждать, что само количество прямо или косвенно вовлеченных в постоянные контакты и деловое сотрудничество с мигрантами лиц и институций, интенсивность отношения к ним горожан, может свидетельствовать о том, что мигранты уже стали важной и неотъемлемой частью городской жизни.

В каком-то смысле это отражается и на **визуальной картине города**. Город можно воспринимать и как систему знаков, в т. ч. этнически и/или мигрантски маркированных. Это довольно многочисленные названия рынков, магазинов, ресторанов. Реклама, вывески, объявления. При этом важно отделить те из них, что выполнены на кириллице и предназначены для того, чтобы представить этническое или мигрантское качество горожанам, от объявлений и вывесок на китайском языке, предназначенных «для своих».

Недавно в Иркутске даже началась публичная дискуссия о «засилье» вывесок и объявлений на китайском языке¹³. Допустимость вывесок и объявлений на иностранных языках обсуждается во многих странах. Это реальная проблема организации публичного символического городского пространства. Но здесь обсуждалось даже не количество и концентрация подобных текстов. Тем более, что это вопрос спорный и субъективный. Никто их не считал и тем более не предлагал методики определения их

---

¹³ Берг Корк. Темная сторона иркутского чайна-тауна. Что означают китайские иероглифы на заборах в центральной части областного центра? // СМ – Номер один. 2009. № 7. 26 февр.; Берг Корк. На иркутско-китайской границе // Восточно-Сибирская правда. Иркутский репортер. 2010. 15 июня.

концентрации. Основным мотивом было и не стремление укрепить позиции государственного русского языка, ибо вывески и объявления на английском языке не комментировались. Направленность дискуссии четко сформулировал известный национал-патриотический политик города, председатель Союза русского народа А. Турик: «Это признак оккупации!». Важной – и теперь уже неотъемлемой частью визуальной картины города стали граффити, надписи и рисунки на стенах. Отношение к мигрантам и этническая проблематика широко представлена в политизированном спектре этого жанра¹⁴.

* * *

Этот текст – скорее попытка систематизации, стремления составить общую картину присутствия мигрантов в городском пространстве сибирских и дальневосточных городов России. Однако и такой обзорный по преимуществу подход позволяет сделать вывод о том, что трансграничные мигранты стали важной и неотъемлемой частью городской жизни. Это не случайное и не временное явление. Теперь речь может идти только о тенденциях развития этого феномена и его воздействия на принимающее общество. Чрезвычайно важен для судеб российского общества, для будущей траектории его развития, вопрос о степени интегрированности мигрантов, о том, когда и каким образом они перестанут быть мигрантами. Приведет ли это к исчезновению рассматриваемого сегмента городской жизни? Или мигранты будут постепенно превращаться в этнокультурные меньшинства – как интегральную часть российского общества? Или произойдет их «закукливание», ведущее к формированию многообщинного общества?

---

¹⁴ Абдулова И. Граффити Иркутска: записки на полях города (по материалам мониторинга 2001–2006 гг.) // Мигранты и диаспоры на Востоке России: практики взаимодействия с обществом и государством. М.; Иркутск: Наталис, 2007. С. 190–203.

Глава 1. Динамика пространственного развития¹⁵

Введение

Исследование социальных процессов на локальном уровне, их воздействие на сообщество и его повседневность, априорно задает проблему определения пространства, в котором находятся изучаемые процессы и сообщества. Долгое время пространство оставалось для социологии если не чужим, то не основным полем. А.Ф. Филиппов, цитирует П. Бергера и Т. Лукмана, прямо отрицающих значение пространства в социологическом анализе¹⁶. И хотя уже в работах Г. Зиммеля и представителей Чикагской школы, пространство входит в социологическое поле зрения, в полном смысле пространственного поворота в социологии не происходит. В значительной мере подобная ситуация детерминирована спецификой современной жизни, в повседневности которой вопрос «где?» оказывается все менее значимым: развитие системы коммуникаций и построенной на ней системы деловой и внерабочей повседневности постепенно размывают социальную релевантность пространства¹⁷.

Однако изучение локальностей и протекающих здесь процессов обнаруживает прямую и устойчивую связь пространства физического и социального, в которой особенности *места* определяют специфику протекающих в нем процессов. И дело не только в положении места, хотя, безусловно, локальная экономика подмосковного села будет разительно отличаться от пригородного поселка столицы Бурятии Улан-Удэ, а рекреационные практики жителей Благовещенска – от таковых в Иркутске или Новосибирске. Природно-географические особенности, в значительной мере определяющие специфику социального и

---

¹⁵ Авторский коллектив: К.В. Григоричев (редактор главы; Введение; 1.3), Н.В. Мкртчян (1.1), Н.П. Рыжова (1.2), А.С. Бреславский (1.4), И.О. Пешков (1.5).

¹⁶ Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: «Владимир Даль», 2008. С. 19.

¹⁷ Филиппов А. Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы // Логос. 2000. № 2 [Электронный ресурс]: URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_2/09.html#_ftnref22 (режим доступа: свободный).

экономического развития региона¹⁸, гораздо менее очевидно детерминируют локальные различия.

На локальном уровне прямое воздействие физического пространства на социальное через ту или иную локально-географическую специфику дополняется особенностями развития населения. Демографическая ситуация, территориальное размещение и перераспределение населения задает контекст пространственных и социальных процессов в исследуемых локальностях, определяет те генеральные тенденции, в рамках которых формируются локальные сообщества. В моноцентричных регионах (единственный крупный город – региональная столица в окружении сельского пространства) структура населения обуславливает преобладание урбанизационной миграции и невысокую долю миграционного притока из городских поселений. Напротив, в высоко урбанизированном пространстве, центр которого составляет мегаполис, а на периферии преобладают средние и малые городские поселения, сельско-городская миграция в значительной мере ограничивается и численностью сельского населения, и возможностями для его адаптации в городах.

Для Сибири и Дальнего Востока России в конце XX – начале XXI века именно специфика демографических процессов становится тем свойством географического пространства, которое все более определяет характер развития регионального социума и локальных сообществ. Концентрация населения в крупных городах в сочетании с устойчивым западным вектором миграции формирует новые способы взаимодействия социальных групп друг с другом и физическим пространством. Здесь складываются условия для появления в тех или иных локальностях новых сообществ, в которых социальные интеракции между акторами

---

¹⁸ И на этом уровне прямая связь между особенностями физического пространства и социальным развитием продолжает оставаться остро полемичной, что показала острая дискуссия вокруг книги Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России (М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007). См.: Михайлова Т.Н. География – не судьба! (Комментарии к «Сибирскому проклятию» Ф. Хилл и К. Гэдди) // Журнал институциональных исследований. 2011. Т. 3. № 1. С. 98-103; Мельникова Л.В. Освоение Сибири. Ревнивый взгляд из-за рубежа // ЭКО. 2009. № 8; Обсуждение книги Хилл-Гэди «Сибирское проклятие» // Альманах «Восток». 2004. № 9 (21) [Электронный ресурс]: URL: http://www.situation.ru/app/j_art_564.htm (режим доступа: свободный).

протекают по нетипичным сценариям через систему новых или адаптированных практик.

Иными словами, миграция, ставшая в XVII–XX веках основным механизмом освоения сибирских и дальневосточных регионов, вновь стала инструментом ре-освоения пространства географического (физического) и конструирования на этой основе пространства социального. Новые группы, появляясь в тех или иных локальностях, меняют характер отношений между акторами, включаются в систему взаимодействий социальных структур и институтов. В результате выстраивается новая конфигурация границ между ними, границ не обязательно барьерных, разделяющих, но зачастую играющих роль инструмента консолидации локальных сообществ. В этом случае граница не только структурирует физическое и социальное пространство, но и становится мощнейшим элементом их взаимосвязи. Поскольку она, по Г. Зиммелю, «не пространственный факт с социологическим действием, но социологический факт, который принимает пространственную форму»¹⁹, граница служит контактным пространством не только и не столько для разделенных ею географических локальностей, сколько узлом социального пространства, связывающего слоеный пирог властного, экономического, политического и прочих полей социальной реальности. Концентрируя широкий спектр групп, институтов через сложный комплекс их взаимодействий, граница становится ресурсом и возможностью для производства особого социального пространства, не тождественного породившим его локальностям.

Наиболее очевидным пространственным проявлением такого социологического факта являются границы государственные, институализированные и визуализированные, зримо воплощающие идею структурирования географического пространства через структурирование пространства социального. Являясь важнейшим узлом властного поля, такие границы являются эффективным инструментом конструирования социального пространства пограничья и манипулирования им. Произвольная смена пограничного режима, остающегося в пределах вариантов закрытости приграничной территории, прямо работает на

¹⁹ Цит. по: Филиппов А. Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы // Логос. 2000. № 2. [Электронный ресурс]: URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_2/09.html#_ftnref22 (режим доступа: свободный).

обособление локального сообщества. Помимо границы государственной, это формирует «вторую границу», менее барьерную, но достаточно явно отделяющую приграничное сообщество от социального пространства страны. «Закрытые города» – это не только административный статус, но и яркий образ, маркирующий исключение социальной локальности из социального пространства региона и страны.

Спектр границ, как элементов структурирования пространства, таким образом, оказывается значительно шире, нежели сложный, но все же ограниченный набор старых и новых рубежей государства. Менее очевидные границы внутри страны, понимание которых зачастую сводится к формальному административно-территориальному делению, на первый взгляд, сколько-нибудь значимым инструментом структурирования пространства не является. Не случайно, остается открытым вопрос о природе российских регионов и их границ, не представляющих собой по большому счету ни пространственного (географического), ни социологического факта. Прозрачность, не-барьерность этих границ сводит к минимуму и их контактную функцию: слабо заметная на местности, административная межа оказывается еще менее значимой в социальном пространстве.

Однако неприметные таблички дорожных указателей, разделяющих город и сельский район, концентрируют гораздо больше пограничных смыслов, нежели символическое (зачастую не совпадающее с реальным) обозначение городской черты. Здесь сходятся не визуализированная и в большинстве случаев не рефлекслируемые границы регионального центра и периферии, социокультурных миров Города и Села, аграрной, индустриально и постиндустриальной экономики и т. д. Умножение границ, сходящихся здесь, приводит и к кратному увеличению пограничных различий, далеко выходящих за рамки разницы ветвей системы административного управления. Формирующийся в результате комплекс граничных отличий приобретает такое значение, что возможность его эксплуатации становится ресурсом для формирования специфического сообщества, особого социального пространства. Важно, что в отличие от границы государственной, здесь возможность властного манипулирования «пограничным режимом» значительно ограничена. В сочетании с высокой сте-

пенью проницаемости этих границ, это создает условия для возникновения онтологически и типологически нового для российских регионов социального пространства пригорода.

Иными словами, пространственное совпадение достаточно большого числа границ превращает их не только в инструмент структурирования физического и социального пространства, но и в связывающий их узел. Последний становится многосторонним интерфейсом взаимодействий сообществ, территорий, центра и периферий, социальных институтов и структур. Возникая как обслуживающий инструмент, такой интерфейс, в силу своей комплексности, обретает возможность существования как самостоятельного пространства, развивающегося в собственной логике и перспективе. И территориальная привязка такой локальности остается важным, но уже не определяющим фактором ее существования.

Примером является феномен локального рынка («базара»), на постсоветском пространстве, зачастую маркируемого этнически («китайский», «киргизский» рынок), что нередко слабо соответствует этнической структуре действующих здесь агентов. Скорее подобные названия символизируют обособленность, интегрированность, но не тождественность рынка социальному пространству города. С этих позиций рынок представляет собой не столько способ экономического взаимодействия, сколько перекресток границ сообществ, культур, миров, сложного комплекса полей социального пространства. Здесь сходятся не просто территориально, культурно и исторически различные сообщества, но традиция и модерн, реальные и конструируемые «Восток» и «Запад», «Китай» и «Россия», «Кавказ» и «Азия». Концентрируя граничные различия, рынок выступает пространством взаимодействия, социальной локальностью, живущей в собственной системе диспозиций акторов и их статусов, способов взаимодействия друг с другом и внешней средой. Здесь складывается собственная система символов и смыслов, действующая как эффективный фильтр «чужих» по отношению к нему индивидов и агентов, закрепляющего его положения как самостоятельного социального пространства.

Таким образом, на локальном уровне вопрос «где протекают исследуемые процессы?» выходит за рамки описания специфи-

ки географического пространства и его воздействия на локальный социум. Здесь на первый план выходит тесная взаимосвязь физического и социального пространства, наиболее зримо реализующаяся на границах. Границах, не только разделяющих и связывающих существующие локальности, но выступающих основой для появления новых сообществ, представляющих собой варианты новых траекторий развития региона.

1.1. Города востока России «под натиском» демографического сжатия и западного дрейфа

Как и все города России, города Сибири и Дальнего Востока – во многом продукт бурной урбанизации XX века. По данным первой Всероссийской переписи населения 1897 г., численность городского населения составляла 9,9 млн человек, горожанами – в границах территории современной России – были только 15 % населения²⁰. На огромной территории Сибири, к которой относились все губернии от Тобольской на восток, проживало 5 758,7 тыс. чел., из них горожан насчитывалось 485,7 тыс. человек, или 8,4 %²¹. Самым крупным городом Сибири в то время являлся Томск с населением 52 тыс. человек, немногим уступал ему Иркутск – 51 тыс., за ними следовал Омск с 37 тыс. человек. Многие из современных городов в то время просто не было или они не имели городского статуса. К их числу относятся, например, Новосибирск, Кемерово, Комсомольск-на-Амуре, Новокузнецк, Прокопьевск, Магадан, Абакан, Норильск, Находка, Ангарск, Братск. Справедливости ради отметим, что и в Европейской России больших (с населением 100 тыс. и более) городов было мало, кроме Санкт-Петербурга и Москвы выделялись Саратов, Казань, Ростов-на-Дону, Тула, Астрахань, население которых превышало 100 тыс. человек, многие же из ныне крупных городов насчитывали лишь по несколько десятков тысяч жителей.

²⁰ Население России за 100 лет (1897–1997): Стат. сб. // Госкомстат России. М., 1998. С. 32.

²¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. I. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. С.-Петербург, 1905 // Интернет-еженедельник Демоскоп Weekly, приложения. [Электронный ресурс]: URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus1897_01.php (режим доступа: свободный).

Несмотря на катаклизмы начала XX века, население России и Сибири увеличивалось, но города росли опережающими темпами. Они прирастали благодаря и естественному приросту, но в еще большей степени – за счет притока больших масс вчерашних крестьян, выталкиваемых из деревни малоземельем и коллективизацией, и востребованных городами при бурном развитии промышленности. В Сибири и на Дальнем Востоке России, которые в то время продолжали осваиваться и заселяться, «своих» крестьянских ресурсов для роста городов было мало, их явно недоставало для высоких темпов урбанизации. Поэтому «своих» дополняли переселенцы из других регионов страны. Многие из них попадали недобровольно. Лагеря ГУЛАГа на востоке страны были повсеместно, благодаря труду заключенных возникали целые города, например, Норильск. Сибирь служила одним из мест депортации так называемых «наказанных» народов. Напряженные отношения с Японией, а позднее – с Китаем, заставляли держать на восточных рубежах мощные армейские группировки, обрастающие инфраструктурой в виде военных городков и т. п. Эвакуация промышленности на восток во время Второй мировой войны не только способствовала индустриализации, но и сопровождалась притоком десятков тысяч специалистов и членов их семей.

Был и добровольный, и условно-добровольный приток – через переселения по общественному призыву, распределение специалистов и иных организуемых государством переселений. В результате города прирастали не только и не столько «своей» деревней, сколько переселенцами из западных регионов страны.

Заселение Сибири и Дальнего Востока время от времени «давало сбои», процесс движения населения на восток не был плавным и равномерным, не все территории к востоку от Урала и не всегда притягивали мигрантов. По расчетам В.И. Переведенцева, за 1959–1963 гг. Западная Сибирь потеряла за счет миграции 230 тыс. человек²². В целом в 1960-е годы Западная Сибирь лишилась за счет миграции 740 тыс. человек, отток населения был и из Восточной Сибири. Незначительный отрицательный миграционный баланс у этих районов сохранялся и в 1970-х го-

---

²² Переведенцев В.И. Современная миграция населения Западной Сибири. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1965. С. 11.

дах²³. Изучая приживаемость новоселов в городах Сибири, В.И. Переведенцев и Ж.А. Зайончковская отмечали сильный обратный отток, рассматриваемый как серьезная народнохозяйственная проблема²⁴.

Даже ресурсов столь большой и быстрорастущей страны как СССР, хватило только для очень дисперсного освоения огромных пространств и организации неплотной, в основном вытянутой вдоль южной границы, сети больших городов, буквально «нанизанных» на Транссиб. Совместно с ним и сформировался здесь опорный каркас расселения практически линейной формы.

Что касается больших городов, то к 1926 г. в Сибири и на Дальнем Востоке было четыре города с населением свыше 100 тыс. человек: Омск, Новосибирск, Иркутск и Владивосток. К 1939 г. к ним добавились Барнаул, Кемерово, Красноярск, Новокузнецк, Прокопьевск, Томск, Улан-Удэ, Чита, Хабаровск. К 1959 г. их число пополнили Ангарск, Бийск, Киселевск, Комсомольск-на-Амуре, Ленинск-Кузнецкий, Норильск, Рубцовск, Уссурийск. К закату советской эпохи (1989 г.) население России в целом и ее восточных районов было максимальным. На территории нынешних Сибирского и Дальневосточного округов насчитывалось уже 35 городов с населением свыше 100 тыс. человек, а всего городов имелось 190, или 18 % от общего числа российских городов. Это был «пик» заселенности восточных территорий страны, с этого времени процесс пошел вспять.

Освоенность Сибири и Дальнего Востока и обеспеченность их территории городами представляется, безусловно, низкой в сравнении не только со странами Европы или с соседним Китаем, но и с Европейской частью России. Впрочем и природные условия этих мест несравнимы: на востоке России природа и климат гораздо суровее. Если уж сопоставлять Север Евразии, то с Канадой. Юг Сибири и Дальнего Востока имеют некоторое сходство с расположенными на той же географической широте канадскими территориями. Так, Иркутск, Чита, Улан-Удэ и Бар-

²³ Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука, 1991. С. 73.

²⁴ Переведенцев В.И., Зайончковская Ж.А. Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск: СО РАН СССР, 1964; Зайончковская Ж.А. Основные понятия и показатели приживаемости новоселов // Статистика миграции населения / Науч. ред. А.Г. Волков. М.: Статистика, 1973. С. 48-65.

наул расположены примерно на широте Эдмонтона (центра провинции Альберта), Калгари и Саскатуна. Благовещенск близок Реджайне, Хабаровск – Виннипегу. Владивосток лежит южнее Ванкувера, но по природным условиям Ванкувер близок к Сочи. Однако уже на широте Омска, Новосибирска и Кемерово в Канаде нет крупных городов, сопоставимых с российскими по размеру. Там, где расположен почти миллионный Красноярск или 250-тысячный Братск, в Канаде есть только города, население которых не превышает 50 тыс. человек. Тем более в высоких широтах Американского континента нет ничего похожего на Норильск или Якутск. Анкоридж (Аляска, США), разместившийся немного севернее Магадана, по природным условиям гораздо комфортнее для проживания и сопоставим тут, скорее, с Владивостоком.

Россия вообще очень северная страна: причем не столько по географии, сколько по расселению населения. По расчетам А.И. Трейвиша²⁵, россияне в среднем, даже с учетом Европейской части, расселены севернее, чем канадцы, но южнее, чем шведы. Но при этом даже шведу зимой теплее, чем россиянину. Получается, что СССР и Россия сделали практически все возможное для освоения суровых северных и восточных территорий, по крайней мере, с точки зрения заселения населением.

Таким образом, к началу 1990-х гг. Сибирь и Дальний Восток были недонаселены, если их сравнивать с Европейской частью страны, и тем более, с европейскими странами, но в сравнении с территориями, схожими по природным условиям, даже несколько «перенаселены». На тех же широтах в США и Канаде проживает меньшее количество людей, чем в восточных территориях России.

Как правило, в территориях с тяжелыми и экстремальными природными условиями похожие на Россию северные страны создают и развивают малые города, поселки вахтовиков, полагая такой способ освоения этих мест экономически целесообразным. При административно-командной системе СССР (Россия) позволяла себе не обращать особого внимания на требования и законы экономической эффективности.

²⁵ Трейвиш А. Россия: Население и пространство // Интернет-еженедельник Демоскоп Weekly. 2003. №95-96. 1-19 янв. [Электронный ресурс]: URL: <http://demoscope.ru/weekly/2003/095/tema03.php> (режим доступа: свободный).

С распадом СССР и крахом плановой экономики население востока России стало активно переселяться на запад, что в российских природно-климатических условиях означало «на юг», в регионы Европейской части страны. Этот процесс, охвативший огромные территории, получил название «западный дрейф»²⁶. За 1991–2002 гг. Сибирский и Дальневосточный округа, с учетом корректировок данных от итогов переписи населения 2002 г.²⁷, потеряли примерно 1,8 млн человек в результате их оттока на запад, в 2003–2010 гг., также с учетом переписных поправок (2010 года соответственно) – почти 1 млн человек. Этот отток в какой-то мере компенсировался миграционным притоком из постсоветских стран, он был значительным в 1990-е гг. Но привлекательными для переселенцев являлись в основном только регионы Западной Сибири. За 1992–2000 гг. они получили более 600 тыс. прироста в миграционном обмене с постсоветскими странами. Восточнее Красноярска эта миграционная «волна» почти не докатывалась, а регионы Дальнего Востока теряли население и в обмене с постсоветскими странами (прежде всего, с Украиной и Беларусью). В 2000-е гг. поток переселенцев (мигрантов на постоянное место жительства) из стран СНГ сильно сократился, как в Россию в целом, так и в регионы Сибири, даже в южные, граничащие с Центральной Азией.

Масштабы миграционного оттока были максимальными на крайнем северо-востоке, где западный дрейф «берет свое начало». За 1990–2010 гг. с Чукотки выехали 75 % населения, из Магаданской области – 60 %, Камчатский край потерял 33 % жителей, Сахалинская область и Якутия – по 25 %. Потери сибирских регионов были меньше, но Забайкальский край лишился 20 % населения, Иркутская область – 11 %. Их западные соседи получали значимую подпитку уже за счет западного дрейфа, частично компенсируя собственные потери. Кроме того они привлекали мигрантов из Казахстана и Средней Азии.

---

²⁶ Подробнее см.: Мкртчян Н.В. Миграция в России: Западный дрейф // Интернет-еженедельник Демоскоп Weekly. 2005. № 185-186. 10-23 янв. [Электронный ресурс]: URL: <http://demoscope.ru/weekly/2005/0185/tema01.php> (режим доступа: свободный).

²⁷ Данные переписи показали нехватку населения почти во всех регионах востока России, что явилось, по всей видимости, результатом недоучета выезда населения на запад страны, и позволили скорректировать масштабы западного дрейфа в сторону увеличения.

За редким исключением, миграционная убыль была связана не столько с активизацией выезда населения из регионов Сибири и Дальнего Востока, но и являлась следствием резкого сокращения миграции на восток страны. Между востоком и западом страны со времени постройки Транссиба существовал интенсивный обмен населением, многие переселенцы не приживались, но значительная часть оставалась. Однако в конце 1980-х годов движение на восток стало сокращаться. По данным Росстата, в 1989 г. из регионов Европейской части и нынешнего Уральского ФО в Сибирь и на Дальний Восток прибыли 177 тыс. человек, в 2010 г. – лишь 97 тыс. человек. Некоторую часть спада можно отнести на счет сокращения миграции, связанной с армией, но и уменьшение миграции очевидно.

В современных российских условиях сложилась такая ситуация, когда не вполне понятно, кто едет на восток страны и, как это ни странно прозвучит, зачем туда ехать. Движение ради «свободы» и более вольной жизни – как это было в XVII–XIX вв.²⁸, Сибири более не свойственны. «За длинным рублем» сюда ныне тоже не ездят. Система северных коэффициентов и льгот хотя и действует, но сильно обесценена и не имеет такого значения, как в советское время. Сегодня, если человек хочет заработать – он едет в Москву и область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа. Несмотря на бодрую риторику, масштабные проекты в регионе не осуществляются (за исключением саммита АТЭС 2012 г.), и дополнительные рабочие руки особо не востребованы. На учебу также тянутся в Москву и Санкт-Петербург. Несмотря на то, что в Сибири (прежде всего, в Новосибирске и Томске) есть очень хорошие вузы, из Европейской части страны сюда учиться не едут. «На пенсию», имея определенные накопления, люди чаще перебираются на Кубань или в благодатное по российским меркам Черноземье, но не в зону БАМа, на Камчатку или Сахалин. Возможно, значительная часть миграции в Сибирь и на Дальний Восток, фиксируемая статистикой, – это

---

²⁸ *«Важной социокультурной причиной ухода на новые территории было стремление человека уйти от власти, от государства, воплотить идеал воли, переселиться на дальние «вольные земли», где начнется совершенно новая идеальная жизнь, представления о которой культивировались в народных утопиях», – писал А.С. Ахизер (Ахизер А.С. Российское пространство как предмет осмысления // Отечественные записки. 2002. № 6).*

возвратная миграция, в какой-то мере «противоток» многолетнего и мощного западного дрейфа.

В конце советской эпохи почти 22 % жителей Сибири и Дальнего Востока родились в других частях страны и других странах (табл. 1). К 2002 г. численность уроженцев других регионов и стран снизилась до 16,5 %, к 2010 г. – до 13,9 %²⁹.

Таблица 1

Жители Сибири* и Дальнего Востока по месту рождения, на даты переписей 1989, 2002 и 2010 гг.

* В границах Сибирского федерального округа.

	1989		2002		2010	
	млн человек	%	млн человек	%	млн человек	%
Все жители Сибири и Дальнего Востока	29,0	100,0	26,8	100,0	25,5	100,0
в т. ч. уроженцы						
Сибири и Дальнего Востока	22,7	78,1	22,3	83,2	21,3	83,5
Европейской части и Урала	3,7	12,9	2,3	8,7	1,7	6,5
Стран ближнего зарубежья	2,4	8,3	2,0	7,5	1,8	6,9
Стран дальнего зарубежья	0,2	0,7	0,1	0,3	0,1	0,3
Не указали место рождения			0,1	0,3	0,7	2,7

Получается, что постепенно восточные регионы страны всё больше замыкаются сами на себя, и для них это – новая ситуация.

Второе отличие последних десятилетий – начавшаяся депопуляция. Естественные потери населения на востоке России не были такими большими, как в регионах Центральной Рос-

²⁹ Хотя в последней переписи населения резко увеличилось число не указавших место рождения (в Сибири и на Дальнем Востоке их численность составила 687 тыс. человек), даже если распределить их пропорционально численности указавших место рождения, к уроженцам других регионов и стран добавится 113 тыс., или 0,44 %, и принципиально ничего не поменяется.

сии. Здесь повсеместно была немного выше рождаемость, а в ряде регионов – она была даже высокой по российским меркам (Тыва, Якутия, Бурятия). Ситуация со смертностью и продолжительностью жизни в регионах Сибири и Дальнего Востока хуже, чем в целом по стране, но сохраняющаяся сравнительно молодая (по отношению к регионам западной части страны) возрастная структура населения пока сказывается благоприятно на соотношении смертности и рождаемости. В результате потери от депопуляции в большинстве регионов не являлись основным фактором сокращения численности населения; определяющим было все же влияние миграции.

Такая ситуация стала серьезным вызовом для системы расселения населения на востоке страны, для, и без того негустой, сети городов. Все предыдущие десятилетия города развивались в условиях быстрого роста населения и притока населения из других частей страны. Собственно, рост городов и определял увеличение численности населения Сибири и Дальнего Востока. Здесь всегда были скромные внутренние ресурсы для их роста. За исключением юга Западной Сибири и отдельных республик, сельского населения здесь мало. Работы по Иркутской области³⁰ и Красноярскому краю показали, что не только средние по размеру и влиянию города, но и региональные столицы вынуждены конкурировать за мигрантов не столько между собой³¹, сколько с зауральской (Европейской) Россией. Перед людьми, проживающими в сельской местности, малых городах, при желании переехать в крупный город на работу или учебу, всегда стоит альтернатива: либо переехать в «свою» региональную столицу, либо уехать за тысячи километров на запад, в ту же Москву, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Воронеж, Нижний Новгород, Екатеринбург... Те же направления миграции используют жите-

---

³⁰ Мкртчян Н.В. Крупный сибирский центр перед лицом депопуляции (на примере Иркутской агломерации) // Региональные исследования. 2008. № 2. С. 21-38; Мкртчян Н.В. Современные возможности крупных городов Сибири по привлечению мигрантов (на примере Иркутской агломерации) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сборник научных трудов X Международной научно-практической конференции 15–16 мая 2009 г., г. Усть-Каменогорск. Усть-Каменогорск: Либриус, 2009. С. 255-267.

³¹ Хотя и эта конкуренция прослеживается между Иркутском и Красноярском, Барнаулом и Новосибирском, Томском и Новосибирском.

ли самих региональных столиц, при этом адекватного притока с запада страны нет.

Почему же сейчас люди не едут из европейской части страны в Сибирь и на Дальний Восток? В рамках этого текста нет возможности и необходимости обозреть все причины, как базовые, фундаментальные, так и конъюнктурные. Остановимся на одной из них, представляющейся базовой. На рубеже XIX–XX вв., когда шло активное заселение восточных районов страны, в т. ч. организованное правительством, население многих губерний Европейской России увеличивалось на 2–2,5 % ежегодно, что привело к аграрному перенаселению и обезземеливанию сотен тысяч крестьян. Переселения в Сибирь – во многом следствие этого. В 1930-е гг. темпы роста населения, несмотря на все «прелести» коллективизации, также были высоки, и желающих сбежать из деревни в города, пусть и через всю страну, было предостаточно. Самая серьезная проблема нынешнего периода – ограниченность демографических ресурсов. В России недонаселены не только восточные районы, но и центр европейской части. По расчетам, основанным на минимально необходимой плотности сельского населения, для успешного ведения сельского хозяйства в Европейской части России недостает около 5 млн человек³². Кроме того, для развития сельского хозяйства только в основной сельскохозяйственной зоне Европейской России (без севера) не хватает 64 больших города с 6–7 миллионами населения³³. Приведенные расчеты выполнены десять лет назад, с этого времени ситуация усугубилась: во многих регионах Европейской России только региональные столицы имеют стабильное население, население остальных городов и районов сокращается темпом, равным 10–15 % за десятилетие.

Население городов востока России устойчиво сокращается в результате естественной убыли (табл. 2), причем это касается больших, средних и малых городов. В 1990-е гг. показатель естественной убыли не зависел от размеров городов и их столичного статуса, в 2000-е гг. ситуация в больших городах и региональных столицах стала отличаться в благоприятную сторону.

³² Вишневыский А.Г., Андреев Е.М., Тревиш А.И. Перспективы развития России: роль демографического фактора. М.: ИЭПП., 2003. С. 33-36.

³³ Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. С. 299-301.

Таблица 2

**Естественный и миграционный прирост населения городов
Сибирского и Дальневосточного округов, в среднем за год,
на 1000**

	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010
Естественный прирост (убыль)				
Региональные столицы	-2,2	-3,8	-3,3	0,0
Города по численности населения				
более 100 тыс. чел.	-2,6	-4,3	-4,0	-0,9
50–100 тыс. чел.	-1,9	-4,5	-5,6	-1,9
менее 50 тыс. чел.	-1,7	-4,4	-5,6	-2,6
Миграционный прирост (убыль)				
Региональные столицы	-0,4	2,2	-0,8	3,3
Города по численности населения				
более 100 тыс. чел.	-0,3	1,1	-0,9	1,9
50–100 тыс. чел.	1,9	-1,9	-0,2	-0,5
менее 50 тыс. чел.	-3,6	-5,4	-2,0	-3,1

Источник: база данных «Экономика городов России», <http://www.multistat.ru>; данные Росстата.

В 1990-е гг. только считанные города Сибири и Дальнего Востока имели естественный прирост населения, среди больших и крупных городов – это были лишь Якутск, Норильск и Усть-Илимск. В 2000-е гг. к ним добавились Чита, Улан-Удэ и Томск. Среди городов с населением от 50 до 100 тыс. естественный прирост в 1990-е гг. был в Амурске, Краснокаменске, Саяногорске, Нерюнгри и Кызыле, в 2000-е гг. в Амурске и Саяногорске прирост сменился убылью. Среди малых городов естественный прирост в 1990-е гг. наблюдался в 22 (но это – только 19 % от общего числа городов этой группы, по которым за данный период имелись сопоставимые данные), в 2000-е гг. – в 17 (14 %).

В 2006–2010 гг. крупные города востока России потеряли за счет естественной убыли 50 тыс. человек, эти потери были ниже, чем в предыдущие годы, до этого примерно такие потери от депопуляции они несли ежегодно. В 2009–2010 гг. крупные города

даже имели небольшой естественный прирост населения. Факторы благоприятной динамики процессов естественного движения населения – рост рождаемости в последние годы и, как и во всей России, временно благоприятная возрастная структура населения. В отличие от малых городов и сельской местности, которые по-прежнему депопулируют, приток мигрантов в крупные города омолаживает возрастную структуру населения, что благоприятно сказывается на рождаемости. Позитивное влияние миграции на демографические процессы – не российская особенность, оно отмечено, например, для крупнейших мировых городов³⁴.

Несмотря на устойчивый западный дрейф, миграционная убыль была характерна не для всех городов востока России. Большие города в целом испытали два периода миграционной убыли: в начале 1990-х и в начале 2000-х гг. (табл. 2). Малые и средние города имели устойчивый миграционный отток населения³⁵. Как уже упоминалось, переписи 2002 и 2010 гг. существенно скорректировали миграционный баланс регионов востока страны, и в т. ч. их городов. При этом если поправки данных по малым и средним городам заставляют пересматривать миграцию в сторону увеличения оттока (так было, например, после переписи 2002 г., когда Иркутскстат пересмотрел в сторону увеличения миграционную убыль городов и районов, не входящих в Иркутскую агломерацию³⁶), то по крупным городам это не всегда так. Например, по результатам переписи 2002 г. Красноярскстат скорректировал миграционный прирост г. Красноярска в сторону увеличения.

Конечно, данные текущей статистики миграции и переписи почти не учитывают временных трудовых мигрантов. Как и везде в России, они в основном приезжают в крупные города. К западу от Красноярска трудовые мигранты представлены в основном выходцами из среднеазиатских стран, далее на восток становится все более значимой китайская компонента.

Численность временных трудовых мигрантов в регионах Сибири и Дальнего Востока не известна. Переписи не могут дать

³⁴ Слуга Н.А. Геодемографические феномены глобальных городов. Смоленск: Ойкумена, 2009. 317 с.

³⁵ Напомним, что показатели миграционного прироста/убыли населения, приводимые в данной статье, рассчитаны на данных регистрируемой миграции, публикуемой Росстатом.

³⁶ Мкртчян Н.В. Крупный сибирский центр перед лицом депопуляции (на примере Иркутской агломерации) // Региональные исследования. 2008. № 2. С. 21-23.

адекватного ответа, т. к. охват этой категории жителей России был невелик. Оценки для всей России разнятся в пределах 2,5–9 млн человек³⁷. Соответственно, оценить численность трансграничных мигрантов на территории Сибири и Дальнего Востока не представляется возможным. Скорее всего, в крупных городах их число может достигать по несколько десятков тысяч человек в каждом, но вряд ли, даже в сезон, превышает 100 тыс. человек. Многие из иностранцев являются циркулярными мигрантами, но часть из них (примерно 25 %) живут в России практически постоянно, на родину почти не ездят³⁸. Конечно, к трансграничным мигрантам причисляют и граждан России – уроженцев и выходцев из других стран, но этот критерий имеет серьезный изъян: многие приехали в Россию еще во времена СССР, т. е. мигрировали в пределах страны, никогда не пересекая государственной границы.

Данные статистики показывают, что среди больших городов с численностью жителей более 100 тыс. человек, устойчивый миграционный прирост населения в 1990-е гг. имели более половины, в 2000-е гг. – треть от их общего числа. Среди малых и средних – 44 % в 1990-е гг. и 34 % в 2000-е. Число городов, получающих миграционный прирост в 2000-е гг., сокращалось, но суммарный миграционный баланс городов в этот период был несколько лучше, чем в предыдущее десятилетие. В 1990-е гг. западный дрейф был выражен сильнее, но был больше и миграционный приток населения из стран нового зарубежья. В 2000-е гг. западный дрейф несколько поутих, но и приток из стран СНГ сократился.

---

³⁷ Согласно оценкам исследователей (Экспертное совещание «Консенсус-оценка численности трудовых мигрантов в России». Москва, июль 2010 г. Основные результаты. [Электронный ресурс]: сайт ЦЭПРИ: URL: <http://www.indem.ru/Ceprs/Migration/OsItExSo.htm> (режим доступа: свободный)), численность временных трудовых мигрантов в России в 2008 г. составляла от 2,9 до 4,3 млн человек, в 2009 г. – от 2,5 до 3,6 млн человек. Директор ФМС России К.О. Ромодановский на конец 2011 г. озвучивал цифру в 9 млн человек, с оговоркой, что 3,3 млн находились в России с целями, не связанными с трудовой деятельностью (т. е. могли приезжать на короткий срок, быть в стране транзитом и т. п.) (Выступление директора ФМС России К.О. Ромодановского «Итоги деятельности ФМС России в 2011 и перспективы ее деятельности в 2012 году» // Итоги деятельности ФМС России в 2011 году. Сборник материалов расширенного заседания Коллегии ФМС. М., 2012. С. 18).

³⁸ Миграция и демографический кризис в России / Под ред. Ж.А. Зайончковской и Е.В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 38.

В последнее десятилетие среди крупных городов более четко выкристаллизовались центры, устойчиво притягивающие население. Прежде всего, это Красноярск, Новосибирск (вместе с Искитимом и Бердском, входящими в агломерацию), Томск, Хабаровск и Новокузнецк. Центры «второго плана», также имеющие миграционный прирост, меньший по масштабам и неустойчивый во времени – Иркутск (с Ангарском и Шелеховым), Кемерово, условно к ним примыкает Улан-Удэ. Миграционный баланс Омска, Барнаула, Благовещенска, Абакана в 2000-е гг. существенно ухудшился.

Среди малых и средних городов также есть устойчиво привлекательные для мигрантов. Помимо уже упомянутых Бердска, Искитима и Шелехова это, например, Обь, находящаяся неподалеку от Новосибирска, Новоалтайск, входящий в Барнаульскую и Дивногорск – в Красноярскую агломерацию. В этой же группе – «столичные» Кызыл и Горно-Алтайск. Удаленных от региональных центров городов, устойчиво притягивающих население, практически нет, пожалуй, за исключением Камня-на-Оби в Алтайском крае, да и тот сильно сдал позиции в сравнении с 1990-ми гг. Почему выделяется именно этот город сказать сложно, можно предположить, что это локальный центр притяжения населения, равноудаленный как от Барнаула, так и от Новосибирска.

Среди крупных городов востока России много и тех, которые испытывали в последние 20 лет существенный миграционный отток населения. Это Владивосток, Чита, Комсомольск-на-Амуре, Братск, Находка, Южно-Сахалинск, ряд крупных шахтерских городов Кузбасса, Усть-Илимск и «лидеры» в этой группе – Норильск, Магадан и Петропавловск-Камчатский. Население Норильска сокращается ежегодно за счет миграции более чем на 3 тыс. человек, а в посткризисном 1999 г. регистрируемый отток составил 10 тыс. человек. Среди средних городов по скорости оттока населения лидируют «бамовская столица» Тында, в 1990-е гг. терявшая по 2 тыс. жителей ежегодно, в результате чего ее население за 1990–2010 гг. сократилось почти вдвое. Среди малых городов подобных примеров много – Мирный, Игарка, Билибино и др. Судьба этих городов – свидетельство массового бегства с Севера, сворачивания или, по меньшей мере, серьезной трансформации здесь хозяйственной деятельности.

В результате западного дрейфа и депопуляции из списка больших выпали за 1989–2010 гг. Канск, Усолье-Сибирское, Усть-Илимск, Анжеро-Судженск, Магадан (последний, правда, с подчиненными ему населенными пунктами на дату переписи еще считался 100-тысячником), на грани выхода из этой группы – Киселевск, Ленинск-Кузнецкий, Междуреченск, Артем. С другой стороны, вошли в число больших городов – Кызыл и Бердск³⁹ (фактически, пригород Новосибирска).

В современной России крупные города, прежде всего – региональные центры, являются островками относительного демографического благополучия по сравнению с окружающими их сельскими территориями, а также малыми и средними городами. Все региональное пространство, удаленное от центров регионов более чем на 50 км (предельная дальность ежедневных маятниковых поездок⁴⁰) представляет собой периферию, и прежде всего периферию в демографическом плане. Сравнительно «полнокровная» сельская местность сохранилась только на юге страны, в Северо-Кавказском и, прерывистыми ареалами, – в Южном и Приволжском округах.

В Сибири и на Дальнем Востоке ситуация еще острее. Как уже говорилось выше, даже крупные центры, такие, как Владивосток, Барнаул, на протяжении длительного времени испытывают миграционную убыль населения. Если Европейскую Россию можно уподобить большой территории с очагами, «пятнами» стабилизации и небольшого роста населения, то на востоке страны этих пятен очень мало. Здесь тоже есть территории, население которых растет за счет естественного прироста, и они могут занимать крупные ареалы (в Якутии, Тыве, Бурятии), но в численном выражении демографического роста это очень мало не только для такой огромной территории, но и для обеспечения демографической подпитки редких городов.

По расчетам от данных переписи 2010 г., население Сибирского и Дальневосточного округов, проживающее в больших городах, с численностью населения свыше 100 тыс. человек (включая региональные столицы, даже те, численность жителей которых меньше – Горно-Алтайск, Биробиджан и Анадырь) и всего осталь-

³⁹ В 2012 г.

⁴⁰ В Московской и Санкт-Петербургской агломерациях дальность маятниковых поездок может превышать и 100 км, но для России это, скорее, исключение.

ного населения, практически равно и составляет 12,5 и 13,0 млн человек соответственно. Из этого «остального» населения 3,3 млн – это жители городских округов с населением менее 100 тыс. человек, и 9,7 млн – муниципальных районов⁴¹.

В последние два десятилетия в России именно региональные столицы и крупные города стягивают население с окружающей периферии. Даже отдавая население «на запад», они являются в большей или меньшей мере центрами миграционного тяготения в пределах своих регионов, а наиболее крупные и привлекательные из них распространяют свое влияние за их пределы. На востоке России это, например, Новосибирск, Красноярск, Хабаровск, Иркутск, но, как уже говорилось выше, из западной части страны притока населения они не получают.

Крупные города Сибири и Дальнего Востока постепенно будут продолжать стягивать население из сельской местности, малых и средних городов. Пожалуй, только «пристоличные» районы и небольшие города, входящие в состав агломераций (например, Новоалтайск, Обь, Шелехов, Сосновоборск), не будут терять населения. Но какими темпами может происходить этот отток из периферии в центры, каких масштабов достигнет ее людское «сжатие»?

Зачастую масштабное «сворачивание» хозяйственной деятельности в целых регионах или крупных их частях ведет к выезду всего населения или очень значительной его части (Магаданская область, Чукотский АО, северные города и поселки, обслуживающие Севморпуть и т. п.), в миграции участвует все население, без различия возраста. Специфика северных и восточных регионов страны, которая наиболее активно проявлялась в позднесоветский период и сохранилась в современной России – ротационная миграция, в результате которой в динамично развивающиеся регионы и города идет приток молодых специалистов и отток лиц пенсионных и предпенсионных возрастов. Сейчас подобная модель действует, например, в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах. Но повсеместно в России в ми-

---

⁴¹ В настоящее время в России территориальные единицы уровня городов и административных районов делятся на городские округа и муниципальные районы, многие из которых сельские, но треть их населения – городское, города, в основном, малые. Как исключение, можно привести 250-тысячный Ангарск, население которого здесь учтено как население крупных городов.

грации наиболее активно участвуют молодые люди в возрасте 17–29 лет. В 2010 г. 39 % фиксируемых российской статистикой миграционных перемещений приходилось на эти возраста. Еще раз напомним, что учет миграции неполон, это касается и учебной миграции тоже⁴².

Оценить миграцию молодежи на уровне городов и административных районов можно, используя данные о распределении населения по возрасту. Расчеты по 20 регионам России⁴³ показали, что в период 1989–2002 гг. в региональных столицах численность молодежи в возрасте 15–24 лет увеличивалась в среднем на 25–30 % по отношению к численности детей в них в возрасте 1–10 лет 14 лет назад (строго говоря, между переписями прошло 13,75 лет). Это можно интерпретировать только как результат миграции молодежи в эти города. Остальные города и районы рассматриваемых регионов теряли 20–25 % молодежи. В отдельных регионах эти потери доходили до 40 % (среди них были, например, Бурятия, Омская и Томская области). Молодежь теряет вся сельская местность, кроме «пристоличных» районов, а также многие города, и чем дальше они расположены от столиц регионов, тем потери больше.

В межпереписной период 2003–2010 гг. процесс стягивания молодежи в региональные центры продолжался. Согласно расчетам, выполненным по 10 регионам востока страны⁴⁴ (табл. 3), столицы регионов и пристоличные районы прирастали молодежью студенческих возрастов, в отдельных случаях – вдвое (Томск), а периферия теряла 25–50 % такого населения. В городах, где функционируют крупнейшие вузы (Томск, Новосибирск, Иркутск) приток молодежи идет не только из «своего»

⁴² Чудиновских О.С. Учет миграции в России: причины и последствия кризиса // Интернет-еженедельник Демоскоп Weekly. 2005. 10-23 янв. № 185-186. [Электронный ресурс]: URL: <http://demoscope.ru/weekly/2005/0185/analit03.php> (режим доступа: свободный).

⁴³ Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Миграционная подвижность молодежи и сдвиги в возрастной структуре населения городов и районов России (1989–2002) // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза / Сост. П.М. Полян, А.И. Трейвиш. М.: «Новый хронограф», 2012. С. 688-707.

⁴⁴ Анализ по регионам Дальнего Востока не проводился, т. к. во многих из них расчеты осложняет наличие спецконтингента – военнослужащих. Это видно по нарушению пропорций населения в возрасте 18–22 лет по полу. Так, по Приморскому краю превышение числа мужчин над числом женщин в возрастах 18–22 лет составляет 24,6 тыс. человек, или на 34,4 %.

региона, но и из соседних⁴⁵. Но даже в тех областях и республиках, откуда идет отток населения, в т. ч. молодежи (суммарно по региону), столицы притягивают молодежь.

Таблица 3

Численность населения в возрасте 18–22 лет в 2010 г. в региональных центрах и остальных городах и районах, в % к соответствующим детским контингентам (10–14 лет) на дату переписи 2002 г.

Название региона	Столица региона и «пристоличный» район	Остальные города и районы
Омская область	132,1	53,1
Новосибирская область	158,0	70,6
Томская область	205,5	59,7
Алтайский край	173,1	67,1
Республика Алтай	154,7	50,0
Республика Хакасия	132,2	74,3
Республика Тыва	113,9	52,5
Иркутская область	140,1	67,9
Республика Бурятия	147,6	70,4
Республика Якутия	178,8	69,7

Источник: Расчеты автора по данным переписей населения 2002 и 2010 гг.

На примере Томской области видно перераспределение молодежи из периферийных районов и городов региона в столицу (рис. 1). Большая численность молодежи в Томске – несомненный результат миграции, в возрастах 18–22 лет более половины – недавние мигранты. Похожая ситуация – во многих других региональных центрах востока страны.

⁴⁵ Замятина Н.Ю. Метод изучения миграций молодежи по данным социальных Интернет-сетей: Томский государственный университет как «центр производства и распределения» человеческого капитала (по данным социальной Интернет-сети «ВКонтакте») // Региональные исследования. 2012. № 2. С. 15-28.

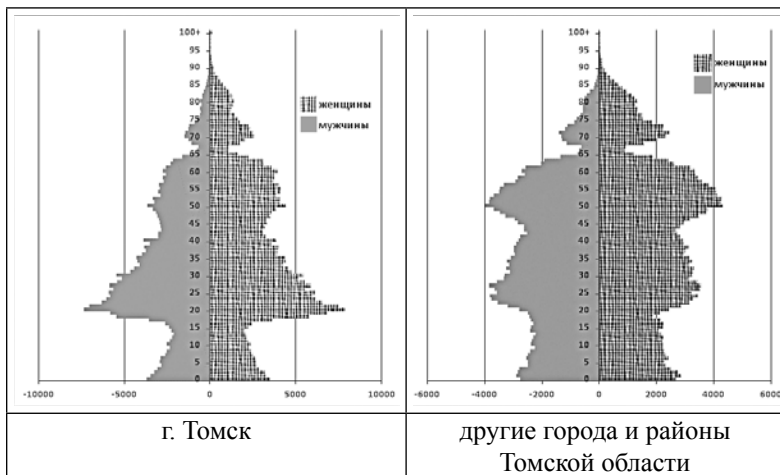

Рисунок 1

Половозрастной состав населения Томска и других районов и городов Томской области в 2010 г., человек (по данным переписи населения 2010 г.)

Часть мигрантов после учебы в вузах возвращается в места своего прежнего проживания, но их доля невелика. Многие стремятся либо остаться в региональном центре, либо продолжить образование в Москве, Санкт-Петербурге, или за рубежом. Они готовы искать работу в других регионах страны, в крупных городах европейской России. По оценкам Н.Ю. Замятиной, сделанным на основе анализа социальных интернет-сетей (ВКонтакте)⁴⁶, которая охватывает большую часть молодежи, значительная доля выпускников школ сибирских городов уезжают в Европейскую часть страны. Так, около 20 % уехавших из Магадана и Норильска, оказываются в Москве и Санкт-Петербурге, еще около 10 % – в Белгороде, Краснодаре, Воронеже, Ростове-на-Дону и других южных городах. Большие сибирские города не для всех становятся конечным пунктом миграции, для многих – это промежуточный пункт на пути в условную «Москву» или за границу.

⁴⁶ Замятина Н., Пилясов А. Север, социальные сети и «диаспора наоборот» // Интернет-еженедельник Демоскоп Weekly. 2013. 18-31 марта № 547-548. [Электронный ресурс]: URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0547/analit07.php> (режим доступа: свободный).

Крупным городам востока России для пополнения своего населения приходится рассчитывать на ресурс своей, т. е. сибирской и дальневосточной внутрирегиональной периферии. И в первую очередь – на приток молодежи. Используя оценки оттока молодежи за последний межпереписной период, попытаемся оценить миграционный потенциал молодежи восточных регионов.

На конец 2010 г. за пределами крупных городов и региональных столиц проживали 1439 тыс. людей в возрасте 10–19 лет и 1636 тыс. – в возрасте 0–9 лет. Если 40 % из них, как показывают оценки от данных последней переписи (табл. 3), покинут свои районы и города, за период 2011–2020 гг. эти потери составят 576 тыс. человек, а за период 2021–2030 гг. – 654 тыс. Такой максимальный приток могут получить крупные города востока страны, но в реальности часть молодежи уедет на запад, в Европейскую часть страны. К ним присоединится и часть молодежи крупных городов. Реальный потенциал миграции, нацеленный на крупные города Сибири и Дальнего Востока, в ближайшее десятилетие составит 350–450 тыс. человек, в следующее десятилетие – 400–500 тыс.

В больших городах и региональных столицах востока России велика численность населения старших возрастных групп. На дату переписи 2010 г. численность людей в возрасте 70 лет и старше составляла 1032 тыс. человек, в возрасте 60–69 лет – 991 тыс. Эти группы людей входят в зону «высокой смертности»⁴⁷, в силу естественных причин эти когорты будут ускоренно выбывать из населения. Приток молодежи из региональной периферии будет восполнять эту убыль не полностью.

В ближайшее десятилетие с неизбежностью сократится рождаемость – по причине резкого уменьшения численности женщин активных репродуктивных возрастов. На конец 2010 г. в больших городах востока страны численность женщин в возрасте 20–29 лет составляла 2696 тыс. человек, а в возрасте 10–19 лет – 1596 тыс., т. е. меньше на 40,8 %. Это же видно на рис. 1 на примере Томской области, или на рис. 2 для всей Сибири и Дальнего Востока. Если интенсивность рождений не продол-

---

⁴⁷ Согласно показателям таблиц смертности для населения России на 2008 г., из числа 70-летних мужчин до 80 лет доживают 40 %, из числа 70-летних женщин – 60 %.

жит увеличиваться (а, вероятно, она сократится), падение числа рождений будет адекватно сокращению численности молодых женщин. Такое сокращение числа молодых женщин не сможет компенсировать и миграция из внутренней периферии.

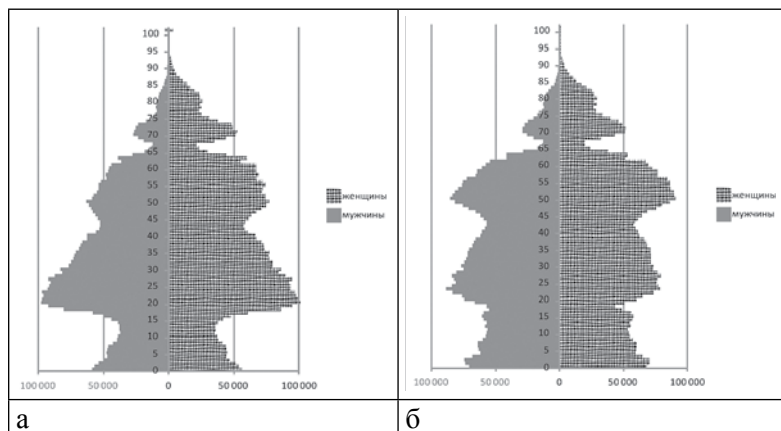

Рисунок 2

Половозрастной состав населения региональных столиц (а) и малых и средних городов и муниципальных районов (б) Сибири и Дальнего Востока в 2010 г., человек (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.)

На что же могут рассчитывать города востока России в условиях депопуляции и западного дрейфа? Какое «демографическое будущее» их ожидает?

Прежде всего, резко обострится конкуренция между городами за человеческий ресурс. Как говорил ныне покойный В.А. Глазычев, «конкуренция между местами за людей становится самой острой конкуренцией, за людей с тремя элементами – голова, руки и сердце»⁴⁸. Эта конкуренция идет уже сейчас: например, за абитуриентов между Иркутском и Красноярском, между Томском и Новосибирском. У крупнейших городов огромного региона меняется миграционный хинтерланд, и перспективы роста или удержания численности населения будут у тех, чей хинтерланд расширяется. Власти регионов пока не придумали

⁴⁸ Интервью В.А. Глазычева программе новостей Эксперт-ТВ, август 2011 г.

ничего иного, кроме идеи «создания агломераций» (которые и так есть де-факто и мало зависят от усилий современных властей).

Крупногородские формы расселения оказались более живучи и устойчивы к воздействию разного рода вызовов, чем все остальные. Поэтому, представляется, что именно крупные города, городские агломерации могут сдерживать в дальнейшем отток населения и приостанавливать обезлюживание востока России. Чтобы удержать не только своих жителей, но и жителей региональной глубинки от выезда в западном направлении, эти города должны быть привлекательны качеством городской среды, разнообразием мест приложения труда, возможностью полной реализации и роста человеческого капитала.

Города востока России могут приращивать свое население за счет трансграничных мигрантов. В большей мере это пока удастся городам запада Сибири, многие регионы которой непосредственно граничат с Центрально-Азиатским регионом, и являются наиболее близкой (географически) Россией для жителей восточного Казахстана, Киргизии, Таджикистана. Но за этих мигрантов тоже приходится конкурировать с регионами запада страны. Дальний Восток и Прибайкалье, в силу своего приграничного положения, привлекательны для граждан Китая, и присутствие последних здесь ощутимо. Но Китай – пожалуй, единственная страна, миграция из которой в корне может изменить «облик» наших восточных городов, поэтому с китайской миграцией связаны многие опасения, и «китайская угроза» в данном контексте – не совсем бесплотный миф. Если и есть ресурсы для устойчивого роста Дальневосточных городов, то они – в Китае, и с этим связан серьезный вызов не только городам, но и всему востоку России.

Ситуация, в которой оказались города Сибири – достаточно уникальна для них. Был опыт фронта, бурного заселения и индустриального освоения, но ситуации нарастания замкнутости, «капсулирования» местных сообществ не было. Это – новая ситуация, и она непростая для приема трансграничных мигрантов, с которыми населению городов нужно будет привыкать жить.

1.2. Населенные пункты ограниченного доступа – насилие государства или особая привилегия?

Организация пространства, имеющая фундаментальное значение для социальных и экономических взаимодействий, имеет существенные различия даже в пределах одного города, а тем более страны; в свою очередь границы являются одновременно механизмом и следствием такой организации. Следовательно, понимание причин и последствий динамики изменения различных границ (национальных, административно-территориальных, границ ведомственных и прочих юрисдикций) позволяет объяснить логику институционального и социально-экономического устройства государства. В наиболее общем виде предмет исследования данной работы – динамика формальных правил, определяющих пространственные границы. Основной тезис – стремление государства (его представителей) к усилению доминирования на территории приводит к изменению количества пространственных границ и усложнению процедур их преодоления.

В первой части текста проводится обзор концепций, позволяющих теоретически обосновать тезис и контр-тезис; во второй рассматриваются границы, определяющие социально-экономическое пространство современной России. В завершающем разделе мы рассматриваем изменения властного контроля (режима) в особых (приграничных) территориях «ограниченного доступа» советской и постсоветской России. Здесь же общие тенденции иллюстрируются динамикой формальных правил, влияющих на доминирование власти на территории «ограниченного доступа», на примере с. Верхнеблаговещенское Амурской области.

Границы и территориальность – механизм контроля или создания «чистого общества»?

Внешние и внутренние территориальные границы можно рассматривать через разные аналитические призмы. Данная работа опирается на идею о том, что границы в современном государстве выступают механизмом контроля не только территории, но и проживающих на ней граждан и доминирования над ними. Это концепция является не единственной, другой возможной (и

опять не исчерпывающей) может служить идея о том, что любая граница может рассматриваться как механизм контроля доступа на территорию, защиты ее от чужаков, охрану «чистого общества».

Границы как механизм контроля. Идеи о том, что территория является основой нации-государства, и об особом стремлении власти к установлению, поддержанию, охране национальных границ, начали активно дискутироваться в конце XX в.⁴⁹, будучи заложенными в работах Г. Зиммеля⁵⁰. Современные общества (суверенное социальное образование или нация-государство) организуют права и обязанности отдельного гражданина, проживающего на соответствующей территории. Большинство социальных отношений может рассматриваться через потоки внутри территориальных границ общества. Соответственно государство – процесс монополизации юрисдикций, достижение цели управляемости над гражданами, живущими на территории⁵¹. Согласно Зиммелю, социальные границы общества определяются через его границы и являются одновременно причиной и следствием такого деления. Государство имеет монопольное право на введение разных типов границ: пространственных, институциональных (ограничения, накладываемые законами и контрактными обязательствами); финансовых (например, путем введения платы или требования обеспечения минимального капитала для входа на какие-либо рынки); символических (через введение обязательных сертификатов и иных доказательств пригодности)⁵².

Установление территориальных границ является основой для контроля и применения легитимного насилия, без которых государство невозможно представить. Поэтому столь большое значение имеют не только национальные границы, но и границы территориально-административных образований, отдельных юрисдикций. В политической географии для обозначения кон-

⁴⁹ Urry J. *Nature and Society: the organization of Space* // Anderson R.J., Huges J.A., Sharrock W.W. (eds.). *Classic Disputes in Sociology*. London: Allen and Unwin, 1987; Zieleniec A. *Space and Social Theory*. London: Sage Publication, 2007.

⁵⁰ Simmel, G. *The sociology of space* // Frisby, D. and Featherstone, M. (eds). *Simmel on Culture*. London: Sage, 1997. P. 139.

⁵¹ Urry J. *Sociology Beyond Societies*. London: Routledge, 2000. P. 8.

⁵² Олейник А. *Власть и рынок. Система социально-экономического господства в России «нулевых годов»*. М.: Росспэн, 2011. С. 184-185, 189.

троля, увязанного с территорией, используется термин территориальности⁵³. Территориальность означает «пространственную стратегию достижения влияния, контроля ресурсов и людей посредством контроля территории»⁵⁴. При этом, чем слабее демократия, тем выше стимулы у власти для более жесткого контроля своей территории, в том числе пересечения границы, а также и движения внутри границ.

Техники, которыми могут оперировать власти для этих целей, разнообразны. Если обратиться к советскому опыту, это лимитированная выдача паспортов, институт прописки, выездные визы, требование получения специальных разрешений на въезд в некоторые населенные пункты, использование колючей проволоки и прочих атрибутов для контроля территорий закрытого доступа. То есть, преимущественно использование силы и угроз, в том числе в отношении собственного населения.

Границы как охранение «чистого общества». Второй концептуальный подход к определению влияния пространственного деления на социальные интеракции также имеет прямую связь с концепциями, предложенными Зиммелем, но обосновывает возможность существования совершенно иных причин и последствий введения территориальных границ. Беспокойство о безопасности, благополучии, вопросах собственной и окружающей идентичности формирует конструкты «очищенных сообществ», достижение которых возможно благодаря изоляции или самосегрегации от тех, чья идентичность может подвергать опасность тех, кто живет в «чистоте». Для поддержания этой чистоты следует устанавливать физические границы («стены»), в пределах которых будут существовать особые формы культурных, социальных или экономических отличий. Особые территории могут быть близки к иным, скажем, бедным или криминально-опасным

⁵³ Концепцию территориальности можно определить на разных уровнях: на персональном – как установление границ над пространством (земельный участок, принадлежащий и используемый индивидом); на социальном – как контроль доступа к социальным интеракциям и как фокус для групповой идентичности (сегрегированные городские пространства, куда сами члены сообщества ограничивают доступ «чужих»); на политэкономическом – как контроль доступа к территории, где сформированы формальные и неформальные институты, поддерживающие сложившуюся социально-экономическую систему и политическую организацию пространства. В данной работе нас интересует политэкономический контекст территориальности.

⁵⁴ Sack R.D. Human territoriality: its theory and history. Cambridge: Cambridge University Press. 1986. P.1.

районам, но должны быть физически заметны для того, чтобы только приемлемые лица могли попадать внутрь⁵⁵.

Создание особых территорий может достигаться за счет выставления лиц в униформе, что иллюстрирует ситуация в современной Индии, где большинство богатых резиденций охраняется и активно маркировано присутствием военных, или постройки фундаментальных «заборов» (таких как, например, Великая Китайская стена). В современных государствах тот же эффект достигается через жесткий контроль въезда на территорию страны (прежде всего, «нежелательных» мигрантов) и пересечения ее административных границ с целью обеспечения населения своей территории товарами или получения дополнительных источников пополнения бюджета (Китай и Россия конца XX в.).

На первый взгляд, две обозначенные концепции совершенно по-разному рассматривают территориальные границы, устанавливаемые государством: первая – это власть над гражданами внутри своей территории, а вторая – это власть над гражданами вне своей территории для получения преимуществ своими гражданами. Но насколько противоречия между концепциями фундаментальны и можно ли представить ситуацию, в которой они пересекаются?

Территориальность современной России

Территориальность государства может формироваться под влиянием различных факторов – управленческих, этнокультурных, исторических, географических, демографических. Для России последние оказали наибольшее влияние в восточной части страны, где все нынешние административные центры были центрами расселения населения. Исторические же факторы, напротив, наиболее значимы на западе страны, где многие современные субъекты федерации сформировались под влиянием объединений/разделений территорий. Наконец, этнокультурные факторы определяют выделение субъектов по этнонациональному признаку по всей территории страны, имеющих особые права в составе Федерации.

Однако наибольшее влияние на формирование пространственной структуры страны оказали управленческие факторы: распределение ресурсов для освоения новых территорий, не-

⁵⁵ Zieleniec A. Space and Social Theory. London: Sage Publication, 2007. P. 156.

обходимость военной мобилизации Первой и особенной Второй мировой войны, индустриализация начала XX-го века и т. д. Современная централизация экономической и политической власти также является важнейшим управленческим фактором, изменяющим российскую территориальность. В связи с этим нельзя не вспомнить новое – введенное в 2000-м году и внеконституционное – деление на федеральные округа со своими городами-центрами, где размещаются руководящие и координирующие органы в виде полномочного представителя президента, его аппарата и управлений федеральных ведомств. Хотя главы субъектов формально (конституционно) и не подчиняются руководству федеральных округов, фактическое подчинение имеет место.

Другой тип территориального деления – это деление на военные округа, размеры юрисдикций которых значительно изменились за последние двадцать лет (в 1998 г. существовало восемь военных округов, в 2001 – семь, в 2010 – количество изменялось дважды, в сентябре и декабре, соответственно на пять и четыре). На первый взгляд может показаться, что этот тип территориального деления не имеет отношения к социально-экономическому устройству территории, поскольку основная задача командующего войсками, руководящего округом, – это подготовка страны и вооружённых сил к военным действиям. Но совершенно очевидно также, что эта деятельность невозможна без финансовых, хозяйственных, трудовых и иных потоков, распределяемых в пространстве, да и собственность, которой владеют вооружённые силы, также привязана к территории. Наконец, военные по определению включены в систему поддержания власти на подведомственной территории. Таким образом, деление на военные округа органично вписывается в основное политико-административное деление страны на субъекты федерации и федеральные округа.

Помимо этих типов территориального деления в современной России продолжает действовать широкий спектр механизмов структурирования пространства страны:

– экономическое районирование (оставшееся от советских времен, в некоторой степени оказывающее влияние на распределение финансовых потоков);

– деление на таможенные территории (основная функция – сбор соответствующих платежей);

– специально выделяемые, особо финансируемые и управляемые районы, такие как районы крайнего Севера, особо охраняемые природные территории, зоны чрезвычайной экологической ситуации (каждая из них предполагает особый способ организации финансовых потоков);

– территории компактного проживания малочисленных коренных народов России (как правило, с наделением их особыми правами хозяйственной деятельности).

Особым случаем территориальности выступают территории закрытого или ограниченного доступа, то есть территории, где введены формальные ограничения на передвижение граждан и/или на ведение экономической (хозяйственной) деятельности. Можно выделить три типа таких территорий:

(1) Закрытые военные городки/гарнизоны. Здесь отсутствует гражданское управление, существенно ограничено передвижение и экономическая активность (граждане могут получить право передвигаться по территории только по согласованию с представителями военных властей);

(2) ЗАТО – закрытые территориально-административные образования, включая бывшие «секретные». Существует гражданское управление, но оно подчинено или согласуется с ведомственным управлением; ограничены экономическая активность и передвижение граждан (для передвижения, приобретения недвижимости, создания бизнеса требуется специальное разрешение властей);

(3) Населенные пункты, расположенные в пограничных зонах, то есть в первом поясе административных районов, прилегающих к сухопутной/речной или морской границе, а также имеющих пограничную инфраструктуру. Осуществляется гражданское управление, которое обязано содействовать выполнению полномочий пограничной службой; экономическая активность и передвижение граждан ограничено в значительно меньшей степени, чем в двух предыдущих случаях, но ограничения существуют.

Каждый из случаев территориальности может быть рассмотрен сквозь призму представленных выше концепций. Нам

представляется интересным случаем приграничных зон, поскольку феномен формируется благодаря использованию национальных границ для обоснования и создания внутренних. Прежде чем переходить к характеристике современной ситуации, рассмотрим, под действием каких исторических факторов она формировалась.

История создания приграничных зон как особого типа территорий ограниченного доступа. Верхнеблаговещенское

Создание приграничных зон с введением ограничений на передвижение граждан началось в СССР в 1920-х гг.; оно было связано с формированием и укреплением советского государства. Особым акцентом и целью создания приграничных зон на этом этапе был контроль доступа извне – то есть с точки зрения выше обсуждавшихся концепций «охранения чистого общества». Однако очень скоро эта концепция перестала доминировать. Постановлением ЦИКа и Совнаркома СССР об охране государственных границ были введены «пограничные полосы»: четыре и пятьсот метров (передвижения граждан запрещены), а также семь с половиной и двадцать два километра (передвижения ограничены). В частности, по периметру СССР проезд/въезд в полосу, в пределах 7,5 км от границы был запрещен для лиц, не проживающих на этой территории. На некоторых границах комиссариаты имели право запретить въезд без получения специальных разрешений и в населенные пункты, расположенные в пределах 22-километровой пограничной полосы. Таким образом, государство установило ограничения на передвижение собственных граждан.

Применение силы и даже насилия в отношении граждан своей страны проявилось в полной мере в 1937 г., когда «пограничные полосы» были трансформированы в «запретные пограничные зоны» на территориях, прилегающих к Корее, Японии, Маньчжурии и Монголии. Все административные районы между границей и Транссибирской ж/д на Дальнем Востоке (Амурская, Приморский и Хабаровский), Читинской области (Забайкальский), и Бурят-Монгольской АССР стали «запретными». Чтобы купить билет для въезда на запретную территорию, необходимо было иметь соответствующие документы (подтверждающие прописку или разрешающие въезд по особому разрешению). Не-

благонадежные и антисоветские «элементы» были выселены за пределы запретной зоны или арестованы. Конечно, государство при этом поддерживало и логику «охранения чистого общества», но эта логика была скорее инструментом для реализации насилия, поскольку запрет на приближение граждан к границам вводился в том числе для того, чтобы предотвратить «заражение опасными заблуждениями/знаниями» за пределами советского «лагеря».

Ситуация кардинально изменилась в 1993 г. с принятием закона «О государственной границе», когда «пограничные зоны» как термин исчезли из нормативных документов, вместо них стали использовать «пограничные полосы» (как и в 1920-х гг.). Передвижение и экономическая активность стала ограничиваться пределами 5 км приграничной полосы. На практике, все территории стали преимущественно открытыми, исключая Курильские острова: граждане и неграждане достаточно свободно перемещались в «опасной близости» от государственной границы.

Но в 2004 г. вновь были внесены изменения в закон о госгранице, и право устанавливать размеры пограничной полосы без специального согласования с властью, было возвращено ФСБ. В 2006 г. ФСБ приняла соответствующие нормативные акты. Приграничные территории вновь стали называть «зонами» как в повседневной практике, так и во властном дискурсе. Пограничные зоны вышли за пределы 5 км полосы, особенно на Востоке (25 км в Забайкальском крае, до 100 км в Амурской области). Некоторые территории, расположенные значительно далее 100 км, также вошли в пограничные (например, в Ямало-Ненецком АО).

Интересно при этом, что хотя передвижение в приграничных зонах формально ограничено, в целом контроль за соблюдением этого законодательства почти не применяется. Граждане только в исключительных случаях, когда на то присутствует воля представителей власти и спецслужб, попадают под соответствующее наблюдение, вплоть до заключения под стражу до выяснения личности и обстоятельств дела. Все это дает основание утверждать, что приграничные зоны используются для контроля и насилия государства над своими гражданами. При этом власти применяют риторику охраны границ от внешней инвазии, используя инструменты манипулирования, но не прямого насилия.

Одним из показательных примеров подобной «властной» организации пространства является случай села Верхнеблаговещенское Амурской области, расположенного в такой приграничной зоне.

Жители Амурской области могут свободно перемещаться по территории, в том числе в приграничных зонах. Однако въезжающие сюда граждане России, а тем более иностранные граждане, должны получать специальное разрешение для перемещения по территории региона. Интересно, что хотя это правило действует не первый год, далеко не все осведомлены о его существовании, в связи с чем *могут* возникать досадные инциденты. Например, выезд на рыбалку без документов, где подтверждена прописка в Амурской области может обернуться несколькими днями «до выяснения обстоятельств», но важно, что это случается относительно редко. Впрочем, о сложностях повседневных практик проживания в некоторых приграничных зонах широко известно, а сами приграничные зоны в них жестко ограничены заборами («колючкой»). Сельские жители, проживающие в этих зонах, будучи ограниченными в доступе к реке, не могут в ней ловить рыбу, или просто купаться. Силловые службы время от времени изменяют правила, то снижая, то повышая уровень ограничений. Подобные колебания правового режима хорошо прослеживаются по региональным и локальным новостным сюжетам, фиксирующим смену «оттепели» ужесточением контроля приграничья.

2004 год. Новостной сюжет «В Амурской области на границу открыта калитка»: *«У жителей села Верхнеблаговещенское наступил праздник. Пограничники открыли калитку и разрешили населению выходить к Амуру... Купаться и ловить рыбу здесь можно только с разрешения пограничников и по расписанию. Есть даже специальные правила пользования пляжем... В противном случае администрация грозит закрыть пляж, а это для местных жителей самое страшное наказание. В былые времена почти у всех здесь были лодки. Сейчас нет, а вот рыбу ловить, можно только с берега...»*⁵⁶

2006 год. Новостной сюжет «Жители прибрежных сел боятся за судьбу Амура»: *«Хозяина надо хорошего, и все. И чтобы каж-*

---

⁵⁶ Амурифо. 2004. 25 июня. [Электронный ресурс]: URL: www.amur.info/news/2004/06/25/1.html (режим доступа: свободный).

дый убирал за собой. Амур должен быть открыт для всех, не только для китайцев», – говорят одни. «Сейчас хоть получше стало, – отмечают другие. – Солдаты здесь следят за людьми, чтобы мусор за собой уносили, аккуратно чтобы было». Река у В.благовещенского – за колючей проволокой, под присмотром пограничников. Может быть, поэтому вода внешне здесь чище, чем в районе города, говорят местные жители»⁵⁷.

2009 год. Новостной сюжет «Некоторым благовещенцам теперь придется ездить в огороды с паспортами»: *«Садоводы-огородники, чьи дачи расположены в селе Верхнеблаговещенском, теперь смогут ездить на свои огороды только с паспортами. На днях в В.Благовещенском появился пограничный пост. Документы будут проверять и у местных жителей. Сотрудники амурского пограничного управления напоминают, что большая часть побережья Амура, где любят отдыхать на выходных амурчане, является пограничной зоной. Выезжая на отдых, нужно всегда брать с собой паспорт»⁵⁸.*

2011 год. Новостной сюжет «В Верхнеблаговещенском граница закрылась на замок»: *«...Посередине села на днях появился илагбаум, возле которого дежурят вооружённые пограничники... Для жителей села это стало сюрпризом. «Удивились, конечно. Ну, посмотрим, насколько это долго будет. Думаю, что если это сделали, то, наверное, есть в этом необходимость какая-то. Просто интересно было бы знать, какая». На кадрах любительской съёмки, снятых селянами, видно, что для каждой машины в особой зоне особый режим: у кого-то документы проверяют, у кого-то нет»⁵⁹.*

При этом сами представители пограничного управления ФСБ полагают, что в контроле над гражданами нет ничего необычного: «Пограничная зона и правила пограничного режима установлены не для того, чтобы в чем-то ущемлять чьи-то права, а для того, чтобы упорядочить нахождение различных категорий граждан на приграничной территории, пресечь деятельность

⁵⁷ Амурифо. 2006. 20 сент. [Электронный ресурс]: URL: www.amur.info/news/2006/09/20/20.html (режим доступа: свободный).

⁵⁸ Амурифо. 2009. 27 мая. [Электронный ресурс]: URL: www.amur.info/news/2009/05/27/18.html (режим доступа: свободный).

⁵⁹ Амурифо. 2011. 19 июля. [Электронный ресурс]: URL: www.amur.info/news/2011/07/19/25.html (режим доступа: свободный).

преступных группировок, незаконных мигрантов, браконьеров и контрабандистов»⁶⁰.

С середины 2011 года развитие приграничного режима в Амурской области вновь меняет вектор. В конце сентября этого года состоялось совещание при губернаторе области, на котором должны были обсудить возможности оптимизации режимных ограничений на приграничных территориях Амурской области. Инициатором «оптимизации» выступила администрация села Верхнеблаговещенское. Наиболее удивительным в этой ситуации оказалось то, что мнения жителей, чьи базовые права на свободу передвижения нарушались, разделились. Одни оказались «за» снятие проволоки и «вольготной жизни» без нее, а другие «против», предпочитая оставаться за «колючим» заслоном во избежание «мало ли чего может случиться».

В новостных сюжетах 2013 года хорошо прослеживается дальнейшее ослабление пограничного режима. Как отмечают региональные СМИ, пограничники «прислушались» к мнению амурчан: «мы приступили к поэтапной замене металлических заграждений из колючей проволоки на совершенно другую систему охраны. Продолжать будем, по мере того как нам будут поступать средства... По просьбе жителей мы отработали этот вопрос. Село Верхнеблаговещенское исключено из пограничной зоны, теперь попасть туда можно без специальных пропусков»⁶¹. Произошли и прямые территориальные изменения: с 2013 года изменились правила пограничного режима по всей области, а пограничная зона сократится до 10 километров⁶².

Очевидно, что изменения в правилах передвижения в приграничной зоне Амурской области случились не в последний раз. Государство, которое так управляет пространственными границами на своей территории, демонстрирует силу и доминирование над своими гражданами. Хотя современные властные

⁶⁰ Официальный сайт Благовещенского района Амурской области. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.blagraion.ru/news/2011-11-17.html-7> (режим доступа: свободный).

⁶¹ Комсомольская правда. 2013. 27 мая. [Электронный ресурс]: URL: www.kp.ru/daily/26081.5/2985417/ (режим доступа: свободный).

⁶² Приказ ФСБ России от 08.04.2013 № 189 «О внесении изменений в приказ ФСБ России от 14 апреля 2006 г. № 157». [Электронный ресурс]: Официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=147776> (режим доступа: свободный).

практики отличаются от тех, что были характерны для советских времен 1930-х гг. (преобладает манипулирование, но не прямые угрозы и физическое насилие), очевидна их преемственность. Во всех случаях, укрепление границы как инструмента внешнего контроля оказывалось вольно или невольно связано с формированием границы внутренней, отделявшей приграничную локальность от основного пространства страны. Местное население здесь оказывалось тем самым «чистым» (доверенным, допущенным к пребыванию и перемещению у государственной границы) локальным сообществом, которое тем или иным способом должно быть отграничено от прочего пространства страны. Периодическая либерализация пограничного режима не столько устраняла (или передвигала) эту внутреннюю границу, сколько смещала ее из пространства географического (как административно-территориальный барьер) в многослойность социального пространства. Здесь специфика локального сообщества приграничья не только фиксируется во властных практиках, но и начинает рефлексироваться представителями сообщества, связывающего свою особость с функциями государственной границы.

Безусловно, здесь мы лишь попытались поставить довольно широкий комплекс задач для будущего исследования. Сформулированные выше выводы – это не столько результат длительных исследований, сколько рабочая модель, гипотеза, позволяющая сформулировать подход к анализу широкого спектра проблем. Среди них центральное место занимают не собственно административные практики манипулирования приграничным пространством, сколько мотивы и механизмы принятия решений об изменении высоты барьера внутренней границы, принципы и инструменты селекции наказаний за несоблюдение приграничных правил. Наконец, одним из центральных вопросов становится изучение механизма и факторов формирования специфического приграничного сообщества, стремящегося обеспечить свою «приграничную» идентичность даже ценой сохранения барьерности «внутренней» границы.

1.3. В тени города: в поисках пространства пригорода

Одной из наиболее ярких примет регионального развития западного Прибайкалья в постсоветские годы стала стремительная трансформация пригородных территорий Иркутской агломерации. Беспрецедентно быстрый рост численности населения и расширения ареала жилой застройки населенных пунктов, расположенных в зоне транспортной доступности от областного центра, породил богатый спектр новых социальных явлений, затрагивающих самые разные сферы жизни местных сообществ. Во многом их специфика определяется тем, что формирование здесь нового социального и экономического пространства происходит в рамках сложившейся к началу 2000-х административно-территориальной структуры и системы управления. Такое новое пространство и связанное с ним сообщество пригорода в действующей системе координат невозможно отнести ни к сельскому району, где оно территориально располагается, ни к крупному городу, с которым оно органично связано. Однако интуитивно понятное и уже вполне повседневное для жителей Иркутска пространство пригорода с формальной (нормативной) точки зрения отсутствует, что предполагает сохранение *status quo* в структурировании пространства региона на городскую и сельскую местность.

Неинституализированность пригородного пространства, его существование «поверх», а во многом даже «вне» административных и правовых рамок дает богатейший материал для фиксации и анализа комплексов уникальных практик в самых разных сферах жизнедеятельности локального социума. Однако описание развития пригородов Иркутска в различных аспектах (от специфики адаптации трансграничных мигрантов⁶³ до особенностей взаимодействия местного сообщества с различными уровнями муниципальных администраций⁶⁴) приводит к необходимости теоретического осмысления, концептуализации пригородного пространства. Без этого описываемые кейсы не выходят за пределы феноменологии, а попытки типизации пригородных

---

⁶³ Григоричев К.В. «Таджики» в пригородах Иркутска: сдвиги в адаптивных практиках // Диаспоры. 2010. № 2. С. 261-282.

⁶⁴ Григоричев К.В. Местные сообщества и местная власть в неинституализированном пространстве: случай пригородов Иркутска // Полития. 2013. № 1. С. 103-116.

поселений и теоретического осмысления механизмов их формирования, проделанные ранее⁶⁵, остаются неполными, поскольку описывая процесс, оставляют за кадром его результат.

Центральный вопрос: а что собственно такое пригород как социальная локальность, как некое сообщество? Является ли он лишь периферией пространства Города, простым «продолжением городского сообщества»⁶⁶, внешним кругом («зоной») городского пространства – областью его территориальной экспансии? Таким пригород предстает в широко распространенной в социальных исследованиях города теории концентрических зон Р. Парка и Э. Берджесса⁶⁷. В равной ли мере можно считать продолжением городского сообщества, например, субурбанизированные пригороды Иркутска и пригородную зону расселения мигрантов из сельских районов на периферии Улан-Удэ? Являются ли продолжением городского сообщества окраины столицы республики, рураризированные выходцами из бурятского села?⁶⁸ Насколько справедливо отнести прилегающую к Иркутску территорию к зоне перспективной экспансии города, если и городская администрация⁶⁹ и региональная власть⁷⁰, и значительная часть городского сообщества выступают против идеи включения городов-спутников и сельской периферии в собственно городское пространство регионального центра? Можно ли предполагать большую или меньшую устойчивость этого пространства, принимая во внимание маргинальность его

⁶⁵ Григоричев К. «Село городского типа»: миграционные метаморфозы пригорода // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2012. С. 422–446.

⁶⁶ Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. С. 7.

⁶⁷ Park Robert E., Burgess Ernest W., McKenzie Roderick D. The City. Chicago: University of Chicago Press, 1925, 1984. P. 50–53.

⁶⁸ Карбаинов Н. «Нахаловки» Улан-Удэ: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город // Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. Хабаровск: Хабаровский научный центр ДВО РАН, Хабаровский краевой краеведческий музей им Н.И. Гродекова, 2006. С. 129–154.

⁶⁹ Стратегия социально-экономического развития города Иркутска до 2025 года (Утверждена решением Думы города Иркутска от 06.07.2012 г. № 005-20-360579/2). С. 66. [Электронный ресурс]: Официальный сайт администрации г. Иркутска: URL: http://ramina.ru/esmi3/files/admirk/strategiy_ser_do_2015_goda.pdf (режим доступа: свободный).

⁷⁰ Градостроительный совет не поддержал идею вернуться к формированию иркутской агломерации. [Электронный ресурс]: Иркутская область. Официальный портал: URL: <http://www.irkobl.ru/events/detail.php?ID=259317> (режим доступа: свободный).

положения, или пригород и его сообщество – лишь временный эффект, возникающий на некоем этапе взаимодействия города и села?

Перечень вопросов можно продолжать достаточно долго, но все они в конечном итоге замыкаются на три ключевые проблемы: где находится пригород, как можно его выделить из городского и сельского пространства, и, наконец, насколько устойчиво это образование. Иными словами, для ответа на вопросы требуется локализация пригорода в пространстве физическом и пространстве социальном. Простая в формулировке, эта задача чрезвычайно сложна в реализации: определение той или иной локальности требует корректного описания пространства и выработки критериев для его структурирования. А попытка решения задачи в измерениях физического и социального пространства приводит к необходимости выработки если не единых, то взаимосвязанных критериев.

Опираясь на опубликованные ранее исследовательские кейсы по развитию пригородных территорий Иркутска, попытаюсь сформулировать свое видение возможных объяснительных моделей складывания социального пространства пригорода. Не претендуя на построение полной теоретической картины рассматриваемых процессов, и понимая некоторую спекулятивность построений, попытаюсь предложить схему, позволяющую говорить о складывании модели пригорода как самостоятельного и достаточно устойчивого социального пространства.

Само понятие «пригород», на первый взгляд, вполне точно задает его пространственную (территориальную) локализацию: на границе города, там, где заканчивается городское и начинается иное пространство, в тоже время, неотъемлемо связанное именно с городом. Однако этот ясный тезис порождает комплекс вопросов, ставящих под сомнение простоту локализации пригорода. Прежде всего, о какой границе идет речь? Совпадает ли граница социального пространства города с его административной чертой? Линейна ли такая граница или представляет собой, скорее, пограничное пространство? Каковы ее преобладающие функции и свойства: насколько она барьерна, а насколько контактна?

Вторая часть тезиса предполагает вопрос о том, что находится за городской чертой? Привычная (даже «клишированная»)

дихотомия «оппозиции города и деревни»⁷¹ предполагает, что эта граница разделяет противоположные пространства Города и Села, модерна и консерватизма, и сразу за городом начинается сельский мир. Но что такое «село» и есть ли место в его пространстве пригороду? Иными словами, представляется закономерным вопрос о том, *по какую сторону сельско-городского водораздела находится пригородное пространство?*

Сложность этого вопроса определяется и расплывчатостью или, по крайней мере, неоднозначностью определения понятия «сельская местность», которое, как показывает Т.Г. Нефедова, обыденно понимается как «то, что не город»⁷². Однако специфика российской урбанизации, переплетение процессов рурализации сельской местности и рурализации малых городов и окраин более крупных городских центров привели к тому, что инструментальная ценность такой оппозиции для исследователя крайне мала: сколько-нибудь четких критериев разграничения «города» и «не города», позволяющих строго классифицировать населенные пункты, не находится. Определение городского поселения по признакам основного рода деятельности и наличия бытовых удобств (прежде всего, канализации) показывает, что в 2000-х гг. 20 % россиян обитали «между городом и селом»⁷³.

Преодолением концептуальной ограниченности дихотомии «город–село» стала разработка концепции сельско-городского континуума, понимаемого как сущностное свойство системы расселения, в которой город и село представляют два полюса, между которыми находится, фактически, неограниченное количество переходных типов поселений⁷⁴. Такой подход позволяет избежать необходимости жесткого определения типа поселения, преодолеть противоречие между формальным статусом и реальной жизнью поселения, однако не позволяет найти в нем место пригорода. Гибкость сельско-городского континуума, протяженность дистанции «между городом и селом» оставляет открытым вопрос о том, где в этом «между» находится приго-

⁷¹ Богданова Е., Бредникова О. Что же находится «вдали от городов»? Предисловие редакторов // Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни. СПб.: Алетей, 2013. С. 5.

⁷² Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 17.

⁷³ Нефедова Т.Г. Указ. соч. С. 23.

⁷⁴ Паицоровский В.В. Сельско-городская Россия. М.: ИСЭПН РАН, 2010. С. 28-30.

род? Действительно, что является пригородом: небольшая деревня, имеющая все внешние признаки сельского населенного пункта и расположенная вблизи города, или рураризированный райцентр, имеющий смешанную производственную сферу (аграрно-индустриальную с элементами экономики услуг), но более удаленный от города?

Проблема разграничения городского и сельского пространства, определения в нем места пригорода, актуальная, прежде всего, для теории урбанистики и практики городского (шире – территориального) планирования, важна не сама по себе. Заметно больший интерес представляет вопрос о взаимосвязи пространства пригорода (прежде всего, пространства физического – *территории*) и его социума; вопрос о влиянии специфики пригородного пространства на характер формирования и жизнедеятельности его сообщества. Постановка такого вопроса определяется, прежде всего, тем, что пригород априорно становится пространством взаимодействия города и села, физические свойства которого неизбежно накладывают отпечаток на повседневность локального социума, набор бытующих здесь экономических, культурных и иных практик. Система преимущественно усадебной застройки определяет специфику организации жилого пространства, серьезно отличающейся от городской. Это во многом детерминирует распределение бюджета вне рабочего времени, в том числе круг «домашних обязанностей». Удаленность от места работы задает необходимость либо согласования индивидуального дневного графика с расписанием общественного транспорта, либо, чаще, развитие «автомобилизации» – распространения не типичной в России ни для провинциального города, ни для села модели «двух авто» в семье.

Словом, если в глобальных масштабах пространство (физическое) все более и более «теряет социальную релевантность»⁷⁵, то в локальном масштабе пригорода оно, напротив, обретает новое значение, прямо или косвенно определяя характер локального сообщества. Здесь специфика физического пространства

---

⁷⁵ Филиппов А. Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы // Логос. 2000. № 2. [Электронный ресурс]: URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_2/09.html#_ftnref22 (режим доступа: свободный).

как формы (по Г. Зиммелю⁷⁶) определяет специфику взаимодействий между населяющими его людьми как наполнения этого пространства. И лишь в процессе и результате наполнения *формы* специфическими взаимодействиями и складывается социальное пространство пригорода, исключаемое из родительских пространств города и села.

Конкретные способы взаимодействия, порождающие особое пространство пригорода, могут быть описаны через концепт практик – рутинизированных не рефлекслируемых действий, составляющих фон (background) повседневности, интуитивно понятных лишь индивидам, органически включенным в определенное социальное пространство. При всей широте и некоторой неопределенности использования термина «практики» в российских исследованиях⁷⁷, именно этот инструмент представляется наиболее удачным для описания механизма складывания нового социального пространства. Возникновение новых и модернизация существующих способов (взаимо)действия, составляет неотъемлемую часть жизни и в особенности там, где соприкасаются разные пространства. Они могут возникать ситуативно, использоваться разово или нерегулярно воспроизводиться отдельными людьми: само по себе их наличие, вероятно, еще не означает формирования нового пространства. Но когда такие практики становятся фоновыми – не осмысляемыми, понятными и оправданными интуитивно как способ действия других членов группы, бытующими сами по себе как некая среда, фон для индивидов, они синтезируют новое содержание, которое создает и новую форму – пространство, новый мир, «при котором» протекает бытие (по Хайдеггеру⁷⁸) группы. Это пространство может быть отрефлексировано, выделено именно через обозначенную систему практик, «чужих» для живущих вне его.

Специфика такой системы практик в формирующемся пространстве пригорода задается, с одной стороны, особенностями физического пространства села, а с другой – возможностями и ограничениями, возникающими в связи с тесным взаимодей-

⁷⁶ Simmel G. Soziologie des Raumes / Georg Simmel Gesamtausgabe. Bd. 7 / Hrsgg. v. Rüdiger Kramme, Angela Rammstedt und Otthein Rammstedt. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1995. S. 132-183.

⁷⁷ Волков В., Хархордин О. Теория практик. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2008. С. 7-8.

⁷⁸ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Margin, 1993. С. 54-56.

ствием с городским миром. Действительно, физическое пространство пригорода, изначально сельское, объективно детерминирует сохранение сельского типа жилого пространства, прежде всего, усадебного расселения и, как минимум, довольно устойчивого подсобного хозяйства. Примером такой детерминации остаются многоквартирные дома в сельских поселениях, у стен которых обрабатываются небольшие огороды. При этом нередко вынесение основной части подсобного хозяйства (включая содержание птицы и даже рогатого скота) на периферию населенного пункта или в зону усадебной застройки, преобладающей в сельской местности. Переориентация хозяйства на снабжение города при этом не меняет характера экономики, а лишь меняет рынок продукции, добавляя один такт (доставку продукции к городскому потребителю) в производственный цикл. Подсобное хозяйство при этом не только не исчезает, но и получает дополнительный стимул к развитию.

Но как только жители пригорода вовлекаются в городскую экономику через смену места работы, традиционная для села «домашняя экономика» начинает стремительно трансформироваться. Фиксированная продолжительность рабочего дня в городе, в сочетании со значительными затратами времени на дорогу к месту работы и обратно, не оставляют времени на ведение подсобного хозяйства. Первоначально происходит отказ от тех элементов домашней экономики, которые требуют не только регулярных (повседневных) затрат времени, но и достаточно продолжительного (несколько дней и более) сезонного отрыва от основной работы (например, для сенокоса). В результате происходит быстрое исчезновение важнейшего элемента сельского образа жизни – содержание различного скота и птицы. Повышение денежных доходов за счет более высоких «городских» зарплат (а зачастую и просто за счет появления денежных, а не натуральных доходов) позволяет компенсировать такое сокращение сферы самообеспечения через покупку соответствующей продукции у соседей, а затем, по мере распространения практики трудоустройства в городе, и в различных торговых заведениях.

В результате происходит замена типично сельских взаимодействий (как с представителями сообщества, так и с физическим пространством), построенных на, преимущественно, не-

денежных отношениях, на иные модели взаимодействия, более свойственные городскому сообществу. Вместе с тем, прямой замены сельской системы практик на городскую не происходит: особенности пригородного пространства оставляют достаточно возможностей для специфических взаимодействий – от покупки продукции подсобного хозяйства у соседей до сохранения части приусадебного участка в формате огорода. Последний выступает в качестве некоего аналога дачи для горожан, но не как особое пространство, вынесенное за пределы повседневности, а как органичная часть ежедневного цикла.

Подобные изменения довольно быстро распространяются и на внеэкономические практики. Уменьшение свободного времени у работающего населения обуславливает необходимость изменения форм организации времени у детей. Сокращение возможностей для непосредственного родительского контроля приводит к формированию широкого репертуара практик организации детского досугового и внедосугового времени: от традиционного для села «присмотра» со стороны пожилого поколения до типично городских «групп продленного дня» в школах, частных мини-детских садов и «школ раннего развития». Причудливо переплетаясь (например, бесплатное содержание в платном мини-детском саду детей «по-родственному»), эти практики порождают специфический комплекс взаимодействий, одинаково близкий и городскому, и сельскому сообществам, но в тоже время дистанцированный от того и другого.

При такой постановке вопроса неизбежно появляется и вторая сторона: *кто наполняет это пространство?* Кто, какие группы выступают активной стороной, *актором* формирования такого комплекса практик? Очевидно, что разные группы приносят в новое (или измененное) для себя пространство разные их наборы: различный предшествующий опыт, включая уровень притязаний и жизненные стандарты, определяют характер выработки новых или адаптацию существующих практик. Векторы социальной и территориальной мобильности в случае миграционного заполнения пригородного пространства (а миграция, безусловно, также является большим комплексом взаимодействий как между индивидами, социальными группами, так и человека с пространством), система связей с «родительскими» и

соседними локальностями, способы и инструменты адаптации, определяют способ включения Пригорода в городской и/или сельский мир либо выделение пригорода из этих пространств. Освоение сельскими мигрантами городских окраин (а иногда и центральных районов), рурализация их повседневности видится продлением мира села в городское пространство. Субурбанизация же, как правило, описывается через призму включения сельского мира в городское социальное пространство, экспансии Города в сельский мир.

Определение ведущего актора процесса формирования пригорода позволяет не только описать специфику его социального пространства через комплекс возникающих здесь практик, но и концептуализировать механизм формирования такой специфики. Именно активная сторона, преодолевая границу между двумя социальными пространствами, формирует основу специфического комплекса практик-взаимодействий, на основе которых складывается новое пространство.

Однако подобный взгляд возвращает к проблеме жесткой дихотомии «Город vs Село», вопросу о линейности и барьерности границы между ними и необходимости ее преодоления. В этом случае, пригород выступает как анклав или даже плацдарм, судьба которого рано или поздно быть включенным в родительское пространство, либо при неблагоприятных условиях исчезнуть, восстановив status quo. Пригород здесь выступает как переходное пространство, переходное и типологически, и хронологически, а потому неустойчивое, временное. В урбанизационной логике вчерашние жители села, перебравшиеся в городские предместья, рано или поздно будут абсорбированы городским социумом, а пригородные поселения – включены в городское пространство в качестве «естественных» районов, не всегда выделяемых административно, но четко определяемых через комплекс специфических характеристик⁷⁹.

Вместе с тем, опыт показывает, что пригород может достаточно долго существовать и как самостоятельное целое, не только не растворяясь в городском или сельском мире, но развиваясь как устойчивое, институализированное пространство субурбии,

---

⁷⁹ Парк Роберт Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. Т. 5. № 1. 2006. С. 7.

фавел, дачных поселков и т. д. Пространство, органично связанное как с городским, так и с сельским миром, но не являющееся ни тем, ни другим. Обширность спектра таких примеров (от субурбий Северной Америки до фавел городов Латинской Америки и Юго-Восточной Азии) позволяет сформулировать **предположение о возможности существования пригорода** не как маргинальной периферии города или села, но как **самостоятельного пространства**, формирующегося и существующего поверх границы города и села. Пространства не переходного и временного, но сбалансированного и устойчивого, в котором преодоление барьерности границы становится основным ресурсом развития.

Устойчивость здесь отнюдь не тождественна статичности. Поскольку пригородное пространство как территория заметно меняется (по крайней мере, в стадии его формирования), а население его складывается и существует через механизмы миграции, подвижность, динамика становится одним из неотъемлемых его свойств. Пригород выступает здесь как пространство движения, но понимаемого не как специфическое пространство путешествующей группы, описанной Г. Зиммелем⁸⁰, но как более емкое понятие, предполагающее разнонаправленную подвижность во множестве измерений. Это и территориальная динамика, в рамках которой зона пригорода разрастается в логике фронтального движения границы между городом и селом; и пространственная динамика населения, связанная как с повседневной миграцией между местом жительства и местом работы, так и со смещением расселения с периферийных частей пригородных сельских районов в зону, непосредственно прилегающую к городу. Подвижность (мобильность) становится неотъемлемым свойством социума пригорода: появление здесь новых социальных групп, их борьба за высокий статус и изменение в связи с этим статуса «коренных» групп социума⁸¹, появление специфической системы отношений и иерархий⁸² делают социальное пространство пригорода не менее динамичным, чем его территорию. Здесь, в

⁸⁰ Филлипов А. Указ. соч.

⁸¹ Григоричев К. «Село городского типа»... С. 442-443.

⁸² Григоричев К. «Гаджики», «нерусские», «гастарбайтеры» и другие: иностранные трудовые мигранты в пригородах Иркутска // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 30.

отличие от классической модели Зиммеля, чужак приходит, чтобы остаться, но остается не чужим⁸³, а присваивает новое для себя пространства как хозяин по праву первооткрывателя. Социальные изменения здесь происходят стремительно, что, как отмечал еще Р. Парк, в целом характерно для сообществ, рост которых обусловлен не преобладанием рождаемости над смертностью, но миграционным притоком⁸⁴.

Представляется, что иркутские пригороды являются примером подобного пространства движения. Развиваясь в последнее десятилетие в логике фронта – подвижной нелинейной границы, они стали не столько барьером между двумя мирами, сколько зоной их непрерывных контактов. Переход от барьерной к фронтальной модели не только изменил систему коммуникаций между городом и селом, но и привел к образованию принципиально нового для региона социального пространства, где происходит довольно быстрое разрушение устоявшихся в исходных пространствах норм и практик (в том числе адаптационных), и складывается благоприятная почва для выработки не свойственных ни городской, ни сельской среде форм взаимодействия. Более того, сама гетерогенность фронтального сообщества, которое в данном случае выступает в качестве принимающего, предполагает расширение комплекса адаптационных механизмов, стратегий, инструментов, поскольку взаимодействие здесь не сводится к традиционной дихотомии «мигранты – местные жители». В этом, постоянно трансформирующемся пространстве, число контактирующих групп велико: это и выходцы из сельской местности, перебирающиеся поближе к крупным городам, и горожане, выезжающие в пригородную зону на постоянное жительство, и различные группы трансграничных мигрантов, и «коренное» население пригородных поселков. Соответственно, кратно умножаются и усложняются адаптационные процессы, которые из привычных двусторонних, становятся многовекторными. Именно многовекторность взаимодействий и обеспечивает формирование особого социального пространства пригорода.

Подвижность, пластичность осваиваемого городом пространства пригорода обуславливает заметно большую готовность его

⁸³ Филиппов А. Указ. соч.

⁸⁴ Парк Роберт Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. Т. 5. № 1. 2006. С. 13.

обитателей к выработке и принятию новых практик взаимодействия, более широкий спектр вариантов развития. Открытость как внешних, так и внутренних границ формирующегося местного сообщества обеспечивает вхождение в него как мигрантов, так и «коренных» жителей пригородных поселений. Такая открытость определяет возможность складывания сообщества, в рамках которого производство «соседства» как дихотомии «горожане vs. деревенские» сменяется производством транслокальности – пространства, где через комплекс брачных, деловых и других отношений взаимодействие нескольких локальностей (города и села) создает новую локальность, связанную со всеми «родительскими», но не принадлежащую ни к одной из них по отдельности⁸⁵. Здесь зиммелевская формула «Граница – это не пространственный факт с социологическим действием, но социологический факт, который принимает пространственную форму»⁸⁶ меняет знак. Изменение границы, ее значения и функций («формы») порождает новый пространственный факт, имеющий социологическое действие, следствием которого становится появление нового пространства.

Важно, что такое новое пространство образуется не в пределах устойчивых миров города и села, но поверх их границы, на стыке традиции и модернизации. Возникает своеобразный «третий мир», существование которого возможно исключительно на границе между городом и селом, благодаря использованию ее в качестве ключевого ресурса. Складываясь за счет трансформации сельского пространства, пригород неизбежно влияет и на развитие города. Вначале это преобразование городских окраин, вызванное появлением новых функций, связанных с обслуживанием транспортных и иных пригородных потоков (что заметно уже сейчас). Со временем, однако, возможны и более глубинные изменения, затрагивающие систему символических ценностей и представлений о престижности, что может привести к существенным подвижкам на рынках жилья, труда и т. д. В итоге новое пространство пригорода включит в себя не только бывшие сельские поселения, прилегающие к границам города, но заметную часть собственно городской территории.

⁸⁵ Appadurai A. *Modernity at Large: cultural dimensions of globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. P. 178-201.

⁸⁶ Цит. по: Филиппов А. Указ. соч.

Процесс трансформации пригородов Иркутска, затрагивающий самые разные аспекты их жизнедеятельности, разворачивается вне всякой связи с целенаправленными усилиями властных или каких-либо иных структур. Истоки такого положения вещей кроются в том, что, будучи расположен на территории сельского района, пригород формально относится к сельскому пространству, каковым по факту уже не является. Для регулирования жизни нового социума необходимы новые «правила игры», которые бы отражали его особенности, что, в свою очередь, требует серьезных изменений в институциональной системе, адаптации ее к происходящим сдвигам.

Структура действующих в стране институтов, набор их функций, задается на уровне федерального законодательства. Но в федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» нет не только ни одного положения, где бы учитывалась специфика пригородных территорий, но и упоминаний о них. Иными словами, в законодательном дискурсе пригорода как особого экономического, социального пространства не существует, и регулирование его жизнедеятельности должно осуществляться в рамках либо сельского поселения/района, либо городского поселения/округа.

Значение данной ситуации не только в демонстрации косности устоявшейся системы управления, негибкости административно-территориального деления, но возможности объяснить целый комплекс управленческих и иных проблем. Именно сохранение административной границы между городом и сельским районом, пусть весьма условной, но порождающей разность их экономического и социального пространств, обеспечивает ту основу, на которой и возникает пригород как транслокальность. Попытка его институализации «сверху» – через введение особого типа муниципальных образований – ликвидирует основную базу для существования такого сообщества. Иными словами, значение неинституализированности пригородного пространства видится, скорее, в том, что она обеспечивает основание для развития пригородного пространства как транслокальности.

Однако с точки зрения практики управления значительно важнее иная проблема: для того чтобы эффективно управлять объектом, необходимо чтобы он был конечен, более или менее

точно очерчен в пространстве физическом и социальном. Отсутствие такой определенности делает невозможным и планирование, и контроль. Определение же границ пригородного пространства, т. е. их институализация, приведет к постепенному исчезновению самого объекта управления.

Сходная проблема встает и перед исследователем: сформулировав тезис о пригороде как транслокальности и привязав его тем самым к границе между городом и селом, необходимо определить пределы изучаемого объекта, исключив из прилегающего пространства. Иными словами, возникает вопрос о протяженности пригородного пространства: *где начинается и где заканчивается пригород?* Где он переходит в собственно город или сельскую местность? Какие критерии позволяют очертить если не границу, то ареал пригорода?

Анализ с этой целью маркеров физического пространства обречен на неудачу в силу относительности всех возможных критериев. Расстояние до города от пригородных поселений нивелируется возможностями транспорта: при равной удаленности от административной черты города «ближе» к нему оказываются территории, по которым проходит железная дорога. Однако отмена электричек даже при сохранении железной дороги, автоматически уменьшает доступность города для жителей соответствующей территории. Время транспортной доступности определяется дорожной инфраструктурой и характеристиками транспортных средств (одно обеспечивает 30-минутную доступность, другое – только часовую). В результате районы, населенные более состоятельным населением и, соответственно, располагающим более высокотехнологичным транспортом оказываются «ближе» к городу, нежели районы со сходным расположением и дорожной инфраструктурой, но населенные менее респектабельными группами. Интенсивность повседневных (маятниковых) миграций корректируется развитием локального рынка труда и распространением системы удаленной занятости; разница в бытовом комфорте нивелируется современными технологиями, которые позволяют обеспечить бытовые удобства жилья не ниже городских не только в пригороде, но и в сельских поселениях. Таким образом, попытка определения «внешних» (от города) границ пригорода через те или иные свойства физи-

ческого пространства приводит лишь к пониманию относительности любых критериев. В этой относительности есть и другая сторона: часовая доступность до делового центра Иркутска вполне выводит за пределы прилегающего к городу Иркутского района в совершенно сельскую местность Усть-Ордынского Бурятского округа и Усольского района, тогда как, например, в Новосибирске и тем более Москве, такая доступность возможна лишь с городской периферии.

Более того, если граница пригорода и сельского пространства все же может быть обозначена (например, методами визуальной антропологии по архитектурному ландшафту – при понимании всей условности такого маркирования), то поиск рубежа пригорода и города еще более затруднен. Административная граница, обозначенная дорожным знаком или иными указателями, зачастую противоречит окружающей картине: сколько-нибудь заметного изменения архитектурного, экономического и любого другого визуально наблюдаемого ландшафта не происходит. Окраины города оказываются тесно включенными в экономику пригорода, в его торговую, производственную, развлекательную инфраструктуру. Иными словами, граница города и пригорода может быть нелинейной, не визуализированной, размытой настолько, что само ее определение в пространстве почти невозможно.

В этой ситуации, когда определение границ физического пространства пригорода крайне затруднительно, мне представляется возможным поиск границ пространства социального, через которое станет возможным очертить и территориальный ареал пригорода. Отталкиваясь от тезиса о возникновении пригорода как особого пространства вследствие наполнения его специфическими взаимодействиями, его границы можно определить через распространение системы таких взаимодействий. В этом смысле пригород заканчивается там, где система взаимодействий индивидов или групп становится преимущественно гомогенной (городской или сельской), основанной на городских, либо сельских практиках.

Такой подход позволяет преодолеть обозначенную выше относительность маркеров физического пространства: господство в том или ином населенном пункте типично сельских практик

исключает его из пригородной зоны, несмотря на любую территориальную близость к городской черте. И, напротив, распространение специфических, основанных на синтезе городских и сельских практик в удаленном от города поселении, его включение в городскую повседневность, позволяет отнести его к пригородному пространству. Аналогичным образом городские районы, включенные в повседневность внегородского (находящегося за административной чертой города) пространства становятся неотъемлемой частью пригорода.

Таким образом, пригород может быть концептуализирован как транслокальное пространство, возникающее поверх административной границы между городом и селом. Возникновение такой транслокальности возможно, когда административная черта города детерминирует существенные различия экономического, культурного, правового etc. полей социального пространства. Для российских регионов вообще, и Иркутска в частности, такая разность задается экономическими различиями (налоговыми и тарифными), отличиями в системе муниципального (локального) управления, возможностями организации жилого пространства и т. д. Возникающие на базе эксплуатации этих различий практики, формируют специфическое социальное пространство, в равной мере включенное в городской и сельский мир, но не тождественное им. Ареал (протяженность) пригорода, его внешние и внутренние границы могут быть определены как городские и внегородские территории, взаимно включенные в повседневность друг друга через систему специфических, основанных на синтезе городских и сельских, практик. Обе обозначенные границы имманентно подвижны и пластичны, что определяется динамичностью пространства пригорода. В свою очередь, это обуславливает постоянный синтез новых и модификацию существующих практик, связанных с эксплуатацией сельско-городских различий как основного ресурса жизни сообщества.

1.4. Сельско-городская миграция в Республике Бурятия и развитие пригородной зоны Улан-Удэ в 1989–2012 гг.

Одним из важнейших процессов в постсоветской Бурятии стал рост сельско-городской миграции, в которой основной, если не единственной точкой притяжения сельских мигрантов стала столица республики – Улан-Удэ. На фоне быстрого сокращения населения региона, число жителей города продолжает расти: с 1989 г. по 2010 г. официальная численность жителей Бурятии сократилась с 1038,2 тыс. до 972,0 тыс. человек (на 92,5 тыс. человек), а численность Улан-Удэ увеличилась с 352,5 до 404,4 тыс. чел. (на 51,9 тыс. чел.)⁸⁷. Сельчане продолжают прибывать в столицу, приобретая, арендуя жилье, а иногда и незаконно захватывая земли⁸⁸.

Следствием масштабной урбанизационной миграции, объем которой превосходит отток населения Улан-Удэ в другие регионы страны, стал быстро растущий спрос на земли в черте города. В городской черте практически не осталось территорий, которые, во-первых, подходили бы для индивидуального жилищного строительства, а во-вторых, что особенно важно, были относительно доступными с финансовой точки зрения. В этой ситуации мигранты все чаще обращают внимание на пригородные территории, которые оказались для них доступной альтернативой отдаленным городским районам.

Массовый приток переселенцев стал мощным фактором трансформации повседневности пригородных поселений, что порождает широкий спектр исследовательских вопросов. Что представляет собой пригородная зона Улан-Удэ? Как изменились местные сообщества в результате притока мигрантов? Ка-

---

⁸⁷ Численность и размещение населения Республики Бурятия: стат. сб. № 02-03-13 // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. Улан-Удэ, 2012. 82 с.; Численность населения Бурятской АССР, ноябрь 1990 г. Улан-Удэ, 1990. 34 с.

⁸⁸ Бреславский А.С. Сельско-городская миграция в постсоветской Бурятии: практики расселения в Улан-Удэ // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Отгис, 2010. С. 132-155; Карбаинов Н.И. «Нахаловки» Улан-Удэ: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город // Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. Хабаровск: Хабаровский научный центр ДВО РАН, Хабаровский краевой краеведческий музей им Н.И. Гродекова, 2006. С. 129-154.

кого рода количественные и качественные трансформации сегодня протекают в них?

Исследование базируется на материалах нарративных и фокусированных интервью (всего 23 интервью), включенного наблюдения (2010–2013 гг.), а также официальной статистики (численность и размещение населения) по пригородным селам. В качестве исследовательских кейсов выступили села Нижний Саянтуй (второе название – Вахмистрово), Сужа, Нурселение, Поселье и Эрхирик. Их выбор определялся главным образом нашими организационными возможностями, но вместе с тем опирался и на другие важные обстоятельства. Во-первых, такого рода выборка позволила рассмотреть ситуацию в разных географических и административных частях пригородной зоны Улан-Удэ: три поселения расположены на западе городского округа (Поселье, Сужа, Нурселение – Иволгинский район), одно – на юге (Нижний Саянтуй – Тарбагатайский район), третье – на северо-западе (Эрхирик – Заиграевский район). Во-вторых, дала возможность определить зависимость между миграционной привлекательностью отдельных пригородных поселений и тем административно-экономическим значением, которое они имели в советские годы. Наконец, третье важное обстоятельство: все пять кейсов расположены на самых границах городского округа – находятся на линии соприкосновения города и сельских районов. Именно здесь взаимодействие сельского и городского, «встреча» города и села происходила и происходит наиболее интенсивно, наиболее отчетливо проявляются эффекты формирования новой пригородной жизни и новых «сообществ пригородного типа».

Пригородная зона Улан-Удэ формируется территорией сельских районов: Заиграевского, Иволгинского, Тарбагатайского и Прибайкальского⁸⁹. В непосредственной близости (в пределах 30 км от центра города) расположены поселения только первых трех районов, насчитывающих 21 населенный пункт. Более по-

⁸⁹ Основные виды хозяйственной деятельности в этих районах – животноводство, растениеводство, туризм. Более подробную характеристику районов см. на официальных сайтах: Официальный сайт Заиграевского района [электронный ресурс]: URL: <http://www.admzgr.e-baikal.ru> (режим доступа: свободный); Официальный сайт Иволгинского района [электронный ресурс]: URL: <http://www.ivolginsk.info> (режим доступа: свободный); Официальный сайт Тарбагатайского района [электронный ресурс]: URL: <http://www.tarbagatay.burnet.ru> (режим доступа: свободный).

ловины из поселений (12) расположены в Иволгинском районе, 6 – в Тарбагатайском и 3 – в Заиграевском. Суммарная численность населения в них, по данным Всероссийской переписи 2010 г., составляет чуть более 37 тыс. чел.⁹⁰, то есть примерно 9 % от общей численности Улан-Удэ на этот год (404,4 тыс. чел.⁹¹). Численность жителей этих населенных пунктов за 1989–2010 гг. увеличилось почти в 2,2 раза в то время как официальная численность Улан-Удэ – лишь на 15 %.

Критерий удаленности от города на 30 км является весьма условным для выделения пригородной зоны. Многие жители более удаленных от города сел и поселков, также вовлечены в ежедневную трудовую маятниковую миграцию со столицей республики и, возможно, рассматривают свои села как пригородные. Однако полевые исследования показывают, что в радиусе 30 км к настоящему времени наиболее интенсивно происходят процессы демографического и территориального роста. В поселениях, которые расположены на большем удалении, эти тенденции значительно менее выражены, их связь с Улан-Удэ слабее, что позволяет обозначить территорию, включающую упомянутые 21 населенный пункт, «пригородной зоной Улан-Удэ».

Наиболее быстрыми темпами среди выделенных населенных пунктов росли Поселье и Нур-Селение, в которых зарегистрированное население выросло за 1989–2010 годы в 19 и 13 раз соответственно. В шести поселениях (Ошурково, Дабата, Улан-Иволгинский, Саратовка, Красноярово, Николаевский) этот рост был незначителен (до 8 %), а в трех (Тапхар, ст. Санятуй, Верхний Саянтуй) – вообще было зарегистрировано сокращение численности местных жителей. В остальных же поселениях рост населения составил от 75 до 660 %. Показатели эти, безусловно, сложились главным образом за счет миграционного прироста.

Все представленные поселения серьезно отличаются друг от друга по административному статусу, уровню развития социально-бытовой инфраструктуры, транспортной доступности, расстоянию до города и пр. Среди них есть центр сельского района (Иволгинск), и небольшие улусы (Улан-Иволгинский,

---

⁹⁰ Численность и размещение населения Республики Бурятия: стат. сб. № 02-03-13 // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. Улан-Удэ, 2012. 82 с.

⁹¹ Там же. С. 9.

Дабата, Нарын-Шибирь), есть относительно развитые в смысле инфраструктуры поселения (Сотниково, Эрхирик, Нижний Саянтуй) и те, в которых и сегодня нет каких-либо государственных социальных учреждений (школы, детсады, поликлиники и т. п.). Большая часть этих населенных пунктов возникла в XX в. при колхозах, совхозах и их отделениях, при учхозах, небольших промышленных предприятиях, а также вдоль линии железной дороги. После распада системы государственной поддержки сельского хозяйства, все сельскохозяйственные предприятия в них постепенно были закрыты, местное население начало осваивать улан-удэнский рынок труда.

Все пригородные поселения, о которых идет речь, вплоть до середины – конца 1990-х гг. были относительно замкнутыми поселениями «сельской Бурятии» и не являлись «пригородами» Улан-Удэ в том качестве, в котором они воспринимаются сегодня. Практически все они представляли собой достаточно типичные одноэтажные слабо урбанизированные сельские населенные пункты, жители которых вели сельский же образ жизни с характерными для него сферами деятельности (животноводство, приусадебное хозяйство и пр.); преобладающей была и «сельская» идентичность. Пригородом рассматриваемые села считались номинально, сугубо географически. С начала 2000-х гг. в связи с удорожанием городского жилья, земель и отсутствием свободных территорий внутри городского округа, они стали приобретать все больший интерес среди переселенцев из сельских районов. Географическая близость к городу, долгое время остававшаяся неактуализированным ресурсом, приобрела здесь высокое символическое значение.

Произошедшие изменения привели к формированию двух значимых тенденций. С одной стороны, в связи с высокой миграционной привлекательностью этих территорий трансформировалась структура местных сообществ, видоизменился облик рассматриваемых поселений. Мигранты начали воспроизводить здесь пригородный образ жизни, связанный с маятниковыми перемещениями «пригород – город – пригород». С другой стороны, еще с начала 1990-х гг. ориентация «на город» стала определять трудовые и прочие практики самого местного населения, что повлияло и на его идентичность.

Кто осваивает пригороды Улан-Удэ?

Кем же являются мигранты в пригородах современного Улан-Удэ? Каковы их миграционные мотивы, ожидания, стратегии расселения и адаптации? Как складываются отношения переселенцев и коренных жителей? В ходе исследования выяснилось, что речь идет о двух значительных группах: сельских жителях, переехавших «поближе к городу», и горожанах, которые предпочли квартире (дому) жилье в сельском пригороде.

Мигранты из сельской Бурятии. Для сельских жителей переезд в Улан-Удэ и его пригороды за последние двадцать лет стал широко распространенной практикой. «Единственный город республики» обладает для них огромной миграционной притягательностью. Между тем по пути в «Город» часть из них встречает непреодолимые финансовые барьеры, вынуждающие их «остановиться» в пригородах. Покупка небольшой однокомнатной квартиры в «околоцентральных» районах города обходится сегодня в среднем в 1,5–1,8 млн руб., а ее аренда – в 8–12 тыс. рублей в месяц. В пригородных поселениях Улан-Удэ на эти деньги можно купить участок земли и построить на нем два одноэтажных дома среднего размера. Аренда жилья обходится здесь в два раза дешевле найма квартиры в городе. Во многом именно по финансовым причинам многие сельские мигранты оседают в пригородных поселениях, сохраняя при этом трудовую ориентацию на Улан-Удэ.

Освоение сельскими мигрантами пригородных территорий началось еще во второй половине 1990-х гг., а к середине 2000-х гг. оно стало приобретать все более систематический характер и заметные масштабы. Не в последнюю очередь на это повлиял успех первой волны переселенцев из села. Наибольшую же интенсивность процессы заселения пригородных территорий Улан-Удэ приобрели во второй половине 2000-х гг. В это время среди переселенцев в пригородные поселения вместе с новоприбывшими селянами начинают появляться мигранты из сельских районов республики, прожившие несколько лет в Улан-Удэ. Однако сельские мигранты составляют не менее половины новых жителей, а зачастую и подавляющее большинство в каждом из изученных поселений. *«Обеспеченные люди, наверное, не будут сильно стремиться в Поселье или в Солдатский, будут вы-*

бирать более элитные районы. Например, в нашем ДНТ есть люди, которые в городе раньше жили, но они не были слишком богатыми, примерно у нас был схожий, наверное, уровень. Но городских мало – единицы. У нас в ДНТ примерно 95 процентов сельчан приезжих» (информант, 32 года, ДНТ вблизи Поселья, 2013 г.).

Такая ситуация характерна в целом для пригородных поселений всего Левобережья Селенги. Здесь можно найти семьи не только из Иволгинского, но и других сельских районов: *«Много их, много. Из Агинского, Хоринского, из Кижинги, из Курумкана (сельские районы Бурятии. – Прим. авт.). Хотят люди поближе жить. Потому что, во-первых, учеба. Во-вторых, работа. Потому что обеспечение у нас здесь рабочими местами намного выше, чем там»* (информант, 36 лет, с. Нижний Саянтуй, 2010 г.). *«В нашем ДНТ несколько есть землячеств таких. Есть тункинские. Где-то, наверное, 15 (семей – прим. авт.). Есть курумканское землячество. Их не меньше, даже, может, больше. [...] Они меж собой в основном родственники-земляки. В свое время друг другу информацию передавали, занимали земли»* (информант, 32 года, ДНТ вблизи Поселья, 2013 г.).

Подавляющая часть приезжих сельчан – люди со средним достатком и ниже среднего. Финансово обеспеченных выходцев из села в пригородах – единицы, обыкновенно, они строят жилье в более привлекательных микрорайонах в черте города. Мало и очень бедных семей, которые годами находятся на грани физического выживания, проживая в небольших домиках до 30 кв. метров и имея совокупные доходы в семье до 10–15 тыс. рублей в месяц. Однако основная часть новых жителей пригорода – это семьи со средним доходом (от 20–25 до 30–35 тыс. в месяц), что определяется минимальными расходами на обустройство. Об уровне доходов многих семей свидетельствует тот факт, что большая часть участков в пригородных селах в 1990-е и вплоть до конца 2000-х гг. были захвачены и застроены самовольно. Как говорят сами информанты, это было сделано не только потому, что такой захват допускала ситуация, но и «от (финансовой) безысходности».

В городе сельским мигрантам необходимо было заново выстраивать свои социальные и профессиональные связи, свя-

занные с поиском работы. Многие из них в 1990-е гг. начинали свою трудовую деятельность в Улан-Удэ с должностей, обычно не требующих высокой квалификации: продавцы, водители, охранники, строители и т. п. Части из них удавалось найти работу, соответствующую их прежней профессии. Многие сельские учителя стали преподавать в городских школах, а врачи – получили работу в медицинских учреждениях. Ситуация переезда подталкивала «новых горожан» более активно искать работу, быть более мобильными и менее притязательными, нацеленными на результат.

Значительное количество мигрантов сельского происхождения, которые поселились в исследуемых пригородах Улан-Удэ в 2010–2012 гг., имеют высшее образование и 10–15 летний опыт жизни в Улан-Удэ. Среди новых жителей-сельчан уже можно обнаружить представителей самых разных профессий: *«Приезжие люди они очень конкурентоспособными становятся, они нацелены на результат, очень активно ищут работу, очень быстро адаптируются к новым условиям, достаточно быстро устраиваются. Приезжие люди быстрее устраиваются, чем местные – городские. Жизнь заставляет. [...] При этом, если человек уже сформировался как личность, его менять достаточно сложно. Если они переехали с деревенским, так скажем, уровнем в кавычках, то они вряд ли смогут устроиться на высокие должности, если они раньше не занимали высокие должности [...] Высшее образование в основном имеют, но применяют по-разному. Есть финансисты, есть экономисты, которые в свободном плавании, занимаются коммерцией. Говорят, “я не буду работать на этой рабской работе, когда буду 15 тысяч получать и пахать с утра до вечера без выходных. Лучше я буду заниматься коммерцией”. Есть медики, есть судьи даже, есть сотрудники вневедомственной охраны, есть строители, как раз дома строят. Есть люди, которые там держат магазины, есть люди, которые работают в МЧС, в Федеральной регистрационной службе, есть люди, которые работают учителями, воспитателями, есть люди, работают в Ростелекоме, в Байкалфарме⁹² водителями, есть рабочие с ЛВРЗ⁹³. Есть ша-*

⁹² Вино-водочная компания в Улан-Удэ.

⁹³ Локомотивовогоноремонтный завод – крупнейший в городе.

ман, очень популярный – очень много машин (к нему) стоит. Есть ламы. Преподаватели, сотрудники вузов» (информант, 32 года, ДНТ вблизи Поселья, 2013 г.).

По национальному составу в структуре сельских мигрантов, обосновавшихся в пригородах Улан-Удэ за последние 10–15 лет, преобладают буряты и русские. Численно преобладает бурятское население, особенно в поселениях Левобережья Селенги (Суже, Нур-Селении, Поселье): «По этническому составу можно так разграничить. Были изначально старожилы, которые строились и жили [начиная с 1990-х гг. это в подавляющем большинстве буряты. – А. Б]. В процессе идет такое, что эти люди продают дома, приезжают новые жители. Изначально девяносто с лишним процентов были буряты. Сейчас идет другая тенденция. Выкупают русские, и русских становится больше. Процентом 10–15 уже есть» (информант, 32 года, ДНТ вблизи Поселья, 2013 г.).

В возрастной структуре сельских мигрантов выделяется группа от 30 до 45 лет и старше. Заселяются в подавляющем большинстве семьями от 3–4 человек и более. С парами среднего возраста и их детьми часто живут родители, которых после обустройства на новом месте забирают из деревни. И если среди коренных жителей пригородных сел, проживающих в них с советских лет, есть те, кто живет в одиночестве (допустим, пенсионер, дети которого живут в другом населенном пункте), то среди новых мигрантов такая ситуация крайне редка. Пригород заселяется именно семьями. Это характерно и для второй значимой группы новых жителей – самих горожан.

Мигранты из города. Переезд жителей Улан-Удэ в село – количественно менее выраженная практика. Отсутствие точных регистрационных данных на этот счет не дает возможности для статистического анализа. Материалы интервью и включенного наблюдения позволяют предположить, что доля городских мигрантов в не городских пригородных поселениях Левобережья Селенги не превышает 5–15 %. Вместе с тем постоянно увеличивающаяся плата за коммунальные услуги, желание жить в более благоприятных экологических условиях, «на земле», иметь большую жилую площадь ежегодно подталкивают часть горожан к переезду в близлежащие села и поселки. Часть из обеспе-

чивает на новом месте комфортные условия для жизни, сопоставимые с «городскими», у других – не получается выйти за рамки «сельского минимализма». Кто-то из горожан строит в пригороде основательный коттедж (на сотню домов таких единицы), а кто-то вынужден жить в более стесненных жилищных условиях, нежели ранее. Так или иначе, пригороды не стали местом массового прибытия финансово успешных улан-удэнцев.

Больше всего горожан, по нашим данным, поселилось в с. Нижний Саянтуй (Вахмистрово) и в окружающих его ДНТ. Буквально за последние 3-4 года (2009–2012 гг.) практически вся доступная для строительства территория вокруг этого пригородного села в Тарбагатайском районе была занята под участки и застроена. Люди селились как в самом селе, так и на новых смежных с ним территориях, которые застраивались в форме ДНТ (ДНТ «Селенга», «Космос», «Багульник», «Жарки», «Ромашка» и др.):

«Переезжают либо городские, либо районники (жители сельских районов Бурятии. – А. Б.). Там 50 на 50. Вот, допустим, наша улица, которая новая расстроена, ул. Дружбы. У нас городских: раз, два, три, четыре... Ну, да, где-то 50 на 50. А вообще новые жители начали появляться в 2007–2008 гг., в последнее пятилетие. С 2008 г. началось активное строительство, расширение площади (села. – Прим. авт.). Было распоряжение правительства, чтобы земли не пустовали. Либо переводить в ДНТ, либо лично раздавать. То есть на наших жителей полагалось определенное количество земли на каждого человека. Для того, чтобы семья в перспективе расстраивалась. Гектаров очень много пустовало. [...] У нас на улице за прошлое лето построилось десять домов из шестидесяти участков. Часть семей из города переехали, потому что там дорого жить, квартира снимается дорого, часть из районов приехали. Купили здесь участки. Они в основном покупают здесь участки у местных, в большинстве случаев. [...] Участки здесь либо по объявлениям продаются, либо на торгах. Люди созваниваются. Это вполне реально» (информант, 32 года, с. Нижний Саянтуй, 2010 г.). «Если человек, допустим, переезжает из других районов, например, с Селенгинского, то они, конечно, в пригород поедут, не в Тарбагатай (районный центр Тарбагатайского района. –

Прим. авт.). Даже из Тарбагатая сюда едут. Из Тарбагатая в Улан-Удэ дорого ездить. Не сильно наездишься. В Тарбагатае кто живет, они там и работают, сельским хозяйством занимаются. У нас сосед с Селенгинского района переехал. Купил участок, построил дом. У нас с разных районов. Я вам говорю, ареал очень большой» (информант, 36 лет, с. Нижний Саянтуй, 2010 г.).

Территориальный анализ показывает существенные различия в расселении мигрантов из города и сельских районов в пригородной зоне. Поселения Левобережья Селенги заселяются преимущественно сельскими жителями, доля горожан там не превышает 5–15 %. В с. Нижний Саянтуй и окружающих его ДНТ, по данным интервью, число переселенцев из города несколько больше, но их доля по сравнению с сельскими мигрантами все также мала. Схожая ситуация в с. Эрхирик Заиграевского района, однако и приток мигрантов сюда заметно меньше. Эрхирик растет преимущественно за счет расширенного воспроизводства местных семей, а также немногочисленных горожан и сельчан, которые работают в районе п. Восточный (Авиазавод) и в целом в Железнодорожном районе. Граница Эрхирика с Улан-Удэ находится в северо-западной части городского округа, наиболее отдаленной от общегородского центра (20 км), именно поэтому он не пользуется большой популярностью среди тех, кто переезжает в Улан-Удэ.

«Новые жители стали прибывать в основном в последние пять лет. Сначала это, главное, были малообеспеченные, бомжеватые такие улан-удэнцы, которые не могли обеспечить себе жизнь в Улан-Удэ. Теперь, мы видим, стали строить дома-коттеджи богатые, более-менее обеспеченные улан-удэнцы. [...] Много кто из приезжих в уже построенных домах живет, в аренду, кто покупает. Вот в Шанхае (район индивидуальной застройки на въезде в село. – Прим. авт.) постоянно люди меняются, приезжают-уезжают» (информант, 47 лет, с. Эрхирик, 2010 г.). *«На улицах этих, новой застройки, 40–50 домов, живут в основном местные семьи, дети местных жителей, а также городские. Меньше выходцев из других районов и из самого Заиграевского района. Но есть, кстати, семьи из Курумканского,*

Баргузинского, Еравнинского районов. Но их мало» (информант, 45 лет, с. Эрхирик, 2010 г.).

Соотношение мигрантов постсоветской волны и местного населения, проживавшего в исследуемых пригородных поселениях с советского времени, тоже разное. В селах Иволгинского района, особенно в Нурселении и Поселье, население которых увеличилось по официальным данным в 13 и 19 раз соответственно, число мигрантов заметно больше числа местных жителей.

«В начале девяностых годов, я здесь давно живу, здесь, вон там, в деревне было от силы 15 семей. А сейчас сколько? Очень много переехало, новые семьи, отовсюду едут, много из района нашего, но и из других едут, много семей. Ну, в основном сельские. Сельских больше, чем из города. Хотя и из города есть» (информант 51 год, с. Нурселение, 2010 г.).

Обратная ситуация сложилась в с. Нижний Саянтуй и Эрхирике, которые к концу советского периода представляли собой достаточно крупные села. Эрхирик до сих остается относительно «законсервированным» – количество коренных жителей здесь кратно выше числа приезжих. В Нижнем Саянтуе, без учета окружающих его ДНТ, ситуация сходна: количество приезжих сельчан и горожан здесь хоть и больше, чем в Эрхирике, но с числом местных жителей пока не сравнимо. Приезжие иногда выкупают у местных дома с участками и обустривают их, но пока такая практика широко не распространена. Во-первых, местные жители заинтересованы в сохранении своего жилья, их в основном устраивает жизнь в своем пригородном селе, а, во-вторых, для приезжих до последнего времени было более выгодным приобрести участок и построить дом в окружающих село ДНТ. Во многом именно поэтому в Эрхирике и Нижнем Саянтуе сохраняется прежняя «деревенская атмосфера улиц».

Мигранты из других регионов страны и зарубежья. Среди жителей пригородных сел на момент обследования сколь-нибудь значительного числа иностранных мигрантов, равно как и переселенцев из других субъектов России, выявлено не было. Только в одном из интервью речь зашла о постоянно проживающем в пригородном поселении узбеке:

«Иностранные мигранты не живут. Один только узбек живет в нашем ДНТ, он, так скажем, сожительствует с местной.

И он считается местным, потому что он к себе уже не ездит, сколько я знаю о нем, не ездит» (информант, 32 года, ДНТ вблизи Поселья, 2013 г.).

Мигранты и местные жители. Отношение коренных жителей к приезжим «соседям» было и остается в целом относительно нейтральным.

«Мне, в общем-то, дела нет, кто приезжает. Лишь бы спокойно себя вели, работали. Властям нужно статистику вести, у меня другая работа» (информант, с. Эрхирик, 34 года). *Сейчас совсем мало кого знаю. Они ведь, кто приезжают, в основном не вливаются в местную жизнь, в город ездят: утром уехал, вечером приехал* (информант 42 года, с. Нурселение). *Это специфика пригорода, мне кажется. Все ориентированы на город, Улан-Удэ, местная жизнь мало кого интересует. В принципе и почему она должна интересоваться? Вот те, у кого дети есть, здесь учатся, им надо с учителями знакомиться, с общественностью. А так в целом, пробурил скважину себе и можешь не выходить за забор. Я на своей улице так несколько людей знаю, надо бывает по бытовым делам, а так в целом никого здесь практически и не знаю. И меня никто не знает. Здесь и не нужно. Это нормально»* (информант, 51 год, с. Эрхирик).

Такая позиция, вероятно, связана с тем, что переселенцы ведут типичный для местных поселений образ жизни, имеют сопоставимые доходы, в целом не конкурируют с местным населением на сельском рынке труда и т. п. В результате каких-либо значимых оснований для консолидации «приезжих» против «местных» и наоборот не возникает. Усложнение национального состава населения, ранее этнически гомогенного⁹⁴, также не привело к сколь-нибудь острым конфликтам. На это влияет пригородное положение поселений, подталкивающее местных жителей более лояльно относиться к приезжим.

«У нас вообще по району иностранных мигрантов практически нет, потому что у нас семейский район вообще. И он не примет приезжих. Если некорректно сказать, то еще два-три года назад здесь даже бурятского населения не было. Это почти не приемлемо. То есть не принято. Но сейчас, конечно,

⁹⁴ В частности, по данным переписи 1989 г. «численно преобладающей национальностью» в с. Нурселение, Суза, Эрхирик были буряты, а в с. Нижний Саянтуй – русские.

более-менее лояльно. У нас из-за того, что пригород может еще и приезжают. Могу процитировать слова местного жителя: понаехали сюда! Что б им пусто было! И так далее. То есть там идут нелитературные слова. Это негатив, это им не нравится. Они даже приезжих русских, тех, что купили здесь участок, называют олигархами, зажравшимися, миллионерами. Как только нас не называли. А то, что люди продали что-то, залезли в кредит, чтобы улучшить жилищные условия, это – не важно» (информант, 43 года, с. Нижний Саянтуй).

Таким образом, основным источником освоения пригородных территорий стала миграция из села, а главными участниками – сельские мигранты, что определило основные тенденции в развитии пригородных поселений Улан-Удэ в постсоветский период.

Инфраструктура и внешний облик

Массовое заселение пригородных поселений Улан-Удэ в постсоветский период не могло не отразиться на их внешнем облике. Расширение местных сообществ, пополнение их новыми жителями, актуализация их пригородной связи с городом повлияли на характер локальной жизни, на быт, архитектуру и инфраструктуру поселений. К концу 1980-х гг. это были типичные села Бурятии. В Суже и Нижнем Саянтуе располагались управления совхозов, в Нижнем Саянтуе и Эрхирике – сельсоветы, в Поселье – учхоз, Нурселение оставалось небольшой деревней. Они были застроены одноэтажными деревянными домами с участками усадебного типа.

На момент исследования (2010–2013 гг.) все они в разной степени изменились. Нижний Саянтуй (Вахмистрово) и Эрхирик, которые к началу 1990-х гг. уже были относительно крупными и сложившимися поселениями, в целом сохранили свой прежний облик. Небольшие Поселье и Нурселение растворились в массивах новой застройки. В селе Сужа, зоны новой и старой застройки пока вполне сопоставимы.

«Здесь вот [в Нурселении. – А.Б.] в старой деревне было от силы десять-пятнадцать домов. А потом как начали строить! Особенно вот в последние годы очень много появилось домов, новых приезжих. Сами жители мало строят, в основном приезжие. В итоге было десять домов, а стало сто-двести. Очень расширился поселок и население тоже» (информант, 42 года, с.

Сужа, 2010 г.). *«Мы когда с мужем ездили здесь в округе (по селам Нижневолгинского поселения. – Прим. авт.), смотрели дома, участки на продажу, столько оказалось новых домов! Всё сплошь новые дома, свежие стоят, едешь – они везде! Стоят, стоят, стоят. Вечером легла, закрыла глаза, и как вот после леса с ягодами и грибами, в котором весь день проходила, одни только свежие срубы перед глазами стоят. Потому что это эффект большой налаживает, когда приезжаешь и будто не ожидаешь, а здесь столько новых домов понастроено. Они – везде. Просто удивляешься»* (информант, 27 лет, с. Нурселение, 2010 г.).

Формирующийся архитектурный ландшафт в пригороде вполне однороден: большинство жилищных построек выполнены из дерева и сохраняют утилитарный «деревенский» стиль. Дома мигрантов в большинстве случаев не носят характер «временного жилья» и построены «по-хозяйски». До конца 2000-х гг. среди новостроек практически отсутствовали многоэтажные дома (от 2 этажей и выше). Все постройки были выполнены из дерева, отсутствовали кирпичные дома и коттеджи. Основной формой остается одноэтажная «четырёхстенка» из бруса или «кругляка». В основном дома строились из нового материала, купленного в Улан-Удэ. Сельчане редко «перекатывали» свои дома из деревень, поскольку это финансово невыгодное решение, в особенности для семей из отделенных от Улан-Удэ районов. Вместе с тем такие перекатанные дома с нумерованными бревнами все-таки можно встретить.

Обустройство новой семьи в пригороде начиналось не с дома, а с участка под строительство. Значительная часть таких участков занимались и обустраивались самовольно. Целые улицы и кварталы жилых домов возводились без официального разрешения местной администрации и контрольных органов и без каких-либо документов, подтверждающих право собственности на земли и дома. «Дачная амнистия», начатая в 2006 г.⁹⁵, отчасти

---

⁹⁵ Федеральный закон Российской Федерации от 30.06.2006 № 93-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросу оформления в упрощенном порядке прав граждан на отдельные объекты недвижимого имущества». [Электронный ресурс]: Официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=149964> (режим доступа: свободный).

решила эту проблему, но одновременно спровоцировала еще более массовый незаконный захват пригородных земель, которые благодаря указанному закону можно было легализовать, включившись в то или иное ДНТ. Сегодня в каждом из трех пригородных районов, которые мы рассматриваем в исследовании, можно найти такие ДНТ. Все они расположены вблизи пригородных сел, часто граничат с ними настолько, что не всегда понятно, где эта граница проходит: *«Невозможно определить границу между Солдатским, который относится к городу, и нашим ДНТ, относящимся к Иволгинскому району. Там нет вывесок, ничего. Просто город и город. Одна улица резко переходит в другую»* (информант, 32 года, ДНТ, вблизи Поселья, 2013 г.).

Тем не менее, «дачная амнистия» позволила перевести процессы застройки в более организованное русло, упорядочить их, обеспечить правовое сопровождение застройки пригородных территорий. Руководство ДНТ организует электрификацию территории, засыпку дорог, уборку территории, решение прочих общих бытовых проблем, которые не позволяло решить индивидуальное жилищное строительство. Наиболее острыми среди них остаются электрификация и водоснабжение, транспортная доступность, дошкольное и школьное образование, медицинское обслуживание и охрана правопорядка.

Если электрификация и водоснабжение после организации ДНТ проводятся коллективно, что заметно упрощает решение этих проблем, то проблема транспортной доступности с каждым годом становится все более острой. Уже с начала 1990-х гг., когда начала выстраиваться ориентация на городской рынок труда, перед местными жителями, а вслед за ними – и новыми переселенцами все острее вставал вопрос: как добраться до города? Полевые наблюдения показывают, что личными автомобилями владеют не более 30–40 % домохозяйств, что определяет ориентацию жителей преимущественно на использование общественного транспорта. До середины 2000-х гг. эту нишу в пригородах занимали в основном местные частные перевозчики, использовавшие небольшие корейские микроавтобусы Besta и Istana. Сегодня в пригороды можно уехать на регулярных рейсовых автобусах большой вместимости, однако поселения Левобережья Селенги по-прежнему в основном обслуживают маршруты с

небольшими микроавтобусами. Стоимость проезда в пригородных маршрутах сопоставима с ценами на городской транспорт (12–15 рублей), но на отдельных направлениях достигает 30–35 рублей. В часы-пик (утром и вечером после окончания рабочего дня) эти автобусы «набиваются до отказа», что, конечно, влияет и на уровень комфорта. Многие регулярно опаздывают на работу, поскольку зачастую вынуждены простоять на остановке гораздо больше времени, чем длится сама поездка в город⁹⁶. Этому способствуют и регулярные пробки на дорогах, возникающие из-за резко выросшего транспортного потока.

Стремительный рост численности населения обострил проблему с учреждениями образования и здравоохранения. Средние школы и детские сады с советских лет существовали в с. Нижний Саянтуй, Эрхирик и Сужа, а в Поселье и Нурселении таковых не было. В новой ситуации нагрузка на имеющиеся учреждения кратно возросла. И если со школами решить проблему в целом было возможно, то с детсадами, сделать это оказалось сложнее. Во многих семьях дети младшего возраста остаются дома, и если в доме нет старших, неработающих членов семьи (пенсионеров), один из супругов вынужден отказываться от работы, что отражается на общем уровне доходов. Часть семей ежедневно возит своих детей в муниципальные детсады в Улан-Удэ, оформляя им городскую регистрацию в нужном районе. Единицы устраивают своих детей в частные детсады, поскольку они обходятся в среднем в 10–14 тыс. в месяц, что сопоставимо с зарплатой многих жителей пригородов.

Развитие социальной инфраструктуры пригородных сел осложняется тем, что все территории внутри этих поселений оказались заняты частными участками. Поскольку застройка происходила без серьезного муниципального контроля, территории под общественные сооружения (школы, детсады, поликлиники, дома культуры и пр.) не были отведены. Это особенно касается поселений левого берега Селенги, которые массово расстраиваются без учета этого фактора. В пригородных поселениях слабо развита потребительская инфраструктура, резко отличающая их, допустим, от городских микрорайонов, даже окраинных. Ни в

⁹⁶ Эта проблема сохраняет свою актуальность уже давно. См., например: Жителей Нурселения увольняют с работы. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.infpol.ru/news/634/6272.php> (режим доступа: свободный).

одном из рассматриваемых поселений нет крупных супермаркетов, есть лишь небольшие магазины типичного сельского типа, одна-две парикмахерские, аптеки, несколько столовых-кафе и иногда служба такси. Все необходимые в повседневной жизни вещи, в том числе продукты, одежду, бытовые товары жители пригородных сел покупают в городе. Практически отсутствует досуговая инфраструктура⁹⁷.

В целом сохраняется вид достаточно типичных слабоурбанизированных сельских поселений. Давно считаясь «пригородом», они по-прежнему страдают от хронических проблем с водо-, энергоснабжением и т. п. Сохраняя привлекательность для тех, кто стремится жить недалеко от Улан-Удэ, пригородные поселения пока не обеспечивают местных жителей комфортными условиями, сопоставимыми с городскими. Именно поэтому переезд в пригород для многих горожан, и чуть в меньшей степени для сельчан, остается зачастую вынужденной стратегией: *«Люди приехали жить в город, но так и не стали горожанами. Живут без света, без воды, без коммуникаций. Это не жизнь горожанина, это вообще не жизнь»*⁹⁸. Едва ли не единственным признаком превращения рассматриваемых сел в «пригород» является лишь сформированная ориентация местных сообществ на городской рынок труда.

Основной причиной такого характера развития пригородов Улан-Удэ, является преобладание среди их нового населения сельских мигрантов. Их финансовая слабость не позволила им, во-первых, законно выкупить свои земельные участки, тем самым дав возможность муниципальным властям изначально позаботиться о первичной инфраструктуре (электросетях, водоснабжении, дорогах, территориях для строительства общественных объектов). Во-вторых, невысокие и нестабильные доходы новых жителей пригорода отразились на характере жилой архитектуры и особенностях застройки участков, в результате чего новые микрорайоны пригородных поселений получили в целом однообразный неприглядный облик «деревянных коробок с ти-

---

⁹⁷ Тимур Цибиков: Улан-Удэ все больше напоминает деревню. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.baikal-daily.ru/news/19/41538/> (режим доступа: свободный).

⁹⁸ Пушкарева Т. Александр Голков: Наш город отстал от Томска лет на пять // Молодежь Бурятии. 2013. № 5. 13 янв. С. 5.

повыми деревянными домами». Большинству семей важно было просто огородить участок, и построить на нем свой дом.

Будущее «деревенской агломерации»

В январе 2013 г. в одной из популярных газет вышла достаточно знаковая статья, посвященная пригородным поселениям Левобережья Селенги. Впоследствии она вызвала множество одобрительных комментариев на сайте издания⁹⁹. В тексте, названном «Берег забвения» журналист рассуждает о широком перечне проблем местных поселений, которые не решаются городскими властями. Автор метафорично отмечает: *«Гигантский спрут частного сектора на несколько десятков километров протянулся на запад от города, заполнив собой обширную часть левого берега Селенги. На этой территории проживает практически треть полумиллионного населения Улан-Удэ. Несмотря на это, ни властям, ни коммунальным службам Левый берег не интересен. Стихийная, необдуманная, никем не спроектированная застройка родила новый вид поселения – одноэтажный город-призрак. [...] Узнать, где начинается этот город, легко. Зимой сразу за мостом «Бегающая лань» едкий дым от тысяч печных труб, превращающийся в густое облако, даст знать, что вы уже не в Улан-Удэ. Это другой город со своими законами и устоями. Он молод, автономен и, самое главное, он растет. Растет очень быстро [...] Многие поселки разрастаются настолько, что соединяются друг с другом и образуют агломерации. Так, уже давно стали единым целым поселки Сужа и Нурселение, поселки Солдатский, Поселье и Исток, Гурлуба и Сокол. Совсем скоро поселок Коминтерн соединит все эти поселения в одно, и мы получим суперагломерацию»¹⁰⁰.*

В статье речь идет не только о территориях, которые были включены в городской округ в 2009 г., но и о более отдаленных селах, которые не входят в состав города, но образуют, по словам автора, «деревенскую агломерацию». Их проблемы, скорее всего, не обозначились бы так остро, если бы сами села оставались «рядовыми» в списке прочих сельских поселений пригородных районов. Однако в 1990–2000-е гг. они серьезно выросли, связь местных жителей с городским рынком труда стала системообра-

⁹⁹ Балтатарова Е. Берег забвения // Информ Полис. 2013. 9 янв. [Электронный ресурс]: URL: http://gazeta-n1.ru/blogs/Eugene_Baltatarova/18855/ (режим доступа: свободный).

¹⁰⁰ Балтатарова Е. Указ соч.

зующим фактором местной жизни. В этой ситуации связь с городом становится более значимой, чем с сельским районом.

Это обуславливает надежды местных жителей (как коренных, так и приезжих), на включение их поселений в состав городского округа (Улан-Удэ), который обладает значительно большими, чем сельский район, ресурсами для благоустройства. Подобные надежды возникли в 2010 г. в связи с публичным обсуждением и принятием новой концепции территориального развития Улан-Удэ до 2025 г.¹⁰¹, где двумя из трех сценариев предполагался значительный рост численности населения города, в том числе за счет присоединения пригородных территорий.

В намеченной концепцией перспективе в состав города предполагалось включить часть территории трех пригородных районов: Иволгинского, Тарбагатайского и Заиграевского, включая рассматриваемые нами с. Нижний Саянтуй, Нурселение, Сужа, Поселье и Эрхирик. Для большинства их коренных и новых жителей, которые трудятся в Улан-Удэ, это решение финансово выгодно – их недвижимость подорожает, повысится уровень благоустройства территорий, активнее будут решаться транспортные проблемы. В менее выгодном положении в этом случае окажутся лишь те местные жители, которые работают в самом селе. Это главным образом бюджетники, которые лишатся своих сельских надбавок к заработной плате.

«Я с одной стороны думаю, что хорошо, что село попадет под опеку города. Инфраструктура будет развиваться, коммуникации, тот же транспорт. Но с другой стороны, чисто с экономической точки зрения, для сельского жителя это убыток. Налоги возрастут, дрова будут дороже. В городе машина дров стоит 6–7 тыс., а у нас пока 5–6 тыс.» (информант, 45 лет, с. Эрхирик, 2010 г.). *«Преимуществ я никаких не вижу. Во-первых, это подорожание земельного налога. Во-вторых, подорожание обеспечения дровами и всем остальным. В-третьих, даже по зарплате. Так как я специалист на селе, 10 % по зарплате у меня снимутся. Потому что я получаю 10 % как сельский работник. Мне не охота в городскую зону. Лично мне. И в принци-*

¹⁰¹ См.: Концепция территориального развития городского округа «Город Улан-Удэ» до 2025 года с увеличением численности населения до 700 тысяч человек. [Электронный ресурс]: URL: www.ulan-ude-eg.ru/news/for_news/2010.11.19/D01.doc (режим доступа: свободный).

не у нас у всех (в учреждении. – Прим. авт.) – никто не хочет. Кто особенно прожил всю жизнь здесь. Они против этого. Но у нас правительство, сами понимаете, решило... Потом все документы надо будет менять. Мы ведь сейчас относимся в Тарбагатайскому району. А переделка всех документов, как всегда, за свой счет. Это свой кошелек, это, извините, мне совсем не надо. Я отношусь к району и вполне спокойно себе живу, мне ничего не надо. С районной пропиской. Меня это вполне устраивает» (информант, 36 лет, с. Нижний Саянтуй).

Сама дискуссия о включении пригородных поселений в состав Улан-Удэ повышает уровень их миграционной привлекательности и поток переселенцев ежегодно увеличивается. Это вызывает двойственную реакцию местных администраций: с одной стороны, они получают новых налогоплательщиков, но с другой, – вынуждены решать дополнительные проблемы, связанные со строительством новой социально-бытовой инфраструктуры, обеспечением новых жителей медицинским обслуживанием, возможностями дошкольного и школьного образования, решать проблемы с общественным транспортом и пр. Высокая стоимость участков под застройку сохраняет проблему самовольного захвата земли, способствует росту коррупционных преступлений.

Однако постепенное урегулирование освоения пригородных земель и увеличение налоговых и неналоговых доходов сельских бюджетов приводит к тому, что администрации пригородных районов все менее заинтересованы уступать свои территории городу. В случае реализации новой концепции территориального развития Улан-Удэ районы потеряют важное для них население и узловые поселения. Сокращение численности жителей грозит в этом случае также уменьшением дотаций из республиканского бюджета. В 2011 г. в с. Сотниково (Иволгинский район), которое является одним из самых крупных по численности населения в пригородной зоне Улан-Удэ, был проведен сельский сход, на котором местные жители высказались за присоединение к городу¹⁰². Однако это решение было проигнорировано властными органами. В качестве альтернативы предлагается даже полное присоединение пригородных районов к городскому округу,

---

¹⁰² Санжиев П. Сотниково переезжает в Улан-Удэ // Информ Полис. 2011. 22 июня.

что сегодня представляется заведомо неоправданным, что подтверждается и советским опытом.

Развитие стремительно растущих пригородов столицы республики остается в логике сельско-городской миграции. Оставаясь на периферии своих сельских районов и не получая ощутимой поддержки со стороны Улан-Удэ, пригородные поселения пока представляют собой маргинальное пространство, в котором преимущественно воспроизводятся сельские практики. Тем не менее, выраженная ориентация на город, быстрый рост населения, который, вероятно, не прекратится в ближайшие годы, открывают возможности развития пригородов Улан-Удэ как специфического пространства взаимодействия сельского и городского мира.

1.5. «Восточный рынок» на постсоветском «Востоке»: анализ подходов к восточным моделям товарно-вещевых рынков Восточной Сибири и Дальнего Востока

Нет более романтической традиции в экономической антропологии, чем исследование неевропейских товарно-вещевых рынков. Разброс мнений и богатство подходов впечатляют, если не обескураживают: от Б. Малиновского до К. Гирца, от отрицания пустого теоретизирования до перевода полевого материала на язык экономической теории, от попыток ясной категоризации основного понятия до подкупающей своей простотой замены научных категорий на понятия обыденного языка. В этой перспективе экономическая антропология неевропейского рынка является несомненно героическим фрагментом истории дисциплины. Кроме экономических аспектов, исследования восточных рынков касались социальных, религиозных и политических функций этого базового института докапиталистических и развивающихся обществ. Накоплен огромный эмпирический материал, классифицированы попытки союза с экономикой и социологией, наведены мосты с новыми гуманитарными подходами в виде микрофизики власти, теории актора-сети, теории практик и концепцией транслокальности. Как и в родственных дисциплинах (исследования развития, новая институциональная экономика, экономическая социология), расширение и информационная интеграция эмпирического поля с новой силой поставили вопросы

концептуального обобщения, не решаемые в рамках простой дихотомии эмпирия – теория.

Восточный (неевропейский) рынок издавна был пространством конфронтации абстрактного теоретизирования экономистов и углубленных полевых исследований социальных антропологов. Если экономисты видели в докапиталистических базарах лишь проявления врожденной способности к торговле и зародыш нормальных (рыночных) отношений, то для антропологов восточный рынок был пространством пересечения экономических, социальных и религиозных практик. Именно несогласие на сведение базарной жизни к жесткому экономизму обозначило границы дисциплины. Экономическая антропология рынков должна была ответить на вызов экономического обобщения, сохраняя при этом способность концептуализировать полевой материал. Это противоречие является основной интригой истории исследования рынков. Если силой антропологического исследования является локальность полевого исследования, понимание конкретной культурной базы и политического контекста исследуемого сообщества участников рынка, то как можно представить обобщение неисчислимых локальных случаев, не опускаясь до «наивных» описаний экономистов? С другой стороны, если социокультурный контекст рынка является только вуалью, скрывающей общие модели экономического поведения, то не является ли антропология базара всего лишь утонченным и эрудированным комментарием к простым схемам из экономических учебников?

Открытие границ и ломка институтов социалистической экономики перевели проблему поиска адекватных моделей восточных товарно-вещевых рынков из области истории и экономической антропологии восточных обществ в более локальную область миграционных исследований и анализа региональных экономик. Появление китайских, вьетнамских, кавказских и среднеазиатских рынков в пространстве сибирского и дальневосточного постсоветского города привело не только к сложным процессам встречи локальных сообществ с по-разному понимаемым востоком, но и к первым попыткам понять и объяснить новые феномены городской жизни. В какой степени процессы ориентализации постсоветского товарно-вещевого рынка были трансфером стандартных моделей китайского рынка и мусульманского базара, или это фантазия постсоветского общества превращала вчерашних работников советских колхозов и

китайских коммун в экзотических восточных торговцев? Ответ на этот вопрос требует не только широких эмпирических исследований этнических рынков (что отчасти сделано), но и ревизии концептуального аппарата социальной антропологии и экономической антропологии, направленных на изучение этой формы экономической интеграции.

Целью статьи является методологический анализ основных проблем концептуализации восточных товарно-вещевых рынков в перспективе их применимости для Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Статья концентрируется на следующих аспектах проблемы: статусе эталонной модели восточного рынка, сходствах и различиях между восточными сегментами постсоветских товарно-вещевых рынков и классическими формами восточного базара и возможностям оптики функционального соответствия на примере новых форм мусульманской *базарности*¹⁰³. Последний аспект (написанный на основе неструктуризированных интервью, проведенных осенью 2012 и летом 2013 года с проживающими в Восточной Сибири мигрантами из Киргизстана и Азербайджана) не имеет характер самостоятельного исследования и носит иллюстративный характер к анализу методологических вопросов.

Автор выражает глубокую признательность профессору университета им. Адама Мицкевича М. Гавенцкому, профессору Иркутского университета В.И. Дятлову и аспиранту Варшавского университета К. Вилецкому за оказанную помощь в проведении исследований и возможность обмена мнениями.

Скажи мне, о чем твоя модель рынка, и я скажу кто ты. Теория и практика исследования восточных рынков

Как и слово *рынок* в русском языке, в иранских языках слово *bazaar* (بازار) несет двойную смысловую нагрузку, обозначая физическое пространство обмена и торговли и абстрактное понятие «рынка»¹⁰⁴. Эта двузначность теряется при переносе понятия в европейский контекст, где оно обозначает исключи-

¹⁰³ Предлагаемый мною термин *базарность* может быть воспринят как искусственное словообразование, но он наиболее ясным образом ставит акцент на возможность появления базарных моделей интеграции без исторических связей с конкретным *настоящим* базаром.

¹⁰⁴ Keshavarzian A. Bazaar and State in Iran. The Politics of the Tehran Marketplace. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 39.

тельно формы восточного (как правило, мусульманского) рынка или становится метафорой восточного хаоса и беспорядка¹⁰⁵. В этом контексте восточный рынок с самого начала экзотизируется, что приводит к драматизму (не)соответствия современным формам экономической активности. Исследуемая группа рынков всегда представляется как определенное «не-»: не-европейская, не-современная и в нейтральном смысле этого слова «не-нормальная». Хорошей иллюстрацией может быть название статьи Фрэнка Фэнселоу *Базарная экономика или насколько «базар» является базаром*¹⁰⁶, призывающее к трудному поиску *нормальных* экономических механизмов под маской восточной экзотики. В этой перспективе перформативная сила рыночного описания не только создает собственную реальность, но и исключает возможности анализа стратегий, отбегающих от стандартных моделей экономического поведения. Мир, описанный в экономических терминах, является самодостаточной дискурсивной конструкцией, сужающей не-экономические формы практической и когнитивной деятельности до не до конца понятных и второстепенных феноменов, связанных с отличиями исследуемого общества от арбитражно принятой нормы. Если внимательно присмотреться к известной цитате из канонического текста К. Гирца, то можно увидеть сложный *торг* между полевыми наблюдениями автора, постулированием универсальных моделей человеческого поведения и попыткой понять не до конца совпадающие с ними *принципы, управляющие организацией коммерческой жизни* базара:

«Рассматриваемый как разновидность экономической системы, базар демонстрирует ряд отличительных черт. Его отличие в меньшей степени выражается в протекающих процессах и в большей степени в том, как эти процессы принимают согласованную форму. Здесь, как и в любом другом случае, применимы обычные максимы: продавцы стремятся к максимальной прибыли, потребители – к максимальной полезности; цена связывает спрос и предложение, факторные пропорции отражают факторные издержки. Однако принципы, управляющие организацией

¹⁰⁵ Трубина Е.Г. Джунгли, базар, организм и машина: классические метафоры города и российская современность // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 223–243.

¹⁰⁶ Fanselow F.S. The Bazaar Economy or how Bizarre is the Bazaar Really? // Man. New Series. 1990. № 25 (2). P. 250–265.

коммерческой жизни, в меньшей степени являются производными от этих общеизвестных вещей, чем можно было бы представить, читая стандартные экономические учебники, где переход от аксиом к действительности совершается весьма беззаботно. Как раз эти принципы – связанные не столько с балансом полезности, сколько с информационными потоками – и придают базару его частный характер и общий интерес»¹⁰⁷.

В последнем предложении автор мягко подводит читателя к проблеме информационного доступа, способного трансформировать экзотику конкретного базара в частный случай экономической теории. В этой перспективе, несмотря на декларации твердого размежевания, антропология базара во многом осталась эмоциональной заложницей экономического мейнстрима. Напряжение между потребностью рационализировать поведение респондентов и экзотикой поля усиливается благодаря определенным различиям в приоритетах исследований между экономистами и антропологами. Экономист, воспитанный в русле неоклассической теории, видит мир как пространство рационального поведения и краткосрочной контрактации в стабильном институциональном поле, где проблемы асимметрической информации, неопределенных прав собственности и отклонения от рациональных моделей поведения имеют отношения к реальному миру, но не меняют прогностической силы теории. Важным элементом является программный приоритет анализа эффектов экономического поведения над конкретным анализом экономических практик¹⁰⁸. В этой перспективе базар видится как примитивная форма рынка или частный пример адаптации рынка к традиционному обществу. Для иллюстрации простых схем до-рыночного поведения, экономист нуждается в эмпирических примерах, которые немного маскируют постулятивный характер концептуального обобщения. Отсутствие статистического материала, сопоставимого с обобщением (трудно представить эмпирическую проверку идеи *нормального африканского базара*), приводит к вне-временным и вне-пространственным схемам, способным дать простое описание базарного разнообразия.

¹⁰⁷ Гирц К. Базарная экономика: информация и поиск в крестьянском маркетинге // Экономическая социология. 2010. № 10/2. С. 59.

¹⁰⁸ Kowalski T. Proces formułowania oczekiwań a teoria cyklu wyborczego. Implikacje dla polityki gospodarczej. Poznań: Wydawnictwo AE w Poznaniu, 2001. P. 59.

Экономический антрополог видит мир прежде всего через пространство, наполненное товарами и людьми, ведь именно наблюдения за практиками оборота товарами и анализ слов респондентов станут основой рассказа об укрытых структурах и механизмах коллективного и индивидуального действия. Если экономист сужает перспективу до цепочки рациональных (с точки зрения теории) действий и потом предлагает эмпирические иллюстрации, то антрополог должен пройти более сложный путь: в гуще эмпирического наблюдения найти примеры, согласованные с определенной концептуализацией человеческого поведения. Эмпирический материал должен сам призвать теорию *прийти княжить и владеть нами*, что освобождает антрополога от ритуалов математической легитимизации и статистической верификации. Действия экономиста более логичные, но антрополога более эффективные: именно состыковка частного и общего (упрощенной версии теории) создает эффект реализма, отсутствующий в научных описаниях экономистами прошлого или географически далекого¹⁰⁹. В этой перспективе силой антропологического исследования является внимание к месту и времени событий, а также *понимание* основных культурных кодов респондентов. Проблема состоит в том, что расширение и многомерность спектра наблюдений все равно приводит к окончательному сужению в виде теории ассиметрической информации, политики символов, классового или гендерного неравенства и т. д. Действия антрополога несут опасность *риторического эффекта более высокого уровня*, где читатель, вместо иллюстрации умозрительных построений, отобранными эмпирическими наблюдениями, увидит эмпирический материал, подтверждающий правильный выбор теории.

В этом контексте отношения между теорией и практикой в исследованиях восточных рынков выходят за рамки общепринятых представлений, заставляя товары, тела и нарративы поддерживать концептуальные рамки, фреймирующие полевой опыт. Это означает, что пропасть между проекциями экономистов и находками антропологов одновременно гораздо меньше с точки зрения легитимизации знания и гораздо больше с точки зрения

---

¹⁰⁹ Не касается клиометрии, только ретроспективных обобщений теорий экономического роста и институциональной экономики.

онтологической реальности текста. Для экономистов нерыночные общества – это мир, в котором нормальные и известные механизмы действуют в немного искаженном виде. Для антропологов текст, написанный на основе полевых исследований (основная форма написания текста), легитимизирован физическим присутствием в поле и способностью автора передать *голос улицы*. Проблема состоит в том, что в исследованиях экономических практик голос является иллюстрацией процессов, часто находящихся вне поля зрения респондентов. *Голос* (независимо от способа цитирования) – всегда препарированный фрагмент высказывания, включенный в структуру текста в виде иллюстрации, доказательства присутствия в поле или свидетельства уважения автора к респондентам. Несмотря на то, что голоса респондентов декларативно считаются эмпирической базой исследования, трудно представить, чтобы наиболее богатая коллекция голосов респондентов рассказала нам про гендерную или классовую доминацию, культурную гегемонию или проблемы с ассиметрической информацией. Конечно, респонденты рассказывают о ситуациях или переживаниях, которые исследователь может описать в теоретических категориях. Но этой гармонии угрожает растущее понимание арбитральности перевода как основной модели контакта с респондентами¹¹⁰. И если можно сделать определенное исключение для этнометодологов с их фиксацией на способности представления респондентами своей реальности¹¹¹, то для большинства *переводчиков болтовни респондентов на научный язык* эмпиризм полевого исследования должен при пристальном рассмотрении казаться полупустой декларацией. Конечно, позитивистски понятый эмпиризм не является единственным критерием хорошего текста, и мож-

---

¹¹⁰ В более широком контексте перевод является основной моделью репрезентации эмпирической базы. Ср.: Callon M. Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Brieuc Bay // John Law (ed.), Power, Action and Belief: A New Sociology of Knowledge. London: Routledge & Kegan Paul., 1986; Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford, 2005.

¹¹¹ Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs. New York, 1967. Вне этнометодологического подхода переход к восприятию *голосов* респондентов как носителей социальных смыслов, не нуждающихся в переводе, убедительно представлен в коллективной монографии Maynes M. J., Pierce J.L., Laslett B. Telling Stories. The use of Personal Narratives in the Social Science and History. Ithaca and London: Cornell University Press, 2008.

но привести много примеров гениальных текстов с нерешенной проблемой статуса эмпирического свидетельства. Но в перспективе исследования восточного рынка/базара имеет смысл подвергнуть определенному сомнению основные категории, статус теории и эмпирическую базу как эклектическое сочетание прочитанного, увиденного, услышанного и возможного в выбранном исследователем словаре.

Можно предположить, что здесь мы имеем дело не столько с описанием базара, сколько с его изобретением на основе синтеза общего и частного, не-исторических обобщений и экзотизации (или в более сложной версии де-экзотизации ранее экзотизированного феномена). Представленный в антропологических описаниях, базар, как индуистское божество, имеет тысячи проявлений одного или нескольких принципов. Поверхностное разнообразие проявлений не меняет простого набора теоретических матриц. Один базар рассказывает про ассиметрическую информацию, второй – про классовые отношения, третий – про отношения с сетями политической власти, четвертый – про роль религии в практиках контрактации. В общем, скажи мне, о чем рассказывает твоя модель базара, а я скажу кто ты. Поэтому богатство эмпирических описаний не складывается даже в региональные кластеры: время, место и описанные выше онтологические потребности исследователя¹¹² не дают возможности выйти за функциональные обобщения типа центральноазиатский рынок или северокитайская модель товарно-вещевого рынка. Важно помнить, что разнообразие подходов и описаний, предложенных на основе исследований неевропейских рынков, не сводится к законченному образу восточного базара. Поэтому вопрос о генетическом сходстве восточных базаров с восточными сегментами постсоветского рынка может быть решен только при однозначном консенсусе по отношению к основным категориям. В любом другом случае восточный базар становится настолько внутренне противоречивой категорией, что любое соответствие с ней возможно только с большим количеством оговорок, часто сводящим практически к нулю научную ценность сравнения.

---

¹¹² Видеть в хаосе восточного рынка упорядоченный космос классовой или гендерной доминанции, игры с ассиметрической информацией или спектакль проявления высших сил.

Конечно, логика экономического оправдания была не единственной в исследованиях неевропейских рынков. Следует заметить, что с середины 70-х годов в социальной антропологии, экономической географии и экономической социологии произошли серьезные методологические изменения, касающиеся как характера и степени применимости основных категорий (рынок, базар, восток, мигранты), так и возможности более точного разделения (или проблематизации отношений) реальных и дискурсивных практик рыночного поведения¹¹³.

Можно выделить две неразрывно связанные тенденции в анализе восточных рынков. Первая, направленная на поиск адекватного описания базара, способного показать универсальность основных механизмов и экзотические модели экономического поведения как рациональную адаптацию к условиям неразвитой рыночной экономики. Здесь полевой опыт автора служит эмпирическим доказательством защиты базара перед предполагаемым обвинением в недостижимости исследуемого феномена для концептуального аппарата экономической теории. Вторая направлена на более самостоятельное исследование конкретного рынка (рынков), в рамках которого абстрактные рассуждения о базаре могут найти эмпирическое обоснование. Этот корпус текстов предельно локализован.

До начала 80-х годов большое количество текстов было посвящено базарам Афганистана, не меньшей популярностью пользовались и продолжают пользоваться Турция и Иран. Несмотря на постулирование общности локальной экономики исламских стран¹¹⁴, можно обозначать определенную специализацию исследователей, работающих с афганским, иранским и турецким материалом. Исследования афганских рынков концентрировались, прежде всего, на ключевой роли базаров в экономической интеграции горожан, кочевников и крестьян в масштабах всей страны. Турецкий и иранский материал был ориентирован на сложные взаимодействия го-

---

¹¹³ См.: обзор дискуссий в: Scharabi M. *Der Bazar*. Tübingen, 1985; Wirth E. *Zum Problem des Bazars* // *Der Islam*. 1974. № 51. S. 203-60; Weiss W.M. Westermann K.-M. *The Bazaar: Markets and Merchants of the Islamic World*. London, 1998; Keshavarzian A. *Bazaar and State in Iran. The Politics of the Tehran Marketplace*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

¹¹⁴ Scharabi M. *The Role of the Bazar in Islamic Life* // *The Firmest Bond*. 1998. № 47. P. 58.

родских базаров, власти и общества¹¹⁵. Достаточно подробно описаны рынки Индии и Пакистана¹¹⁶, причем в первом случае очень ярко представлено влияние индуизма на экономическую активность базару¹¹⁷ (рыночных торговцев). Отдельный и очень интересный пласт текстов посвящен африканским базарам. Северная Африка соединяет исследования Ближнего Востока и Африки. Исследования китайских рынков были напрямую связаны с изучением крестьянства, что во многом объясняет концентрацию на механизмах самоорганизации и роли рынков в развитии китайской деревни¹¹⁸. В исследованиях латиноамериканских рынков, начиная с классической работы Б. Малиновского¹¹⁹ был ярко выраженный акцент на теоретической обобщение полевого материала и применение методов экономической географии. Независимо от географической направленности, во всех группах особое внимание обращено к пространственным (структура, логистика, локализация), временным

¹¹⁵ Среди огромного корпуса текстов можно выделить: Афганистан: Ferdinand K. Nomad Expansion and Commerce in Central Afghanistan. A Sketch of Some Modern Trends // Folk. 1962. Vol. 4; Centlivres P. Un bazar d'Asie centrale. Forme et organisation du bazar de Tashqurghan (Afghanistan). Wiesbaden, 1972; Charpentier C.-J. Bazaar-e-Tashqurghan. Ethnographical Studies in an Afghan Traditional Bazaar. Uppsala, 1972; Grötzbach E. Städte und Basare in Afghanistan. Eine stadogeographische Untersuchung. Wiesbaden, 1979; Давыдов А.Д. Традиционный рынок Афганистана. М.: ИВРАН, 1999; Иран: Keshavarzian A. Op. cit; Rotblat H.J. Social Organization and Development in an Iranian Provincial Bazaar // Economic Development and Cultural Change. 1975. Vol. 23. № 2. P. 292-305; Ashraf A. Bazaar-Mosque Alliance: The Social Basis of Revolts and Revolutions // International Journal of Politics, Culture, and Society. 1988. № 4. P. 538-567; Khansari M., Yavari M. The Persian Bazaar: Veiled Space of Desire. Washington D.C., 1993; Типция: Beller-Han I. Hann C. Markets, Modernity and Morality in north-east Turkey // H. Donnan and T Wilson (eds). Border Cultures: Nation and State at International Frontiers. Cambridge: Cambridge University Press. 1998. P. 237-262.

¹¹⁶ Harris B. Social Specificity in Rural Weekly Markets – The Case of Northern Tamil Nadu Market // Mainzer Geographische Studien. 1976 №10; Gell A. The Market Wheel: Symbolic Aspects of a Indian Tribal Market // MAN. 1982. № 17; Östör A. Culture and Power: Legend, Ritual, Bazaar, and Rebellion in a Bengali Society. New Delhi and Beverly Hills, 1984.

¹¹⁷ Jain K. Gods in the Bazaar. The Economies of Indian Calendar Art. Duke University Press, 2007 (особенно вторая глава: *Когда Боги идут на базар*).

¹¹⁸ Классическим примером являются статьи Скиннера, во многом определившие оптику и основные подходы к китайскому рынку: Skinner G. Marketing and Social Structure in Rural China, Parts I, II, and III // Journal of Asian Studies. 1964. Vol. 24. № 1. P. 3-44; 1965. Vol. 24. № 2. P. 195-228; 1965. Vol. 24. № 3. P. 363-99.

¹¹⁹ Malinowski B. La Fuente J. de, Ekonomia meksykańskiego systemu targowego. Warszawa: PWN, 2004; Forman S. Riegelhaupt J.F. Market Place and Market System: Toward a theory of Peasant Market Integration // Comparative Studies in Society and History. 1970. Vol. 12. №2. P. 188-212; Smith C.A. Method for Analysing Periodic Marketplaces as Elements in Regional Trading System // Readings in Economic Anthropology. 1985. №7. P. 291-337.

(периодичность) и транслокальным (включенность рынка в более широкие сети обмена) аспектам рыночной активности.

В исследованиях неевропейских рынков резко выделяются историческая, антропологическая и социо-географическая перспективы. В исторической перспективе рынки рассматривались как место концентрации не только товаров и услуг, но и нового знания, религиозных идей и моделей политического действия. В этой перспективе решительные попытки пересмотра роли кочевников в истории Евразии напрямую связаны с новыми подходами к ключевой роли базаров в передаче информации, навыков и товаров. Антропологи больше интересовались внутренними механизмами и культурными порядками базара, пытаясь сочетать разнообразие жизни с рамками принятого теоретического обобщения. В экономической географии доминировал структурный анализ рынков, направленный на концептуализацию эволюции пространственных и социальных форм базарности в их исторической динамике¹²⁰. Перспективным оказалось высказанное в 1975 году компромиссное предложение Ротблата рассматривать институциональные формы восточного рынка как комбинацию экономического, политического и социального¹²¹. Неевропейский рынок предстает в этом контексте как поле концептуализации экономической и социальной дееспособности участников, в котором *игры обмена* являются фоном микро и макро процессов, описанных в словарях теории модернизации, постколониальных исследований и новых подходов к социо-материальным сетям.

Следует заметить, что наблюдаемый с 90-х годов перенос внимания с социального на социо-материальное во многом изменил как эмпирическую базу полевых исследований, так приоритеты поиска. Отход от идеи базара как элемента или катализатора *более важных* процессов (модернизации традиционного сельского хозяйства, появления городского среднего класса, постепенного созревания современных форм экономической активности) к концепциям, направленным непосредственно на базар как место производства социальных значений и сложных сетей взаимодействия между товарами и людьми, вызван не только ослаблением

¹²⁰ Smith C. Economics of Marketing Systems. Models from Economic Geography // Annual Review of Anthropology. 1974. № 3. P. 167-201.

¹²¹ Rotblat H.J. Social Organization and Development in an Iranian Provincial Bazaar // Economic Development and Cultural Change. 1975. Vol. 23. № 2. P. 293.

императивов защиты базара от обвинений в традиционности, но и появлением нового инструментария изучения рутинной и ежедневной активности. Не теряя связи с накопленным опытом, исследователи все чаще видят базар как самодостаточный микромир, а не инструмент познания традиционного общества. В этой микро-перспективе открытие бесчисленных связей между социоматериальными, социальными и экономическими аспектами базарной жизни дают возможность говорить о начале нового этапа в развитии антропологии базара.

Шанс увидеть *рынок за большими рассказами* о переходном периоде, социальных последствиях миграционных процессов и проблемах российского общества с этническим разнообразием, открыт и перед российскими исследованиями, постепенный переход которых к антропологии ежедневной и рутинной рыночной активности является вопросом ближайшего времени. В этой перспективе при всех различиях методики и объекта исследования российские исследователи рынков, как и их заграничные коллеги, должны будут ответить на вызов новых подходов, направленных на базар *an sich*.

Восток в России – больше, чем Восток

В исследованиях постсоветских рынков важным элементом является де-территоризация понятия восточного рынка: одновременно с появлением *восточных рынков* в России, тысячи челноков направляются в Китай, Индию и Турцию, привозя с собой не только товары, но и специфическую субкультуру *новых европейцев*, массово появившихся на восточных базарах в начале 90-х. Интересно отметить, что новоприбывшие в сибирские и дальневосточные города *новые азиаты* (рожденные в СССР), как правило, имели опыт *новых европейцев* на рынках Китая, Турции и Индии, где на них проецировался образ раскованных восточных европейцев, не понимающих моральных норм традиционного общества¹²². Можно предположить, что более общий взгляд на рынок как транслोकальное место обучения и воспроизводства восточности, мог бы показать взаимосвязанные процессы ориентализации постсоветского рынка и интенсивного культурного влияния участников российских рынков на страны-импортеры восточной экзотики. Связь

---

¹²² Beller-Han I. Hann C. Markets, modernity and morality in north-east Turkey // H Donnan and T Wilson (eds.). *Border Cultures: Nation and State at International Frontiers*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 237-262.

сибирских и дальневосточных рынков с рынками далекой и близкой Азии давала заметные культурные эффекты в виде появления сетей *своих* китайцев, индусов, турков и вьетнамцев, специальных пространств для российских предпринимателей и богатой инфраструктуры языкового и логистического сервиса. В этой перспективе постсоветский рынок привел к появлению в азиатских странах новых (рыночных) форм ориентации на русскую культуру¹²³, часто давая возможность конвертировать полученное советское образование в культурный капитал, востребованный сетями международного обмена. Можно отметить парадоксальную ситуацию, когда встреча с восточной экзотикой происходила в местах наибольшего соответствия русской культуре. Процессы обучения востоку напрямую влияли на российские рынки, так как приобретенные навыки жизни в Азии становились важным элементом механизмов этнокультурной дифференциации постсоветского рынка.

В этом контексте восточный сегмент постсоветского рынка является симулякр, он искусственно разделяет покупателей и продавцов на не совсем понятный *запад* и одинаково виртуальный для обеих групп *восток*. Восточные сегменты рынка с самого начала вставлены в перспективу экзотики и ориентализации. Они чужды пространству постсоветского города, часто закрыты от него и окружены сервисами отдельной жизни мигрантов. В этой перспективе важным аспектом является роль восточного постсоветского рынка как пространства ориентализации и конструирования *нормального* сегмента сибирского общества в виде норматива расовокультурной, социальной и экономической адекватности.

Водораздел шел по линии социализации в советском индустриальном сегменте. В отличие от местных челноков¹²⁴, *восточные люди* воспринимаются как прирожденные торговцы, не приспособленные к тяжелому труду. Несмотря на вынужденный и массовый

---

¹²³ Во время моей первой поездки в Индию в феврале 1997 года, в отдаленном от главного базара столичном районе Мехраули я встречал детей младшего школьного возраста, способных продавать на плохом, но понятном русском языке. По мере приближения к главным торговым площадкам, количество людей, способных использовать простые формы русской речи возрастало в геометрической прогрессии. Похожими примерами быстрого освоения русского языка могут быть приграничные города Китая и ориентированные на страны бывшего СССР базары Турции.

¹²⁴ Вынужденный характер предпринимательства подчеркивался и самими торговцами: Ильина М., Ильин В. Торговцы городского рынка: штрихи к социальному портрету // ЭКО. 1998. № 5.

характер мелкого предпринимательства, именно на представителей советского юга проецируется *ген рыночного предпринимательства*, исключая их из *сообщества людей, способных к труду, а не торговли*. Этому способствуют как быстрое присвоение российским обществом дискурса антропологических различий, так и большой драматизм процесса торговли в южных сегментах рынка, создающий иллюзию посещения настоящего базара.

В немного другом ключе ориентализируются несоветские азиаты (китайцы и вьетнамцы)¹²⁵. Их ярко выраженные антропологические и культурные отличия, отсутствие советской социализации и доступ к индустриальной базе недорогих товаров среднего и низкого качества, моментально превращают вчерашних рабочих социалистических предприятий в цепких азиатских торговцев: изолированных, непонятных и потенциально опасных. В отличие от представителей постсоветского востока, китайцы воспринимаются в очень своеобразном ключе геополитической миссии, в котором их позитивные качества (работоспособность, дисциплинированность, скромность) становятся опасным проявлением коварного плана расчленения страны. Образ вьетнамца не несет такой геополитической нагрузки, но их изолированность и сплоченность воспринимается российским обществом как негативный фактор. Следует отметить, что спонтанный отход от марксизма в 90-е годы привел к доминированию культурно-ориентированных подходов и частичному воспроизведению ориенталистских схем респондентов в исследованиях. Сходство стандартного набора товаров среднего и низкого качества из Китая, Индии, Турции и Вьетнама, одинаково представленных в европейском (не-восточном) и восточных сегментах рынков, не было оценено по достоинству, и постсоветский рынок был описан в категориях априорной культурной пропасти между сегментами.

Здесь можно поставить вопрос выбора между генетическим и функциональным (типическим) соответствием: даже если ориентализированный фрагмент постсоветского рынка не является продолжением базара и слабо связан с китайским рынком, он может не только быть их имитацией, но и начать выполнять их функции (интеграции земляков, сложных институтов самофинансирования,

---

¹²⁵ Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М.: Наталис, 2000.

места развития религиозных практик). В этой перспективе само по себе несоответствие постсоветского рынка избранному эталону базара, не исключает появления новых форм базарности на базе постсоветского товарно-вещного рынка. Возможным выходом будет не поиск *базара*, а пристальное внимание на формы базарности как способа экономической и социальной интеграции. Это не значит, что немного наивная восточность должна отбрасываться в поисках сути исследуемых феноменов. Именно она может быть ключом к пониманию механики воспроизведения Востока в постсоветском городе.

Новое благочестие новых базаров

Проживающие в России мигранты-мусульмане традиционно рассматривались в двух ракурсах, непосредственно связанных с общественными настроениями: вопросами отношения общества к мигрантам¹²⁶ и вопросами безопасности (борьба с терроризмом)¹²⁷. Значительно меньше внимания было посвящено появлению новых экономических субкультур, связанных с «возрождением» ислама. Следует заметить, что несмотря на феноменальную популярность в России тезиса Макса Вебера о ключевой роли протестантской этики в экономическом развитии Запада, экономическая этнография локальных религиозных сообществ была принесена в жертву оценкам доктринальной согласованности, новых обрядов и моделей управления религиозных сообществ. Особенно интересен вызов мусульманской этики для торговцев на постсоветском рынке в условиях *серого* характера большинства экономических операций, присутствия нелегальных силовых структур и интенсивной этнической конкуренции. Смогут ли новые подходы к исламской этике стать основой экономической дееспособности и новых форм интеграции?

«Лавочник является другом Аллаха», – эта фраза, приписываемая пророку¹²⁸, как нельзя лучше показывает связь базара с исламской традицией. Специфика постсоветского ислама и немного театральная восточность российских рынков не давали возможности

---

¹²⁶ Ловушки и ангажированность мигрантской оптики убедительно представлены в статье С.Н. Абашина: Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3-13.

¹²⁷ Региональное измерение трансграничной миграции в Россию / ред. С.В. Голунов. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 130-132.

¹²⁸ Keshavarzian A. Bazaar and State in Iran. The Politics of the Tehran Marketplace. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 54.

проводить параллели между мусульманским сегментом постсоветского рынка и мусульманскими базарами. В перспективе генетического соответствия можно было выделить более сложную цепочку: восточные сегменты имитировали среднеазиатские рынки, которые были имитацией восточных базаров. Но время не стоит на месте, и ситуация уже не выглядит так однозначно. Отличительной чертой восточных сегментов российских рынков является процесс постепенного замещения постсоветских людей новым поколением, свободно функционирующим в свете глобальных мусульманских дискурсов и отважно пытающихся строить свою жизнь по правилам новой традиции.

Этот противоречивый процесс идет вразрез с общественными настроениями и их репрезентациями в социологических исследованиях: исламизация ведет к более широкому использованию русского языка, стереотипные модели мужского поведения приносятся в жертву аристократической скромности, а неутомимый оптимизм и предприимчивость постсоветских южан, контролируются сложными правилами исламской экономической этики. Можно предположить, что на наших глазах рождаются новые формы исламского базара, связанные с появлением глобального ислама, основанного на соцсетях и новых информационных технологиях. В отличие от предыдущих форм, эта форма исламизации приводит к возвращению старых исламских словарей и моделей поведения – каким-то новым формам мусульманского базара как пространства реализации нравственных норм и непосредственно связанными с экономическими практиками и теологическими дебатами. Подчиняя мысли, слова и поступки молодого поколения жестким правилам исламской честности, новое благочестие приносит в восточный сегмент постсоветского рынка новую форму мусульманской базарности.

Все это требует более внимательного подхода к многолетней традиции исследования исламских форм организации рыночного пространства и сочетания наработанных методов с новым полевым материалом. Практики рассылок в соцсетях русских переводов классических текстов, при помощи которых молодые люди пытаются решать вопросы ценообразования, кредитирования и личной жизни, связывают воедино новые формы потребления и коммуникации (айфоны, социальные сети, чаты и т. д.), глобальные (появление глобального ислама) и постсоветские (ключевая роль русского языка,

переводы советских арабистов, российские культурные иерархии) культурные феномены. Если мы перейдем от существующего генетического (не)соответствия на появляющиеся новые формы функционального соответствия, то этот динамический подход может дать возможность посмотреть на новые формы базарности как пространства творческого воспроизведения феноменов, описанных на материале далеких от Сибири и Дальнего Востока стран.

Следует заметить, что новые формы исламизации имеют глобальный характер – они одновременно происходят во всем мире, в том числе в местах исхода (Кыргызстан, Казахстан, Дагестан, Ингушетия) и в регионах Сибири и Дальнего Востока. Специфика этого феномена состоит в его чуждости не только для принимающего общества, но и для самих сообществ мигрантов, в том числе и для родителей нового поколения мусульман. Загадочная смесь эстетики хип-хопа, традиционной исламской литературы (как правило, на русском языке), императив перехода от «праздничного» к «ежедневному исламу» не всегда ясна людям, привыкшим к традиционному исламу в его советской версии. Постсоветский рынок дождался появления религиозного сообщества с ярко выраженным различием правильного и неправильного экономического поведения. Для новых *базари* нет ничего более чуждого, чем постсоветская моральная эластичность и южный фамилизм родителей. Новые сообщества должны будут по-новому построить отношение с российским обществом, одновременно противопоставляя себя образам агрессивного исламского фундаментализма и южного гедонизма. Можно предположить, что постсоветский сегмент товарно-вещевого рынка дождался появления первой группы, пытающейся выйти за рамки советских моделей этно-конфессиональной локализации. В этой перспективе ислам становится экономическим действием, языком описания экономических проблем и основой экономического выбора. Если эта тенденция будет сохраняться, то новые формы базарности включают мусульманские сегменты рынка в глобальную сеть новой экономической культуры, абсолютно не связанной с ориенталистским театром постсоветского сибирского и дальневосточного города.

* * *

Несмотря на долгую традицию социо-экономического анализа восточного базара и китайского рынка, имеет смысл обратить

внимание на доминирование в российской научной литературе этнографических и дискурсивных описаний конкретных рынков без попыток концептуализации общих социо-экономических, культурных и социо-материальных аспектов постсоветских рынков. Это приводит как к эклектичности и неоднородности богатого полевого материала, так и к ситуациям *изобретения концептуального велосипеда*. Кроме этого, отсутствие методологического инструментария приводит к неоднозначности таких основных понятий анализа, как *китайский рынок в Сибири, среднеазиатский рынок* и т. д. Важным аспектом является и непроработанность специфики восточного постсоветского рынка как пространства ориентализации и конструирования *нормального* сегмента сибирского общества.

Это порождает, по крайней мере, два важнейших следствия. Во-первых, поиск соответствия уникальных форм постсоветского рынка классическим моделям мусульманского базара или китайского рынка ведет к арбитражному выбору эталона и непосредственно с ним связанными проблемами адекватности сравнительного анализа. Во-вторых, более приемлемыми кажутся подходы, направленные на адаптацию накопленного в исследованиях не-европейских рынков теоретического материала к специфике российского опыта. Это означает применение подхода функционального соответствия и внимание к новым формам рыночной активности. Вместо поиска *настоящего базара* под вуалью постсоветского рынка, можно попытаться проследить появления новых форм базарности и их влияние на локальное сообщество. Пример исламизации первого несоветского поколения мигрантов, показывает, как новые формы, с одной стороны, не теряют связь с постсоветским культурным контекстом (русификация как важная часть исламизации на постсоветском пространстве), а с другой – создают культурные контексты, напрямую связанные с социальной жизнью мусульманского базара. В этой перспективе постсоветские рынки продолжают быть местом появления новых форм экономической и социальной активности, анализ которых должен учитывать накопленный опыт исследований восточных моделей товарно-вещевого рынка.

Глава 2. Дальневосточное трансграничье¹²⁹

Введение

Дальневосточное трансграничье – совершенно особое социокультурное и экономическое образование. С момента появления в регионе русских переселенцев до настоящего времени оно формируется именно в контексте присутствия гигантского южного соседа, в свете коммуникации через границу. Коммуникация эта могла принимать разные формы: от торговли и «нерушимой дружбы» до откровенной неприятности и военного противостояния. Но она существовала, не прерываясь в годы самого сильного «охлаждения» между Москвой и Пекином. Такая устойчивость коммуникации связана и с длительностью самих контактов, и со спецификой взаимодействующих территорий. Как российский Дальний Восток, так и дальняя северная периферия Китая, были долгое время не особенно интересны соответствующим центральным правительствам. Точнее, преобладал не столько прагматический, сколько геополитический интерес. В результате, практически, регион осваивался совместно.

Казаки, призванные защищать регион от иноземцев, в том числе, от китайцев, нанимали тех самых китайцев на сельскохозяйственные работы. Строительство КВЖД дало мощный толчок к переселению российских подданных на территорию Поднебесной. Еще более значительное переселение их происходит в результате Гражданской войны, когда создается обширный «русифицированный» район Китая. Несмотря на гонения времен японской интервенции и Второй мировой войны, несмотря на репрессии эпохи «культурной революции», русский субстрат сохранился в социокультурной ткани северных провинций Китая. В новую эпоху он актуализируется.

Челночное движение 90-х годов, приход на пост-советский Дальний Восток китайских торговцев и китайских рынков, стали важнейшими приметами новой страницы российско-китайского приграничья и трансграничья. В районах Китая, примыкающих к российской границе, формируется инфраструктура, ориенти-

---

¹²⁹ Авторский коллектив: Л.Е.Бляхер (редактор главы; введение; 2.1), Т.Н. Журавская (2.2), Е.О. Скрипник (2.2), И.О. Пешков (2.3).

рованная на русских шоп-туристов. Специфические торговые центры и гостиницы с вывесками на русском языке, многочисленные лавочки и кафе, ориентированные на вкусы русских потребителей. Постепенно русский субстрат из неявной формы переходит в видимую и фиксируемую. Более того, он становится той «изюминкой», которую предлагают китайские туристические предприятия уже не только в России, но, прежде всего, в Китае и странах Юго-Восточной Азии. Воссоздаются «русские» образы Даляня и Харбина, русские деревни, музеи и многое другое. В результате, у границ России оказывается регион, презентующий себя как «русский» Китай.

Сходные процессы, хотя и существенно менее выраженные, протекают на российском Дальнем Востоке. На их динамику существенное сдерживающее влияние оказывала и продолжает оказывать идеология «форпоста России», которая на протяжении большей части XX столетия была основой самосознания жителя региона. Антикитайские настроения и у населения, и у власти фиксировались на уровне массовых опросов и выступлений местных руководителей, газетных передовиц и властных решений. Однако огромная заинтересованность в контактах с южным соседом оказывалась сильнее, чем привычная идеология. В городах (прежде всего в Благовещенске и Уссурийске, расположенных рядом с границей и обладающих таможенными переходами) появляется инфраструктура, ориентированная на китайцев. До недавнего времени процветали казино в Биробиджане и Благовещенске, рассчитанные на приезжих с другой стороны Амура.

Возникают китайские оптовые и розничные рынки, китайские рестораны «для русских» и «для своих». Под гостиницы для китайских рабочих и торговцев переоборудуются общежития вузов и техникумов. Формируются целые отрасли хозяйства, ориентированные на работников из Китая, на торговцев из Китая. Появляются фирмы, берущие на себя установление отношений с властными лицами, решение формальных проблем. При этом и взгляды жителей дальневосточного приграничья России, и сам характер взаимодействия с сопредельным регионом Китая, претерпевал достаточно серьезные изменения.

Если в 90-е годы основной массив граждан КНР, пересекающих российско-китайскую границу, составляли гастарбайтеры и мелкооптовые торговцы, то в 2000-е годы ситуация начинает меняться. Китайские гастарбайтеры становятся редкостью, особенно в еще недавно «китайской» сфере городского благоустройства и строительства. Эту нишу заполняют выходцы из Средней Азии. Китайские рабочие сохраняются в сельском хозяйстве, особенно Еврейской автономной области. Но меняется сама структура их занятости. Чаще всего, предприятия, на которых они трудятся, фактически принадлежат китайским предпринимателям, они ориентированы на китайский рынок. Предприниматели и становятся основными фигурами российско-китайского взаимодействия в «нулевые» годы. Причем, и с российской, и с китайской стороны. Поток челночной торговли, столь значительный в 90-е годы XX века, начинает существенно сокращаться. К середине следующего десятилетия он уже едва виден. Просторы Китая начинают осваивать российские бизнесмены более крупного разряда.

Формы этого освоения были самыми различными: более дешевые кредиты, заказ комплектующих, экспорт российского сырья. Если на первом этапе постсоветского взаимодействия основным русским персонажем в Китае был «челнок», то в новый период ситуация меняется. Учащаются визиты официальных лиц, гастроли артистов, научные и учебные обмены. Шоп-туризм, резко сокративший свои обороты, постепенно замещился иными видами туризма: экскурсионным, рекреационным, медицинским. Чем более крупным был российский бизнес, тем менее он был связан именно с приграничьем. Заказы российских предприятий размещаются в Гонконге и Шанхае. Игровые и досуговые учреждения с российским участием возникают в Макао.

В десятые годы XXI столетия вновь меняется форма китайского взаимодействия с российским Дальним Востоком. Сюда приходят крупные китайские инвесторы, начинается формирование существенного сегмента региональной экономики, ориентированной на Китай. Дальневосточные вузы входят в ассоциации с вузами Китая. Устойчивый характер приобретает обмен художественными коллективами, работа в Китае россий-

ских ученых, архитекторов и т. д. Регион все теснее входит в социально-экономическое пространство, структурируемое Китаем. В Дальневосточном академическом симфоническом оркестре выступают артисты – граждане Китая, а российские артисты входят в музыкальные коллективы Даляня.

По существу, на дальневосточной территории России, особенно в южной, наиболее населенной ее части, сосуществуют два, относительно автономных сектора экономики: ориентированная на Китай и финансируемая из бюджета РФ. Хотя автономность этих сфер далеко не абсолютна. Многие дальневосточные предприятия удачно совмещают взаимодействие с китайскими предприятиями и выполнение государственных заказов (заказов всероссийских госкорпораций).

При этом речь не идет о «захвате» или агрессии. Просто именно в крупнейших городах Китая (Шанхай, Гонконг) сырье из России получает наивысшую цену, получают заказы архитекторы, гранты ученые. Здесь для российского бизнеса проще взять кредит на стартап, да и просто реализовать себя амбициозному молодому человеку из России. Не случайно, в последние годы резко возросли конкурсы в вузах на специальности, связанные с изучением китайского языка и китайской экономики. Если на рубеже XIX–XX века именно воздействие русской культуры и русского капитала вызвали к жизни северный Китай, получивший показательное наименование – «Желтороссия», то сегодня воздействие поменяло направление. Китайский капитал и огромный китайский рынок становится основой для развития российского Дальнего Востока. Казалось бы, канувшая в Лету «Желтороссия», вновь возникает на Дальневосточном трансграничье. Она охватывает северо-восточные провинции Китая и юг российского Дальнего Востока, все более глубоко проникая в саму социальную ткань.

В статье Ивана Пешкова в центре внимания находятся элементы материальной культуры и культурные практики, значимые для северных территорий КНР, обладающие русским (сибирским) генезисом. В работе прослеживаются пути проникновения этих образов в социально-культурное пространство Китая, формы взаимодействия с китайскими культурными образцами, современное состояние этих образов.

Иной аспект социального пространства трансграничья исследуется в статье Екатерины Скрипник и Татьяны Журавской «Предприниматель из КНР – собственник, мигрант или работодатель?». Если в статье И. Пешкова в центре внимания русские образы в Китае, то здесь интерес исследователей сосредоточен на восприятии россиянами-дальневосточниками китайских предпринимателей. При всем том, что авторы выдерживают достаточно жестко экономическую терминологию, по сути, речь идет о взаимодействии различных образов «китайца» на территории Дальнего Востока России.

С одной стороны, «китайский предприниматель», как показывают авторы, это обладатель достаточно серьезного экономического потенциала, человек с серьезными финансовыми и социальными возможностями. С другой стороны, – это мигрант, т. е. человек, обладающий в глазах местного населения достаточно низким статусом. Это противоречие проявилось в ходе массового опроса, выступающего эмпирическим основанием анализа. Китайские предприниматели в целом оказались обладателями более низкого статуса, нежели группа «предприниматели» без этнических предикатов. В то же время, «китайцы» обладают в глазах местного населения более высоким статусом, чем все остальные иностранные граждане, проживающие на территории. Такая двойственность крайне симптоматична для Дальнего Востока России, где «естественная» экономика и социальная ткань тяготеет к трансграничью, тогда как властный дискурс и СМИ ориентированы на экономику, детерминированную государственными проектами и государственными корпорациями.

Эта двойственность прослеживается и в статье Леонида Бляхера «Этнизация и колонизация в региональном дискурсе Дальнего Востока России». Если предшествующая статья рассматривает пространство крупных городских центров, то здесь объектом исследования становятся малые города. В 90-е годы, на фоне «отступления» государства и государственного финансирования в них формируется «спонтанный порядок». Возникает сетевая структура, напоминающая традиционную крестьянскую общину, ориентированную на выживание, ведение комплексного хозяйства, взаимовыручку. Основой построения такого комплексного хозяйства и выступает трансграничное

взаимодействие. Граница оказывается здесь значимым и осознаваемым ресурсом.

В то же время, близость к Китаю, становится формой идеологического обоснования «спонтанного порядка», его особого статуса и права на существование. Происходит этнизация регионального дискурса. Если начало ей задается в «столичных» городах, то наиболее завершенную форму она обретает именно в малых поселениях.

Если в 90-е годы и в самом начале текущего столетия этот процесс протекал относительно свободно, то в середине «нулевых» годов он начинает обретать иное измерение. Государство, как основная нормирующая и упорядочивающая сила, возвращается, вступая в конфликт со «спонтанным порядком», выстроенным в отвлечении от факта его существования. Возникает конфликт, перипетии которого связаны с большей или меньшей сформированностью регионального дискурса.

При всем различии в методологии и дисциплинарной направленности, выводы всех статей достаточно плотно соотносятся друг с другом. Главный из них – дальневосточное приграничье, как особый социокультурный и социально-экономический феномен, порожденный взаимодействием двух культур, сформировалось. Это объективная данность, исходя из которой, выстраивают свои практики все участники этого пространства.

Это – не русская культура, не культура Китая в чистом виде. Это – трансграничье.

2.1. Этнизация и колонизация в региональном дискурсе современной Азиатской России (на примере малых городов Дальнего Востока)

Процессы, происходящие на периферии историко-культурных ареалов, на фронтире, представляют особый интерес для исследователя. Интерес этот сводится не только и не столько к «этнографической экзотике», специфическим чертам, которые характерны для этих территорий. Здесь, в силу периферийности и пограничности, сильные концепты, структурирующие воображаемые сообщества¹³⁰, воздействуют намного слабее. Им проти-

¹³⁰ Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L., 1983.

востоят и их ослабляют «через границу» иные конструкты, иных воображаемых сообществ. Да и заинтересованность «центра» в таких периферийных территориях существенно ниже, поскольку высоки издержки «удержания» их в данном смысловом и политэкономическом пространстве.

Соответственно, более ярко и наглядно проявляются социально-политические процессы, скрытые мощным пластом «больших нарративов» или их «осадков»¹³¹, продолжающих присутствовать в «ядрах» воображаемых сообществ. Здесь, в периферийных зонах, гораздо чаще возникают лакуны, невидимые «легальной» оптикой пространства, где достаточно быстро формируется порядок, качественно отличный от предписанного легальными нормами и институтами. Правда, этот порядок далеко не всегда стремится к самопрезентации. Чаще он обнаруживается в качестве «сопротивления среды», когда государственные формы концептуализации пространства и социальной общности все же пытаются заполнить собой лакуны на периферии.

Этот процесс, противостояние между местным (территориальным, локальным) сообществом и государством, стремящимся внедрить на данной территории формальные правила, не совпадающие с социальными практиками, принятыми «на местах», мы и попытаемся рассмотреть в настоящей работе. В качестве отправного пункта наших рассуждений мы используем модный сегодня концепт «полицейское государство», постаравшись освободить его от наиболее явных публицистических коннотаций.

Термин «полицейское государство» все активнее включается в публицистический и в научный дискурсы, направленные на описание реалий современной России. Однако, если в публицистическом дискурсе термин «полицейское государство» наделен ярко выраженной негативной коннотацией¹³², то в дискурсе научном все не так просто. «Полицейское государство» здесь – одна из форм политической организации, когда государственная власть обеспечивает (в том числе насильственными, но легитимными методами) исполнение однозначно трактуемых

¹³¹ Pareto V. Traiffi de sociologie gimurale // Pareto V. Oeuvres complintes. Geimve, 1968.

¹³² Гудков Л., Дубин Б. Милицейский произвол, насилие и полицейское государство // Неволя. 2004. № 1. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.index.org.ru/nevol/2004-1/dubin.htm> (режим доступа: свободный).

правил «внутри» политического пространства страны, которое перестает в этот момент быть собственно политическим. «Политическое» же переносится вовне, в сферу межгосударственных отношений¹³³.

При этом идея «общего блага» в том или ином виде становится ключевой. Именно «общие блага» становятся формой легитимации насилия, идеологической основой «наведения порядка». Соответственно, за то или иное понимание «общественных благ» и идет конкуренция. Ведь достаточно сомнения в том, что блага, представляемые государством, являются «общими благами», как насилие из легитимного инструмента управления превращается в структурное насилие. Нечто подобное мы и наблюдаем в одном из наиболее удаленных от центра, но, с недавних пор «обласканном» государственной заботой, Дальневосточном регионе.

События последних лет, так или иначе связанные с «восточным вектором» российской политики, породили пристальный интерес к социальным и демографическим процессам на территории Дальнего Востока России. Однако сам интерес этот был достаточно специфическим. Он определялся теми, зачастую мифологическими смыслами, которые транслировали сами дальневосточники в первые годы после распада страны¹³⁴. Это, конечно, прежде всего, «желтая опасность»¹³⁵.

О «китайской угрозе» и «нелегальной миграции» из КНР продолжают писать и исследователи, и публицисты, несмотря на явное несоответствие пафоса этих писаний и реального положения дел. Причина достаточно очевидна. Регион, который многие десятилетия существовал в режиме форпоста, осажденной крепости, мучительно расставался в первой половине 90-х со своей привычной функцией. Появление на улицах городов китайцев, от которых еще недавно нужно было «защищать страну», а теперь предписывалось с ними «дружить», трактовалось как угроза. Из бытового посыла оно проникало в анкеты со-

¹³³ Филиппов А.Ф. Полицейское государство и всеобщее благо. Статья первая // Отечественные записки. 2012. № 47 (2). С. 328-340.

¹³⁴ Бляхер Л.Е. Политические мифы Дальнего Востока России // Полис. 2004. № 5.

¹³⁵ Захарова О.Д., Миндогулов В.В., Рыбаковский Л.Л. Нелегальная иммиграция в приграничных районах Дальнего Востока // Социологические исследования. 1994. № 12. С. 11-21; Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М.: Муравей, 2004.

циологов, экспертные суждения, приобретая иррациональные и апокалипсические формы. Поскольку же путь региональных страхов, воплощенных в «научные тексты», до столичных исследовательских, информационных и политических центров был не ближе, чему путь света от Альфы Центавра, то к моменту, когда «свет» дошел, «китайская угроза» перестала существовать даже в массовом сознании дальневосточников. Тем не менее, до настоящего времени регион продолжает восприниматься, в том числе и в официальных документах, как «испытывающий внешнее давление»¹³⁶. Соответственно, защита от этого «давления» выступает важным показателем «общих благ», что не вполне соответствует региональным представлениям.

Не менее популярной в этом контексте является и идея «демографического кризиса» на Дальнем Востоке, связанного с массовой миграцией из региона местного населения¹³⁷. В принципе, трудно, да и не нужно отрицать очевидный факт. Население региона за последние десятилетия сократилось почти на 20 %. Но отток населения является постоянным фактором¹³⁸, действовавшим весь период освоения региона. Чтобы компенсировать его и предпринимались разнообразные шаги государства: от масштабных льгот при царском режиме до оргнаборов и труда заключенных – при советском. Трудозатратные и энергозатратные предприятия оборонного комплекса могли существовать только при сильнейшей поддержке государства. Прекращение ее «естественным образом» вело к высвобождению «работников» и, в условиях отсутствия укорененности, к их отъезду. Это конечно не единственная причина отъезда. Уезжали из региона не только рабочие закрывающихся заводов, но успешные предприниматели и ученые, музыканты и абитуриенты. Однако именно это обстоятельство делало отъезд массовым. Создавало «миграционные ожидания».

В прежние годы в подобных ситуациях исчезали целые города, уезжала едва ли не большая часть населения. Теперь города

¹³⁶ Программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года». [Электронный ресурс]: URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2012/136/> (режим доступа: свободный).

¹³⁷ Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России / отв. ред. П.А. Минакир. Владивосток-Хабаровск: ДВО РАН, 2006. 224 с.

¹³⁸ Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX в. (1640–1917): Историко-демографический очерк. М., 1985.

не исчезали, но качественно менялись. Отъезд был несколько менее массовым, чем в далеком прошлом, но изменения в социальной структуре были не менее масштабными. Жители региона вступали в качественно иные социальные отношения, из «трудовых коллективов» все больше превращаясь в некий аналог общины, ориентированной на выживание и взаимную поддержку. Об этих изменениях, их смысле и направленности, а также о восприятии территориальным сообществом усилий государства по модернизации региона и пойдет речь.

Необходимо определиться с терминами, вынесенными в заглавие. Они используются, скорее, как метафоры, отражающие наше стремление ухватить некоторое новое явление, чем строгие термины. Соответственно, при словарном их понимании они не столько проясняют, сколько затемняют смысл текста.

Под термином «этнизация» понимается осознание своей особенности, выделенности социальной (территориальной) группой. В начале 90-х годов идея «особого этноса» дальроссов была предметом споров вузовского и научного сообщества в регионе¹³⁹. В тот период особого распространения за пределы вузовских кафедр идея не получила. Сегодня, как мы постараемся показать далее, попытки осмыслить особенность (не особенность, а именно особенность) дальневосточников предпринимаются на гораздо менее интеллектуально нагруженном уровне. Представления о региональных и местных особенностях выступают способом защиты устойчивых местных же форм жизни от внешнего воздействия. Формы организации этих усилий мы и попытаемся прояснить.

Термином «колонизация» мы попытались обозначить восприятие населением региона модернизационных проектов, реализуемые здесь. Введение термина нуждается в пространном пояснении, принципиально важном для нашего анализа.

Колонизация: от «желтой угрозы» до «защиты «от Москвы»

В развитии Дальнего Востока в качестве части России более или менее очевидно выявляются «приливные» и «отливные» такты. В периоды «прилива», когда в государстве было отно-

¹³⁹ Попов В.Г. Дальроссы как этнокультурный тип // Россия на перепутье: контуры новой социальной системы. Вып. 3. Хабаровск, 1999.

сительно хорошо, центральное правительство вспоминало, что где-то, невероятно далеко у него есть гигантские территории. И на территориях этих есть всякие нужные вещи. Для XVII столетия – пушнина, «мягкая рухлядь», отчасти, «рыбий зуб». За ними шли первые переселенцы. Их добыча регулировалась Сибирским приказом. Ими «обкладывали податью» подвластные народы. В следующем столетии главным богатством оказалось серебро и китайские товары. Еще позже – золото, лес, полиметаллы¹⁴⁰.

С каждым новым «приливным тактом» прибывало новое начальство, ответственное за развитие именно данного вида деятельности. Представители «прошлых», утративших актуальность профессиональных групп, отнюдь не исчезали. Просто за них теперь не нужно было отчитываться перед столичным начальством. Они исчезали не из региона, но из отчетов. Становились невидимыми для власти¹⁴¹, превращались в социальных невидимок. В «приливные» периоды, их вес в экономике Дальнего Востока, не шел ни в какое сравнение с государственными вложениями в основную отрасль. Тем более, что в этом варианте с издержками не считались.

Дальний Восток был регионом «про запас», регионом «на будущее». Он, скорее, олицетворял геополитические амбиции страны, нежели воплощал их. Огромного Дальневосточного военного округа не всегда хватало даже на защиту восточных границ. Экономическая же эффективность региона вообще была сомнительной. Как показывают расчеты экономистов, даже в благополучные 1970–1980-е годы регион тратил почти на 26 % больше (без учета содержания войск ДВО), чем производил¹⁴². Транспортные и энергетические тарифы делали любую произведенную там продукцию «золотой». И если речь шла не о золоте как таковом, не об уране, уникальных биоресурсах или алмазах, продукция оказывалась неконкурентоспособной.

---

¹⁴⁰ Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004.

¹⁴¹ Говорухин Г.Э. Власть и властные отношения в символическом пространстве осваиваемого региона. Комсомольск-на-Амуре: ДВО РАН, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Комсом.-на Амуре гос. техн. ун-т., 2007.

¹⁴² Заусаев В.К. Стратегический план устойчивого социально-экономического развития города Комсомольска-на-Амуре до 2025 года. Хабаровск, 2009.

Ключевым был иной – политический – смысл существования региона. Здесь, как считали государственные деятели, да и исследователи, находился естественный рубеж государства, граница «цивилизационной платформы»¹⁴³. Такое восприятие региона доминировало и в досоветские времена – по крайней мере, после краха «американского проекта» на Аляске. Граница и подвергалась маркированию, «осваивалась».

Подъем российского флага в Мариинском посту (современный Николаевск-на-Амуре), на острове Сахалин или на Амурском утесе – месте расположения современного Хабаровска – был куда более значимым событием, нежели открытие в регионе серебряных и золотых месторождений. Ведь доходы от последних были минимальными. Так, в конце XVIII столетия на организацию «правильной добычи серебра» казна выделила 25 тыс. рублей, серебра же было добыто менее чем на 26 тыс. Подобное соотношение сохранялось и впредь¹⁴⁴.

Потенциальное богатство региона нивелировалось его крайней удаленностью от мировых центров, предельной неразвитостью коммуникаций. Регион символически был обозначен как принадлежащий России, хозяйственное же его освоение откладывалось на будущее. Пространство внутри маркированных границ оставалось пустым. Относительно плотно была заселена лишь узкая полоса вдоль верхнего и среднего течения Амура, а также вдоль Дальневосточной железной дороги. Там были работа, жилье, возможность сбыта сельскохозяйственной продукции. Главное – там был смысл региона. Население требовалось для того (особенно ясно это стало после Русско-японской войны), чтобы защищать границу, снабжать армию, обеспечивать коммуникации. Вся остальная территория заселялась эпизодически (золотоносные рудники, охотничьи поселки, угольные копи и т. д.).

Это свойство региона точно подметил один из первых и наиболее глубоких исследователей Дальнего Востока П.Ф. Унтербергер, полагавший, что регион очень пригодится России, когда ее европейская часть окажется перенаселенной. Для того чтобы в этой ситуации (по оценке Унтербергера, она должна была сло-

¹⁴³ Цымбурский В.Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М., 2000.

¹⁴⁴ История Дальнего Востока СССР. Период феодализма и капитализма. Владивосток, 1983.

житься к середине XX в.) избежать массовой миграции граждан за рубеж, и необходим регион «впрок». Нужно сформировать там органы управления, вооруженные силы, хозяйственную и транспортную инфраструктуру, которые, когда это понадобится, позволят развернуть его в полноценное территориальное образование. То, что регион не в состоянии прокормить за счет собственного производства даже наличное население, представляет собой плату за ожидаемые в будущем блага и защиту основной территории страны¹⁴⁵.

Плановое хозяйство советского периода не очень заметно повлияло на «потенциальность» региона. Начиная с 1930-х годов, ставка была сделана на развитие ВПК¹⁴⁶. С экономической точки зрения переброска огромного числа грузов, эшелонов людей и т. п. вряд ли была целесообразной. Но политический смысл региона (форпост и крепость Советского Союза на Дальнем Востоке) в тот период полностью покрывал дефицит смысла экономического, и... в регион текли ресурсы. В сталинские годы недостаток людей компенсировали лагерями и рабским трудом заключенных, а с наступлением «вегетарианских» времен – военными строителями и «корейскими лесорубами». Эти бесплатные или, во всяком случае, очень дешевые работники несколько снижали издержки строительства «новой жизни». Частично трудовые ресурсы пополнялись с помощью оргнаборов и комсомольских призывов.

Вот в периоды «отлива», когда центральная власть испытывала те или иные проблемы, значимость «невидимок» существенно возрастала. Регион переходил в режим «консервации». Сокращалось население, особенно занятое в основной отрасли. Архаизировалась экономика. В этих условиях «невидимки», изначально существующие в пространствах властных лакун вне государственной опеки, становились основой выживания региона. В результате этих «тактов» и бесконечной удаленности от основных центров, как национальных, так и мировых, Дальний Восток оставался «осваиваемым регионом». В этом статусе он встречает и очередной «отлив» в начале 90-х годов.

Распад СССР, экономический кризис, связанный с разрушением хозяйственных связей, внедрение «экономических кри-

¹⁴⁵ Унтербергер П.Ф. Приамурский край 1906-1910 гг. СПб., 1912.

¹⁴⁶ Кузин А.В. Военное строительство на Дальнем Востоке СССР: 1922–1941 гг.: дисс. ... док. ист. наук. Иркутск, 2004.

териев» для региональной экономики¹⁴⁷ потрясли хозяйство региона, основанное на ВПК. Попытки конверсии оборонных предприятий провалились, а население, связанное с этими производствами, начинает стремительно мигрировать. Подобные процессы мы наблюдаем во время всех периодов «отката». Население сокращается, хотя и не столь катастрофически, как, скажем, в XVIII столетии, но ощутимо, а наиболее передовые в техническом отношении предприятия перестают функционировать или, по крайней мере, существуют в крайне сложной ситуации.

Однако именно в последний период возникла и специфика. В предшествующие века удаленность региона была абсолютной. Все мировые центры финансов, промышленности и инноваций располагались очень далеко, что фиксировалось и в самом названии. На рубеже XX – XXI столетия ситуация меняется¹⁴⁸. Падение «железного занавеса» поставило регион в положение непосредственного соседства с глобальными центрами, расположенными в АТР. Агрессивные постиндустриальные экономики Шанхая, Осаки, Токио, Гонконга и т. д. остро нуждались в ресурсах дальневосточной окраины и готовы были за них платить. В результате, вместо обычной консервации и архаизации региона, он впервые самостоятельно включается в глобальные экономические процессы. Глобализация, со всеми оговорками, понятными при применении этого термина к Дальнему Востоку, становится средством выживания. Именно приграничная торговля и последующие более крупные обмены, спасли в 90-е годы все приграничье. Включается он не вполне так, как виделось идеологам постиндустриального развития России, не как центр экономики знания, но в качестве поставщика сырья. Однако, даже такое «включение» делало региональную экономику, при ее незначительном населении, вполне эффективной. За вторую половину 90-х годов региональные центры обретают необходимый лоск, обрастают социальной и досуговой инфраструктурой, существенно превосходящей советские аналоги, развивается жилищное строительство.

---

¹⁴⁷ Минакир П.А. Трансформация региональной экономической политики // Экономическая наука современной России. 2001. № 1.

¹⁴⁸ Бляхер Л.Е. Государство и несистемные сети желтороссии, или Заполнение «пустого пространства» // Политика. 2010. № 1.

Постепенно экономическая активность докатывается и до «региональной периферии», до малых городов Дальнего Востока. Из «черных дыр» на экономической карте региона они постепенно превращаются в места, не совсем комфортного, но вполне сносного проживания. Так, в городе Амурске вплоть до конца кризиса 98-го года отток населения превышал 1000 человек в год. После этого снизился до 120–130 человек в год. Важно и то, что, как показали неформализованные интервью, о которых мы расскажем позднее, мигранты середины 90-х годов уезжали «насовсем», рвали с местом. В более поздний период миграция шла, главным образом, в региональные центры, а связь с местом исхода не прерывалась. Сходным образом выглядели миграционные перетоки и в других малых городах региона. Ресурсы для выживания малых городов были различными, совсем не обязательно связанными с приграничной торговлей. Однако именно здесь, в пространстве таких «черных дыр» государственное воздействие было наиболее слабым. Это и позволяло сложиться порядку, обеспечивающему выживание.

Но в «нулевые» годы вектор развития вновь меняется. Государство «вспоминает» о существовании дальневосточных территорий. Точнее, те нормы, которые в 90-е годы существовали, но не применялись в силу слабости государства, начинают исполняться. «Лакуны» начинают заполняться. Более того, у государства появляются ресурсы, которые можно направить на освоение этих территорий, которые, согласно официальной статистике и неофициальной мифологии пусты, бедны и остро нуждаются в инвестициях. Инвестиции под федеральные целевые программы и пошли в регион. Но пошли они вместе с новыми жесткими правилами игры, которые, практически, не соотносились со сложившимися. Здесь и возникает противоречие, вылившееся порой в открытые акции гражданского неповиновения¹⁴⁹, но чаще проявляется в «оружии слабых», более или менее явно проявляющемся оппортунизме¹⁵⁰.

---

¹⁴⁹ Бляхер Л.Е. Почему «шумит» Приморье? // Вопросы местного самоуправления. 2009. № 6.

¹⁵⁰ Дятликович В. «Закреть» генерала // Русский репортер. 2008. № 4. [Электронный ресурс]: URL: http://expert.ru/russian_reporter/2008/04/granica_na_zamke/ (режим доступа: свободный).

В интервью, да и в печати, происходящие процессы все чаще осмысляются не столько, как освоение, сколько, как «захват» Дальнего Востока, превращение его в колонию. Соответственно, прежнее существование, трактуется, как «самостоятельное», «свободное»¹⁵¹.

Огромные вливания в экономику региона, если нет возможности перераспределить их в интересах местного сообщества, воспринимаются как инструмент колонизации региона, способ захвата территории¹⁵². Это, вполне понятно, вызывает и всплеск общественного интереса к поискам самоопределений дальневосточников, описанию их особенности. В качестве одной из таких, ключевых черт и воспринимаются контакты с Китаем, которые, по мысли идеологов и исследователей, порождают новое качество населения. Если в начальный постсоветский период близость с Китаем трактовалась как угроза, то теперь она все чаще воспринимается как ресурс. Причем, ресурс, который необходимо оберегать. Прежде всего, от «Москвы»¹⁵³.

Все это предельно наглядно проявилось в ходе подготовки и проведения саммита АТЭС во Владивостоке. Казалось бы, ситуация уникальная. Дальний Восток, действительно, выходит на авансцену российской политики, становится основой для общенационального проекта «восточного поворота», «ворот в Азию», которая уравновесила бы «окно в Европу». Попробуем чуть подробнее прописать этот посыл.

В период, когда Европа процветала, а Азия оставалась глухой мировой периферией, вариант «восточного развития», попытка которого впервые предпринималась в конце XIX века, был не более, чем политической экзотикой, лишенной экономического смысла. Отсюда колебания и нерешительность в восточной политике Санкт-Петербурга, приведшие к позору Русско-японской войны¹⁵⁴.

---

¹⁵¹ Дальний Восток после саммита снова транзитная колония? [Электронный ресурс]: URL: <http://irsolo.ru/dalnij-vostok-posle-sammita-snova-tranzitnaya-koloniya/> (режим доступа: свободный).

¹⁵² Лебедев А. Последняя колония // Новая газета во Владивостоке 2011. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.novayagazeta-vlad.ru/123/Obshchestvo/Poslednyayakoloniya> (режим доступа: свободный).

¹⁵³ URL: <http://publicpost.ru/blog/id/11841/>.

¹⁵⁴ Межуев Б.В. Моделирование понятия «национальный интерес» (На примере дальневосточной политики России конца XIX – начала XX века) // Полис. 1999. № 1.

Сегодня ситуация иная. Европу лихорадит. Причем, впечатления, что больной идет на поправку, не создается. В этих условиях попытка решить проблемы «родных» за счет «двоюродных» не могла не возникнуть. Все попытки нашей страны закрепиться в каком-либо секторе, кроме поставки энергоресурсов, гасятся на корню. Ситуация вполне устраивает Европу. Но устраивает ли она Россию? Все большее распространение получает мнение, что на жестко структурированном европейском рынке для России места попросту не находится. Здесь и всплывает «восточное направление». Рынок АТР намного больше европейского, гораздо более динамично развивается, остро нуждаясь в российском сырье, причем не только углеводородном. Главное же, на этом рынке место для России не то, чтобы готово, но потенциально имеется.

Беда в том, что с АТР Россия соприкасается регионом, который большую часть своей истории был не торговой территорией, но крепостью. Именно под эту задачу выстраивалась его промышленность и транспортная сеть, основывались города и заселялись пространства. С основной территорией страны Дальний Восток связан узкой полоской Транссиба, плохо проложенной автомобильной трассой и не блестящим авиасообщением. Промышленный потенциал региона в основном составляют предприятия ВПК, рентабельность которых никого не интересовала, а затратность компенсировалась утверждением, что «на политике» мы не экономим. На роль основной торговой территории в проекте «поворота на Восток», выдвигается регион, принципиально для этого не приспособленный. Значительная часть его населения продолжает мыслить в категориях военного форпоста, ностальгировать по временам, когда этот тип мышления имел под собой основания. Его промышленность предельно нерентабельна. Транспортная инфраструктура пребывает в зачаточном состоянии, а энергетика устроена настолько нерационально, что даже наличие энергетических мощностей не решает проблему. Именно это положение приводило к бесконечным колебаниям всякий раз, как только возникала идея «выхода в АТР».

Но сегодня ситуация уникальная. Во-первых, у страны пока еще есть ресурсы для преобразования региона. Во-вторых, почти два десятилетия дальневосточники на свой страх и риск, при

минимальной поддержке государства интегрировались в АТР. Больно, плохо, но интегрировались. Число людей, для которых сопредельные страны перестали быть чем-то неведомым, в регионе постоянно возрастает. И, в-третьих, альтернативы «восточному повороту» ни у России, ни у российского Дальнего Востока, похоже, не остается. В рамках этого «проекта» находится место и для федерального центра, и для местных элит, и для России в целом. Казалось бы, неожиданное, но желанное совпадение интересов федерального центра, дальневосточного бизнеса, населения страны, страдающего без объединительных креплений, да и самих деловых кругов сопредельных государств.

Однако единения рядов не выходит. Напротив, все сильнее акцентируется поиск особенных черт, отличающих дальневосточника, выделяющих его из общей массы «россиян»¹⁵⁵. Отчасти это связано с тем факультативным обстоятельством, что появление видимых контуров «восточного поворота» совпало по времени с политическим кризисом 2011/2012 годов. Соответственно, сам смысл проекта трактовался в контексте протестных действий. Это во многом помешало идее «восточного поворота» стать консолидирующей основой для новой политической нации, да и просто получить внятную артикуляцию.

Но было и иное. Модернизационные проекты, реализующиеся и планируемые в регионе, вошли в противоречие с интересами сложившихся за десятилетия локальных территориальных общин, их практиками социальной и хозяйственной деятельности.

Локальные сообщества как основа выживания

В одной из наиболее популярных книг конца прошлого века Дж. Скотт¹⁵⁶ рассматривает взаимодействие государства и локальных общин, «выживающих» в условиях, когда они по представлениям «цивилизованного человека» должны гибнуть. Государство («богатые» в терминологии Дж. Скотта), с его представлениями о нормальности, стремится к несомненной, с его точки зрения, благой цели. Оно хочет сделать жизнь «бедных»,

---

¹⁵⁵ В 2011 году был проведен региональный конкурс «Мы – дальневосточники», материалы которого позволяют заявить о наличии этой тенденции.

¹⁵⁶ Scott James C. Seeing like a state. How certain schemes to improve the human condition have failed. London-New Haven: Yale University Press, 1998.

представителей локального сообщества лучше, дать классические государственные блага: работу, зарплату, систему социальных гарантий. «Общие блага», которые и делают его существование легитимным. Но сообщество «бедных» совершенно не желает менять привычные и апробированные условия жизни и взаимной поддержки. С его точки зрения, усилия «богатых», будучи полезными для части сообщества, являются губительными для него, как целого. Внедряемые новации меняют и статусную структуру сообщества, лишая его лидеров привычного и признанного положения. Это противоречие в зависимости от конкретных условий может принимать форму открытого противостояния, но, скорее, будет проявляться в виде противостояния модернизационным действиям «богатых» (государства).

Подобная ситуация и разыгрывается сегодня в дальневосточном регионе. И если в крупнейших городах это противостояние сглаживается возможностью использовать ресурсы бюджета, наличием значительного числа государственных служащих со стремительно растущей зарплатой, высокооплачиваемых представителей культурного и интеллектуального истеблишмента, мульти эффектами, которые порождает масса состоятельных (платежеспособных) людей, то в малых городах ситуация иная. В качестве примера мы выбрали три города: Дальнереченск (Приморский край), Амурск (Хабаровский край), Биробиджан (Еврейская автономная область).

Города разные и по времени возникновения, и по принципам организации территориального сообщества. Однако именно локальное сообщество, выступающее неким аналогом общины, организованное по общинным принципам в каждом из этих городов становится основой для выживания. Важно и то, что эти города в большей или меньшей степени оказывались «не интересны» центральной власти. Здесь не было порта или уникальных месторождений полезных ископаемых. Здесь не конденсировалось политическое влияние. Здесь была «лакуна», существование не в том или ином правовом или политическом пространстве, но в «прорехе» этого пространства. Именно поэтому некий «неформальный порядок» и получил здесь возможность родиться.

Термином «община» мы обозначаем неформальное объединение людей, ведущих совместное хозяйство на данной территории и осознающих свою общность. Спецификой же общин в изучаемых городах является то обстоятельство, что формально их члены занимаются различными видами деятельности, достаточно опосредованно связанными друг с другом. Однако в реальности, через отношения взаимопомощи и участия в рискованных обстоятельствах друг друга, эти виды деятельности начинают составлять своего рода единый хозяйствующий субъект, единое «комплексное хозяйство», цель которого состоит в выживании членов общины. Наличие такого сообщества (общины) и дает возможность для сопоставления этих территориальных объектов. Различие же между ними позволяет выявить пределы и условия, в рамках которых подобный способ социальной организации остается функциональным.

Для анализа социальной ткани этих городов и структуры местного сообщества нами было предпринято эмпирическое исследование в виде серии биографических интервью с жителями каждого из городов. В городе Амурске (самый северный из изучаемых городов) было собрано 4 неформализованных интервью с работниками муниципального управления. Кроме того, 3 интервью с владельцами (продавцами) киосков, двумя работниками строительной отрасли, двумя работниками мебельной фабрики, 2 пенсионерами и 3 студентами техникумов и одним преподавателем филиала вуза. Было проведено наблюдение в здании районной администрации, на строительной площадке, на местном рынке, на мебельной фабрике, на улицах города, в культурных учреждениях города. Предварительно (до поездки) было проведено 2 неформализованных интервью со студентами Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск), проживающих в городе Амурске. Всего – 14 интервью.

В Дальнереченске удалось взять одно интервью с работником муниципалитета, заместителем директора ДОК, 5 интервью с индивидуальными предпринимателями, 2 с врачами городской больницы, 2 интервью с пенсионерами, 3 интервью с работниками комбината, 2 интервью с учащимися техникума. Кроме того, было взято предварительное интервью со студенткой Тихооке-

анского государственного университета, проживавшей в Дальнереченске.

Биробиджан представляет собой наиболее сложный объект исследования. Дело не только в том, что по населению он превосходит два предшествующих города. Преобладание над Амурском здесь не особенно велико. Дело в статусе «столицы» субъекта федерации и, соответственно, в получении больших федеральных трансфертов. При наличии в Биробиджане научно-исследовательского института (ИКАРП) и социологической лаборатории организация интервью была проще. Было собрано 3 интервью с работниками областной администрации, директором ИКАРП, 3 предпринимателями, 4 работниками местных производств (швейная фабрика, мебельная фабрика, завод металлоконструкций), с 2 пенсионерами, 2 преподавателями местного университета, 1 врачом и 1 депутатом законодательного собрания области. Наблюдение проводилось на центральной (пешеходной) улице Шалома Алейхема, на рынке, в помещении областной администрации, в университете, на предприятиях города.

Самый маленький из исследуемых городов – Дальнереченск – районный центр Приморского края. Население по последней переписи 27 604 человека. На территории городского округа проживает 30780 человек. Средний возраст 36,7 лет. Исторически возникает, как казачья станица Графская в 1859 году, названная в честь Н.Н. Муравьева-Амурского. Станица располагалась на слиянии рек Усури, Большая Уссурка и Малиновка. Вблизи располагается горный массив, представляющий собой дальние отроги Сихотэ-Алиня. До краевого центра 430 км. Город находится в пограничной полосе с КНР.

В 1894 году в связи со строительством железной дороги на месте станицы возникает город Иман. Кроме железнодорожного узла в городе развивается винокуренная, пищевая промышленность. Создаются деревообрабатывающие предприятия (лесопилки) крупнейших промышленников региона Скидельских и Стрелецких, представительство торгового дома «Кунст и Альберс», таможня. С момента основания в городе располагались многочисленные военные части, казачьи, пограничные форми-

рования, речная флотилия. С военными частями была связана деятельность многочисленных городских «кустарей».

В советский период основные направления городского хозяйства сохранялись. Основой его была деревообработка. Функционировали Приморский деревообрабатывающий комбинат, Дальнереченский лесопильно-деревообрабатывающий комбинат, лесозаготовительные конторы, бондарный завод по производству тары для рыбной отрасли Приморья. Важным направлением было производство строительных материалов (завод «Кирбет») на основе местных разработок песка, щебня и гравия (цементный завод). Продолжала развиваться пищевая промышленность: хлебокомбинат, мясокомбинат, колбасный цех и др. В городе до недавнего времени базировалась Отдельная бригада сторожевых кораблей, батальон связи, ряд пограничных застав.

В постсоветский период предпринималось несколько попыток организовать в Дальнереченске крупный центр деревообработки. Однако, по словам информантов, ныне проживающих в городе Хабаровске, крайне дорогая электроэнергия и конкуренция с дешевыми китайскими изделиями привела эти попытки к краху. Последней «точкой» стал кризис 1998 года, после которого попытки организации производства регионального уровня не предпринимались. На сегодня в городе работает один ОАО «Приморский ДОК», число работников которого многократно сократилось в последние годы. По экспертным оценкам, число работников (точных данных пока получить не удалось) – менее 200 человек. В советские годы было занято более 2500 человек. С ДОК связано несколько торговых предприятий. Пищевая промышленность представлена ОАО «Пекарь» и птицеводством «Соловьевский». Качественно уменьшилось количество военных частей и связанной с ними инфраструктуры.

В городе функционируют 8 школ, 2 профессионально-технических училища, Дальнереченский социально-экономический институт (филиал ДФУ). Значительная часть населения занята на обслуживании Дальневосточной железной дороги. В городе расположено три железнодорожные станции Дальнереченск I, Грушевое, Лазо, пристань на р. Большая Уссурия (к настоящему времени хозяйственное значение – мини-

мальное). В целом, на ключевых предприятиях города, включая железную дорогу, трудится менее 5000 человек.

В 90-е годы в Дальнереченске активно развивался «челночный бизнес». До настоящего времени действуют два рынка. Однако этот вид занятости стремительно сокращается. Через город проходит трасса федерального значения «Усури» (Хабаровск – Владивосток). В связи с этим определенное значение приобретает индустрия гостеприимства (придорожные кемпинги, 2 гостиницы, кафе и рестораны).

Здесь основой социальных отношений выступает многопоколенная семья. Родством считаются, его ценят и используют.

«Обратилась ко мне тетка. Типа, надо помочь с работой сыну. Так я недели три пробегал. Весь город на уши поставил. Понятно, решил вопрос. Но скольким я потом был должен, не пересчитать. А отказать? Как откажешь? Да, сын-бездельник, беда ходячая. Но она-то сестра матери. А там может и к ней обратиться придется. Если заболит кто» (мужчина, 54 года, бригадир ДОК).

Даже если это бывшие жители города, плотность родственных связей, контакты с большой семьей, сама функциональность этих связей в Хабаровске или Владивостоке сохраняется.

«У меня муж сестры двоюродной ремонт делал. Ну, договорились. Я заплатила. А он тянет. Там дел на четыре дня. А у него неделя проходит, другая. И ничего толку. Типа, извини, сестренка, работа выгодная подвернулась. Я терпела-терпела, а потом сестре все и выдала, что расскажу в Дальнем, как они с родней себя ведут. Так он сам прибежал, за два дня все сделал» (женщина, 25 лет, сотрудник МВД).

Семьи в городе проживают несколько поколений, что и предопределяет крепость родственных связей, укрепляющихся и общим прошлым, соседскими связями. В большие семьи могут входить и иные акторы – соседи, школьные друзья, знакомые по работе. Они составляют функциональную «периферию» общины, служат пространством взаимодействия между общинами.

«Вот в том домике, ближе к реке тоже наши друзья живут. Он в нашей больнице много лет гинекологом был. Считай, полгороду пуповины перевязывал. Он уже давно на пенсии. А

все равно. Мы как что к ним бежим. Ну, и помогаем, понятное дело» (женщина, 54 года, предприниматель).

Более крупный районный центр – Амурск, расположен в Хабаровском крае. Население муниципального округа 45 623 человека (города 43 420 человек). Средний возраст горожан – 49,3 года. В отличие от Дальнереченска (Имана), имеющего по дальневосточным масштабам изрядную историю, Амурск – типичный советский рабочий поселок. В 1958 году начинается строительство целлюлозно-картонного комбината недалеко от села Падали-Восточное. В 1960-м строительство объявляется Всесоюзной ударной комсомольско-молодежной стройкой, а пгт. Амурск становится райцентром. В 1973-м году он получает статус города. Амурск расположен вдоль Амурской протоки Сандинка. Автобусное сообщение с городами Комсомольском-на-Амуре (45 км) и Хабаровском (328 км). До ближайшей железнодорожной станции – 18 км. Летом осуществляется сообщение по реке Амур. Кроме ООО АмурДОК в городе работает завод «Вымпел» (оборонное производство), горно-металлургический комбинат группы «Полиметалл», ООО «Амуркамень», ряд других производств.

До самого недавнего времени все эти промышленные объекты были или остановлены (в том числе ЦКК, где трудилось до трети трудоспособного населения города), или работали с частичной загрузкой. С 1989-го года, когда население города было максимальным (до 60 тыс. человек), произошел значительный отток. Основные направления оттока – Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре. Причем, в отличие от Дальнереченска, где отъезд, по всей вероятности смешанный, из Амурска уезжает в основном молодежь. В результате демографическая структура в Амурске гораздо хуже. Несмотря на существование уже многие годы проекта технополиса «Комсомольск-Амурск-Солнечный», частичное восстановление промышленности начинается только на закате «нулевых» годов в связи со значительными государственными инвестициями.

Однако, как сообщают информанты, производства испытывают острую нехватку кадров, несмотря на существующую в городе безработицу. Квалифицированные работники предпочли переезд в Комсомольск-на-Амуре и, несколько меньше,

в Хабаровск. Не случайно основное промышленное строительство ведется силами региональных предприятий, минимально использующих местные кадры. В городе работает 10 средних учебных заведений, включая музыкальную и художественную школы, технические училища, Амурский политехнический техникум. На вопрос о сфере занятости основной части населения респондент ответил: «в основном криминал». При этом статистика преступлений по городу и району ниже, чем в соседнем Комсомольском районе. Видимо, имеется в виду неформальный характер занятости.

Здесь социальная ткань задавалась не большой семьей, но «заводом и цехом». Подавляющее большинство населения города составляли приезжие, не только из разных мест Хабаровского края, но и из разных регионов страны. Семьи, дружеские привязанности и сами основания коммуникации возникали уже по приезду в город (поселок). Город, как и большая часть подобных поселений, строился по принципу микрорайонов. Люди, работавшие в одном цехе, на одном предприятии жили в одних и тех же домах, вместе отдыхали, ходили (водили детей) в одни и те же школы и детские сады и т. д. Все это приводило к формированию сильных неформальных связей, распространявшихся намного дальше, чем производственная сфера.

«У нас все было, как сказать, совместное, что ли? Коммунизм такой (смеется). Жены детей друг на дружку перекидывали. Вроде, крикнет «пригляди за моим» и убежит. Вместе в дом отдыха, вместе в ДК. Ну, на работе, вообще, понятное дело. Здесь сосед с третьего этажа, а здесь – со второго. А там – из подъезда рядом. Очень дружно жили. Привыкли – все вместе. И дети наши вместе росли. В одни школы ходили, в одних кружках занимались. Это Амурск. Здесь каждый друг за друга» (мужчина, пенсионер, 64 года).

«У нас все стараются, чтобы в дело соседей, ну, своих, типа, привлекать. Рядом живут, знают друг про друга все. Свои. Такие не кинут. Если что, наоборот, впишутся за друга. Мы не как в Хабаровске. Мы вместе все живем. Дело вместе, баня вместе, охота, опять же, с соседями сподручнее» (мужчина, 41 год, предприниматель).

Хотя сети крайне разветвлены, охватывая, по словам респондентов, десятки человек, плотность их не велика. Достаточно много уехавших продолжает поддерживать связь только с ближайшей родней. Не очень склонны поддерживать прежние контакты и лица, добившиеся успеха, сделавшие административную карьеру в городе и районе. Это достаточно явно проявляется и в интервью с работниками муниципалитета.

«Мы стараемся, по возможности, не ходить в бани, на застолья. Тут коррупция и начинается. Знаете, не так трудно отказаться от денег. Придет такой орел, а ты его и пошлешь в... Сами понимаете. Даже приятно смотреть на его обалдевшую физиономию. А как отказать другу, приятелю? Здесь труднее. На этом раньше многие палились. Особенно в начале. Сейчас другое время. Возможности другие. Сейчас это никому не надо. Надо просто нормально работать» (мужчина, 43 года, работник муниципалитета).

Самым крупным из изучаемых объектов является город Биробиджан – административный центр Еврейской автономной области (субъект федерации). Население 75 413 человек. Средний возраст жителей чуть больше 34 лет. Максимальная численность населения в городе зафиксирована в 1989-м году (более 83 тысяч человек). Расположен вдоль реки Бира (приток Амура) и Транссибирской магистрали (станции Биробиджан I, Биробиджан II и III). Река Биджан расположена в 70–100 километрах от города. Местность низменная и, в прошлом, болотистая. Биробиджан был первой на Дальнем Востоке попыткой строительства «идеального социалистического города», правда, еще менее удачной, чем «город-на-зарю» (Комсомольск-на-Амуре).

Город возник в качестве железнодорожной станции Тихонькая (первоначально – заимка Тихонького) в 1912 году. В 1928-м году стал центром переселения «трудящихся евреев». В 1934-м году получает статус города. Развивается в основном легкая промышленность на основе местной сельскохозяйственной продукции и природных ресурсов. Машиностроительные предприятия города в настоящее время не работают. Частично функционирует завод силовых трансформаторов (40 работников) и авторемонтный завод. Крупнейшее в прошлом предприятие «Дальсельмаш» распалось на ряд мастерских, осуществляющих ремонт сельско-

хозяйственной техники для нужд возрождающегося производства бобовых (в основном, китайскими фирмами).

Значительное место в хозяйстве города занимает взаимодействие с сопредельными территориями КНР (прямая железнодорожная ветка связывает город с таможенным переходом в с. Ленинское). С 2004-го года в городе находится управление Кимкано-сутарского горно-обогатительного комбината, строящегося в области. С 2009-го года строительство получило серьезные инвестиции из бюджета РФ, частных инвесторов из России и Китая. Именно с ГОКом связаны надежды и областной, и городской экономики. Китай согласен не просто покупать продукцию ГОК (железную руду), но строит дорогу и мост для ее транспортировки, готов финансировать социальную сферу.

Биробиджан (областной центр) обладает относительно развитой социальной инфраструктурой. В городе функционируют 3 театра, кинотеатр, 6 клубов. Существует Художественный музей и Музей истории пенсии, 2 библиотеки. В сфере образования действуют 14 общеобразовательных школ, музыкальная и художественная школа, 4 колледжа, Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема, 4 филиала вузов других городов. Имеется Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН. Работают 7 больниц и 15 поликлиник. Есть собственные радиоканалы (всего транслируется 7 радиостанций) и телевидение (всего 12 телеканалов), выходит 9 газет.

Несмотря на статус областного центра, в 90-е годы город переживал трудный период. Блокировка связей с Хабаровским краем, частью которого ЕАО была до 1990-го года, приводит к спаду промышленного производства, неостребованности сельскохозяйственной продукции. Альтернативой сокращающемуся производству становится челночное движение, развитие малого предпринимательства, активизация связей с селами, выходцами из которых являются жители городов (меновая торговля, обмен продуктов на «городские товары»). Формируются и первые контакты с сопредельными территориями КНР¹⁵⁷. Первоначально, как и в Дальнереченске, речь шла о приграничной торговле. Позже стали возникать совместные сельскохозяйственные пред-

¹⁵⁷ Соловченков С.А., Бляхер Л.Е. Специфика трансформации рынка труда депрессивного региона (на примере Еврейской автономной области) // Вестник СПб. ун-та. Серия 12. Психология, социология, педагогика. 2009. Вып. 1. Ч. II. С. 134-147.

приятия по производству и переработке бобовых культур, ориентированные на китайский рынок, строительные и ремонтные предприятия. Сокращение внутрирегиональных потребителей компенсировалось выходом на рынок сопредельной территории.

В «нулевые» годы федеральные трансферты дают толчок к развитию строительства и производства (малого) строительных материалов, китайские предприниматели «поднимают» сельское хозяйство области, а вслед за ним появляется и пищевая промышленность, производство мебели, одежды и др.

Но несмотря на относительный подъем, основой хозяйства области остаются бюджетные деньги, выделяемые «Москвой» и распределяемые местной властью. Это накладывает на необычайно устойчивые местные и семейные связи, характерные для области и города. Прежде доводилось писать о специфике социальных связей в Биробиджане и ЕАО¹⁵⁸. Совмещение примерно в равных пропорциях традиционных устоев еврейской семьи с многопоколенными и общинными сетевыми структурами казачьего населения привело к формированию чрезвычайно разветвленных семейных и местных связей, сохранившихся до настоящего времени. Тем более, что в советский период Биробиджан не был центром переселенческих потоков. В основном население росло за счет естественных процессов демографического воспроизводства. Здесь возникла идеология, позволяющая объединить все «местное» – национальный статус области. По мнению респондентов (высказывалось в четырех интервью), в области сложилась особая общность людей – «еврейцы». Это осознание общности пронизывает территориальное сообщество от самых низов до руководящих городских и областных структур, делает его особенно плотным. Если жителям Дальнереченска и Амурска приходится решать проблему самоопределения, то здесь «подсказка» достаточно очевидная.

В советский период описанные структуры не имели особого значения. Во всяком случае, выживание обеспечивалось иными путями. Они, скорее, составляли неявный, но ощутимый неформальный фон жизни, определяли внепроизводственные связи,

---

¹⁵⁸ Бляхер Л.Е., Пегин Н.А. Биробиджан: между «потемкинской деревней» и nation-building // Полития. 2011. № 1.

сказывались в досуговых и теневых сферах. Они и составляли те самые «невидимые», подавленные государством структуры региона. Но, по мере того, как существовавший режим начинал давать сбои, они все более выходили на поверхность. Уже в последние советские годы, по воспоминаниям респондентов, их значимость возрастает. Дружба и приятельство, родство и соседство служили страховкой для «несунов», наиболее массовой формы советского предпринимательства, становились основанием для экономики обменов: краску на продукты, одежду и ткань на пиломатериалы и т. д.

Несмотря на различия в типе организации общины, в уровне плотности социальных связей внутри нее, функции общины оказывались очень близкими. Община должна обеспечить выживание и безопасность своих членов. Чем более деградировала «официальная» экономика, тем более явно проявляли себя общинные формы жизни. Более того, существовал процесс, который вел к их усилению.

Так сложилось, что в советские годы, отличавшиеся относительно высоким уровнем «притока» новых жителей на Дальний Восток, в Дальнереченск и Биробиджан прибывали не многие. Да и в Амурске «прибытие» завершается уже в 80-е годы. Дальнейший рост населения городов (продолжался до 1990-го года) шел за счет естественного прироста при относительно молодом населении. Отток в «нулевые» осуществлялся тоже своеобразно. «Отъезд на запад», в европейскую часть страны был более характерен для крупных городов. В исследуемых городах массовым явлением, если не считать относительно массовую эмиграцию в Израиль в начале 90-х из Биробиджана, было переселение в ближайший крупный город. Для Амурска это Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре. Для Биробиджана – Хабаровск. Для Дальнереченска – Хабаровск и Владивосток. Уезжали наиболее мобильные, наименее связанные с общинной структурой. Особенно в начальный период. Население же малых городов восполнялось за счет жителей прилегающих сел, леспромхозов, жителей «северов», прибывающих в более комфортные зоны проживания. Ресурсом, используемым при переезде, выступали родственные и дружеские связи.

«У нас многие перебрались в Дальнереченск. В основном родня из деревень. Здесь не Хабаровск, но, все-таки, больница есть, магазины, с работой проще. /.../ Вот, например, дочка моей сестры. Она у нас два года жила, пока в техникуме училась. Потом и на работу ей помогли устроиться. А там она и мать и братьев перетащила. Теперь все здесь живут» (женщина, 54 года, предприниматель). Вполне понятно, что именно эти связи продолжали использоваться и поддерживаться далее. Тем самым, число людей, ориентированных на общинные формы быта, возрастало.

Особенно значимой община становится в 90-е годы. Малые города переставали быть интересны «богатым» (власти). По существу, территории малых городов, если это были не порты, нефтеносные или золотоносные месторождения, попросту «выпадали» за пределы зрения властей. Сообщества городов становились относительно замкнутыми, предоставленными самим себе. Выживание в одиночку выработало только одну успешную стратегию – отъезд. Вот групповое выживание оказывалось возможным.

«Живем, как можем. Друг другу помогаем. Ну, мы, понятное дело, шмотки, какие из Китая приличнее. Я, считай, всех одеваю. Муж, если нужда в строительстве, распилить чего, доски, это к нему. Бензин, солярка, всякий авторемонт – это к С. Мы же все вместе ему дело ставить помогали. Теперь он нам помогает. Вот К. свиней разводит. Я тоже держу, но для себя. А она – на продажу. Так, В. ей остатки всякие из столовой, Ф. комбикорма подгонит. Я договорюсь на рынке, чтоб товар взяли на реализацию или в ресторане на вокзале. Нормально живем» (женщина, предприниматель, 54 года).

Такое сообщество позволяет минимизировать издержки, использовать все мыслимые источники для своего выживания. Каждый член общины (сообщества) выполняет две функции: собственно, функцию работника или предпринимателя, и функцию участника в предприятиях членов общины.

«Без родни сейчас никуда. Они и денег дадут, если в Китай съездить за шмотьем. Они с врачом помогут. Когда рынок кормить перестал, я стала тамадой подрабатывать. Так, первое время все заказы через родню шли. Ну, и сама я всегда помогу»

Вон, дочь двоюродной сестры, когда в техникуме училась, все время у нас жила» (женщина, 54 года, предприниматель).

Участие это отнюдь не добровольное. Отказывающийся в помощи «своему», автоматически подвергается санкции со стороны всех остальных, вплоть до полного исключения из системы взаимопомощи.

Сама структура общины в минимальной степени иерархична. Скорее, можно говорить о «ядре общины», составленном из относительно небольшого (в интервью – 7-9 человек) числа родственников или ближайших соседей, и «периферии», которая может быть очень большой. Представители «ядра», как правило, знают всех участников сообщества, тогда как представители «периферии» могут знать только «ядро». Однако существуют и традиционные формы презентации общины, встречи «всех». В интервью отмечались свадьбы, похороны, дни рождений и т. п. праздники.

Важной особенностью такой общности выступает и ее существование в пространстве «вне закона». Закон существует в восприятии социальных агентов, как одна из угроз существованию общины. Вынести с работы пиломатериалы или поделиться вырезкой от только что забитой своей свиньи – явления одного порядка.

«Ну, по закону (пауза), по закону уж совсем жить не получается. Мы же как, ничего важного никто не нарушает. Мы не ворует, не убиваем, не насилуем. У нас даже особых алкашей не водится. А так. Ну, бывает. Нарушишь. Если нормальный мент, или знакомый, всегда же договоришься» (мужчина, 43 года, предприниматель).

Формальное законодательство здесь заменяется спонтанно возникающими, но устойчивыми правилами, освященными жизненным опытом, обрастающими санкциями за неисполнение и моральным одобрением для тех, кто их соблюдает. Понятно, что эти правила «работают» только на локальном уровне. Попытка руководствоваться ими при «внешнем» взаимодействии вполне могла породить конфликт, типа конфликта мэра Амурска Геннадия Кузьминых и губернатора территории на рубеже XX–XXI века. Однако, поскольку и «выше» правила игры были столь же неформальными, согласование интересов было возможным.

Иначе складывались отношения территориальной общины с формальным законодательством.

Локальная община и государство: от сосуществования к противостоянию

Именно потому, что основные практики в общине формировались «поверх закона», возвращение государства и ужесточение условий игры оказывается губительным для подобного сообщества. В «нулевые годы» начинается более или менее очевидное противостояние локального сообщества и государства, власти. В этот момент различия в принципах организации локального сообщества, различная плотность социальных связей и дает о себе знать.

Пожалуй, сложнее всего столкновение с государством переживает территориальное сообщество Амурска. Именно здесь сетевые связи были слабее, а государственное воздействие – самым сильным. Город вошел в сферу интересов двух крупных компаний («Полиметалл» и «Дальлеспром»). Проекты, представленные этими предприятиями (металлургический комбинат «Албазино» и ЦКК), получили федеральное финансирование. Благодаря трехстороннему договору между предприятиями, городом и государством, отчисления в бюджет города за период с 2010 по 2012 год возросли в шесть раз. На эти деньги были реконструированы социальные объекты, обновлена дорожная инфраструктура и т. д.

Тем не менее, из интервью видно, что энтузиазм это вызывает только у лиц, так или иначе входящих в управленческие структуры района и руководство строящихся предприятий. В остальных интервью отмечался негативный фон, отрицательное отношение к происходящим изменениям. В качестве причин неприятия изменений в интервью отмечались: коррупция среди властных лиц, отсутствие активной социальной политики, незнание «местных условий».

«Да, они эти все проекты «пробили» только для того, чтобы навариться на них, лихие деньги сорвать. Все же это знают. Весь Амурск знает. Ну, и с нашими поделились, конечно. Чтобы те не возбуждали» (мужчина, пенсионер, 64 года).

«Все это никому не нужно. Сколько денег угробили на ДК? Лучше бы мусор стали регулярно вывозить. Сейчас еще ладно,

холодно. А летом, знаешь, какая вонь стоит? Или, там, снег убирать. Только в центре пятачок расчистят, а людям, хоть из дома не выходи. Переломы сплошные. У меня продавец недавно руку сломала. Сама вся в синяках хожу» (женщина, 47 лет, частный предприниматель).

Эти мотивы повторяются во многих интервью. Однако, как показывает анализ городского бюджета и интервью с работниками муниципалитета, а также наблюдение на улицах города, эти претензии справедливы лишь отчасти. И спортивные сооружения, и Дом культуры, и кинотеатр посещаются активно. За время пребывания в ДК прошли 2 городских мероприятия, регулярно, два раза в день, осуществляется показ кинофильмов. При ДК существует народный театр, в котором участвуют более 50 граждан, а спектакли, по словам работника отдела культуры, охотно посещают горожане.

Осуществлена реконструкция центральных улиц города и трассы, соединяющей Амурск и Комсомольск-на-Амуре. Увеличены зарплаты и проведен ремонт в двух профессиональных училищах. По словам педагогов, в последние годы возросло и число поступающих. Проводится реконструкция городского парка. Зимой оценить ее масштабы и успешность довольно трудно. Но макет будущего парка выглядит достаточно красивым и работы явно проводятся. Действительно, снег в городе убирается мало, подходы к подъездам завалены. Но это проблема не только города Амурска, а большей части дальневосточных городов. То же можно сказать о проблеме вывоза мусора и благоустройстве межквартальных пространств.

Отдельная проблема – ветхое жилье и недостроенные объекты. Но ее тоже трудно назвать специфической для Амурска. В последние советские годы, когда, согласно генеральному плану развития города предполагалось, что его численность дойдет до 150 тысяч человек, было заложено более двух десятков многоквартирных домов. Предполагалось, что в них переедут жители первых (деревянных, частично благоустроенных) домов и общежитий. Однако строительство завершено не было. В результате, в городе остаются значительные пространства, занятые объектами незавершенного строительства, а ветхое жилье окончательно приходит в негодность. Жители переселяются в пустующие

в связи с массовым отъездом в 90-е годы дома. Но средств на снос ветхого жилья в городском бюджете не хватает. Однако в последние годы и эта проблема начинает решаться. Уже четыре дома реконструированы, их строительство завершено за счет «Полиметалла» и «Дальлеспрома». Разобрано три ветхих дома. Иными словами, претензии горожан не вполне обоснованы. Эту точку зрения отстаивают представители местного самоуправления.

«Я не знаю, что им еще нужно? Тарелочку с неба? Все, что можем, мы делаем. Город благоустраиваем, пенсионерам помогаем, культурные учреждения ремонтируем. Еще пять лет назад всего этого не было и близко. Знаете, как Амурск называли: город-призрак. А сегодня живем. Перспектива есть. А им все плохо. Мы все у них – воры. От жалоб в край и в прокуратуру устали отбиваться. Просто не хотят меняться, вписываться в новую жизнь. Разве не так?» (женщина, работник муниципалитета, 43 года). Тем не менее, негативный эмоциональный фон фиксируется и в интервью, и в ходе массового опроса, проведенного в 2011-м году Дальневосточным институтом социально-политических исследований.

Ответ на вопрос о причинах недовольства содержится в ряде интервью с представителями старшего поколения горожан. Суть ответа – разрушается привычная и устоявшаяся жизнь.

«Конечно, когда Советский Союз рухнул, было очень плохо в городе. Заводы сразу закрылись. Ну, или не закрылись, так жили через пень-колоду. А потом еще этот конфликт был с краем (середина 90-х. – Примечание интервьюера), когда нам совсем перестали помогать. Но постепенно как-то утряслось. Кто мог, конечно, уехал. А мы все потихоньку приспособились. Кто-то торговлей занялся. Кто-то так, на огороде и скотине выживал, кто-то стал таксовать до Комсомольска. Ну, пенсии платили, школы работали, училища. Ничего, жили. А теперь все это опять рушат» (мужчина, пенсионер, 67 лет). Этот мотив встречается и в интервью с предпринимателями города. Сходным образом описывают картину и другие жители города, не связанные с местной властью. Негативные настроения, которые в иных интервью связываются с разрушением привычного образа жизни, устойчивых человеческих контактов, проявились

в нескольких прямых выступлениях, когда в 2010-м горожане, выйдя на улицу, потребовали отставки местного собрания, а в 2013-м году отмены (снижения) тарифов ЖКХ. При всем том, что оба эти выступления не привели к сколько-нибудь значимому успеху, острота неприятия положения дел городским сообществом достаточно очевидна.

Администрация города и района воспринимается, да и выступает здесь не столько как представители горожан, сколько как сторона в конфликте. Причем, сторона, противостоящая горожанам. Сами же горожане все больше организуются не в большой хозяйственный субъект, но в сети «против» происходящих изменений. В силу этого «неформальные сферы», в которых существовало локальное сообщество, подвергались наиболее сильному давлению.

«Они же все, как с цепи сорвались. Сами не живут и другим жить не дают. Сколько катеров стоит на приколе? А раньше ходили до Николаевска. Сколько леса гниет? А раньше деньги приносил людям. Понимаешь?» (предприниматель, 41 год, мужчина).

Внешне сходным, не особенно оптимистическим образом воспринимается и оценивается реальность в интервью, собранных в городе Дальнереченске. *«Да какая сейчас торговля? В прежние годы, когда клуб, где я работала, закрылся и мы начали в Китай ездить, торговля всех кормила. Сына в Хабаровске выучили. Дочку доучиваем. Всем помогали. Дом, вон, строить начали. Теперь все сворачивается. Денег у людей нет. Торговли нет. А налоги платить надо. В этом году, вообще, и аренду, и вмененку в два раза подняли. Если бы не Миша (муж. – Примечание интервьюера), не знаю, как бы жили»* (женщина, 54 года, индивидуальный предприниматель, торговля ТНП).

Сходным образом описывают ситуацию и другие индивидуальные предприниматели. Причем, сфера предпринимательства особого значения не имеет.

«Какая торговля? Мне знакомый из Владика (Владивостока. – Примечание интервьюера) предлагал партию товара под реализацию. Вроде и не мусор, а не взяла. Свое продать не могу... Если за день одну-две куртки продам – считай удача. Так и живем» (женщина, индивидуальный предприниматель, 46 лет).

«Раньше, когда иномарки по трассе гоняли в Хабаровск, у меня нормальный оборот был. Водилы у меня все останавливались. Ели. Кто-то на ночь оставался. А там и банька, и куражи. У меня и номера нормальные. Потом пошлины подняли. Стали меньше гонять. Не выгодно стало. Теперь под заказ гонят, а это в десять раз меньше. Вот обороты и падают» (мужчина, 52 года, владелец кемпинга).

По данным интервью, приоритет занятости в настоящее время (вне зависимости от должности) выстраивается следующим образом: ДВЖД, пожарная часть, мебельный комбинат, курорт «Шмаковка» (в 62 км от города), деревообработка и деревозаготовка, частная торговля, пищевая промышленность, другие сферы занятости. Неожиданно высокий статус имеют работники «бюджетной» сферы (врачи, преподаватели техникума, пожарные, милиция). Скорее всего, это связано с общей низкой доходностью, что делает зарплаты «бюджетников» значимыми. Районные власти, в отличие от Амурска, обладают существенно меньшим ресурсом. Вместе с тем, не вызывают столь сильного негатива.

«Они, как могут, так и работают. Можно было бы, конечно, лучше. Но люди есть люди. Всем жить нужно (смеется. – Прим. интервьюера). Они не нагледят. Есть, конечно, уроды. Но, так – люди, как люди. С ними всегда можно договориться» (мужчина, предприниматель, 48 лет).

Сами работники муниципалитета тоже оценивают свои возможности очень скромно. По их мнению, город дотируется «по остаточному принципу».

«Им, во Владивостоке, нужно только, чтобы здесь все тихо было. Остальное им по барабану. Отчислений от предприятий почти нет. Торговля задыхается. А тут еще законы такие, что ужас. А виноваты во всем одни мы. Они там все чистенькие и беленькие. Люди не живут, а выживают. Потому во Владике и в Хабаровске скоро наших будет больше, чем в Дальнереченске. Бегут люди» (мужчина, работник муниципалитета, 54 года).

Вместе с тем, реальный отток из города гораздо ниже, чем можно было бы предположить, исходя из текстов интервью. Достаточно противоречивое впечатление производит и сам город. При всем том, что недостаток средств городской и районной администрации виден (нет строительства, не качественный ремонт

учреждений социальной инфраструктуры и т. д.), город не производит впечатления заброшенного. Особенно не «парадная», а жилая его часть. Вокзал и прилегающая к нему территория достаточно благоустроены. В домах недостатка и нищеты тоже не наблюдается.

Видимо, здесь сложилась иная ситуация и община продолжает выполнять свою функцию. Ухудшения, связанные с «возвращением» закона, очевидны. Увеличиваются налоги, растут таможенные пошлины, сворачивается челночная торговля. Но появляются и новые виды деятельности. Активнее используются традиционные еще с советских времен практики «несунов» (использования ресурсов рабочего места), возможности подсобных хозяйств, которые постепенно становятся отнюдь не «подсобными». Наличие родственников и иных членов сообщества в больших городах позволяет наладить эффективный обмен, торговлю.

Стоит отметить и то, что связи внутри общины в этом варианте оказываются в целом сильнее, чем в варианте Амурска. Отчасти это связано с тем, что Дальнереченск (Иман) имеет более длительную историю, большее время складывались и оформлялись объединения. Однако есть и иной аспект. Связи внутри общины оказываются сильнее, поскольку сама община не теряет своей функциональности. Государство в виде федеральных и региональных властей проявляет крайне ограниченный интерес к городу и территории (исключение – курорт Шмаковка). Соответственно, местная власть теснее связана с населением, чем с иными уровнями управления, а само воздействие (слабое) государства на общину оказывается не столь разрушительным.

Тем более сильным, складывающимся долгое время, обладающим явным консолидирующим элементом, является локальное сообщество города Биробиджана. В отличие от Амурска, жители Биробиджана гордятся происходящими в городе изменениями, охотно говорят о них.

«Вы посмотрите, как все изменилось. Конечно, старого Биробиджана немножко жалко. Но зато центр – смотреть радостно... хочется. Мрамор, фонтаны, дома нарядные. У нас и концерты проводятся регулярно. Из Хабаровска, даже из Москвы приезжают. Можно сказать, интенсивная культурная

жизнь, кстати. Понимаешь, что не совсем в провинции живешь» (мужчина, 71 год, пенсионер).

Как и в Дальнереченске, здесь крайне значим сетевой фактор. Но строится он не только на родственных связях, но и на знакомстве, совместном досуге, обмене услугами. На этот фактор указали все респонденты. То есть здесь используются оба варианта (традиционный и «советский») организации сообщества.

«Знаете, какой первый вопрос здесь задают, когда на работу принимают или просто собираются общаться? Кого ты знаешь? Не что ты закончил? Не какую должность занимаешь, а кого знаешь. Отсюда и отношение к тебе. Знаешь «серьезных людей», тогда ты – человек. Нет? Тогда – пустое место» (женщина, преподаватель университета, 34 года).

«Как они контактат? Да не на работе. То есть, на работе, конечно, тоже. Но это потом. Сначала, в бане парятся, на охоту ходят. Так ранг и определяется. Кто с кем в бане и на охоте. Это уже, как должность: «Я с самим мэром в баню хожу». Потом и на работе с ними все решают» (мужчина, предприниматель, 32 года).

«Вот твой дядюшка – большой человек. Академик, директор. А вот ему нужно было на прием к губернатору. Он – туда-сюда. А никак. А я позвонил по мобильнику и договорился. Так-то. Я же Винникова еще по комсомолу знаю. В свое время столько водочки вместе выпили, что азохен вей» (мужчина, предприниматель, 57 лет).

В большей части интервью отмечалась тесная связь горожан с селом (районом), выходцами из которого они были. Упоминаются регулярные обмены (продукты в обмен на городские товары) с родственниками в деревнях, помощь в трудоустройстве в Биробиджане. Сходным образом организовано и сообщество горожан. Объединения здесь тоже строятся по соседскому принципу. Правда, если целью перемещения сельских жителей является Биробиджан, то сами биробиджанцы ориентированы на продвижение в более крупные города в регионе и за его пределом.

«Знаешь, в чем главная проблема. Город на трассе. Как только кто-то поднимается, он сразу переезжает или в Хабаровск, или еще куда подальше. Возьмешь мальца, учишь его. Только начнешь его вверх двигать, а он уже в правительстве в Хабаровске

или в Приморье. Так у меня остаются только пионеры или пенсионеры» (мужчина, 51 год, государственный служащий).

Важным элементом территориального сообщества является в Биробиджане интегрированные в него представители власти. Мэрия и администрация области – отнюдь не выделенные структуры, но вполне «освоенные» местным сообществом. Конечно, в первую очередь, это госзаказ или иная возможность приобщиться к благам бюджета. Но не только. В интервью неоднократно упоминались ситуации, когда административные лица выполняли функции третейских судей в неформальных хозяйственных спорах, составляли протекцию для жителей региона перед внешними агентами, выполняли иные функции в отношении территориального сообщества, далеко выходящие за пределы служебных обязанностей. Такие неформальные функции формального лидера и сообщают ему авторитет в сообществе, позволяют ему это сообщество «видеть». В противном случае, глава отторгается территорией, что в условиях прочности социальных связей означает его провал, как управленца.

В целом Биробиджан производит впечатление высоко интегрированного сообщества, не менее высоко, чем в Дальнереченске. Правда, существенно более сложно организованного организма. Неформальные структуры здесь существуют не столько в противовес формальным, но пронизывают их, включают в себя. Сложность организации позволила не только обеспечить сообществу выживание, но и «растворить» в себе ресурс, предназначенный «на модернизацию».

Большая часть средств направляются на выживание территориального сообщества. В силу наличия «своего губернатора», территория получает возможность противодействовать всем попыткам проникновения в нее внешних, не устраивающих сообщество смыслов и социальных групп. Важным моментом для объединения разрозненных и локализованных «общин» в целостное территориальное сообщество выступает здесь «квазиэтнический» фактор (еврейская область), позволяющий «легально» претендовать на признание особенностей. Иными словами, только здесь у общины появляется пространство для переговоров с государством. Именно наличие этого пространства и делает сеть крайне эффективной, способной «решать про-

блемы». В свою очередь, сама сеть расширяется, усиливается за счет новых членов, стремящихся использовать этот ресурс.

Таким образом, спонтанный порядок, возникающий на периферии в лакунах политической власти, оказывается вполне способным обеспечить выживание сообщества за счет объединения ресурсов его участников, минимизации транзакционных издержек и организации «комплексного хозяйства». Однако сам факт его существования в определенных условиях оказывается вызовом для полицейского (упорядочивающего) воздействия государства. Он становится и воспринимается адептами государства в качестве его альтернативы.

Сам же результат и характер противостояния территориальной общины, выступающей как форма существования входящих в нее людей и государства, зависит от нескольких очевидных факторов. Во-первых, это плотность и стабильность самой общинной организации, ее эффективность в решении повседневных проблем участников объединения. Во-вторых, наличие некоторой публичной и легальной властной структуры, вместе с тем, встроенной в общину. Т. е. наличие формальной и легальной организации выступает значимым ресурсом неформальной общины. В-третьих, степень заинтересованности государства в данной территории и в реализации данного модернизационного проекта. Если степень эта высока, то мощи государства, скорее всего, хватит, чтобы раздавить общину. Важна и степень несоответствия интересов государства и общины. Скажем, достаточно очевидно, что сохранение общинных форм в Дальнереченске и разрушение их в Амурске связано с тем, что в Дальнереченск «масштабные проекты» так и не пришли, тогда как в Амурске эти деньги и их воздействие более чем значительны.

В принципе, интересы государства и территориального (локального) сообщества редко совпадают, особенно, если община уже сложилась, и сложилась в отвлечении от факта «государственных интересов». Однако вариант Биробиджана позволяет говорить о том, что исход такого противостояния не обязательно конфликтен и трагичен. Определяющей здесь оказывается институциональная возможность артикулировать особость и интересы общины, указать на возможность их согласования с интересами государства. Иными словами, община, да и не

только община, но любое выделенное социальное образование успешно выживает, если у него есть легальный и легитимный «переговорщик», а также пространство, где эти переговоры возможны. Но и здесь долгосрочное согласование интересов часто затруднено тем обстоятельством, что не артикулированы интересы самого государства. В этих условиях избежать восприятия государственного варианта «общего блага» в качестве формы структурного насилия крайне сложно.

2.2. Предприниматель из КНР – собственник, мигрант или работодатель?

Постсоветские трансформации в России затронули все сферы общественной жизни, и многие из них до сих пор нельзя считать окончательно состоявшимися. Важнейшим социально-экономическим преобразованием, безусловно, является плюрализация форм собственности, что, помимо социальных перемен (усиления неравенства, изменения структуры социальных классов, появления новых форм общественных взаимодействий и т. д.), должно было стать основой развития легального предпринимательства и экономического роста. Однако быстрая приватизация была реализована в условиях неопределенности рыночных механизмов, что стало одной из причин формирования обширного неформального сектора, регулируемого новой системой социальных норм и правил поведения и, по сути, функционирующего не в рамках законов, а на основе межличностных взаимоотношений¹⁵⁹.

Характерным примером таких трансформаций стало стремительное развитие мелкой торговли с участием капитала не только местного населения, но и временных мигрантов. В 1990-х гг. неотъемлемым элементом экономической жизни любого российского города стали рынки и базары, на которых продавцы часто не обладали законным правом ведения торговли, правом собственности на свой товар или бизнес и в целом воспринимались обществом как *спекулянты*, а не *легальные предприниматели*. Максимальное число подобных рынков пришлось на ко-

---

¹⁵⁹ Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: причины развития в зеркале мирового опыта // Экономическая социология. 2000. Т. 1. № 1. С. 13-24.

нец 1990-х гг.¹⁶⁰, а социальный статус *бизнесменов*, торгующих на них, был низким.

В 2000-х гг. началась планомерная государственная политика ликвидации открытых торговых площадок, ужесточения правил торговли и требований к оформлению предпринимательской деятельности. Это заставило многих торговцев *выйти из тени*, перестать быть *перекутилками* и стать *индивидуальными предпринимателями*, т. е., по сути, собственниками своего бизнеса со всеми вытекающими из данного статуса правами и обязанностями.

Однако, как показывают современные исследования, данный сектор экономики остается наименее формальным, что во многом объясняется присутствием на нем мигрантов. Во многих городах Сибири и Дальнего Востока этнически маркированные *китайские* рынки, которые просуществовали более 20 лет, не перестали быть *китайскими* даже после введения в 2007 г. нулевой квоты на иностранных торговцев, запрещающей мигрантам торговать на открытых рынках¹⁶¹. К новым условиям мигранты приспособились быстро. Во-первых, произошел перенос рынков в капитальные строения и переименование их в торговые центры, не попадающие под действие закона. Поэтому, если исходить из определения рынков как «имущественных комплексов, предназначенных для осуществления деятельности по продаже товаров (...) на основе свободно определяемых (...) цен и имеющих в своем составе торговые места»¹⁶², то сокращение их числа становится не столь очевидным.

Во-вторых, фактически *китайские* фирмы, имеющие статусы «ООО» или «ИП», стали оформляться на подставных лиц – граждан РФ и продолжили работать по старой схеме. В 2011 г. только в центре Благовещенска можно было наблюдать не менее 300–350 торговцев из КНР, при том, что легально в сфере тор-

---

¹⁶⁰ Ильин В. Маркетинг российского базара // Практический маркетинг. 2000. № 8. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.cfin.ru/press/practical/2000-08/04.shtml> (режим доступа: свободный).

¹⁶¹ Дятлов В., Журавская Т., Охотников А., Первалова Л., Собенникова Е. «Китайские рынки» российских городов – «уходящая натура»? // Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации / под ред. В.И. Дятлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 249-288.

¹⁶² Торговля в России. 2009: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 242.

говли («продавцы, натурщики и демонстраторы одежды») разрешено было работать менее 50 иностранцам¹⁶³.

В результате китайские торговцы как с точки зрения закона, так и с позиции принимающего сообщества, продолжают восприниматься не как бизнесмены, а как *нелегалы, мигранты, нежелательные элементы*. Они формально не могут подтвердить свои права, а значит и статус предпринимателя, несмотря на то, что фактически могут являться собственниками фирм и даже работодателями. А так как большинство китайских мигрантов занято именно в сфере рыночной торговли, то образ *торгаша* распространяется на всех граждан Китая, пребывающих на территории России.

Мы постараемся проследить взаимосвязь между статусом китайских мигрантов, собственностью и родом их деятельности, т. к. мы предполагаем, что данные факторы существенно влияют на социальное положение представителей данной группы и отношение к ним со стороны принимающего сообщества.

Теоретические предпосылки

Влияние собственности на позицию индивида в обществе признавали еще классики социологии. В марксистской теории отношения собственности определяют, кто принимает решение о производстве продукта, его распределении и вознаграждении за труд. Собственность влияет на стратификационную структуру общества, т. к. права определяют доступ к вещам и контроль над ними, а значит, лежат в основе неравенства¹⁶⁴.

Со временем ортодоксальная марксистская теория классов претерпела значительные изменения, хотя отношения собственности и разделение общества на классы остались центром неомарксистских теорий. Были добавлены другие переменные, оказывающие влияние на положение индивида и социальных групп: контроль над средствами производства (Zeitlin M.), индустриальное и постиндустриальное разделение труда (Braverman H.), временной контекст (Thompson E. P.) и другие¹⁶⁵. Изучается

---

¹⁶³ О приграничном сотрудничестве Амурской области с Китаем: Записка / Амурстат. Благовещенск, 2011. С. 44.

¹⁶⁴ Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М.: Изд-во «Аспект-пресс», 1996. С. 26.

¹⁶⁵ Zeitlin M. Corporate Ownership and Control: The Large Corporation and the Capitalist Class // Classes, Power, and Conflict: Classical and Contemporary Debates. L., 1982; Braverman H. Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth

взаимная обусловленность собственности и статуса индивида (или социальной группы).

Категория статуса в социологии используется в трех значениях¹⁶⁶:

1) как позиция человека в социальной системе, которая тесно связана с ожидаемым поведением человека и его социальной ролью (Р. Линтон);

2) как синоним репутации или престижа, обозначающий позицию индивида относительно публично признаваемой шкалы или иерархии (М. Вебер);

3) как позиция индивида, определяемая жизненным стилем или образцами потребления (П. Бурдьё).

Р. Линтон выделял статус от рождения (пол, возраст, расовая принадлежность, прирожденный талант и т. п.), а также приписываемый или достигаемый статус (доход, собственность, профессия, образ жизни, гражданства и т. д.). Роли представлялись динамическим аспектом статуса: когда человек принимает свои права и обязанности. Поэтому роль и статус нельзя четко разделить, поскольку нет никаких ролей без статусов и статусов без ролей. Так как статус зависит от культуры и ценностей общества, он может определяться множеством различных аспектов¹⁶⁷.

М. Вебер считал собственность только одним из измерений неравенства (экономический параметр) вместе с такими переменными, как престиж и власть. Он выделял класс собственников и рабочий класс, но также и мелкую буржуазию, интеллигенцию и служащих. При этом статус индивида мог быть не связан с классом, а класс автоматически не определять статус. С другой стороны, М. Вебер указывал на существование связи между всеми параметрами. Собственники могут «монополизировать привилегии на социально престижные виды образования так же, как на престижные виды потребления», а престиж или статус может влиять на доступ к власти или собственности¹⁶⁸.

Century. N. Y., 1974; Thompson E.P. The Poverty of Theory and Other Essays. L., 1978. Подробнее см.: Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Изд-во «Аспект-пресс», 1996; Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002.

¹⁶⁶ Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь / 2-е изд., перераб. и доп. / пер. с англ. И.Г. Ясавеева. М.: Экономика, 2004. С. 469-470.

¹⁶⁷ Linton R. The Study of Man: An introduction. N. Y.: Appleton, 1936. P. 113-132.

¹⁶⁸ Вебер М. Основные понятия стратификации // СОЦИС. 1994. № 5. С. 169-183.

О связи нескольких параметров писали Э. Гидденс, считающий основой стратификации различия в рыночных возможностях, которые определяют отношения собственности, квалификацию и положение во властных структурах; Н. Дж. Дэвис и Р. Робинсон, положившие в основу своей теории уровень образования, профессиональный престиж, собственность и доход¹⁶⁹.

П. Бурдьё рассматривал социальную позицию через стиль жизни индивида. Его подход основан на сочетании различных видов капитала – экономического, социального и культурного¹⁷⁰. Позицию индивида, согласно П. Бурдьё, определяет сочетание различных видов капитала или совокупный капитал¹⁷¹. П. Бурдьё говорил о позиции индивида в социальном поле как совокупности отношений, структурируемых и определяемых габитусом. Габитус, в свою очередь, воспроизводит социально-культурные правила и стиль жизни¹⁷², который и служит индикатором социальной позиции индивида или социальной группы.

Таким образом, отношения собственности тесно связаны с неравенством и существующей стратификационной структурой. Однако характер влияния собственности на социальный статус индивида не столь очевиден, т. к. отношение к собственности в обществе зависит от множества факторов.

Содержание проекта

Данное исследование отличается от многих работ, посвященных изучению отношения к мигрантам¹⁷³. Оно направлено на оценку статуса китайских предпринимателей в местном сообществе, поэтому в его фокусе находятся не все мигранты из КНР, а конкретная группа – предприниматели.

¹⁶⁹ Giddens A. The Class Structure of the Advanced Societies. London: Hutchinson, 1973; Davis N.J. Robinson R.V. Class Identification of Men and Women in 1970s and 1980s // American Sociological Review. 1988. Vol.53. P. 103-112.

¹⁷⁰ Бурдьё П. Формы капитала / Перевод М.С. Добряковой. Научное редактирование В.В. Радаев // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 25-26.

¹⁷¹ Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 31.

¹⁷² Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. С. 456-470.

¹⁷³ Об отношении к мигрантам из КНР см., например: Алагуева Т., Васильева К., Островский А. Образ россиян в глазах китайцев и образ китайцев в глазах россиян на сопредельной территории // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 4. С. 126-134; Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М., 2004; Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009.

В качестве *рабочих гипотез* были выдвинуты два предположения:

1. *Китайские предприниматели имеют более низкий социальный статус, чем предприниматели в целом (статусное несоответствие.)*

2. *Собственность оказывает незначительное влияние на социальный статус китайских предпринимателей (более низкий статус китайских предпринимателей объясняется тем, что, будучи реальными собственниками бизнеса, они не могут это транслировать).*

Таким образом, *целью исследования* является оценка статуса китайских предпринимателей в локальном сообществе (среди жителей региональных центров Дальнего Востока) и определение факторов, формирующих эту оценку. *Объектом исследования* выступили жители городов Благовещенска и Хабаровска. *Предметом* – социальный статус китайских предпринимателей¹⁷⁴ и его связь с собственностью.

Благовещенск и Хабаровск являются административными центрами южных регионов Дальнего Востока. В них сосредоточено более 70 % всех предприятий торговли соответствующих регионов. Мы предполагаем, что социальный статус мигрантов может зависеть от частоты контактов местного населения с ними, поэтому выборка по Благовещенску взята в качестве экспериментальной, а по Хабаровску – контрольной. Благовещенск является идеальным объектом, так как он расположен непосредственно на границе с КНР и входит в пару городов-близнецов вместе с г. Хэйхэ. Это способствует развитию специфических трансграничных практик, особенно большому количеству маятниковых миграций. Несмотря на официальные запреты, здесь остались маркированные *китайские рынки* и базы. В Хабаровске, несмотря на близость границы с КНР и растущую роль китайского капитала в экономике города (особенно в строительстве), присутствие китайских мигрантов неочевидно. *Китайские рынки* исчезли, торгующих под открытым небом китайцев остались единицы, что во многом объясняется более жесткой позицией официальных властей.

Разбивка выборки на две группы (основную и проверочную) позволит при проверке выдвинутых гипотез установить, влияет

---

¹⁷⁴ Под категорией «китайский предприниматель» будут пониматься граждане Китая, занимающиеся бизнесом на территории России.

ли фактор местоположения (который, по сути, определяет частоту контактов местного населения с китайскими предпринимателями) на характер исследуемых явлений. Если результаты по выборке Хабаровска будут отличными от результатов по Благовещенску, значит фактор местоположения (частота контактов) в исследованиях такого рода необходимо учитывать.

Задачи исследования:

- 1) Определить вес различных параметров при оценке социального статуса у жителей обследуемых городов;
- 2) Оценить статус различных социальных групп, категорий собственников и позицию «предпринимателя» в статусной иерархии;
- 3) Оценить социальный статус китайских предпринимателей относительно других групп предпринимателей;
- 4) Оценить социальный статус китайских предпринимателей относительно других категорий мигрантов из КНР;
- 5) Определить степень влияния (или наличия связи) различных параметров на оценку социального статуса китайских предпринимателей;
- 6) Определить различия оценок в экспериментальной и контрольной выборках.

Метод исследования – количественный анкетный опрос, основанный на построении порядковых шкал (ранжирование). Опросный лист заполнялся респондентами самостоятельно; участие интервьюера ограничивалось разъяснением (при необходимости) сути вопросов и уточнением задач исследования. При составлении анкеты были учтены уже **апробированные методики измерения статуса**. Так как ранг профессии тесно связан с уровнем дохода и образования, стилем жизни, характером потребления и т. п. характеристиками¹⁷⁵, нами были использованы шкалы профессиональных групп¹⁷⁶ для оценки

¹⁷⁵ Н. Смелзер пишет об этом: «Хотя человек может иметь ряд статусов, один из них, который можно назвать главным статусом, определяет его общественное положение. (...) Часто главный статус человека обусловлен его работой. Когда речь идет о незнакомом человеке, мы прежде всего спрашиваем: «Чем занимается этот человек, как он зарабатывает на жизнь?» Ответ на данный вопрос многое говорит о нем». (Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М.: Феникс, 1994. С. 72-73).

¹⁷⁶ Бессуднов А.Р. Социально-профессиональный статус в современной России // Мир России. 2009. Т. 18. № 2. С. 89-115; Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М.: Феникс, 1994. С.72-73; Заславская Т.Н. Современное российское общество: социальный ме-

профессионального престижа и выявления взаимосвязи рода занятости, образования, дохода и окружения¹⁷⁷ со статусом человека. Современные российские исследования социального неравенства показали, что отношения власти все еще доминируют над отношениями собственности¹⁷⁸, поэтому нами частично был использован ресурсный подход (оценка совокупного капитала) для учета других параметров (табл. 1).

Таблица 1

**Критерии, лежащие в основе различных систем
стратификации**

Группа активов	Примеры	Представители
Экономические	Собственность на землю, фабрики, заводы; профессиональные навыки; ликвидные активы; рабочую силу	K. Marx; E. Wright; M. Weber
Политические	Власть главы домохозяйства; власть на рабочем месте; партийная или законодательная власть; власть харизматического лидера	R. Dahrendorf
Культурные	Высокостатусные потребительские практики, «хорошие манеры», привилегированный образ жизни	P. Bourdieu; P. DiMaggio
Социальные	Доступ к высокостатусным социальным связям, общественные связи, членство в ассоциациях, клубах и союзах	L. Warner, J. Coleman
Престижные	Хорошая репутация, известность, чинопочитание или пренебрежительное отношение, этническая и религиозная чистота	E. Shils; D. Treiman

---

ханизм трансформации. М.: Дело, 2004; Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Социальные группы современной России: генезис, реальность, перспективы. Palmarium (academic publishing), 2012.

¹⁷⁷ Предполагается, что индивиды, близкие по статусу, обладают схожей структурой дружеских и брачных связей.

¹⁷⁸ Шкаратан О.И., Бондаренко В.А., Крельберг Ю.М., Сергеев Н.В. Социальное расслоение и его воспроизводство в современной России. Препринт WP7/2003/06. Серия WP7 «Теория и практика общественного выбора». М.: ГУ ВШЭ, 2003.

Гражданские	Собственные права, контракты, право голоса, членство в выборных ассамблеях, свобода слова и объединения	A. Marshall; R.B.Kaare
Личностные	Способности, опыт, квалификационные навыки, стаж работы, уровень образования, знания	Svalastoga; G. Beck

Источник: Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 35.

Выборка

1. Тип – неслучайная квотная выборка, отражающая демографическую структуру населения городов. Ключевые характеристики – возраст и уровень дохода респондентов. Выбор типа выборки обусловлен следующими факторами: интерес представляют мнения различных групп населения, исследование не направлено на изучение различий между группами, а также оперативность и экономичность данного типа выборки¹⁷⁹.

2. Метод формирования выборки – поквартирный опрос (не более одного респондента в одной квартире); респонденты отбирались согласно квотному плану, дома должны быть расположены в различных частях города;

3. Квотный план и объем выборок определялись отдельно для основной (по Благовещенску) и проверочной (Хабаровску). При определении объема основной выборки мы воспользовались эмпирическим правилом, что минимальная численность основных групп (по доходу) должна составлять 100 человек, второстепенных – 50 человек. Объем проверочной выборки по Хабаровску основывался на предположении, что ее структура должна быть идентична основной, чтобы добиться сбалансированности по базовым характеристикам, однако ее объем может составлять ½ от объема выборки по Благовещенску¹⁸⁰. В результате были определены минимальные объемы выборок и сформирован их квотный план (таб. 2).

¹⁷⁹ См. об этом: Бабосов Е.М. Прикладная социология: Учебное пособие для студентов вузов, 2-е изд., стереотип. М.: «Тетра Системс», 2001. С. 339-340.

¹⁸⁰ Малхорта, Нэреш К. Маркетинговые исследования. Практическое руководство, 3-е издание. Пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2002. С. 690-692.

Таблица 2

Квотный план и объемы основной и проверочной выборок*

Основная выборка (г. Благовещенск)				
Возраст, лет	Среднемесячный доход, тыс. руб.			Итого
	до 10 тыс. руб.	10-25 тыс. руб.	более 25 тыс. руб.	
до 18 лет	28	44	18	90
18-25 лет	27	43	18	88
26-35 лет	28	45	18	91
36-45 лет	21	33	14	68
46-55 лет	19	30	12	61
старше 55 лет	32	50	20	102
Итого	156	245	100	500
Проверочная выборка (г. Хабаровск)				
Возраст, лет	Среднемесячный доход, тыс. руб.			Итого
	до 10 тыс. руб.	10-25 тыс. руб.	более 25 тыс. руб.	
до 18 лет	12	24	11	47
18-25 лет	13	24	12	49
26-35 лет	13	26	12	51
36-45 лет	10	20	10	40
46-55 лет	9	18	9	36
старше 55 лет	14	28	13	55
Итого	71	140	67	278

* Формирование выборок производилось с использованием информации Амуроблста-та¹⁸¹ и Хабаровскстата¹⁸². Возрастные группы определялись исходя из возрастной струк-туры населения городов; группы по доходу составлены на основе данных о структуре доходов населения Амурской области и Хабаровского края¹⁸³.

¹⁸¹ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Амур-ской области. [Электронный ресурс]: Официальный сайт: URL: <http://amurstat.gks.ru/> (режим доступа: свободный).

¹⁸² Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Хаба-ровскому краю. [Электронный ресурс]: Официальный сайт: URL: <http://habstat.gks.ru/> (режим доступа: свободный).

¹⁸³ Денежные доходы и расходы населения Хабаровского края: Стат. сб. // Хабаровск-стат. Хабаровск, 2011.

Основные результаты исследования

Опрос в городах был проведен с 10 апреля по 25 мая 2013 г. Анализ данных проводился с помощью статистического пакета SPSS 16.0 и 17.0.

В Благовещенке всего было собрано 565 анкет. Выборка была скорректирована по квотному плану и третьему признаку (по полу)¹⁸⁴ и проверена на выбросы, в результате к анализу принято 500 анкет. Из 500 отобранных анкет в 432 респонденты указали личный статус, при этом почти все они определяли личный статус через род занятий или профессию. Полученные ответы были объединены в группы. Результат подсчета частот показал, что почти половина опрошенных (43 % от 500) составили две группы – пенсионеры (15 %) и учащиеся (студенты и школьники, 28 %), что соответствует структуре квотного плана выборки. Квалифицированные рабочие и профессионалы составляют еще 23 % выборки, 6 % выборки составляют неквалифицированные рабочие, по 4 % приходится на группы «военнослужащие, служащие МВД, МЧС и пр.» и «предприниматели», по 3 % – на работников офисов и управляющих среднего звена и безработных, 2 % выборки составляют управляющие и чиновники. В Хабаровске всего было собрано 312 анкет, в результате корректировки к анализу было принято 278. Отклонение выборки от генеральной совокупности по гендерным характеристикам составляет 5,1 п.п.¹⁸⁵.

На первом этапе исследования был проведен частотный и перекрестный анализ. Вопросы анкеты в основном представляют собой порядковые шкалы, поэтому в качестве мер центральной тенденции были взяты средневзвешенные, мода и медиана. Так как шкала задана по возрастанию и большую оценку получали менее значимые критерии, то более высокое среднее соответствует более низкому рангу фактора или статуса. Поскольку зна-

¹⁸⁴ В опросе приняло участие 298 женщин и 202 мужчины или 59,6 % и 40,4 % соответственно (после корректировки собранных данных). По данным Амуроблстата, население Благовещенска составляют 55,1 % женщин и 44,9 % мужчин, т. е. отклонение структуры выборки по полу составляет 4,5 п.п., что позволяет сделать вывод о хорошем качестве собранных данных и производить анализ по демографическим признакам, включенным в качестве критериев в квотный план (по возрасту и уровню дохода).

¹⁸⁵ По данным статистики, гендерная структура Хабаровска включает 42,3 % мужчин и 57,7 % женщин. В выборке представлено 47,4 % мужчин и 52,6 % женщин.

чения моды и медианы в некоторых случаях отличаются, была также проведена проверка по сумме всех присвоенных рангов. Для облегчения восприятия некоторые результаты представлены в графическом виде.

Наиболее значимыми характеристиками, определяющими статус человека (1–3 место), по мнению респондентов обоих городов, является уровень образования, сфера профессиональной деятельности и уровень дохода, при этом средние значения для этих критериев отличаются незначительно (табл. 3). В следующую по значимости группу (4–5 место) входят размер/характер собственности и политический вес индивида; их разрыв с первой группой факторов составляет около 2 пунктов. Дружеские связи и статус супруга/родственников, образ жизни и досуг, возраст и пол занимают места с 6 по 8, а наиболее низкую значимость имеют страна происхождения и расовая/этническая принадлежность¹⁸⁶.

Таблица 3

**Оценка важности критериев, определяющих статус
(Благовещенск / Хабаровск*)**

№	Критерии, определяющие статус	Статистические оценки распределения				Важность критерия (ранг)
		Среднее	Медиана	Мода	Сумма	
1	уровень образования	3,3 / 3,3	3 / 3	1 / 1	1639 / 928	1 / 1
2	возраст и пол	6,5 / 7,2	7 / 8	8 / 9	3229 / 1992	8 / 8
3	сфера профессиональной деятельности	3,3 / 3,5	3 / 3	2 / 2	1669 / 964	2 / 2
4	размер и характер собственности	5,1 / 5,1	5 / 5	5 / 5	2552 / 1424	5 / 5
5	расовая или этническая принадлежность	8,7 / 8,8	9 / 9	10 / 10	4367 / 2440	10 / 10
6	образ жизни и досуг	6,1 / 5,4	7 / 6	7 / 8	3059 / 1512	7 / 6

¹⁸⁶ Вариант «другое» в г. Благовещенске выбрали всего 3 человека, в г. Хабаровске – ни одного; это в определенной мере свидетельствует о достаточном количестве выбранных критериев для ранжирования. В качестве других параметров, определяющих статус человека в обществе, были отмечены «личные качества и отношение к другим», «соблюдение моральных канонов и канонов культуры», «уважение со стороны окружающих».

7	страна происхождения или гражданство	7,8 / 8,7	8 / 8	9 / 9	3884 / 2144	9 / 9
8	уровень дохода	3,4 / 3,6	3 / 3	1 / 2	1705 / 986	3 / 3
9	дружеские связи и статус супруга/родственников	5,5 / 5,7	6 / 6	7 / 5	2760 / 1576	6 / 7
10	политический вес (членство в органах власти и пр.)	5,2 / 4,8	5 / 5	5 / 5	2621 / 1336	4 / 4

* Разброс значений средних для двух выборок (коэффициент вариации) не превышает 3 п.п., что говорит об однородности ответов респондентов обоих городов.

** Выделенным шрифтом отмечены наиболее высокие ранги.

Для нашего исследования важно, что критерий «размер и характер собственности» стоит только на пятом месте, т. е. отношения собственности не являются определяющими для подтверждения статуса человека. Этот результат отличается от исследования, проведенного в 2003 г. под руководством О.И. Шкаратана, которое показало, что отношения власти доминируют над отношениями собственности. В нашем случае ранг политического веса практически равен рангу размера и характера собственности, а доминирующими оказались профессиональные компетенции (уровень образования и сфера профессиональной деятельности) и тесно связанный с ней уровень дохода. Возможно, это свидетельствует об изменениях в обществе за последние 10 лет: снижении престижа принадлежности к властным структурам и возрастающей значимости экономических факторов.

Анализ средних значений важности критериев по полу не показал существенных различий в оценках для мужчин и женщин: отклонение от среднего по всей выборке составило от -1 до +4 п.п. Однако по возрастным группам наблюдаются существенные отклонения. Более молодые респонденты выше оценивают уровень образования, уровень дохода и политический вес, но ниже – возраст и пол (табл. 4). Это вполне объяснимо, ибо статус молодежи в большей мере зависит от внешних факторов, их возраст часто воспринимается обществом как недостаток, а хорошее образование – единственная компетенция, которой они обладают на данный момент.

Таблица 4

**Оценки важности критериев, определяющих статус
в возрастных группах**

№	Критерии, определяющие статус	Средние значения рангов по возрастным группам**						Среднее по выборке
		до 18 лет	18-25 лет	26-35 лет	36-45 лет	46-55 лет	старше 55 лет	
1	уровень образования	2,6	3,6	3,7	3,7	3,1	3,2	3,3
		2,8	3,4	3,5	3,7	3,3	3,3	3,3
2	возраст и пол	7,1	6,6	6,0	6,4	6,5	6,2	6,5
		7,1	6,9	7,8	6,7	6,8	7,4	7,2
3	сфера профессиональной деятельности	3,4	3,5	3,3	3,1	3,6	3,2	3,3
		3,2	3,8	3,0	3,1	3,5	4,0	3,5
4	размер и характер собственности	5,3	5,1	4,7	5,3	5,1	5,2	5,1
		5,1	5,8	5,2	5,2	5,0	4,4	5,1
5	расовая или этническая принадлежность	8,4	8,6	9,0	8,6	8,9	8,9	8,7
		8,6	9,1	8,3	9,2	8,7	8,9	8,8
6	образ жизни и досуг	6,4	5,9	6,1	6,0	5,8	6,4	6,1
		6,6	4,8	6,0	5,5	5,6	4,3	5,4
7	страна происхождения или гражданство	7,6	7,8	8,2	8,3	7,1	7,5	7,8
		7,4	8,3	7,6	8,1	6,8	7,9	8,7
8	уровень дохода	3,2	3,5	3,4	3,4	3,6	3,5	3,4
		3,5	3,2	3,8	3,4	4,2	3,3	3,6
9	дружеские связи и статус супруга/родственников	5,6	5,4	5,4	5,1	5,6	5,9	5,5
		5,8	5,2	5,4	6,3	5,5	6,0	5,7
10	политический вес (членство в органах власти и пр.)	5,3	5,1	5,2	5,2	5,8	5,1	5,2
		4,3	4,4	4,4	5,0	5,5	5,5	4,8

* Оценки респондентов г. Благовещенска выделены серым. Разброс оценок критериев статуса по возрастным группам основной и контрольной выборок в целом не превысил 5 п.п., что говорит о высокой согласованности ответов респондентов обоих городов.

** Выделенным шрифтом отмечены наиболее высокие ранги по каждому критерию.

Респонденты в зрелом возрасте (26–45 лет) выше других оценивают важность сферы профессиональной деятельности и факт наличия собственности, но значимость образования у них ниже остальных, возможно потому, что в этом возрасте на первое место выходят опыт и стабильность. Для представителей группы 46–55 лет, а также пенсионеров, повышается важность образа жизни и качества досуга.

Хотя поло-возрастные характеристики представляют отдельный исследовательский интерес, для нашей работы важно, что в целом порядок мест в данном случае отклоняется незначительно (на 1–2 пункта). Анализ распределения средних значений важности критериев статуса в зависимости от дохода респондентов также не показал значительных расхождений со средними значениями по всей выборке (1–2 пункта)¹⁸⁷. Отклонение оценок по доходным группам в основной и контрольной выборках не превысило 3 п.п.

Хотя размер и характер собственности не попали в число наиболее значимых факторов, определяющих статус, на прямой вопрос о их важности только 5,8 % респондентов в Благовещенске и 3,6 % в Хабаровске (29 и 10 человек соответственно) ответили, что собственность не оказывает существенного влияния на статус человека¹⁸⁸. Самым *статусным* для респондентов обоих городов стал собственный бизнес (табл. 5).

Таблица 5

**Оценка влияния типа собственности на статус человека
(Благовещенск / Хабаровск*)**

№	Тип собственности	Статистические оценки распределения**				Ранг собственности
		Среднее	Медиана	Мода	Сумма	
1	недвижимость	2,3 / 2,4	2 / 2	2 / 1	1152 / 672	2 / 2
2	предметы роскоши	3,5 / 4,1	4 / 4	5 / 5	1745 / 1136	4 / 5

¹⁸⁷ При этом для респондентов с более низким уровнем дохода наиболее важным критерием была сфера профессиональной деятельности, а у респондентов с высоким уровнем дохода – образование.

¹⁸⁸ Затруднились с ответом: в Благовещенске – 1,4 % (7 человек), в Хабаровске – ни одного.

3	собственный бизнес	1,7 / 1,8	1 / 2	1 / 1	863 / 494	1 / 1
4	сбережения, ценные бумаги	2,8 / 3,0	3 / 3	3 / 3	1422 / 844	3 / 3
5	патенты, авторские права	3,6 / 3,8	4 / 4	5 / 5	1776 / 1048	5 / 4

* Разброс значений средних для двух выборок (коэффициент вариации) не превышает 2 п.п., что говорит об однородности ответов респондентов обоих городов.

** Выделенным шрифтом отмечены наиболее высокие ранги.

На втором месте – недвижимость, сбережения и ценные бумаги – на третьем. Самые низкие оценки получили предметы роскоши, патенты и авторские права. Такое распределение ответов подтверждает справедливость нашей гипотезы о связи статуса собственника с возможностью транслировать свое владение бизнесом и недвижимостью. Кроме того, эти типы собственности более остальных связаны с возможностью увеличения уровня дохода, чего нельзя сказать (по крайней мере, в российских условиях) о патентах, авторских правах и предметах роскоши.

Высокая оценка респондентами влияния собственного бизнеса на статус индивида, вероятно, должна оказывать влияние и на статус предпринимателей как владельцев этого бизнеса. Для проверки данного заключения мы проранжировали престижность различных профессиональных и социальных групп (табл. 6). Оказалось, что наивысшим статусом обладают чиновники, что согласуется с выводами исследований других исследователей. Высокие позиции получили и представители военных ведомств: в Благовещенске – 2 место, в Хабаровске – 4-е.

Таблица 6

Оценка статусов различных социальных групп (Благовещенск / Хабаровск*)

№	Социальные группы	Статистические оценки распределения**				Ранг (статус)
		Среднее	Медиана	Мода	Сумма	
1	работники офисов, управляющие среднего звена	5,0 / 4,6	5 / 5	5 / 5	2499 / 1284	5 / 5

2	неквалифицированные рабочие	8,0 / 8,0	8 / 8	8 / 9	4007 / 2198	8 / 8
3	предприниматели	3,2 / 3,0	3 / 3	2 / 2	1596 / 856	3 / 2
4	управляющие и чиновники	2,3 / 2,0	1 / 1	1 / 1	1138 / 564	1 / 1
5	квалифицированные профессионалы (инженеры, врачи, геологи и т. д.)	3,7 / 3,2	4 / 3	4 / 4	1869 / 892	4 / 3
6	фермеры	6,6 / 6,6	7 / 7	7 / 7	3305 / 1846	7 / 7
7	учащиеся (студенты и школьники)	8,1 / 8,4	9 / 8	9 / 8	4047 / 2326	9 / 9
8	безработные	9,7 / 9,8	10 / 10	10 / 10	4844 / 2710	10 / 10
9	военнослужащие, служащие МВД, МЧС, ФСБ и пр.	3,0 / 3,6	3 / 4	2 / 4	1509 / 994	2 / 4
10	квалифицированные рабочие, специалисты (слесарь, сантехник, медсестра и пр.)	5,3 / 5,8	6 / 6	6 / 6	2671 / 1606	6 / 6

* Разброс значений средних для двух выборок (коэффициент вариации) не превышает 3 п.п., что говорит об однородности ответов респондентов обоих городов.

** Выделенным шрифтом отмечены наиболее высокие ранги.

Хотя уровень образования был оценен как наиболее важный параметр статуса человека (табл. 3), однако престиж группы квалифицированных профессионалов, образование которых традиционно считается самым высоким, но работа не является высокооплачиваемой, оказался лишь на 3 и 4 месте в Благовещенске и в Хабаровске соответственно (табл. 4). Очевидно, что на статус влияет не только образование, профессия и сфера занятости, но и доход (табл. 3).

Однако статус предпринимателей был оценен достаточно высоко: 3 место по результатам анализа основной выборки, и 2 место – по данным проверочной. Так как гражданство и расовая принадлежность были изначально незначимыми для всех респондентов (9 и 10 место соответственно), можно было бы предположить, что и статус предпринимателей не должен варьироваться в зависимости от национальности или страны происхождения. Однако это оказалось совершенно не так: в Благо-

вещенске лишь 9 % респондентов (45 человек) считают, что все перечисленные группы имеют одинаковый статус; в Хабаровске – таких оказалось 12 % (34 человека)¹⁸⁹.

Самые высокие оценки (1 и 2 место) получили предприниматели – граждане Европы, Америки и России (рис. 1). Статус предприниматели из стран Азии, а также китайских бизнесменов примерно одинаковый (3 и 4 место). На последнем месте стоят предприниматели из стран СНГ. Таким образом, подтверждается гипотеза о том, что китайские предприниматели имеют более низкий социальный статус, чем предприниматели в целом (статусное несоответствие).

Важно отметить, что в Благовещенске, в отличие от Хабаровска, предприниматели из стран Азии (в том числе Китая) и стран СНГ фактически занимают равную позицию – оценки их статусов практически не отличаются. Возможно, это связано тем, что в Благовещенске предприниматели из Азии и стран СНГ, чаще всего, заняты в торговле, т. е. характер их деятельности одинаков. В Хабаровске рынок более сегментирован по национальному признаку: китайские предприниматели – торговцы; мигранты из СНГ – автосервис, общепит и ЖКХ.

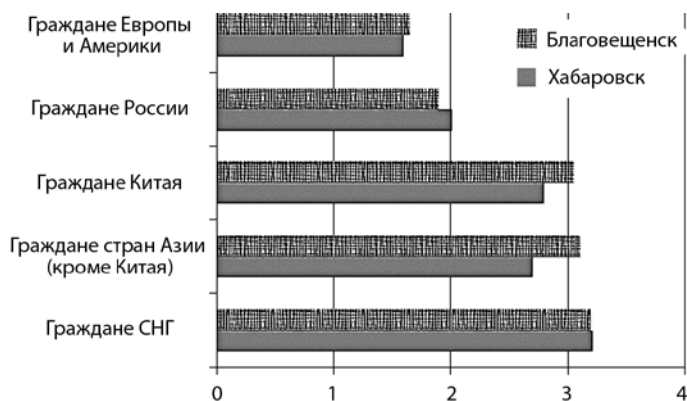

Рис. 1. Оценка статусов различных групп предпринимателей

Оценка статусов различных профессиональных групп китайских мигрантов показала, что примерно пятая часть респонден-

¹⁸⁹ Затруднились с ответом: в Благовещенске – 5 % (25 человек), в Хабаровске – 5,8 % (16 человек).

тов указали, что все китайские граждане на территории России имеют одинаковый статус: 21 % в Благовещенске (106 человек) и 26,6 % – в Хабаровске (74 человека). Нулевое значение моды (табл. 7) также указывает на то, что вариант ответа, когда респондент не видит разницы между мигрантами, встречался чаще остальных. Однако группа китайских предпринимателей, безусловно, находится на первом месте, как по результатам анализа данных основной выборки, так и проверочной. Т. е. среди оцениваемых групп китайских мигрантов предприниматели имеют самый высокий статус.

Таблица 7

**Оценка статусов различных групп мигрантов из КНР
(Благовещенск / Хабаровск*)**

№	Группы мигрантов из КНР	Статистические оценки распределения**				Ранг (статус)
		Среднее	Медиана	Мода	Сумма	
1	работники сельского хозяйства	3,1 / 2,8	3 / 3	0 / 0	1546 / 784	5 / 5
2	работники обрабатывающих производств	2,8 / 2,4	3 / 2	0 / 0	1408 / 662	4 / 3
3	строители	2,6 / 2,1	2 / 2	0 / 0	1289 / 574	3 / 2
4	занятые в добыче полезных ископаемых	2,5 / 2,5	2 / 2	0 / 0	1272 / 692	2 / 4
5	китайские предприниматели, занятые в торговле	1,7 / 1,9	1 / 1	1 / 0	829 / 534	1 / 1
6	занятые в заготовке леса	3,2 / 2,4	4 / 2	0 / 0	1584 / 664	6 / 3

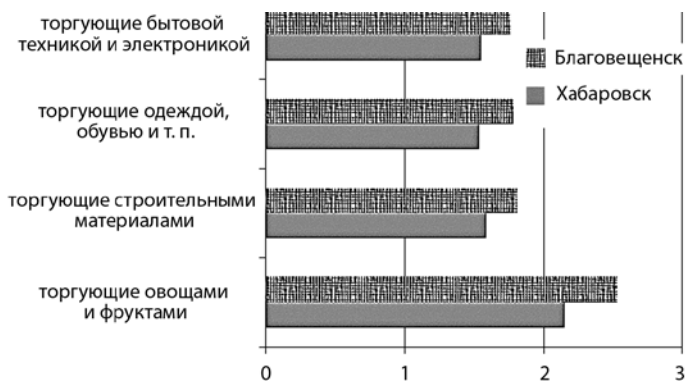
* Разброс значений средних для двух выборок (коэффициент вариации) не превышает 3 п.п., что говорит об однородности ответов респондентов обоих городов.

** Выделенным шрифтом отмечены наиболее высокие ранги.

Ранжирование китайских предпринимателей внутри данной группы по видам торговли, которую они осуществляют, показало, что практически все они занимают в глазах опрошенных примерно одинаковое положение (рис. 2). Также 21 % респондентов Благовещенска (106 человек) и 31,7 % Хабаровска (88 человек) отметили, что все китайские предприниматели имеют

равный статус. Исключение составляет лишь группа, торгующая овощами и фруктами, получившая самую низкую оценку.

Такой результат может быть связан с тем, что на статус существенно влияют сфера профессиональной деятельности и доходы (табл. 3). Место торговли и товар являются критериями для оценки того и другого. Торговля одеждой, техникой и строительными материалами происходит в торговых центрах, в комфортных условиях, с оборудованными прилавками и системой охраны, требует предоставления гарантий, выписки кассовых чеков и выплаты более высокой арендной платы. Все это существенно повышает уровень таких торговцев в глазах покупателей. Реализация же овощей и фруктов осуществляется на плодоовощной базе с необорудованными местами торговли в неотапливаемых помещениях, что, естественно, сказывается на престиже.

Рис. 2. Оценка статусов различных групп китайских предпринимателей, занимающихся торговлей на территории России

Для того, чтобы понять, считают ли респонденты китайских предпринимателей предпринимателями, мы предложили опрашиваемым согласиться или не согласиться с заданными высказываниями¹⁹⁰. Оказалось, что подавляющее большинство респондентов обоих городов в первую очередь считают их торговцами и мигрантами. Лишь четверть респондентов полностью согласилась, что они – предприниматели (табл. 8).

¹⁹⁰ В Благовещенске всего 4 человека предложили свой вариант ответа на данный вопрос: «гость», «раб», «человек», а также «у них один статус – китайцы». В Хабаровске таких респондентов было двое: «молодцы ребята» и «трудяги».

Больше всего затруднений у респондентов (особенно в г. Хабаровске) при ответе на данный вопрос возникло с категориями *собственник* и *работодатель*. Таблица 8 показывает, что китайские предприниматели менее всего ассоциируются именно с этими базовыми характеристиками предпринимателей. Так как при ответе на вопрос, какая собственность больше всего влияет на статус человека, респонденты поставили собственный бизнес на первое место (табл. 5), можно предположить, что китайские предприниматели не могут иметь высокий статус, ибо они в глазах принимающего сообщества не ассоциируются с собственниками.

Таблица 8

**Анализ степени согласия/несогласия с утверждениями
«Китайский предприниматель, прежде всего...»
(Благовещенск / Хабаровск*)**

№	Китайский предприниматель, прежде всего...	Степень согласия/несогласия, в % от числа ответивших				
		абсолютно согласен	скорее согласен	затрудняюсь	скорее не согласен	абсолютно не согласен
1	...предприниматель	23,4 / 18,0	38,6 / 40,3	16,2 / 20,9	14 / 12,9	7,8 / 7,9
2	... собственник	6,6 / 13,7	21,6 / 18,0	27,8 / 36,0	26,2 / 18,7	17,8 / 13,7
3	...мигрант	52,6 / 46,0	24,0 / 26,6	14,0 / 20,1	5,6 / 3,6	3,8 / 3,6
4	...работодатель	8,6 / 7,2	18,6 / 23,0	23,2 / 27,3	27,6 / 25,9	22 / 16,5
5	...торговец	58,4 / 54,7	31,2 / 28,8	5,0 / 10,8	3,0 / 2,2	2,4 / 3,6

* Разброс значений средних для двух выборок (коэффициент вариации) не превышает 12 п.п., что говорит об относительной однородности ответов респондентов обоих городов.

** Выделенным шрифтом отмечены наиболее значимые доли по каждому варианту ответа.

Для проверки второй рабочей гипотезы о том, что *собственность оказывает незначительное влияние на социальный статус китайских предпринимателей*, нам необходимо было выяснить, какие факторы определяют статус данной группы. На первом этапе были рассчитаны коэффициенты ранговой корреляции Спирме-

на между различными параметрами и оцениваемыми статусами. Однако данный анализ не дал значимых результатов (были обнаружены лишь слабые корреляции со значением коэффициента до 0,3). Это объясняется большим разбросом вариантов ответов, что характерно для метода шкалирования. Поэтому для сокращения вариабельности была проведена трансформация данных в бинарный вид. Наиболее значимым характеристикам была присвоена «1», остальным «0»; согласие или несогласие респондентов было закодировано соответствующим образом. В качестве меры связи был использован коэффициент подобия Жаккара (Jaccard)¹⁹¹ для дихотомических рядов, который оценивает совместное появление исследуемых характеристик в наблюдениях¹⁹².

Далее был проведен анализ подобия ответов респондентов относительно критериев статуса и их оценок престижа социальных групп. Для облегчения восприятия в тексте представлены только три группы, получившие наивысшие оценки в основной выборке (табл. 9).

Таблица 9

Оценка значимости факторов, определяющих высокий статус некоторых социальных групп* (Благовещенск / Хабаровск)

Наиболее значимые критерии, определяющие статус	Социальные группы с высоким статусом		
	Предприниматели	Военнослужащие, служащие МВД, ФСБ, МЧС и пр.**	Управляющие и чиновники
Уровень образования	0,41 / 0,40	0,50 / 0,42	0,55 / 0,50
Сфера профессиональной деятельности	0,43 / 0,45	0,52 / 0,38	0,57 / 0,55
Уровень дохода	0,48 / 0,52	0,47 / 0,37	0,54 / 0,56

* Рассчитаны коэффициенты подобия Жаккара.

** Группа военнослужащих в Хабаровске не попала в первую тройку наиболее «статусных». Поэтому коэффициенты Жаккара в данном случае низкие и не могут сравниваться с результатами по Благовещенску.

¹⁹¹ Ким Дж.-О., Мьюллер Ч.У., Клекка У.Р. Факторный, дискриминантный и кластерный анализ. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 161.

¹⁹² Т. е. не учитывает одновременного отсутствия признака. Он рассчитывается путем нормирования числа совпадений у объектов единичных значений признаков на число несопадающих значений признаков. Теснота связи рассчитывается в пределах интервала от 0 до 1, где 1 – полное сходство, 0 – полное несоответствие. Значение коэффициента 0,5-0,7 означает среднюю корреляцию. Для проверки направления связи был посчитан обратный коэффициент Жаккара, который показал, что связь в исследуемых вопросах прямо пропорциональна (чем выше значение одного признака, тем выше значение другого).

Результаты анализа показали, что для респондентов, которые чаще других отмечали высокий статус предпринимателей, наиболее важным критерием статуса являются доходы, а не образование и сфера профессиональной деятельности, в других социальных группах. Проверка связи высокого статуса предпринимателей с различными типами собственности показала среднюю корреляцию с собственным бизнесом, а также слабую с недвижимостью (табл. 10)

Таблица 10

Оценка значимости факторов, определяющих высокий статус предпринимателей* (Благовещенск / Хабаровск)

Социальная группа с высоким статусом	Критерии, определяющие статус		
	Недвижимость	Собственный бизнес	Уровень доходов
Предприниматели	0,42 / 0,43	0,51 / 0,59	0,48 / 0,52

* Рассчитаны коэффициенты подобия Жаккара.

Таким образом, *предприниматель может иметь высокий статус в обществе, если он способен транслировать высокие доходы и обладание правом собственности на свой бизнес.*

Далее мы проверили наличие связи между статусом граждан КНР как предпринимателей и значимостью критериев, определяющих высокий статус предпринимателей в целом (табл. 11)

В результате мы сделали несколько важных выводов:

- предприниматели из КНР признаются предпринимателями только теми респондентами, для кого определяющим критерием статуса является наличие собственного бизнеса, а группа предпринимателей имеет высокий социальный статус;

- однако даже эти респонденты в большинстве случаев считают китайских предпринимателей в первую очередь торговцами и мигрантами;

- китайские предприниматели не признаются ни собственниками, ни работодателями ни одной из выделенных групп респондентов.

Оценка значимости факторов, определяющих статус китайских предпринимателей* (Благовещенск / Хабаровск)

№	Согласны с высказыванием «Китайский предприниматель, прежде всего, ...	Предприниматели имеют высокий статус	Бизнес определяет статус	Уровень дохода значим
1	... предприниматель	0,48 / 0,52	0,53 / 0,55	0,43 / 0,41
2	... собственник	0,26 / 0,29	0,26 / 0,34	0,22 / 0,28
3	... мигрант	0,52 / 0,52	0,59 / 0,61	0,51 / 0,45
4	... работодатель	0,26 / 0,20	0,25 / 0,30	0,20 / 0,23
5	... торговец	0,59 / 0,62	0,67 / 0,70	0,60 / 0,51

* Рассчитаны коэффициенты подобия Жаккара.

Таким образом, можно утверждать, что *социальный статус китайских бизнесменов реально ниже, чем статус российских предпринимателей, которые вслед за общественным большинством считают их в первую очередь мигрантами и торговцами*; фактическое право же собственности китайских предпринимателей на свой бизнес не оказывает *значимого влияния на их социальный статус, т. к. местным сообществом эти права не признаются или местному сообществу ничего о них не известно*.

Мы попытались ответить на вопрос – определяет ли собственность положение человека в обществе и влияет ли неформальный характер владения бизнесом на статус предпринимателей из КНР. Мы выяснили, что *собственность* не является определяющей при оценке статуса социальной группы, а более важными считаются уровень образования, сфера профессиональной деятельности и уровень доходов. Однако собственность признается важным фактором при оценке статуса, и более всего ценен собственный бизнес и недвижимое имущество, т. е. «реальная», «осязаемая» собственность, которая может быть транслирована в обществе и более всего защищена законодательными нормами, а также напрямую связана с уровнем дохода (собственный бизнес) или яв-

ляется его демонстрацией (недвижимость). Мы также показали, что наиболее высокий статус имеют управляющие и чиновники, военнослужащие и служащие МВД, МЧС, ФСБ, в то время как предприниматели занимают лишь третье место.

Что касается предпринимателей из КНР, то они имеют низкий статус, в отличие от предпринимателей из других стран (за исключением предпринимателей из стран СНГ), что, на наш взгляд, связано с характером их деятельности. Из всех оцениваемых групп мигрантов из КНР предприниматели имеют самый высокий статус, однако торговцы разными видами товаров плохо различимы между собой. Кроме того, на вопросы о статусе различных групп мигрантов и предпринимателей было более всего ответов, в которых респонденты указывали на одинаковый статус оцениваемых групп. Анализ степени согласия с высказываниями о китайских предпринимателях показал, что они в первую очередь ассоциируются с торговцами и мигрантами, во вторую – с предпринимателями, и менее всего – с собственниками и работодателями.

Разбивка выборки на две группы (основную и проверочную) позволила при проверке выдвинутых гипотез установить, что фактор местоположения не оказывает существенного влияния на характер исследуемых явлений, т. к. оценки, сделанные на основе данных по Хабаровску и Благовещенску, оказались достаточно согласованными. Возможно, это объясняется бóльшим сходством данных городов, чем мы предполагали изначально, и исследование на других объектах покажет отличающиеся результаты.

Проверка рабочих гипотез показала, что предприниматели из КНР действительно имеют более низкий статус, чем группа предпринимателей в целом и их статус мало связан со значимостью собственности и собственного бизнеса. На наш взгляд, это связано с неформальным характером их деятельности и прав собственности. Так что на вопрос, поставленный в названии, наши респонденты ответили: *китайский предприниматель, прежде всего, торговец и мигрант.*

2.3. Следы российской Маньчжурии: ре-актуализация. Избранные социальные и материальные аспекты российского (сибирского) символического поля в Северном Китае

Растущий интерес к местам памяти¹⁹³ в пространстве современных городов в виде специально выделенных зон коммеморации, руин¹⁹⁴ и гибридных архитектурных форм заставляет по новому взглянуть на китайские практики русификации пространства приграничных городов и деревень Внутренней Монголии. В этом случае важен уже не столько вопрос аутентичности практикуемого культурного канона, сколько причины сохранения, реставрации и даже создания материальных следов российского присутствия в регионе. Не менее важны и контексты практик реактивации: какое общее прошлое нужно китайскому обществу и почему выбираются именно такие пути его репрезентации. Зачем жителям Северного Китая с их очень не простым отношением к России создавать внешне и внутренне ориентированные семиотические пространства *китайской России* вызывающие улыбку, непонимание¹⁹⁵ или даже эффект не узнавания у носителей русской культуры?

Поиск ответа на этот вопрос может дать возможность проследить способы конструирования российского (сибирского) символического поля в Северном Китае и в более широком ключе взглянуть на сложные эмоциональные установки китайцев по отношению к северному соседу. Выбранный подход от практик к дискурсам идет вразрез с обычным движением от реконструкции образов к их материализации. Этот выбор не случаен, он напрямую связан с принятой перспективой социальной дееспособности (agency) материального поля и его активной роли в социо-материальных сетях. Как писали Пелс, Хезерингтон и Вандерберге: «Объекты вновь возвращаются в

---

¹⁹³ Концепция мест памяти (lieux de memoire) связана с монументальной серией работ Пьера Нора, где убедительно показана неразрывность духовного и материального порядка. Интерес к материальным отражениям/воплощениям прошлого связан также с концепцией следа (latraces), представленной в работе Жака Дерриды «*О грамматологии*» (Жак Деррида. О грамматологии / Пер. с французского и вступительная статья Наталии Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000.).

¹⁹⁴ Тригг Д. Психоанализ руин // Неприкосновенный запас. 2013. № 3 (89).

¹⁹⁵ Часто пространство *Китайской России* воспринимается как чисто китайское.

современную социальную теорию. В виде товаров, машин, коммуникационных технологий, продуктов питания, произведений искусства, городских территорий (выделено мной. – И. П.) ... появляется новый мир материальностей и объектностей»¹⁹⁶. В этом контексте материальное не является простым отражением политического или эстетического консенсуса по отношению к прошлому и настоящему, но основной формой их социального действия.

Целью статьи является анализ практик ре-сибиризации и ре-русификации общественных городских пространств Северного Китая. Главное внимание будет сосредоточено на механизмах воспроизведения российского (сибирского) символического поля в синкретической среде приграничных районов китайской Внутренней Азии. Исследовательская гипотеза предполагает, что в отличие от фантомно-рыночных символических пространств городов Маньчжурия и Хэйхэ, существуют пространства ре-русификации и ре-сибиризации исключительно для внутреннего пользования, показывающие культурное разнообразие Китая и глубокую связь с Россией его северо-восточных районов.

Российское (сибирское) наследие играет сложную и неоднозначную роль в символической политике региональных властей, пытающихся одновременно совместить локальные практики деколонизации и локальные потребности рынка этно-туризма и представить регион как место эндогенной вестернизации. Это противоречие создает императив постоянной ре-актуализации российского присутствия в Китае. В сочетании со все более популярным восприятием социализма как российского проекта, российское наследие становится важным и неоднозначным компонентом локальной и общекитайской идентичности, регистрируемым в социологических опросах как смесь любви и ненависти. Ориентация на практики обуславливает особенное внимание к темпоральным режимам китайского общества: отношение к прошлому и практики его репрезентации обусловлены не только потребностями сегодняшнего дня, но и прогнозами будущего. Важным элементом исследования является акцент на

---

¹⁹⁶ Цит. по: Вахштайн В. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потоки» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4. № 1. С. 97.

обучающий характер социо-материальных сетей, отсылающий к концепции города как обучающей машины.

Приграничные районы Китая в перспективе столетия унижений и десятилетия дружбы

Пространства северо-восточного Китая долгое время были *les territoires contesté* российско-китайских отношений, превращая Россию в субъективный фактор угрозы территориальной целостности Цинской империи¹⁹⁷. Вопросы автономии монголов, уйгуров и корейцев ставились исключительно в перспективе российско-китайской или российско-китайско-японской геополитической конкуренции¹⁹⁸. Отсюда и огромная роль ожидаемой российской вины в исторической политике, направленной на историю российско-китайских отношений «столетия унижений»¹⁹⁹. В этой перспективе вопросы российского наследия в северо-восточном Китае увязаны в сложный клубок симпатий, антипатий, страхов и искреннего уважения. Понять его трудно как с позиций наивного антиимпериализма, так через популярный в российских исследованиях сентиментальный образ России как *единственного настоящего друга немного неблагодарных китайцев*²⁰⁰.

Весь XIX век Россия играла активную роль в российско-китайских отношениях, выступая как главный архитектор северо-восточной границы и подчеркивая нежелательный характер присутствия китайцев на спорных территориях. С победой большевиков в Гражданской войне ситуация резко меняется. Китай становится местом решительной борьбы братской партии, страной, приютившей белогвардейские банды, и важным экономическим партнером. Кроме этого, находит своеобразное продолжение царская политика по отношению к Монголии и Туве, ведутся постоянные попытки контролировать КВЖД и наращи-

¹⁹⁷ Peshkov I. Social Crises, Ethnic Distance and Memory along the Chinese-Soviet Border. The Chinese Russian Old-Settlers narratives about the «Chinese» Famine and Cultural Revolution in Inner Mongolia // *Sensus Historiae. Studia interdiscyplinarne*. 2012. Vol. 8. № 3.

¹⁹⁸ Bulag U.E. Collaborative Nationalism: The Politics of Friendship on China's Mongolian Frontier. L.: Rowman & Littlefield Publishers, 2010.

¹⁹⁹ Mierzejewski D. Reading Years of Humiliation. Sino-Russian Border and China's National Identity // *Sensus Historiae*. 2012. Vol. 8. №3.

²⁰⁰ Галенович Ю. М. Китайские сюжеты. Чем доволен и недоволен Китай. М.: Восточная книга, 2010.

вать советское присутствие в Харбине. С китайской перспективы довоенная активность СССР в Китае противоречива: с одной стороны экономическая, моральная и военная поддержка КПК, с другой – сохранение царских границ и «слишком сильная дружба» с Монголией и Тувой. После 1949 года Россия (СССР) превращается из сложного соседа в культурного, финансового и технологического донора, подтверждая при этом китайские опасения о приоритете геополитических интересов над идеологией интернационализма. Этот период характеризуют процессы массовой советизации китайского общества: влиянию СССР подвергаются все стороны жизни – от культурной политики до инфраструктуры²⁰¹. Русский язык вытесняет английский и японский, становясь массовым иностранным языком образования и культуры. Многие элементы социальной и технической культуры сталинского периода находят вторую жизнь, что делает вопрос резкого отделения советского от китайского практически не решаемым. Это приводит к амбивалентному образу СССР как источника знаний, технологий, финансовой помощи и потенциальной территориальной угрозы.

После XX съезда партии отношения между странами неуклонно ухудшались, на что влияли внешние и внутренние факторы, а также личное непонимание по линии Мао – Хрущев. Апогеем становится период Культурной революции, во время которой СССР окончательно принимает образ *северного гегемона*, угрожающего территориальной целостности КНР. Резко усиливается милитаризация приграничных территорий, активизируются мифологемы фронтальной нелояльности выходцев из России в Китае. Приграничное население вовлекается в сложный эмоциональный режим ожидания столкновения, усиленный ограничениями передвижения и общей политикой социально-политической стерильности приграничных территорий. Широко известны факты преследования российских диаспор, разрушения российского архитектурного фонда и попыток полного отказа от российского наследия.

Намного интереснее культурные дилеммы периода конфронтации. По перечисленным выше причинам полный отказ от со-

---

²⁰¹ Duafang Lu. *Remaking Chinese Urban Form: Modernity, Scarcity and Space, 1949–2005*. London and New York: Routledge, 2006.

ветского наследия был невозможен. Ловушка состояла в том, что критика *советских ревизионистов* касалась искажения учения, пришедшего в Китай из СССР. В этой перспективе, даже самая сильная антироссийская риторика не могла изменить родовую связь с советской культурой. Агрессивная эстетика антисоветских выступлений затмила факт, что ненависть к СССР была как минимум *с Лениным в сердце и «Катюшей» на устах*. Советские элементы не исчезали, наоборот, они адаптировались к местной почве, становясь неотъемлемой частью китайской культуры. Русский продолжал быть самым распространенным иностранным языком, а «Подмосковные вечера»²⁰² и «Катюша»²⁰³ стали символом социалистического Китая.

Даже в период самой интенсивной конфронтации Россия (СССР) играла сложную роль культурного и идеологического донора во всех сферах культурной политики. Под сильным влиянием с севера КНР осваивает европейскую классическую музыку, соцреализм и западную медицину в ее советской версии²⁰⁴. Страна победившего пролетариата, даже находясь под влиянием ревизионистов, не переставала быть культурным эталоном. Этот амбивалентный образ Советской России как учителя и потенциального колонизатора во многом актуален и сегодня, приводя к очень разным оценкам общего прошлого. Советское архитектурное влияние выходит за рамки проектов, непосредственно реализованных советскими специалистами или китайскими архитекторами, обученными в советских вузах. Можно сказать, что уникальная культурная база китайской модели развития, приводит к дальнейшей эволюции советских архитектурных форм и их постепенной конвергенции с новыми разработками. Эта динамическая перспектива очень важна, так как показывает фактически эндогенный характер *советского* и реальную способность китайских архитекторов развивать принятые стили не

²⁰² Очень интересно, что песня Василия Соловьева-Седого и Михаила Матусовского стала известна во всем мире с 1957 года, уже во время ухудшения советско-китайских отношений, что не помешало ей стать одной из самых популярных песен в Китае.

²⁰³ Автор музыки – Матвей Блантер, автор слов – Михаил Исаковский, впервые исполнена в 1938 году.

²⁰⁴ Традиционная медицина становится частью современной и быстро включается в общую модель социалистической биополитики. (Greenhalgh S. Winckler T.A. *Governing China's Population: From Leninist to Neoliberal Biopolitics*. Stanford: Stanford University Press, 2005).

только в изоляции от бывшего донора, но и после прекращения его существования.

Совсем другая роль наследия царской России (и белой эмиграции), которая, несмотря на определенный культурный престиж, воспринимается как проводник колониальной политики, направленной против Китая. В 1999 году журнал «Проблемы Дальнего Востока» опубликовал статью Ли Мэна «Харбин – продукт колониализма»²⁰⁵, в которой де-мистификации подверглась не только главная легенда российского присутствия в Азии, но и сама идея присутствия русских в Китае. На фоне политических и экономических проблем в стране статья не вызвала резонанс, хотя заложенные в ней идеи были направлены против важного для 90-х годов мифа монументального наследия российской эмиграции. В противовес эмиграционной романтике статья рисовала драматический образ колониальной культурной политики, в которой русские почти не соприкасались с китайцами, а культурные контакты принимали форму цивилизационного импорта России в Китай.

Не подвергая сомнению права Ли Мэна на эмоциональное отношение к российскому присутствию, следует заметить, что драматизм китайского подхода связан со спецификой региона, очень поздно включенного в китайское культурное поле. В целом северно-восточный Китай строил себя как особая гибридная культурная зона, отличающаяся от других частей страны контактом с западной (русской) и японской²⁰⁶ культурами. Популярность православия, смешанные браки и близость России делала этот регион своеобразной зоной межцивилизационного контакта, где локальное китайское сообщество находилось под интенсивным российским, монгольским и японским влиянием. В этом контексте справедливые и несправедливые упреки в адрес российской эмиграции не меняют факта втягивания достаточно большого числа китайцев в российскую цивилизационную орбиту и появления китайско-российских субкультур на территории Китая и Монголии. Этот процесс привел к парадоксальной ситуации возникновения как минимум двух смешанных русских сообществ на основе (или при заметном влиянии) аккультура-

²⁰⁵ Ли Мэн. Харбин – продукт колониализма // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1.

²⁰⁶ Mitter R. The Manchurian Myth: Nationalism, Resistance, and Collaboration in Modern China. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2000.

ции китайцев в российской культуре (китайские русские Внутренней Монголии и местнорусские в Монголии).

Определенную роль в негативном прочтении опыта гибридности сыграла и китайская историография, применяющая с середины 60-х годов колониальную перспективу по отношению к китайско-российским отношениям. Суровой критике подверглась царская политика, в которой видели культурные корни советского гегемонизма²⁰⁷. Широкое (цивилизационное) прочтение китайской нации давало возможность представить Среднюю Азию, Сибирь, Монголию и Дальний Восток как потерянные территории и символ постоянной опасности с севера²⁰⁸. В этой перспективе Россия воспринималась как западная колониальная держава, слишком близко находящаяся к Китаю и потому вдвойне опасная. Перспектива опасности была особенно востребована в приграничных территориях, которые стали этнически китайскими только в середине века и потому нуждались в новой мифологии *смелых людей китайского фронта*. Этому сопутствовал своеобразный режим границы двух враждующих социалистических государств с его постоянной мобилизацией и милитаризацией социальной жизни. В этой перспективе новая трансграничность вырастает из периода конфронтации и колониального прочтения предыдущего опыта культурного синкретизма.

Социо-политическая стерильность и память: приграничные регионы в тени режима управления границей

Фронтирные формы социализма отличала не только сверхинтенсивность социалистических методов модернизации, но и достижение заоблачного уровня политической и социальной стерильности приграничного населения²⁰⁹. В картине мира советских и китайских коммунистов граница воспринималась как

---

²⁰⁷ Ша Эцинъ. Хуа ши цзяньбянь (Компилятивная история агрессии царской России в Китае). Цзилинь: Цзилинь жэньминь чубаньшэ, 1976.

²⁰⁸ Ша Эцинъ. Хуа ши (История агрессии царской России в Китае). Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1975.

²⁰⁹ Peshkov I. Politization of Quasi-Indigenoussness on the Russo-Chinese Frontier // Franck Bille, Gregory Delaplace and Caroline Humphrey (ed.). Frontier Encounters: Knowledge and Practices at the Russian, Chinese and Mongolian Border. Cambridge: Open Book Publisher, 2012. P. 165-183.

источник опасности и поле столкновения с враждебным миром. Соседство с политическими оппонентами легитимировало милитаризацию приграничных регионов и продлеvalo здесь до бесконечности атмосферу конфронтации. В 1949–1991 гг. происходит синхронизация политики фронтирного социализма в СССР и КНР. Массовая миграция из Центра и распространение начального образования в социалистической школе маргинализируют гибридную культуру приграничных регионов и резко увеличивают культурную дистанцию между российской и китайской сторонами границы. В этом контексте, опыт социалистической границы во многом наново формирует приграничные регионы, принося определенную амбивалентность по отношению к соседям – *они близко, они здесь жили, но мы про них почти ничего не знаем*. Открытие границ и резкий рост мобильности приграничного населения приводит к попыткам изобретения трансграничности и переописания приграничных регионов-бастионов в категориях открытости, гибридности и особых связей.

По целому ряду причин этот процесс более динамичен с китайской стороны границы, но и российские регионы пытаются по-новому сформулировать свою географическую идентичность²¹⁰. Китайская сторона практически сразу воспринимает границу как ресурс не только экономического²¹¹, но и социокультурного развития. Приграничный статус и сохранившиеся следы российского присутствия дают возможность описания региона как *китайской Сибири* и вектора эндогенной вестернизации Китая. Именно спрос на новый привлекательный облик региона радикально меняет статус российского наследия. Особые связи с Россией становятся основой новой региональной идентичности.

Опыт фронтирного социализма полностью меняет контекст и смысл новой трансграничности: российское наследие становится просто местной китайской экзотикой, интересной в связи

---

²¹⁰ Бляхер Л. Трансграничное содружество: экономические выгоды и политические проблемы, или интеграция несистемных сетей Желтороссии // Политическая наука. 2010. № 3.

²¹¹ Граница кроме возможностей торговли давала доступ к многолетним программам развития. Участие в них не только резко изменило экономическую ситуацию региона, но и его статус как будущего полюса промышленного роста.

с особенной ролью СССР в китайской истории. Это *Китайская Россия* прежде всего для Китая и создана в контексте китайского культурного поля. Китайское общество видит себя многокультурным организмом, способным переварить и использовать в своих целях следы чужого (часто колониального) присутствия. В отличие от России, Китай заинтересован не просто в торговле, но и в превращении северо-востока в зону культурной гибридизации и обучения, адаптированных для китайцев российских культурных моделей. Регион с опытом фронтального социализма, массовой миграции и многолетней изоляции наново ищет свою культурную специфику, соединяя очень разноплановые элементы в причудливое целое.

Эта активная культурная политика во многом направлена и на прошлое, которое формируется как компромисс между императивом фронтальной лояльности и рыночной потребностью в том, чтобы быть особенным и неповторимым регионом. Китайское общество отличает очень противоречивое отношение к прошлому, в котором массовое сознание культурной преемственности соединяется с опытом радикальных инноваций и принудительной коллективной амнезии Культурной революции. В этой перспективе вопрос о характере *нового прошлого региона* выходит за рамки противопоставления аутентичности – изобретенной традиции, здесь мы имеем дело с радикальным изменением концепции прошлого в сторону декларации о вневременной гражданской лояльности и формирования культурной базы инвестиционной привлекательности. Прошлое в этом контексте является резервуаром символов, усиливающих инвестиционную и туристическую привлекательность региона. Если добавить влияние рынка этно-туризма на административные решения, то можно сказать, что прошлое становится заложником не только настоящего, но и определенных экономических ожиданий от будущего.

Особенно это касается архитектурного наследия городов с частично колониальным архитектурным фондом, статус которого радикально пересматривался в течение последних 50 лет. Европейская и японская архитектура северно-китайских городов была в разное время символом навязанной внешне модернизации (до 1949 г.), клеймом колониального позора (Культурная

революция) и важным символом культурного разнообразия региона (сегодня). Общекитайские процессы региональной дифференциации и натиск на культурные аспекты инвестиционной привлекательности приводят к ситуации, когда оставшиеся старые здания, построенные в европейском стиле, позитивно переоцениваются рынком, создавая запрос не только на сохранение, но и воспроизведение богатого культурного наследия региона. Возникшая ситуация во многом противоположна практикам Культурной революции, направленным на уничтожение чужого присутствия – теперь классические китайские кварталы без сожаления вытесняются современными зданиями, в то время как следы европейского наследия бережно сохраняются для китайского или заграничного туриста. В этой перспективе вопросы, связанные с сохранением и воспроизведением российского наследия в Китае касаются более широких процессов создания новых региональных идентичностей.

Материализация изобретенного прошлого как машина обучения новой трансграничности²¹²

Идея восприятия символического пространства приграничных городов и деревень как машины обучения, может дать возможность комплексного подхода к роли российских (сибирских) символов в процессе поиска новой региональной идентичности. Важной частью этого процесса является создание символических пространств, связанных одновременно с китайской и русской культурой. Именно эти амбивалентные пространства открывают возможности одновременного обучения китайцев *своей России*, а русских *своему Китаю*. Материальные репрезентации российских этнических маркеров не создают общего и согласованного целого – это, скорее, сеть разноплановых объектов, связанных только общим вектором ре-активации российского присутствия в новой экономической ситуации. Этот вектор направлен на включение российской символики присутствия в культурную жизнь региона на цивилизационно понятных и политически возможных условиях. Российские знаки показывают специфику региона и его особенность в китайском культурном поле: харбинская архитектура, фантомы приграничных городов, городская архитектура для экс-сибирских эвенков

²¹² McFarlane C. The city as machine for learning // Transactions of the Institute of British Geographers. 2011. № 3. P. 360-376.

и здания, имитирующие церкви в «русских» деревнях, можно увидеть как звенья одной цепи. Новые знаки и контексты по новому активизируют российский архитектурный фонд, создавая иллюзию преемственности и особенности региона. Де-проблематизируя Россию как часть локальной истории, регион практически изобретает новые культурные модели, не встречающиеся в его прошлом. Новая гибридность включает северокитайские города в едва уловимые системы знаков, отделяющие их от остального Китая. В отличие от *столетия унижений*, сейчас она напрямую связана с активной позицией Китая и его добровольным интересом к адаптации культуры северного соседа к своему культурному полю. Новые декорации открытости и поликультурности не просто являются инструментом культурной политики. Для большинства новых горожан они становятся основой новой идентичности, создавая контексты российского присутствия и культурного богатства региона. Материализация традиции дает возможность переживания трансграничности без участия в приграничном обмене.

Каково непосредственное действие российских маркеров? Как старые и новые материальные формы создают новые связи и сети²¹³ внутри городских и деревенских пространств? Ответ на эти вопросы требует особого внимания к функциям российских (сибирских) маркеров, что удобно представить в виде четырех примеров реактивации российского культурного поля в регионе. *Русская* Маньчжурия, постграничный Хайлар, *русские* деревни Трехречья и город сибирских эвенков Алагуня по-разному представляют общий процесс создания трансграничности на основе китайского культурного поля и с однозначной декларацией фронтальной лояльности.

Приграничный город Маньчжурия (в китайской административной терминологии городской уезд городского округа Хулун-Буир автономного района Внутренняя Монголия) является вместе с Хэйхе одним из самых российско-ориентированных городов Китая. Европейская архитектура, обилие вывесок на русском языке, почти свободное владение русским языком местными жителями делают его *своим Китаем*, максимально открытым для российского туриста или предпринимателя. Маньчжурия – это важнейший транспортный узел российско-китайской торговли (60 % экспорта в Россию)

---

²¹³ Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford, 2005.

и специфический фантом суперсовременной жизни, ориентированный на российских и китайских туристов. Городское пространство Маньчжурии причудливым способом сочетает имитации западной и советской (монументальной) архитектуры с большим набором маркеров, отсылающих к России (СССР) или российско-китайской дружбе. Реплики наиболее известных советских памятников размещаются рядом с макетами церквей, собранные на открытом пространстве огромные статуи матрешек сочетается с цитатами из символического ряда торговых городов Персидского залива, создавая вместе эффект экстерриториальности и вневременности.

Российские (советские) маркеры проявляются в контексте глобального города-фантома, одинаково чуждого России и Китаю. В этой перспективе городское символическое пространство играет роль России для китайцев и Китая для русских, соединяя две страны в пространстве общей (пост)социалистической эстетики и общих экономических интересов. Несмотря на российский генезис, город не имеет официального российского прошлого; его трансграничность создана в последние 20 лет исключительно в интересах приграничной торговли и туризма. Здесь мы имеем дело с абсолютно фантомной формой русификации городского пространства, единственной целью которой является превращение приграничной станции в мощнейший торговый и туристический центр региона. Маньчжурия делается машиной обучения новой трансграничности, в которой культурные маркеры являются товаром многовекторного использования, а игра идентичностями – основной формой удержания высокого уровня инвестиционной и туристической привлекательности. При всей противоречивости и гротеске, силу воздействия городского пространства трудно переоценить: именно Маньчжурия становится точкой встречи с современностью в регионе, превращая китайскую и забайкальскую провинцию в пригород этого города-фантома. В этом контексте изобретенная трансграничность (российское символическое поле в Китае) становится важным фактором модернизации и глобализации региона.

Полной противоположностью трансграничной Маньчжурии является Хайлар, практически полностью утративший приграничный характер. История Хайлара изменчива и противоречива. С 1732 года он был эвенкийской крепостью, китайским городом, русской железнодорожной станцией, важной военной базой Квантунской

армии и *монгольским городом* с преобладающим китайским населением. Это сложное прошлое отразилось в архитектурном облике, который причудливо сочетает старый китайский квартал, русские здания, социалистическую архитектуру и ориентированные на юго-восточный пояс развития новые формы современного китайского города. Город носит явно постграничный характер, соединяя обозначенную в городском пространстве близость России и Монголии, с ярко выраженной локальностью и отсутствием контактов с загницей. Несмотря на это, существует ярко выраженная потребность обозначения новой трансграничности: не-китайские маркеры широко представлены в его символическом пространстве. Старые здания с русскими надписями, русские сувениры в магазинах и хлебные лавки показывают, что приграничная жизнь ушла из города, но представляет для него определенную ценность.

В той перспективе город воспроизводит *русский след* исключительно для внутреннего пользования. Жители города отвыкли от туристов из России (массово приезжающих в начале 90-х гг.) и, в общем, психологически далеки от границы. Несмотря на это, трансграничность воссоздается заново, немного в ретроспективном ключе: одновременное присутствие монгольских, эвенкийских и русских маркеров создает эффект культурного разнообразия и неповторимого характера *китайской Сибири*. Очень интересен абсолютно современный характер нового прошлого: одновременно с созданием российского следа формируется канон местной истории, в которой нет места русскому Хайлару. Локальный краеведческий музей, книжные лавки и места туристической информации практически игнорируют тему российского присутствия в городе²¹⁴. Это связано с двумя императивами новой трансграничности: репрезентаций культурного разнообразия и акцента на фронтирную лояльность местного населения. В этом контексте ориентированная на туристов популярная этнография и официальный рассказ о жителях китайского фронта, жестко разделены и практически не пересекаются. Это помогает уйти от дилемм, связанных с постколониальной перспективой по отношению к российскому присутствию и сконцентрироваться на взаимном обогащении. Не переставая быть рассказом о правильном выборе²¹⁵, прошлое становится элементом

²¹⁴ С 1901 до 1945 года российское присутствие было определяющим для культурной жизни города.

²¹⁵ Стандартная роль прошлого в социалистических обществах.

привлекательности региона. В этом контексте пример Хайлара более важный в китайской перспективе: здесь рождается российское символическое поле внутреннего пользования, не связанное напрямую как с российским прошлым города, так и с его приграничной локализацией. Хайлар является фабрикой новой трансграничности, как основы идентичности региона, в этой перспективе мы имеем дело с очень интересным примером культурного разнообразия, не связанного ни с трансграничным обменом, не с изменением этнического состава города.

Следующий пример касается ре-активации российского символического поля в сельской местности, на месте компактного проживания русского населения во Внутренней Монголии. Турист, посетивший русскую национальную волость Энхэ, будет удивлен, увидев российские деревни, церкви, стариков, говорящих на русском языке и сохраняющих элементы сибирского деревенского уклада в Китае. Несмотря на определенную специфику местных жителей (проблемы с русским языком младшего поколения, смешанное происхождение большинства жителей, элементы китайского быта), именно символический ряд русской деревни создает чувство аутентичности и прикосновения к полу-потерянному сибирскому прошлому. Со временем он неизбежно увидит немного фантомный характер *китайской Сибири*. Большинство русских жителей, как и их китайские, монгольские и мусульманские соседи, переселились в пустые деревни, оставленные забайкальскими казаками во время их вынужденной репатриации и эмиграции после 1955 года. Русские Внутренней Монголии являются сообществом, состоящим, главным образом, из потомков смешанных китайско-русско-монгольских семей православного вероисповедания. Имея за спиной многолетний травматический опыт социальной маргинализации (в казачьем Трехречье) и преследований (во время Культурной революции), сообщество только сейчас приобретает опыт межрегиональной и трансграничной мобильности, сохраняя локальный и во многом деревенский характер²¹⁶.

Как для китайского, так и для российского общества, китайские русские находятся в тени Трехречья и воспринимаются как хранители во многом потерянного сибирского уклада жизни. Скромные и

²¹⁶ Башаров И.П. Русские Внутренней Монголии: краткая характеристика группы // Азиатская Россия: миграция, регионы и регионализм в исторической динамике. Иркутск: Отгиск, 2010.

трудолюбивые работники местных совхозов, предстают как внеисторическое сообщество, готовое показать китайскому и русскому туристу настоящую русскую жизнь и дать возможность прикоснуться к прошлому. Элементы российской культуры строго отобраны для китайских туристов, *журналистов и этнографов* из России. Они представляют собой стандартный набор аргументов ненарушенной этнической эссенции сообщества. Локальные власти поддерживают выпечку хлеба и развитие этно-туризма, превращая сообщество в предпринимателей, торгующих опытом приобщения к русской культуре. Полная аккультурация младшего поколения и потеря языка большинством сообщества, резко усиливает роль материальных аспектов манифестации культурной лояльности России. Отсутствие традиции компенсируют ее материальные симулякры: отели для туристов имитирующие *русский стиль*, здания, напоминающие церкви²¹⁷, и воспроизводимый набор русских социальных и экономических практик: выпечка хлеба, коллективное исполнение песен и празднование православных праздников.

Локальные власти, справедливо предполагая большой туристический потенциал говорящей на китайском языке русской деревни, активно стимулируют развитие этнического предпринимательства. Эти процессы усиливает рост интереса к китайским русским в России. Все это приводит к новой русификации пространства бывших казачьих деревень, все больше приобретающих облик знака русского присутствия и адаптированной для китайского культурного поля русской культуры. Представляя китайцам *свою Россию*, сообщество окончательно делает свое жизненное пространство китайским, обозначая все стороны своей жизни знаками китайского воображения о России. Молодежь учится, как использовать знаки российского присутствия и воспроизводит китайские представления о русской культуре. Новое Трехречье, несмотря на свой локальный и деревенский характер, играет очень важную функцию в регионе. Показывая одновременно культурное разнообразие Китая, Россию и локальную православную традицию, русские деревни создают фундамент уникальности и неповторимости региона и его глубокую связь с Россией.

---

²¹⁷ Кроме церкви в городе Лабдарин, все остальные церкви региона являются макетами для китайских туристов и не воспринимаются местными как объекты культуры.

Ре-сибиризация является более сложным явлением, связанным с воспроизведением сибирского наследия в рамках нациестроительства тунгусо-маньчжурских народов Китая. Эвенки приграничного района Хулунбуир Внутренней Монголии представляют собой конгломерат тунгусо-маньчжурских культур, собранных воедино национальной политикой в первое десятилетие КНР (1958). Несмотря на глубокие культурные и родственные связи между российскими и китайскими эвенками, в каждой из стран категория «эвенк» является во многом административной конструкцией, не всегда похожей на версию соседа. Эвенки Китая в большинстве своем представляют южную модель эвенкийской культуры²¹⁸. Существует очень малочисленная группа эвенков-оленоводо-в сибирского происхождения (237 человек), которые до последнего времени сохраняли традиции северного животноводства²¹⁹. Это сообщество эвенков-оленоводо-в Внутренней Монголии (Тунгус-яку), возникшее в результате переселения с берегов Лены²²⁰, играет огромную символическую роль в процессах культурной интеграции эвенкийских сообществ.

В этой перспективе переселение эвенков-оленоводо-в в специальное поселение Алагуя (пригород города Гэнхе во Внутренней Монголии) является очень интересным примером политики ре-сибиризации тунгусо-маньчжурских народов Китая²²¹. Город организован как большой музей сибирского наследия, в котором монументальные административные здания демонстрируют эвенкийскую архитектуру, а жители – наследие людей леса. Центральное здание представляет огромный музей, показывающий историю сообщества и включающий Китай в число стран с субарктическими

²¹⁸ Афанасьева Е.Ф. Эвенки Китая // Тунгусо-маньчжурские этносы в новом столетии: материалы всероссийской конф. с междунар. участием (Улан-Удэ, 11 ноября 2009 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. С. 11-21.

²¹⁹ Kong F. Aoluguya Ewenkeliminshihua (История эвенкийских охотников Алогуи). Nailaer, 1985; Kong F. Aoluguya de Ewenkeren (Эвенки Алогуи). Tianjin, 1989.

²²⁰ Lindgren E.J. North-Western Manchuria and the Reindeer-Tungus // The Geographical Journal. 1930. Vol. LXXV (June). P. 518-534.

²²¹ Основная цель акции переселения была обозначена как защита леса от охотников-номадов и прекращение номадизма как отсталой социо-экономической практики. Место переселения – поселок Алагуя – несет сложную смысловую нагрузку: полностью новопостроенный поселок соединяет современные семейные коттеджи и официальные здания в стиле «эвенкийской архитектуры». В результате переселения сообщество разделилось на большую (около 190 человек) группу жителей Алагуи и 30–40 человек, пытающихся остаться в тайге, сохраняя достаточно большое поголовье (700 оленей). (Fraser R.A. Forced relocation amongst the Reindeer-Evenki of Inner Mongolia // Inner Asia. 2010. Vol. 12. №2. P. 317-346).

локальными культурами. Ре-сибиризация в этом контексте предстает как окончательное включение лесных эвенков в современную китайскую жизнь в виде хранителей изобретенной традиции и продавцов символики жизни в лесу. Эта модель ре-активации российского (сибирского) наследия не только не связана с Россией, но, наоборот, имеет целью показать глубокое укоренение эвенков в китайской культуре.

В отличие от немного проблемных монголов и тибетцев, эвенки воспринимаются как лояльный агент китайского фронта и постоянный этнический элемент китайского Севера. Противоречие между этнографическим ожиданием этнической нормы (маленькая группа эвенков-оленоводов в противовес монголизированным южным эвенкам) и потребностью историков показать политическую и культурную лояльность Китаю экс-сибирских сообществ, снимается почти бесконечной темпоральной осью эвенкинской истории, которая делает опыт сосуществования с русскими несущественным. Сибирские элементы культуры сообщества не только не противопоставляются китайским, но и становятся символом утраты северных территорий и вынужденного ухода маленького народа в Маньчжурию вместе со своим государством. В этом контексте существует определенный спрос со стороны китайского государства на сохранение или даже вторичное приобретение эвенками сибирских элементов культуры. Эта политика имеет оригинальные идеологические основания. В отличие от России, китайские эвенки включены в государственный исторический нарратив путем «эвенкизации» археологических артефактов региона и подчеркивания роли эвенков в истории Северных династий (чжурчжэней и маньчжуров). В этой перспективе эвенки неотделимы от истории Китая как народ, участвующий в управлении страной и пострадавший от колонизации Сибири. Как и в предыдущих случаях, поиск новых культурных форм подчинен двум процессам: производству этнографической привлекательности и декларации фронтальной лояльности. Здесь мы можем наблюдать своеобразное *разделение труда* между сообществами, когда экс-сибирские эвенки поддерживают культурный эталон²²², а южные эвенки – статус защитников китайского фронта. В этой перспективе Алагуя является не только символом

²²² Несмотря на малочисленность сообщества, символы оленя и оленеводства являются ключевым маркером эвенкиности в Китае. Памятники и изображения оленя украшают второй этнический поселок эвенков Нантун (пригород Хайлара), жители

модернизации эвенкийского лесного сообщества, но и решительной попыткой включения сибирских элементов культуры в китайское культурное поле.

Заключение

Огромный интерес к Китаю и китайской культуре, вызванный радикальными переменами в российско-китайских отношениях, оставил в тени вопросы, связанные с внутренним китайским восприятием российского присутствия. Особенно это касается приграничных регионов, где российское влияние не только определило облик и инфраструктуру городов, но во многом повлияло на локальные культурные и цивилизационные иерархии. Ответ на вопросы: как, где и в каких контекстах российское наследие сохраняется и воспроизводится китайцами, требует отказа от оценок аутентичности и внимания к локальному фону практик материализации российского (сибирского) культурного поля в Китае. В этом контексте общим для всех представленных случаев является спрос на восстановление или даже изобретение утерянной благодаря миграции и конфронтации с СССР традиции культурной гибридности региона, в связи с чем мы наблюдаем создание нового приграничного сообщества. В этой перспективе роль следов российского наследия трудно переоценить – именно они учат жителей региона культурной специфике приграничного региона и новым моделям русской (сибирской) культуры, окончательно адаптированным к китайскому культурному полю. Исследования показали, что при всем разнообразии примеров ре-активации российского (сибирского) символического поля в регионе, поиск новых культурных форм подчинен двум процессам: производству этнографической привлекательности региона и декларации фронтальной лояльности сообществ в прошлом и настоящем.

которого являются представителями южной ветви эвенкийской культуры и не занимаются разведением оленей.

Глава 3. Этнизация городского пространства²²³

3.1. Этнизация городского пространства: попытка определиться в исследовательском поле

Этнизация городского пространства – такая постановка вопроса требует определиться в том, что понимается под этнизацией. Этничен ли вообще городской ландшафт? Возможно ли, чтобы городская среда была до какого-то момента не этнической – и вдруг по каким-то причинам принялась этнизироваться? Если да – то в чем это может выражаться?

Или же это проблема актуализации этничности? Естественно, что горожане – помимо всех других своих идентичностей – еще и этнофоры. В обычных условиях соответствующий пласт отношений между ними может быть менее актуальным, чем другие. Но по каким-то причинам этнический фактор вдруг (или не вдруг, а постепенно) увеличивает свою роль в жизни городского сообщества. Он становится чрезвычайно важным или даже решающим в жизни города, в характере его связей, отношений и конфликтов, в его трансформации. Возможно, это и дает основание говорить об этнизации отношений, этнизации городского пространства.

Иначе говоря, этничность городского пространства – это не синоним того очевидного обстоятельства, что любой город полиэтничен. Как любят говорить и писать чиновники (а иногда даже и ученые), «у нас в городе живет сто национальностей». Придумываются количественные критерии, которые определяют моно- или полиэтничность того или иного города. Иногда, исходя из этого, выстраивается политика властей. В спокойные времена она вроде бы работает, по крайней мере – не мешает, а в турбулентные, всегда наступающие для властей внезапно, становится уже не до процентов.

Проблема видимо лежит в другой плоскости. В той роли, которую играет этничность в жизни городского сообщества. В том, что этничность манифестируется – или не манифестируется. Играет значимую роль в публичном пространстве – или

²²³ Авторский коллектив: В.И. Дятлов (редактор главы; 3.1), А.Н. Алексеев (3.2), М.Н. Балдано (3.3), С.В. Кириченко (3.4), Е.В. Дятлова (3.5).

остаётся частным делом. При таком подходе, этнизация – это процесс манифестации, а значит, мобилизации этничности, выхода ее в публичную сферу.

Что может стать причиной этого? При каких обстоятельствах горожанам вдруг становится нестерпимо важна их «национальность»? Ведь не может же нормальный человек каждый день засыпать и просыпаться с мыслью: «Я русский! Какой восторг!». Или с аналогами этого суворовского афоризма для других национальностей. Конечно, всегда и везде имеются «этнические предприниматели», для которых их «национальность» является профессией и товаром. Но ведь для товара нужен рынок. И вновь возникает вопрос – при каких условиях и обстоятельствах, по каким причинам этничность становится действенным инструментом мобилизации, когда она делается мощным регулятором взаимоотношений в городе?

Не претендуя на создание всеобъемлющей типологической схемы, выделим несколько важных для нас случаев.

Этнизация может происходить как результат спонтанного процесса – через урбанизацию, приток сельского населения. В результате урбанизационных процессов в город идет мощное проникновение новичков. Они инокультурны уже по условию – в качестве вчерашних крестьян. Но иногда их инокультурность может быть и этнически маркированной. Тогда крестьянин может оцениваться горожанами и как «деревенщина», и как этнически чужой. Особенно, если новички выделены языком, религией, обликом. Эти мигранты с трудом адаптируются к городу, приносят с собой собственные привычки, манеры, уклад и образ жизни, модели социальной организации, непривычные, а то и глубоко чуждые старожилам-горожанам. Вытекающая отсюда негостеприимность городского сообщества может формировать у них агрессивные реакции. Возможна борьба за ресурсы – экономические или символические. И тогда неизбежное напряжение между горожанами и новичками может быть выражено и в этнических категориях, приобретать этническое измерение и окраску.

Однако город переваривает новичков, постепенно «выделявая» из них и, особенно из их детей, горожан. Это нивелирует культурные контрасты и может (хотя и не всегда) снимать и

этнически-маркированное напряжение. Правда, адаптационные возможности города имеют свои пределы – и если интенсивность миграционного притока превышает их, то город может захлебнуться, сменить свой облик, рурализироваться. Это процесс конфликтный – и также может принимать форму этнизации.

Вариантом этого процесса может стать **интенсивный приток трансграничных мигрантов**. Видимым результатом становится появление в городском пространстве этнически маркированных элементов. Это могут быть вывески, надписи, элементы непривычного дизайна, которые манифестируют присутствие в городе чужеземцев. Растет число этнических рынков, предприятий этнического общепита. Их значение в том, что это место постоянного и повседневного контакта представителей различных этнических групп, старожилов и мигрантов. На этническом рынке люди вступают в контакты не только как продавцы и покупатели на рынке, но и как этнофоры, представители разных культур. Горожанин идет на китайский рынок не только за товаром, но и за *китайскостью*. Соответственно актуализируя и собственную этничность. Особенно важен этнический общепит, который выполняет не только свои прямые функции, но и задачи культурного представительства. В мире сформировался устойчивый спрос и мода на этническую кухню, этнические рестораны. Мода на них пришла и в Россию. И это не только гастрономический, но и культурный феномен²²⁴.

Завершенным выражением этого процесса становятся места жилищной концентрации мигрантов: гостиницы, общежития, этнические кварталы, чайнатауны. Почти двухвековой опыт присутствия чайнатаунов в европейском мире показывает, что они могут выполнять, одновременно или последовательно, разнообразные функции. На первых порах важнейшей является задача первичной адаптации мигрантов к принимающему обществу, затем – места концентрации общинной инфраструктуры. Позднее же на первый план выходит функция производства и продажи этничности как туристического товара. В любом случае, для городского сообщества важна функция этнического

²²⁴ Вендина О. Культурное разнообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве // Миграция в России 2000–2013. Хрестоматия в 3 томах. Т. 1. Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции. Ч. 1. М.: Спецкнига, 2013. С. 321–341.

представительства. Интересно, что в России чайнатаунов нет – и перспективы их появления весьма туманны. Однако в символическом пространстве они существуют давно и прочно, также становясь элементом этнизации городского пространства²²⁵.

Смена городом своих функций

В силу многих исторических причин город может менять свои функции. Иногда быстро, внезапно и радикально. Это может сопровождаться и изменением состава его населения. Вернее – структуры населения и характера взаимоотношений в городском сообществе. В некоторых случаях это становится этнически маркированным процессом.

Классические примеры таких процессов дают имперские города после империи. Города, обслуживавшие общеимперские функции и потерявшие смысл существования после их исчезновения. Иногда это приводит к их упадку, деградации и прозябанию. Чаще же к обретению новых функций. Происходит при этом и смена населения – через уход, выдавливание (изгнание) одних групп и приход, иногда искусственное привлечение других. Население меняет функции, статусы, жизненные стратегии и практики.

Классические траектории подобного развития демонстрируют, например, Баку, Рига, Ташкент, Одесса в дореволюционную, советскую и пост-советскую эпохи. Более далекий от «родных осин» пример – египетская Александрия. Имперский город – понятие довольно условное. Как, впрочем, и сама империя. Вряд ли стоит здесь вторгаться в бурно текущую сейчас дискуссию об империи и имперскости. Достаточно отослать к журналу «Ab Imperio». Для нас важно то, что в рамках этого феномена предполагается существование городов, обслуживающих общегосударственные нужды или задачи центральной власти. В каком-то смысле – это форпосты, представительства центральной власти, осуществляющие те или иные общегосударственные задачи. Иногда – как в случае с Одессой, Александрией, другими левантинскими городами – функции обслуживания международной торговли, задачи терминала между экономиками своих стран и мировым рынком.

²²⁵ «Чайнатауны» в России. Специальная тема номера // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 3-58.

В этом их принципиальное отличие от городов, чьей основной функцией является обслуживание нужд прилегающего региона – хинтерланда. Возможно, характер отношений с хинтерландом и может быть основным признаком имперского города. Точнее – степень отчужденности от него. Конечно, имперский город не изолирован от хинтерланда – он обслуживает городские нужды прилегающей сельской территории попутно, просто фактом собственного существования. В случае с городами – торговыми терминалами это особенно видно.

Специфические функции формируют особый состав и структуру населения. Особый тип социальных связей и отношений. Специфическую культуру. И все это принципиальным образом отличается от того, что господствует в хинтерланде. Иногда это выражается и в этнических категориях, вплоть до того, что город и хинтерланд говорят на разных языках. Русский язык был языком повседневного общения для многонационального населения позднеимперских Баку, Тифлиса, Вильно, Ковно и Ташкента, советских Баку, Риги, Таллина, Ташкента и Алма-Аты. Для имперского города характерна этно-культурная гетерогенность, космополитизм, открытость. В любом случае – это не органическая часть хинтерланда в экономическом, социальном и культурном отношениях.

Характерна, например, динамика национального состава Ревеля, будущего Таллинна (табл. 1). Это был немецкий город в Российской империи. Вначале – по большинству населения, главное же, по языку общения, образу жизни, управлению. Эстонцы, которые хотели завоевать там экономические или социальные позиции, принимали немецкий язык, одежду, манеры, германизировали свои имена, подчеркивали свою дистанцию от деревенского прошлого. В языке самоописания эстонского сообщества столица Эстляндии воспринималась как инонациональное пространство, а вертикально мобильные эстонские элементы, проникающие в городскую среду, описывались в немецких терминах социальной и культурной иерархии. Положение меняется во второй половине XIX века, с развитием индустриализации и изменением демографического баланса города. Динамика смены структуры национального состава стала результатом модернизации, урбанизации и притока эстонского населения. Формирует-

ся эстонский средний класс, вначале германизированный. Однако происходит его самоорганизация через культурные общества, консолидированную борьбу за позиции в муниципалитете. Город становится площадкой, средой современного национального развития. Таким образом, вначале хинтерланд приспосабливается к инациональному городу, затем начинает его осваивать и преобразовывать²²⁶.

Таблица 1
Национальный состав населения Ревеля (%)²²⁷

	1844 год	1913 год	1917 год	1922 год
Эстонцы	42,3	71,6	57,5	83,8
Немцы	37,0	10,7	8,3	5,6
Русские	19,3	11,4	25,6	6,1

И вновь возвращаемся к вопросу: что будет, если перестанут быть актуальными имперские функции? Чаще всего – вместе с империей. Если у города появляется новый набор или новая иерархия функций и задач? И здесь чрезвычайно интересен пример трансформации египетской Александрии. Замечательную картину жизни этого города середины XX в. мы можем найти в «Александрийском квартете» Лоренса Даррелла²²⁸. Город возродился в свое время для обслуживания мировой торговли, для подключения к ней египетской экономики. По оценкам современников, это было место, где «в ходу все языки и все валюты», город был «плавильным котлом рас, религий, обычаев и языков. Местом встречи людей Востока и Запада»²²⁹. Этот космополитичный город вообще было трудно охарактеризовать в этниче-

²²⁶ Подробнее см.: Woodworth Bradley D. Patterns of Civil Society in the Modernizing Multiethnic City: A German Town in the Russian Empire Becomes Estonian // *Ab Imperio*. 2006. № 2. P. 135-162.

²²⁷ *Ibid.* P. 138.

²²⁸ Даррелл Лоренс. Александрийский квартал: Жюстин. Роман / Пер. с англ. и примеч. В. Михайлина. СПб.: «Симпозиум», 2007; Даррелл Лоренс. Александрийский квартал: Бальтазар. Роман / Пер. с англ. и примеч. В. Михайлина. СПб.: «Симпозиум», 2007; Даррелл Лоренс. Александрийский квартал: Маунтолив. Роман / Пер. с англ. и примеч. В. Михайлина. СПб.: «Симпозиум», 2007; Даррелл Лоренс. Александрийский квартал: Клеа. Роман / Пер. с англ. и примеч. В. Михайлина. СПб.: «Симпозиум», 2007.

²²⁹ Reimer M.J. Colonial Bridgehead: Social and Spatial Change in Alexandria, 1850 – 1882 // *International Journal of Middle East Studies*. 1988. Vol. 20. № 4. P. 550; Дятлов В.И. Александрия – «египетская Одесса» // *Россия и Восток: основные тенденции социально-экономического и политического развития*. Ярославль, 1998. С. 92-95.

ских категориях – его населяли представители самых различных религий, национальностей и культур. Они одинаково свободно говорили на многих языках, обучали своих детей во французских, английских, греческих, армянских школах. Зачастую они и сами затруднялись в определении своей этнической идентичности. Они могли иметь египетское подданство, паспорта европейских стран или были апатридами. Это был вопрос обстоятельств и удобства. Их часто называли левантинцами. Они были больше связаны и близки по культуре с жителями Бейрута, Стамбула, Смирны, Марселя или Пирея, чем с арабами из соседних деревень и городков. Своей энергией, предприимчивостью, капиталами, знаниями, опытом они вносили огромный вклад в экономическое и культурное развитие Египта. Представители арабской элиты, особенно предпринимательской, перенимали их образ и стиль жизни.

Однако в массе своей они были индифферентны к задачам национальной независимости и строительства египетской государственности. Решавший именно эти задачи республиканский режим, сформировавшийся после Июльской революции 1952 г., примириться с таким отношением не мог. Политика интенсивного нацистроительства, укрепления национальной государственности, господство националистической идеологии и политики, сопровождаемые этатизацией экономики и социалистическими лозунгами, радикально изменили городское пространство Александрии. Подверглись репрессиям и конфискациям, были высланы, выдавлены или уехали сами десятки тысяч евреев, греков, армян и прочих левантинцев. Город арабизировался, перестал быть открытым миру и космополитичным. Этатизация экономики изменили и место города в мировых хозяйственных связях, способствовала его провинциализации.

В чем-то похожие трансформации пережила и переживает сейчас Одесса. Она возникла сразу для выполнения имперских функций торгового терминала. Ее появление и развитие не диктовалось нуждами хинтерланда и шло не за счет его ресурсов, в т. ч. человеческих. По этническому и культурному составу населения, укладу жизни, экономическим функциям это был левантинский город. Сформировалась и особая культура. Немецкий путешественник середины XIX века писал: «Русский является

языком простых людей, слуг, рынка и порта, а также официальным языком власти. На итальянском говорят итальянцы и греки, это язык коммерции и биржи. На французском говорят в изысканных кругах... Смешение языков, которое наблюдается почти везде в России, достигает поистине вавилонского уровня в Одессе»²³⁰. С советских времен начался, а в эпоху независимой Украины резко ускорился, процесс изменения функций города. Он стал превращаться в типовой областной центр. Вместе с этим менялся и состав населения, уклад жизни, тип взаимоотношений. Происходит поглощение города хинтерландом.

Старая Одесса превращается в легенду, миф, анализу которого посвящена статья В. Сквирской и К. Хэмфри²³¹. И весьма важно то, что ключевой составляющей мифа является ностальгия по прежней открытости и космополитизму. «Ряд ключевых объектов одесского мифа – свобода, торговля, юмор, одесский язык, гармоничное или космополитическое сосуществование...». «Несущим» элементом мифа сегодня является традиционное **этническое многообразие** города, которое изображается главным образом в ключе мирного сосуществования и городского космополитизма *par excellence*. «Среди тех, кто считает себя коренным одесситом, бытует мнение, что Одессе угрожает «растворение в Большой Булдынке», то есть во все разбухающей массе приезжих из украинской провинции. И хотя некоторые из наших респондентов надеются, что приезжие, набравшись опыта общения, местных выражений и одесских навыков сосуществования, смогут постепенно вписаться в Одессу, основная проблема с поселенной преемственностью им видится в том, что самих носителей одесских черт становится все меньше».

Бывшие имперские города часто становятся важнейшим инструментом, «фабрикой» нациестроительства. Особенно если такая задача ставится осознанно и проводится в жизнь политическим режимом. Вбирая в себя население хинтерланда, они не просто превращают его в горожан. Они выстраивают из них нацию. Нациестроительство – процесс городской, невозможный вне городской культуры и городского типа отношений, без городских слоев, которые собственно и формируют нацию.

²³⁰ Цит. по: Сквирская В., Хэмфри К. Одесса: «скользкий» город и ускользящий космополитизм // Вестник Евразии. 2007. № 1 (35). С. 115.

²³¹ Там же. С. 88-117.

Поглощение таких городов ино-этническим хинтерландом по условию конфликтно. Происходят рурализация города, изменение его этнического состава, выдавливание (или изгнание) одних его фракций, рост других. Радикально уменьшаются космополитизм и открытость, что неизбежно ведет к сокращению влияния, авторитета, иногда и численности, связанных с эти слоев и социальных групп. Но этот конфликт, в принципе традиционный для процесса рурализации городского пространства в условиях ускоренной урбанизации, приобретает новое измерение в контексте процесса и политики нациестроительства. Это уже не просто столкновение культур и интересов «понаехавшей деревенщины» и «шибко грамотных, наглых и шустрых» горожан.

Это конфликт между формирующейся и формируемой нацией в этническом ее понимании и теми, кто не вписывается в этот процесс, кто считается чуждым или даже враждебным ему. Результаты могут быть самыми печальными для них – достаточно вспомнить левантинцев насеровского Египта, погромы и изгнание армян из независимого Азербайджана, массу других печально известных примеров. В качестве препятствия нациестроительству могут оцениваться не только этнические группы. Иногда в чужеродности и анти-национальности обвиняются, например, «городские казахи» в Казахстане²³².

Пример независимого Казахстана чрезвычайно важен для понимания проблемы. Это уже не осколок империи, случайно получивший независимость, это пример интенсивно и сознательно формируемой нации. Причем нации, понимаемой (несмотря на все колебания) в этническом измерении. Казахстан демонстрирует и несколько вариантов трансформации городского пространства в русле этого процесса. Здесь и бывшая носительница имперских функций Алматы, потерявшая столичный статус, но не реальное влияние, здесь и выстраиваемая на базе бывшего областного центра столица Астана.

Здесь и провинциальный Усть-Каменогорск, русский город в окружении русского по преимуществу хинтерланда (Рудный Алтай). Часть этой исторически сложившейся земли. В этом смысле – это не имперский город. Город индустриальный – с

²³² Алексеев А. Миграции и борьба за городское пространство в независимом Казахстане // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / Науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Отгиск, 2012. С. 384–389.

соответствующим набором профессиональных и социальных групп. Город, исторически больше связанный (по многим параметрам) с соседними регионами России, а не с Казахстаном в его нынешних границах. В советскую эпоху он вместе с частью области был включен в состав Казахстана для создания городского, индустриального компонента социалистического варианта нациестроительства. Но функции формирования властных и культурных компонентов конструируемой социалистической нации были возложены на столичную Алма-Ату.

Что же происходит с этим городским сообществом в условиях интенсивного нациестроительства эпохи независимости? Сочетаются и создают кумулятивный эффект несколько процессов. Идет ускоренная эмиграция русскоязычного населения (европейцев), особенно в 1990-е годы. Происходит интенсивная (в т. ч. в результате сознательной государственной политики) урбанизация и приток иноэтничного для города казахского населения. В город приходят крестьяне, казахи – но не в качестве низкостатусных новичков, стремящихся войти в городское сообщество через принятие его норм, правил, языка, моделей поведения и т. д. Как это было, например, во время массового притока мусульманского (татарского и башкирского) населения в Ярославль на заре социалистической индустриализации. Это были пауперизированные крестьяне, согласные на тяжелую и грязную работу, на крайне низкий жизненный уровень, на жизнь в трущобах, бараках²³³. Здесь же в город приходят люди, ощущающие себя представителями господствующей нации. Приходят как хозяева. Это происходит в русле казахизации как целенаправленной государственной политики. Проводится курс на изменение этнического состава населения (привлечение оралманов, спокойное отношение к эмиграции не казахов), казахизация госаппарата, смена названий городов и улиц, соответствующая языковая, образовательная политика и т. д.

Стоит особо отметить имеющую огромное символическое значение ономастическую трансформацию городского пространства. Еще в 1990-х гг. С. Панарин так писал о ее целях и последствиях: «Наглядное подтверждение тому, что угроза (дискриминации. – В. Д.) может осуществиться, русскоязычные по-

---

²³³ Черновская В.В. Мусульмане Ярославля. Ярославль: Диапресс, 2000.

лучают в стирании новыми хозяевами топонимических и иных символов бывшего русского преобладания в культурном пространстве Казахстана. Маркировка пространства новыми, чисто казахскими символами в одних случаях вызывает раздражение просто потому, что затрудняется пространственная ориентация (и тут многие казахи в своем недовольстве солидарны с русскими). Но в других случаях – и особенно на севере и востоке, где русская топонимика и ономастика насчитывает не одно столетие – она воспринимается как сознательное принижение вклада русскоязычных в окультуривание этого пространства и как прямое отрицание давнего присутствия русских в подвергающихся переименованию населенных пунктах. В таких случаях людям кажется, что новая власть покушается на их прошлое, старается подорвать веру в достоинство предков, а значит – и их собственное достоинство»²³⁴.

Начался неостановимый процесс превращения русского по преимуществу Усть-Каменогорска в казахский город. Хотя, конечно, в случае эволюционного сценария развития событий это не очень быстрый процесс – в индустриальном городе вытеснить и заменить казахами профессиональные слои, связанные с индустрией, сложнее, чем произвести подобную операцию в сфере власти, науки и культуры.

Этнизация как проект

Бывают ситуации, когда город внезапно наделяется имперскими функциями. Примером такой ситуации стало развитие русского уездного Верхнеудинска, ставшего по воле Советской власти столицей бурятской автономии Улан-Удэ. Город обрел функцию инструмента нацистроительства в советском варианте. Прежние функции не исчезли, но были оттеснены на задний план новыми, властными задачами. Прежний хинтерланд не исчез – он растворился в новом. Вместе с функциями изменился и состав населения. Хотя меняться он начал раньше – в ходе Гражданской войны. В этническом плане это выразилось в уменьшении еврейского компонента²³⁵. В связи же с новыми

²³⁴ Панарин С. Русскоязычные у внешних границ России: вызовы и ответы (на примере Казахстана) // *Диаспоры*. 1999. № 2-3. С. 154.

²³⁵ Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири. Улан-Удэ: Издат.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2003.

функциями смена этнического состава происходит не за счет вытеснения старого населения, а благодаря массовому притоку нового, в значительной степени бурятского.

Улан-Удэ можно рассматривать в категориях проекта. Реализуя политическую задачу, город создает нацию из партикуляристского племенного населения. Создает, конечно, не на пустом месте. В последние десятилетия имперской России сформировался немногочисленный, но мощный по интеллектуальному потенциалу, общественно активный слой европейски образованной (через русский язык, культуру и систему образования) бурятской интеллигенции. Она накопила огромный политический опыт и приобрела вес и влияние в годы Гражданской войны. Национальный эксперимент Советской власти объединил этот слой и город, в котором до этого буряты практически не жили. Именно город стал инструментом выращивания современной городской нации. Ибо нация может быть только городской. Целенаправленно формируются новые социально-профессиональные группы – номенклатура, интеллигенция, городские средние слои, рабочие. Пауперизированное сельское население становится материалом для социальной инженерии. Одновременно создается система социальных лифтов. Все это происходит в контексте социалистической индустриализации. Создается (и для индустриализации, и для нациестроительства) система образования – от детских садов до высших учебных заведений. Это важнейший социальный лифт. Еще более значимый лифт – политика коренизации²³⁶. Выстраивается типовой столичный набор социальной и культурной инфраструктуры – от властных структур до музеев и театров. Создается общебурятский литературный язык. Устный народный эпос Гэсер становится литературным произведением современного типа, базовым и унифицированным фундаментом культурной традиции нации.

Этнизация и конфликт

Неизбежен вопрос о конфликтности этих процессов. Всегда ли этнизация ведет к росту уровня конфликтности? Ведь приход новых людей, новых групп, изменения в их статусах – долж-

---

²³⁶ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Пер. с англ. О.Р. Щёлоковой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.

ны вести к обострению конкуренции за ресурсы. Особенно при разнице культур, при изменении иерархий и социальных ролей. Иногда конфликтность купируется – за счет добровольной эмиграции проигравших и недовольных, насильственного выдавливания, иногда просто депортации, изгнания, этнических чисток (армяне Баку). Иногда конфликтность загоняется вовнутрь под давлением государства, его политики нациестроительства.

Иногда же находятся компромиссы – и возникает новое равновесие. Зачастую новички приносят в город свой ресурс. Собственно, это происходит всегда, ибо основной ресурс города – это люди, а не природные факторы (как в деревне). Принципиально важно при этом – осознается ли это горожанами, ценится ли ими. Если да – тогда открывается путь для новых балансов, новых форм взаимоотношений.

Иногда же усложнение этнической композиции городского населения может вести к новому состоянию конфликтности – менее конфронтационному, более сложному и цивилизованному. Замечательный пример ухода от сложившихся стереотипов относительно того, что сам факт усложнения социальной и этнокультурной структуры городского сообщества ведет к автоматическому росту конфликтности, дает статья Блэра Рубла²³⁷. На нескольких примерах он убедительно показывает, что культурное разнообразие – не просто капитал большого города. Усложнение состава его населения благодаря формированию новых мигрантских групп может привести к размыванию застарелых и кажущихся неразрешимыми этнокультурных конфронтаций. Формирование сложных этнокультурных балансов становится стимулом к воспитанию культуры взаимодействия в их рамках. Статья Блэра Рубла – убедительный и максимально не идеологизированный ответ тем, кто считает приход новых мигрантских групп изначально конфликтогенным фактором и высчитывает процентные пороги возникновения этнической нетерпимости²³⁸.

²³⁷ Блэр Рубл. Социальный капитал разнообразия: к вопросу о креативности разделенных городов // Вестник Института Кеннана в России. 2006. Вып. 9. С. 7-19 (Демоскоп Weekly, 2007. № 271-272. 1-21 янв. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0271/analit06.php> (режим доступа: свободный).

²³⁸ Критику распространенного представления о «критической массе» мигрантов см.: Шнирельман В. Мигрантофобия и «культурный расизм» // *Ab Imperio*. 2008. № 2. С. 299-312.

Наш раздел этой книги не ставит задачи тем или иным образом коснуться всех тем и сюжетов этого вводного текста. Наша задача – куда более скромна и локальна. Нам хотелось ввести соответствующую проблематику сибирского переселенческого общества в контекст этой глобальной проблемы. Нам кажется, что описание и анализ отдельных кейсов может быть плодотворным путем осмысления проблемы. И материал провинции, да еще такой уникальной и специфической, как Сибирь в ее широком понимании, может сыграть здесь неоценимую роль.

3.2. Этнизация и традиционализация городского пространства современного Казахстана

В советский период о Казахстане сложились довольно устойчивые представления как о регионе с индустриально-аграрной экономикой, европеизированным населением. Республика воспринималась почти как европейское пространство. Во всяком случае, ни на официальном, ни на бытовом уровне Казахстан не ассоциировался со Средней Азией. Но во многом этот имидж отражал не «титულную», а именно «советскую» суть, возврат к которой после обретения независимости не предполагался. Поиск суверенной цивилизационной идентичности обозначил присутствие, по крайней мере, двух вариантов дальнейшего развития – «европейского» (индустриальное ускорение, европейские демократические идеалы) и «традиционного» (отрицание европоцентризма, возврат к обычаям и традициям казахского народа). При этом большинство титульного населения осознавало суверенитет именно с этнополитической точки зрения. «Европейский» же путь воспринимался как нечто чуждое, от которого следовало незамедлительно избавляться.

Подобная реакция во многом объясняется болезненным «наследуемым» союзного прошлого – этническими перекосами в социальной структуре Казахстана. К началу 90-х годов XX в. казахи в массе своей проживали в сельской местности, оставаясь на периферии доминантных социально-политических процессов. Важнейшей целью суверенного государства становится создание в короткие сроки урбанизированной казахской нации. Но решение этой задачи неизбежно привело к переносу в города

традиционных воззрений вчерашних сельских жителей. В результате в современном городском пространстве присутствуют как «традиционные», так и «про-европейские» идеи.

В начале XXI века президент Н. Назарбаев предпринял попытку найти золотую середину сосуществования цивилизационных устремлений. Он поставил задачу «идти своим путем», вести модернизацию казахстанского общества при опоре на национальную специфику и исторический опыт: «На повестке дня – модернизация страны, «встраивание» на приемлемых для нас условиях в мировую экономику». При выборе пути дальнейшей модернизации общества необходимо учитывать исторические корни, традиции народа, основные идеологические концепции должны быть адаптированы к реалиям Казахстана... «опора на национальную специфику и исторический опыт прибавляет ... обществам устойчивости и придает внутреннюю логику их развитию. Точно также и Казахстан стремится идти своим путем, используя свои преимущества и исправляя доставшиеся от прошлого «перекося»»²³⁹.

Предполагаемое постиндустриальное будущее Казахстана зиждется на «европейской» социально-экономической основе, заложенной еще в советский период – ускоренной модернизации, индустриализации. Национальную же специфику должно придать прошлое, незапятнанное «колониально-тоталитарным режимом». Проблема в том, что суть «специфики» определить сложно, так как за время нахождения в составе России/СССР ее социальная, экономическая, культурологическая основа была основательно размыва. В результате точка опоры определяется этнополитическими эмоциями, не выходящими, чаще всего, за рамки традиционной культуры автохтонов.

Векторы развития Казахстана отражают мировоззрение социальных слоев, представления которых о будущем Республики совпадают далеко не всегда. По мнению заведующего отделом политологии и религиоведения Министерства образования и науки РК М. Шайкемелева, поляризация казахстанского общества зашла довольно далеко. «Водораздел проходит не столько по национальному признаку, сколько по социальному. Одна – продвинутая часть общества, которая живет в XXI веке и ори-

---

²³⁹ Назарбаев Н. Послание президента народу Казахстана // Казахстанская правда. 2002. 27 нояб.

ентируется на глобализм и космополитизм. И другая, которая все еще находится под влиянием патриархальных стереотипов и форм поведения, не работающих в глобализованном мире. Пропасть между двумя частями общества медленно, но верно увеличивается»²⁴⁰. Дискуссии о прошлом, настоящем и будущем страны приобретают все более острый характер.

Варианты осознания населением результатов изменений социально-экономических, этнокультурных и других составляющих динамично развивающегося городского пространства существенно отличаются. Вследствие этого здесь представлен лишь общий план, контуры проблемы, рассматриваемой, в основе своей, через призму мнений казахских авторов, опубликованных в русскоязычных средствах массовой информации. На мой взгляд, именно русскоязычные городские казахи способны наиболее объективно оценить изменения, происходящие в городском пространстве. Казахоязычные СМИ, равно как и русские авторы, вольно или невольно смотрят на ситуацию с этнической точки зрения, куда более ангажированы. Считаю, что событие, неоднократно представленное в СМИ, демонстрирует в известной мере сложившееся общественное мнение и фиксирует процесс становления определенных тенденций.

Отмечу также, что в статье не рассматривается сюжет о судьбе казахского языка в городском пространстве, так как в контексте поставленной задачи он будет выглядеть вторичным. Это тема отдельного самостоятельного исследования.

История

Гротескное отражение идея возрождения «национальной специфики» получила в «национально-популистском» направлении исторической науки суверенного Казахстана. Представляют это направление многочисленные любители, в массе своей исторического образования не имеющие. Тем не менее, созданные ими сюжеты легли в основу учебных пособий, оказавших немалое влияние на формирование исторических знаний казахстанской молодежи.

Выбор истории в качестве проводника идей «возврата к истокам» объясняется тем, что прошлое явилось фактиче-

²⁴⁰ Кирииндиянов Ю. Улучшим мир. Реальный и виртуальный // АиФ Казахстан. 2013. № 16.

ски единственным источником формирования национально-патриотических конструкций. Исторические вариации, опирающиеся в основном на концепцию этногенеза Л.Н. Гумилева, придают этим конструкциям научный вид. История Казахстана преподносится как история казахов. Она обусловлена природной средой, в которой казахи проживали. Экономический базис казахского общества, сформировавшийся в этой среде – кочевое скотоводство. Номадизм, в свою очередь, определил материальную, духовную культуру, обычаи и нравы казахов.

Таким образом, суть казаха – кочевник, номад. С помощью констатации «если казахи – это кочевники, номады, то кочевники, номады – это казахи» возможны экскурсы в далекое прошлое и «оказывание» кочевых культур, встретившихся на пути «в древность» (особенно, если следы их пребывания были обнаружены на территории РК). Одновременно происходит и расширение границ обитания казахских племен²⁴¹.

В значительной мере на номадизме держится и конструкция «исторической политики», неразрывно связанная с мифотворчеством²⁴². Во всех бедах казахов (как прошлых, так и настоящих) обвиняется российский колониальный или советский тоталитарный режим²⁴³.

С течением времени, однако, полюбившиеся исторические сюжеты теряют актуальность. Вариации «великого прошлого»

---

²⁴¹ Сейдимбек А. сообщает в своем учебном пособии: «...Больше половины земли от Алтая до Тона (Дона), на которых исконно жили и кочевали казахи, создавали свои государства и ханства, осталось под властью России». Территориальные притязания основаны, в подавляющем большинстве случаев, на фиксации случайных созвучий названий: «... город Тула назван в честь матери хана ЖанибекаТуллы. Волга (Едил) – исконно казахская река... Астрахань (Хажы Тархан), Саратов (Сарытау), Челябинск (Селебе), Курган (Корган), Тюмень (Томен), Барнаул (Баранаул), Усть-Кут (Устікут), Ачинск (Ащылы), Байкал (Байкол), Ангара (Ангар)» (Сейдимбек А. Мир казахов. Этнокультурологическое переосмысление. Учеб. пособие. Алматы: Рауан, 2001. С. 553).

²⁴² См. более подробно: Ремнев А. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // *Ab Imperio*. 2011. № 1.

²⁴³ Например: «... Казахская государственность в 1822 году была насильственно ликвидирована, точнее говоря, уничтожена. С этого момента самые одаренные сыновья и дочери казахского народа перестали умирать естественной смертью. Их безжалостно и регулярно уничтожали: свирепствовал государственный этноцид... На протяжении всей истории самое тяжелое, самое страшное преступление было совершено в двадцатом веке в государстве-империи, называемом СССР. Оно не сравнится даже с двумя кровопролитными войнами при жизни одного поколения» (Сейдимбек А. Мир казахов. Этнокультурологическое переосмысление. Учеб. пособие. Алматы: Рауан, 2001. С. 554-555).

почти исчерпались и вызывают иронические комментарии²⁴⁴. Новоявленные историки начинают ходить по кругу, повторяясь или приводя новые факты «преступлений» России/СССР. При этом документальные подтверждения исторических событий часто отсутствует. Причина объясняется просто: «Считаю не только нецелесообразным, но и оскорбительным для казахского народа приводить документы по технологии осуществления этой колонизаторской политики...»²⁴⁵.

Национально-популистское направление отечественной истории явно расходится с декларируемым государственным видением будущего, стержнем которого является ускоренная социально-экономическая модернизация. Что стоит за призывами «вернуться к истокам», «отказаться от колониального, тоталитарного прошлого» никто не знает. Где истоки? Куда возвращаться в случае забвения двухсотлетнего исторического периода? Императив «героизация прошлого» почти не оставляет шансов планируемой индустриально-инновационной перспективе. Мало кого из современных казахов прельщает вариант, предложенный в учебном пособии А.Сейдимбека: «...Обычаи кочевой жизни это не достоинство казахского народа и не его порок. Кочевой образ жизни казахского народа – установившаяся необходимость существования в данной экосистеме...Для того чтобы улучшить жизнь людей, поднять уровень их благосостояния, нужно, в первую очередь подчинить животноводство ритму кочевого образа жизни, что поможет сохранить биологическое здоровье народа»²⁴⁶.

Обвинение во всех бедах казахов «внешних врагов» (чаще всего – это Россия/СССР) воспринимается все менее доверчиво по мере отдаления от даты приобретения суверенитета. Более того, сюжет явно выпадает из логики политических, экономических российско-казахстанских отношений последних лет.

²⁴⁴ См., напр.: «Благодаря стараниям отечественных ключевских, любой казахстанский школьник может смело утверждать, что Атилла был казахом, а Рим основали выходцы из Младшего жуза» (Кубайжанов А. На джунгар можно свалить что угодно // Свобода слова. 2012. 12 апр.). А заголовок статьи известного казахоязычного деятеля Казахстана Г. Бергера говорит сам за себя – «Король Артур, Наполеон и другие казахи» (Время. 2012. 12 апр.) и др.

²⁴⁵ Данияров К. История Казахского государства. XV–XX вв. В 2-х ч. Ч. I. Казахское ханство. XV–XVIII вв. Алматы: Изд. Дом «Жибекжолы», 2000. С. 7.

²⁴⁶ Сейдимбек А. Мир казахов. Этнокультурологическое переосмысление. Учеб. пособие. Алматы: Рауан, 2001. С. 565.

Состояние исторической науки Казахстана вызывает тревогу уже не только у профессиональных отечественных историков²⁴⁷, но и властных структур. Президент РК Н. Назарбаев охарактеризовал ситуацию следующим образом: «Такая важная составляющая учебно-воспитательного процесса, как исторические знания, абсолютно не настроена на решение задач становления личности, гражданина и патриота. Реальность такова, что учащиеся считают предмет истории Казахстана «скучным», «не интересным», «запутанным»». Президент поручил Министерству образования и науки РК «провести анализ учебных планов, учебников и учебных пособий по истории Казахстана, осуществить меры по изменению содержания и формата преподавания истории Казахстана в учебных заведениях»²⁴⁸. Историческая наука должна формировать «... общенациональное историческое сознание. Наше восприятие истории должно быть цельным, позитивным и объединять общество, а не разделять»²⁴⁹.

Государственные стратегические замыслы подчеркивает роль городов, где в обозримом будущем должны преобладать казахи. Представители национал-популистского направления оказались не готовы к смене исторического вектора. Упорным трудом ими был создан образ казаха – номада, казаха – кочевника, мужественного воина. Но никак не городского жителя – мещанина, рабочего фабрики и т. п. «Городской типаж» категорически не вписывается в концепцию «героического прошлого». Более того, «историческая политика» заставляет воспринимать города, особенно северо-востока, как символ воинствующего российского колониализма: «Колонизация Северного Казахстана вступила в завершающую фазу после строительства Акмолинска (в настоящее время столица РК г. Астана. – А. А.), Атбасара, Петропавловска, Кокчетавы, Щучинска, Костаная, Тургая, Каркаралинска...». Или: «Россия начала продвигаться вглубь Казахского ханства ... строя военные укрепления, которые в дальнейшем превратились в города Уральск, Костанай, Актюбинск, Акмолинск, Кокчетав,

²⁴⁷ Наиболее четко и предельно критично отношение к проблеме «мифотворчество» было представлено в монографии: Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана / Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева. Алматы: Дайк-Пресс, 2007.

²⁴⁸ Назарбаев Н. Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда // Казахстанская правда. 2012. 10 июля.

²⁴⁹ Назарбаев Н. Выступление на XX сессии АНК // Казахстанская правда. 2013. 26 апр.

Петропавловск, Павлодар, Семипалатинск, Усть-Каменогорск... На базе Малой и Большой станиц был построен город Верный (ныне Алматы), с которого началось освоение территорий южнее и западнее его»²⁵⁰.

Представители национал-популизма в истории максимально затруднили становление актуального направления «казахи в городе». Неясно, на какой историко-патриотической основе оно будет строиться, так как эта основа была фактически выжжена «любителями номадизма». Номадический дискурс, героизация антиколониальной борьбы оставили немного шансов исторического обоснования автохтонизации городского пространства. Создание «великого прошлого» шло по сценарию, отрицающему городской образ жизни. Отдельные же попытки приобщения казахов к оседло-земледельческой, городской культуре на сложившемся номадическом фоне выглядят искусственно и подвергаются язвительной критике²⁵¹.

Таким образом, результатом созданной национал-популистами за годы суверенитета отечественной истории является идеализация патриархального казахского общества «доколониальных» времен. Обоснование постиндустриального будущего на таком историческом фундаменте максимально затруднено.

Ономастика

На первый взгляд ономастические преобразования выглядят наиболее доступным способом решения задачи «этнической перезагрузки» городского пространства. Проблема в том, однако, что города северо-востока все еще русскоязычны и свою гражданскую позицию «нетитульные» активно проявляют именно в защите своего ономастически оформленного досуверенного прошлого. Ономастика является некоей границей, отражающей как ментальные, так и этнически выраженные исторические предпочтения: «...По ономастике страшно страна отличается. На юге и западе, где области казахские по демографическому составу, вплоть до Актобе улицы носят названия ханов, батыров, биев.

²⁵⁰ Данияров К. История Казахского государства. XV – XX вв. В 2-х ч. Ч. II. Казахстан – колония России. XVIII–XX вв. Алматы: Изд. Дом «Жибекжол», 2000. С. 5, 8.

²⁵¹ См. напр.: «Традиционно считается, что мы номадическая культура, но теперь наши историки пишут, что казахи создали города, изобрели колесо и паровой двигатель... и все активно в это верят!» (Ашимбаев Д. Казахи за независимость не боролись // Время. 2012. 26 апр.).

Но как только мы переехали из Актюбинской в Костанайскую область – первый город на пути Рудный. И началось – Ленина, Горького, 40 лет Октября, Пролетарская, Большевик, Красногвардейская, Краснознаменная, Краснопресненская. Весь север такой – Костанай, Петропавловск, Усть-Каменогорск. Ничего не поменялось в этом смысле за 20 лет!»²⁵².

Ономастические ускорения вполне могут дестабилизировать межэтническую ситуацию, так как выводят проблему на бытовой уровень, вызывая к действию пассивные ранее слои населения. Власть не заинтересована в подобном развитии событий, так как межэтническая стабильность – один из важнейших брендов суверенной политической системы. Пока дозированные ономастические преобразования позволяют в целом удерживать от решительных действий как русскоязычное население с одной стороны, так и автохтонное – с другой. В то же время, растущая урбанизация в сочетании с эмиграцией быстро меняют этнический состав городов. Ономастические претензии «новых горожан» становятся одним из основных компонентов самоутверждения в новом месте жительства.

Становление этнической однородности вызывает проблему иного свойства. По признанию министра культуры и информации РК Д. Мынбая: «В последние годы на местах различным социальным объектам стали присваивать имена неизвестных личностей...»²⁵³. Главный редактор республиканской газеты «Туркестан» Ш. Паттеев отмечает: «Наверное, есть резон в том, что улицы города освободились от имен «пламенных революционеров», от памятников им. Но всегда ли на смену им приходят достойнейшие из достойных? Увы. Сплошь и рядом, особенно в маленьких городах и аулах, предпочитают отдавать почести не действительно заслуженным людям, а своим родственникам»²⁵⁴.

Ономастические преобразования будут происходить, в основном, через призму этнической логики. Тем не менее, переименования требуют хоть каких-либо обоснований. Северо-восток Казахстана – один из наиболее сложных случаев для поиска этих обо-

²⁵² Тайжан М. Аул на грани коллапса // Взгляд. 2012. 5 сент.

²⁵³ Басарова Л. И почтальон сойдет с ума... // Время. 2012. 13 дек.

²⁵⁴ Кириничьянов Ю. Истоки и уроки декабря. Чему мы радуемся, о чем печалимся и чего никогда не забудем // АиФ Казахстан. 2012. № 51.

снований. В первую очередь потому, что практически полностью отсутствует возможность использования исторических вариантов.

«Исторический синдром» преодолевается неким «особым» отношением к истории в суверенном Казахстане. Казахстанский историк Р. Темиргалиев заметил: «...ментальность казахов диктует свои условия. Будь ты белым или красным, коммунистом или либералом, в первую очередь ты – казах. Для нас равнозначно великими могут оказаться абсолютно противоположные личности. Шероховатости взаимоотношений забываются, разногласия стираются, а архивы не исследуются. Достаточно принадлежности к казахам, и ты получаешь свое место в истории»²⁵⁵. «Новое историческое мышление» постепенно формирует и внешний облик городского пространства. Ш. Паттеев отмечает: «У нас складывается очень странная ситуация: если памятник не этническому казаху..., то его снос будет поддержан населением. А если памятник революционеру, но казаху – его оставляют»²⁵⁶.

Нельзя забывать и о таком ресурсе, как «историческая справедливость», актуальность которого усиливается при недостаточности логической аргументации. В мае 2012 г. казахстанские деятели культуры обратились с очередным посланием к президенту, парламенту и в Конституционный суд: «Почему применяются названия населенных пунктов, которые являются мрачным наследием эпохи советского тоталитаризма и напоминанием периода колонизации нашего государства: Петропавловск, Павлодар, Усть-Каменогорск, Фурманово, Голощекино, Ленина и многие другие? Когда будет восстановлена историческая справедливость?»²⁵⁷. Более убедительно призывы к «исторической справедливости» звучат в случае подключения эмоционального фона: «Мы хотим видеть Усть-Каменогорск казахстанским городом. Мы хотим видеть сегодня в обществе атрибуты казахстанской истории и культуры. Не лишайте нас такой возможности. Избавьте нас от позора, когда переименования улиц вызывают такой ажиотаж...»²⁵⁸.

²⁵⁵ Кубайжанов А. На джунгар можно свалить что угодно // Свобода слова. 2012. 12 апр.

²⁵⁶ Бахтигареев Р. Патриотом может быть и Берик Серикович и Виталий Степанович // Время. 2012. 2 авг.

²⁵⁷ Фоминых Е. Языковая исте(о)рия. Резонанс. Усть-Каменогорск хотят переименовать // Устинка плюс. 2012. 10 мая.

²⁵⁸ Мой город. 2008. 17 апр.

Публикации подобного рода находят все большее сочувствие горожан. Не случайно инициативу в вопросах переименования власть передает населению. Министр культуры и информации Д. Мынбай, представляя законопроект «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РК по вопросам ономастики», заявил: «Население сможет участвовать в процессе переименования городов, населенных пунктов, улиц, площадей, скверов, социальных объектов»²⁵⁹.

Таким образом, ономастические изменения официально являются теперь следствием этнодемографических сдвигов. По мнению русскоязычных СМИ, судьба большинства русских названий населенных пунктов, улиц определена: «Специалисты признают – в Казахстане идет активный процесс дерусификации в топонимике. Ведь всерьез говорят о переименовании городов только с русскими названиями... То, что чиновники будут продолжать политику переименований, очевидно»²⁶⁰.

Процесс переименований, в случае постепенного развития, не должен вызвать серьезного недовольства населения. Мнение нетитульного меньшинства уже не так весомо. Нарастающее же число «новых горожан» нуждается в преференциях в незнакомом месте жительства. Выходом из ситуации будет удовлетворение их требований о новых названиях улиц. Вчерашний сельский житель окажется в более или менее знакомой ономастической среде, что позволит хоть в какой-то мере адаптироваться к «своему» городу.

«Этнопсихологические стереотипы феодальных времен» и городское пространство

Традиции, обычаи, казахский язык являются сердцевинной идеи национального возрождения. По мнению части национал-патриотов, возрождение возможно лишь в случае отказа от чуждых казахам европейских ценностей: «...у казахского народа, недавно получившего свободу, есть смысл, имеющий большое стратегическое значение в выборе общественно-политического, духовно-культурного, религиозно-нравственного направления в своем развитии. Пока это направление больше тяготеет к запад-

²⁵⁹ Басарова Л. И почтаьлон сойдет с ума... // Время. 2012. 13 дек.

²⁶⁰ Кириллок И. Ономастический зуд. Усть-Каменогорск предлагают переименовать в Кунаев // Мой город. 2013. 2 мая.

ноевропейским образцам... Западная цивилизация, сделавшая своим знаменем либерализм, конституционность, права человека, демократию, стихийность рынка, максимальное невмешательство государства, свобода совести, примат индивидуализма, ставшие знаменем западной цивилизации, малопонятны и неприемлемы для тех, кто получил мусульманское, конфуцианское, синтоистское, буддистское воспитание, ибо, чем больше западная цивилизация утверждается в мире, тем сильнее закабальет человека. Если жизнь на Западе регулируется правом, законами, то на Востоке жизнь регулируется обычаями, традициями...»²⁶¹. Советник министра иностранных дел Сайлау Батырша-улы высказался еще более конкретно: «Казахский народ, сколько бы ни заставляли его, не поддастся русификации и не подчинится культурной гегемонии Европы»²⁶².

Проблема сосуществования городского пространства и традиционных практик, распространенных ранее в сельской, преимущественно автохтонной среде, вызывает немало вопросов. Диапазон вариантов развития событий можно ограничить следующими предположениями. По мнению общественного деятеля, журналиста А. Тужутова европеизированное городское пространство не устоит под напором пробуждающегося традиционного сознания: «Привнесенная россиянами и основанная на европейских духовных ценностях система управления и организации общественной жизни с обретением Казахстаном государственной независимости стала отступать, уступая место другой. В ее основе – казахские этнопсихологические стереотипы феодальных времен... процесс находится в развитии. И, надо думать, постепенно охватит весь Казахстан, включая и большие города»²⁶³.

С другой стороны, политолог А. Гали возлагает на процесс урбанизации казахов большие надежды, предполагая, что городское пространство адаптирует бывших сельских жителей: «... нужно преодолеть порог в 60 % казахов в городах... Чем скорее мы пересечем 60-процентный барьер и переселимся в города,

²⁶¹ Сейдимбек А. Мир казахов. Этнокультурологическое переосмысление. Учеб. пособие. Алматы: Рауан, 2001. С. 572-573.

²⁶² Ертысбаев Е. Смешные и презираемые. Мы можем стать такими // Мегаполис. 2002. 3 окт.

²⁶³ Тужутов А. Монолог у точки возврата. В Казахстане утверждаются феодальные общественные отношения // Мегаполис. 2002. 9 сент.

тем выше будет социальная безопасность страны...Трайбализм в перспективе город будет поглощать, социализировать и ликвидировать, вплоть до последних остатков родоплеменных отношений»²⁶⁴. А. Гали большое значение придает именно количественному фактору. По его мнению, численное преимущество казахов в городах «...превращает их в буржуазную нацию с развитой этнической инфраструктурой... Превращение казахов в городскую буржуазную, частнособственническую зажиточную нацию есть цивилизационный сдвиг в казахской истории»²⁶⁵.

Уровень урбанизированности казахов уже приблизился к обозначенному А. Гали 60-процентному барьеру. Более того, «государствообразующие» социальные ниши почти моноэтничны. Тенденции формирования автохтонного городского пространства приобретают все более четкие формы. Настало время подвести некоторые итоги развития суверенного казахстанского города.

К. Бейсебаев, проработавший в системе МИД РК около 20 лет, констатирует: «... генеалогия пока еще является неотъемлемой частью нации. Нельзя не сказать, что каждый казах не только знает свою родословную до семи поколений, но и пристально отслеживает передвижение сородичей во властных структурах... Сегодня уже факт, что жузовое и родовое разделение казахов, загнанное на задворки в период СССР, с обретением республикой независимости только усилилось... и как бы власть ни делала вид, что этого не существует, данным феноменом пронизана титульная нация РК»²⁶⁶. Родоплеменные, клановые отношения становятся важным ресурсом карьерного роста. «Подбор кадров на основе родственных связей и личной преданности, пренебрежение деловыми качествами выдвиженцев – давний наш порок, который ныне обрел сверхкрупные масштабы, на уровне новых мировых рекордов. Это препона формирования полноценного менталитета, быть может, самая-самая...»²⁶⁷. По мнению главного специалиста Института философии и политологии Р. Кадыржанова, «...в кадровой политике опасен не только этнонациональный фактор, но и трайбалистский подход. Каждый крупный чиновник

²⁶⁴ Гали А. Демографические процессы в Казахстане // Деловая неделя. 2009. 4 сент.

²⁶⁵ Гали А. Казахский манифест // Мегполис. 2001. 12 сент.

²⁶⁶ Бейсебаев К. Не хотим смешиваться, а надо. Русские в Казахстане как раствор для сплочения коренного населения // Взгляд. 2011. 11 июля.

²⁶⁷ Испаев Я. Какой у нас менталитет? // Мысль. 1998. № 2. С. 76.

норовит окружить себя «своими» людьми, желательно из своего жуза. Теми, кто ему лично предан, и теми, кому он, безусловно, доверяет. Казахский язык, принадлежность к одному жузу – это своеобразный код доверия. Как ни печально, деловые качества при этом отходят на второй или даже десятый план»²⁶⁸.

Подобная кадровая политика ведет к проблемам в управленческом аппарате. Зам. директора Центра анализа общественных проблем, член Совета внешней политики при МИД РК К. Берентаев уверен, что «...ответственным лицам... все сходит с рук, поскольку за ними, вероятно, стоит определенный клан. Какой-нибудь клерк из администрации президента порой обладает большей властью и влиянием, чем весь депутатский корпус вместе взятый... Системы госслужбы у нас построены по принципу клановости и личной преданности. Получается, что чиновник отвечает не за свои действия, а всего лишь несет ответственность перед тем лицом, которое поставило его на эту должность»²⁶⁹. Первый казахский космонавт, генерал Т. Аубакиров констатирует: «Сейчас каждый назначенец рассматривает государственную должность как частную лавочку, приватизирует министерства, создает вокруг себя клановые сети. На самом деле это страшная вещь. Так происходило лишь в средневековье. Мы просто катастрофически опустились»²⁷⁰.

«Этнопсихологические стереотипы» все более заметно проявляются в быту. На рынках Шымкента появились наклейки на автомобильные номера с надписями «старший», «средний» и «младший» жузы. «Из нескольких сотен экземпляров, завезенных на авторынки города, через пару дней осталось всего пять штук»²⁷¹. Вполне естественным для многих «новых горожан» являются такие предложения: «В Ассамблее народа Казахстана казахский этнос должен быть представлен на племенном уровне – адай, кипчак, аргын, дулат и т. п. Или они не относятся к народам Казахстана?»²⁷². Или: «Футбольные команды надо формировать по родовой принадлежности. Там каталонцы, андалусий-

²⁶⁸ Кириница Ю. Великая казахстанская мечта. Можно ли преодолеть раскол страны по языковому принципу? // АиФ Казахстан. 2012. № 26.

²⁶⁹ Берентаев К. Казахстан не Венеция, но поучиться есть чему // Время. 2012. 9 авг.

²⁷⁰ Аубакиров Т. Я так люблю родину, что пошел в оппозицию // Свобода слова. 2009. 3 дек.

²⁷¹ Мирзаходжаева З. Китайская диверсия // Время. 2013. 25 апр.

²⁷² Сулейменов И. (доктор философских наук) Без названия // Время. 2012. 15 марта.

цы и баски, у нас алимы, аргыны и уйсунни... Дерби Шымкента, эль-классико – Дулат против Конырат. На трибунах рев, родовые знамена, кричалки не тупые, а боевые ураны родов...»²⁷³

Традиционные практики входят во все большее противоречие с формальными социальными нормами. В разработанной Генеральной прокуратурой РК программе модернизации правовой системы констатируется, что Казахстан оказался в числе стран с высоким уровнем коррупции, при этом «коррупция перестала быть проблемой, она стала системой. Нередко она воспринимается как продукт местных традиций и культуры, и, следовательно, неотвратима, этим и объясняется терпимость людей к коррупции»²⁷⁴.

Под внешней оболочкой правового светского государства свои условия настойчиво диктуют традиционные нормы, которые еще воспринимаются как неформальные. При этом наблюдаются активные попытки их легитимизации: «государственный строй и систему управления необходимо приспособлять под свои традиции, а не наоборот. Иначе мы потеряем свою народность и идентичность. Поэтому казахстанский Сенат должен быть представлен аксакалами племен и жузов, при этом все представители не титульной нации могут быть объединены в верхней палате в качестве четвертого жуза»²⁷⁵. Известный политолог, доктор философских наук, Н. Амрекулов: «...нынешние парламентские страны стали бесхозными образованиями. Выбираемые на пять лет лидеры – это временщики, куклы в руках мировой закулисы, которые запасаются богатством и вывозят его за пределы государства. Другое дело – возродить степную демократию. Идея перейти от президентской к ханской государственности повлечет восстановление всех элементов системы, иначе она не будет работать. Должны быть снизу избраны бии родов, учрежден их совет, который назначит премьера в соответствии с духом и традициями степной демократии. Хан, избираемый на 5 лет, станет номинальным главнокомандующим и будет вести внешнеполитические дела, а главные вопросы решать должны бии и батыры

---

²⁷³ Время. 2012. 15 марта.

²⁷⁴ Чернышевская И. За державу обидно // Мой город. 2013. 14 марта.

²⁷⁵ Албани Б. Наши предки владели тремя алфавитами! // Свобода слова. 2013. 7 марта.

на курултае. Это был бы гениальный выход, альтернатива хаосу и саморазрушению грядущей революции»²⁷⁶.

Представители властных структур понимают опасность складывающейся ситуации. М. Шайкемелев предупреждает: «...представьте, что каждый клан и род начнет требовать своего представительства в парламенте. Депутаты будут думать прежде всего об интересах той группы, которая «отрядила» их в мажилис. Усилятся эмигрантские настроения. Мы обязательно испортим отношения с соседями. Страна погрузится в хаос... Для модернизации страны ею должна управлять сильная президентская рука... Сильная президентская власть – это наша гарантия от проявлений трайбализма и сепаратизма»²⁷⁷.

Варианты демократизации, либерализации общества на фоне возрождения традиционных воззрений вызывают опасения и у научного истеблишмента: «...Главный урок из прошлого в том, что в восточных обществах политическая либерализация по западному образцу может привести к краху... Возьмем в качестве примера ситуацию с выборами акимов. Предполагается, что свободно выбранные акимы – это шаг к дальнейшей демократизации общества. Вовсе нет. В условиях восточного общества свободно выбранный аким неизбежно станет местным «ханом», который просто воспользуется демократической процедурой для того, чтобы взять власть в свои руки и, возможно, навсегда... В результате мы станем свидетелями столкновений региональных «ханов» с центром, что напрямую будет угрожать целостности государства...»²⁷⁸

Возврат к истокам способствует обострению внутриэтнических отношений: «Усилилось не только межжужовое разделение. Проявляются случаи явного антагонизма представителей одних родов к другим. Такой подход проник во все сферы, включая спорт. Обсуждение особенностей своего происхождения и его преимуществ над другими прочно вошло в темы различных мероприятий и застолий. Автор был свидетелем, когда во время из-

²⁷⁶ Таукина Р. Монархия или степная демократия? // Свобода слова. 2012. 5 июля.

²⁷⁷ Кириница Ю. В дни поражений и побед. Еще раз о значении Основного закона // АиФ Казахстан. 2012. № 36.

²⁷⁸ Акимбеков С., Сыроежкин К., Лаумулин М., Лаумулин Ч., Сыргабеков И. Очень простая идеология. Наш Казахстан – это страна, о которой мы почти ничего не знаем // Казахстанская правда. 2004. 5 окт.

бирательной кампании в парламент в 2004 году один из кандидатов в президенты в частной беседе признался, что его главная задача заключается в недопущении арғынов к власти»²⁷⁹.

О важности проблемы свидетельствует и то, что ее озвучил президент страны: «Как Лидера нации меня беспокоит, что появились силы, которые хотят разрушить внутриказахстанское единство. Те, кто идет на поводу этого осознанно или неосознанно, тот начинает делиться по разным признакам, прежде всего по шежире. Нельзя забывать глубинную суть самой традиции шежире, она не заканчивается на одном роде, племени. Шежире – это Древо поколений, которое сводится к единому корню. Шежире показывает и доказывает, что корни наши едины, что все мы казахи – едины. Шежире не раскалывает нас, а объединяет»²⁸⁰. (шежире – генеалогическая история казахов, основанная на родоплеменной организации кочевого общества. – А. А.).

Таким образом, растет значение обычаев, традиций казахов, бывших в тени в советский период. В начале 90-х гг. XX века традиционные ценности приобретают «неформальную легитимность» благодаря лозунгу возврата к истокам. Они постепенно становятся едва ли не основным конструктором социальной сферы общества «ускоренной модернизации». По мнению поэта О. Сулейменова, происходящее характерно не только для Казахстана: «...общей бедой всех деколонизированных народов является неразвитость национального самосознания. Оно еще не успевают выработаться и часто в политике подменяется родоплеменным, не объединяющим народ. При этой форме сознания понятие «свобода», «независимость», «демократия» превращаются в свою противоположность. Что мы и видим в новейшей истории деколонизированных стран»²⁸¹.

Важнейшую роль в подобной трансформации играет городское пространство, так как социальная, экономическая основа функционирования традиций в сельской местности стремится

²⁷⁹ Бейсебаев К. Не хотим смешиваться, а надо. Русские в Казахстане как раствор для сплочения коренного населения // Взгляд. 2011. 11 июля.

²⁸⁰ Назарбаев Н. Послание президента народу Казахстана // Казахстанская правда. 2012. 14 дек.

²⁸¹ Сулейменов О. О земле, нации и «господствующих высотах» // Свобода слова. 2010. 11 фев.

к нулю. Именно в городах традиционная схема реанимируется наиболее активно, в первую очередь в «верхних» социальных стратах. Возрождение актуально и потому, что выстраивание «родственной вертикали» характерно, в той или иной степени, для всех этносов, русских в том числе. Разница лишь в том, что у автохтонного варианта имеется мощный, идеологически обоснованный этнополитический ресурс. В тоже время нельзя сказать, что традиции определяют повседневную жизнь городских казахов. Чаще всего о них вспоминают лишь в случае возможных социально-экономических изменений, весьма редких в жизни человека. Город довольно быстро разрушает общинную психологию. Горожане во втором поколении часто воспринимают родоплеменные связи как вынужденную обузу и, например, большого желания быть «патроном» при внедрении в городскую среду сельских родственников не испытывают.

По мнению многих представителей национальной интеллигенции, город изменил казахов, причем не в лучшую сторону. Президент благотворительного фонда «Добровольное общество «Милосердие» А. Саин: «К сожалению, современное общество растеряло былые традиции... Если загляните в детские дома, вы сильно удивитесь, узнав о том, что большая часть детей – казахи...»²⁸². Директор Дома престарелых в Актобе А. Наурызгалиев: «Что сейчас творится?... В 70–80 годах в интернате не было ни одного казаха! А сейчас – 60 %. Дети не чтят своих родителей и традиции. А некоторые приходят только для того, чтобы забрать пенсию стариков»²⁸³.

Городское пространство выхолащивает из традиций истину, суть. Можно предположить, что возрождаются отнюдь не народные традиции, – реанимируется социальный конструкт, приобретший актуальность в период массовой урбанизации автохтонов. Патриархальный родоплеменной набор используется в качестве ресурса карьерного роста, успешной экономической, политической деятельности.

Таким образом, стремительная урбанизация привела к неизбежному переносу в города традиционных практик казахов, распространенных ранее в сельской местности. «Практики»

²⁸² Нагмет А. Наивные вопросы // Свобода слова. 2012. 18 окт.

²⁸³ Старость лишь близким людям в тягость // Время. 2012. 5 сент.

постепенно «обустриваются» в новых условиях и становятся все более важным инструментом формирования городского пространства Республики Казахстан.

Эволюция социальной структуры

Два суверенных десятилетия оказали серьезное влияние на структуру занятости. В немалой степени это связано с изменением этнического состава населения. Численность занятых за 1989–2009 гг., сократилась на 14,7 %. Произошло это в основном за счет уменьшения (на 45,1 %) занятых русских. Численность же занятого казахского населения увеличилась на 46,2 %²⁸⁴. Подобный рост стал следствием эволюции возрастной структуры казахов. В трудоспособный возраст вступило поколение 1980-х гг. рождения, представителей первой демографической волны, вызванной демографическим взрывом 60-х гг. XX века. Немалое влияние на рост численности трудоспособного казахского населения оказывают и последствия этнической иммиграции.

Но экономика страны особо не нуждается в росте трудовых ресурсов. Ведущую роль в ней играет добывающая промышленность, дающая 74 % ВВП. «В товарной структуре экспорта с 2005 г. доля минеральных ресурсов держится на отметке 77–80 %. Казахстан импортирует 92 % одежды и более 60 % продовольствия»²⁸⁵. В наиболее сложном положении находится село, страдающее от отсутствия работы: «Сейчас сельская молодежь ищет место, куда приткнуться, это служба в армии, после нее они мечтают попасть в полицию, в КНБ, без военного билета они туда не попадут... раньше взятки давали за то, чтобы не служить, а теперь – за то, чтобы пойти в армию»²⁸⁶.

Реальная безработица в РК составляет, по разным данным, от 25 %²⁸⁷ до 40 %²⁸⁸. Согласно же официальной статистике, уро-

²⁸⁴ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Т. 3. Алма-Ата: Республиканский информационно-издательский центр, 1992. С. 3; Занятость населения в Республике Казахстан. Т. 2. Итоги переписи населения 2009 г. в Республике Казахстан. Статистический сборник / под ред. Смаилова А.А. Астана, 2010. С. 147-148.

²⁸⁵ Козина В. Сколько не говори «инновация», во рту слаще не станет: Программы правительства подверглись критике экономистов // АиФ Казахстан. 2012. № 23.

²⁸⁶ Руденко А. В очередь, призванный, в очередь! // Свобода слова. 2012. 3 мая.

²⁸⁷ Садыкова М. Как официальная статистика побеждает безработицу // Голос Республики. 2012. 3 авг.

²⁸⁸ Без работы в РК сидит почти 40 % всего населения // Взгляд. 2012. 11 июля.

вень безработицы немного превышает 5 %. Подобный разрыв в оценках достигается вследствие присутствия такой группы населения, как «самозанятые» (около 2,5 млн человек). Существуют они, в основном, за счет личного подсобного хозяйства. Государственная статистика считает их занятыми, а независимые экономисты – безработными.

Как бы то ни было, основная масса бедных находится в сельской местности. Значительная часть селян не видит здесь каких-либо перспектив. По сведениям общественного фонда «Центр социальных и политических исследований «Стратегия»», около 47 % участников социологического опроса готовы сменить место жительства внутри Казахстана. Целью внутренней миграции становятся преимущественно Астана, Алматы, областные центры²⁸⁹. Директор Центра анализа общественных проблем М. Махмутова: «Несмотря на то, что жители больших городов не слишком довольны постоянным притоком сограждан из аулов, остановить этот процесс на данный момент нереально, так как само положение сельских жителей вынуждает их стремиться туда, где есть шанс найти работу и хоть чего-то в жизни добиться»²⁹⁰. И «большинство мигрантов не собираются возвращаться в родные села и малонаселенные города»²⁹¹.

Структура занятости казахского населения претерпела значительные изменения. В конце 80-х гг. XX в. казахи трудились в основном в сельском хозяйстве (35,3 % занятых) и промышленности (13,0 %). В 2009 г. в сельском хозяйстве было занято лишь 18,4 % казахов, в промышленности – 9,6 %. На ведущие позиции выходят образование и здравоохранение (18,2 %), торговля (11,4 %), государственное управление (8,1 %)²⁹². Структура занятого казахского населения в городах: образование и здравоохранение – 17,5 %; торговля – 14,5 %; промышленность – 12,4 %; государственное управление – 11,4 %²⁹³.

²⁸⁹ Руденко А. Узкие двери «проходного двора» // Свобода слова. 2012. 12 апр.

²⁹⁰ Черган А. Чужие среди своих // Класstime. 2013. 20 фев.

²⁹¹ Там же.

²⁹² Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Т. 3. Алма-Ата: Республиканский информационно-издательский центр, 1992. С. 3; Занятость населения в РК. Итоги национальной переписи населения 2009 г. в РК. Т. 2. Астана, 2010. С. 145-146.

²⁹³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Т. 3. Алма-Ата: Республиканский информационно-издательский центр, 1992. С. 3; Занятость населения в РК. Итоги национальной переписи населения 2009 г. в РК. Т. 2. Астана, 2010. С. 147-148.

На фоне программ ускоренной модернизации, индустриально-инновационного развития подобная структура занятости вызывает немало вопросов. Стране, несмотря на неоднократные призывы властей получать техническое образование, не хватает именно инженерно-технических кадров, работников среднего технического звена. По мнению экспертов, ситуация с кадрами катастрофическая. Уже сегодня индустриально-инновационные проекты сталкиваются с дефицитом профессиональной рабочей силы. Брешы возникли на всех уровнях, начиная от слесарей и токарей и заканчивая высшим менеджментом: «К 2025 г. Казахстан рискует остаться без квалифицированных инженеров и рабочих – техническая интеллигенция вымрет как класс»²⁹⁴.

Причину столь печального положения эксперты видят в эмиграции: «По сути, индустриальной революции в Казахстане не было. Вернее, она была, но только в городах и промышленных центрах. Ее осуществили европейские переселенцы, их дети и потомки. Коренное население было охвачено ею лишь частично. Но социалистическое общественное устройство приучило казахское общество пользоваться ее благами. Теперь же некоренное население покидает республику, а власть имущие продолжают исходить из того, что уровень развития, достигнутый за годы советской власти, – это неотъемлемое при любых этнодемографических изменениях достижение Казахстана... За 90-е гг. Казахстан, по сути дела, лишился цвета квалифицированных кадров индустриального труда...»²⁹⁵

Эмиграционные волны усиливаются после национал-патриотических акций (давление на статус русского языка, призывы переименовать города, сохранившие русские названия и т. п.), что еще более подчеркивает проблемы этнически дифференцированной структуры занятости. Мажилисмен М. Тиникеев заявил: «Я бы хотел спросить у этих национал-патриотов: кто-нибудь из ваших детей работает в шахтах? Больше чем уверен, что нет. 90 процентов работающих там – русскоговорящие люди... Важно не будировать такие вопросы, которые заставляют людей паковать вещи и уезжать!»²⁹⁶

²⁹⁴ Кубайжанов А. «Технический» нокаут // Свобода слова. 2012. 20 сент.

²⁹⁵ Тужутов А. Здравствуй, дивный «третий мир»! // Мегapolis. 2002. 29 авг.

²⁹⁶ Бахтигареев Р. Дарига не самоубийца, чтобы петь в Москве и Санкт-Петербурге и позорить фамилию // Время. 2012. 5 июля.

По мнению президента ОФ «ЦСПИ «Стратегия»» Г. Илеуовой, ситуацию определяет и менталитет казахов: «Ничего нового в непопулярности технических специальностей нет. Еще во времена СССР казахи особо не жаловали техническое направление. Так что это, своего рода, преемственность, плохая, но преемственность. Если раньше проблема нивелировалась «пришлыми» кадрами, то сейчас пробел обозначился». Эксперт считает, что приоритетом стало приобретение быстрого «дивиденда», который инженер получить не может. А гуманитарное высшее образование является веским основанием для «...«оседания» в чиновничьем аппарате или, на худой конец, в крупной юридической конторе или банке»²⁹⁷.

Система высшего образования РК активно использует эту тенденцию. В результате рынок образования и рынок труда слабо соприкасаются. По мнению министра образования РК Б. Жумагулова, «...наши вузы ориентируются исключительно на спрос населения и готовят в основном специалистов так называемых «престижных» профессий – юристов, экономистов... И забывают главного потребителя – рынок труда»²⁹⁸. Нехватка технических кадров все более компенсируется приглашением специалистов из России, Украины, Белоруссии и других стран²⁹⁹.

Таким образом, социальная структура городского населения РК все более явно приобретает этническую окраску. Выявились тенденции, действие которых будет определять ситуацию в близкой перспективе. С учетом того, что основным строителем социального пространства города являются казахи, до недавнего времени проживавшие в селах, классический вариант «западного» типа появится не скоро. Этническая перезагрузка городского пространства постепенно начинает сказываться на политических, экономических, социальных процессах. Формирование социальной структуры все более заметно зависит от «этнопсихологических стереотипов», утверждающихся в городах. «Казахи, благодаря nepoтизму, национальной корпоративности, оккупировали практически всю госслужбу. Уже можно сказать,

²⁹⁷ Кубайжанов А. «Технический» нокаут // Свобода слова. 2012. 20 сент.

²⁹⁸ Жумагулов Б. Качество образования для нас главней всего // Казахстанская правда. 2013. 2 апр.

²⁹⁹ Абдыкаримова Р. Кадры, ау! В регионах Казахстана сохраняется острый дефицит кадров // Свобода слова. 2013. 7 фев.

что некоторые профессии являются чисто казахскими, как, например, дорожный полицейский. Форма охранников «Кузет» стала второй национальной одеждой»³⁰⁰. Социальная пирамида довольно четко этнически дифференцирована: «... верх пирамиды благосостояния занимают представители казахской национальности. С другой стороны... большинство «социальных аутсайдеров» также составляют автохтоны. Именно они приезжают из сельской местности в поисках работы и пополняют городской люмпен-пролетариат»³⁰¹. Основную массу среднего класса составляют нетитульные: «... в среднем неказахская часть живет лучше. Это объясняется тем, что она занята в тех сферах экономики, где нужно опираться на собственные силы, а не уповать только на протекцию, как большинство коренных жителей, поддерживаемых институтом «агашек»³⁰² («Ага» – старший в роду. В данном случае – чиновники, выдвиненцы из какого-либо рода, продвигающие по служебной лестнице сородичей. – А.А.)

Для определенной части казахского населения данная социальная ниша большого интереса не представляет. Социальные лифты, управляемые институтом «агашек», должны обеспечить доставку сразу на «верхние этажи». По этой же причине престижные «этажи» почти недоступны для нетитульных. «В стране – ни одного русского акима и только один министр. А русских – четверть населения. Это означает одно: у молодых людей в этой стране шансов немного»³⁰³. Ситуацию пытается исправить президент страны: «Я требую, чтобы Правительство и акимы навели порядок в трудовой политике. Надо чтобы на работу, особенно в органы местной власти, набирали лучших, вне зависимости от этнической принадлежности... необходимо исправить однобокость, наблюдаемую при подборе кадров в министерствах и акиматах всех уровней»³⁰⁴.

³⁰⁰ Бейсебаев К. Не хотим смешиваться, а надо. Русские в Казахстане как раствор для сплочения коренного населения // Взгляд. 2011. 11 июля.

³⁰¹ Бейсебаев К. Не хотим смешиваться, а надо. Русские в Казахстане как раствор для сплочения коренного населения // Взгляд. 2011. 11 июля.

³⁰² Там же.

³⁰³ Киринациянов Ю. Великая казахстанская мечта. Можно ли преодолеть раскол страны по языковому принципу // АиФ Казахстан. 2012. № 26.

³⁰⁴ Назарбаев Н. Послание президента народу Казахстана // Казахстанская правда. 2012. 14 дек.

Средний класс представлен в значительной мере нетитульным населением, численность которого сокращается. Вследствие этого «...страна уже безвозвратно лишилась тех трудовых ресурсов и той производственной культуры, благодаря которым стало возможным появление и расширение материальной базы казахстанской, если так можно выразиться, цивилизации. А поскольку его воспроизводство теперь стало просто невозможным по причине человеческого фактора, цивилизация, из которой мы все, высоколобые и низколобые, вышли, начинает утрачиваться»³⁰⁵.

По мере уменьшения представительства среднего класса, этнически однородные верхи и низы быстро сближаются. «Социальная подушка безопасности» становится все тоньше. Разрыв между бедными и богатыми виден невооруженным глазом. Главный редактор республиканской газеты «Туркестан» Ш. Паттеев обеспокоен тем, что «...расслоение общества приобрело тотальный характер. Нам мешает и межклановая борьба, о которой в советское время практически не было слышно»³⁰⁶. По мере ослабления инерции «тоталитарного режима», «этнопсихологические стереотипы феодальных времен» способны доминировать во всех сферах жизни. Демократизация на этом фоне пугает непредсказуемыми последствиями. Эксперт-аналитик НКО «Гражданское общество» В. Ковтуновский: «Русскоязычная часть общества боится перемен, боится демократии, боится того, что к власти придут националисты, которые заставят их учить казахский язык. Значительная часть титульной нации тоже опасается демократии, потому что боится развития сепаратистских тенденций, угрозы территориальной целостности»³⁰⁷. К. Бейсебаев констатирует: «В случае резкого уменьшения численности славян в Казахстане в геометрической прогрессии будет усугубляться раздробление казахов»³⁰⁸.

Значительные изменения этнического состава города оказались не адекватны темпам качественных преобразований. «Не-

³⁰⁵ Сагинтаев Е. Демократия для казахов // Мегполис. 2001. 31 янв.

³⁰⁶ Киринациянов Ю. Истоки и уроки декабря. Чему мы радуемся, о чем печалимся и чего никогда не забудем // АиФ Казахстан. 2012. № 51.

³⁰⁷ Свобода слова. 2012. 15 марта.

³⁰⁸ Бейсебаев К. Не хотим смешиваться, а надо. Русские в Казахстане как раствор для сплочения коренного населения // Взгляд. 2011. 11 июля.

титulyные» занимали в городах те социальные ниши, восполнить которые «новые горожане» пока не в состоянии. В результате исправления «перекосов», доставшихся от советского прошлого, формируется «суверенный переко́с», который все более уверенно определяет будущее Республики Казахстан.

* * *

Таким образом, в городском пространстве Казахстана происходит становление новой цивилизационной идентичности автохтонов. Становление идет трудно вследствие того, что, с одной стороны, в настоящее время почти полностью разрушена основа прежней, кочевой, цивилизации. С другой, – самостоятельный опыт строительства городского пространства явно недостаточен. «Ясно, что при таком коренном изменении уклада, – считает культуролог З. Наурызбаева, – нация должна искать новые формы жизни, в массе заимствуя их у других народов»³⁰⁹. В результате «... сегодня среда такова, что не только дети в смешанных семьях, но и зачастую в мононациональных, вырастают чужими родной культуре. Сейчас, когда кочевой дух, духовная традиция кочевников стали чем-то абстрактным, казахи оказываются под угрозой ассимиляции из-за своей склонности к переимчивости, из-за своего интереса к чужому»³¹⁰. Культуролог полагает, что любовь к заимствованию чужеродного чревата потерей национального «Я» и является главной угрозой для казахов.

С нею согласны и другие авторы: «Наш соотечественник заимствования возвел в ранг искусства – не только выбрать приятные и нужные лично ему культурные и духовные ценности, но и подвести под это соответствующее культурологическое и историческое обоснование. В итоге возникла совершенно космополитичная каша, где смешались северные и южные, западные и восточные религиозные и советские обычаи, праздники и термины... А что такое традиционные ценности?.. Тенгрианские или исламские? Или советские?»³¹¹

Оторвавшись от номадической основы, «традиционные ценности» пытаются пустить корни в новую, городскую почву. Процесс идет с переменным успехом. С одной стороны – город до-

³⁰⁹ Наурызбаева З. Розенкрейцеры, даосы и казахи // Свобода слова. 2012. 16 авг.

³¹⁰ Наурызбаева З. Розенкрейцеры, даосы и казахи // Свобода слова. 2012. 16 авг.

³¹¹ Ашимбаев Д. Национальные ценности и патриоты // Время. 2012. 3 марта.

вольно быстро растворяет или искажает многие из этих ценностей. С другой – налицо активное «этническое переваривание» городского пространства, наполнение его элементами автохтонной культуры (меняющаяся языковая среда, ономастические, архитектурно-дизайнерские эволюции). Безболезненно усваивается визуальная поверхность города, во всяком случае, второе поколение горожан воспринимает его как естественную среду обитания. Основным итогом «адаптационного» периода стало включение городского пространства в традицию. Если ранее «город» воспринимался как символ «колониально-тоталитарного» наследия, то сейчас он стал «своим».

Но запаса «опыта заимствования» хватило лишь на усвоение новыми горожанами «поверхности» города и признания этой «поверхности» цивилизационным приоритетом. Об опасности подобного восприятия предупреждает М. Шайкемелев: ««Революция» в Ливии началась с того, что люди в Бенгази захотели жить так, как в столичном Триполи. А еще лучше – как на Западе, но оставаясь при своем традиционном восточном менталитете. Ездить в «мерседесах», но часами предаваться пустопорожней болтовне в кофейнях...»³¹² Проникновение «вглубь» города будет сопровождаться серьезной деформацией сохранившихся традиционных ценностей. В первую очередь потому, что городское пространство заставляет по-другому мыслить: «Сами механизмы модернизации нуждаются в осмыслении и обновлении. Нам надо переходить к рациональному мышлению, оно в современной конкурентной среде наиболее выигрышно»³¹³.

Интенсивное проникновение в городское пространство способно привести к потере основ национальной культуры, так как, по мнению этнографов, на индустриальном этапе материальное утрачивает способность отражать этническую специфику культурного развития из-за общих процессов стандартизации и унификации³¹⁴. Условной чертой, отступление за которую чревато потерей национального «Я», является, по мнению большинства

---

³¹² Кириница Ю. В дни поражений и побед. Еще раз о значении Основного закона // АиФ Казахстан. 2012. № 36.

³¹³ Кириница Ю. Указ. соч.

³¹⁴ История Казахстана: народы и культуры: Учеб. пособие / Масанов Н.Э. и др. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 7.

представителей интеллигенции³¹⁵, казахская генеалогия – важная составляющая «этнопсихологических стереотипов феодальных времен». Городское же пространство, исходя из логики стратегических государственных программ, должно быть основным звеном в конструкции «постиндустриальное будущее», ориентироваться на «глобализм и космополитизм». Возможно ли сосуществование различных цивилизационных приоритетов? Если «да», то на каких условиях оно будет осуществляться? В поисках ответа на эти и многие другие вопросы и происходит становление городского пространства современного Казахстана.

3.3. Верхнеудинск – Улан-Удэ: от уездного города к столице

Старый сибирский город Верхнеудинск, ставший при советской власти столицей бурятской автономии Улан-Удэ, дает великолепный пример радикального изменения характера городского пространства под влиянием смены функций и статуса. Важнейшей частью этого процесса стала и этнизация городского пространства. Будучи до революции торговым, преимущественно русским по населению уездным городом, в советскую эпоху он стал инструментом политики нациестроительства и региональным центром общих для страны модернизационных процессов. На город была возложена общегосударственная, в каком-то смысле имперская, задача стать площадкой и инструментом для формирования из совокупности партикуляристских бурятских племен современной городской нации.

Превратившись в ходе реализации этой задачи в Улан-Удэ, город приобрел положение административного, индустриального, культурного, научного центра и статус столицы автономной республики. Важнейшим результатом этих трансформаций стало изменение характера социального пространства, этнического состава населения, характера взаимоотношений города и хинтерланда.

Верхнеудинск – уездный город

---

³¹⁵ Такого мнения придерживаются и некоторые зарубежные исследователи. Так, например, Л. Годфри считает, что казахи могут сохраниться как субкультура, пока они будут следовать концепции принадлежности к особым изолированным группам (Годфри Л. Казахский исход / Пер. с англ. Л. Н. Севрюгиной. М.: Центрполиграф, 2005. С. 8).

Верхнеудинск – один из старых сибирских городов, на первых порах – центр сбора ясака и военный форпост. По мере развития торгово-меновых и бытовых отношений между русскими поселенцами и бурятами, с проведением в 1726–1740 гг. сухопутного Сибирского тракта, углублением русско-китайской торговли, главными для города становились торговые, транспортные и административные функции. В XVIII в., благодаря выгодному экономико-географическому положению (судоходность р. Селенга с удобной пристанью, тракты на Троицкосавск и Кяхту), Верхнеудинск довольно быстро превратился в крупный торговый центр Забайкалья. Велико было его значение в качестве посредника между Россией, Китаем и Монголией: здесь контролировалась международная торговля, взимались торговые пошлины. Цены на местные и импортные товары устанавливались на двух ярмарках (летней и зимней), ежегодно проводимых с 1708 года. Обороты их достигали значительных по тем временам размеров – 2 млн руб. В погоне за прибылью сюда приезжали торговцы из других городов Сибири и центральной России, что способствовало быстрому становлению внутренней сибирской торговли.

С 1783 г. Верхнеудинск – уездный город Иркутского наместничества с магистратским управлением. Этнически однородный, русский по составу населения (с заметной долей еврейского компонента). На начальном этапе его этнической истории главным источником пополнения населения были русские служилые люди и казачество. Чуть позже – ссыльные, не подлежавшие использованию на каторжных работах, добровольно оставшиеся отставные солдаты, помещицы крестьяне, отданные в зачет рекрутов, старообрядцы. Заметный след в общественной жизни города оставили декабристы, занимавшиеся обучением и просвещением бурят и изучением природы края.

Второй по численности конфессиональной и этнической общностью были евреи, доля которых среди жителей города в разное время колебалась от 9 до 12 %³¹⁶. Сословный состав евреев включал купцов, мелких торговцев, ремесленников. Основными источниками пополнения еврейской общины были ссылка и каторга. Евреи были преимущественно выходцами из городских

---

³¹⁶ Раднаев Э.В. История формирования этнического состава г. Улан-Удэ. Улан-Удэ: Вита Магистра РЦМП, 2004. С. 12.

слоев, и это не могло не оказывать влияния на формирование городского пространства в целом.

Динамично росла роль города как главного перевалочного и товарораспределительного центра. Торговля и сфера ее обслуживания определили направление и хозяйственную основу развития города, темпы роста его населения.

В соответствии с Жалованной Грамотой городам 1785 г., городское население Верхнеудинска было поделено на шесть разрядов. Самым крупным по численности было сословие мещан (26,4 %), занимавшихся «мелочною торговлею, содержанием почтовых и обывательских подвод, извозом казенных и частных тяжестей в Иркутск, Кяхту и Читинский острог, хлебопашеством и рыбною ловлею»³¹⁷. Жалованная грамота городам объединила в единое сообщество разрозненные группы «городских обывателей».

Как и в других сибирских городах, в Верхнеудинске отсутствовало собственное дворянство. Во многих отношениях его заменяло купечество. Самыми известными верхнеудинскими купцами-оптовиками в XVIII в., были Аввакум, Никита и Иван Байбородины (оптовая торговля, перепродажа кож); Иван Гусев (скот, лошади); Василий Димов (российские и китайские товары), основатель купеческой династии Дмитрий Лосев.

Поскольку купечество было ключевым слоем населения, центральная часть города в основном была застроена купеческими особняками и лавками. Существовали Большие Гостиные ряды с множеством торговых и складских помещений, сохранившихся до наших дней. Рядом находились кузницы, мясной ряд, хлебный рынок. При Гостином Дворе имелось «для питий 16 погребов, по всем сторонам над лавками жилые покои по 12 сажень с колоннами в новом венецианском вкусе для разных надобностей. Это был один из самых красивых и просторных Гостиных Дворов в Восточной Сибири. В 1811 г. надворный советник И.Е. Миллер отмечал, что «город Верхнеудинск изрядно отстроен. Дома внутри чисты и опрятны, комнаты по большей части украшены китайскими ландшафтами, историческими картинами, фарфором и другими художественными произведениями. Жители вежливы и гостеприимны»³¹⁸.

³¹⁷ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 128. Оп. 1. Д. 1028. Л. 76.

³¹⁸ Миллер И.Е. Путешествие надворного советника И.Е. Миллера из Иркутска в Нерчинск в августе месяце 1811 года, им самим записанное // Духовный журнал. Ч. 13.

Русские и евреи представляли купеческое сословие города, сформировавшееся из служилых, промышленных и торговых людей, в большинстве своем пришедших из европейской части России, а позже из Западной Сибири. Обновление его происходило в основном за счет мещан и крестьян, реже – чиновников в отставке и цеховых.

Увеличение мелкотоварного производства, переход от натурального хозяйства к работе на рынок привели к росту обменных операций, значительному расширению их сферы, появлению скупщиков и крупных купеческих капиталов. По данным IV ревизии (1782–1784), по Сибири «в купеческом окладе состояло 2174 человек мужского пола, из них наибольшее число купцов было в Иркутске (386 чел.), Тобольске (347 чел.), Верхнеудинске (341 чел.), Томске (214 чел.)»³¹⁹. Таким образом, во второй половине XVIII в. город занимал третье место в Сибири по количеству купцов. В 1790 г. Верхнеудинску был вручен герб, подчеркивающий его торгово-купеческое значение: на золотом поле были изображены жезл бога торговли Меркурия и рог изобилия.

Следствием преобладания в составе горожан непродовольственных групп был невысокий производственный потенциал города. В Верхнеудинске развивались только те отрасли, которые не испытывали конкуренции со стороны центральных районов страны, имели прочную сырьевую базу и устойчивый рынок сбыта. Некоторые купцы (М.К. Курбагов, Н.В. Костин, И.Ф. и Н.И. Голдобины) в самом конце XVIII – начале XIX в. открыли свои мануфактуры, представлявшие собой мелкие полукустарные предприятия. В 1850 г. в Верхнеудинске открылся первый мыловаренный завод, принадлежавший отцу купца Л. Самсоновича. Чисто «еврейскими» отраслями были мыловарение, кожевенное, мукомольное производство³²⁰. Однако, несмотря на развитие мануфактуры, Верхнеудинск и в XIX в. оставался преимущественно торговым городом, а рост внутренней и

Кн. 28. СПб, 1816. С. 67.

³¹⁹ Краткая энциклопедия истории купечества и коммерции Сибири. Т. I. Кн. 2. Новосибирск, 1994. С. 139.

³²⁰ Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири. Улан-Удэ: Издат.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2003. С. 158.

внешней торговли продолжал оказывать существенное влияние на экономику края.

Купцы пользовались наемным трудом. Наемными работниками были обедневшие мещане, крестьяне, ссыльнопоселенцы, беглые из центральных районов страны, реже инородцы.

Хотя значительная часть хинтерланда была бурятской, здесь не было традиции участия бурятского населения в культурной и общественной жизни города. Немногочисленные верхнеудинские буряты были в основном приказчиками в лавках, плотниками, столярами, дворниками при постоянных дворах, где часто останавливались приезжавшие в город буряты.

Англичанин Ч. Коттрелл отмечал, что жившие в непосредственном соседстве с Верхнеудинском буряты – *«богатейшие из всего племени»*³²¹. Представляет интерес его упоминание о *«значительной торговле»*, ведущейся в городе с бурятами. Годом ранее польский путешественник О. Евицкий свидетельствовал, что в Верхнеудинске *«торговые площади наполнены бурятами и тунгусами»*³²². А следовавший зимой 1859 г. в Читу, на новое место службы областного врачебного инспектора П.С. Алексеев писал: *«Верхнеудинск – город правильно расположенный; он не весь деревянный, как большинство сибирских городов; кирпичные здания разнообразят и как бы оживляют и разукрашивают общий вид. По улицам Верхнеудинска расхаживает разноплеменная толпа: встречались буряты, китайцы, семейские, раскольники. Буряты в цветных долгополых полных шубах – «татарлыках» и подвязанных под подбородком меховых шапках – «малахаях» разъезжали в двуколках, запряженных волами; это были первые истые азиаты, виденные нами в Азии после татар под Томском»*³²³.

До 15 % русского населения принадлежало к сельскому селению. Они держали домашний скот: в 1878 г. на 4244 жителя Верхнеудинска приходилось 1415 лошадей, 1015 коров, 750

³²¹ Cottrell Ch.H. Recollections of Siberia in the years 1849 and 1841. London, 1842. P. 286-287.

³²² Евицкий О. Поездка из Иркутска в Кяхту через Байкал, или Святое море. «Очерки России» изд. В. Пассеком. Кн. 11. М., 1840. С. 115.

³²³ Алексеев П.С. Воспоминания о поездках по Забайкалью и Дальнему Востоку // Русский вестник. СПб, 1899. № 7; Харитонов В. «Верхнеудинск – миленький городок» // Верхнеудинск – познавательный интернет журнал. 03.11.2010. [Электронный ресурс]: URL: verhneudinsk.ru/view_novosti.php?id=733 (режим доступа: свободный).

овец, 42 свиньи и 98 коз. Для многих горожан средством существования было земледелие – хлебопашество, огородничество, а также рыбная ловля и другие виды сельскохозяйственной деятельности.

За 1825–1913 гг. население Верхнеудинска увеличилось почти в 10 раз и составило 20 тыс. человек. Оживление экономической жизни и рост числа горожан были связаны с сооружением Транссибирской железнодорожной магистрали. Первый поезд прибыл сюда 15 августа 1899 г. Через год был введен в эксплуатацию Верхнеудинский участок Забайкальской железной дороги. Транссиб, соединив Сибирь и Дальний Восток с европейской частью, оказал существенное влияние на социально-экономическую «переориентацию» города. С ним связано окончательное падение кяхтинской торговли и Верхнеудинской ярмарки, значение которых резко снизилось еще в 1860-х гг., когда был сооружен Суэцкий канал. Это вынуждало купцов уезжать и увозить свои семьи.

На рубеже веков произошла смена поколений еврейских купцов. Двенадцать из двадцати торговых домов Верхнеудинска принадлежали евреям или были созданы с их участием. В апреле 1916 г. городская управа составила список четырнадцати наиболее солидных фирм города и уезда, половина из которых принадлежала евреям. Как отмечает Л.В. Кальмина, «дорожа завоеванным положением, сибирские евреи с большой степенью равнодушия относились к проносившимся рядом политическим бурям»³²⁴.

Критически важными для города стали годы Первой мировой и Гражданской войн. Вначале была большая волна беженцев из прифронтовых районов Первой мировой войны. Затем – огромные потоки людей, приносимых и уносимых катаклизмами войны Гражданской. Они буквально вымели из города значительную часть его торгового и, вообще, имущего населения. После установления Советской власти город буквально «завис» в связи с тем, что резко уменьшились важнейшие до этого торговые функции, а новые еще не появились.

Верхнеудинск как проект

³²⁴ Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири. Улан-Удэ: Издат.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2003. С. 339.

Верхнеудинск побывал в водовороте революционных событий и Гражданской войны. В нем успели похозяйничать представители Временного правительства, Сибирской директории, коалиционного левого правительства Сибирского центра, колчаковцы и семеновцы, большевики, чехи, американцы и японцы, анархисты Каландаришвили и Лаврова, народные комиссары правительства ДВР. Однако главным событием в жизни Верхнеудинска стало образование Бурят-Монгольской автономной советской социалистической республики в 1923 г.

Победившая Советская власть начала выстраивать национальную политику, давшую мощный импульс формированию наций-этносов. Большевики с самого начала заявили о том, что гарантируют народам России право «на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства». Национальная доктрина большевиков нашла поддержку у национальных движений, в том числе и у бурятского. В годы Гражданской войны были образованы автономные бурят-монгольские области в составе РСФСР и ДВР. В 1922 г. советское правительство упразднило ДВР и обе автономии. Образование республики, пусть и с весьма ограниченными государственными функциями, стало решающим фактором формирования нации-этноса. Но сам процесс выстраивания нации из партикуляристского населения требовал инструментария.

Одним из таких инструментов стала современная бурятская элита – немногочисленная, по-европейски образованная, чрезвычайно активная и обладающая большим интеллектуальным потенциалом, имеющая опыт дореволюционной общественной и политической деятельности, прошедшая через потрясения Гражданской войны. Она не просто осмысливала и изучала историю своего народа, но и разрабатывала проекты его сохранения и дальнейшего развития. При всей сложности, противоречивости и разнонаправленности эти проекты можно охарактеризовать в категориях «нациестроительства» в современном понимании этого слова. Фактически речь шла о сознательном и целенаправленном преобразовании племенной среды в единую культурную и политическую общность, которая успешно вписалась бы в модернизационные процессы. Это предполагало создание единой культуры, общего представления об истории,

единого литературного языка, преодоление родоплеменного партикуляризма.

Это был политический проект, в котором огромное значение придавалось созданию собственной государственности как необходимого атрибута и предпосылки формирования нации. Создать государство, чтобы создать нацию – достаточно распространенная и осмысленная еще в XIX в. стратегия. Специфика заключалась в том, что нацию предполагалось формировать на базе монгольской историко-культурной общности, давно и прочно разделенной государственными границами. Соответственно, проект создания собственного государства неизбежно предполагал масштабные геополитические сдвиги во всем регионе.

Суть политической доктрины «панмонголизма» была изложена Ц. Жамцарано и заключалась в том, что «объединение Монголии с Внутренней Монголией, Бурятией, Калмыкией, с монголами Синьцзяна и Тувы позволит восстановить исторический регион проживания монголов и превратить новую страну в действительно самостоятельное, суверенное государство»³²⁵. Такой подход к государственной интеграции монгоязычных народов в единое культурное пространство с целью постепенного нивелирования различий между отдельными региональными группами, и в перспективе – достижения этнической унификации и монолитности населения, отражал европейскую парадигму нации.

Существовали и другие объединительные проекты. К примеру, Э.-Д. Ринчино писал Д. Сампилону: «...Маньчжурия и Восточная Монголия будут всецело находиться в сфере ведения Японии. Монголия южная, северная и западная с включением бурят образуют самостоятельное, нейтральное буферное государство. Причем буряты должны переселиться в Халху или передвинуться к границам Забайкалья с обменом земель. И если не удастся объединить Юг и Север Монголии, то образуются два государства, причем Юг будет находиться под протекторатом Японии...»³²⁶ Авторы с легкостью подходили здесь к таким

³²⁵ Цит. по: Чимитдоржиев Ш.Б. Панмонгольское движение – это общемонгольское национальное движение // Монголоведные исследования. Вып. III. Улан-Удэ, 2000. С. 15-16.

³²⁶ Ринчино Э.-Д. Документы. Статьи. Письма. Улан-Удэ, 1994. С. 143; Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. Документы и материалы. Улан-Удэ: Изд-во ОНЦ «Сибирь», 1994. С. 107.

сложнейшим вопросам, как переселение целых народов, создание государств. Для них важнее была сама идея, хотя она актуализировалась также и в практических попытках конструирования общемонгольской этнополитической системы.

В начале XX в. объединительная идея стимулировалась потрясениями в Китае и России. В Китае рухнула империя, по существу произошел распад государства, завершившийся выделением юридически автономной, а фактически независимой Внешней Монголии. Русско-китайская декларация 1913 г. и Кяхтинское Тройственное соглашение 1915 г. окончательно определили международное правовое положение монгольского государства. Чуть позже произошла революция в России и началась Гражданская война.

Казалось, появился уникальный момент, когда идея создания общемонгольской государственности может реализоваться на практике. Гражданская война втянула бурятскую элиту в активную политическую деятельность. Пытаясь отстаивать интересы своего народа (так, как они их понимали), большая ее часть объединилась вокруг Бурятского национального комитета (Бурнацкома). Лавируя, сотрудничая (или пытаясь сотрудничать) со всеми противоборствующими силами, они стремились добиться реальной внутренней автономии, в идеале – независимой государственности.

«Панмонголизм», как идеология и политическая практика, направленная на создание единого монгольского государства «поверх» существовавших тогда государственных границ, стал реальностью. Осознавая ограниченность собственных сил и возможностей, представители национального движения делали ставку на сотрудничество с различными (как правило, противоборствующими) внешними силами, пытаясь играть на их противоречиях. В свою очередь, на «панмонголизм» делали ставку атаман Семенов, барон Унгерн, генерал Чжан Цзолин, японцы, премьер ДВР Шумяцкий, Реввоенсовет 5-й армии, все государственные, военные и коминтерновские деятели, вовлеченные в события в этом регионе. Каждая из этих сил преследовала собственные интересы.

По инициативе атамана Семенова и при содействии японцев в 1919 г. в Чите состоялась конференция, в которой приняли участие бурятские деятели различной политической ориентации и представители Внутренней Монголии. Но дальнейшие события

показали, что эта попытка политической консолидации монгольских народов оказалась несостоятельной. Россия и Китай, несмотря на внутренние неурядицы, продолжали отстаивать свои интересы в регионе, в целом сохранив территории и границы. Колчаковское правительство и республиканский Китай, пользуясь несогласованностью действий участников съезда и саботажем Урги, успешно противодействовали осуществлению планов даурского съезда.

В 1924 г. Внешняя Монголия была провозглашена республикой и избрала свой путь нациестроительства в этих рамках. Годом раньше была образована Бурят-Монгольская АССР. Создавая ее, большевики, безусловно, руководствовались классовыми интересами, находясь под сильным влиянием теории «мировой революции». Некоторое время идея единства монгольских народов еще занимала определенное место в теоретических установках руководителей новой автономии. Однако процесс нациестроительства как в Бурятии, так и в Монголии принципиально отличался от проекта «панмонголистов», стремившихся к созданию государственности либо в форме государственного объединения монгольской историко-культурной общности, либо в форме культурно-национальной автономии с последующим выделением сплошной территории для заселения бурят.

Советская власть проявила завидный прагматизм, продемонстрировав умение договариваться с представителями местной элиты, сосредоточившись на одном из аспектов – государственном строительстве как пути к нации. А.А. Елаев отмечает, что «важнейшей задачей национально-автономного строительства было приспособление органов создаваемой государственной власти и их аппарата к местным национальным условиям. Для ее решения необходимо было в сжатые сроки осуществить перевод делопроизводства на бурятский язык и привлечь в аппарат представителей «коренной» национальности. Эта объективная необходимость совпадала с задачами укрепления Советской власти в республике и усиления ее влияния на бурятское население»³²⁷. Более того, здесь произошло, пусть частичное, но совпадение интересов бурятской элиты и власти.

---

³²⁷ Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М., 2000. С. 182.

Так в Бурятии появился проект создания бурятской социалистической нации. Политика коренизации (подготовка, выдвижение и использование кадров специалистов коренной национальности для работы в государственных и общественных органах и организациях, в промышленности, науке, просвещении и т. д.), создание и поддержка престижных институтов национальной государственности (высшая школа, средства массовой информации, набор культурных институций, творческие союзы и т. д.), ликвидация экономической и культурной отсталости должны были способствовать обновлению многих сторон этнической жизни, изживанию остатков феодализма, развитию консолидационных процессов, ведущих к формированию нации.

Важным инструментом нациестроительства должен был стать город. БМАССР создавалась путем объединения бурят-монгольских автономий РСФСР и ДВР, центры которых находились в Иркутске и Чите. Вставал логичный вопрос: какой город будет столицей Бурят-Монгольской автономной республики в составе Восточно-Сибирского края с центром в Иркутске? К этому времени центром политической и культурной жизни бурят была Чита. Но при выборе ее в качестве столицы Западная Бурятия осталась бы на периферии, что нарушило бы баланс между интересами западных и восточных бурят. Верхнеудинск – нейтральный в этом смысле город, географически он находился в центре бурятского этноареала и был удобен в качестве столицы республики с геополитической точки зрения. Кроме того, с апреля по ноябрь 1921 г. он был столицей ДВР, в 1921–1922 гг. – центром автономной области бурят в ДРВ, а еще раньше, в 1905 и 1917–1918 гг., – центром бурной политической деятельности. Сложно сказать, просчитывалось ли все это организаторами процесса создания республики. Возможно, это рассуждения *post factum*. Но Чита тогда лишилась статуса столицы независимого государства (ДВР) и получила статус административного центра области в составе Восточно-Сибирского края РСФСР. Верхнеудинску повезло – обретя статус столицы Бурят-Монгольской автономии, он был наделен столичными функциями, а по существу, – «назначен» столицей. Ментальный код города был задан. Городской хинтерланд не исчез, сформировался новый. Прежние функции города были оттеснены новыми властными задачами.

Улан-Удэ – столица национальной республики

С созданием автономной республики у Верхнеудинска появились столичные, имперские функции, поскольку он стал, по существу, инструментом центральной власти, призванным осуществлять общегосударственную задачу выстраивания бурятской нации. Но если «среди бурятской интеллигенции решающее значение имела перспектива автономного культурного развития народа, то соображения центра преследовали главным образом политические и геополитические цели – существование и развитие бурятской общности должно было отвечать задачам укрепления «социалистической государственности»³²⁸.

Нацестроительство – процесс городской, невозможный вне городской культуры и городского типа отношений, без городских слоев, которые, собственно, и формируют нацию. Реализация такого проекта требовала наполнения декларируемой столичности Верхнеудинска реальным содержанием. На базе уездного городка требовалось создать комплекс политических, административных, культурных институций, сформировать практически на пустом месте необходимые профессиональные группы и социальные страты, национальные по составу и политически лояльные Советской власти. Требовалось реализовать их формирование и деятельность в системе нормативных документов, практик и рутинных управленческих процедур. Только при этих условиях город смог бы выполнить возложенную на него функцию преобразования бурятского сельского, племенного, партикуляристского, разбросанного на огромных расстояниях бурятского населения в современную нацию, да еще и «социалистическую по содержанию».

Институциональное строительство в политической и культурной сферах должно было идти – и шло – одновременно с формированием для них профессионально подготовленных и политически преданных национальных кадров. Это была труднейшая задача, учитывая крайнюю узость слоя европейски образованных бурят вообще, наличия их в Верхнеудинске, в особенности. Там, конечно, были свои политики и администраторы, но это были деятели уездного масштаба. Для начала необходимо было сконцен-

³²⁸ Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период) / Отв. ред. Т.Д. Скрынникова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2004.

трировать в новой столице имеющийся, как тогда любили писать большевистские лидеры, «человеческий материал». Однако существовали серьезные сомнения в его политической лояльности. Значительная часть бурятской политической элиты не без основания расценивалась как временные союзники и попутчики.

Верхнеудинск стал площадкой для целенаправленного выращивания политической, художественной, научной бурятской элиты, теперь уже сугубо городской. Этому процессу было подчинено все – компартия, комсомол, советы, ОСОАВИАХИМ и т. д., а основным механизмом стала «коренизация» – политика подготовки, воспитания и выдвижения национальных кадров. С этой целью создавалась целая система социальных лифтов.

Исследователи практически едины во мнении, что коренизация должна была предотвратить развитие националистических сил. Уступки в языке, культуре и кадровой политике должны были остановить распространение автономистских и сепаратистских настроений. По словам Т. Мартина, «коренизация (индигенизация) была профилактической политикой, которая имела своей целью обезвредить национализм и воспрепятствовать его распространению среди ранее угнетавшихся нерусских колониальных народов. И именно поэтому для них предполагалось создать национальные территории, языки, элиты и культуры»³²⁹. Т. Скрынникова отмечает, что «коренизация была призвана встроить этничность в советскую политическую систему и погасить тем самым ее мобилизационный потенциал, перенаправив его в русло национально-государственного социалистического строительства»³³⁰.

В русле этой политики шло формирование новых социальных групп – номенклатуры, интеллигенции, городских средних слоев, рабочих.

Исходным материалом для этой социальной инженерии было в значительной части пауперизирующееся сельское население. По данным Верхнеудинской биржи труда, в 1926–1927 гг. из общего количества зарегистрированных безработных, прибывшие

³²⁹ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. С. 177.

³³⁰ Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период) / Отв. ред. Т.Д. Скрынникова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2004.

из деревень и улусов составляли 30,1 %, а в 1927–1928 гг. – 43,2 %³³¹. Уже весной 1927 г., из-за избытка приезжих безработных из деревень, Бурят-Монгольский ЦИК вынужден был издать циркуляр о порядке приема на работу только через органы Бурнаркомтруда (биржу труда)³³². Была введена система льгот для бурятских рабочих. Предоставлялись льготы при регистрации на бирже труда, при приеме на работу и увольнении. Но среди бурят-рабочих была высокая текучесть кадров, гораздо выше, чем у русских. Именно высокую текучесть кадров власти считали главной причиной медленного роста численности местного пролетариата.

Одной из задач национально-автономного строительства было приспособление органов создаваемой государственной власти и аппарата к местным национальным условиям. Для ее решения необходимо было в сжатые сроки перевести делопроизводство на бурятский язык и привлечь в аппарат представителей коренной национальности. Согласно разработанным планам, их представительство в органах власти намечалось довести до 37,7 %³³³.

Политика коренизации имела цель дать образование на родном языке бурятскому населению, продвигать его социально, чтобы его представители стали занимать руководящие позиции в образовании, культуре, промышленности, в партии и государстве. Образование должно было служить – и служило – важнейшим социальным лифтом. Поэтому бурят (рабочих и крестьян) набирали и отправляли на учебу в вузы, чтобы они, получив подготовку, заняли должности специалистов в государственных учреждениях, предприятиях, организациях. Собственная система высшего и среднего профессионального образования в 1920-х гг. находилась в зачаточном состоянии, поэтому получить образование можно было только в центральных вузах, имевших квоты для «националов».

Для создания собственной системы образования необходимо было сформировать кадровую базу, в том числе и национальную. Отправка специалистов из центра не решала пробле-

³³¹ ГАРБ. Ф.П-1. Оп. 1. Д. 18. Л. 37.

³³² Там же. Оп. 2. Д. 16. Л. 14.

³³³ Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М., 2000. С. 184.

мы полностью. К концу 1930-х гг. в республике была создана система подготовки и переподготовки кадров (краткосрочные курсы, педтехникумы, вуз, учительский институт), но остро стоял вопрос о квалификации готовящихся специалистов. Были открыты технические ссузы, рабфаки, вузы. Но характерными чертами этого процесса «являлись приоритетное развитие педагогических учебных заведений, сравнительно медленный рост учебных заведений технического профиля»³³⁴. Решением научно-исследовательских задач по широкому спектру научных направлений занимался созданный на базе Буручкома Бурят-Монгольский государственный институт культуры, впоследствии реорганизованный в Государственный институт языка, литературы и истории.

Организация управления, образования, культурно-просветительной работы неизбежно упиралась в вопрос о языке, точнее, о конструировании литературного языка – унифицированного языка делопроизводства, преподавания, профессионального искусства. В результате бурятский язык в течение короткого срока дважды претерпел изменения: хоринский диалект заменил селенгинский, кириллица – латиницу. Сторонники старомонгольской письменности подверглись репрессиям. В 1938 г. был принят курс на русификацию бурятского языка, в немалой степени объяснявшийся нуждами модернизации: введение кириллицы способствовало более продуктивному освоению бурятами русского языка, что, в свою очередь, позволяло активно их использовать в построении нового советского общества.

Реализация проекта нациестроительства требовала целенаправленного формирования общепурятской национальной культуры, по характеру профессиональной, основанной на всеобщей грамотности, едином языке. Город становится очагом этого процесса – здесь создается разветвленная инфраструктура – учебные заведения, учреждения культуры, науки, издательства, музеи, театры, библиотеки. Формируется массовый профессиональный слой научной и творческой интеллигенции. Некоторым символическим итогом этой сложной и интенсивной работы

---

³³⁴ Номогоева В.В. Исторический опыт социально-культурной модернизации национальных районов Восточной Сибири в 1920–1930-е гг. (на материалах Республики Бурятия): Автореф. дисс. ... доктора ист. наук. Улан-Удэ, 2011. С. 42.

стала Декада бурят-монгольского искусства, проведенная в 1940 г. в Москве.

В том же году Правительство СССР приняло решение о подготовке сводного поэтического варианта героического эпоса «Гэсэр». Это был не единственный заказ: в конце 1930-х гг. советские власти отмечали предполагаемые юбилеи таких эпосов, как грузинский «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели (1937), русский «Слово о полку Игореве» (1938), армянский «Давид Сасунский» (1939), калмыцкий «Джангар» (1940).

Ставилась задача не просто собрать и систематизировать многообразные устные версии «Гэсэра», но создать письменный, литературный, канонический текст, единый для всех бурят. Фактически это был инструмент национальной консолидации, конструирование единой общей традиции. Кроме того, литературная версия, канонический письменный текст – это свидетельство древности и силы культуры как основы нации. Решалась задача не только и не столько культурная: выстраивался фундамент нации, версия общей древней и великой истории и культуры. Без апелляции к единой и великой традиции трудно, а то и невозможно выстроить новую этническую общность из партикуляристской племенной стихии. Переход от традиционных устных сказаний к письменному литературному тексту – это и символ современности, современного типа общества. Поэтому заказ советской власти на создание письменной версии эпоса совпал с устремлениями модернизирующейся бурятской элиты.

Однако, по словам И. Сталина, большевики предпринимали действия, направленные на «максимальное развитие национальной культуры, с тем, чтобы она исчерпала себя до конца, а затем была создана база для организации международной социалистической культуры»³³⁵. В 1930-х годах это довольно абстрактное рассуждение реализовалось в массовых репрессиях против созданной с таким трудом национальной элиты. Однако сам механизм ее дальнейшего формирования и воспроизводства не был уничтожен, способствуя количественному расширению и качественному росту теперь уже массовых слоев специалистов, бурятского городского населения вообще.

---

³³⁵ Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М.: Политиздат, 1939. С. 211.

Хотя попытки «коренизации» местной партийной и советской власти были во многом непоследовательными и половинчатыми, они привели к осязаемым результатам. То, что стало называться теперь титульной нацией, обрело динамично растущую городскую составляющую, стало демографически более консолидированной, лучше представленной среди творческой и научной интеллигенции, в административном аппарате, более выраженной в своих национальных проявлениях.

В результате этих процессов город поменял свои функции, причем быстро и радикально: когда-то русский купеческий уездный город Верхнеудинск, наделенный после образования республики функциями нациестроительства и задачей осуществления проекта создания бурятской социалистической нации, стал столицей БМАССР. Символом этой трансформации стало переименование его в 1934 г. в Улан-Удэ (Красная Уда, Красноудинск).

Улан-Удэ в модернизационных процессах

Политика выравнивания уровней экономического развития национальных окраин и регионов, начатая в конце 1920-х гг., была тесно связана с проведением форсированной индустриализации. Об этом немало написано в исторической литературе, в том числе и региональной³³⁶. Отметим лишь, что процесс индустриальной модернизации в Бурят-Монголии протекал в особо интенсивной форме. Значительные масштабы и высокие темпы индустриализации в республике были предопределены, в том числе и ее геополитическим положением и ролью «ворот на зарубежный Восток».

Курс на индустриализацию обусловил строительство в Улан-Удэ ряда крупных объектов народно-хозяйственного комплекса Сибири и Дальнего Востока, что вызвало потребность в трудовых ресурсах, а в последующем – в специалистах для обслуживания предприятий. Это способствовало возникновению крупной миграционной волны из западных районов России и союзных

³³⁶ История Бурятии. В 3 т. Т. III. XX–XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011; Митупов Б.М. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Бурятской АССР (1923–1937 гг.). Улан-Удэ, 1958; Тармаханов Е.Е. Промышленность и рабочий класс Советской Бурятии (1938–1958 гг.). Новосибирск, 1979; Балдано М.Н. Индустриальное развитие Бурятии (1923–1991 гг.): достижения, издержки, уроки. Улан-Удэ: Издат-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2001 и др.

республик. Внешний миграционный поток значительно изменил этническую картину города, хотя основным источником прироста городского населения, наряду с естественным движением, была внутренняя миграция жителей республики в Улан-Удэ. Перемещение сельских жителей республики в город привело к увеличению городского населения за счет бурят и русских.

Верхнеудинск/Улан-Удэ стал региональным модернизационным центром. За короткий срок произошел значительный перевал рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность и другие городские сферы деятельности, складывались новые социальные и профессиональные слои и группы, менялся их национальный состав, развивались индустриальные системы производства и потребления. Важнейшим элементом городской жизни стало появление бурятской политической и культурной городской элиты: управленцы, учителя, врачи, артисты, писатели, художники, журналисты.

Численность рабочих с 1926 по 1939 г. увеличилась в 4 раза – с 22,7 тыс. (4,6 %) до 87,8 тыс. человек (36,3 %), в том числе рабочих-бурят – с 1,33 % до 10 %.³³⁷ Одновременно в республику прибыли рабочие, инженеры и техники из центральных областей страны. Это стало важным фактором подготовки квалифицированных рабочих из числа местных кадров, в том числе из бурят. Рабочий класс формировался как многонациональный, при сравнительно небольшой доле бурят в его составе.

При этом процесс «крестьянизации» города принял внушительные размеры и имел далеко идущие последствия. В стране, по выражению Ю. Пивоварова, «волны сельской миграции буквально «затопили» города всей страны, определив основную коллизию урбанизации на многие десятилетия»³³⁸. С таким наплывом вчерашних крестьян справиться было очень сложно. Да и сами вчерашние жители сел и улусов, многие из которых не владели русским языком, с огромными трудностями приобщались к городской жизни.

Большие массы крестьян шли в город на строительство гигантов индустрии – паровозо-вагоноремонтного завода, мех-

³³⁷ Балдано М.Н. Индустриальное развитие Бурятии (1923–1991 гг.): достижения, издержки, уроки. Улан-Удэ: Издат-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2001. С. 92.

³³⁸ Пивоваров Ю.Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 102.

стеклозавода, мясоконсервного комбината. Только в 1932 г. на строительство ПВРЗ из аймаков прибыло 3213 чел., из них 2019 колхозников, в числе которых 1354 бурята. Им пришлось все делать сразу – строить бараки для жилья, рыть котлованы, принимать стройматериалы. Тяжесть физического труда, постоянный недостаток продовольствия, бытовая неустроенность усугубляли психологический дискомфорт, вызванный переменой места, образа жизни и характера труда. Некоторые не выдерживали и возвращались домой. Те же, кто смог удержаться, адаптироваться, становились новыми горожанами и могли воспользоваться системой социальных лифтов. По выражению Р. Кайзера, «программа модернизации, содействовавшая миграции сельского населения в города, способствовала «более быстрой национализации масс»³³⁹.

Город вбирал в себя население хинтерланда, превращая его в горожан и выстраивая нацию в соответствии с проектом. Город-столица давал больше шансов для работы и учебы. Недоставало жилья – в городе сооружались новые кварталы, обустраивались «соцгородки» при заводах. Именно в этот период наблюдалось мощное движение вверх и вниз по социальной иерархической лестнице. Вертикальная мобильность протекала интенсивно – выходцы из рабочих и крестьян, благодаря проводимой политике, историческим условиям, личной одаренности, быстро продвигались наверх, преодолевая культурные контрасты.

Этнизация города

Результатом однонаправленного развития модернизационных процессов и реализации политического проекта по созданию бурятской нации стало радикальное изменение облика города. Наделение города новыми функциями привело к формированию качественно нового этнического пространства в нем. Живший когда-то исключительно ярмаркой и регулярной торговлей на Чайном пути, город стал крупным административным, промышленным, культурным и научным центром Восточной Сибири. Индустриализация и урбанизация не просто изменили внешний облик города, но и его сущность. Некогда сугубо русская крепость, оборонявшаяся от набегов кочевников, превратилась

³³⁹ Kaiser Robert J. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 123.

в место, где создается бурятская нация, где живут уже совсем иные люди.

Наиболее зримо это выразилось в сдвигах в численности и структуре его населения. Оно стремительно растет: от 21,6 тыс. чел. в 1923 г. до 28,9 тыс. в 1926 г. и до 125,7 тыс. к 1939 г.³⁴⁰ Изменился его этнический состав, при этом смена происходила не за счет вытеснения старого населения, а в результате массового притока нового, во многом – бурятского. К 1939 г., по итогам Всесоюзной переписи населения, буряты стали занимать вторую позицию по численности вслед за русскими при общем увеличении числа национальностей в городе. Уровень урбанизированности бурят вырос до 9 %³⁴¹.

Дело, однако, не только в количественных сдвигах, в динамике изменения этнической структуры городского населения. Еще более важны качественные перемены в городской жизни, в характере взаимоотношений.

«Городская революция» привела к более чем четырехкратному увеличению численности горожан Улан-Удэ, коренным образом изменив его облик. После 1917 г. в считанные годы в городе, по существу, произошла смена населения: практически было уничтожено купечество, вытеснено, растворено и исчезло мещанство, мало что осталось и от горожан непродовольственных групп. На смену этим основным социальным слоям дореволюционной эпохи пришли покинувшие родные места крестьяне. Конфликт городской и деревенской культур был неизбежен и создавал в том числе и этнически-маркированное напряжение.

Буряты появились в городе не только в качестве аутсайдеров – вчерашних крестьян. Из них формировался значительный по численности и влиятельный слой политической и административной элиты, служащих, представителей творческой интеллигенции, учителей, врачей. А то, что у истоков этого процесса стояла политика коренизации, отбора и продвижения кадров по этническому признаку, сделало этничность (национальность в категориях того времени) очень важным фактором, организующим взаимоотношения в городском сообществе. Критерий этничности становится делом государственным, политическим,

³⁴⁰ Бурятская АССР в цифрах. 1923–1973. Стат. сб. Улан-Удэ, 1974. С. 39.

³⁴¹ Переведенцев В.Н. Миграции населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск: Наука, 1963. С. 48.

важным инструментом форматизации общества. Характер властных отношений того времени не давал в этом смысле выбора ни обществу в целом, ни отдельному человеку.

Представители партийных властей с тревогой фиксировали назревавшие напряжения и потенциальные конфликты. Чрезвычайно характерна в этом смысле докладная записка секретаря Буробкома ВКП(б) М. Сахьяновой в ЦК ВКП(б) от 12 мая 1929 г.: «Решительный курс на реализацию задач национально-культурного строительства... в самом начале своей реализации, наряду с общим усилением кулацкого сопротивления, усилил рост шовинистических настроений в беспартийных и партийных массах. Разговоры о том, что бурятам все, а русским ничего, что буряты и бурятские работники не нюхали революции, а, наоборот, боролись против нее, а теперь им – все блага революции, тепленькие местечки, учеба и т. д. Эти разговоры особенно усилились к началу и к весне 1928 г.»³⁴². Неизбежные склоки и групповые конфликты в правящей элите могли принимать и этническую окраску.

Это заставляет задуматься над более общим вопросом: насколько конфликтной была политика коренизации в Бурят-Монголии? Вела ли этнизация к росту уровня конфликтности? Ведь приход новых людей и новых групп, изменения в их статусах, с точки зрения практики, должны бы привести к обострению конкуренции за ресурсы. Однако открытых острых конфликтов не наблюдалось. Можно предположить, что Советская власть особо не давала им развиваться и уж тем более проявляться публично.

К примеру, в июне 1927 г. в Бурят-Монголии был обнародован закон, разрешавший заменять русских квалифицированными представителями коренной национальности и требовавший лишь, чтобы русские получали такие же выходные пособия, как и те, кто был уволен в связи с сокращением штатов госаппарата³⁴³. Но Оргбюро ЦК ВКП(б) резко осудило данный закон, и он не получил хода. Для центра так важны были взаимоотношения между русскими и бурятами, что он сам регламентировал их,

³⁴² Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф.17. Оп. 85. Д. 53. Л. 9 (Цит. по: История Бурятии. В 3 т. Т. III. XX–XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 134).

³⁴³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 120. Д. 101. Л. 8.

а коренизацию не ограничивал по этническому признаку: «Вопрос национализации аппаратов предполагает закрепление отдельных должностей не только за бурятами, но и за русскими и тесно связан с вопросом выдвижения, как бурят, так и русских рабочих и крестьян на ответственную руководящую работу. По этому плану предусмотрено в течение 1927 г. выдвинуть 16 рабочих и 3 крестьянина»³⁴⁴.

Кроме того, смягчению возможных противоречий могла способствовать формирующаяся система разделения труда. Новые функции города создавали и новые профессиональные и социальные ниши, некоторые из которых резервировались для бурят. Эти ниши были связаны с задачами нацистроительства, следовательно, концентрировались в сфере власти, управления, образования и культуры. Путь к этому открывало гуманитарное образование. На первых порах здесь хватало начальных форм подготовки – ликбез, кратковременные курсы, рабфаки и т. д. В силу новизны этой ниши буряты не слишком вытесняли из нее старожильческое городское население, скорее они дополняли существовавшую структуру. Коренные верхнеудинцы сохраняли свои традиционные позиции в городской экономике, а многочисленные приезжие из других регионов концентрировались в развивающейся индустриальной сфере. Конечно, это была динамичная, развивающаяся ситуация. Самое же главное, что и это разделение труда, дающее возможность минимизировать конкурентные конфликты, воспринималась и оценивалась в качестве этнически организованной системы.

И последнее, но не по значению. Новые функции города сформировали его новый хинтерланд. Теперь это был уже не только региональный центр, город в сельском окружении, осуществляющий традиционные для этой роли организации власти, снабжения, образования и т. д. Улан-Удэ становится «национальной столицей», центром бурятской нации. Известный бурятский ученый и общественный деятель Т.М. Михайлов назвал это выражением национального духа: «Буряты... в большинстве своем остались на земле предков, сохранили свой Дом. Под этим Домом подразумевается, по сути, Республика Бурятия

---

³⁴⁴ Материалы об итогах партийного строительства за три года (1924–1926). Верхнеудинск, 1927. С. 29.

с ее центром – городом Улан-Удэ, ибо здесь – средоточие национального духа»³⁴⁵. И этот хинтерланд совершенно не вмещается в административные границы автономии, особенно после 1937 года, когда ключевые регионы бурятского этноареала (Усть-Ордынский и Агинский национальные округа) были выведены из состава республики.

3.4. Этнизация городского пространства Верхнеудинска/ Улан-Удэ: становление бурятской национальной интеллигенции

Согласно переписи 1897 г., в Верхнеудинске проживало всего около сотни бурят. С того времени, как город стал столицей бурятской автономии, он превратился в центр притяжения уже имеющейся и формирования новой бурятской образованной элиты. Не будучи преобладающим по численности слоем новых горожан, молодая бурятская интеллигенция стала чрезвычайно заметной частью городского пространства.

Своим появлением она обязана модернизационным процессам рубежа XIX–XX вв. По словам Р. Пайпса, это было «строительство Транссиба и определенная (пусть невысокая) степень урбанизации, давшие мощный импульс колонизационному движению, направленному на заселение русскими различных регионов России, в том числе и юга Сибири»³⁴⁶.

Несколько десятков бурят получили образование европейского типа, преимущественно в российских университетах и других учебных заведениях. На качественные характеристики этого слоя большое воздействие оказали традиции буддистской учености и высокого престижа образованности. Накануне Февральской революции это была уже вполне сложившаяся, хоть и немногочисленная группа образованных людей, составлявшая элиту бурятского народа. В 1917 г. насчитывалось около 200 учителей и работников просвещения, ученых и врачей; около 150 человек обучалось в высших и средних учебных заведени-

---

³⁴⁵ Михайлов Т.М. Национальное самосознание и менталитет бурятского народа // Современное положение бурятского народа и перспективы развития. Улан-Удэ, 1996. С. 21.

³⁴⁶ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 29.

ях; к ним нужно прибавить некоторое количество служащих, миссионеров, лам.

Первый этап деятельности бурятской интеллигенции был просветительским, связанным с ростом национального самосознания. В годы революции 1905–1907 гг. ее представители активно включаются в общероссийское и общесибирское общественное движение. В качественно новую стадию своей консолидации она вступила в годы революции и Гражданской войны. Образование Бурятского национального комитета (Бурнацкома) 25 апреля 1917 г., проведение общепурятских съездов сыграли значительную роль в развитии национального движения бурятского народа и консолидации его интеллектуальных сил. На примере деятельности Бурнацкома четко прослеживается эволюция взглядов национальной интеллигенции. Начиная с чисто культурнической работы, с организации национального просвещения и подъема культурного уровня бурят, его члены подошли к решению политических задач, постановке вопроса о власти и нациестроительстве. При этом некоторые из них решительно встали на сторону Советской власти, другие же лавировали между противоборствующими силами, отстаивая интересы бурятского народа – так, как они их понимали.

Освобождение Прибайкалья и Забайкалья Красной Армией и партизанами, образование 6 апреля 1920 г. Дальневосточной Республики (ДВР) создало условия для возвращения лидеров национальной интеллигенции к политической деятельности, нового подъема автономистского движения, активизации общественно-политической мысли. Усилия бурятских автономистов в ДВР увенчались образованием 12 февраля 1921 г. Бурят-Монгольской автономной области, состоявшей из чисто бурятских по этническому составу аймаков и хошунов, получившей самостоятельность в вопросах суда, административно-хозяйственной и культурно-национальной жизни. В этот период Верхнеудинск становится столицей ДВР. В 1922 г. была образована также Бурят-Монгольская автономная область в составе РСФСР.

После ликвидации ДВР на базе этих областей была образована Бурят-Монгольская автономная советская социалистическая республика (1923). Образование республики стало решающим

фактором формирования нации-этноса. Процесс выстраивания нации из партикуляристского населения требовал инструментария, одним из которых стала современная бурятская элита. Взяв на себя лидерскую роль, она объединилась на основе национал-демократической идеологии и выработала программу национального движения, включавшую в себя образование национальной автономии, решение аграрного вопроса и культурное возрождение бурятского народа. Часть бурятской элиты стремилась к созданию нового большого национального сообщества с опорой на уже существовавшую монгольскую историко-культурную общность.

Началом процесса сознательной модернизации можно считать распространение печати и прессы, повышение статуса национального языка за счет превращения его в письменный (в ущерб старомонгольской письменности), а также реформу системы школьного образования. Наиболее тиражируемыми в республике местными газетами были «Бурят-Монгольская правда», «Бурятский комсомолец», «Скотовод и пахарь», «Ленинай ашанар» (Внучата Ленина), «Уран угын шэмэг» (Букет художественного слова) и журнал «Жизнь Бурятии». Интересный материал публиковался в органах периодической печати на бурятском языке в газетах «Уур» («Заря»), «Шэнэ байдал» («Новая жизнь») и в журнале «Голос бурят-монгола», издававшемся на двух языках.

В конце 1920-х гг. дискуссия по поводу алфавита закончилась поражением сторонников сохранения традиционных вариантов письменности, базировавшихся на старомонгольском алфавите³⁴⁷. И это была последняя дискуссия, в которой национальная интеллигенция принимала участие как социальная группа, пытавшаяся руководствоваться в своих действиях стремлением к достижению национальных целей. Впрочем, дискуссия стала также последним публичным выражением коллективного сопротивления политике коммунистических властей. Замена традиционных алфавитов совпала по времени с началом борьбы с правым уклонизмом в партии, что предполагало, в частности, преодоление «буржуазного национализма», который впервые

---

³⁴⁷ ГАРБ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 414. Л. 15-16.

стал объектом нападок еще в 1920–1923 гг. и имел необратимые последствия.

Стремление избежать выбора между лояльностью по отношению к классу, а точнее – к партии, и лояльностью по отношению к нации привело к возникновению национального коммунизма, пытавшегося обосновать необходимость учета некоторых националистических постулатов в ходе строительства коммунистического общества. На практике значительная часть интеллигенции, согласившаяся сотрудничать с большевиками, давала понять, что именно национальная принадлежность рассматривается ею как важнейшая точка отсчета. Складыванию такой позиции способствовала также политика «коренизации», развернутая ВКП(б) в середине 1920-х гг.

Коммунистический режим нуждался в расширении своей опоры среди непролетарских масс. В свою очередь, старые специалисты для развития своей профессиональной деятельности нуждались в поддержке власти. Привлекаемая на сторону советской власти бурятская интеллигенция была представлена деятелями национальной культуры, просвещения и науки. К сотрудничеству с новой властью ее склоняло и то, что большевики уравняли национальную интеллигенцию в правах с русской, предложили не только молодым людям, но и представителям старшего и среднего поколения новые возможности. Именно поэтому они и пытались увидеть в советской власти гаранта своего дальнейшего развития. На работу в советских органах были привлечены учителя-просветители, общественные деятели, представители духовенства, чиновники старого аппарата управления, врачи, ученые и другие работники умственного труда.

Формируя новую культурную элиту и привлекая на сторону советской власти представителей старой, большевики сразу взяли курс на лишение их важной социальной функции – критики власти. Это касалось не только проблем, относящихся к политике взаимоотношений центра и регионов, но и к вопросам, связанным с национальной политикой в целом.

Бурятия не унаследовала от старого строя ни одного высшего и среднего специального учебного заведения, которые могли бы стать основной базой подготовки интеллигенции, национальной в особенности. Поэтому здесь гораздо дольше, чем в централь-

ных регионах, использовалось выдвиженчество как один из путей ускоренного создания групп интеллигенции. Оно началось с первых же дней советской власти и особенно расширилось после образования бурятских областей и автономной республики в начале 1920-х гг., когда потребовались многочисленные руководящие и организаторские кадры аппаратов управления, работники науки, культуры и искусства из коренного населения. Основной формой подготовки и переподготовки выдвиженцев являлась курсовая система. Различные курсы, сначала краткосрочные (1–2-месячные), а затем и с более продолжительными сроками обучения, организовывались непосредственно при наркоматах и ведомствах, на предприятиях и в учреждениях, с отрывом и без отрыва от производства.

Нациестроительство невозможно без города, который выступает его важнейшим инструментом. Это место, где происходит некая социальная сепарация – смешение и различие племен, рас и народов. В одних случаях межэтническое противостояние сглаживается юридическими актами, провозглашающими равенство горожан, независимо от происхождения, расовой или социальной принадлежности. В других – этническое проявляется более явственно, порой конфликтно. Город представляет собой настоящий полиэтнический тигель. Горожанин осознает свою этническую принадлежность, противопоставляя себя представителям других этносов. Одновременно вырабатываются нормы сотрудничества с другими горожанами и чувство единства как жителей одного города.

Коллективизация и ускоренная индустриализация вызвали небывалую миграционную активность и высокую степень социальной мобильности населения. Миграционные волны 1920–1930-х гг. были связаны с массовым переселением крестьян (русских и бурят) в города. Исследователи считают, что эти процессы придали специфические черты советской урбанизации, сохранившиеся до сегодняшних дней – незавершенность, рурализацию, наличие так называемой «барачной» культуры и др.

Для русских горожан Верхнеудинска вчерашние крестьяне были «деревенщиной», а буряты – еще и этнически чуждыми. Несмотря на то, что на протяжении длительного периода буряты приходили в город торговать, некоторые даже проживали в нем, нович-

ки выделялись деревенским обликом, языком. Многие болезненно адаптировались к городской жизни, сохраняя верность своим привычкам, укладу и образу жизни. Это приводило к напряженности, приобретающей этническую окраску. По воспоминаниям очевидцев, приехав в город, не владея русским языком, постоянно слыша оскорбления в свой адрес, они первым делом научились ругаться по-русски. Власти пытались создать хоть какие-то условия для их адаптации в соответствии с политикой коренизации: трудоустройство новичков, обеспечение их местами проживания (от палаток и землянок до рабочих барачков), предоставление льгот. Новички частично пополнили ряды национальной интеллигенции, их адаптация в городе в значительной степени зависела от каждого из них.

Результатом советской национальной политики явилось то, что Верхнеудинск/Улан-Удэ в 1930-е гг. начал менять свои функции. Появились новые классы и слои, изменилась социальная структура города. Интеллигенцию, как и рабочий класс, характеризовала четко просматриваемая тенденция к динамичному росту. С 1926 по 1939 г. интеллигенция численно увеличивалась гораздо быстрее, чем все занятое население, и в итоге превысила уровень середины 1920-х гг. в 15 раз.

Подавляющим большинством интеллигенции и служащих были практики-выдвиженцы. Качественно менялся социально-политический и психологический тип. Как утверждалось в официальной советской историографии, «они потеряли черты, извечно присущие российскому интеллигенту: индивидуализм, политическую неустойчивость, недисциплинированность, склонность к суесловию в ущерб делу. И напротив, обрели новые качества – идеологическую стойкость, большевистскую целеустремленность»³⁴⁸. При этом новая советская интеллигенция в своей массе была искренне убеждена в правоте «дела Ленина – Сталина» и, посиленно укрепляя идеологические устои существующего режима, вносила свой вклад в развитие потенциала страны и республики.

В августе 1934 г. в Москве состоялся I Всесоюзный съезд советских писателей, который положил начало Союзу писателей СССР (ССП) – единой творческой общественной организации литераторов страны. До того, в 1932 г., были созданы Союз архи-

---

³⁴⁸ Романок М.Д. История России. 20-й век. М.: Изд-во «Проспект», 2001. С. 117.

текторов и Союз композиторов, а в 1939 г. – Союз художников. По их образцу были созданы и республиканские творческие союзы.

Желание представителей художественной интеллигенции стать членами союза было огромным, потому что только через него пролегал путь к известности, материальному благополучию. Союз стал для художников всем – собесом, творческой средой, местом профессионального общения. Художник всецело зависел от союза, союз, в свою очередь, всецело зависел от государственной власти, которая не скупилась на официальное искусство. В то же время художники были вынуждены существовать в жестких условиях командно-административной системы и выполнять роль «обслуги», хотя большинство представителей художественной интеллигенции считало, что никакое «управление» художественным творчеством невозможно. За деятелями литературы и искусства пристально следили руководители партии, начиная со Сталина. Они лично наблюдали за состоянием дел на «фронте искусств» и, понимая их важность и значимость, «казнили» и поощряли авторов. А те создавали «национальные по форме, социалистические по содержанию» произведения литературы и искусства.

С особым энтузиазмом и творческим подъемом приветствовало новую жизнь поколение начинающих писателей, среди которых были студенты, красноармейцы, народные певцы и улигершины, пришедшие к активной творческой работе с первых лет революции (А. Балдаев, Ц. Будаев, М. Гордеев, Ц. Дашиев, И. Дадуев, Х. Намсараев и А. Тороев). В первые послереволюционные годы интенсивно переиздавались уже имевшиеся книги, с конца 1920-х гг. больше стали выпускать книг новых авторов. Постепенно увеличивалось количество общественно-политических и художественных журналов, на страницах которых выступали писатели Бурятии со своими произведениями и публицистическими статьями.

Путем создания устойчивого интереса к печатному слову, воспитания любви к чтению, закреплялись первые успехи на пути к овладению культурой, те, которые были достигнуты на пунктах ликбеза, в ходе громких чтот и бесед в избах-читальнях. В связи с введением всеобщего обучения и увеличением темпов ликвидации неграмотности большое внимание было обращено на усиление работы библиотек.

Для чтения книг, газет и журналов горожане предпочитали отправляться в публичные заведения: клубы, библиотеки, читальни. В 1920 г. республиканские библиотеки были включены в единую библиотечную сеть страны. Их работа, подбор литературы контролировались из центра. К 1927 г. в Верхнеудинске было 14 библиотек, а во второй половине 1930-х гг. в городе было уже 52 библиотеки, в том числе три детские³⁴⁹.

С 1927 г. начал свою профессиональную деятельность первый в г. Верхнеудинске стационарный театр. В 1932 г. был открыт Бурятский театр драмы, артистами которого стали выпускники Техникума искусств, все они были выходцами из села. Два театра – русский и бурятский – пользовались большой популярностью, однако театр как вид искусства еще какое-то время оставался элитарным. Появление в Верхнеудинске стационарных театров, особенно бурятского, приводило к дополнительному этническому маркированию городского пространства: появились рекламные тумбы в разных местах города, на которых размещались афиши на бурятском языке. В 1930-е гг. получило распространение вручение бесплатных и скидочных театральных билетов передовикам производства. В целом поход в театр стал восприниматься населением не как развлекательное мероприятие, а как норма городской жизни элиты советского общества.

Театр и кино были превращены в мощное идеологическое орудие партии. Кино прочно вошло в повседневную жизнь городского населения: в 1923 г. в Верхнеудинске было 2 кинотеатра «Эрдэм» и «Арс», а в 1929 г. еще и 7 киноустановок³⁵⁰. В 1925–1926 гг. демонстрировались фильмы «Броненосец Потемкин», «Бабий лог», «Красные дьяволята», «Избушка на Байкале», «Алкоголь, труд и здоровье» и др. В 1929 г. впервые в г. Верхнеудинске приступила к вещанию небольшая радиовещательная станция.

Проводившаяся «культурная революция» предполагала целый комплекс мер и мероприятий по формированию нового мышления, нового поведения. Перед властью встала задача воспитания новых людей, и не последнюю роль в этом должны были играть быт и досуг. Если сегодня с понятием «досуг» связывается чаще

³⁴⁹ Очерки истории культуры Бурятии. В 2 т. Т. 2 / Под ред. Г.Л. Санжиева. Улан-Удэ, 1974. С. 142.

³⁵⁰ ГАРБ. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 76. Л. 312.

всего представление о частной жизни, ее уединенности, устроенности, о домашнем очаге, общении с родными и друзьями, то в 1920–1930-е гг. широкое распространение получило иное толкование свободного времени: оно означало нечто большее, чем домашняя жизнь, и даже представляло ее антитезой.

Будучи одной из важнейших составляющих жизни, досуг давал возможность в более завуалированной форме делать гражданина объектом политического воздействия. Подчинение досуга задачам коммунистического воспитания на многие годы определило характер работы большинства культурных учреждений, связанных с организацией свободного времени. Для бурятского населения города это еще означало и смену традиционных ценностей на новые – советские, интернациональные.

Становление нового социалистического быта стало для государства делом первоочередной важности. 16 мая 1930 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке быта»³⁵¹. Оно и решения июньского (1931) Пленума ЦК ВКП(б) определили основные направления развития этой сферы в дальнейшем – увеличение свободного времени трудящихся, равенство между мужчиной и женщиной, перестройка быта на социалистических принципах коллективизма и взаимопомощи. На практике это привело к созданию сети учреждений по обслуживанию быта в виде системы «Общепита», организаций дошкольного воспитания. В системе «Общепита» к 1936 г. в республике было занято 1030 работников, а затраты жителей Верхнеудинска на питание вне дома увеличились за 1924–1934 гг. с 1,5 % до 7 % в статье расходов на питание³⁵². Услугами этой системы широко пользовались и представители творческой интеллигенции.

Все больше публичности приобретал городской досуг. Домашние (семейные и индивидуальные) формы его проведения все активнее вытеснялись общественными. Важная роль в организации внерабочего времени в 1920–1930-е гг. отводилась клубам, число которых выросло за 1927–1929 гг. с 8 до 12. Они были призваны заниматься художественным и политическим

³⁵¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 113. Д. 851. Л. 56–60.

³⁵² Иминокоев А.М. История повседневности и динамика качества жизни населения Верхнеудинска/Улан-Удэ в 1920–1930-е гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2009. С. 23.

воспитанием населения. Особенностью клубной работы в Бурят-Монголии было создание домов бурятки, красных юрт. Бурятки с охотой посещали кружки домоводства, кройки и шитья, пения. Дом бурятки г. Верхнеудинска каждые шесть месяцев готовил по 20 курсанток. После окончания курса обучения выпускниц направляли заведовать избами-читальнями³⁵³.

Красные юрты проводили политико-просветительную работу по охране материнства и младенчества, здоровья детей. При юртах организовывались кружки домоводства: кройки и шитья, стирки, выпечки, ликвидации неграмотности. Каждое лето при юртах организовывались ясли для детей. Красные юрты были популярны и среди мужского населения города³⁵⁴.

В городе проводились так называемые «трудовые кампании», призванные ударным трудом помочь в решении какой-либо хозяйственной задачи. По своему содержанию и форме трудовые кампании были похожи на традиционную для национальной культуры помощь, когда всем миром помогали в решении хозяйственных дел самым нуждавшимся (вдовам, сиротам). С 1923 г. в республике стали практиковаться воскресники.

Любимым развлечением горожан были танцы и народные гуляния. Обычно они начинались после демонстрации кинокартин, выступлений артистов и коллективов художественной самодеятельности на открытых площадках. В 1934 г. был открыт Городской парк культуры и отдыха с танцплощадкой, площадкой для ёхора, читальным залом, открытым кинотеатром и аттракционами. Парк быстро стал любимым местом отдыха горожан.

По воспоминаниям жен бурятских писателей и артистов (Л. Батожабай, С. Бадаевой), представителей первого и второго поколения профессиональной творческой интеллигенции, на первом месте в их кругу находились такие формы досуга, как выходы в театр, кино, игра в преферанс, прием гостей и походы в гости. Вместе с тем анализ архивных документов и материалов позволил в целом реконструировать общее тяжелое финансовое и материальное положение бурятской художественной интеллигенции в конце 1920–1930-х гг. О тяжелом материальном положении творческих работников свидетельствуют также их письма

³⁵³ ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1128. Л. 1-2.

³⁵⁴ Там же. Л. 6.

в органы местной власти. Многие рядовые работники не имели жилья, снимая угол, где придется. Заработная плата была невысока, а расходы на жилье, освещение, отопление помещения были непомерно высоки. Рост заработной платы не ощущался на семейном бюджете, так как цены на рынке росли быстрее.

Выращивание национальной интеллигенции сопровождалось пристальным контролем за ней и нарастающими репрессиями. Характерным было преследование по политическим, идеологическим мотивам и классовым признакам, когда даже при отсутствии состава преступления обвиняемые заносились в разряд контрреволюционеров. Постоянными были репрессии и по национальному признаку. Органами НКВД было инспирировано широко известное дело о так называемой контрреволюционной шпионской «панмонгольской» организации, члены которой были репрессированы.

Широким фронтом проводилась кампания против духовенства. Репрессии обрушились на буддийскую, православную, старообрядческую и другие конфессии. Церковь обвинялась в контрреволюционной, антисоветской пропаганде. Многие служители культа были вынуждены снять с себя духовный сан. Активные сторонники сохранения религии, сопротивлявшиеся закрытию храмов, арестовывались и приговаривались к различным срокам заключения; часть их была выслана за пределы республики. А органами НКВД раскрывались все новые и новые контрреволюционные, повстанческо-диверсионные организации при дацанах и церквях.

В качественно новую фазу вошли репрессии после печально известного февральско-мартовского пленума ЦК партии. Впервые формулировка о неблагоприятном положении дел в Бурятии появилась в результате оперативно-следственных мероприятий в Ленинграде, когда в начале 1937 г. была арестована большая группа служителей буддийского культа Ленинградского дацана, служащие Тибетско-Монгольской группы, а также видные общественные деятели, ученые Бурят-Монголии³⁵⁵.

В справке, составленной 3-м отделом УНКВД Ленинградской области, говорилось, что «следственным путем вскрыта контрреволюционная шпионско-повстанческая организация,

---

³⁵⁵ Андреев А. Буддийская святыня Петрограда. Л., 1989. С. 42.

возглавляемая представителем Тибета в СССР Агван Доржиевым и поданным МНР проф. Жамсарано Цыбен». Далее говорилось, что в эту группу входят Барадин Базар – преподаватель монгольского языка ЛИФЛИ, Гомбоин Лобсан-Гарма – аспирант академии наук СССР, Будаев Оцор Будаевич – художник музея истории религии, Абидуев Цырен-Даши – лама, без определенных занятий, Одонов Лобсан-Оцор – без определенных занятий. Являясь активными участниками контрреволюционной группы, они проводили работу по подготовке восстания в Бурятии. В заключение справки сказано, что, находясь в Ленинграде, они принимали участие в обсуждении контрреволюционных вопросов на собраниях, устраиваемых Агваном Доржиевым и проф. Жамсарано и в контрреволюционной обработке монгольской и бурятской молодежи³⁵⁶.

Как видно из дела Б. Барадина, на первых допросах после ареста он отрицал свое участие в «контрреволюционной шпионско-повстанческой организации», но через два месяца полностью признал предъявленные ему обвинения. По наводящим вопросам следователей обвиняемый также признал связь своей организации с контрреволюционной троцкистско-террористической организацией, с которой подпольно контактировал. По требованию следователя, Б. Барадин указал в качестве руководителей контрреволюционной организации бывшего наркомпроса О. Дашидондобэ, бывшего культпропотделом обкома партии Д. Мункина, бывшего председателя БурЦИКа Б. Дабаина, бывшего заместителя директора института культуры Раднабазарона, Чимидуна и себя. Членами этой группы были названы также бывший директор института культуры Б.-Д. Тогмитов, сотрудник газеты «Бурят-Монголой Унэн» Д. Ардин, поэт П.Н. Дамбинов, аспирант АН СССР Б. Болодон и др. – всего 13 человек³⁵⁷.

На основании представленного следователями НКВД обвинительного материала Б.Б. Барадин на закрытом заседании выездной сессии военной коллегии Верховного Суда СССР 24 августа 1937 г. в Ленинграде был осужден по статьям 58-1а, 58-7, 58-8, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР. Заседание суда длилось всего 15 минут, и судьба известного бурятского обще-

³⁵⁶ Архив УФСБ по г. Санкт-Петербургу. Д.П-31277 (Б.Б. Барадина). Т. 3. Л. 47.

³⁵⁷ Багуев Б.Б. Базар Барадин. Штрихи к политической биографии // Неизвестные страницы истории Бурятии. Улан-Удэ, 1991. С. 19.

ственного деятеля была решена – он был приговорен к расстрелу, приговор вскоре был приведен в исполнение. Нам еще не до конца известны многие подробности политических репрессий в Ленинграде, однако обширный материал, имеющийся в архиве ФСБ по Республике Бурятия, показывает, что многие из «признательных» показаний общественных деятелей, ученых, служителей культа послужили поводом для дальнейшего разворота репрессивной политики.

Пиком новой волны массовых репрессий стали 1937–1938 гг. За 1937 г. и десять месяцев 1938 г. в Бурятии было арестовано 6836 человек, из которых в этот же период было осуждено 4907. Был уничтожен цвет бурятской национальной интеллигенции. Погибли Э.-Д. Ринчино, Ц. Жамцарано, Б. Барадин, Солбонэ Туя, Ц. Дон, Ж. Батоцыренов, Б. Тогмитов, Ж. Раднабазарон и другие³⁵⁸, имена которых на протяжении долгого времени были преданы поруганию и забвению. Для судеб художественной культуры особое значение имели обвальные обвинения в национализме, попытке создания панмонгольской организации, в шпионско-диверсионной деятельности в пользу милитаристской Японии.

Дела представителей художественной культуры и творческой интеллигенции были выделены в отдельную группу с тем, чтобы показать особую изоциренность панмонголистов в борьбе с Советской властью, идеологическую масштабность буржуазных националистов. Не случайно по делам Дашинамаева, Очирона, Ширабона, Ардина, Дампилона, Дондубона, Очиржабэ, Раднабазарона, Ламажапова была назначена специальная экспертная комиссия³⁵⁹. Политические репрессии нанесли невосполнимый ущерб развитию национальной художественной культуры. Только в области литературы им подверглись И. Дампилон, С. Балдаев, Ж. Батоцыренов, Д. Дашинамаев, Ц. Дондубон, Ц. Жамцарано, С. Михаханов, Д.-Р. Намжилон, Солбонэ Туя, С. Ширабон.

Но не только количественными показателями измеряются социально-культурные и политические последствия репрессий. Для художественной культуры Бурятии положение усугубилось окончательным утверждением мнения о наличии в республике

³⁵⁸ Архив УФСБ по г. Санкт-Петербургу. Д.3839/с (Доржиева Д.Д.), Д.3766 (Маркизова А.А.). Т.1-3; Архив УФСБ по Иркутской области. Д.11027 (Ринчино Э.-Д.) и др.

³⁵⁹ Архив УФСБ по Республике Бурятия. Д. 3833.

панмонгольских настроений, переросших в фазу создания массовой законспирированной контрреволюционной организации. Этот ярлык был приклеен к нескольким поколениям бурятской интеллигенции. Карательный подход к «панмонголизму» привел на долгое время не только к ослаблению культурно-исторической связи бурятского народа с Монголией, но и к значительному отрыву от центрально-азиатской культуры.

3.5. Китайский общепит Иркутска: присутствие в публичном пространстве города

Китайские, корейские, японские, вьетнамские, индийские, арабские, турецкие кафе, рестораны, закусочные быстрого питания – то, что можно назвать предприятиями этнического общепита – давно и прочно стали привычными элементами городского пространства многих стран. Их распространенность настолько широка, что можно говорить о всемирном характере феномена. Из первоначально создававшихся закусочных «для своих» в районах компактного проживания мигрантов, они стали местом, куда приходят и местные жители. Приходят не только вкусно поесть, но и получить порцию впечатлений от контакта с другой культурой. Спектр предприятий, предлагающих этнически маркированную кухню, широк: от закусочных быстрого питания и точек, торгующих «на вынос», до шикарных, дорогих ресторанов. Посещать такие закусочные и рестораны стало делом модным, привычным.

Этнически маркированные рестораны и кафе «представляют» посетителям образ этнического «Другого», являясь, таким образом, элементом межкультурной коммуникации. Средствами презентирования образа «Другого» является тогда не только сама этническая кухня, но и совокупность различных визуальных знаков (оформление вывески, зала, меню и т. д.).

В современной России этнические рестораны имеют не столь уж длительную историю. Конечно, и в советские времена в российских городах встречались чебуречные, шашлычные, пельменные и другие закусочные, а где-нибудь в Москве был «Арагви» и другие настоящие рестораны этнической кухни – грузинской, армянской, азербайджанской. Однако по настоящему массовым

явлением они стали только в рыночные времена, заявив о себе как о важной части формирующейся фактически заново системы питания, отдыха и развлечений. Массовый платежеспособный рыночный спрос, открытость миру, непосредственное знакомство обычных россиян с тем, как живут, в том числе и как питаются, люди в разных странах мира, мощные миграционные потоки, принесшие с собой и элементы культур иных стран и народов, – все это привело к тому, что за последние два десятилетия рестораны и кафе, предлагающие этническую кухню, стали привычным элементом российских городов.

Не является исключением и Иркутск. Это старый по сибирским масштабам 600-тысячный город, традиционно специализирующийся в сфере обслуживания, торговли, образования, власти. Это центр экономически развитого и богатого ресурсами региона, он притягивает к себе значительные потоки трудовых мигрантов из Центральной Азии и Китая. Поэтому здесь имеется платежеспособный спрос на различные ценовые категории и форматы предприятий общественного питания, развлечений и отдыха. В том числе – и этнические. И спрос этот в целом удовлетворяется.

Этот текст не претендует на глубокий теоретический анализ того, каким образом этнический ресторан служит местом встречи культур, способом презентации «этнического Другого». Наша задача скромнее – попытаться показать, как рестораны и кафе с китайской кухней вписались в современное городское пространство Иркутска. Выбор китайского общепита не случаен. С одной стороны, китайские рестораны – это общемировой брэнд. Они есть даже там, где нет ощутимого присутствия китайских мигрантов. В каком-то смысле, это символ современной городской жизни. С другой стороны, Иркутск, как и другие города востока России, оказался на пути массовых миграционных потоков из Китая. Быстро формируется новый сегмент городской жизни, связанный с присутствием китайских мигрантов. Для современных российских городских сообществ это совершенно новое, непривычное, во многом шокирующее явление. И китайские рестораны воспринимаются, а во многом и являются, частью этого процесса. Постепенно идет привыкание к китайцам на улицах российских городов, к китайским рынкам и другим

элементам китайского присутствия. В том числе и китайским кафе и ресторанам. Поэтому так важно и интересно проследить, как они становятся привычным и даже органическим элементом городского пейзажа.

Рынок общественного питания в Иркутске довольно быстро развивался в постсоветскую эпоху. На начало 2010 года в городе, по данным комитета по потребительскому рынку Иркутска, было зарегистрировано 40 ресторанов, 275 кафе, 171 бар, 102 закусочных, 172 столовых, 18 кафетериев, 2 кулинарии и 42 буфета при организациях. Общее количество посадочных мест – 34424, из которых 86 предназначены для малоимущих. По данным Иркутстата, в 2009 году оборот предприятий общественного питания на жителя Иркутской области составил 2953 рубля, Иркутска – 5900 рублей³⁶⁰. Развитию не смогла помешать некоторая стагнация, связанная с мировым экономическим кризисом. По словам начальника отдела общественного питания комитета по потребительскому рынку Иркутска Максима Волынца, «наверняка рестораторы скажут, что держатся на грани рентабельности. Но сфера услуг сложная, в кризис у одних клиенты продолжают идти, другие выбирают новые кафе и рестораны»³⁶¹. В 2009 году в Иркутске открылось 24 заведения (против 37 в 2008 году). Закрылся ресторан «Омон-Ра». Ресторанов в списке открывшихся заведений чуть ли не большинство: «Тауэр», «Адмирал», «Бродвей», «Престиж», «Васабико», «Сусими», «Пятница», «Винкель Клуб», «Регион 38». Из кафе – «Воккафе», «Художник», «Мега», «Ле арт», «Маси», «Аллигатор» и бар «Пивопад». Несмотря на достаточно сложную ситуацию на рынке услуг общественного питания, рестораторы не торопятся снижать цены, а пытаются привлечь клиентов другими способами: созданием дополнительных развлекательных программ, за счет новых концепций, за счет ориентации на другие сегменты потребительского рынка (в основном, на средний демократический сегмент).

Не уменьшилась и роль этнического общепита. Рестораны с этнической кухней являются не только предприятием общественного питания, но и местом контакта различных культур, где с помощью разнообразных этнических элементов (кухня,

³⁶⁰ А обед по расписанию // Восточно-Сибирская правда. 2010. 1 апр.

³⁶¹ Там же.

оформление зала, особенности сервиса и т. д.) посетители могут познакомиться с другой культурой, пусть даже в утрированном, лубочном варианте. Визуализированный этнический «Другой» становится в результате неотъемлемой частью нашей повседневности, привычным элементом городского пространства. Но являются ли эти предприятия однородными по мотивам выбора данной стратегии, в одинаковом ли объеме и качестве представлены в них этнические элементы, какие средства репрезентации используются, имеются ли отличия в таргеттинговой политике этих предприятий – эти вопросы нуждаются в рассмотрении. В зависимости от варианта этнического маркирования, предприятия будут отличаться в отношении представленности этнических элементов в оформлении и степени аутентичности предлагаемой кухни, коренным образом будет отличаться и целевая аудитория.

Современная история китайского общепита в Иркутске берет свое начало в 90-х годах XX века, когда открылся первый китайский ресторан «Дракон» на ул. 5-й Армии. Это был успешный ресторан, расположенный в центре города, с довольно высокими ценами, что давало основания позиционировать его как элитный. Но его процветанию пришел конец в 1995 году, когда возник конфликт между владельцами и собственниками здания, где он располагался. В середине 90-х появляются китайские рестораны при гостиницах (например, ресторан «Дружба-Ангара-Бихай» при гостинице «Ангара»). В дальнейшем, несмотря на периодические экономические кризисы, число китайских ресторанов увеличивается и к настоящему времени составляет несколько десятков. Они расположены, в основном, в центральной части города. По запросу «китайские рестораны Иркутска», Яндекс-карты выдают следующий результат (см. рисунок 1). Конечно, на карте обозначены не все заведения китайской кухни, а только официально зарегистрированные, легальные, но все-таки можно отметить, что основное место дислокации китайских ресторанов – Правобережный округ.

Оговорка по поводу легальности китайских ресторанов далеко не случайна. Точному подсчету численности мешает и нелегальный характер части заведений, и некоторая неопределенность критериев отнесения к этой группе. Поэтому важно

выделить типы предприятий китайского общепита по целевой аудитории и маркетинговой политике.

К первому типу заведений китайского общепита можно отнести рестораны, которые не позиционируют себя как китайские, но включают в свое меню блюда различных традиций (в том числе и китайской). Для них китайская кухня – лишь способ разнообразить меню. Наличие таких заведений несколько размывает критерии выделения интересующей нас группы предприятий и не дает содержательной возможности определения точного их количества.

Второй тип заведений – это рестораны, которые целенаправленно позиционируют, маркируют себя как китайские. Здесь намеренно демонстрируется, подчеркивается китайское влияние. Транслируется стереотипный, даже где-то лубочный, образ китайской культуры, который понятен, привычен для российских посетителей. Это Китай для посторонних, такой, каким он представляется людям, его не знающим.

Такие заведения отличает широкое использование различных визуальных средств для внешнего и внутреннего оформления. Элементы этнического маркирования могут присутствовать в названии, оформлении вывески, оформлении зала, в музыкальном оформлении, в одежде или этнической принадлежности персонала и, конечно, в меню. Внутреннее убранство ресторанов изобилует традиционными китайскими элементами: изображения драконов, китайские орнаменты, иероглифы, обилие красного цвета в декоре. В оформлении используются бамбук, китайские деревянные светильники с красными кисточками, фарфоровые вазы, различные статуэтки и т. д.

Название ресторана или кафе прямо отсылает к китайской традиции, например, «Китайский иероглиф» или «Пекинская утка». На вывеске надписи часто сделаны стилизованными под иероглифы буквами, присутствуют рисунки с традиционными символами китайской культуры. Например, на приведенной ниже вывеске логотип ресторана «Китайский иероглиф» сделан в виде китайского письма. Русский разношрифтовой текст написан вертикально «ие-ро-гл-иф», но за счет линии, разделяющей между собой пары букв и соприкасающейся с некоторыми из них, создается имитация китайских иероглифов. В оформлении

бланков меню тоже используются подобные приемы. Меню пишется на русском языке. Часто, но не всегда, присутствуют рисунки или фотографии блюд.

Рис. 1. Логотип ресторана «Китайский иероглиф»

Официанты часто носят униформу, стилизованную под китайский костюм. Иногда, но не везде, на китайскую тему намекает и азиатская внешность официантов (хотя настоящих китайцев чаще всего среди них нет). Граждане Китая часто работают в подобных ресторанах в качестве поваров, хотя шеф-повара в основном русские.

Таких ресторанов достаточно много. Среди них есть как крупные, так и мелкие, довольно дорогие и дешевые, ориентированные только на то, чтобы вкусно покушать или на то, чтобы одновременно развлечься. Они могут функционировать как самостоятельно, так и входить в состав гостиничных комплексов и бизнес-центров. Они рассчитаны на массового иркутского потребителя.

Крупные рестораны китайской кухни активно используют такой канал для коммуникации с клиентами, как собственный Интернет-сайт. На сайте можно найти как чисто прагматичную информацию (контакты, месторасположение, анонсы программ, меню, информацию о службе доставки), так и небольшие популярные статьи о китайской кухне, традициях. Кроме того, сайт часто является средством знакомства посетителей с теми сотрудниками, которые не присутствуют в зале, но являются важным звеном в создании этнической специализации заведения – с поварами. Представление может быть с разной степенью подробности: от простой фотографии и лаконичного резюме, до видеоролика с рассказом о себе.

В свою очередь и клиенты активно обсуждают качества китайских ресторанов в интернете. По отзывам видно, что они четко разделяют функции ресторанов и сознательно выбирают, что их больше интересует – «покушать», «посидеть» или «побывать в Китае». Вот несколько типичных оценок:

«В Пекинской утке» были по осени, было очень вкусно и обслуживание нормальное». «В понедельник очень душевно посидели в «Пекинской утке» – обслуживание быстрое, официантка улыбочивая, блюда вкусненькие – и оригинальные и адаптированные». «Пекинская утка», на мой взгляд, дорогая... «Иероглиф» в общем-то нравится. Чисто, красиво, интересно, не так вкусно, как в Лине, но по-ресторанному». «А мы вчера в «Золотом острове» ужинали. Я, как фанатик китайской кухни, прошла уже почти все рестораны и кафе китайские. Сразу скажу, нам в «Золотом острове» ооочень понравилось, давно не встречала настолько вкусных и свежих блюд. Интерьер не богатый, но вполне приятный, чистенько. Зал огромный, вместимость 200 чел, вечером была живая музыка, за которую пришлось заплатить 100 руб. с человека». «Любителям китайской кухни наверное по душе придется ресторан «Ботаник». Интерьер, обслуживание понравились, цены приемлемые, порции блюд большие и очень вкусные». «Мне тоже понравилось в «Ботанике». Интерьер так себе, а вот кухня, размеры порций, цены и обслуживание хорошие».

Третий тип – «столовки». Наряду со сравнительно дорогими ресторанами, есть китайские кафе, которые пользуются очень большой популярностью у иркутян, несмотря на простоту и дешевизну интерьеров. В них посетителей привлекает качество еды, аутентичность кухни, демократичность цен. Повара там чаще всего – китайцы. Для романтических, деловых встреч, банкетов эти заведения выбираются редко. Сюда ходят «покушать, а не посидеть». Нередко там покупают еду на вынос. Вот так характеризуют эти рестораны и кафе участники Интернет-форумов:

«В фаворите среди китайских – Лина на Байкальском тракте. Но только по кухне – вкусно. Нужно понимать, что это не ресторан. Вечером живая музыка, народ пляшет». «В Лине часто на вынос берем, там не кушаем... Столовая, ИМХО». «В Ки-

тайской кухне на Киевской – Тимирязева были летом. Нормальный новый ремонт, тихо, спокойно. Цены невысокие и огромные порции. В зале не курили, все уходило в какую-то комнатку, для меня это очень важно». «Поели сегодня в китайской кухне на Киевской. Для поесть – прекрасно! Порции огромные, вкусно. Но по интерьеру – столовка, конечно. И публика не в вечерних платьях, видно, что просто поесть зашли, а не посидеть».

Четвертый тип китайских заведений – так называемые **«чифаньки»**.

Пояснение этому термину дает словарь АBBYY Lingvo³⁶²:

Существительное чифанька происходит от глагола чифанить, который пришел в русский язык из китайского и является производным от китайского слова 吃 (Chīfàn), перевод которого означает: *есть, кушать* (в значении «принимать пищу, употреблять в пищу»). Обычно глагол чифанить применяется в повседневной разговорной речи русскоязычного населения, находящегося на территории Китая, или в приграничных регионах.

Чифанька (чефанька, чифанка, чуфанька, чуханька)

Ударение: на второй слог.

Значение: китайское кафе, закусочная, ресторанчик; вообще заведение общественного питания с дальневосточной кухней (корейской, тайландской и т. п.).

Регион: Новосибирск; Иркутская обл., Якутия (?), Амурская обл., Еврейская АО, Хабаровский край, Приморский край.

Примечание: тж. среди русских, живущих в Китае».

Вот что пишет об этом типе заведений один блоггер на своем интернет-сайте, посвященном Китаю.

«Чифанька – небольшое кафе в Китае, в котором можно дешево и вкусно поесть разнообразные блюда китайской кухни. Среди жителей приграничных с Китаем районов также употребляются некоторые вариации этого слова – **чефанька, чуфанька, чуханька, чифанка**. Этот термин в основном используется русскоговорящими, живущими в Китае или около него, для обозначения практически любого заведения общественного питания, в котором готовят китайскую кухню. Как правило, такие заведения не отличаются кристальной чистотой и соблюдением

³⁶² Словарь АBBYY Lingvo. [Электронный ресурс]: Городские диалекты: URL: <http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=109096> (режим доступа: свободный).

всех санитарно-гигиенических требований. Однако еда в них на удивление вкусная, по утверждениям некоторых исключительно из-за добавления «вкусовой добавки» (глутамата натрия). Направляясь в чифаньку, не ожидайте увидеть стены из белого мрамора и статуи драконов, а также официанток в шелковых платьях. Максимум – деревянные столы и пластиковые стулья, старенький вентилятор и упитанная китайская «мадама» преклонных лет с поясной сумкой, набитой деньгами. Чифаньки всегда забиты посетителями. И не только потому, что дешево. Среди посетителей – самый разнообразный люд: студенты, рабочие и водители, сотрудники близлежащих банков и магазинов, обеспеченные китайцы на дорогих машинах, и т. д.»³⁶³

В Иркутске это слово приобрело особое значение. Им называют самые низкопробные китайские заведения, расположенные в трущобных районах (обычно в районе скопления «китайских рынков»), часто не имеющие государственной регистрации, а значит, и минимального санитарного контроля. Они создавались «для своих», обычно торговцев с рынков, поэтому часто не имеют названий, вывесок, специального оформления. «*«Чифаньки» – это нелегальные китайские кафе только для своих. Как правило, они располагаются на грязных задворках улиц, окружающих «шанхайку». С улицы их идентифицировать невозможно – это обычная частная усадьба в сплошном частокале. В лучшем случае на воротах будет намалевано несколько иероглифов, полустершихся от неумолимого времени, дрянной погоды и ничемного качества краски. В частном доме количество залов равно количеству жилых комнат, и даже представлять себе не хочется, где же находится собственно кухня»*³⁶⁴.

Тем не менее, они «широко известны в узких кругах» иркутян, пользуются среди них заметной популярностью. Вот любопытный очерк иркутского журналиста: «*В последнее время удивительной популярностью среди молодежи и людей творческих профессий стали пользоваться нелегальные китайские заведения «чифаньки». У «едальни», которую сами посетители прозвали «Синие ворота» или «Имба», есть чему поучиться*

³⁶³ Daostory.com – авторский блог о Китае. [Электронный ресурс]: Чифанька – небольшое заведение с китайской едой: URL: <http://daostory.com/chifanka/> (режим доступа: свободный).

³⁶⁴ Корк Б. О низменном // Восточно-Сибирская правда. 2013. 11 марта.

даже самым крутым рестораторам города. Это заведение находится на неприглядной улице Подгорная вблизи китайских кварталов, за синим забором антисанитарные и лишенные малейшего комфорта условия — «бомжеватый» деревянный домик, желтые обои в убогих комнатках, туалет и умывальник во дворе, тут же носятся многочисленные кошки и собаки. У места, естественно, отсутствует самая примитивная реклама, здесь нет даже вывески. Но молва «сарафановки» распространилась в городе и за его пределами настолько мощно, что эта «чифанька» стала уже местной легендой. В пятничный вечер здесь ажиотаж: заняты абсолютно все круглые, покрытые дешевой клеенкой столы; несколько компаний располагаются на самодельных лавках прямо во дворе. Чем место приглянулось иркутянам, наверное, так и останется коммерческой тайной этого заведения, но, как многие отмечают, готовят китайскую еду здесь действительно за пределами вкуса. Правда, цены не меньше, чем и в «нормальном» общепите — 100–200 рублей за блюдо. Несмотря на то, что весь персонал «чифаньки» — это китайцы с не самым идеальным знанием русского языка, посещают это заведение практически исключительно наши соотечественники, представителей Поднебесной среди постояльцев не наблюдалось. В «чифаньку» часто заходят и иностранцы, особенно те, которые не любят посещать традиционные достопримечательности. По необъяснимым причинам, они мгновенно влюбляются в колорит этого места. Несмотря на то, что «Синие ворота» — нелегальное заведение, ему можно пророчить еще долгую жизнь. Здесь очень скрупулезно подходят к своей собственной безопасности: у неприглядного домика с высокими воротами всегда закрыты ставни. Над входом висит камера наблюдения, посетителей впускают только после того, как их разглядают в телеэкран»³⁶⁵.

Причины такой популярности активно обсуждаются в Интернете. И если китайские рестораны второго типа, в основном, оцениваются с точки зрения качества и аутентичности еды, то отзывы о «чифаньках» более разнообразны. Кто-то видит в них

---

³⁶⁵ Елизарова А. Ресторанные контрасты Иркутска. [Электронный ресурс]: URL: <http://kommersant-irk.com/restorannye-kontrasty-irkutska/> (режим доступа: свободный).

особый культурный феномен, место, где можно прикоснуться к экзотике, а кто-то относится к ним очень прагматично.

«– вкусно в чифаньке!))) Но заходить страшно)))))»

– так там реально вкусно?

– вкусно, вкусно)) но я мнительная, не захожу туда. Нафиг нафиг. У меня муж еще любит масло в огонь подлить, рассказывает че там и как».

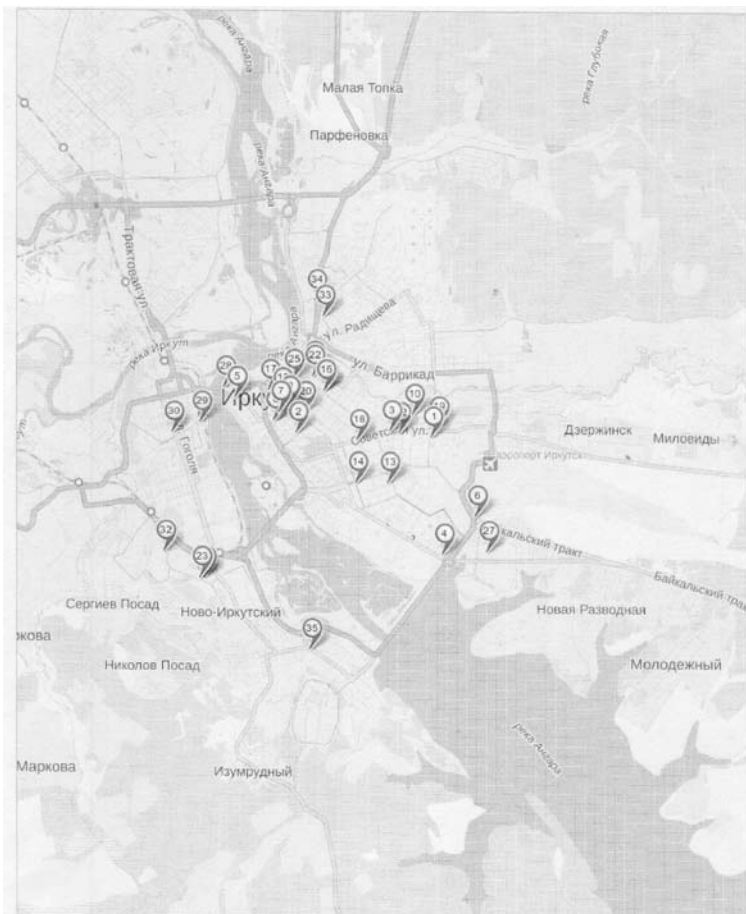
«Чифанька – это самое беспонтовое место в Иркутске. Потому что там не важны понты, не важны предрассудки, не нужны золочёные столовые приборы и сервировка. Там просто едят. Такой суровый китайско-русский гастрономический экин. Я не изобретаю велосипед и порох, просто вербализую вещи, которые люди думают. Не все, но многие чифанька со средним чеком в 300 рублей – противовес ресторану, в котором за шедевральный плевочек на бескрайней тарелке надо заплатить в 10 раз больше. Больше – за аренду, локацию, сервис, ремонт, атмосферу. Зачем мне атмосфера, в которой я опасуюсь сделать что-нибудь не так, выглядит недостаточно модно или заказать слишком плебейское блюдо? Атмосфера – в диалоге с теми, кто сидит со мной за одним столом. Всё остальное – суэта сует. И пусть местами чифанька противоречит здравому смыслу, иногда еда – это просто еда»³⁶⁶.

Подобные заведения располагаются, в основном, в местах компактного проживания китайских мигрантов или в районе китайских рынков (например, «шанхайки»). Их отличает минимум наружной рекламы, своеобразный «фейс-контроль» (попасть туда можно по рекомендации завсегдатаев или в компании с ними). Обстановка достаточно убогая: располагаются в частных домах, удобства часто находятся на улице. Оформление помещения минимальное, мебель и посуда дешёвые и незамысловатые. Частый элемент оформления – картинки блюд на стене с названиями, что свидетельствует об ориентации и на русскоязычных посетителей. Хозяева «чифанек» не стремятся к привлечению большого числа посетителей, так как размеры помещения и небольшой штат сотрудников (часто поварами и официантами работают члены одной семьи) не позволяют расширять бизнес.

³⁶⁶ Культурный феномен: чифанька. [Электронный ресурс]: URL: <http://kjava-corso.livejournal.com/397744.html> (режим доступа: свободный).

Первоначально они были рассчитаны исключительно на китайцев. Теперь же едва ли не большинство посетителей – россияне. Их привлекает аутентичная китайская кухня, относительная дешевизна и экзотика. Причем это экзотика не столько «китайскости», сколько экстрима, приключения. Частенько они становятся местом проведения встреч различного рода неформальных групп: реальные встречи участников виртуальных сообществ, местных хипстеров и т. д. У хозяев этих заведений не было цели репрезентировать китайскую этничность в качестве маркетингового средства, так как изначально они создавались для «своих». Но, тем не менее, их присутствие в городской среде для местного населения заметно. Не прикладывая усилий к этому, они репрезентируют «этнического Другого». Основными средствами репрезентации выступает этническая кухня и китайский персонал.

Этнический (в нашем случае китайский) ресторан или кафе в Иркутске – это не просто заведение общественного ПИТАНИЯ, но и часть городского пространства, где происходит «встреча» разных культур. Они различаются по целевой аудитории, маркетинговой политике, а отсюда, соответственно, по средствам визуальной репрезентации их этнического характера.

Рисунок 2. Результат поиска в «Яндекс-картах»
на запрос «Китайские рестораны Иркутска»

Глава 4. Этномиграционные процессы в пространстве власти³⁶⁷

Введение

Понятие пространства – одно из наиболее востребованных категорий в современном гуманитарном знании. Являясь фундаментальным измерением бытия человека, «пространственность» расширяет наши возможности в исследовании, прежде всего, социальных и политических проблем современного общества. Особое место в подобных исследованиях занимает социально-философская категория пространства власти. Чаще всего, под ним понимают географическое пространство, организованное, структурированное, стратифицированное определенной исторически сложившейся совокупностью властных технологий. Рассматривая пространство власти как поле, обладающее собственной структурой, границами, исследователи подчеркивают её постоянное стремление к тотальному распространению и подчинению своим нормам и правилам возникающего регулируемого им взаимодействия. Институциональное измерение пространства власти характеризуется процессами гомогенизации, направленными на унификацию пространственных форм организации власти с усилением роли государства, и гетерогенизации, выражающейся в появлении альтернативных общественных структур и центров власти. Иначе говоря, динамика пространства власти находит выражение, прежде всего, в тенденциях централизации и децентрализации³⁶⁸.

Большая заслуга в адаптации концепта пространства власти к российской истории принадлежит известному сибирскому историку А.В. Ремневу. Для описания Российской империи, как сложно организованного и постоянно расширяющегося государственного пространства, он предложил использовать понятие «география власти». Под этим он понимал пространственное размещение, институциональную структуру и управленческую иерархию в дихотомии «центр – периферия», территориаль-

³⁶⁷ Авторский коллектив: С.А. Мулина (редактор главы; введение; 4.3), Н.Г. Суворова (4.1), А.А. Крих (4.2), Т.Н. Сорокина (4.4), И.В. Нам (4.5).

³⁶⁸ Подробнее см.: Данилов С.А. Пространство власти: институциональные и ценностные основания: Дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2005.

ную динамику власти³⁶⁹. «География власти» имела сложный политико-административный ландшафт, с повторяемостью (иногда трансплантацией уже апробированных на других окраинах) властных архаических институтов и моделей управленческого поведения, поскольку наряду с рационализацией, модернизацией и ведомственной дифференциацией государственной власти, в центре и на местах постоянно шел процесс ее экстенсивного развития, подпитываемый включением в состав империи новых территорий³⁷⁰. Этномиграционные процессы в данном контексте оказывали дестабилизирующее воздействие на пространство власти, формируя новые локальные общности, диссонирующие с окружающим их властным полем, и усиливая вариативность политико-административного устройства империи. Одновременно миграции конструировали, расширяли сферу имперского влияния. В этом смысле, колонизацию можно рассматривать как способ стратификации и форматирования пространства власти. С одной стороны, массовое перемещение населения из центральных губерний на просторы Сибири могло осуществляться лишь после того, как эти просторы были «завоеваны», стратифицированы, поглощены властью. С другой стороны, колонизация пространства, инициированная центром, означала, помимо прочего, что стратифицируемая властью территория становилась собственностью этого центра – государственной (государевой) собственностью³⁷¹.

Включая в свой состав ту или иную территорию на востоке, империя начинала его властное освоение, интеграцию в имперское политико-административное пространство. По мнению А.В. Ремнева, этот процесс имел определенную последовательность, проходя несколько этапов от первоначального освоения территории, создания опорных военно-промышленных пунктов и установления внешней границы до имперского «поглощения» региона через создание унифицированных управленческих

³⁶⁹ Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. Омск, 2004. С. 8.

³⁷⁰ Ремнев А.В. Рассуждения по поводу имперско-региональных понятий. [Электронный ресурс]: URL: <http://mion.sgu.ru/empires/articles/index.html> (режим доступа: свободный).

³⁷¹ Королев С.А. Бесконечное пространство. М., 1997. [Электронный ресурс]: URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/korolev_beskonechnoe/01.aspx (режим доступа: свободный).

структур и «обрусения» территории путем её интенсивной земледельческой и промышленной колонизации³⁷². Исследователь описал динамику «географии власти» на материалах азиатской части империи, изучив пространственную структуру властных институтов региона, основные направления управленческих процессов, влияние на них физико-географических, политических, экономических и этноконфессиональных факторов³⁷³. Авторы раздела в той или иной степени использовали эти разработки для изучения роли локальных сообществ в формировании властного пространства на восточных окраинах российского государства. При этом политическое пространство империи рассматривалось, прежде всего, как соперничество различных управленческих и административных практик.

Неоформленность, и даже оспариваемость имперского пространства хорошо демонстрирует опыт управления китайским населением, проживавшим на юго-восточных рубежах Российской империи. Проживая на формально российской территории, китайцы оказались вырванными из-под административного контроля российских властей, действия гражданско-правовых норм и культурного влияния Российской империи. В процессе выработки управленческой практики по отношению к китайскому населению российской окраины происходит институционализация как политического пространства на дальневосточных рубежах Российской империи, так и локального сообщества китайских мигрантов. Конкуренция региональных властей с китайскими органами «самоуправления», рассматриваемая как конкуренция за место во властном пространстве, позволяет в очередной раз обозначить вопрос о том, что имперское общество являлось лишь воображаемой конструкцией.

---

³⁷² Ремнев А.В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio*. 2000. № 3-4. С. 347-348.

³⁷³ Например, см.: Ремнев А.В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX веков: некоторые итоги и перспективы изучения // *Пути познания России: новые подходы и интерпретации*. М., 2001. С. 97-125; Он же. Степное генерал-губернаторство в имперской географии власти // *Азиатская Россия: люди и структуры империи: сборник научных статей. К 50-летию со дня рождения профессора А.В. Ремнева* / под ред. Н.Г. Суворовой. Омск, 2005. С. 163–222; Он же. *Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография*. Омск, 2004.

Иную картину воспроизводит изучение научных и административных практик имперских экспертов по отношению к крестьянским обществам Сибири. Здесь мы видим две конкурирующие формы организации политического пространства: этатистскую, где ядром становится государство, стремящееся сохранить и воспроизвести определенный тип политического порядка, и общинную, где пространство государственной власти детерминируется альтернативными государству общественными структурами. На окраинах Российской империи крестьянская община из конкурента превращалась в надежного помощника столичного чиновника, компенсируя вакуум власти на местах или административно осваивая новое пространство. Местные общества и традиционные институты самоуправления, в том числе и крестьянская община, становятся средством экспансии властного пространства на слабо освоенные территории. Путем инкорпорации традиционных институтов самоуправления в административную систему региона и государства виделся процесс формирования вертикальных связей сибирской окраины и центра. Но как только общинные, региональные, диаспорные и т. д. институты укреплялись, власть снова начинала чувствовать в них своих конкурентов. Так, национально-персональные экстерриториальные автономии, появившиеся на территории Сибири в начале XX в., не смогли добиться своей легитимации.

Одной из пространственных практик самодержавия становится искусственное формирование определенного этносоциального климата на окраинах империи путем контролирования облика мигрантов, поиска идеального колониста для той или иной окраины. Но увидев в такой специфической группе переселенцев, как дворяне-землепашцы, колонистов нужного типа, власти так и не смогли решиться на унификацию политики по отношению к этой группе переселенцев и препятствовали их растворению в крестьянской среде, не задумываясь о социальных последствиях подобной геттоизации.

Власть на окраинах пытается стать универсальным системообразующим фактором организации социальной жизни в локальных сообществах, формируя разнообразные ареалы территориально разграниченных зон социального пространства. Но спрогнозировать возможные комбинации взаимоотношений

между различными локальными сообществами оказывается практически невозможно. Так, неожиданный эффект дают контакты польской интеллигенции с представителями коренных народов Сибири и Степного края, создавая возможность полякам укрепить национальную идентичность через ощущение цивилизационного превосходства. Польская интеллигенция, колонизируемая Россией на территории земель бывшей Речи Посполитой, за Уралом превращалась в один из рычагов колонизации, продвигая российские интересы в отношении степных народов или добросовестно выполняя служебные функции в рядах российской бюрократии. Несмотря на это, власти, испытывают недоверие к этой группе подданных, изолируя группы польской интеллигенции, препятствуя их вовлечению в пространственные связи с российским обществом и пытаясь контролировать любого индивида, находящегося в пределах этого сообщества.

4.1. Крестьянские общества Сибири в научных и административных практиках имперских экспертов (конец XIX – начало XX вв.)

Сложное и противоречивое отношение к русской крестьянской общине образованного общества усугублялось на колонизируемых окраинах. Община становилась предметом политического, экономического и даже лично-карьерного торга³⁷⁴. Народнический дискурс, идеализирующий общинные артельные практики, сочетался и подчинялся новому имперскому прагматическому административно-фискальному, а со второй половины XIX в. и национальному восприятию общины. Перспективы крестьянской общины, как инструмента и механизма колонизации территории и интеграции населения, определялись государством с учетом современных достижений общественных наук, а также материалов, идей, порождаемых не затухающими общественными дискуссиями.

На окраинах Российской империи заинтересованность коронных чиновников в устойчивом функционировании крестьянского общества резко возрастала. Не только экономические/фискальные интересы казны, но и собственно административные

³⁷⁴ См.: Абашин С. Быть или не быть общине в Туркестане: споры в русской администрации 1860–1880 годах // Вестник Евразии. 2001. № 4 (15). С. 41-62.

планы (компенсации вакуума власти на местах или административное присвоение нового пространства) и более обширные политические/имперские претензии (расширение имперского ядра за счет включения переселенческого и инородческого населения в единое управленческое пространство, по образу и подобию общественного управления крестьян внутренних губерний) выдвигали крестьянское общественное устройство в центр правительственных проектов. Государство, возлагая на переселенческое движение решение важнейших геополитических, экономических, национальных задач, было заинтересовано в прочном водворении и сохранении «русскости» пришлого населения. Приоритеты государства должны были смещаться от узкой задачи – заселения любым, даже «слабым населением», к более широкой – созданию независимого от государственной помощи и инородцев экономически устойчивого русского населения.

Не случайно, в качестве некоей идеальной модели «административного образца», используется система самоуправления русского крестьянства, как хозяйственная структура – крестьянская поземельная община. После завершения стадии административного освоения, с различной степенью актуальности, в зависимости от близости к границам, концентрации иноэтнического компонента, возможной демографической и экономической экспансии, поднималась проблема интеграции инородцев в общеимперское пространство. Ее решение было связано с насаждением русско-православного элемента и усилением тех механизмов, которые бы способствовали обрусению населения. Наряду с русской школой и Русской православной церковью таким механизмом выступало крестьянское управление. Экономические мотивы сближения в рамках единой волостной единицы русского крестьянства и инородцев сосуществовали с идейно-политическими и культурно-этнографическими. Традиционное крестьянское общество со своими институтами играло роль «скрепки» имперского пространства, наполняясь при этом новым содержанием, стирая в этом проекте черты традиционности. Используя институты крестьянского самоуправления (как один из принципов государственного порядка внутренних губерний), правительство стремится поглотить присоединенную территорию имперским ядром.

Сохранение русской идентичности у колонизаторов окраин (веры, языка, культуры в целом) во второй половине XIX в. приобретает особую значимость в связи с идеей «желтой опасности», развитием национальной идеи в западных губерниях, а также все чаще фиксируемых фактах «объинородчивания» русских на восточных окраинах³⁷⁵. Расширение внутреннего ядра Российской империи с помощью крестьянина-земледелца предъявляло колонизатору новые требования. Именно в это время в специальных переселенческих изданиях, периодической печати, отчетах и записках чиновников все чаще стали раздаваться тревожные сомнения относительно колонизационных возможностей русского крестьянина: не потерял ли он свою колонизирующую силу, не иссяк ли «народный гений созидательного творчества *общинной* жизни»? Свидетельствами культурного поражения русской колонизации на окраинах могли служить с одной стороны, регресс сельскохозяйственных культур и агрономических приемов, снижение производительности земли, хронические голодовки, снижение численности населения, с другой – утрата языка, веры, обычаев и традиций общинной жизни русского крестьянина.

Воссоздание общины на окраине, даже, несмотря на сохранение устойчивых и разнонаправленных обвинений ее в бюрократизме, хозяйственном консерватизме, патернализме, излишнем демократизме и даже коммунизме, требовало у ее сторонников не менее сильных аргументов. Очищенная от бюрократического негатива и хозяйственного консерватизма, идеальная модель крестьянского общества пересекалась с давно обсуждаемым волостным земством, «первоначальной ячейкой устройства жизни, практической школы общественной солидарности на почве самоуправления», «основой народной свободы земледельческой России», «нижним пластом демократического строя» и, наконец, «национальным образцом демократической организации»³⁷⁶. Отсутствие подобной практики оставляло население в виде «распыленной, неопытной, общественно неумелой массы», которую легко сбить с толку. Земство, в отличие от крестьянской волости, должно было быть

³⁷⁵ Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Объинородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на севере Сибири, 1870 – 1914 гг. // Российская империя в зарубежной литературе последних лет. Антология. М., 2005. С. 199-219.

³⁷⁶ Френкель З.Г. Волостное самоуправление. Его значение, задачи и взаимоотношения с кооперацией. М., 1999. С. 28.

всесловным, что позволило бы оказывать на крестьян влияние «более культурным элементам». Идея волостного земства более всего соответствовала западным представлениям о муниципальных органах как школах демократии и гражданского общества, где и происходит воспитание солидарности или обучение новым формам организации труда. Для переселенческих чиновников – практиков «окультуривание» российского колонизатора, воспитание в нем коллективизма и солидарности было действительно насущными задачами, необязательно связанными с политическими новациями. Многоаспектная деятельность «крестьянского старожильческого общества», и не менее многообразные ожидания со стороны чиновников и общественных деятелей, порождали различные понятия, используемые как в научной и публицистической литературе, так и законодательных и делопроизводственных материалах. Поземельная, крестьянская (старожильческая, переселенческая), административная волостная и сельская общины, волостная земская единица – это далеко не полный перечень взаимопересекающихся, но не до конца совпадающих территориальных, сословных, административных, фискальных ячеек сельского населения как уже существовавших, так и запланированных для дальнейшего внедрения. Особенность изучаемых крестьянских обществ (как старожильческих, так и переселенческих) заключалась в локализации наиболее значимых функций в рамках хозяйственного союза земледельцев.

«Имперские эксперты» как фактор колонизации Азиатской России

Высокий авторитет науки и вера в непреложность точных фактов, статистически подкрепленных моделей, делали научно-исследовательские изыскания российских ученых, чиновников, общественно-политических деятелей основой для внедряемых административных интеграционных практик. Н.М. Ядринцев писал: «Это было время, когда администрация и бюрократия охотно прибегали к помощи писателей, ученых, исследователей. Воздух канцелярии, как бы вентилировался доступом свежего воздуха и независимого взгляда»³⁷⁷. Административные и правовые решения, исходящие только из государственных, страте-

³⁷⁷ Ядринцев Н.М. К моей автобиографии // Литературное наследство Сибири. Т. 4. Новосибирск, 1979. С. 328.

гических задач, без учета хозяйственных интересов населения и без опоры на научный фундамент, характеризовались в прес-се, как «безжизненные» и «кабинетные»³⁷⁸. Даже наличие богатого имперского опыта управления окраинными территориями и скрупулезно собираемые канцелярские сведения, по мнению экспертов, не спасали официальные программы от утопичности и формализма³⁷⁹. Роль экспертов поэтому виделась не только в сборе сведений о колонизируемых территориях, но и в создании новых классификаций населения, сценариев и механизмов хозяйственной, социокультурной интеграции и «обрусения» присоединенных территорий и населения³⁸⁰. Научные экспедиции, специальные исследовательские программы, составленные по инициативе или под контролем центральной или местной администрации, должны были выяснить экономический потенциал региона, меры по его обороне, наметить направления хозяйственного освоения, перспективы сельскохозяйственной и промышленной колонизации, выстроить стратегию управленческого поведения в отношении коренных народов, с учетом их социокультурной специфики. География, этнография и история азиатских окраин, мотивированные потребностями «знания-власти», развивались под явным запросом имперской практики. Экспертами, обсуждающими имперские проблемы на страницах журналов и газет, а нередко и в закрытых правительственных совещаниях и комиссиях, часто выступали ведущие российские ученые, которые осуществляли интеллектуальный транзит достижений западной политической и экономической науки и практики, определяя различные варианты российского видения своего Востока.

Недостаточная развитость местного сибирского общества, признаваемая наиболее видными его представителями, привела к тому, что успех, а часто и сама инициатива какого-либо нового научного начинания, могли принадлежать местной администрации. Так было с организацией отделов Русского геогра-

---

³⁷⁸ Остафьев В. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Записки Императорского Географического общества. Кн. XVIII. Вып. 1-2. Омск, 1895. С. 10.

³⁷⁹ Чиркин Г. Землеотводное дело в Киргизской степи и необходимость землеустройства киргиз // Вопросы колонизации. 1907. № 3. С. 71.

³⁸⁰ Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940. М., 2010.

фического общества, научных экспедиций, образованием университета, просветительских, художественных, музыкальных и других подобных обществ. «Либеральные начальники края, чтобы оживить в нем жизнь, чтобы придать блеск своему управлению, – вспоминал Г.Н. Потанин, – всегда привозили с собой из Петербурга новых лиц, которые своими специальными знаниями оказывались полезными для местного населения. Иногда это были опытные юристы, иногда натуралисты и ученые, изредка даже музыканты. Благодаря этому, можно было встретить в свите генерал-губернатора ботаника в мундире офицера генерального штаба или виртуоза на виолончели, в звании писца в генерал-губернаторской канцелярии. Такими мундирными учеными, главным образом, поддерживалась ученая деятельность сибирских отделов географического общества»³⁸¹. Во многом благодаря чиновникам в Сибири распространялись культурные новшества, формировалась сибирская наука. По вкладу в развитие сибирской культуры чиновничество вполне может поспорить и с купечеством, и с политическими ссыльными.

Однако, отмечая исключительно «чиновнические» корни сибирской интеллигенции, Г.Н. Потанин указывал и на ограниченность такого рода культуртрегеров, особенно в сфере аграрной науки. «Хотя и говорят, что сибирский чиновник отличается от русского тем, что принимает участие в производстве, торгует, заводит заводы, как это всегда бывает в колониях, но это участие в экономической жизни в крае ограничивается, кажется, торговлей и подрядами. Относительно же сельского хозяйства сибирский чиновник никак не выше сибирского крестьянина»³⁸². Массовое переселение в Сибири в корне изменит эту ситуацию и даст мощный толчок аграрным исследованиям, основным инициатором и активным участником которых становится сначала МГИ, а затем Переселенческое управление. В качестве особого направления аграрных исследований второй половины XIX – начала XX в. можно выделить изучение крестьянских обществ, которые на сибирском материале приобретают особый практи-

---

³⁸¹ Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 7. Новосибирск, 1986. С. 51.

³⁸² Потанин Г.Н. Из записной книжки сибиряка // Литературное наследство Сибири. Т. 7. Новосибирск, 1986. С. 215-216.

ческий характер³⁸³. Подготовка административных и поземельных реформ в сибирских губерниях, незаконченные споры о перспективах русской общины привлекли внимание к сибирской сельской общине достаточно широкого и разнопланового круга исследователей.

В 1879 г. по инициативе Императорского русского географического общества и Вольного экономического общества Н.М. Ядринцевым была составлена «Программа исследования сельской общины в Сибири»³⁸⁴. Задача составителя сводилась к приспособлению существующих общероссийских программ к сибирской специфике³⁸⁵. Главные вопросы развернутой открытой анкеты были связаны с проблемами землепользования и землеустройства сельских обывателей, а региональная специфика отражалась в колонизационном значении общины, выяснении отношения общины к «посторонним», т. е. ссыльным и переселенцам. Ученый, публицист и чиновник Н.М. Ядринцев занимал особое место в ряду экспертов по вопросам колонизации Азиатской России. И дело не только в его областническом, «оппозиционно-ссылном» прошлом (для Сибири это, как раз типично), его уникальность заключалась в том, что он создал и сумел донести (обнародовать) и до общества, и до чиновников свои оригинальные и вполне аргументированные взгляды на колонизацию региона.

Источниками его проектов стали материалы о состоянии переселенческого хозяйства, собранные им в двух алтайских экспедициях (1878 и 1880 гг.), а также обобщенный колонизационный опыт Российской и других европейских империй. Именно в экспедиционном материале Н. Ядринцева колонизационный дискурс наполнился этническими, антропологическими, цивилизационными характеристиками старожилов и переселенцев³⁸⁶. В 1876 г. при Главном управлении Западной Сибири «для обсуждения мер к водворению в степи русских поселений и определения количества земли, нужного киргизам для

³⁸³ Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского русского географического общества. 1845–1895. СПб., 1896. С. 912.

³⁸⁴ Программа исследования сельской общины в Сибири. Омск, 1879.

³⁸⁵ Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Т. 1. СПб., 1880.

³⁸⁶ Ядринцев Н. Судьба русских переселений за Урал // Отечественные записки. 1879. № 6. С. 141-156.

оседлости» был создан специальный комитет. С февраля 1877 г. членом-делопроизводителем этого комитета по приглашению Н.Г. Казнакова стал Н.М. Ядринцев, только что вернувшийся из ссылки в Омск³⁸⁷. К этому времени в комитете уже обсудили основные проекты, предложенные местными чиновниками и приглашенными учеными. Заслугой Ядринцева было придание этой дискуссии публичного характера³⁸⁸.

Два основных условия способствовали успеху Ядринцева: доступ к «канцелярской тайне», статданным (материалы дела не публиковали, но вот научные изыскания и публицистические заметки авторы за свой счет могли обнародовать) и активная журналистская, публицистическая деятельность. До открытия «Восточного обозрения», площадками для «колониционных дискурсов» были в основном либеральные издания «Вестник Европы», «Русский курьер», «Голос», «Неделя». С появлением «Восточного обозрения» такие публикации становятся достаточно постоянными и включают в себя и большие по объему редакторские статьи, небольшие подборки «внутреннего обозрения» и корреспонденции с мест. Информационная ценность, а главное практическая значимость этих материалов обсуждалась уже современниками. Можно привести точку зрения большого специалиста в переселенческом деле А.А. Кауфмана и оспорить ее. Он отмечал, что течения русской общественной мысли, которые находили себе выражение в литературе, в частности, в периодической печати, весьма слабо влияли на переселенческую политику. Большее влияние оказывали «взгляды, интересы, страхи и вождения привилегированных слоев». Эта позиция нуждается в уточнении и корректировке. Ядринцев влиял на политику опосредованно, через новые яркие образы, предлагая особые пути развития Сибири, воспитывая, заражая сибирским патриотизмом не только местное общество, но и ссыльных и даже «навозных». Ядринцева можно отнести к более широкому

³⁸⁷ Исторический архив Омской области (ИсАОО). Ф. 3. Оп. 9. Д. 13681. Л. 43. Подробнее см.: Ремнев А.В. Н.Г. Казнаков и Н.М. Ядринцев (Из истории общественной жизни Сибири 70-х гг. XIX в.) // Проблемы классовой борьбы и общественного движения в Сибири в дооктябрьский период. Омск, 1992. С. 46-60.

³⁸⁸ Ядринцев Н.М. Наши выселения и колонизация // Вестник Европы. 1880. № 6. С. 448-486; Он же. Вопрос о переселениях и его разрешении // Русский курьер. 1880. № 8, 10; Он же. О колонизации Амурского края. Передовая // Голос. 1881. № 134, 136; Он же. Переселенческий вопрос // Неделя (СПб.). 1881. № 41.

(чем областничество) течению «культурничества», которое развивалось в Сибири со времен ссыльных декабристов. Оно было пронизано стремлением делать общее дело в пользу народа (т. н. живое дело), и было, в известной степени, аполитичным. С массовым переселенческим движением и ускоренным хозяйственным развитием Сибири, порожденных строительством Сибирской железной дороги, потребность в интеллектуальных кадрах резко возросла. Для оппозиционно настроенных к самодержавному режиму людей открылась альтернатива открыть «этот безмерный край, как для науки, так и для русского государства».

Исследованием старожильской общины Сибири активно занимались ссыльные народники, удовлетворяя собственные научные интересы и одновременно решая кадровую проблему местных отделов ИРГО. Летом и зимой 1884–1885 гг. по заданию ЗСО ИРГО ссыльным С.Л. Чудновским были проведены две экспедиции на территории Бийского уезда³⁸⁹. При заинтересованном отношении Томской администрации исследователю удалось привлечь материалы не только личных опросов, проводимых на сходах, но и волостное делопроизводство, архивы волостных правлений.

В рамках похожего, комплексного подхода изучал крестьянскую общину известный статистик и общественно-политический деятель, классический имперский эксперт Ф.А. Щербина³⁹⁰. Он доказывал, что земельная община является фундаментом, на котором строятся административно-хозяйственная, духовная и общественная жизнь крестьянского общества. Эта идея была положена в основу оригинальной методики изучения сельского общества. А.А. Кауфман, не разделяя самой идеи, признавал методiku и проведенные с ее помощью исследования кочевых хозяйств Степного края безукоризненными³⁹¹. А.А. Кауфман – один из наиболее авторитетных экспертов по сибирской общине – в своих многочисленных работах придерживался более узкого,

³⁸⁹ Якимова И.А. С.Л. Чудновский о крестьянской общине Алтая во второй половине XIX в. // Актуальные вопросы Сибири. Вторые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул, 2000. С. 109.

³⁹⁰ Щербина Ф. Русская земельная община // Русская мысль. 1880. Кн. V. С. 6.

³⁹¹ Кауфман А.А. Материалы по вопросу об организации работ по образованию переселенческих участков в Степной области (Из отчета старшего производителя работ Кауфмана по командировке в Акмолинскую область летом 1897 г.). СПб., 1897.

функционального подхода, строго ограничивая свои исследования экономическими отношениями, сложившимися в современной земельной общине Сибири³⁹².

Изучив формы общинных поселений русского крестьянства, факторы, влияющие на их эволюцию, общинные институты, Ф. Щербина свои теоретические воззрения реализовал в широкомасштабном проекте по исследованию кочевых хозяйств Степного края. Материалы его экспедиции даже на уровне терминологии определяли перспективы развития кочевого хозяйства. Вполне осознанно и оправданно, с точки зрения седентаризации кочевников и развития крестьянского земледелия, в программе использовалась терминология, заимствованная из крестьянского общественного быта. Основной низовой ячейкой казахского общества, по аналогии с хозяйственной (поземельной) общиной крестьян, назывался «одиночный киргизский аул» или аул хозяйственный. Эта «чисто хозяйственная поселочная форма» не имела еще административного значения и поэтому не имела особого наименования в законодательстве. Аул хозяйственный отличался от аула административного, состоящего из целого аульного сообщества или нескольких хозяйственных аулов, называемых «киргизской земельной общиной»³⁹³.

Материалы экспедиции рассматривались переселенческими структурами как научное обоснование для нормирования землеустроительных работ. Однако практически в момент обнародования результатов экспедиционных работ, «исчисленные нормы» были признаны неудовлетворительными и «преувеличенно повышенными»³⁹⁴. Но это не повлияло на характер взаимодействия переселенческих структур и исследователей. Намеченная программа создания переселенческих участков на землях казахов была обеспечена новым статистическим обоснованием (экспедиция 1909–1912 гг.), дающим существенное снижение искомой нормы.

С 1886 по 1892 гг. по инициативе Министерства государственных имуществ в четырех сибирских губерниях проводилось ис-

³⁹² Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начале XIX в.). М., 1976. С. 20.

³⁹³ Коншин Н. Хозяйственно-статистические исследования Степных областей // Семипалатинские областные ведомости. 1899. 30 янв.

³⁹⁴ Ямзин И.Л., Воцнин В.П. Учение о колонизации и переселении. Л., 1926. С. 35.

следование землепользования и хозяйственного быта сельского населения. Для руководства экспедициями приглашались ведущие российские статистики – Н.М. Астырев, Е.А. Смирнов, Л.С. Личков, А.Н. Ушаков, В.Ю. Григорьев и др. Результаты обследований публиковались в многотомных «Материалах по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний» и «Материалах для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев в Западной Сибири».

Научные исследования Переселенческого управления по направлениям и технологиям являлись продолжением экономико-статистических, почвенно-ботанических и санитарных исследований губернских и областных статистических комитетов, земских учреждений. Экспедиции, направляемые на колонизируемые окраины, как правило, пользовались ранее разработанными и апробированными программами³⁹⁵. В качестве основных форм научно-просветительской деятельности Переселенческого управления можно отметить разовые командировки чиновников особых поручений; долгосрочные экспедиции с привлечением научных и общественных организаций (ИРГО, Почвенная комиссия ВЭО, Императорский ботанический сад и др.); организация и участие в выставках, создание «научно обставленных рабочих кабинетов», музеев и библиотек. Признавалось, что научные знания требовались не только для выработки, принятия и реализации управленческих решений, но и для населения, поэтому оптимальным считалось сочетание «академической строгости» и «опытно-показательного» знания. Именно поэтому приветствовались «наглядные» формы знания, доступные не только для образованного общества, удобные для чиновников, но и для самого переселенца. Канцелярская тайна почти не распространялась на научные сведения о колонизируемых окраинах и, они из отчетов, проектов и записок, стали активно переходить в ведомственную и отраслевую периодику, монографические и коллективные издания. Буквально за десятилетие (от 80-х к 90-м) научные (в любой форме) сведения о сибирском крестьянстве, переселенцах трансформировались из повествовательных текстов в достаточно сухие, формализованные, но при этом вы-

³⁹⁵ Велецкий С.Н. Земская статистика. Справочная книга. М., 1899. С. 13.

сокоинформативные тексты с многочисленными приложениями в виде статистических данных³⁹⁶.

Обязательным этапом научного освоения колонизируемой территории были естественнонаучные изыскания, которые создавали фундамент для «практических наук»³⁹⁷. Почвенно-ботанические экспедиции, проводимые по инициативе Переселенческого управления занимались, по мнению Г.К. Гинса, «чисто научным освещением естественных условий колонизационных районов»³⁹⁸. Регулярные экспедиции по исследованию колонизационных районов Азиатской России, Сибири и Дальнего Востока проводились с 1908 г. до 1914 г. Во время войны продолжалась свodka добытых материалов для составления полной почвенной и ботанической карт Азиатской России³⁹⁹.

Регулярная и систематическая деятельность экспедиций позволяла экономить бюджет Переселенческого управления, поскольку исследовательские группы действовали согласованно под руководством заведующего переселенческим делом в каждом конкретном районе. Со временем в обязанности заведующих районами был включен пункт о необходимости «...озаботиться согласованием статистического обследования с работами почвенно-ботанических экспедиций, партий по гидротехническим изысканиям и агрономическим мероприятиям, а также наблюдать, чтобы статистики, почвоведы, ботаники, агрономы и гидротехники в устранение всяких задержек в разработке добытых данных своевременно осведомляли друг друга о результатах своей деятельности»⁴⁰⁰. Переселенческое управление могло расширять рамки своих фактических полномочий, собирая данные о сельскохозяйственной пригодности будущих районов заселения, его работники производили пробные посевы для

---

³⁹⁶ См., напр.: Материалы для изучения быта переселенцев водворенных в Тобольскую губернию за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 год): печ. по распоряжению МВД. 1897. Т. 1-2. Подобный стиль использовался и в научных проектах, и в отчетах по командировкам чиновников особых поручений.

³⁹⁷ Федченко Б.А. Задачи ботанических исследований в новых колонизационных условиях // Вопросы колонизации. 1908. № 3. С. 248-253; Велецкий С. Записки переселенческого чиновника. Очерки и заметки // Вопросы колонизации. 1908. № 3.

³⁹⁸ Гинс Г. Вопросы колонизации Азиатской России и «выставка по переселенческому вопросу» // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 9.

³⁹⁹ Предварительный общий обзор переселений и землеустройства за Уралом в 1914 г. // Вопросы колонизации. 1915. № 17. С. 206.

⁴⁰⁰ Землеотводное и землеустроительное дело за Уралом 1909 г. СПб., 1910. С. 188.

определения возможности тех или иных культур, вели метеорологические наблюдения.

Эффективными и плодотворными были признаны межведомственные и межотраслевые институты (совещания и комиссии), которые объединяли, с одной стороны, компетентных и авторитетных ученых, а, с другой, заинтересованных в их работе и обладающих административным опытом, полномочиями чиновников⁴⁰¹. Под эгидой Переселенческого управления собирались руководители экспедиций для обсуждения с чиновниками программ, задач и перспектив развития колонизационной сферы. Сами ученые признавали необходимость сотрудничества и «укрепления связей» с чиновниками всех уровней, особенно на местах для выяснения с одной стороны, потребностей властей, а с другой, возможностей ученых⁴⁰². Однозначно выгодность такого сотрудничества проявлялась в издательской и просветительской деятельности, которая благодаря участию заинтересованного ведомства получала и финансовую поддержку, и стабильную организацию.

Естественнонаучные изыскания дополнялись статистико-экономическими, этнографическими, юридическими обследованиями уже не территории, а проживающего на ней населения. Всего за 1907–1912 г. было произведено подворное обследование свыше 550 000 русских и инородческих хозяйств⁴⁰³. «Результаты таких обследований – писал Г. Гинс при обозрении переселенческой выставки, – в виде ... диаграмм, любопытных не только по содержанию, но отчасти и по художественному исполнению, составляли особый статистический отдел»⁴⁰⁴.

Особо сложным этапом сотрудничества «мундирных ученых» и интеллигенции в переселенческом деле стали годы Первой русской революции, когда появились альтернативные, причем, как правило, более радикальные и действенные меха-

⁴⁰¹ Журнал Совещания, образованного для выработки программ почвенных и ботанических исследований колонизируемых пространств Зауралья. 13–15 марта 1908 г. // Вопросы колонизации. 1908. № 3. С. 254–256.

⁴⁰² Особое мнение П. Коссовича к «Журналу Совещания об организации почвенных и ботанических исследований» // Вопросы колонизации. 1908. № 3. С. 256–257.

⁴⁰³ Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912 гг.). Пг., 1914. С. 77.

⁴⁰⁴ Гинс Г. Вопросы колонизации Азиатской России и «выставка по переселенческому вопросу» // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 16.

низмы участия в судьбах российского крестьянства. Партийно-политические деятели, а также депутаты Государственной думы стали дополнительными, сложно вписывающимися, звеньями переселенческого дела в целом, и в частности, его научно-исследовательского обоснования. Переселенческое управление будут вынуждать пересматривать свои отношения с местными переселенческими структурами и, главное, принципы комплектования экспедиционных партий участниками политических партий и ссыльными⁴⁰⁵. Местным переселенческим структурам предлагалось начать «энергичную борьбу с проявлениями в чиновной среде противоправительственной агитации, доходящей в некоторых случаях до размеров, вызывающих немедленное применение к виновным чиновникам полицейских мер»⁴⁰⁶. Циркуляром Совета министров (от 20.09.1906 г.) было признано «безусловно неуместным» сочетание правительственной службы и партийной деятельности. Переселенческому руководству рекомендовалось «требовать явного подтверждения их решимости окончательно порвать связи с партией» и только потом вопрос о продолжении служебной карьеры вновь ставился на обсуждение. Однако, постоянное «требование сведений» в департамент полиции, распространившиеся в переселенческих структурах доносы на коллег, обвинение в политической неблагонадежности известных ученых и руководителей экспедиций, принципиально не изменили состав экспедиций, что подтверждает известное «дело Щербины, Ушакова и Чермака». Исходя из этого, научными изысканиями крестьянского общества и после революции продолжили заниматься с одной стороны чиновники («мундирные интеллигенты» или официальные эксперты), а с другой – политические оппоненты власти (ссылные, партийно-политические деятели).

В общем, эти исследователи, вырабатывающие и реализующие на практике колонизационные проекты по освоению и интеграции окраинных регионов, вполне могут быть обозначены как имперские эксперты. Используя нехарактерную для правительственного дискурса социальную, народническую, а порой и социалистическую риторику, эксперты, тем не менее, приходили к

⁴⁰⁵ О неблагонадежных чиновниках местных переселенческих организаций (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 5. Д. 278).

⁴⁰⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 278. Л. 2.

вполне приемлемым для имперских властей выводам не только о прогрессивности и закономерности российской колонизации, но и создавали модели будущего социального и административного устройства колонизируемых окраин.

Сибирские старожильческие общества как «непринимаящие»

Как же оценивали имперские эксперты общинные навыки и традиции сибирского старожила и русского переселенца на азиатских окраинах и, в связи с этим, их колонизационные способности и интеграционный потенциал?

Крестьянская община Сибири изначально формировалось в результате совместных усилий самого общества и государства. Правительственные инициативы по легализации и инкорпорации стихийно возникавших общественных структур, находились в сложном и неоднозначном соотношении с крестьянскими интересами. В качестве предмета исследования данной работы избрано крестьянское общество, оформление которого происходило на протяжении всего XIX в., лишь частично совпадая с российскими административными реформами по времени и имевшее характерные окраинные черты.

Уникальный административный облик Сибири был обусловлен этнической, конфессиональной, социально-экономической и социокультурной неоднородностью населения, сохраняющейся в условиях расширения переселенческого потока⁴⁰⁷. Разрушение корпоративных связей, традиций и обычаев, индивидуализация старожильческого общества, формировавшегося в процессе переселения на окраины, естественно и закономерно приводили к переориентации его членов от этики выживания, с ее приемами социальной поддержки, взаимопомощи, к рыночным ценностям, оправдывающим накопление капитала для повышения социального и экономического статуса. Еще А.П. Щапов, характеризуя сибирскую общину, выделил такие черты привнесенные «великорусско-инородческим» населением в традиционные русские общинные отношения, как эгоизм, отсутствие гуманности, преобладание частных стремлений над «высшими общественно-

---

⁴⁰⁷ Мамсик Т.С. Сибирская деревня в 1760–1850-е годы: социальная структура и социальные конфликты. Дис. ... доктора ист. наук. Новосибирск, 1992.

гражданскими социальными стремлениями»⁴⁰⁸. Причины этого, по мнению А.П. Щапова, крылись в несформированности русско-сибирского социума, усугубляемого территориальной разрозненностью, племенными и сословными перегородами⁴⁰⁹. Ярким проявлением раздробленности (несформированности) сибирского старожилческого общества стало нехарактерное для русской деревни отношение к старикам. Отсутствие мер социального призрения в отношении, так называемого «дряхло-го населения», оправдывалось их «чуждым» происхождением. Исследователи отмечали, что престарелые и увечные крестьяне не только не получали пособия от общества, но и облагались платежом податей, который отчислялся из собранного мирского подаяния⁴¹⁰.

Позднее, народник Н.М. Астырев отмечал: «Здесь мир крестьянский, «общество», лишено даже тени идеализации... Здесь не услышишь несколько туманных, но, тем не менее, волнующих душу народолюбца выражений «мир – великий человек», «с миру по нитке», «мирская слеза». Само слово «мир» здесь, кажется, совсем неизвестно: оно обыкновенно заменяется словом «общество»⁴¹¹. Отсутствие гуманности и альтруизма у сибирских крестьян беспокоило не только областников и народников, но местную власть, вынужденную возлагать общинные обязанности и контроль за ними на чиновников.

Одной из главных причин слабости внутриобщинных связей в сибирском старожилческом обществе стало наличие в нем неполноправных членов, которых нельзя было исключить или не допустить причисления. Единство и прочность связей в русской общине закреплялись ее правом выдворять, отправлять в ссылку антиобщественные элементы. Сибирская община, напротив, обязана была водворять на своей территории поселенцев, наделять их землей, допускать до участия в органах самоуправ-

⁴⁰⁸ Щапов А.П. Сибирские народные дети и их воспитание // А.П. Щапов в Иркутске (неизданные материалы). Иркутск, 1938. С. 7.

⁴⁰⁹ Смищенко Р.С. Щапов о социальной истории Сибири // Актуальные вопросы Сибири. Вторые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул, 2000. С. 177.

⁴¹⁰ Костров Н. Заметки о III участке Алтайского горного округа // Томские губернские ведомости. 1868. 5 янв.

⁴¹¹ Астырев Н.М. На таежных прогалинах. Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891. С. 108.

ления. Ссылнопоселенцы, как и прочие слабо инкорпорированные группы, во многом определяли специфику сибирского старожилческого общества, оказывая влияние на самые разные сферы его жизнедеятельности, например, экономическое положение хозяйства старожилов, их психологию, практику управления и т. д. Слабые и несостоятельные в экономическом и общественном отношении, поселенцы становились эксплуатируемой частью общества, на которых не распространялись ни общинная демократия, ни мирское сострадание. Н.М. Астырев образно заметил, что поселенцы являлись «жирной почвой для развития эгоистических наклонностей, притупляли в местном населении и без того недоразвитые в нем альтруистические чувства»⁴¹². Исследователи сибирской крестьянской общины неоднократно подчеркивали влияние северорусских традиций на материальную и духовную культуру, формирование правосознания сибирских крестьян⁴¹³. Однако наряду с выходцами из Поморья, важным источником формирования сибирского населения стали ссылнопоселенцы. Вне зависимости от категории: ссылные из бывших крепостных, сосланных в зачет рекрутов или по мирскому приговору, уголовные или политические ссылные, вырванные насильно из привычной среды, они являлись носителями принципиально иных взглядов на значение мирской организации. Поселенец, особенно принадлежавший иной этнической, языковой или социальной среде, не чувствовал привязанности к новым обычаям и местам, куда он попал не по своей воле. Чувство оторванности закреплялось неполноправным положением, в которое попадал поселенец на месте приписки.

До начала XIX в. сибирская администрация, понимая негативное влияние ссылных на нравственность старожилов-сибиряков, пыталась территориально разделить их поселения, «дабы леностью ссылных не заражать местное население». Основная масса поселян размещалась в притрактовых областях, и наряду с ямщиками, они должны были обеспечивать почтовую гоньбу. Расши-

⁴¹² Астырев Н.М. Указ соч. С. 117.

⁴¹³ Миненко Н.А. Северно-русские традиции в культуре русских крестьян Сибири периода феодализма // Социально-культурное развитие Сибири: Бахрушинские чтения 1991 г. Новосибирск, 1991. С. 3-11; Побережников И.В. Общественно-политические взгляды русских крестьян Сибири в период позднего феодализма. Новосибирск, 1989; Александров В.А. Возникновение сельской общины (XVII век) // История СССР. 1987. № 1. С. 54-68 и др.

рение категории административно-ссылных, то есть ссылных по общественным приговорам, по распоряжению начальства, по воле помещиков изменило и характер водворения. Местная администрация, определяя в качестве приоритета эффективность водворения, а не заселение стратегически важных территорий в основном практиковала поселение ссылных в старожильческие деревни и приписку их в крестьянские общества.

Опыт создания на территории Омского округа, так называемых лютеранских колоний в 50–60-е гг. XIX в. (Рига, Ревель, Нарва и Гельсингфорс), был признан неэффективным и с точки зрения управления, и с точки зрения водворения штрафных колонистов. От общества «европейских колонизаторов» – «остзейских и финляндских латышей, чухонцев, шведов и немцев» ожидали не только быстрого перевоспитания своих членов «своей средой и верой», но и культурного влияния на старожильческое окружение⁴¹⁴. Перевоспитание «людей исключительно воровской и разбойничьей профессии» в хороших земледельцев и скотоводов, даже при создании максимально комфортных условий, наделении лучшими по качеству угодьями, затягивалось. При этом единственным средством участия старожилов в этом «воспитательном» процессе оставался самосуд, а результатом – «целые плоты чухонцев плавали по реке Оми, или, как гласила поговорка, «отправлялись к губернатору на общественной кошеве жаловаться»»⁴¹⁵. Живущие оседло колонисты-земледельцы, даже переняв у сибиряков все земледельческие орудия, способы возделывания почвы и одежду, сохраняли свою обособленность и не интегрировались в общественную и хозяйственную жизнь. Наблюдатели выделяли в рамках лютеранской колонии «национальные корпорации латышей, чухны, немцев и шведов», которые, враждуя между собой, тем не менее, дружно отстаивали свои общие интересы внутри старожильской волости. Осознавая особое положение, не просто бывших преступников, но объединенных общим европейским происхождением и верой, колонисты не выполняли никаких общеволостных повинностей,

---

⁴¹⁴ Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольскую губернию за последние 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.). Т. 1. Историко-статистическое описание 100 поселков. М., 1895. С. 540.

⁴¹⁵ Там же. С. 541.

не выплачивали подати, отказывались подчиняться распоряжениям сельской и волостной администрации.

«Коренные» крестьяне, по мнению местной администрации, как среда «с неиспорченной нравственностью» и занятые «честным трудом», должны были оказывать большее воспитательное влияние, нежели единое европейское происхождение⁴¹⁶. Изолированное положение штрафных колоний не позволяло сельской полиции и волостному правлению осуществлять следственные мероприятия на территории подведомственных колоний, хотя бы потому, что никто из колонистов не соглашался быть понятым, а приглашенные из русских деревень, «не владея их наречием», не в состоянии были противостоять действиям по сговорам и сокрытию вещественных доказательств⁴¹⁷. Подозревая в преступлении колонистов, крестьяне «сперва обсуждали, стоит ли начинать дело», и если урон был незначительным, предпочитали «заботиться о большей осторожности на будущее время». Конфликты ссыльнопоселенцев и волостных властей могли возникать и в ходе текущей, «некриминальной общественной практики», например, вызова ссыльнопоселенцев на сельский сход. Окружной исправник охарактеризовал такие случаи, как «обыкновенные», на которые сельское начальство смотрело «хладнокровно».

Возрастающий поток ссыльных в Сибирь приводил к ситуации, когда в некоторых волостях число причисленных ссыльных равнялось или даже превышало число старожилов. В донесениях Нижнекаинского волостного правления Томской губернии отмечалось, что к деревням этой волости приселены ссыльные, число которых равняется числу старожилов, «а при том большая часть поселенцев, не имея привычки заниматься сельскими работами, обращаются в бродяжничество и делают кражи и другие вредные поступки»⁴¹⁸. С подобными жалобами обращались и жители других волостей Томской и Тобольской губерний⁴¹⁹. Ревизоры отмечали укореившуюся тенденцию: в тех районах, где ссыльнопоселенцев становилось больше старожилов, они приобретали перевес во мнениях и увлекали крестьян «к разврату и пьянству», что являлось первым шагом к расстройству

⁴¹⁶ ИсАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13452. Л. 54.

⁴¹⁷ Там же. Л. 46.

⁴¹⁸ РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 19. Л. 2-об.

⁴¹⁹ Там же. Д. 75. Л. 12-23 об.

хозяйства. Наличие значительного количества не обустроенных поселенцев приводило к складыванию криминогенной обстановки.

«Штрафных колонизаторов», в отличие от свободных переселенцев, сибирская община обязана была принимать и наделять землей. Кроме того, ссыльнопоселенцы находились под юрисдикцией волостных правлений, которые получили широкие судебные полномочия в отношении новоселов. Волостные правления рассматривали не только маловажные проступки поселенцев, но разбирали дела о воровстве и кражах, без ограничения суммы украденного. Наказание при этом ограничивалось только розгами, что ставило поселенцев в исключительное положение даже в сравнении с лицами, не лишенными прав состояния⁴²⁰. Волостные начальники, боясь ссыльных «из видов сохранения собственности и личной безопасности», старались не преследовать преступивших закон. Поэтому дела по проступкам и преступлениям ссыльных, в основном, лежали в волостном правлении без всякого движения. Уездные исправники дополняли, что объединенные общим происхождением ссыльнопоселенцы, водворенные в одной местности, могли создавать дополнительные препятствия следствию, например, отказываясь выдавать преступников.

Ссыльнопоселенцы не становились членами податного крестьянского общества, не были включены в круговую поруку и платили подати под личную ответственность. Это затрудняло сбор податей, поскольку существовала возможность уклоняться от выплат, а волостным правлениям – от ответственности за недоимки. Поэтому государство пошло традиционным путем – создания особого податного общества. Более того, Томская экспедиция о ссыльных обратилась в Томское губернское правление с предложением разрешить поселенческим обществам избирать старост из своей среды в волостные правления для взыскания недоимок и домашних разбирательств, «чтоб при разборах поселенческих дел в волостных правлениях был человек, представляющий интересы поселенцев»⁴²¹. Подобное решение было обусловлено интересами, прежде всего, водворенных поселенцев.

⁴²⁰ Прутченко С.М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. СПб., 1899. Т. 1. С. 356.

⁴²¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 209. Л. 3.

Поскольку все волостное начальство избиралось из старожил, то при разборе поселенческих дел оно поддерживало старожил⁴²². Поселенческие общества не только избирали из своей среды старосту, но и нанимали в помощь ему писаря, несмотря на запрет для ссыльных избираться на общественные должности. Хотя ссыльнопоселенцев после водворения и причисляли в сословие казенных поселян, они оставались неполноправными членами крестьянского общества. Волостное начальство зачастую не способствовало, а препятствовало обзаведению поселенцами собственным хозяйством и домами. Поверенные от поселенцев подавали прошение о том, что волостное начальство «вынуждает продавать скот и дома», используя власть, «отдают принудительно в работы за малую плату»⁴²³.

К середине XIX века стало очевидным, что устройство и водворение ссыльных, силами крестьян-старожил и местной администрации, крайне не эффективно, в силу их незаинтересованности в увеличении числа самостоятельных хозяйств⁴²⁴. Кроме того, отсутствие правил по причислению ссыльных к волостям для волостных правлений и не соблюдение таковых Экспедицией о ссыльных, также не способствовали укоренению ссыльнопоселенцев. Генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд, после обозрения волостных правлений Тобольской и Томской губерний, отмечал, что «волостное начальство и земская полиция не настаивает, чтобы ссыльные водворялись», это подтверждалось тем, что земские суды выдавали ссыльным увольнительные билеты еще до прибытия их в волость, также не особо удерживали их в волостных правлениях, особенно после того, как выдача увольнительных билетов была передана от поселенческих смотрителей в волостные правления, и эта сфера

---

⁴²² Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 209. Л. 3.; Астырев Н.М. На таежных прогалинах. Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891. С. 166.

⁴²³ РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.

⁴²⁴ Местная администрация также ставила под сомнение необходимость и выгодность для местного населения домообзаводства всех ссыльнопоселенцев. Томский губернатор рассуждал следующим образом: «И что же было бы, если бы все поселенцы обрабатывали поля? Кто бы стал есть хлеб и чем бы уплачивать подати? Дай бог, чтобы число поселенцев на промыслах не уменьшилось, это полезно промышленности и земледельцам, которых труд ныне по дешевизне не вознаграждается ... люди славо богу, заняты, только мы не знаем, чем и где...» Цит. по: Мамсик Т.С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX в. Новосибирск, 1987. С. 35.

стала еще одной «золотоносной жилой» сибирских волостных писарей.

Отказывая старожилам в праве не принимать в свое общество ссыльнопоселенцев, местная администрация признавала возможным создание обществ по инициативе самих ссыльных. Общество поселка Деспот-Зеновича было сформировано бывшими ссыльными поляками, по принципу единства веры и языка. Прожившие более 30 лет в старожильческих поселках, они по-прежнему испытывали притеснения в мирских выборах, «бытовую и религиозную рознь», и потому просили у администрации особый земельный участок для самостоятельного общества⁴²⁵.

Общество сибирских крестьян пополнялось за счет сосланных старообрядцев и сектантов. Добровольно переселившиеся раскольники пользовались шестилетней льготой, освобождаясь от всех податей и повинностей. Исходя из фискальных интересов, государство пыталось выделить и старообрядцев, записанных в двойной оклад, в особое общество, связанное круговой порукой. Хотя обычно старообрядцы находились в ведении крестьянской общинной администрации, иногда избирался особый «раскольничий»⁴²⁶. Раскольники, причисленные к крестьянскому обществу, составляли особое податное общество, круговая порука которого не распространялась на православных. Но сбор денег и недоимок, ведение делопроизводства, как и в случае с ссыльнопоселенцами, лежали на крестьянской администрации. Государство не смогло организовать самостоятельное общество старообрядцев, так как оно отличалось «крайней нечеткостью и большой подвижностью границ раскола в крестьянской среде»⁴²⁷.

Старообрядцы не считались равноправными членами крестьянского общества. Правительство, опасаясь распространения «вредного учения» и соращения православных, запрещало участие раскольников в выборных крестьянских органах. Это

⁴²⁵ Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольскую губернию за последние 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.). Т. 1. Историко-статистическое описание 100 поселков. М., 1895. С. 379.

⁴²⁶ Покровский Н.Н. Урало-Сибирская крестьянская община XVIII в. и проблемы старообрядчества // Крестьянская община Сибири в XVII – начале XX вв. Новосибирск: Наука, 1977. С. 195.

⁴²⁷ Покровский Н.Н. Указ соч. С. 197.

соответствовало законодательству XVIII в. Неоднократно предписывалось «никого из раскольников не возводить на власти, ни токмо духовные, но и гражданские...» Сами крестьяне воспринимали эту несправедливость как привилегию⁴²⁸.

В отношении переселенцев старожильческое общество обладало большими правами, оно могло самостоятельно принимать решение о их причислении. В случае приселения к старожильческой волости переселенцы были обязаны получать разрешение, в виде приемных приговоров. Принимая переселенцев, старожилы не только наделяли их землей, но и включали в податную общность, беря на себя ответственность за исправную выплату податей и повинностей. Исследователи основу конфликта между старожилами и новоселами видели не только в узко-хозяйственных проблемах перераспределения угодий, но в столкновении «в корне различных порядков землепользования», например, великорусской общины (у русских, вятчей, пермяков) и белорусского, польского подворного владения⁴²⁹. Возникающее же «ненавидство», усиленное традиционными фобиями по отношению к чужому, стало проявляться в самых разнообразных сферах деятельности крестьянского общества, но ярче всего – в общинных практиках.

Положение «прибылых душ» в общине значилось в качестве самостоятельного вопроса, практически, во всех анкетах. Исследователей интересовали социально-экономические параметры нового хозяйства: места выдворения, время причисления, размеры хозяйства и средств, состав семьи⁴³⁰. При этом национальные, конфессиональные характеристики переселенцев и их

⁴²⁸ Жесткие правила, исключавшие старообрядцев из общественной жизни, были отменены только по закону 3 мая 1883 г. «О расширении прав раскольников в отношении выборной службы». Но при этом секретным предписанием местным властям рекомендовалось воспрепятствовать раскольникам пользоваться властью и влиянием для распространения лжеучений и не допускать их к выборным крестьянским должностям (Государственное учреждение Тобольской области Государственный архив в г. Тобольске (ГУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-2).

⁴²⁹ Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.). Т. 1. Историко-статистическое описание 100 поселков. М., 1895.

⁴³⁰ См., напр.: Алексеев В.В. Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний. Ч.1. СПб., 1905.

влияние на взаимоотношения со старожилыми, скорость и прочность водворения возникают уже не на уровне статистических обзоров, а при системном, поволостном описании. Фиксируя историю формирования поселков, исследователи впервые отмечали не только сословные характеристики новоселов, но и «этнографические слагаемые».

Новизна предпринимаемых попыток отражалась в отсутствии каких-либо устоявшихся и однозначных классификаторов к использованию тех этнонимов, которые практиковались самим населением. Этнические характеристики колонизаторов включали их способности к адаптации на новых местах, хозяйственную и бытовую восприимчивость, общинные навыки⁴³¹. В материалах по Тобольской губернии, как преобладающая и ассимилирующая этнографическая группа старожильческого населения, указывались сибиряки («исконные» или «коренные»). Группы переселенцев, «утрачивающих свои этнические и хозяйственные черты», конструировались, преимущественно, как этно-территориальные (гродненские поляки, курские хохлы, казанские черемисы), или конфессиональные (католики, «которые затрудняются себя отнести к полякам или белорусам»), лютеране, включавшие остзейских и финляндских латышей, чухонцев, шведов и немцев). Национально-конфессиональный дискурс становится вторым планом социальному, народническому образу российского переселенца, колонизатора. Изменение ракурса наблюдения было вызвано неожиданным и достаточно болезненным осознанием проблем интеграции российского крестьянства в старожильческое общество, опасением «осибиричивания» или утраты русскости.

Массовый характер переселений конца XIX – начала XX вв. предполагал формирование однородных групп переселенцев еще на этапе выдворения. Столкновение хозяйственных, бытовых интересов старожилов и переселенцев на этом этапе усугублялось их «разнородностью» в этнографическом и конфессиональном отношениях. Хозяйственные конфликты, «ссоры, разрастающиеся до взаимных побоищ, разорения изб и другие

⁴³¹ Подробнее см., напр.: Суворова Н.Г. Этнографическая выставка В.Л. Дедлова: новый образ российского переселенца на сибирской окраине // Дедлов В.Л. Переселенцы и новые места. Панорама Сибири. Художественная публицистика. М., 2008. С. 189-199.

бесчинства» высвечивали характерные особенности не вполне сложившегося сибирского старожильческого общества и активно формирующегося переселенческого.

Крестьянская община как интеграционная модель для переселенческого и инородческого населения Сибири

Пристальное внимание администрации к низовой хозяйственной единице – сельской (или однодеревенской) поземельной общине, ее активное реформирование, свидетельствовало о несоответствии этого института задачам интеграции и унификации имперского пространства окраинных регионов. Локализм, как важнейшее качество крестьянского социума, территориализация, жесткая дифференциация на «своих» и «чужих» не только не способствовали, но препятствовали установлению горизонтальных связей. Крестьянский мир ограничивался рамками небольшого однородного коллектива, для которого была характерна связь личного типа, в значительной степени усиливающаяся за счет родственных, клановых и хозяйственных отношений.

Даже учитывая территориальное и функциональное несоответствие (точнее, неполное совпадение) административной, хозяйственной, конфессиональной единиц, следует отметить в качестве основного направления административной политики в сибирской деревне – унификацию низовых административно-территориальных единиц сельского населения и концентрацию социально-значимых функций в рамках легализованного крестьянского общества. Встречным движением снизу, по инициативе самих крестьянских обществ, под влиянием массовых приселений, было разукрупнение волостных поземельных общин, «постепенная замена сложных и неопределенных форм землевладения замкнутой односеленной общиной»⁴³². Передел волостной земельной дачи на однодеревенские общины исследователи объясняли стремлением переселенцев «остаться при тех формах, к которым они привыкли на родине», полному обособлению своего землевладения, разногласиями со старожилами⁴³³. Именно наличие общественной инициативы и совмест-

---

⁴³² Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. Изд.2-е. М., 2011. С. 396, 399.

⁴³³ Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. XXI. С. 24-25, 145-152.

ных действий доказывает формирование общества на основе совместного проживания, хозяйственной деятельности, общих угодий, в целом общего образа жизни, укрепляемого единством национальным и конфессиональным. Кроме того, важным является тот факт, что общество могло складываться как в рамках формальных (административных, хозяйственных или административно-хозяйственных) единиц, так и вне или внутри их. Именно это и позволяет относить различные уровни и формы крестьянских обществ к локальным сообществам, т. е. объединениям людей, ведущих совместное хозяйство на определенной территории и осознающих свою общность.

Самостоятельность колониста, умение организовать свое хозяйство и быт без посторонней, прежде всего государственной помощи, ценились на всех окраинах. Альтернативой государству – попечителю и чиновнику-опекуну и должна была выступать внутренняя организация – община. Опыт Туркестана и Дальнего Востока доказывал несправедливость упреков «слишком гуманных администраторов», критиковавших государство за сокращение финансирования переселенческих партий и ставку на дорогостоящих колонизаторов.

«Хороший колонист не потребует себе никаких милостей, льгот, привилегий, которые всегда больше вредят, чем приносят пользу, уча людей надеяться на чужую помощь, а не на свои собственные силы нравственные и физические»⁴³⁴. «Переселенец должен рассчитывать не на казну, а на личный труд»⁴³⁵. А.А. Кауфман, сведя воедино различные проявления «хищничества» переселенцев, объяснил их «недостатком общей культурности» российского колонизатора, отсутствием понимания важности общественных обязанностей и ответственности, будь то перед будущими поколениями, соседями или государством.

Общественная солидарность, сплоченность коллектива для решения задач любого уровня (строительство новых дорог, или хотя бы поддержание существующих, создание благоустроенных поселений, вложение средств в школы или больницы) отличали переселенцев европейского происхождения, прежде всего

⁴³⁴ Иванов А. Русская колонизация в Туркестанском крае // Русский вестник. 1890. № 11-12. С. 245.

⁴³⁵ Елисеев А. Южно-Уссурийский край и его русская колонизация // Русский вестник. 1891. № 8. С. 154.

немцев, «низводя» в равной степени и великоросса, и малоросса до «азиатов»⁴³⁶. «И те, и другие могут наслаждаться жизнью, когда вокруг страшный смрад, благодаря собственной беспечности, или мокнуть под дождем, дрожать от холода, когда в двух шагах чуть не девственный лес ... До других товарищей по несчастью ни тем, ни другим нет никакого дела: будет ли кто жить после их ухода на том месте, которое они загадили, или в той юрте, войлоки с которой они украли – об этом никто не думает»⁴³⁷. Интересно, что противопоставление культурного европейского колонизатора («колонисты цивилизованных национальностей, но не русского корня») и «некультурного азиата» на азиатских окраинах часто разрушалось, но не за счет разочарования в культурности, общественности, рациональности «немцев» в Азии, а из-за столь же высокой организованности встречных «азиатских колонизаторов» – китайцев, корейцев, которых было сложно отнести к «культурной Европе». «Перед нами огромные массы, однородные, трудолюбивые, объединенные почти одинаковой везде религией, письменностью, обычаями, всем вообще укладом жизни и в течение тысячелетий выковывавших свою культуру. Их можно разбить в войне, но не победить»⁴³⁸.

В этом замечательном противостоянии единственным «безобразно-хищническим» азиатом оказывался крестьянский переселенец, главное колонизационное достоинство которого сводилось к количеству. Этот «неправильный», но многочисленный колонизатор не знает и не желает узнавать особенности края, поэтому бросает землю, за которой пришел, передает ее китайцам, нанимает батраков и «живет помещиком», а сам отыскивает выгодный и легкий промысел в городе или занимается извозом. Сравнительно большой заработок и много свободного времени «при привезенной из России малокультурности и отсутствии здесь каких-либо образовательных школ, курсов или развлечений тратились в большей части на пьянство, в этом благодатном крае грозила вырасти среди трудолюбивых китайцев и японцев пьяная Россия»⁴³⁹. Цивилизованность нерусского кре-

⁴³⁶ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 346.

⁴³⁷ Там же.

⁴³⁸ Кохановский А. Переселенческое дело в Китае и наша дальневосточная окраина // Известия Восточного института. Владивосток, 1909. Т. 29. Вып. 2. 1908. С. 6.

⁴³⁹ Кохановский А. Указ соч. С. 9.

стьянина открывалась путешественникам в самых различных сторонах быта: непривычная чистота, осознанный коллективизм, прочный целесообразный уклад жизни, вера «без гнусных суеверий». «Культурность» и «немецчина» станут практически синонимами, характеризующими высокий уровень хозяйственной культуры переселенца.

Качество переселенческой партии чиновники оценивали по сплоченности коллектива. Бывшие отходники, ремесленники, утратившие общинные навыки, рассматривались как «не особо удачный» колонизационный материал, поскольку «... не умели хорошо приняться за дело, не составляя дружной общины по своей разнородности, ... не могли сплотиться в одну дружную семью, так что среди них не могло быть артельного начала, за-дружи, помочи, общей пахоты и других общих начинаний, которые могли бы особенно пригодиться в таком трудном и новом деле, как колонизация чуждого края»⁴⁴⁰. Отсутствие сплоченности не позволяло переселенцам проявлять «собственную инициативу». Получалось, что община не подавляла индивидуализм, но помогала ему проявляться, создавала условия для самостоятельности коллектива, независимости его от внешних сил, и тем самым реализации в нем личных интересов.

Выборы старост («старших»), проведение сходки будущих домохозяев, самостоятельное «разделение на общества, придерживаясь главным образом родных сел и волостей», в условиях внешних угроз создание сельских дружин – начальные общественные практики в местах водворения⁴⁴¹. Массовые переселенческие партии во избежание конфликтов старались размещать в переселенческих бараках и во время следования семьями одного и того же общества. Представления о единстве русских переселенцев опровергалось «жестоккой враждой» и распрями даже соседских обществ и усиливалось сплоченным монолитом иностранных колонистов, которые сплывались не общей территорией выхода, а внутренним единством культуры, веры, языка, усиленными внешним иноязычным, иноверным и инокультурным окружением. Русский крестьянин в процессе переселения демонстрировал крайнюю разобщенность, локальную

⁴⁴⁰ Елисеев А. Южно-Уссурийский край и его русская колонизация // Русский вестник. 1891. № 8. С. 132.

⁴⁴¹ Там же. С. 128.

замкнутость на уровне деревни (даже не губернии, хотя по местам выхода и именовались тамбовскими, курынами).

Слабость внутренней организации, особенно при продолжительном пребывании в городах в ожидании отправки на места, приводила к вмешательству властей. В бараки к переселенцам назначались дневальные «при унтер-офицере и особый полицейский надзор» из-за недостаточно хорошего поведения: «постоянных беспорядков, шума и пьянства». Разбирательство спорных вопросов, «тяжб» между переселенцами, не связанными между собой общим правовым пространством, единством в понимании норм обычного права, требовало внешней силы. Как правило, таковой становилась местная полиция в лице исправника и заседателей. Самоорганизация переселенцев была особенно важна при водворении на слабозаселенных территориях, для которых была характерна так называемая недоуправляемость. При образовании переселенческого участка вдали от административных центров, «осуществление ... надзора за ведением в них общественного самоуправления было фактически невыполнимо» из-за дальности расстояния, разбросанности поселков на громадном пространстве и отсутствии удовлетворительных путей сообщения⁴⁴². Следовало также учитывать и без того значительную текущую нагрузку полицейских органов.

Переселенческие чиновники готовы были даже иногда пожертвовать прямыми интересами казны, ради создания крестьянских учреждений. Создание системы опорных пунктов в приграничных районах («на необитаемых доселе местах»), малочисленных по составу и разбросанных на значительном расстоянии, делало фактически невозможным объединение этих селений в единое волостное общество и его функционирование на средства самих крестьян. В Амурской области чиновники областного по крестьянским делам присутствия ходатайствовали о принятии расходов на средства казны по содержанию общественного крестьянского управления переселенческих районов в течение пяти лет, с предоставлением пятитысячной ссуды на постройку здания волостного правления⁴⁴³. Ходатайство было

⁴⁴² Труды Амурской комиссии. Вып. IX. Земское хозяйство в связи с общественным и административным устройством и управлением в Амурской и Приморской областях. СПб., 1911. С. 154.

⁴⁴³ Там же. С. 160.

отклонено генерал-губернатором, «как опасный прецедент» освобождения крестьян от натуральных повинностей. Данное решение «крестьянскими» чиновниками было осуждено, как неудовлетворяющее ни нужд населения, ни интересы административного управления областью.

Волостное правление в переселенческих поселках имело значительно больше задач, даже в сравнении с сибирской, и тем более российской волостью. Общественное крестьянское управление не только *обслуживало* население, но и *служило* неисчерпаемым источником всяких сведений для разных правительственных учреждений». При отсутствии этого «источника» и внешние, и внутренние задачи перекладывались на плечи переселенческих чиновников и чинов общей полиции. Повысить заинтересованность крестьянского общества в решении не только собственных, но и общегосударственных задач, таких как колонизация края, предлагалось при помощи казенного вознаграждения старшинам и писарям за дополнительные обязанности, в качестве «близких к населению низших агентов» переселенческой организации.

Слабость общины как социальной организации, как внутреннего «опекуна» неизбежно усиливало роль государства. Именно в кругах переселенческих чиновников возникло понятие «государственного пестуна», т. е. колонизатора, утратившего самостоятельность и предприимчивость, в том числе благодаря излишней внешней опеке государства. Получая разнообразную, зачастую безвозмездную помощь извне, он утрачивал заинтересованность в самостоятельном общественном труде. «Хищничество» крестьянин проявлял не только по отношению к отведенным ему земле, лесу, угодьям, но и по отношению к тем сооружениям, на строительство которых он не затрачивал сил и средств, получая их от государства. Небрежно относились новоселы в частности к гидротехническим сооружениям – «устраивают переезды и прогоняют скот через каналы ... даже ездят по самим каналам», для удобства иногда «заваливая их кочками, соломой и сеном», не ограждают колодцы, построенные на казенные средства, не очищают их и т. д.

Последствием правительственных льгот становилась деградация и без того незначительных общесоциальных нужд: «...

при крайне ограниченных жизненных потребностях, (государственные дотации) отучили переселенцев от всяких общественных обязательств, учреждения новых школ, больниц, запасных магазинов, устройства дорог, содержания общественного управления, постройки церквей, призрения сирот и убогих, даже наем на подводу священнику для совершения требы – они считали обязанностью правительства». Слабость общих интересов усиливалась нежеланием создавать любые общественные доходные предприятия, за исключением кабаков. Безответственное отношение к общественной казне и хозяйству проявлялось в том, что деньги, вырученные от доходных статей, не обращались в мирской капитал, а раздавались, не принося за малостью сумм существенной пользы отдельным хозяевам, но нанося урон общественному капиталу. В отчетных материалах чиновников постоянно встречаются сетования по поводу мирских приговоров о выдаче каждому двору к празднику «известного количества ведер» из общественного кабака.

Община переселенцев многими экспертами воспринималась не только как социальная организация, основа самоуправления, фискальный институт, но и как поземельная организация со всеми вытекающими последствиями: возможными переделами, круговой порукой, организацией коллективных работ, регулированием земельных отношений на основе обычного права. Проверкой на прочность для общинных отношений переселенцев становилась конкуренция со «встречными» традициями местных (аборигенных) жителей. Один из ярких примеров таких столкновений – Туркестан, с особым, ирригационным земледельческим типом хозяйства. По мнению А.А. Кауфмана, русские переселенцы смогли освоить технику местной ирригации, но не пожелали «признавать выработанное веками водное обычное право»; принимали участие в общих работах по очистке и ремонту арыков, но только в качестве надсмотрщиков, не встраиваясь и не создавая нового⁴⁴⁴.

Аренда, условное владение, отсутствие каких-либо внешних регуляторов создавали впечатление непрочности, временности пребывания на участке. Отсюда – хищнический характер переселенческих хозяйств: выпахать, не удобряя, вырубить, не под-

---

⁴⁴⁴ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 335.

саживая, и уйти на новый участок – «земли – в волю». Такой переселенец не стремился к прочной оседлости и поэтому о земле не заботился; при истощении надела он арендовал новый или уходил на другой переселенческий участок. «Пройдет несколько лет, земля выпашется, другой земли киргизы не дают, – и опять «тесно», опять начинай сначала, опять кончай тем же, опять бреди снимать сливки «под новый куст» или «на китайский клин»⁴⁴⁵. Достаточно быстро крестьянин признавал свой надел выпаханым, «свое существование мало обеспеченным», арендуемые земли не спасали от недородов и голодовок.

Этот тип степного колонизатора получил в литературе условное наименование «кустанаец». «Кустанаец» в высшей степени хищник, для «извлечения из почвы последних соков» он использует улучшенные орудия и машины», для него характерно постоянное стремление идти дальше за целинными землями, нежелание затрачивать более интенсивный труд на обработку земли. Владение землею, не ограниченное законным наделом, породило стремление к захвату и полную беспечность в отношении сохранения качества земли». Земледелие требует больших затрат труда, поэтому переселенцы предпочитают занятия извозом или мещанскими промыслами.

Альтернативой нестабильным земельным отношениям с одной стороны была община, а с другой – частная собственность. Право частной собственности на обрабатываемые земли, настраивало колонизатора на долговременный характер работ: не только для себя, но и для потомков. Контрастным примером российскому переселенцу в отношении прав на землю и последующего отношения к ней, являлись с одной стороны немецкие, латышские переселенцы, а с другой – инородцы. «Латыши – не то, что наш «естественный» русак, который ограбит землю и уйдет дальше. Ученик немца садится на век. Детям или внукам все равно придется корчевать. Зачем же сваливать это на них, когда у самого латыша есть свободное время? А свободного времени у них достаточно, потому что у него в году не полтора дня, а в будни ему скучно сидеть, сложа руки: немцы приучили его к работе»⁴⁴⁶.

---

⁴⁴⁵ Дедлов В.Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб., 1894. С. 57-58.

⁴⁴⁶ Дедлов В.Л. Панорама Сибири. Путевые заметки. СПб., 1900. С. 68.

Практически не касаясь поземельной сущности крестьянской общины переселенцев (приняв преимущества подворного, индивидуального владения), эксперты оценивают политическую, социальную, административную и национальную составляющую крестьянской общины. Поднимается в связи с этим вопрос о возможности и необходимости распространения общинной формы и владения, и управления на инородцев, в частности, казахов. Помимо культуртрегерского влияния русских переселенцев, которое виделось в привлечении к земледелию вообще, предполагался и перенос форм владения. Главная задача народной колонизации виделась в приобщении кочевников к оседлому образу жизни. Кочевое хозяйство считалось более примитивным по сравнению с земледелием, более зависимым от стихии природы и потому «благородная культурная миссия в Степи» связывалась также с распространением «более высокой хозяйственной культуры». Вновь освоенные земли, включенные в земледельческий оборот, назывались «культурной площадью» (возвращая тем самым понятию «культуры» первоначальное значение), а новый этап отношений с кочевниками – этапом «культуривизации», т. е. «продвижения степняка по пути, указанному культуртрегером-землепашцем», приобщения населения к «великой семье культурного человека»⁴⁴⁷.

Аргументация «общинной прививки» для кочевников имела преимущественно социальные характеристики: переход к земледелию должен привести к «замене преобладающей между киргизами замкнутости родовых начал общинными отношениями», преодолению засилья родовой аристократии. Обращение казахов в «добрых пахарей» позволит им избежать эксплуатации со стороны богатых казахов, крестьян, казаков и будет способствовать «естественному развитию жизни» без насилия. В данном случае идеальной конструкцией выступала русская община, которая в планах чиновников являлась не только уравнилельным инструментом, но и органом опеки и попечения, защиты интересов каждого ее члена. Хозяйственные функции общины в степных условиях, особенно при ирригационном орошении, возрастали. Земельные наделы оседлых киргизов предполагалось изы-

---

⁴⁴⁷ Шкапский О. Некоторые данные для освещения киргизского вопроса // Русская мысль. 1897. № 7. С. 43.

мать из волости кочевников и передавать в общинное владение. Это было направлено против зажиточной верхушки, которая определялась как главный противник земледельческих занятий. При этом администрация понимала, что эта же часть населения является наиболее авторитетной, поэтому склонение ее в пользу земледелия и оседлого образа жизни принесло бы наибольший результат. В проекте Акмолинского военного губернатора «Об устройстве поселений в степи Акмолинской области» был предложен вариант постепенного перехода к оседлому состоянию через промежуточное – полуоседлое. Обязательным условием развития сельских обывателей степи было создание самостоятельной административной структуры по образцу крестьянского – «существующему в русских селениях с непосредственным подчинением уездным управлениям».

Институциональная интеграция предполагала сближение инородческих и крестьянских волостных институтов на основе их модернизации. Мероприятия в этой сфере и для крестьянского, и для инородческого обществ были одинаково новационными. Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств» (1868 г.) вводило для нижнего административного звена двухступенчатые выборы, а волости, как и аулы, создавались не по родовому, а по территориальному принципу⁴⁴⁸. Сочетание этих двух позиций приводило к окончательной деградации родовых институтов, распространению взяточничества и произвола волостных правителей. Проекты 1870-х гг. еще более последовательно предполагали унифицировать общественное управление всех категорий сельских обывателей. Устройство волостного и аульного управления для оседлых и полуоседлых киргизов должно было строиться по общероссийским нормам, применяя общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Попытки законодательно повлиять, «осовременить» общественные институты, приносили наиболее негативные последствия. В отчете за 1886 г. степной генерал-губернатор Г.А. Колпаковский отмечал, что объединение нескольких родов в единую волость приводит к ожесточенной борьбе при выборах волостных правителей.

---

⁴⁴⁸ Артыкбаев Ж. Казахское общество: традиции и новации. Астана, 2003. С. 113.

Обострение национальных вопросов на имперских окраинах, а также формирование собственно русского национализма постепенно корректирует цивилизационный дискурс российского интеллектуального общества. Деление общества на «мир культуры» и «мир дикости» постепенно усложняется, наполняясь новыми, в том числе этническими, территориальными, конфессиональными характеристиками. Как показывает опыт колонизации восточной окраины Российской империи, задача административной организации региона вынужденно имела приоритетное, даже по сравнению с хозяйственным освоением, значение. Именно поэтому символы власти, а не освоение территории или плоды ее хозяйственной эксплуатации, являлись свидетельством присоединения территории. Вследствие этой же причины административные преобразования в сибирской деревне, как правило, предшествовали поземельным реформам. Построение административной вертикали, доходящей до каждого жителя отдаленного населенного пункта, заполнение властного вакуума являлось фактически первой ступенью «приобретения» нового пространства.

Мирские организации возникали стихийно, как следствие естественного стремления общества к самоорганизации. Центральная власть делала ставку на местные общества и традиционные институты самоуправления, используя их в качестве низового звена власти, наделяя их властными полномочиями и сохраняя за ними определенную степень самостоятельности и базовые принципы формирования: выборность, коллегиальность, отчетность исполнительных органов перед представительными. Инкорпорация традиционных институтов самоуправления в административную систему региона и государства свидетельствовала о завершающей стадии формирования вертикальных связей сибирской окраины и центра.

«Российская модель» крестьянской общины рассматривалась местной администрацией в качестве идеальной основы для интеграции сельского населения. Главным достоинством была ее адаптация к общеимперскому законодательству и аппарату управления. Конечным результатом этих процессов была гомогенизация имперского этнополитического пространства, а в качестве приоритетного идентификатора выдвигался сослов-

ный критерий, а не этническая идентичность. Интенсивность проведения интеграционных мероприятий на уровне волости зависела как от степени включенности более крупных, чем волость территориальных единиц, так и от готовности населения к восприятию новаций. Наиболее значительные подвижки происходили у аборигенов, проживающих в зоне активного торгово-промышленного и земледельческого развития, интенсивных контактов с русским населением. Инкорпорированные в административную систему традиционные институты самоуправления, фактически сохраняли лишь форму, наполняясь новым содержанием. Расширяясь, имперское пространство не консервировало традиционное общество и его институты, а трансформировало, разрывая локализм и замкнутость «малого» общества, заменяя горизонтальные связи на вертикальные. Государство практически не использовало насильственных методов интеграции, заменяя их символическими, ментальными практиками, позволяющими привыкать и власть, и само общество к новым отношениям.

4.2. Дворянская колонизация Сибири на рубеже XIX–XX веков

Как только переселение в Сибирь приобретает вид организованного процесса, возникает иллюзия осуществления отбора колонистов нужного типа из всего разнообразия желающих попытать счастье на новом месте. Публицистика, официальные отчеты и внутренняя переписка чиновников различных ведомств, занимающихся вопросами переселения в Сибирь, дают богатый материал для изучения имперских представлений о наилучшем/наихудшем составе сибирских переселенцев⁴⁴⁹.

Разочарование чиновников в колонизационных способностях крестьянства привело к установлению имущественного ценза для лиц, переселяющихся в Сибирь. В ноябре 1893 г. Министерство внутренних дел (МВД) уведомило Комитет Сибирской железной дороги (КСЖД) о желательности переселения в Сибирь

---

⁴⁴⁹ Анализ данных представлений см.: Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России позднеимперского периода в геополитическом и национальном измерениях // Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск, 2011. С. 72–120.

зажиточных крестьян и мещан, а в 1894 г. обоими ведомствами было принято постановление о выдаче разрешений желающим переселиться в Сибирь только при наличии сбережений не менее 300–500 руб. на семью⁴⁵⁰.

Низкие оценки экспертов вызвала практика воспроизводства в Сибири общинного землепользования при повышенной государственной опеке переселенческих хозяйств. При разнородности исходных элементов, создающих новое сельское поселение, крестьянская община не выполняла возложенные на нее функции⁴⁵¹. На волне подобных настроений 10 февраля 1893 г. на заседании в недавно образованном Комитете Сибирской железной дороги был поднят вопрос о привлечении на сибирские земли «образованных людей из привилегированных сословий» и о создании в Сибири крупной частной собственности на землю⁴⁵². На заседании КСЖД 31 мая 1894 г. министры внутренних дел, финансов, земледелия и государственных имуществ высказались за желательность создания в Сибири, наряду с крестьянской общиной, личного землевладения, путем отчуждения участков казенной земли в частные руки⁴⁵³.

Разработка правовой основы для передачи государственных земель в частную собственность заняла более семи лет. В результате были приняты три законодательных акта, регулирующих этот процесс. 22 июня 1900 г. император Николай II утвердил сразу два положения, разработанные в Комитете Сибирской железной дороги: об образовании подворных и хуторских участков для переселенцев и о переселении на казенные земли Сибири дворян-землепашцев, а 8 июня 1901 г. императором был подписан закон об отводе частным лицам казенных земель в Сибири. В отечественной историографии Сибири эти три законодательных акта совместно не рассматривались. Наиболее полно рас-

⁴⁵⁰ Чуркин М.К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск, 2006. С. 172-174.

⁴⁵¹ См. об этом: Суворова Н.Г. Переселенческая община и русская колонизация Азиатских окраин Российской империи в конце XIX – начале XX вв. // Западная Сибирь и сопредельные территории: демографические и социально-исторические процессы (XVII–XX вв.): мат.-лы Всеросс. науч.-практич. конф., посвященной 90-летию д.и.н., проф. А.Д. Колесникова. Омск, 2009. С. 164-175.

⁴⁵² РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 285. Л. 1.

⁴⁵³ Там же.

смотрено принятие закона от 8 июня 1901 г., его применение и последствия⁴⁵⁴. Поскольку в историографии закон от 8 июня 1901 г. трактовался исключительно как продворянский, то одновременно с изложением его содержания, историки рассказывали и о правилах переселения в Сибирь дворян-землепашцев от 22 июня 1900 г. При этом дворянская колонизация так и не стала предметом самостоятельного исследования, в отличие от сюжетов, связанных с применением правил 22 июня 1900 г. об образовании подворных и хуторских участков для переселенцев, которым были посвящены отдельные публикации⁴⁵⁵.

Попытки создания частного дворянского землевладения в Сибири предпринимались и ранее⁴⁵⁶ через процедуры продажи отмежеванных участков казенной земли и пожаловании земли чиновникам и казачьим офицерам, однако они не носили системного характера. В результате этих мер к концу XIX в. в Сибири насчитывалось 1827 дворянских владений общей площадью 1111,7 тыс. десятин, большая часть которых принадлежала казачьему офицерству и была необработанной⁴⁵⁷.

К концу XIX в. положение мелкопоместного и безземельного дворянства, занимающегося сельским хозяйством, резко ухудшается в связи с экономическим кризисом, породившим низкие цены на сельскохозяйственную продукцию. Цены продолжали

⁴⁵⁴ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября (К вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции). Иркутск, 1966. С. 39-56; Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 328-342; Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986. С. 187-199; Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991. С. 105-118; Степанин В.А. Из истории попыток насаждения в Сибири дворянского землевладения // Ученые записки Красноярского государственного педагогического университета. 1995. Вып.4. №1. С. 134-160.

⁴⁵⁵ Корнеева Г.А. Временные правила 22 июня 1900 г. об образовании для переселенцев подворных и хуторских участков // Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1991. С. 81-90; Белянин Д.Н. Временные правила 22 июня 1900 г. в аграрной политике правительств в Сибири на рубеже XIX–XX веков // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 10. С. 27-32.

⁴⁵⁶ См.: Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября (К вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции). Иркутск, 1966. С. 40-44; Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986. С. 173-183.

⁴⁵⁷ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 328; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1901 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 69-70.

падать до конца 1890-х гг., и привели к повышению арендной платы за землю⁴⁵⁸. По подсчетам В.В. Морозан, накануне отмены крепостного права в 1858 г. количество малоимущих дворян в Европейской России составляло 57 854 семьи, что составляло 57,7 % от всех дворянских семей этого региона. К малоимущим или мелкопоместным дворянам В.В. Морозан относит, вслед за своими источниками, «... тех, кто владел не более 20 крепостными крестьянами до реформы 1861 г. или тех, чьи владения не превышали более 100 десятин земли в пореформенные года»⁴⁵⁹. Из этого количества 42,7 % дворянских семей не владели ни землей, ни крестьянами⁴⁶⁰. Подавляющее большинство безземельных дворян (81,5 %) проживало в пяти западных губерниях: Ковенской, Виленской, Минской, Могилевской и Гродненской⁴⁶¹. По данным С. Беккера, количество безземельных дворян увеличилось с 19–22 % в 1861 г. до 61–62 % в 1905 г.⁴⁶², однако неизвестно, сколько из них продолжало заниматься сельским хозяйством.

По данным Дворянского Сопещения, которые использовались Переселенческим управлением МВД в 1899 г. для изучения целевой аудитории будущего закона о переселении безземельных дворян в Сибирь, в европейской части России проживало 114 716 «русских дворян-земледельцев», из которых 12 % дворян владели участками не более 10 дес., а 37 % обладали имениями от 10 до 100 дес.⁴⁶³ Прошения о переселении в Сибирь, подаваемые в МВД дворянскими семьями, поступали преимущественно из Витебской, Воронежской, Курской, Минской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Смоленской, Таврической и Херсонской губерний⁴⁶⁴.

Оскудение российского дворянства вызвало споры и обсуждения как в губернских дворянских собраниях, так и на страни-

⁴⁵⁸ Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. С. 65.

⁴⁵⁹ Морозан В.В. Мелкопоместное дворянство центрально-земледельческого района России в XIX в. // Социально-культурные аспекты истории экономики России XIX–XX веков: Мат-лы I Всеросс. науч. конф. СПб., 2012. С. 26.

⁴⁶⁰ Там же. С. 25.

⁴⁶¹ Там же. С. 24–25.

⁴⁶² Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. С. 61.

⁴⁶³ РГИА. Ф.391. Оп.2. Д.388. Л.89-об.

⁴⁶⁴ Там же. Л.89-об.-90.

цах центральных журналов и газет⁴⁶⁵. Ряд дворянских собраний (в Санкт-Петербурге, Рязани, Самаре, Калуге, Владимире, Смоленске и Астрахани) ходатайствовали в органы государственной власти «о воссоздании поместного дворянства путем предоставления разорившимся помещикам и выслужившимся чиновникам безвозмездно или на льготных условиях участков казенных земель в Западном крае и в Сибири»⁴⁶⁶. Показательна в этом отношении инициатива помещика И.Д. Яковлева, выступавшего дважды перед Екатеринославским губернским дворянским собранием – 17 января 1893 г. и 18 января 1899 г. В 1893 г. И.Д. Яковлев предложил для улучшения положения безземельного дворянства создать фонд добровольных пожертвований от более состоятельных помещиков, на средства которого приобреталась бы земля для обнищавших дворян⁴⁶⁷. Эта задумка, первоначально получившая положительный отклик среди екатеринославского дворянства, так и осталась на бумаге, о чем сетовал И.Д. Яковлев в своем втором выступлении на дворянском губернском собрании в 1899 г.⁴⁶⁸

В 1900 г. неугомонный помещик написал записку «О колонизации безземельных дворян», где, среди прочих мер помощи разорившимся дворянам, предлагал переселять их в Сибирь⁴⁶⁹. Несмотря на отсутствие адресата, эта записка и оба доклада Яковлева Екатеринославскому дворянскому собранию дошли до наших дней в составе бумаг КСЖД, где в конце XIX в. обсуждались вопросы о переселении в Сибирь тех дворян, которые не имели земельной собственности, но занимались сельским хозяйством, и потому были вынуждены арендовать земельные участки у крестьянских общин или богатых помещиков. Такая категория дворян получила наименование «дворяне-землепашцы» (также использовались термины «дворяне-хлебопашцы» и

---

⁴⁶⁵ Подробное изложение полемики по дворянскому вопросу в печати и органах власти см.: Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 252-377. Но существует и противоположная точка зрения на проблему «оскудения дворянства», развенчанию мифа об упадке российского дворянства посвящена книга С. Беккера.

⁴⁶⁶ Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1901 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 277.

⁴⁶⁷ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 388. Л. 15-16 об.

⁴⁶⁸ Там же. Л. 17-18 об.

⁴⁶⁹ Там же. Л. 9-14 об.

«дворяне-земледельцы»). Так как дворяне-землепашцы вели крестьянский образ жизни и обрабатывали землю силами своей семьи, они, по сути, ничем не отличались от крестьян, но из-за номинальной принадлежности к дворянству, не могли воспользоваться теми государственными программами вспомоществования, которые существовали для крестьян. В частности, такие дворяне не имели права льготного проезда в Сибирь, равно как и возможности претендовать на ссуды, выдаваемые государством переселенцам.

Показательна в этом отношении история воронежских дворян Корчагиных, поведенная чиновником особых поручений Переселенческого управления МВД в записке от 29 января 1898 г. До своего переселения в Сибирь Корчагины проживали в с. Сенном Задонского уезда Воронежской губернии, где владели около 45 десятин земли. В конце 1830-х гг. в результате семейных интриг они лишились своего земельного участка: земля «... отнята была... одним дьяконом, женившимся на родственнице...», которой в приданое отдали треть земельного участка. После хитроумных махинаций дьякона вся земля Корчагиных оказалась в его собственности⁴⁷⁰. Корчагиным пришлось арендовать землю небольшими участками у ближайших помещиков по цене 15 руб. за десятину и собственноручно обрабатывать ее под посев. После того как помещики подняли арендную плату за землю, Корчагины арендовали свободные душевые наделы у крестьян с. Сенного, которым, помимо аренды, приходилось поставлять каждый год ½ ведра водки с десятины⁴⁷¹.

Дальнейший рост арендных цен вынудил Корчагиных (двух братьев и 27-летнего сына одного из них) «... искать новых мест для водворения и устройства своего хозяйства в Сибири»⁴⁷². Их выбор пал на д. Большие Чирки Ражевской волости Ишимского уезда Тобольской губернии, но, как дворяне, Корчагины не могли получить наделные участки от крестьянской общины этого поселения. Поэтому 27-летний сын главы незадачливого семейства, Марей Иванов Корчагин, выпросил у крестьянского общества д. Большие Чирки приемный приговор и инициировал

---

⁴⁷⁰ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 388. Л. 2-2 об.

⁴⁷¹ Там же. Л. 2 об.-3.

⁴⁷² Там же. Л. 3.

ходатайство в Задонское полицейское управление Воронежской губернии о причислении его в крестьяне⁴⁷³.

Чиновник Переселенческого управления, описавший эту историю, отметил, что случай с переселением дворян Корчагиных далеко не единственный (о чем он уже докладывал в МВД в 1894 г.) и что большинство переселяющихся в Сибирь дворян-земледельцев прибывает из «Центральной земледельческой полосы»: Курской, Орловской, Калужской, Рязанской губерний, но также были случаи переселения дворян из Минской губернии⁴⁷⁴.

Дворяне, обладающие правом свободного передвижения по стране, добирались до Сибири беспрепятственно, выписывая себе бессрочные паспорта в полицейских управлениях или проходные свидетельства в земских управах. Однако они не имели права на льготные проездные тарифы, которыми пользовались ходоки и крестьяне-переселенцы, получившие официальное разрешение на поселение в Сибири. Самые же большие сложности возникали уже по прибытии в Сибирь, и связаны они были с процессом наделения казенной землей.

Те из дворян, которые пришли в Сибирь с крестьянской переселенческой волной рубежа 1880–1890-х гг., смогли на основе «захватного права» получить участки казенной земли под пашню и официально водвориться на основании закона 13 июля 1881 г.⁴⁷⁵ Местные сибирские власти в процессе водворения переселенцев были вынуждены попутно решать вопросы несответствия прибывших совместно с крестьянами дворян условиям закона, на основании которого их, собственно, и причисляли к захваченным земельным участкам. Было апробировано несколько сценариев решения вопроса с водворением дворян-землепашцев. Например, дворянское семейство Солодко (15 чел. об. п.), прибывшее в пос. Ольгинский Казанской волости Каинского уезда Томской губернии из Лубенского уезда Полтавской губернии в 1897 г., было причислено к крестьянам пос. Ольгинского распоряжением Казенной палаты⁴⁷⁶. Пять семей курских дворян Лихошерстовых и четыре семьи Степановых,

⁴⁷³ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 388. Л. 1 об.

⁴⁷⁴ Там же. Л. 3 об.-4.

⁴⁷⁵ Там же. Л. 70 об.-71.

⁴⁷⁶ Там же. Л. 74 об.-76.

поселившиеся в пос. Троицком Итатской волости Мариинского уезда Томской губернии в 1889 г., спустя 10 лет проживали в поселке на правах разночинцев⁴⁷⁷.

Иная ситуация сложилась с семьями минских дворян Скура-товичей, Константиновичей, Лукашевичей, Муравскими, Юшкевичами, Антоневичами и Бабицкими, обосновавшимися на территории Екатерининской казенной лесной дачи Тарского уезда Тобольской губернии в 1891 г., где была образована оброчная статья «Минская»⁴⁷⁸. Поскольку до 1902 г. минские дворяне не претендовали на официальное закрепление за ними арендуемых у казны участков и не были на них водворены, то и вопроса об их социальной принадлежности, которая могла воспрепятствовать их землепользованию, до этого времени не возникало.

Начиная с 1896 г., после подачи императору Николаю II записки от объединенного совещания губернских предводителей дворянства⁴⁷⁹, возобновляется обсуждение и подготовка законов, регулирующих переселение дворян в Сибирь и наделение их землей. На заседании КСЖД 27 апреля 1896 г. император повелел министру земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолову внести на рассмотрение Комитета свои предложения по вопросу о насаждении частного землевладения в Сибири⁴⁸⁰.

Как раз за год до разработки нового законопроекта, 20 апреля 1895 г., в Министерство земледелия и государственных имуществ (МЗиГи) поступило ходатайство от 10 дворянских семей Дьяченко, проживавших в с. Большой Белозерке Мелитопольского уезда Таврической губернии, о наделении их землей из средств казны «хотя бы наравне с крестьянами». Причем в прошении было выражено согласие получить землю «... вблизи вновь построенной Сибирской железной дороги, из участков, пригодных исключительно под хлебопашество»⁴⁸¹. Но 14 июня 1895 г. Земский отдел МВД вернул это ходатайство таврическому губернатору, а просителям было объявлено ожидать дальнейших распоряжений начальства.

⁴⁷⁷ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 388. Л. 68 об.-70.

⁴⁷⁸ Там же. Д. 1035. Л. 1-1 об.

⁴⁷⁹ Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986. С. 187.

⁴⁸⁰ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 285. Л. 1.

⁴⁸¹ Там же. Л. 2 об.-3.

Губернское присутствие запросило у земского начальника 4-го участка Мелитопольского уезда А. Маркина, под чьим началом находилось село, в котором проживали Дьяченки, заключение по вопросу о целесообразности их переселения в Сибирь. Земский начальник в своем докладе таврическому губернатору от 21 июля 1895 г. признал переселение Дьяченко в Сибирь «... вполне желательным уже по той причине, что этим способом уменьшится число безземельных людей, проживающих в обществе крестьян, вполне обеспеченных землею; а само наделение 10 крайне бедных семейств казенною землею, представляет весьма отрадный факт»⁴⁸².

Земский начальник дал весьма нелестную оценку дворянским семействам Дьяченко, которая никак не соотносилась с описанием «желательного, в колонизационных и культурных целях, состава частных хозяев» в Сибири, данным А.Н. Куломзинным в своей записке «Основы насаждения частного землевладения в Сибири»⁴⁸³. А. Маркин писал: «Дворяне эти ни по образу жизни, ни по умственному развитию, ни в чем не отличаются от местных крестьян, все они неграмотные и живут крайне бедно, так как единственным средством к жизни их служит хлебопашество на землях арендуемых ими из года в год у тех же белозерских крестьян; как подспорьем для некоторых Дворян служит занятие различными ремеслами, из практикующих в крестьянском быту; в общем все эти 10 семейств представляют крайне печальное явление, и к тому же из потомков древнего Российского Дворянского рода!»⁴⁸⁴.

После получения данного заключения, 3 августа 1895 г. на заседании Таврического губернского присутствия по административным делам в присутствии губернатора П.М. Лазаревича рассматривался вопрос о возможности переселения дворян Дьяченко в Сибирь⁴⁸⁵. Из представленных земским начальником посемейных списков было установлено, что после продажи имущества только две из десяти дворянских семей смогут выручить необходимые для переселения денежные средства, установленные законом 1894 г. для крестьян, уезжающих в Си-

⁴⁸² РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 285. Л. 2 об.-3.

⁴⁸³ Там же. Д. 388. Л. 41 об.-42.

⁴⁸⁴ Там же. Д. 285. Л. 18-18 об.

⁴⁸⁵ Там же. Л. 9-10 об.

бирь. Поэтому Таврическое губернское присутствие постановило разрешить переселение только двум наиболее обеспеченным семьям Дьяченко⁴⁸⁶.

Вынесенное решение безземельных дворян не устроило. После официальных заверений императора Николая II о поддержке российского дворянства, прозвучавших в 1896 г., и организации Особого совещания по делам дворянского сословия в 1897 г. Дьяченко подали 1 августа 1897 г. коллективное прошение на имя министра внутренних дел И.Л. Горемыкина, в котором напрямую ссылались на «Всемиловейшего Монарха» всенародно объявившего «... о заботах своих об участи Дворянского сословия вообще»⁴⁸⁷. В итоге, это прошение попало во всеподданнейший доклад министра внутренних дел и 30 апреля 1898 г. Николай II разрешил всем семьям Дьяченко переселиться в одну из сибирских губерний на основании закона 13 июля 1889 г. Было решено не причислять их к сельским обществам и волостям⁴⁸⁸. Данное решение в дальнейшем будет прописано в законе 22 июня 1900 г. о переселении дворян-землепашцев в Сибирь.

Уже в мае 1899 г. семьи Дьяченко (64 чел. об. п.) были поселены в пос. Канкринском Акмолинского уезда Акмолинской области, получив земельные участки совместно с крестьянами. Так как дворяне не были приписаны к сельскому обществу, то они отказались нести общинные повинности и вносить мирские взносы, что вызвало, в свою очередь, «... недоразумения между крестьянами и дворянами» результатом чего стало «... большое нерасположение крестьян к дворянам»⁴⁸⁹.

Как и опасались члены Таврического дворянского присутствия, запретившие в 1895 г. переселяться в Сибирь всем семействам Дьяченко в виду их несостоятельности, и как следствие неизбежных затрат казны на их обустройство на новом месте, к 1902 г. задолженность этих дворянских семей по государственным ссудам на домообзаводство и продовольствие по случаю неурожая в 1902 г. составила 1643 руб. 28 коп.⁴⁹⁰ Несмотря на это, летом 1902 г. Дьяченки ходатайствовали перед военным гу-

⁴⁸⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 285. Л. 10 об.

⁴⁸⁷ Там же. Л. 3.

⁴⁸⁸ Там же. Л. 29.

⁴⁸⁹ Там же. Д. 388. Л. 83.

⁴⁹⁰ Там же. Д. 285. Л. 61.

бернатором Акмолинской области о выдаче им очередной ссуды в 100 руб. на приобретение племенного быка. И военный губернатор Акмолинской области, и генерал-губернатор Степного края посчитали возможным удовлетворить это прошение и перенаправили его в МВД⁴⁹¹.

Таким образом, процесс переселения мелитопольских дворян Дьяченко стал показательным во время разработки закона о колонизации дворянами-землепашцами Сибири.

После того, как император поручил министру земледелия и государственных имуществ внести свои предложения по вопросу о насаждении частного землевладения в Сибири в КСЖД, у сибирских губернаторов запросили сведения на этот счет. Но к 24 апреля 1897 г. запрашиваемая информация так и не поступила в Министерство земледелия и государственных имуществ⁴⁹². Почти год спустя, 14 апреля 1898 г. появляется записка статс-секретаря А.Н. Куломзина «Основы насаждения частного землевладения в Сибири», в которой была приведена небольшая историческая справка о мероприятиях по введению частной собственности на землю в Сибири, проводимых в течение XIX в.⁴⁹³ Даровая раздача казенных земель малоимущим дворянам, предпринятая в 40-х гг. XIX в., показала «... насколько непригодным для колонизационных целей элементом являются малообразованные классы населения, не обладающие средствами для обработки даже безвозмездно полученной от Государства земли»⁴⁹⁴. Из этого наблюдения был сделан вывод о необходимости привлекать в Сибирь такой контингент лиц, который «... соединял бы, с общим знанием улучшенных способов ведения сельского хозяйства, и необходимый для их применения оборотный капитал»⁴⁹⁵. Далее автор записки применил риторический метод исключения: перечисляя различные группы населения, он обосновывал причины, по которым те не соответствовали предъявленным критериям. Крестьяне-земледельцы не подходили на роль частных хозяев «... ввиду их малокультурности и малосостоятельности ...», представители городских сословий

⁴⁹¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 285. Л. 61.

⁴⁹² Там же. Л. 1.

⁴⁹³ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 388. Л. 33 об.-35.

⁴⁹⁴ Там же. Л. 41 об.

⁴⁹⁵ Там же.

не обладали необходимым опытом ведения сельского хозяйства и, при наличии свободных сил и капиталов, отдавали предпочтение торгово-промышленной деятельности. После приведенных доводов следовало логическое завершение: «остаётся, таким образом, класс дворян – настоящих или бывших земледельцев, которые, обладая во многих случаях наследственной привычкой к сельскому хозяйству и преемственным интересом к землевладению, мог бы, в силу часто сравнительно более высокого уровня своего развития, предпринять, при наличии благоприятных условий, устройство хозяйства на более или менее рациональных началах»⁴⁹⁶. Таким образом, на «интеллигентное, преимущественно дворянское землевладение» возлагалась миссия создания в Сибири такого общественного слоя, который был бы близок к сельскому населению и распространял бы среди него «... свое цивилизирующее культурное влияние»⁴⁹⁷.

Однако за этими туманными рассуждениями сложно понять, какую именно категорию дворянства А.Н. Куломзин хотел бы видеть в роли сибирских землевладельцев. Высказываясь категорически против «малоимущих дворян», тем не менее, он делал ставку на тех представителей «благородного сословия», которые обрабатывали землю силами своей семьи, мало чем отличались от крестьян и, в конечном итоге, считались «малоимущими». Существовали и другие точки зрения по данному вопросу, изложенные в статье В.А. Степынина⁴⁹⁸. Но, судя по результатам принятого в дальнейшем закона 22 июня 1900 г., возобладало мнение А.Н. Куломзина.

Весной 1899 г. прошла череда заседаний Подготовительной комиссии № 68 КСЖД по делу о насаждении в Сибири частного землевладения. По предложению начальника Переселенческого управления МВД В. Гиппиуса было принято решение, предоставлять переселяющимся в Сибирь дворянам, «... ничем в образе жизни и занятиях не отличающихся от крестьян и мещан-земледельцев...», семейные участки, размером не более 100 де-

---

⁴⁹⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 388. Л. 41 об.

⁴⁹⁷ Там же.

⁴⁹⁸ Степынин В.А. Из истории попыток насаждения в Сибири дворянского землевладения // Ученые записки Красноярского государственного педагогического университета. 1995. Вып. 4. № 1. С. 140-146.

сятин⁴⁹⁹. Комиссия единогласно признала земельное устройство таких дворян в Сибири «... делом государственной справедливости и необходимости», поручив МВД предоставить КСЖД в 1900 г. свои предложения о порядке переселения и наделения землей дворян-земледельцев⁵⁰⁰.

После столь громких заявлений, процесс по подготовке предложений для нового законопроекта о переселении дворян в Сибирь, заметно ускорился. В начале июля 1899 г. Переселенческое управление МВД запросило у сибирских губернаторов сведения о случаях «... водворения на казенных землях дворян, по своему быту ничем от крестьян не отличающихся»⁵⁰¹. Эту информацию необходимо было предоставить к 15 сентября 1899 г. Однако ответы на запрос из Акмолинской и Семипалатинской областей были направлены в Переселенческое управление лишь в середине октября 1899 г.⁵⁰²

В декабре 1899 г. в КСЖД из Переселенческого управления МВД поступила записка «О переселении на казенные земли Сибири дворян-землепашцев», а 22 февраля 1900 г. было проведено очередное заседание Подготовительной комиссии № 86 КСЖД, где были приняты основные положения правил переселения дворян-земледельцев в Сибирь, утвержденные императором 22 июня 1900 г. Чтобы не уменьшать социальную базу этого закона, правом предоставления участков казенной земли в Сибири могли воспользоваться не только потомственные дворяне, обрабатывающие землю своим личным трудом и трудом членов своей семьи, имеющие неоспоримые доказательства своего дворянского происхождения, но и те, кто подобных свидетельств предоставить не мог, а при этом их дворянское происхождение было известно местным губернским предводителям дворянства⁵⁰³. В Сибири дворянам-земледельцам должны были отводиться особые участки от 60 до 100 десятин на одну семью вне зависимости от ее размера и количества мужчин. Таким образом, в новом законе было проигнорировано предложение сибирских властей предоставлять дворянам-земледельцам такие же

⁴⁹⁹ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 388. Л. 50-об.

⁵⁰⁰ Там же. Л. 50 об.-51.

⁵⁰¹ Там же. Л. 65.

⁵⁰² Там же. Л. 82-83, 85.

⁵⁰³ Там же. Л. 118.

общинные участки, как и переселенцам-крестьянам⁵⁰⁴. В платежах, льготах и пособиях дворяне-земледельцы были уравнены с переселенцами из числа крестьян и мещан, но статьи положения о переселении дворян, касающиеся ссуд и пособий, не подлежали оглашению⁵⁰⁵.

Основной льготой, на которую могли рассчитывать малоимущие дворяне, отправляясь в Сибирь, было качество и размер предоставляемого участка. Об этом прямо было сказано в записке товарища министра внутренних дел А.С. Стишинского, адресованной министру земледелия и государственных имуществ 6 июля 1900 г.: «... успех предстоящего переселения в Сибирь переселенцев рассматриваемой категории находится в прямой зависимости от качества тех земель, которые им могут быть предложены в Сибири»⁵⁰⁶.

Уже 25 января 1901 г. министр внутренних дел Д.С. Сипягин докладывал императору Николаю II о ходе и перспективах применения закона 22 июня 1900 г. Министр обратил внимание императора на то, что в центральных и западных губерниях империи «... существует многочисленный класс так называемой мелкой шляхты...», и поэтому принятый закон «... должен получить широкое применение, между тем количество земли, могущей быть отведенной в надел дворян-землепашцев, представляется пока ограниченным». В связи с этим Д.С. Сипягин предложил временно ограничить действие закона только теми губерниями Европейской России, «... где необходимость в выселении (дворян-землепашцев. — *А.К.*) выяснилась с наибольшей настоятельностью»⁵⁰⁷. К таким губерниям были отнесены Тульская, Орловская, Костромская и Самарская. Император с таким предложением согласился. В дальнейшем планировалось постепенно расширить область применения данного закона.

Первоначально для поселения дворян-землепашцев было выделено 14 участков в Акмолинской области, Тобольской, Иркутской и Енисейской губерниях общей площадью в 56 538 десятин

⁵⁰⁴ Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991. С. 108.

⁵⁰⁵ Островский И.В. Указ. соч. С. 109; РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 388. Л. 119 об.

⁵⁰⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 388. Л. 128.

⁵⁰⁷ Там же. Л. 169.

удобной земли⁵⁰⁸. Но к маю 1902 г. Переселенческое управление на основании отчетов сибирских губернаторов было вынуждено признать выбранные участки (кроме Малиновского в Ишимском уезде Тобольской губернии) непригодными для целей закона 22 июня 1900 г.⁵⁰⁹ Тобольский губернатор А.П. Лаппа-Старженецкий писал 4 октября 1901 г. министру внутренних дел, что два из трех запроектированных участков для дворян-земледельцев в Тобольской губернии совершенно не подходят «... для устройства на них дворян, в виду значительной отдаленности этих участков от уездных городов (217–253 в.) и почти недоступности их для переселенцев по отсутствию проезжих дорог к этим участкам, находящимся при том в урманных местах»⁵¹⁰.

После длительной переписки между сибирскими и центральными ведомствами для поселения дворян-землепашцев было решено выделить 10 участков, на которых можно было бы поселить 427 семей⁵¹¹. Но к марту 1904 г. из 10 запланированных участков только четыре были размежеваны на семейные отруба и частично заселены: участок Семиреченский (на 20 семей) в Седельниковской волости Тарского уезда, Малиновский (на 36 семей) в Ишимском уезде Тобольской губернии, участок Усть-Иршинский (на 69 семей) в Канском уезде Енисейской губернии и участок при урочище Караузек (на 15 семей) в Акмолинской области. В марте 1904 г. разрешение на поселение на этих участках получило 26 семей и 149 семей ожидало выдачи ходаческих билетов⁵¹².

Из-за нехватки специалистов для проведения межевания в Сибири между Министерством земледелия и государственных имуществ и Переселенческим управлением МВД в 1902 г. произошел конфликт, т. к. Департамент государственных земельных имуществ МЗиГИ отказался возлагать на свои переселенческие землеотводные партии обязанности по поиску и размежеванию участков для дворян-землепашцев, аргументируя это тем, что «... партии эти учреждены с целью образования участков для водворения переселенцев-крестьян»⁵¹³.

⁵⁰⁸ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 388. Л. 168 об.

⁵⁰⁹ Там же. Л. 195-196 об.

⁵¹⁰ Там же. Л. 169 об.

⁵¹¹ Там же. Д. 1013. Л. 90-90 об.

⁵¹² Там же.

⁵¹³ Там же. Д. 388. Л. 248 об.

В связи с этим межевые работы продвигались медленно и дворянам-землепашцам, прибывшим на приглянувшийся им участок, приходилось ждать, когда его разобьют на отруба, после чего можно было заселяться. К примеру, в мае 1904 г. заселения на Малиновский участок ожидало шесть дворянских семей, которые с 1903 г. проживали в г. Ишиме. Работы по размежеванию участка были запланированы на 1903 г., но так как землемеры были заняты отводом общинных участков в Тарском уезде, в назначенное время они так и не начались⁵¹⁴. Поэтому Тобольское губернское управление 12 мая 1904 г. поручило коллежскому секретарю Злобину приступить к землеустроительным работам прежде всего на участке Малиновском. В результате проведенных работ осенью 1904 г. участок начал заселяться.

Одними из первых поселенцев на этом участке стали польские дворяне Верниковские: Франц Фабианов и его четверо неженатых сыновей. Верниковские прибыли из Белебеевского уезда Уфимской губернии, куда глава семейства был сослан за причастность к Польскому восстанию 1863 г. Прибыв в г. Ишим по пяти ходаческим свидетельствам, Верниковские стали претендовать на пять отрубных участков⁵¹⁵. Прошение Верниковских рассматривалось в Тобольском губернском управлении по крестьянским делам, где было принято решение, согласно 5 статье закона от 22 июня 1900 г., о выделении польским дворянам одного семейного участка⁵¹⁶.

Участники Польского восстания 1863 г., оставшиеся в Сибири и восстановленные в дворянских правах после проведения амнистии, стали одной из специфических групп, на которую было распространено действие закона 22 июня 1900 г. о переселении на казенные земли Сибири дворян-землепашцев. Заведя в Сибири семьи и проживая в деревнях, бывшие ссыльные польские дворяне не имели права на получение земельных участков в сельских обществах, поэтому землю для хлебопашества им приходилось арендовать у местных крестьян. После принятия закона 22 июня 1900 г. 27 семей польских дворян, проживавших в Иркутской губернии, и 14 семей из Енисейской губернии⁵¹⁷ попросили о своем

⁵¹⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 390. Л. 121-121 об.

⁵¹⁵ Там же. Д. 388. Л. 270 об.-271.

⁵¹⁶ Там же. Л. 271.

⁵¹⁷ Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991. С. 115.

землеустройстве на основании 5 статьи этого закона, предусматривающей наделение дворян-землепашцев семейными участками до 100 десятин. Однако в Иркутской губернии не предполагалось открытие дворянских переселенческих участков, а в Енисейской губернии в 1903 г. обмежевывался Усть-Иршинский участок на 69 семей⁵¹⁸, но местные крестьяне, издавна арендовавшие земли этого участка под пашни и сенокос, активно сопротивлялись проведению землеустроительных работ⁵¹⁹.

Сами польские дворяне не желали переезжать на специальные участки, считая подобные переезды разорительными для своего хозяйства. Губернские власти предложили вариант решения сложившейся проблемы, требующий отступления от правил 22 июня 1900 г., который и был утвержден центральными властями. Было решено предоставить амнистированным дворянам земельные участки в тех населенных пунктах, где они проживали наравне с крестьянами, исходя из нормы 15 десятин на душу мужского пола⁵²⁰.

В поземельном устройстве польских дворян в Сибири оказались заинтересованы не только сибирские власти, но и начальство Северо-Западного края. В частности, виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор кн. П.Д. Святополк-Мирский в своем письме к министру внутренних дел В.К. Плеве от 9 декабря 1903 г., рассуждая о земельной политике в отношении польского дворянства в вверенных ему губерниях, писал: «Допуская... стеснение шляхты в ее землевладении в Северо-Западном крае, я не могу не остановиться на мысли о том, что это стеснение, производимое в видах достижения правительственных задач, должно было бы уравниваться представлением лицам шляхетского происхождения некоторых новых прав, если лица этой категории и являются, в виду их национальных традиций, нежелательными в Высочайше вверенном мне крае, то причисление их, как трудоспособного землеобрабатывающего класса, в другие местности России не только возможно, но во многих отношениях и желательно. Поэтому, по моему мнению, представлялось бы пра-

⁵¹⁸ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1013. Л. 90.

⁵¹⁹ Степынин В.А. Из истории попыток насаждения в Сибири дворянского землевладения // Ученые записки Красноярского государственного педагогического университета. 1995. Вып. 4. № 1. С.157.

⁵²⁰ Островский И.В. Указ. соч. С. 115.

вильным распространить на шляхтичей все права, присвоенные крестьянам о наделении их казенной землею на правах переселенцев в пределах Азиатской России или иных местностей, отведенных под заселение. Эта мера, оправдывая известное стеснение шляхты на месте их родины, содействовала бы отливу значительного контингента шляхетских землевладельцев из пределов Северо-Западного края и способствовала бы расширению землевладения крестьян русского происхождения и православного вероисповедания»⁵²¹.

Исполняющий должность начальника Переселенческого управления МВД А.В. Кривошеин согласился с заключением кн. П.Д. Святополк-Мирского, заметив, что поскольку в Сибири переселенческих участков для дворян-землепашцев заготовлено еще мало, то действует решение по ограничению переселения дворян из европейской части России за исключением некоторых центральных губерний⁵²². Тем не менее, А.В. Кривошеин допускал применение закона 22 июня 1900 г. к мелкой шляхте западных губерний в отдельно взятых случаях и с личного разрешения «Главного Начальника края»⁵²³.

В архивных делах фонда Комитета Сибирской железной дороги сохранились тысячи прошений безземельных дворян о наделении их землей в Сибири на основании закона 22 июня 1900 г. Согласно данным В.Г. Тюкавкина, по количеству заселенных дворянских семейных участков, к концу 1916 г. в Иркутскую и Томскую губернии и Акмолинскую область переселилось 516 семей безземельных дворян, большая часть которых (307 семей) разместилась в Акмолинской области⁵²⁴. Несмотря на отсутствие данных по Тобольской губернии, можно говорить о более чем скромных результатах дворянской колонизации Сибири.

Рассмотренный сюжет вроде бы вторичен в общей волне переселений – потому как дворяне численно и экономически не являлись основой для реальной колонизации Сибири и при всех благоприятных обстоятельствах не могли ею стать. Тем не менее

⁵²¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 388. Л. 268-268 об.

⁵²² Там же. Л. 257-258.

⁵²³ Там же. Л. 258.

⁵²⁴ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября (К вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции). Иркутск, 1966. С. 51.

он очень полезен при анализе такой специфической сферы, как установки и представления различного уровня властей. Интересно, что правительство явно боялось совершить самый лёгкий шаг – причислить разорившихся дворян к крестьянам – даже тогда, когда первые прямо просили об этом. Возможно, потому, что перед членами правительства маячил образ падения сословного общества и, соответственно, русской монархии. Хотя сами обстоятельства после 1861 г. уже приговорили прежнюю сословную структуру, и размывание дворянского сословия по самым разным классам было неизбежным, правительство полагало, что сможет с этим бороться. Это хорошо почувствовали некоторые дворянские семьи, которые выжимали из государства средства, эксплуатируя стереотипы правительства. При этом они сами превращались в паразитический элемент, который никак не мог считаться благотворным для нормальной колонизации. Чиновники, в принципе, видели недобросовестность малоимущих дворян, но предлагаемые планы по колонизации неким «идеальным дворянством» были близки к утопии.

Этот сюжет хорошо показывает, что правительство вообще переоценивало свои силы, полагая себя хозяином положения: в действительности, у него не хватало возможностей для проведения тех мер, которые оно само же и предлагало – тех же землемеров – и оно работало медленно. Тем не менее, колонизация Сибири шла своим чередом, и те дворяне, которые действительно хотели в ней участвовать, наталкивались на те же проблемы, что и другие сословия. В общем-то, это старый русский парадокс: деспотизм слаб, но не чувствует этого; он игнорирует реальность и при этом уверен в своей возможности влиять на ситуацию; он принимает решения, основанные на долгом изучении фактов, но продиктованные идеалистическими установками, а на местах власти чаще всего поступают, исходя из реальных обстоятельств, – и поэтому система существует и развивается.

4.3. Поляки на службе империи

Долгое время в польско-российской историографии доминировал подход, в рамках которого Российская империя рассматривалась, прежде всего, как система угнетения и преследования, подчиняющая и провоцирующая ответную реакцию со стороны

представителей польского общества⁵²⁵. Своеобразной защитной реакцией на насилие стал процесс формирования польской интеллигенции. Противостоя колониальной экспансии России и Германии, польская интеллигенция приобрела такие черты, как патриотизм и либерализм⁵²⁶. Изучая польских подданных империи сквозь призму приговоров и карательных мер самодержавия, историки обращали основное внимание на ту часть польского общества, которая занималась антиправительственной деятельностью: членов тайных организаций, участников восстаний, политических ссыльных. Внимание к легальным кругам польской интеллигенции было значительно меньшим, хотя именно здесь процесс формирования общественного самосознания был более выразителен, чем среди участников конспиративных кружков, непрерывно истребляемых царской полицией⁵²⁷.

На рубеже 1990-х гг. появились попытки рассматривать историю поляков в Российской империи не сквозь призму преследований, приговоров и страданий, а через изучение фактов коллаборационизма части местной элиты⁵²⁸. В том числе и интеллигенции. Вовлечение её представителей в деятельность разнообразных «программ примирения» польский историк А. Шварц объяснял тем, что для всех этих программ был характерен принцип замены российской бюрократии поляками, вытесненными ранее из присутственных мест (по крайней мере, с высших постов)⁵²⁹. В глазах историков процесс деполонизации государственной службы становится краеугольным камнем политики самодержавия в польских землях. По мнению Анджея Хвальбы, подобный вариант дискриминационной политики соотносился с духом эпохи, во всей Европе власти преследовали схожие цели, но использовали разные средства и возможности⁵³⁰. В результате поляков в России оказалось гораздо больше, чем русских в

⁵²⁵ Новак А. Борьба за окраины, борьба за выживание: Российская империя XIX в. и поляки, поляки и империя (обзор современной польской историографии) // Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 432.

⁵²⁶ Кеневич Я. Интеллигенция и империя // *Ab Imperio*. 2011. № 1. С. 122.

⁵²⁷ Czepulis R.R. Ludzie nauki i talent: Studia oświadczenia społecznej inteligencji polskiej w zaborze rosyjskim. Warszawa, 1988. S. 16.

⁵²⁸ Новак А. Борьба за окраины, борьба за выживание: Российская империя XIX в. и поляки, поляки и империя (обзор современной польской историографии) // Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 432.

⁵²⁹ Там же. С. 433.

⁵³⁰ Chwalba A. Polacy w służbie. Moskali. Warszawa – Kraków, 1999. S. 235.

Польше. «В конце XIX в. как в европейской, так и в азиатской частях Империи, – подводил итог Л.Е. Горизонтов, – власти пожинали плоды собственных усилий по дискриминации поляков в Царстве Польском и Западном крае. Каждый «успех» там сторонников жесткой линии рано или поздно оборачивался неблагоприятными, с точки зрения самих же властей, последствиями за сотни и тысячи верст от Варшавы и Вильны, делая необходимой борьбу с «польским засилием» практически на всей территории государства»⁵³¹. Но, в отличие от россиян в Царстве Польском, поляки в России не оказали сильного влияния ни на архитектуру и характер городов, ни на их атмосферу⁵³².

Важной проблемой для исследователей становится соотношение готовности поляков служить империи, идти на коллаборацию с «москалями» и процесса их русификации. Сопровождалось ли продвижение по служебной лестнице утратой польскости? А если да, то можно ли считать польских художников, журналистов, геологов или инженеров, проживавших вне исторических земель Речи Посполитой, польской интеллигенцией?⁵³³ Эти вопросы волновали еще современников. В поляках, поступивших на службу России, часто видели предателей национальных интересов. Особое негодование вызывали поляки, служившие на территории Привисленского края. «Правительство, – утверждал Агатон Гиллер, – не может найти более верного исполнителя своей воли, чем поляка, занимающего высокую должность и осыпанного милостями. Поляк-сановник, лучше зная характер своего народа, с большим также знанием дела и последовательностью исполнит злую и недружественную волю правительства захватчиков»⁵³⁴.

По-разному историки оценивают польский чиновный мир столиц империи. Так, варшавский историк Х. Граля не согласился с мнением российского историка Л. Базылова, что карьера или даже просто служба поляков в Петербурге часто приводила к русификации, особенно после восстания 1863 г. «Польский дух и язык, – пишет исследователь, – сохранились во многих

⁵³¹ Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999. С. 68.

⁵³² Chwalba A. Polacy w służbie. Moskali. Warszawa – Kraków, 1999. S. 232.

⁵³³ Кеневич Я. Интеллигенция и империя // *Ab Imperio*. 2011. № 1. С. 139-140.

⁵³⁴ Цит. по: Сливовская В., Шостакович Б. Агатон Гиллер как исследователь Восточной Сибири и первый историк сибирской ссылки поляков // *Сибирская ссылка: Сборник научных статей*. Иркутск, 2000. Вып. 1 (13). С. 21.

кругах, не имеющих ничего общего с гетто; случались, и нередко, отступничества, но существовал постоянный и массовый приток поляков, общение с которыми помогало корениться в национальной культуре»⁵³⁵. Участие многих подававших надежды офицеров в польском восстании 1863 г. исследователь считал явным доказательством существования идеи валленродизма.

Другой польский исследователь В. Цабан, соглашаясь с тем, что среди поляков, служивших в российской армии, была группа юношей, которые под влиянием романтической литературы хотели бы сыграть роль Конрада Валленрода, подчеркивал, что таковых было мало. Кроме того, после нескольких лет пребывания в российских военных школах, многие осознали, что эта дорога никуда не ведет⁵³⁶. По подсчетам исследователя, на протяжении XIX в. несколько сот офицеров (400–500 чел.) – главным образом полковников и генералов – внесли существенный вклад в развитие русского военного дела. «Конечно, поляки, входившие в состав царского офицерского корпуса, сталкивались с затруднениями в продвижении по службе, поскольку власти и начальство с недоверием относились к полякам и к Польше. Но также является фактом, что ни в австрийских, ни тем более в прусских войсках и в армии кайзеровской Германии поляки не сделали столько карьер и не продвинулись по службе в той же степени, как в русской армии»⁵³⁷. В. Цабан попытался выделить наименее надежные с точки зрения сохранения национальной идентичности категории поляков, служивших в царском офицерском корпусе. По мнению историка, первую очередь от польскости отходили сыновья из польских семей, поселившихся в центральных губерниях Российской империи или даже в Сибири. Это была, главным образом, техническая интеллигенция, которая находила здесь лучшие материальные условия⁵³⁸. Сравнительно бы-

⁵³⁵ Граля Х. Еще раз о петербургских карьерах поляков // Новая Польша. 2004. № 2. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.novpol.ru/index.php?id=191> (режим доступа: свободный).

⁵³⁶ Цабан В. Поляки в российских военно-учебных заведениях в XIX веке. Мотивы поступления и карьеры // Академии наук Польши и России университеты, высшая школа, научные учреждения и общества: история польско-российских отношений в сфере науки. Тезисы. М., 2010. С. 26.

⁵³⁷ Там же. С. 28.

⁵³⁸ Caban W. W służbie Imperium czy ofiary Imperium? Polacy w carskim korpusie oficerskim w XIX wieku // Ofiary imperium. Imperia jako ofiary. 44 spojryenia. Warszawa, 2010. S. 225.

стро русифицировались уроженцы Западного края, бравшие в жены россиянок. Выйдя в отставку, они назначались на высокие посты в Королевстве Польском⁵³⁹. Исследователь предположил, что сохранению польскости способствовали регулярные контакты с соотечественниками при помощи переписки и отпусков. Но определить, какая доля поляков, лояльно служивших империи, не утратила польскость, а какая группа перешла на российскую сторону, ученый не смог.

Таким образом, каждый отдельный представитель польской интеллигенции становится интересен и уникален с точки зрения определения «границ чужеродного влияния» на национальное самосознание. Особую значимость проблема приобретает в тех случаях, когда поляки, находясь на государственной службе, продвигали интересы российской политики в отношении нерусских народов. Например, много споров вызывала судьба Яна Виткевича, отданного за принадлежность к тайной организации «Черные братья» в солдаты без выслуги лет и ставшего впоследствии офицером, востоковедом и российским дипломатическим агентом. Одни историки видели в нем человека, готового верой и правдой служить российским властям, самоотверженно выполнять любые, самые рискованные поручения, а смерть гениального агента оценивали как месть британской разведки. Другие говорили о внутреннем конфликте польского патриота, вынужденного служить московским властям⁵⁴⁰. Соответственно, загадочная смерть Виткевича превращалась в самоубийство любящего родину польского офицера, которому совесть не позволяла служить делу покорения Россией новых народов или государств⁵⁴¹. В любом случае, изучение взаимоотношений польских чиновников с представителями локальных этнических групп открывает дополнительные возможности в исследовании процессов этнического, культурного и политического самоопределения поляков в Сибири.

⁵³⁹ Caban W. W służbie Imperium czy ofiary Imperium? Polacy w carskim korpusie oficerskim w XIX wieku // Ofiary imperium. Imperia jako ofiary. 44 spojryenia. Warszawa, 2010. S. 226.

⁵⁴⁰ Например, советские историки полагали, что перелом в характере Я. Виткевича произошел только после 1833 г., когда в результате «омского дела» рухнули надежды ссыльных поляков на восстание (Сапаргалиев Г.С., Дьяков В.А. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1971. С. 43).

⁵⁴¹ Kadir A. O Wallenrodach polskich na służbie rosyjskiej // Wschód – Orient. Warszawa. Stycień – maj 1934. R.V. № 1 (13). S. 78.

До настоящего времени из-за отсутствия соответствующих статистических данных мы не можем ответить на вопрос, сколько чиновников польского происхождения находилось на государственной службе в России, и в Сибири, в частности. В формулярных списках фиксировалась не национальная принадлежность, а вероисповедание чиновника, что затрудняет анализ этнического состава российской бюрократии. Не случайно, исследователи, обращаясь к процессу формирования провинциального чиновничества, останавливались на вопросе о социальном происхождении «государевых слуг», продолжительности пребывания на посту, возрасте и т. д., но обходили стороной анализ их этнического облика⁵⁴². В статьях, посвященных непосредственно польским чиновникам, служившим в империи, авторы условно определяли национальность по религиозной принадлежности, месту рождения и правописанию фамилии. Но в редких случаях могли опереться сразу на три показателя. Например, томский исследователь В.А. Ханевич, анализируя польских чиновников, состоявших на службе в томской полиции, записал в поляки, ориентируясь лишь на звучание фамилии, Лаврентия Слатовского – сибиряка, если не по месту рождения (оно не известно), то по месту воспитания; а также Константина Гомбиньского и Александра Желеньского, о месте рождения и религиозной принадлежности которых ничего не известно⁵⁴³. Зная особенности политики самодержавия в польских землях, мы можем только предположить о существовании тех или иных тенденций в динамике численности польских служащих в Сибири.

В конституционный период (1815–1830 гг.) ряд поляков смогли сделать блестящую карьеру в империи на поприще дипломатии, науки и искусства⁵⁴⁴. Но в целом приток польского чиновничества в империю, особенно в дальние её регионы, оставался мини-

⁵⁴² Напр., см.: Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002; Растягаева Г.И. Чиновничий аппарат Главного управления Западной Сибири: 1822–1882 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006.

⁵⁴³ Chaniewicz W. Polacy na służbie w policji guberni tomskiej od XIX do początku XX wieku // Polacy w nauce, gospodarce i administracji na Syberii w XIX i na początku XX wieku. Wrocław, 2007. S. 247-261.

⁵⁴⁴ Подробнее см.: Граля Х. Еще раз о петербургских карьерах поляков // Новая Польша. 2004. № 2. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.novopol.ru/index.php?id=191> (режим доступа: свободный); Базылев Л. Поляки в Петербурге. Русско-балтийский информационный центр «Блиц». СПб., 2003.

мальным. Конституция 1815 г., сохранявшая административную обособленность поляков, препятствовала наплыву российских бюрократов на военные и гражданские должности в Царство Польское, а формирующиеся на французский манер государственная администрация и судопроизводство обеспечивали работой и содержанием национальные кадры⁵⁴⁵. Кроме того, закон не позволял насильственно выдворять жителей Царства Польского, за политические и уголовные преступления они должны были отбывать наказание на территории своего государства. И только польские подданные царя, проживавшие на территории «забранных земель», могли быть высланы вглубь империи. Так, слушатели Виленского университета за организацию тайного общества были назначены на государственную службу по различным отраслям вглубь России. По указу императора они были исключены из обыкновенного ряда чиновников, по вопросу о назначении чина или производству должности, необходимо было каждый раз испрашивать особое высочайшее разрешение⁵⁴⁶. Но, несмотря на это, по свидетельству князя Л. Сапеги, поляки всюду «пользовались самой лучшей репутацией, были любимцами своих начальников, ценивших их честность и недюжинные способности»⁵⁴⁷.

С принятием конституции 1815 г. упростилось сообщение между Царством Польским и империей. Отпуск в Царство перестал считаться отпуском за границу⁵⁴⁸. Люди разного звания, отлучающиеся в ту или иную сторону на работу, должны были иметь при себе лишь платные паспорта, какие необходимы для переезда из одной губернии в другую⁵⁴⁹. Стремясь приблизить польскую шляхту к центру, российское правительство указами от 23 июня 1820 г. и от 16 февраля 1822 г. признало дворян Царства Польского при определении в российскую службу наравне с дворянами российскими⁵⁵⁰. От шляхтича, поступающего на российскую военную службу, требовалось только подтвердить

⁵⁴⁵ Роснер А. Своя или не своя держава? Обладало ли Королевство Польское реальной независимостью? // Родина. 1994. № 12. С. 48.

⁵⁴⁶ РГИА. Ф. 1286. Оп. 8. Д. 394. Л. 9.

⁵⁴⁷ Сапега Л. Мемуары князя Л. Сапеги. Пт., 1915. С. 103.

⁵⁴⁸ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). I. Т. 33. № 26200. (16 марта 1816 г.). С. 559.

⁵⁴⁹ ПСЗРИ. II. Т. 2. № 1186. (17 июня 1827 г.). С. 540-542.

⁵⁵⁰ Там же. I. Т. 37. № 28329. (23 июня 1820 г.). С. 371; Т. 38. Ч. 1. № 28932. (16 февраля 1822 г.). С. 81-82.

свое происхождение и получить справку о том, что он не подлежит конскрипции. Польские и российские чиновники были уравнены в единовременных взносах при получении польских и российских орденов⁵⁵¹. Отставные солдаты польских войск получили те же права, что отставные солдаты российской службы⁵⁵². Подобные новшества были направлены не только на инкорпорацию польских земель в состав империи, но и подготовили процесс масштабного взаимопроникновения российской и польской служилой бюрократии.

После подавление восстания 1830–1831 гг. курс правительства изменился. Теперь политика центра была направлена на рассеивание поляков за пределами исторической родины и побуждение их к государственной службе. Параллельно набирал обороты процесс привлечения кадров на службу в сибирские губернии. В одном только 1835 г. выходит несколько именных указов, закрепляющих привилегии чиновникам, служащим в Сибири, в получении пенсии, зарплаты, выслуги и других вознаграждений и льгот⁵⁵³. Сблазненные льготами, поляки чаще стали появляться в рядах сибирской бюрократии. Не располагая точными статистическими данными, исследователи фиксируют увеличение притока поляков на службу за Урал лишь на отдельных региональных примерах. Так, Р.В. Оплаканская делает вывод о росте во второй половине XIX столетия, особенно в период с 1840 по 1850 гг. количества польских чиновников, работающих в сибирской администрации, на основе метрических книг Томского костела⁵⁵⁴.

Основной польский контингент, добровольно прибывавший на службу в Сибирь, составляли уроженцы западных губерний России. Дворянин Гродненской губернии католического исповедания Викентий Мицкевич был награжден за поездку в Сибирь в 1830 г. званием титулярного советника⁵⁵⁵. Дворянин Могилев-

⁵⁵¹ ПСЗРИ. II. Т. 5. № 4127. (25 ноября 1830 г.). С. 418.

⁵⁵² Там же. Т. 1. № 193. (15 марта 1826 г.). С. 289–292.

⁵⁵³ Там же. Т. 10. Ч. 1. № 8164. (26 мая 1835 г.). С. 639; № 8192. (30 мая 1835 г.). С. 670; Ч. 2. № 8468. (14 октября 1835 г.). С. 1016; № 8489. (15 октября 1835 г.). С. 1037; № 8511. (25 октября 1835 г.). С. 1051.

⁵⁵⁴ Opłakańska R.W. Polacy na służbie państwowej w Syberii Zachodniej w drugiej ćwierci XIX wieku // Polacy w nauce, gospodarce i administracji na Syberii w XIX i na początku XX wieku. Wrocław, 2007. S. 212.

⁵⁵⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 801. Оп. 64/5. Д. 5. Ч. 4. Л. 70-73 об.

ской губернии, католического исповедания Иван Хоцятовский по прибытии в Томскую губернию был принят на службу в канцелярию Общего губернского управления на преимуществах, дарованных Высочайшим указом 26 мая 1835 г., с чином канцеляриста, а спустя три года произведен в коллежские регистраторы⁵⁵⁶. Показательно то, что чиновник и далее остался служить в Сибири, тогда как большинство «искателей чинов», приехавших из европейской России, по выслуге урочных трех лет, покидали Сибирь. Видимо, для уроженцев Западных губерний решение отправиться на службу за Урал, было вызвано обдуманном намерением строить дальнейшую карьеру за пределами родного края, да и возвращение на родину в условиях набравшей обороты политики русификации было сопряжено с неопределенностью и даже риском. Ориентируясь на продолжение карьеры в Сибири, поляки серьезно относились к службе, в то время как российские чиновники исполняли обязанности «с явным равнодушием и даже небрежением к общей пользе края», в котором они не планировали служить больше положенного срока⁵⁵⁷.

Еще одной категорией чиновников польского происхождения, крепко привязанных к Сибири, стали ссыльные, главным образом, политические преступники. Обладая высоким образованием и испытывая потребность в обеспечении жизни всем необходимым, они становятся источником пополнения рядов разного рода канцелярских служащих. По указу 22 июля 1838 г. сосланные на поселение дворяне и чиновники, пробывшие в Сибири не менее 10 лет, с хорошим поведением, могли быть определены, с согласия сибирского начальства, на гражданскую службу. Более того, поступившие на службу ссыльные через 12 лет могли получить первый классный чин⁵⁵⁸. В 1841 г. политическим ссыльным уроженцам Царства Польского было разрешено записываться в военную или гражданскую службу. Попасть в ряды сибирской бюрократии могли лишь ссыльные, совершившие незначительные преступления против власти и в

⁵⁵⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 175. Л. 11-12.

⁵⁵⁷ Рапорт подполковника корпуса жандармов Черкасова А.Х. Бенкендорфу (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. 1 экспедиция. 1835. Д. 295 Е. Л. 47 об.).

⁵⁵⁸ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 231.

течение ссылки, зарекомендовавшие себя с положительной стороны. Поэтому, замечает Р.В. Оплаканская, общая численность ссыльных, вступивших на государственную службу в Сибири, не могла быть высокой⁵⁵⁹. Действительно, из 102-х уроженцев Царства Польского, сосланных за политическое преступление в разные губернии империи и проживавших в регионе, на 1856 г. только несколько человек занимали чиновничьи должности: Онуфрий Петрашкевич служил секретарем в Тобольском приказе общественного призрения, Александр Денкер – экзекутором в Тобольском губернском суде, Мечислав Выржиковский – в казенной палате; Нарциз Тхоржевский состоял в штате пермской казенной палаты, Людвиг Вишневецкий и Александр Червинский занимались частной службой и еще двое ссыльных служили на стеклянном заводе⁵⁶⁰. Больше количество поляков занимало низшие канцелярские должности: урядников, писчих. Поступить на такую службу было намного проще и уголовным, и политическим преступникам, а также их детям, родившимся в Сибири. Так, практически с самого момента поступления на поселение в Сибирь, Станислав Бахинский и Иосиф Рублевский стали работать сельскими писарями, а Иван Яшевский и Викентий Петринский – заниматься письмоводством⁵⁶¹.

Для поляков был открыт весь спектр чиновничьих должностей, включая службу в полиции, медицину и просвещение. Недостаток кадров на окраинах, вынуждал использовать политически неблагонадежный контингент на важнейших направлениях внутренней и внешней политики. Более того, сибирские материалы этого периода не позволяют говорить, что власть проявляла беспокойство по поводу появления иноэтничного элемента на гражданской службе. Польских чиновников не выделяли в особую группу при анализе управленческого аппарата, ни во время ревизий, ни в административной переписке⁵⁶². «Польский мотив» появлялся лишь в том случае, когда речь шла о возможном влиянии на управление в регионе со стороны верхушки сибир-

⁵⁵⁹ Opłakańska R.W. Polacy na służbie państwowej w Syberii Zachodniej w drugiej ćwierci XIX wieku // Polacy w nauce, gospodarce i administracji na Syberii w XIX i na początku XX wieku. Wrocław, 2007. S. 211.

⁵⁶⁰ ГАРФ. Ф.109. 1 экспедиция. 1856. Оп.31. Д.133. Ч.2. Л.37-69-об.

⁵⁶¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 54. Д. 16. Л. 31 об.-32, 39 об.-41, 46 об.

⁵⁶² В данный период чаще встречается противопоставление чиновников-сибиряков и чиновников, приехавших из Европейской России.

ского общества, в том числе и со стороны польских ссыльных шляхетского происхождения. Наличие образования открывало для ссыльной шляхты двери лучших домов сибирской аристократии, а регулярная помощь богатых родственников притягивала к ним менее удачливых соотечественников, поэтому образованное шляхетство, даже не состоя на государственной службе, оказывалось слишком влиятельным волонтером.

Власти также опасались воздействия этой части ссыльных на поляков, состоявших на службе в сибирских казачьих полках и линейных батальонах. Командир отдельного сибирского корпуса И.А. Вельяминов, обеспокоенный масштабом открытого в 1833 г. «польского заговора» и следственными мероприятиями, организованными центром в рамках так называемого «омского дела», обратился в Петербург с просьбой прекратить присылать в Сибирь «поляков и других наций людей, происходящих из учебного класса, шляхты и крамольников революции». Пропитанные «ненавистью ко всему священному», они под видом любви к отечеству, «ядом красноречия своего легко могут увлечь покорных и простодушных солдат бывшей Польской армии»⁵⁶³. Основной удар следствия пришелся на сосланных в солдаты участников восстания 1830–1831 гг. Гражданские служащие польского происхождения практически не пострадали. Титулярный советник В. Мицкевич, обвиненный в том, что общался с подозреваемыми поляками, вел разговоры о намерении бунта, а по отношению к русскому народу произносил ругательства, был уволен от службы и выслан из Сибири. Губернский секретарь Адам Буевич, распивавший вместе с попавшими под подозрение польскими нижними чинами спиртные напитки, и вовсе был освобожден от наказания⁵⁶⁴. Несколько лет спустя, по требованию МВД был учрежден секретный надзор за всеми медиками, выпущенными из Виленской медико-хирургической академии с 1835 по 1840 гг.⁵⁶⁵ Но эта мера была спровоцирована недоверием правитель-

---

⁵⁶³ Рапорт командира Отдельного сибирского корпуса И.А. Вельяминова военному министру графу А.И. Чернышеву от 8 июля 1833 г. (РГВИА. Ф. 801. Оп. 64/5. Д. 5. Ч. 13. Л. 32-32-об.).

⁵⁶⁴ Там же. Ч. 4. Л. 368-369; Нагаев А.С. «Омское дело» 1832–1833 гг. Красноярск, 1991. С. 186-187.

⁵⁶⁵ ИсаОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2030. Л. 1.

ства к выпускникам учебных заведений Западного края, а не социально-политической ситуацией в Сибири⁵⁶⁶.

С другой стороны, «омское дело» дало повод властям опасаться союза польских ссыльных со степными народами Российской империи. Основания для таких опасений имелись. Достаточно сказать, что Ян Серочинский, задумывая побег из Сибири, рассматривал киргизов как возможных союзников. «Акции» против киргизских аулов, грабежи, поджоги подтолкнули его к мысли о том, что для побега можно использовать недовольство аборигенов, что они могут оказать беглецам помощь, вместо того, чтобы рассчитывать на вознаграждение за их поимку⁵⁶⁷. «Культурное и политическое давление со стороны Российской империи, позволило полякам ощутить специфическое, дружелюбное отношение к местным жителям, – писал Ф. Гросс. Они сами ведь были членами народа, угнетаемого Российской империей, – досконально понимали и чувствовали долю притесняемого чиновниками бурята или гияляка; демократические, а часто социалистические взгляды ссыльных борцов за независимость влияли при этом как некое «априори» на сближение с аборигенами»⁵⁶⁸. Прогрессивными, гуманистическими и демократическими взглядами исследователи объясняли не только «особое» отношение поляков к степным народам, но и критику российского чиновничества⁵⁶⁹.

Участник восстания 1830–1831 гг. Адольф Янушкевич с 1842 г. работал в канцелярии начальника Пограничного управления «сибирскими киргизами», совершил несколько поездок в казахские степи, провел перепись населения и скота в Аягузском и Каркаралинском округах, участвовал в работе Комитета по уложению проекта киргизского права. Ответственность за многие проблемы во взаимоотношениях имперских властей и киргизов он возлагал на русских чиновников. Они для него – «настоящие

⁵⁶⁶ В Западной Сибири оказалось двое выпускников Виленской медико-хирургической академии: пельымский лекарь Никодим Баландович и березовский лекарь Игнатий Вакулинский. В 1841 г. у них, а также у невесты Вакулинского польской дворянки Ржонжевской и жившей вместе с ней дворянки Фелинской был произведен обыск, но ничего предосудительного в изъятых бумагах найдено не было (ИсаОО. Ф. 3. Оп. 13, Д. 18121).

⁵⁶⁷ Śliwowska W. Ucieczki z Sybiru. Warszawa, 2005. S. 57.

⁵⁶⁸ Gross F. Sybir, zesłanie, nauka. Warszawa, 1934. S. 4.

⁵⁶⁹ Сапаралиев Г.С., Дьяков В.А. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1971. С. 65.

грабители, барантаци!»⁵⁷⁰ «Почти каждый из этих проконсулов считал порученное ему дело только средством приобретения себе состояния. Прилетал, окруженный казаками, повергал в страх все окрестности и не брезговал никакими способами вымогательства»⁵⁷¹. Вряд ли критика российских чиновников в данном случае являлась свидетельством неблагонадежности. Янушкевич был очень доволен своей службой в Пограничном управлении, с уважением писал о своем начальнике полковнике Н.Ф. Вишневском и гордился своей причастностью к покорению степных пространств Российской империи, открыто заявляя: «Я законодатель киргизов!»⁵⁷²

Вместе с А. Янушкевичем служил другой польский ссыльный – Виктор Ивашкевич. Он был выслан за участие в деятельности тайного кружка на службу в Оренбургский корпус, дослужился до чина поручика, затем по причине слабого здоровья вышел в отставку и занял должность чиновника особых поручений при генерале Н.Ф. Вишневском. Исследователи подчеркивали, что оба ссыльных серьезно относились к своим служебным обязанностям, глубоко интересовались обычаями и культурой казахов, искренне сочувствовали казахской бедноте, её тяжелой жизни⁵⁷³. Старший адъютант генерал-губернатора Западной Сибири, затем вице-губернатор Семипалатинского военного округа, а после начальник омского окружного управления Сибирскими киргизами Кароль Гутковский был не только великолепным администратором, но и как человек демократических взглядов симпатизировал казахам и по мере своих возможностей боролся со взятками и грабежами со стороны российского чиновничества⁵⁷⁴.

Ведя диалог с сибирскими инородцами, поляки позиционировали себя, прежде всего, как европейцы и романтики⁵⁷⁵. Сибирь и Казахстан стали тем географическим пространством, где

⁵⁷⁰ Выдержки из дневника путешествий. 23 августа (Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Пер. с польского Ф. Стекловой. Под общей редакцией И. Дюсенбаева. Алма-ата, 1966. С. 210).

⁵⁷¹ Там же. С. 211.

⁵⁷² Januszkiewicz A. Listy z Syberii. Wybór, opracowanie i przypisy Halina Geber. Przedmowa Janusz Odrowąż-Pieniążek. Warszawa, 2003. S. 219.

⁵⁷³ Dżakow W. Polscy zesłańcy w Syberii Zachodniej i północnym Kazachstanie // Polacy w Kazachstanie. Historia i współczesność. Wrocław, 1996. S. 47.

⁵⁷⁴ Ibid. S. 49.

⁵⁷⁵ Milewska-Młynik A. Iluzja romantyczna. Polscy zesłańcy o ludach ze stepów kirgiskich // Zesłaniec. 2002. № 8. S. 51.

польский романтизм продержался дольше всего, и был свойственен не только таким знаменитым польским ссыльным, как Адольф Янушкевич и Густав Зелинский, но и ссыльным второй половины XIX в.⁵⁷⁶ Исследователи подчеркивали, что сам певец романтизма в своих работах становился как бы другим человеком, соединяя в себе двух людей. Как представитель европейской культуры, он репрезентовал типичные для неё взгляды, а как романтик, вливался в описываемое сообщество, превращаясь в человека Востока. Этому способствовал статус ссыльного. Не удивительно, что и Адольф Янушкевич, и Густав Зелинский воспринимали каждую свою вылазку в киргизские степи как побег в страну свободы, за границы империи⁵⁷⁷. Одновременно, столкнувшись с народами, проживавшими на окраинах империи, ссыльные становились на одну цивилизационную платформу с русскими, основанную на принадлежности европейской цивилизации. Не случайно украинцы, белорусы, литовцы, латыши, немцы, татары, башкиры и другие народы, проживавшие на территории Сибири и сохранившие элементы собственной культуры и самосознания, для ищущих экзотики ссыльных были слишком ассимилированы российским окружением и не представляли такого интереса, как население Казахских степей, Средней Азии и Дальнего Востока⁵⁷⁸.

После восстания 1863 г. курс самодержавия по отношению к полякам изменился. Утвердилась тенденция к сосредоточению польских подданных империи на бывших землях Речи Посполитой (или одного Царства Польского) и отчуждению их от государственной службы. Чтобы уменьшить наплыв поляков в российские учебные заведения, правительство вынуждено было ввести специальные квоты для университетов. Начинается борьба с концентрацией поляков в армии. В 1864 г. для поляков была закрыта Академия генерального штаба, введен 20-процентный барьер в армейских и гвардейских полках, уменьшен доступ к высшему военному образованию. Однако недостаток собствен-

⁵⁷⁶ См.: Trojanowiczowa Z. Sybir romantyków. W opracowaniu materiałów wspomnieniowych uczestniczył Jerzy Fiećko. Poznań, 1993.

⁵⁷⁷ Михалюк Я. Прощание у «могильного камня надежды». Уральская граница в воспоминаниях поляков, сосланных в Сибирь // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 109.

⁵⁷⁸ Milewska-Młynik A. Iluzja romantyczna. Polscy zesłańcy o ludach ze stepów kirgiskich // Zesłaniec. 2002. № 8. S. 63.

ных чиновничьих кадров и переизбыток польской интеллигенции в Царстве Польском продолжали выталкивать уроженцев польских земель в российскую администрацию, в том числе в такие отдаленные районы, как Сибирь. Контингент потенциальных служащих увеличился и за счет ссылки участников восстания 1863 г., которым уже в 1870-е гг. негласно был открыт путь на государственные должности.

На увеличение польского населения в русских губерниях отреагировали современники. «Польщизна на Руси» – так автор одной из статей в «Московских ведомостях» назвал российские города, ставшие по числу чиновников-поляков «настоящими польскими колониями». В статье речь шла о городах Тверской губернии, в том числе и о родном городе автора Калязине, где «исправник, станковые – поляки; врачи – поляки; судебный следователь из русских женат на самой завзятой польке; исправляющие должности стряпчего и заседателей в уездном суде – поляки; береговой смотритель – поляк мерзавейший». «Словом, – заключал автор, – наша местность точно какой-то забранный край, в котором полонизация идет во всю ширь и глубину»⁵⁷⁹. Подобная ситуация сложилась и в Сибири. Поляки стали слишком заметны, и началась конкуренция между польским и российским чиновничеством. «Многие из чиновников польского происхождения, как слышно, не оказавшие никаких отличий и заслуг, получили лучшие должности», – информировал генерал-губернатора полковник корпуса жандармов В.П. Рыкачев⁵⁸⁰. В качестве примера он называл чиновника Залесского, который прослужил в России до 30 лет и не занимал классных должностей, а в Тобольске сразу получил место судьи. По мнению доносчиков, такие карьерные подвижки не могли произойти без протекции тобольского губернатора А.И. Деспот-Зеновича. Со времени его прибытия в Тобольск большая часть опытных русских чиновников была заменена поляками. «Пользуясь оказываемым им расположением, превосходством образования и по вкрадчивому своему характеру», поляки приобрели большое доверие, как лиц служащих,

---

⁵⁷⁹ Выписка из письма Г. Беллюстина из Калязина Тверской губернии от 29 декабря к Ивану Сергеевичу Аксакову в Москву (ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 2 а. Д. 812. Л. 1-1 об.).

⁵⁸⁰ ИсаОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18510. Л. 8-8 об.

так и граждан⁵⁸¹. Особый заседатель Тобольского приказа Общественного призрения, коллежский асессор Брамино указом императора от 21 мая 1864 г. был награжден «за отлично усердную службу» орденом Святой Анны 3-й степени. Но злые языки говорили, что губернатор помог пристроить сыновей Брамино на хорошие должности: одного – заседателем в Тюменский округ, другого – переводчиком с татарского языка. Последний понятия не имел о татарском языке, но получал жалованье 23 руб. 35 коп. в месяц⁵⁸². «Здесь, в Тобольске, житье самое трудное, особенно для нас, русских чиновников, не имеющих протекции. Должностей не дают, а занятия частным письмоводством в каком-либо присутственном месте недоступны. Все присутственные места здесь наполнены поляками, и даже на должности волостного писаря и их помощников в округах Тобольской губернии помещаются все поляки, и к ним особенно и имеет благорасположение начальник губернии, который сам коренной поляк»⁵⁸³.

Чиновничество польского происхождения становится объектом пристального внимания властей и общественности на всем пространстве Российской империи. Возможно, кроме политических мотивов подобное отношение со стороны сибирских обывателей стало реакцией на быстрый карьерный рост поляков за Уралом. «Мы доведены до крайней нищеты, – писал Николай Тимковский из Тобольска в 1866 г., – потому что здесь не встретишь сочувствия, сердца сибиряков холоднее льдов сибирских. Будь мы ссыльные поляки, тогда не терпели бы нужды, потому что губернатор Поляк наводнил ими все присутственные места, а из угождения ему и частные лица дают им у себя места. Мы же русские должны пресмыкаться, прося подаяния, которого редко добьешься»⁵⁸⁴. Даже когда власти пошли на послабления в деполонизаторской политике и частично облегчили участь польских ссыльных, антипольские настроения не утихают. Неизвестный автор выражал в письме беспокойство, не приведет ли амнистия к падению «муравьевской системы» и торжеству польской ин-

⁵⁸¹ ГАРФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1866. Д. 217. Ч. 7. Л. 7, 15 об.-16.

⁵⁸² ИсАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18510. Л. 9.

⁵⁸³ Выписка из письма Андрея Соколова из Тобольска от 19 мая 1866 г. к инспектору 3-й гимназии в Санкт-Петербург (ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 2 а. Д. 806. Л. 1).

⁵⁸⁴ Выписка из письма Николая Тимковского из Тобольска от 28 июня 1866 г. к настоятелю Валаамского монастыря игумену Дамаскину через Санкт-Петербург на остров Валаам (ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 2 а. Д. 806. Л. 2).

теллигенции⁵⁸⁵. Есть только один путь одолеть поляков, – отмечал автор, – «пусть больше учатся, больше трудятся и выкинут из головы ничтожные почести и отличия, за которыми доселе гонялись, как дети за игрушками; сделавшись же умнее и образованнее поляков, они непременно одолеют их, и не на словах только, но на самом деле»⁵⁸⁶. Пытаясь контролировать эту группу польских подданных, представители российских властей прочно связывают образ чиновника-поляка с оппозиционным движением⁵⁸⁷. Увеличение роста ссыльных в регионе сыграло роль катализатора полонофобских настроений в обществе. И на этот раз польское чиновничество ощутило их в полной мере. В результате работы Омской следственной комиссии, многие чиновники польского происхождения были арестованы и уволены с должностей. Однако недостаток собственных кадров продолжал заставлять использовать труд поляков, в том числе ссыльных.

На основе материалов переписи 1897 г. мы можем говорить о том, что в конце столетия в Сибири (без учета Акмолинской области) проживало 24 505 человек, считавших родным языком польский. Из них 985 человек (4,1 %) составляли чиновники и военные вместе с семьями⁵⁸⁸. В администрации, суде и полиции Томской губернии работало 69 поляков (с членами семьи – 139 человек), что составляло 2,1 % польского населения губернии; в Тобольской губернии – 70 поляков (с членами семьи – 190 человек), что составляло 3,3 % польского населения губернии. В городе Омске – 25 поляков, что составляло 5,5 % самостоятельного польского населения города. Вместе с членами семей они составляли 7,7 % поляков, проживавших в Омске⁵⁸⁹. Учитывая то, что в Москве чиновниками трудились только 5 % про-

---

⁵⁸⁵ Выписка из письма без подписи из Санкт-Петербурга от 24 мая 1866 г. к Ивану Дмитриевичу Асташеву в Томск (ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 2 а. Д. 816. Л. 2).

⁵⁸⁶ Там же. Л. 2-2 об.

⁵⁸⁷ Подробнее см.: Мулина С.А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников польского восстания 1863 года в Западной Сибири. СПб., 2012.

⁵⁸⁸ Скубневский В.А. Польское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Польская ссылка в России XIX–XX веков: региональные центры – *Polscy zesłańcy w Rosji XIX–XX stuleciu: ośrodki regionalne*. Казань, 1998. С. 171, 174.

⁵⁸⁹ Островский Л.К. Поляки на государственной службе в Западной Сибири (1890–1917 гг.). [Электронный ресурс]: Сибирь капиталистическая: URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/conf2011/ostrovsky-lk.htm> (режим доступа: свободный).

живавших в столице поляков, а в Петербурге – 6,7 %⁵⁹⁰, можно говорить о том, что процент чиновничества среди польского населения империи был примерно одинаковым по обе стороны от Урала. Приведенные выше цифры не абсолютны. Реально, лиц польского происхождения было намного больше, так как поляки, принадлежавшие ко второму поколению переселенцев, в переписи были зачислены в состав россиян⁵⁹¹.

В целом во второй половине XIX в. интерес в польском обществе к сибирскому региону вырос. «Огромные и неизвестные земли Сибири» стали «настоящим Эльдorado» не только для немецких путешественников и ученых, но и для поляков, направлявшихся за Урал в поисках карьеры или великих открытий⁵⁹². Польские ученые, геологи, врачи находили здесь условия для зарабатывания денег и реализации своих профессиональных амбиций. Интересно замечание польского профессора З. Вуйчика о том, что участник польского восстания 1863 г. Бенедикт Дыбовский еще перед арестом, предвидя возможность ссылки в Сибирь, старательно подготовился к отъезду: расспросил бывших ссыльных, взял с собою медицинские принадлежности и, несмотря на проблемы со здоровьем, смотрел на перспективу оказаться за Уралом с оптимизмом⁵⁹³. Слава Сибири как исследовательского поля, перспективного для представителей любых профессий, сохраняется и на рубеже веков. В условиях бурного развития промышленности становится популярным сравнение Сибири с Америкой. «Сибирь – это Америка будущего» – лозунг, брошенный в 1901 г. известным английским корреспондентом в работе «The Real Siberia», в 1904 г. был предложен для восприятия и польскому обществу⁵⁹⁴. Во введении к польскому переводу работы английского автора, Антоний Красновский подчеркивал, что «Сибирь с каждым днем возбуждает все большую заинтересованность среди культурных обществ». В Польше интерес к региону должен быть еще выше,

⁵⁹⁰ Данные переписи 1897 г. Цит. по: Chwalba A. Polacy w służbie. Moskali. Warszawa – Kraków, 1999. S. 232.

⁵⁹¹ Kaczyńska E. Wstęp // Zesłanie i katorgia na Syberii w dziejach Polaków 1815–1914. Warszawa, 1992. S. 75.

⁵⁹² Talko-Hryncewicz J. Polacy jako badacze dalekiego wschodu // Przegląd Współczesny. 1924. T. 9. № 26. S. 362.

⁵⁹³ Wójcik Z.J. Polscy przyrodnicy zesłańcy wobec powstania nadbajkalskiego 1866 roku // Zesłańcy postyczniowi w Imperium Rosyjskim. Studia dedykowane Professor Wiktorii Śliwowskiej. Lublin – Warszawa, 2008. S. 82.

⁵⁹⁴ Syberja, Ameryka przyszłości. Podłóg dzieła Johna Fostera Fräsera «The Real Siberia». Przełożył z niemieckiego Antoni Krasnowolski. Warszawa, 1904. S. 8.

поскольку, во-первых, многие соотечественники нашли работу за Уралом, а, во-вторых, Сибирь стала достаточно серьезным рынком сбыта для польского производства⁵⁹⁵.

Геополитические успехи Российской империи и рост конкуренции великих держав на востоке создавали ощущение, что цивилизация вот-вот охватит весь российский восток. Это усиливало в обществе интерес к последним уголкам восточной экзотики. Представители польской интеллигенции совместно с российскими учеными обратились к всестороннему исследованию восточных окраин Российской империи. При этом они осознавали важность этого прежде всего для российского общества. Польский исследователь Кароль Богданович, обосновывая необходимость геологического исследования Восточного Туркестана, отмечал, что вопрос о степени культурности и пригодности к культуре мало известных стран, должен получить особенное значение для *каждого русского* (курсив мой. – С.М.), когда речь заходит о странах, лежащих за нашими азиатскими окраинами⁵⁹⁶. Геологические и этнографические экспедиции часто были связаны с военными интересами Российской империи, примером чего может служить путешествие штабс-капитана Бронислава Громбчевского в ханство Кунжут⁵⁹⁷. Интерес ссыльных и продвигается параллельно с геополитическими устремлениями Российской империи: если в первой половине XIX в. – это кочевое население Северного Казахстана, то в конце столетия – коренные народы Восточной Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, Монголии, Японии и Китая.

Вовлеченность поляков в процесс исследования Востока, кроме научного интереса и, как мы видим, колониального романтизма, объясняется и типичными для прошлых лет обстоятельствами. Прежде всего надеждой улучшить свое материальное положение на российской службе или выхлопотать благосклонность начальства. Б. Громбчевский за свою экспедицию по Средней Азии досрочно получил чин подполковника, пожизнен-

⁵⁹⁵ Syberja, Ameryka przyszłości. Podłóg dzieła Johna Fostera Frasera «The Real Siberia». Przełożył z niemieckiego Antoni Krasnowolski. Warszawa, 1904. S. 5.

⁵⁹⁶ Труды тибетской экспедиции 1889–1890 гг. под началом М.В. Певцова, действительного члена императорского русского географического общества, снаряженной на средства, высочайше дарованные императорскому русскому географическому обществу. Ч. II. Издание императорского русского географического общества. СПб., 1892. С. V-VI.

⁵⁹⁷ Подробнее см.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 11. Д. 13.

ную пенсию 400 руб. в год, шестимесячный отпуск за границей с сохранением пенсии и доплатой в 3000 руб. на дорогу⁵⁹⁸. Леон Барщевский по договору с Русско-китайским банком был обязан указать золотоносные местности в Гиссарском и Кулябском бекствах, влиять и служить посредником между банком и собственниками золотоносной земли, за что ему было обещано вознаграждение за каждую, принятую для разработки площадь в размере одной квадратной версты 25 тыс. рублей наличными деньгами единовременно⁵⁹⁹. Вацлав Серошевский начал собирать первые данные, касающиеся географии края, руководствуясь желанием совершить побег. И только два неудачных побега, вынудили его смириться с реальностью⁶⁰⁰.

Во второй половине XIX в. изменяется формат диалога поляков с коренными народами Зауралья. Если тексты исследователей степных народов первой половины XIX в. были написаны на польском или французском языках, то есть изначально не были ориентированы на российского читателя (за исключением официальных отчетов), то теперь многие польские исследователи в научных работах переходят на русский язык. Обстоятельства складывались таким образом, что результаты трудов ссыльных более были востребованы в Российской империи, нежели на родине, отсюда возникла необходимость творчества на русском языке. Так, В. Серошевский хотел писать по-польски, но, к сожалению, «не имел достаточно выгодных предложений от польских редакторов и изданий⁶⁰¹. Другой польский исследователь Ян Черский, имея учебники и труды, написанные только по-русски, избрал этот язык для изложения своих мыслей. Даже переписку со своими соотечественниками, он вел только по-русски⁶⁰².

Расширился спектр сотрудничества польских исследователей с российскими научными и управленческими организация-

⁵⁹⁸ Grąbczewski B. Podróże po Azji Środkowej. 1885–1890. Warszawa, 2010. S. 699–700.

⁵⁹⁹ Самаркандское отделение Русско-китайского банка – Л. Барщевскому, г. Самарканд, 16 июля 1900 г. (Archiwum PAN w Warszawie. Z.III-131. J.13. L.63-об.-64).

⁶⁰⁰ Армон В. Польские исследователи культуры якутов. М., 2011. С. 57.

⁶⁰¹ Там же. С. 88.

⁶⁰² Шостакович Б.С. Был ли белорусом политссыльный поляк Ян Черский? О проблеме этноидентификации ссыльных в Сибирь участников польского Январского восстания // Сибирь и ссылка: Siberia and the Exile. История пенитенциарной политики Российского государства и Сибирь XVIII–XXI веков. [Электронный ресурс]: URL: http://www.penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1091 (режим доступа: свободный).

ми: Русское географическое общество, Министерство внутренних дел, университеты и пресса. Налаживание подобных связей не ограничивало свободу выбора польских исследователей. Они контактировали с научными учреждениями в Европе и Польше, тем более, что российские власти не ограничивали их возможности в высылке исследований для публикации в заграничной прессе. А деньги, получаемые из научных центров Европы, стали главным источником доходов во время каторги и дальнейшей жизни на поселении⁶⁰³. Споры и конфликты в среде естествоиспытателей из-за выбора, с каким центром сотрудничать, могут свидетельствовать о том, что ссыльные в выборе своих контактов руководствовались и личной выгодой, и научными интересами, и комфортностью дружеских или земляческих отношений. Например, Бенедикт Дыбовский считал, что образцами флоры и фауны следует снабжать научные центры на родине, а Чекановский чаще искал контакты с выпускниками Дерптского университета, работающими в учреждениях Петербурга⁶⁰⁴.

Так же как их предшественники, поляки с сочувствием и симпатией относились к сибирским народам. Столкновение с чуждой культурой не вызывало культурного дискомфорта, напротив видим стремление поляков вжиться в образ аборигенов, изучая восточные языки, обычаи, беря в жены представителей местных племен. «Знакомство с обществом именно на такой основе, – подчеркивал Ф. Гросс, – делает возможным в этнологии или социологии исследование ряда явлений, недоступных даже для истинного ученого с противоположным подходом к группе. Буряты или айны охотно познакомят друзей со своими обычаями, религией, повседневной жизнью, обходами и т. п., которые будут прятать у себя перед нежеланным или безразличным к нему чужим человеком. Ряд наших исследователей-сибиряков в значительной степени этому методу благодарны своему успеху в отрасли народоведения»⁶⁰⁵. Одновременно поляки сохраняли культурную дистанцию, и примеров «обынародчивания» в се-

⁶⁰³ Wójcik Z.J. Polscy przyrodnicy zesłańcy wobec powstania nadbajkalskiego 1866 roku // Zesłańcy postyczniowi w Imperium Rosyjskim. Studia dedykowane Professor Wiktorii Śliwowskiej. Lublin – Warszawa, 2008. S. 83.

⁶⁰⁴ Кучинский А, Вуйцик З. Ожидания и свершения. Цивилизаторская деятельность поляков в Сибири (XVII–XIX века) // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 45.

⁶⁰⁵ Gross F. Sybir, zesłanie, nauka. Warszawa, 1934. S. 4.

реде польских исследователей мы не наблюдаем. Решившись на подобную маргинализацию в сфере локального сообщества, польские мигранты, напротив, упрочивали свое положение, поскольку более рельефно осознавали и свою европейскость, и польскость. Так, Вацлав Серошевский, будучи женат на якутке и имея от этого брака дочь, в своих произведениях оставался в роли цивилизованного обозревателя, европейца, живущего среди автохтонного общества Якутии⁶⁰⁶.

Таким образом, в Сибири польская интеллигенция стала своеобразным вызовом обществу и властным структурам. Диссонируя с окружающим населением в этническом, социальном и культурном плане, образованные поляки становились управленческой проблемой в формирующемся властном пространстве Сибири. Особенно это стало ощущаться после восстания 1863 г. Польское чиновничество являлось очень разнородной группой, члены которой отличались между собой по социальному происхождению, финансовому благополучию, обстоятельствам попадания в Сибирь. Наличие в составе этой социально-профессиональной группы большого количества политических и уголовных преступников, требовало особого подхода к оформлению законодательно-правового статуса её службы государству. Однако общая слабая организация административного управления в Сибири, регулярные колебания имперского курса в польском вопросе и сложность процесса выявления в составе служилой бюрократии чиновничества польского происхождения не позволили это осуществить.

Сформировавшаяся на пограничье Восточной Европы, польская интеллигенция была подвержена ассимилирующему влиянию российской культуры. И за Уралом в большинстве своем процесс адаптации поляков шел по пути ассимиляции или трансформации польскости. Лишь часть интеллигенции смогла сохранить культурное превосходство. В некоторых случаях это стало следствием встречи с восточными народами. Сибирь позволяла полякам вернуться не столько в Польшу как территорию особой культуры, но и в Европейское пространство. Контакты с коренными сибирскими народами стали катализатором польско-

---

⁶⁰⁶ Antonow J.P. Poglądy Waclawa Sieroszewskiego w perspektywie dyskursu kolonialnego // Waclaw Sieroszewski zeslanec – etnograf – literat – polityk. Wrocław, 2011. S. 380.

сти. Культурная миссия, роль цивилизатора – все это становилось актуальным и действовало лишь тогда, когда поляки встречались с восточной экзотикой Зауралья.

4.4. Приамурская администрация и китайские общества взаимного вспомоществования в начале XX в.: благотворительность и/или управление?

После присоединения Приамурья и Приморья к России одной из наиболее сложных и трудноразрешимых проблем для местной администрации было урегулирование отношений с китайскими подданными. Численность китайцев, проживавших в русских владениях на Дальнем Востоке, всегда заметно превышала количество выходцев из других соседних стран – Кореи или Японии. Это объяснялось не только наличием самой длинной сухопутной границы между Россией и Китаем, но и тем, что некоторые местности Приамурского края были заселены китайцами еще до вхождения его в состав России. Оседание выходцев из Китая в Приамурском крае началось задолго до окончательного утверждения здесь русского господства. К моменту заключения Айгуньского договора в 1858 г. на левом берегу Амура «уже жило оседло несколько тысяч китайских подданных маньчжурского происхождения»⁶⁰⁷, которые захватили значительные площади прибрежной полосы, занимаясь, главным образом, хлебопашеством. У русской администрации и населения они получили название «зазейские маньчжуры», а район их обитания стал называться «зазейским»⁶⁰⁸. Появлению китайцев в Южно-Уссурийском крае, до его присоединения к России по Пекинскому договору 1860 г., особенно благоприятствовало его неопределенное положение еще со времен Нерчинского договора 1689 г. Почти два столетия обширный юго-восточный приморский район фактически был лишен какого-либо управления, что отразилось на составе его населения. В течение долгого времени цинское правительство ссылало сюда преступников без се-

⁶⁰⁷ Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора с сентября 1884 по июль 1886 г. (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИАДВ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1010. Л. 126).

⁶⁰⁸ Современные исследователи используют название «маньчжурский клин»: Аниховский С.Э., Болотин Д.П., Забияко А.П., Пан Т.А. «Маньчжурский клин»: история народы, религии. Благовещенск, 2005.

мей с запрещением вступать в брак. Сюда бежали разбойники от кар закона и бедняки от тяжелых податей, а также всевозможные любители легкой наживы, привлекаемые молвой о богатстве местных золотых россыпей. Такой характер этого пришлого населения нашел отражение в названии «манзы», которое закрепилось за китайцами у русских поселенцев в Приморской области, что означало в буквальном переводе «беглые», «бродяги», «выходцы», «бегуны». Как писал Ф.Ф. Буссе, «оседлые манзы это изгнанники из Китайской империи»⁶⁰⁹.

«Зазейские маньчжуры» по Айгуньскому договору получили право остаться «вечно на прежних местах их жительства, под ведением маньчжурского правительства, с тем, чтобы русские жители обид и притеснений им не делали»⁶¹⁰. Положение уссурийских «манз», которых русское правительство обязывалось оставить в крае и «дозволить по-прежнему заниматься рыбными и звериными промыслами»⁶¹¹, отличалось тем, что об их подчинении китайским властям в Пекинском трактате ничего не говорилось.

Таким образом, оба трактата с Китаем не изменили условий пребывания в пределах Приамурского края китайских подданных, и на первых порах установление российской власти мало отразилось на их положении. Сначала китайское население не признавало ни российских властей, ни самой принадлежности края России, считая русских пришельцами, стесняющими их жизнь и занятия. Более того, китайское правительство активно внедряло эти идеи в сознание китайского населения и в Приамурье, и в Приморье. Даже двадцать лет спустя после подписания Айгуньского договора цинское правительство распространяло среди жителей «зазейского района» манифест, изданный по поводу «уступки русским левого берега Амура», в котором говорилось: «Русские, теснимые голодом и холодом, просили у богдыхана позволения поселиться на Амуре, и он позволил им там жить, пока они не потолстеют»⁶¹². Долгое время и среди ки-

⁶⁰⁹ Записка чиновника особых поручений Буссе «О земледелии в Амурском крае» от 7 сентября 1869 г. (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 10. Карг. 1667. Д. 289. Л. 113).

⁶¹⁰ Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М., 1958. С. 29.

⁶¹¹ Там же. С. 35.

⁶¹² Цит. по: По поводу толков о дальневосточных делах // Сибирские вопросы. 1909. № 49/50. С. 10.

тайцев Южно-Уссурийского края было широко распространено мнение, поддерживаемое приезжавшими сюда китайскими чиновниками, что край находится лишь во временном пользовании России. Русские власти, со своей стороны, некоторое время не вмешивались в отношения между китайцами, предоставляя им жить по своему усмотрению.

С другой стороны, Айгуньский и Пекинский договоры изначально предопределили особенности положения китайского населения в Амурской и Приморской областях и, соответственно, региональную специфику во взаимоотношениях русских властей с этим населением. Перед приамурской администрацией, и краевой и областной, в принципе, задачи стояли одни и те же – «привести в известность», «обложить сборами», «подчинить русским законам» и пр. При этом большинство проектов по управлению китайским населением, попытки использовать для установления контроля над ним традиционные китайские «формы самоорганизации»⁶¹³, создание китайского общественного управления и китайских обществ взаимного вспомоществования исходили преимущественно из Приморской области и для Приморской области. Почему? Думается, что это было связано с русско-китайскими трактатами.

Посмотрим, как управлялось китайское население на российской территории, какими особенностями отличалась политика региональных властей по урегулированию отношений с китайскими подданными в русских пределах, и как складывались отношения приамурской администрации с китайскими органами «самоуправления» – китайским общественным управлением и обществами взаимного вспомоществования.

«...должны быть терпимы в силу трактата»

Подчинение «зазейских маньчжур» по трактату китайским властям предопределило и особую политику администрации Амурской области. Селения «зазейских маньчжур»⁶¹⁴ управля-

⁶¹³ См.: Нестерова Е.И. Формы самоорганизации китайских мигрантов и хуацяо во второй половине XIX – начале XX в. // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск, 2010. С. 402-439.

⁶¹⁴ По сведениям военного губернатора Амурской области генерал-майора И.К. Педашенко, в 1867 г. в «зазейском районе» насчитывалось 44 селения и 10 646 жителей (ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/3. Д. 23. Л. 17-19); по данным горного исправника Павлищева

лись старшинами, назначаемыми китайскими властями в г. Айгуне. В зависимости от количества жителей в каждое селение назначалось от 2 до 6 старшин, один из которых был самым главным. Они и «творили суд и расправу». Незначительные дела они решали сами на месте, а дела особой важности передавали на дальнейшее рассмотрение в Айгунь. Старшины наблюдали за благоустройством в селениях, за исправностью путей сообщения, за сборами в казну и отправкой людей на службу по требованию правительства Китая. Все маньчжуры и дауры мужского пола от 18 до 50 лет обязаны были нести военную или гражданскую службу и за это освобождались от некоторых сборов в казну, а китайцы за освобождение от государственной службы облагались дополнительными казенными сборами⁶¹⁵. Таким образом, проживая на российской территории, китайцы Амурской области не отбывали никаких повинностей, не платили податей, не подчинялись русским властям и не судились по русским законам в случае совершения преступления.

Первое время местная администрация не предпринимала никаких попыток к подчинению китайского населения русским властям. Более того, сложное положение первых русских поселений на Амуре ставило их в некоторую зависимость от обустроившихся и обжившихся здесь «зазейских маньчжур». Преимущества в экономическом положении и полная свобода, предоставленная китайскому населению, позволили ему беспрепятственно захватывать новые земли, удобные для хлебопашества, в ущерб русским поселенцам, оседавшим на р. Зее в соседстве с Благовещенском. Чем активнее осваивалось Приамурье русскими поселенцами, тем больше конфликтов порождало подчинение «зазейских маньчжур» китайским властям.

Военный губернатор Амурской области И.Г. Баранов, поднимая перед высшим начальством эти проблемы, считал, что «зазейские маньчжуры», жившие в пределах вверенной ему области, даже оставаясь подведомственными китайскому прави-

---

(1880 г.), в 44 селениях проживало около 13 700 «душ обоего пола» (РГИАДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 232. Л. 47); во всех официальных отчетах фигурировали цифры подполковника А.Ю. Назарова (1881 г.): 14 тыс. человек и 63 населенных пункта, включая отдельно стоящие фанзы и займки (Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Т. IV. Вып. IV. С. 39-40).

⁶¹⁵ Записка горного исправника Павлищева «О положении населения Амурской области, считающихся китайскими подданными» (РГИАДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 232. Л. 58-59).

тельству, должны управляться русской администрацией. Он полагал, что «нет надобности их теснить, но приучать к порядку и исполнению наших требований, безусловно, необходимо»⁶¹⁶. Если этого невозможно добиться по политическим соображениям, из-за заключенного трактата с Китаем, то необходимо использовать вполне возможный более медленный путь усиления экономической зависимости китайцев от русских властей.

Соображения генерал-майора Баранова разделял и глава императорской миссии в Пекине Е.К. Бюцов, советовавший «исподволь, не подавая повода китайским властям к жалобам на нас, приучать этих маньчжур к мысли, что они, по меньшей мере, настолько же зависят от наших начальников, сколько и от китайских»⁶¹⁷. Местные чиновники постепенно приходили к убеждению, что «в области, принадлежащей одному государству, не может быть двух правительств», но не имели ни необходимых полномочий, ни доступных средств к установлению контроля над китайским населением.

Поэтому Д.Г. Анучин в своем отчете обратил внимание Петербурга на не противоречащие трактатам с Китаем меры, необходимые для подчинения китайского населения левого берега Амура русской администрации. Он предлагал предоставить права местному губернатору утверждать китайскую выборную сельскую администрацию и осуществлять полный надзор за китайским населением без вмешательства в его внутреннюю жизнь и обычаи; положить предел распространению их расселения внутрь страны; обложить небольшим, но правильно взимаемым сбором за пользование государственными земельными угодьями и установить привлечение к ответственности по российским уголовным законам тех китайцев, которые совершат преступление на русской территории. Д.Г. Анучин ходатайствовал перед правительством, чтобы ему предоставили особые полномочия и инструкцию и все его действия получили законный характер. С его точки зрения, это было очень важно, так как «последовательность действий более всего необходима при сношении с азиатскими народами; они охотно подчиняются решительно

⁶¹⁶ Представление военного губернатора Амурской области от 6 марта 1881 г. – генерал-губернатору Восточной Сибири (Там же. Л. 38).

⁶¹⁷ Письмо российского поверенного в делах в Пекине Е.К. Бюцова от 14 января 1881 г. – генерал-губернатору Восточной Сибири Д.Г. Анучину (Там же. Л. 29).

принятой и неуклонно исполняемой мере и не будут повиноваться, когда увидят колебание, а особенно неудовлетворение или отмену высшим правительством мер, принятых местным начальством»⁶¹⁸. В ответ Азиатский департамент Министерства иностранных дел, признавая полезность «приручения китайцев в русских пределах», неизменно рекомендовал амурской администрации «избегать каких-либо крутых мер, могущих подать пекинскому правительству повод к жалобам на неисполнение нами 1 статьи Айгуньского договора», и действовать «с крайней осторожностью»⁶¹⁹.

С образованием в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства в повестку I Хабаровского съезда, созванного по инициативе барона А.Н. Корфа в январе 1885 г., вошли, в том числе, вопросы, касающиеся китайских подданных Амурской области: «...какое положение, права и обязанности должны они иметь в крае? в чем наши задачи по отношению к ним?»⁶²⁰. Участники совещания губернаторов и «сведущих лиц» пришли к следующему выводу: «...те китайцы и маньчжуры, которые живут на нашей территории близ Благовещенска, состоя в подданстве Китайской империи, должны быть терпимы в силу трактата и по самому свойству дела. ...в подчинении их русским законам, судам и правительственным распоряжениям будут заключаться наши задачи по отношению к ним»⁶²¹.

Первый приамурский генерал-губернатор барон А.Н. Корф, как и все последующие, признавал крайне неудобным иметь большое число китайских подданных, изъятых из ведения русской администрации. Он докладывал в центр: «Находя необходимым теперь же положить конец дальнейшему захвату ими (китайцами. – Т.С.) новых земель и увеличению числа этого населения путем водворения среди него новых переселенцев с

⁶¹⁸ Всподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за 1880–1881 гг. (Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Т. I. Вып. I. С. 91).

⁶¹⁹ Секретное предписание Азиатского департамента МИД от 22 апреля 1881 г. – генерал-губернатору Восточной Сибири (РГИАДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 232. Л. 68).

⁶²⁰ Программа совещания на съезде губернаторов Приамурского края в январе 1885 г. под председательством приамурского генерал-губернатора (РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 13. Л. 6).

⁶²¹ Краткие ответы на вопросы, поставленные программой совещания на съезде губернаторов для всестороннего обсуждения их на съезде (РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 13. Л. 50-51).

другого берега Амура, я начинаю исподволь принимать меры к устранению последних двух обстоятельств, равно как и к постепенному подчинению этого населения нашей администрации, избегая, впрочем, при этом всяких поводов к неудовольствию пограничных китайских властей»⁶²².

В феврале 1886 г. А.Н. Корф отдал распоряжение военному губернатору Амурской области генерал-майору А. Беневскому «осторожно и постепенно» произвести перепись китайского населения левого берега Амура, на необходимость которой указывал еще в 1883 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин. Администрация Амурской области понимала, что дело это довольно сложное, так как китайская айгуньская администрация ревниво оберегала свою власть над «зазейскими маньчжурами» и нетерпимо относились к попыткам русских чиновников поставить их под свой контроль. Еще Ф.Ф. Буссе, описывая «зазейских маньчжур», заметил, что управляющий ими айгуньский амбань «ревниво скрывает все, что относится до китайского населения, даже самые мелочи, следуя, конечно, вековой политике своего правительства»⁶²³. А. Беневский ответил А.Н. Корфу: «На удачное исполнение переписи трудно рассчитывать; так как, с одной стороны, весьма подозрительные Айгуньские власти не преминут открыто протестовать против нее и всячески ей противодействовать; а с другой, само население, по своей недоверчивости и отчужденности от нас, будет относиться к переписи если не открыто враждебно, то с уклончивостью, которая может портить дело почти столько же, сколько сопротивление»⁶²⁴. И действительно, известие о переписи, вызвало резкие протесты китайских властей, в результате которых при бароне А.Н. Корфе она так и не состоялась, но накопленный опыт пригодился его преемнику.

Новый приамурский генерал-губернатор генерал-лейтенант С.М. Духовской, относясь к китайским подданным в Амурской области как к «крайне нежелательному элементу», считал, что

⁶²² Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора с сентября 1884 по июль 1886 г. (РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1010. Л. 126).

⁶²³ Записка чиновника особых поручений Буссе «О земледелии в Амурском крае» от 7 сентября 1869 г. (ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Карт. 1667. Д. 289. Л. 107).

⁶²⁴ Представление военного губернатора Амурской области генерал-майора А.С. Беневского от 17 июля 1886 г. – приамурскому генерал-губернатору барону А.Н. Корфу (РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. 6. Л. 144).

все меры его предшественников с целью подчинения этого населения русским властям, «не привели к удовлетворительным результатам». Китайцы по-прежнему отрицали принадлежность России занимаемой ими зазейской территории, а нахождение на этих землях русских казачьих постов, почтовой дороги и телеграфной линии рассматривали как проявление терпимости с их стороны. С.М. Духовской находил «весьма желательным» пересмотреть трактаты с Китаем, а до этого предпринимать такие меры, которые бы соответствовали «нашим политическим и экономическим интересам». Он исходил из того, что, поскольку по Айгуньскому договору России принадлежала вся территория по левому берегу Амура, то русские власти имели право осуществлять надзор за ней, распоряжаться незанятыми земельными участками и облагать пользующихся русской землей иностранцев податями и повинностями⁶²⁵. Для этого необходимо осуществить перепись китайского населения, что, наконец, и было сделано. По данным этой переписи, к концу 1893 г. из 20272 китайцев, проживавших в области, 16102 человека составляли «зазейские маньчжуры»⁶²⁶.

Наряду с обмежеванием «зазейского района», перепись была одним из немногих мероприятий, которые удалось осуществить на практике. Еще одним детищем С.М. Духовского можно считать учреждение в Амурской области должности пограничного комиссара. По его мнению, одна из причин прежних неудач состояла в «отсутствии в составе амурской областной администрации специального должностного лица, которое бы ведало дипломатической частью и пограничными сношениями и постоянно следило бы за результатами принимаемых в отношении китайцев мер»⁶²⁷. Ходатайство об учреждении в Амурской области должности пограничного комиссара было удовлетворено. Обязанности его изначально были осложнены управлением «зазейским районом», население которого, по мнению следующего приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова, являлось «источником

⁶²⁵ Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского. 1893, 1894 и 1895 годы. СПб., 1895. С. 25-26.

⁶²⁶ Доклад приамурского генерал-губернатора о социально-экономическом развитии Края за 1893-1895 гг. (РГИАДВ. Ф.702. Оп.1. Д.239а. Л.3).

⁶²⁷ Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского. 1893, 1894 и 1895 годы... С. 25-26.

постоянных недоразумений и пререканий как с пограничными, так и с центральными китайскими властями». Поводом к недоразумениям служило нежелание китайских властей признать, что китайское население левого берега Амура, как живущее на русской территории, должно подчиняться русским властям и законам наравне с прочими иностранцами, пребывавшими в России⁶²⁸.

Заключительной вехой во взаимоотношениях приамурской администрации с «зазейскими маньчжурами» можно считать события 1900 г., связанные с восстанием ихэтуаней в Китае. После окончания боевых действий на Амуре приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков издал распоряжение: «...ввиду того, что группа этого иноплеменного и недружелюбного к русским населения представляла явную аномалию на нашей территории и в течение долгих лет не обнаруживала признаков сближения с русскими, ныне сделано распоряжение, чтобы ушедшие зазейские маньчжуры не допускались обратно на прежние места жительства»⁶²⁹. Так была кардинально разрешена существовавшая с 1858 г. проблема подчинения «зазейских маньчжур» в Амурской области русским властям⁶³⁰. Категория китайских подданных в Амурской области, известная под названием «зазейские маньчжуры», просто перестала существовать.

Таким образом, урегулирование отношений с китайскими подданными в Амурской области прошло долгий путь от политики «постепенного приручения» до полного их вытеснения. И во времена управления далекой окраиной из Иркутска, и с момента образования Приамурского генерал-губернаторства все высшее краевое и областное начальство всегда считало «зазейских маньчжур» «неудобным» и «нежелательным» элементом, осознавало ситуацию как «государство в государстве», и считало необходимым подчинить их русской администрации. Перед каждым губернатором стояли одинаковые проблемы, каждый обращал на них внимание правительства и высказывал свои соображения по

⁶²⁸ Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова за 1898-1900 гг. Хабаровск, 1901. С. 139-141.

⁶²⁹ Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова за 1898-1900 гг. (РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1585. Л. 70).

⁶³⁰ О политике приамурской администрации в отношении «зазейских маньчжур» см. подробнее: Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.). Омск, 1999. С. 49-54, 107-126.

поводу принятия необходимых мер, каждый вносил свою лепту в дело «приручения» китайских подданных, но в целом мало в этом преуспели. Губернаторы менялись, а проблемы оставались. Все распоряжения, все мероприятия приамурской администрации в отношении «зазейского района» встречали со стороны китайских подданных пассивное сопротивление, всемерно поддерживаемое айгуньскими властями. Предложения, исходившие от высших чиновников, как правило, одобрялись центральным правительством, но при этом каждый раз им предписывалось «действовать с осторожностью, чтобы не возбудить каких-либо осложнений с Китаем»⁶³¹. Этими инструкциями или, иначе, 1 ст. Айгуньского договора, приамурская администрация была скована по рукам и ногам. Поскольку «зазейские маньчжурь» должны были находиться в ведении китайского правительства, русская администрация не могла вмешиваться в дела управления. А после ликвидации «зазейского района», возможно, она продолжала придерживаться прежней политики как бы по инерции («по привычке»), или проблема подчинения китайских подданных утратила свою прежнюю остроту, вполне хватало паспортных правил. Во всяком случае, ни китайского общественного управления, ни легализованных китайских обществ в Амурской области не было. Иное дело в Приморской области. В.К. Арсеньев, рассматривая Уссурийский край как «своего рода буфер», писал: «Все другие области, как Якутская, Забайкальская и даже Амурская, пребывают в более благоприятных условиях; они удалены и потому не находятся под натиском «желтых»⁶³².

«...манзам не выговорено по трактату подчинение китайским чиновникам»

По Пекинскому договору оставалось неясным, перешли ли уссурийские манзы в русское подданство или остались подданными Китая. Поэтому надо было определиться, считать ли часть китайцев, находившихся в области до 1860 г., русскими подданными или вообще все постоянно пополняющееся китайское население⁶³³ следовало признать подданными Цинской империи.

⁶³¹ Предложение Комитета Министров на имя приамурского генерал-губернатора от 20 февраля 1896 г. (РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 239 а. Л. 3, 93).

⁶³² Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. М., 2004. С. 250.

⁶³³ По сведениям И.П. Надарова, в Уссурийском крае с 1860 г. постоянно проживало 872 китайца, из которых только 341 человек были фанзовладельцами, а остальные 531

Ф.Ф. Буссе, например, считал, что поскольку «о манзах в Южно-Уссурийском крае в договоре не помянуто, следовательно они со всеми инородцами должны считаться русскими подданными»⁶³⁴.

До 1880-х гг. «приходившие манзы без всякого стеснения занимали облюбованные ими места и устраивались как у себя дома, никто им не мешал, да и не имел возможности; бывшие начальники округов были совершенно бессильны противодействовать или направлять китайское население с потребностью края...»⁶³⁵. Управлялись они сельскими старостами, выбиравшимися без всякого контроля со стороны русской администрации, поддерживали постоянные контакты с китайскими властями в Маньчжурии и получали от них распоряжения и инструкции. Китайские чиновники скрытно приезжали в русские пределы для сбора податей с фанзовладельцев и промысловиков. Вот как об этом писал Ф.Ф. Буссе: «В первое время присоединения к России в Южном крае русское влияние было слишком слабо и манзы считали себя все еще в зависимости от китайского правительства. Последнее весьма хорошо этим воспользовалось, посылая своих чиновников собирать дань с манз и других инородцев. Правильного управления страной не было. Местные вопросы и уголовные процессы решались собранием окрестных домохозяев манз, под председательством избранного ими старшины. Такое собрание имело власть над жизнью и смертью»⁶³⁶.

По сведениям секретаря начальника Тихоокеанской эскадры в 1880–1881 гг. штаб-ротмистра В.В. Крестовского (известного писателя), манзы Южно-Уссурийского края издавна управлялись своими выборными старшинами, никем не утвержденными и часто неизвестными русской администрации. Эти старшины «чинили суд и расправу», нередко кровавую, согласно законам и обычаям

– компаньонами хозяев или работниками. К 1880 г. постоянно проживало уже 7356 китайцев (Надаров И.П. Материалы к изучению Уссурийского края. Владивосток, 1886. С. 3-4.); по отчету приамурского генерал-губернатора за 1884–1886 гг., ко времени образования Приамурского генерал-губернаторства численность «манз» доходила до 13 тысяч человек, не считая тех, которые приходили лишь на время промыслов (РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1010. Л. 126).

⁶³⁴ Записка чиновника особых поручений Буссе «О земледелии в Амурском крае» от 7 сентября 1869 г. (ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Карт. 1667. Д. 289. Л. 114).

⁶³⁵ Рапорт начальника южно-уссурийского окружного управления от 1 декабря 1883 г. – военному губернатору Приморской области (РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 800. Л. 23).

⁶³⁶ Записка чиновника особых поручений Буссе «О земледелии в Амурском крае» от 7 сентября 1869 г. (ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Карт. 1667. Д. 289. Л. 114).

ям Цинской империи. Даже во Владивостоке в 1870-е гг. китайцы практиковали между собой «самые ужасные виды смертной казни, вроде закапывания живьем в землю». Китайские административные порядки поддерживались и цинскими чиновниками, либо постоянно проживавшими в Приморье (во Владивостоке, бухте Преображения, Ольге, Сучане и др.), либо временно командированными сюда, разумеется, негласно, от губернаторов ближайших к границе китайских городов – Хунчуна, Нингуты и др. Эти чиновники, свободно разъезжая по китайским селениям, не только разбирали тяжбы между жителями, но и обнародовали разные императорские указы, постановления, регламентации, а заодно собирали подушную и иные подати. Например, они взимали подъемную подать с каждой китайской фанзы (около 8 руб.), пошлину с каждой лодки и работника (7 и 5 руб., соответственно), занятых в русских водах добыванием трепангов или морской капусты и т. п. Сбором заведовал сам начальник Хунчунского округа⁶³⁷.

По словам военного губернатора Приморской области П.Ф. Унтербергера, в течение примерно двух первых десятилетий владения краем, пока русских поселений здесь было мало, а китайские поселения, напротив, были разбросаны почти по всем плодородным долинам рек, «в выяснении условий их быта в наших пределах не встречалось существенной необходимости, и они управлялись по своему обычному праву без всякого участия русской администрации»⁶³⁸. Китайские чиновники, свободно разъезжающие по краю, пользовались гораздо большим доверием и авторитетом, чем русское начальство, малочисленное и редко видимое. По мере постепенного освоения дальневосточной окраины и увеличения русского населения, местную администрацию все более не устраивало фактически бесконтрольное положение в крае десятков тысяч китайцев. В своем очерке о Приморской области П.Ф. Унтербергер писал, что «лишь в 1888 году (выделено мной. – Т.С.) возник вопрос, какие права следует предоставить живущим у нас китайцам»⁶³⁹. Это не совсем спра-

⁶³⁷ О положении и нуждах Южно-Уссурийского края // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. I. Вып. I. С. 291-292.

⁶³⁸ Представление военного губернатора Приморской области П.Ф. Унтербергера от 21 марта 1889 г. – приамурскому генерал-губернатору барону А.Н. Корфу (РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 58. Л. 7).

⁶³⁹ Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1856–1898. Очерк. СПб., 1900. С. 274.

ведливо, поскольку попытки установления контроля над китайским населением предпринимали все приамурские администраторы и до 1888 г., другое дело, как они претворялись в жизнь.

Уже первый военный губернатор Приморской области контр-адмирал П.В. Казакевич просил М.С. Корсакова «определить положение манз и других инородцев, отошедших к нам по последним трактатам с Китаем, какими правами они должны пользоваться, какому суду подлежать и как поступать в случае требования выдачи кого-либо из них китайскими пограничными начальниками»⁶⁴⁰. В фонде Главного управления Восточной Сибири Государственного архива Иркутской области, отложилось дело «О порядке управления местными жителями в южной части Приморской области...», с документами, относящимися к 1866–1872 гг. Здесь есть инструкция заведующему Суифунским округом по управлению «туземным корейским и маньчжурским населением» – какие сведения собирать, куда представлять, к чему их приучать и т. п. Один из параграфов относится к общественному управлению китайцев: «В виду того, что между китайцами и маньчжурами существует уже некоторого рода общественное управление, которое по результатам оказывается вполне удовлетворительным, окружным начальникам, не отменяя его, а иметь общий полицейский надзор за этими жителями и не допускать действий, противных духу нашего законодательства»⁶⁴¹.

В 1868 г. приморским губернатором были изданы правила об исполнении российских законов всеми китайцами, проживавшими на русской земле: «...непрерывно исполнять русские законы, распоряжения начальства и вообще слушаться русских начальников». В каждой деревне китайцы должны были избрать себе старшин, которых утверждало русское начальство. При «малой провинности» старшина имел право сам решить дело, но о «большой вине» обязан был доложить русскому окружному начальству⁶⁴². Однако это распоряжение осталось «мертвой буквой».

---

⁶⁴⁰ Представление военного губернатора Приморской области от 26 мая 1864 г. – генерал-губернатору Восточной Сибири (ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/3. Д. 23. Л. 7).

⁶⁴¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Карт. 2099. Д. 23. Л. 30.

⁶⁴² Доклад о Владивостокском коммерческом обществе старшего помощника делопроизводителя канцелярии приамурского генерал-губернатора Ульяницкого от 26 марта 1915 г. – приамурскому генерал-губернатору Н.Л. Гондатти (РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 1001. Л. 1).

Еще до образования Приамурского генерал-губернаторства местная администрация осознавала необходимость принятия «безотлагательных» мер, чтобы «оставаться хозяевами на нашей земле и не быть в постоянной зависимости от заносчивости или каприза китайского правительства и его пограничных чиновников»⁶⁴³. Подчинение китайцев Приморской области чиновникам из Китая, освобождение их от всяких податей и повинностей, выдача китайских преступников за границу привели, по мнению генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина, к образованию «как бы государства в государстве». Д.Г. Анучин предлагал поставить все китайское население Приморской области в непосредственное подчинение русским властям с обложением их денежным сбором в пользу русской казны и с утверждением русской администрацией китайских старшин, так как считал, что «манзам не выговорено по трактату подчинение китайским чиновникам»⁶⁴⁴.

С учреждением в Южно-Уссурийском крае окружного управления в январе 1881 г. было распространено объявление на русском, маньчжурском и китайском языках с приказом военного губернатора Приморской области о подчинении китайского населения русским властям, о порядке его проживания и управления им. Китайцам было разрешено свободно заниматься земледелием, торговлей и разными промыслами, при этом им ясно и недвусмысленно было объявлено: «Проживающие в Южно-Уссурийском крае манзы находятся под покровительством русских законов и подчиняются русским властям, к которым они обращаются в своих нуждах и потребностях». Распоряжения русских властей должны были передаваться через избранных китайских старшин, которые утверждались окружным начальником и пограничным комиссаром. Все китайцы были обязаны «беспрекословно исполнять законные требования старшин». «Суд и расправу» за незначительные нарушения разрешалось производить самим китайцам посредством выборных судей и по своим обычаям, только «строжайше» запрещалось приговаривать провинившихся к смертной казни. Предусматривалась

⁶⁴³ Всподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за 1880–1881 гг. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. I. Вып. I. С. 96.

⁶⁴⁴ Там же. С. 95.

и «строгая ответственность по русским законам» за укрывательство преступников. Китайцы, желавшие свободно жить и трудиться в Южно-Уссурийском крае, обязаны были выбрать билеты на жительство. Кроме 60-копеечного гербового сбора за билет купцы и фанзовладельцы должны были заплатить по 5 руб., а простые рабочие по 3 руб.⁶⁴⁵ Положения, касающиеся сборов, очевидно, можно считать, в каком-то смысле, предтечей паспортных правил для китайцев, введенных при первом приамурском генерал-губернаторе бароне А.Н. Корфе в 1885 г. в Приморской области и в 1886 г. – в Амурской.

По признанию дальневосточных чиновников, с учреждением окружного управления в Южно-Уссурийском крае положение несколько изменилось в лучшую сторону, усилился надзор за китайцами, и то, что раньше не доходило до сведения начальства, теперь становилось известным. Но и эти правила во многом остались на бумаге. Более того, как бы в ответ на эту попытку поставить китайцев под контроль русских властей, китайское правительство назначило «начальником всех манз от Шкотовой до Ольги» своего ставленника, с деятельностью которого связаны беспорядки 1881 г. в крае, справляться с коими пришлось с помощью воинской команды.

Более всего умаляло авторитет русской администрации правило выдавать преступников пограничным китайским властям. Отсутствие хорошо организованной власти, постоянно перемещавшийся состав населения способствовали распространению хунхузнчества, борьба с которым была затруднена неопределенностью положения китайского населения в юридическом отношении. Китайское правительство, основываясь на статьях Тяньцзинского и Пекинского договоров, признавало своих подданных неподсудными русским судам. По российскому законодательству, в примечании к ст. 172 Уложения о наказаниях значилось, что «китайцы, учинившие преступление на российской стороне границы, выдаются для суда их правительству»⁶⁴⁶. Но многие представители русской администрации считали, что китайцев, совершивших преступление на русской территории,

⁶⁴⁵ Объявление военного губернатора Приморской области от 3 января 1881 г. Типографский оттиск (РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 800. Л. 7-8).

⁶⁴⁶ Приамурский генерал-губернатор от 30 сентября 1898 г. – военному губернатору Амурской области (РГИАДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 865. Л. 1).

надо привлекать к ответственности по русским уголовным законам. Военный губернатор Приморской области и генерал-губернатор Восточной Сибири обращались за консультацией по этому вопросу к российскому поверенному в делах в Пекине в 1881 г. Русский посланник в Пекине, действительный статский советник Бюцов, вполне соглашаясь с мнением высшего местного начальства, телеграфировал, что мера эта должна быть принята «без всяких предварительных объявлений, которые могли бы подать повод предполагать, что мы прежде сомневались в нашем праве чинить суд и расправу над китайцами»⁶⁴⁷. Именно после того, как эти вопросы были подняты местной администрацией, Министерство юстиции в своем отношении от 23 апреля 1882 г. отметило, что ни в одном из русско-китайских договоров никогда не было положения, которое обязывало бы русское правительство выдавать китайцев, совершивших какое-либо преступление в пределах России для осуждения их по китайским законам. Русское правительство, признав, что примечание к ст. 172 «не только не состоятельно с точки зрения начала территориальности уголовных законов, признаваемых в каждой цивилизованной стране, но и противоречило... всей истории взаимоотношений между Россией и Китаем», приняло решение отменить его, что и было сделано 8 июня 1882 г. «Высочайше утвержденным мнением Гос. Совета». Местной администрации строго предписывалось следовать правилу – «все преступления должны быть подсудны нашим судам. Другое толкование вредно»⁶⁴⁸. Невзирая на многочисленные протесты китайских властей, приамурские чиновники твердо придерживались этой инструкции.

Таким образом, вопросом, «какие права следует предоставить живущим у нас китайцам», задавались все руководители Приморской области и до 1888 г. П.Ф. Унтербергер, возглавив область, просто в очередной раз поставил этот вопрос перед своим непосредственным начальством в 1889 г. Барон А.Н. Корф, весьма «сочувственно» отнесшись к его предложениям,

⁶⁴⁷ Секретная телеграмма поверенного в дела в Пекине Бюцова от 24 ноября 1881 г. – генерал-губернатору Восточной Сибири Д.Г. Анучину (РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 12. Л. 17).

⁶⁴⁸ Приамурский генерал-губернатор от 30 сентября 1898 г. – военному губернатору Амурской области (РГИАДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 865. Л. 1-2).

поручил ему выработать особые правила для китайцев в соответствии с правилами 1882 г. о преобразовании общественного управления государственных крестьян Восточной Сибири.

«...сами являлись органами управления и суда по китайским законам»

15 сентября 1891 г. были изданы утвержденные приамурским генерал-губернатором особые правила об общественном управлении китайского населения, согласно которым проживавшим в Приморской области китайцам было даровано выборное общественное управление и суд с правами, соответствующими полномочиям сельского и волостного управления крестьян, с некоторыми изменениями, вызванными местными условиями. Так появились, как их стали называть, «китайские участки» или «китайские управы».

Все проживавшие в области китайцы были приписаны к отдельным обществам с учреждением в центральных ее пунктах общественных управлений примерно с такими же правами, как у волостных правлений, только находящихся под более сильным контролем полиции. Должностные лица избирались ежегодно и обязательно утверждались русской администрацией. Все их решения должны были контролироваться полицейским управлением, которое имело право приостановить любое решение и даже отменить его, равно как и приговор выборного общественного суда. Всякое судебное дело могло быть по распоряжению администрации направлено в русские судебные учреждения.

Поскольку китайцам не разрешалось приобретать землю в собственность или брать ее в бессрочную аренду, постольку в компетенции китайских общественных управлений права сельского схода по земельным вопросам не входили. Право участия в общественных сходах определялось не земельным наделом, а обложением в пользу самого китайского общества. Обложению подлежали только китайцы, занимающиеся торговлей и различными промыслами, в зависимости от размеров предприятия. Рабочие таким сбором не облагались, поэтому они не пользовались правом участия в общественном сходе, но подчинялись его решениям.

Общественный суд, состоящий из нескольких выборных судей, мог разбирать имущественные споры, незначительные про-

ступки, определять права наследства. Разбирал дела исключительно между китайцами; если одна из сторон принадлежала к другой национальности, то обязательно требовалось ее согласие на решение дела в китайском суде. Несмотря на то, что из прирешаемых наказаний разрешались лишь те, которые вытекали из прав волостного суда, китайский общественный суд очень широко пользовался обычным правом своей страны, практически незнакомом русской стороне. Унтербергер считал его «наиболее подходящим» в применении к массе постоянно менявшегося рабочего люда, который ежегодно приходил летом на заработки, а осенью возвращался обратно, поэтому не имел возможности за столь короткое время усвоить русские порядки.

Итак, если раньше имели место отдельные попытки поставить китайских старшин под контроль местной администрации⁶⁴⁹, то теперь правила унифицировались и утверждались приамурским генерал-губернатором в качестве эксперимента на три года и распространялись на всю Приморскую область. По истечении трех лет они еще некоторое время продолжали действовать.

Китайские участки оказывали помощь русским властям в управлении и контроле над деятельностью своих соотечественников на российской территории. Контроль над правильным функционированием китайских управ был возложен на полицию, и канцелярия военного губернатора периодически направляла своих ревизоров. Их отчеты, наряду с документами о ликвидации управлений, и служат информативным источником о деятельности китайских управ. Все китайские участки были схожи, поэтому об их структуре, доходах и деятельности можно судить, например, по рапорту чиновника особых поручений Лакшевица, которому губернатор в апреле 1893 г. поручил проинвестировать ревизию китайского и корейского общественных управлений во Владивостоке.

---

⁶⁴⁹ В фонде Приморского областного правления, например, есть дело «Об избрании из своей среды старшины китайскими подданными жителями г. Хабаровки» с общественным приговором от 2 ноября 1880 г.: «... мы, нижеподписавшиеся китайские подданные, ... избираем из среды своей старшину, который мог бы руководить нами, следить за нашим поведением, делать между нами разбирательства, о результате которых давать знать Хабаровской полиции». Приговор был представлен приморскому губернатору и утвержден им (РГИА.ДВ. Ф.1. Оп.4. Д.588. Л.1-4).

По данным Лакшевица, в состав управления, кроме старшины, входили ежегодно выбираемые помощники старшины (5 человек), каждый из которых наблюдал за порядком определенного участка, и 4 судьи (с таким же числом кандидатов). Еще в канцелярии китайского управления состояли: русский письмоводитель, переводчик, один русский писец, два китайских и сборщик денег. Ревизор отмечал, что выборы старшины, его помощников, судей и кандидатов совершены правильно, все они утверждены русской администрацией. Староста, правда, был не совсем удовлетворен деятельностью своих помощников, так как они, получая незначительное жалованье, не могли «отрываться от ведения своих частных дел настолько, насколько это было нужно для успешного выполнения служебных задач»⁶⁵⁰.

Общественный сход состоял из китайцев-домовладельцев и торговцев, платящих ежемесячно сборы и имеющих право голоса – всего 120–130 человек. Сход выбирал должностных лиц, назначал им жалованье, определял размеры сборов, заслушивал отчеты старшины и т. п. Все приговоры схода в трехдневный срок представлялись на рассмотрение полиции и заносились в специальный журнал. Имелась еще «книга словесных заявлений и жалоб», но к моменту ревизии она была пуста.

Доходы общества складывались в основном из различных сборов, которые взимались по приговорам общественных сходов. Это были сборы со всех китайских торговцев (с каждого купца I и II гильдии по 2 руб. в месяц, а с мелкого торговца – 1 руб.), с каждой тонны привозимого и вывозимого купцами груза (35 коп.), с покупателей женьшеня и пантов (1 % стоимости), за удостоверение на получение русских паспортов (30 коп.), за удостоверение «о неимении препятствий на выезд за границу» (2 руб. 05 коп.) и пр. Могли быть и случайные источники доходов. Например, в 1893 г. представители 90 китайских фирм заключили договор с торговым домом «Шевелев и К^о», по которому они обязывались привозить весь свой груз из портов Нагасаки, Чифу и Шанхая исключительно на его пароходах. За каждую тонну груза, перевезенного ими вопреки условиям договора на японских или других судах, платить 12 долларов штрафа. Из

⁶⁵⁰ Рапорт и.д. чиновника особых поручений при Приморском областном правлении К. Лакшевица – военному губернатору Приморской области (РГИАДВ. Ф.1. Оп.1. Д.1317. Л.2).

этой суммы 6 долларов поступали в пользу фирмы «Шевелев и К^о» и 6 – в пользу Владивостокского китайского общественного управления. Записывались они на приход как «пожертвования».

В рапорте Лакшевица есть очень любопытные таблицы по распределению доходов и расходов управления по месяцам за 1892 и 1893 гг., из которых видно, что наиболее доходные статьи – это сборы с китайских торговцев, с грузов и с удостоверений на получение русских паспортов, но самым прибыльным был сбор за удостоверения на выезд за границу. Это объясняется высоким размером сбора, но главное – большим числом проживающих в Приморье китайцев. В зимние месяцы почти единственным источником поступлений был сбор с купцов, а с открытием навигации весной, с наплывом китайских мигрантов, доходы резко увеличивались.

Из таблицы расходов хорошо просматриваются сферы деятельности управления. Общественный сход определял только размер жалованья старшине и его помощникам, а все остальные расходы были предоставлены на усмотрение старшины, который в конце каждого месяца отчитывался перед выборными должностными лицами и в конце года – перед всем сходом. Управы выделяли деньги на содержание и лечение больных неимущих соотечественников, устройство богаделен для престарелых, погребение умерших китайцев, высылку нарушителей, строительство кладбищенской сторожки, а также больничных и ночлежных барачков во время эпидемий и т. п. Но одно из главных занятий – защита китайского населения от хунхузов. Небольшие шайки хунхузов иногда могли держать в страхе население целых районов. Хунхузы захватывали зажиточных торговцев с целью выкупа, выслеживали и грабили китайских подрядчиков или подкарауливали рабочих, возвращавшихся с заработков. Они редко нападали на русских, их жертвами становились, как правило, китайцы и корейцы. Поэтому китайские управы выделяли средства на наем дополнительных чинов полиции и действовали поимке преступников и отправке их на родину⁶⁵¹. Правда, даже с помощью китайских участков борьба с хунхузами была малоуспешной, так как китайцы редко выдавали преступников, боясь их мести. Бывало и так, что китайские старшины укрыва-

---

⁶⁵¹ РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1317. Л. 2-7.

ли хунхузов, выдавая им удостоверения о благонадежности, что и послужило одним из поводов для закрытия управлений.

Большую проблему для нормального функционирования управ и их взаимодействия с русскими властями представлял дефицит квалифицированных переводчиков, необходимых для разбора дел. Переводчиками обычно служили китайцы, кое-как знающие русский язык, так называемые «толмачи», овладевшие «русско-манзовским воляпюком» («моя ходи», «твоя купи», «капитана» и пр.). Стремясь извлечь как можно более выгоды, они часто за вознаграждение переводили так, как нужно было клиенту, что создавало массу неудобств в делах.

П.Ф. Унтербергер считал, что китайские участки функционировали в целом удовлетворительно, во всяком случае, они в значительной степени помогали местной администрации в деле управления китайцами. С их помощью успешнее осуществлялись все установленные с китайцев сборы, на них лежал надзор за выборкой всеми китайцами, прибывающими в край, русских билетов. Создание китайских управлений «упорядочило прежний незаконный порядок и облегчило вместе с тем работу полицейских управлений, которым иначе приходилось бы иметь дело с массой непосильной работы по разбору разного рода дел, возникающих в среде китайцев»⁶⁵².

Приморский губернатор не разделял опасений тех, кто видел в китайских общественных управлениях силу, укрепляющую «сплоченность» китайцев. Сплоченность эта, по его мнению, существовала и прежде, до введения особых правил, только раньше существовало тайное управление с выборными старшинами, действия которых не поддавались контролю и выходили наружу при кровавых расправах, совершавшихся по приговору тайного суда. Создание же легальных управлений расширило возможности осуществления контроля. По сути дела, «положением этим в сущности только урегулировался порядок, который в действительности на месте давно существовал, но существовал как незаконный и бесконтрольный»⁶⁵³.

Хотя главным защитником китайских управ выступал глава области, они все же были закрыты. На китайских старшин по-

---

⁶⁵² Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1856–1898. Очерк. СПб., 1900. С. 276.

⁶⁵³ Там же.

сыпались жалобы – на злоупотребления, незаконные действия и жестокое обращение с соотечественниками. Как писал Ульяницкий, «китайские старшины, воспитанные в духе неуважения к русским законам и государственности и презрения к подчиненным, захватив в свои руки власть над китайским населением, деспотично правили им. Отовсюду слышались жалобы на китайских старшин...»⁶⁵⁴. В дальневосточных газетах стали появляться негативные статьи о китайском управлении, о самоуправстве китайских начальников. Так, анонимный автор одной из них негодовал: «С каких пор присвоило себе китайское управление производство следствий, применяя свои отечественные приемы, которые возмущают даже китайцев, проживающих у нас и свыкшихся с нашими гуманными порядками?», призывая сделать так, чтобы «впредь неповадно было китайским должностным лицам самовольно заводить у нас свои порядки – желательно было бы унять их самоуправство, заставить их уважать наши порядки и следовать им»⁶⁵⁵.

Вскоре в судебной практике появились дела и по обвинению членов обществ в деяниях, направленных против своих старшин, и по обвинению старшин в таких нарушениях, которые уголовно наказуются лишь тогда, когда они совершены должностными лицами. По российскому законодательству, китайские старшины таковыми не являлись. Приморский прокурор, столкнувшись с подобными делами, обратился за разъяснениями к министру юстиции. Министр ответил, что особые правила «как изданные без испрошения в установленном порядке Высочайшего соизволения, не могут иметь силу закона»⁶⁵⁶. МВД запросило приамурского генерал-губернатора относительно необходимости сохранения особых правил о китайском общественном управлении. Несмотря на то, что П.Ф. Унтербергер настаивал на продолжении действия

⁶⁵⁴ Доклад о Владивостокском коммерческом обществе старшего помощника делопроизводителя канцелярии приамурского генерал-губернатора Ульяницкого от 26 марта 1915 г. – приамурскому генерал-губернатору Н.Л. Гондатти (РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 1001. Л. 2).

⁶⁵⁵ Дальний Восток. 1895. 12 февр. В статье речь шла о вопиющих злоупотреблениях помощника старшины и китайских десятников, которые избили и посадили в карцер обогнанного опекурильщиками и невинно обвиненного купца. От него требовали возместить стоимость украденного имущества из пакагузов этого помощника старшины, хотя бедный торговец никакого отношения к краже не имел.

⁶⁵⁶ Записка о китайских обществах в Приморской области переводчика Ульяницкого от 20 апреля 1913 г. (РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 868. Л. 1).

правил, обещая изменить их с учетом накопленного опыта, С.М. Духовской признал существование китайского общества «ненормальным, несогласным с законами Российской империи и вредным в административном и политическом отношениях». Он не стал ходатайствовать об утверждении в законодательном порядке особого положения о китайских обществах, так как надеялся, что «развитие местной жизни, усиление русского элемента и полиции в скором времени сделает возможным подчинение проживавших в крае китайцев полицейскому надзору»⁶⁵⁷.

С введением в крае судебных установлений в 1897 г. (во Владивостоке 1 июля 1898 г.) было решено окончательно упразднить китайское общественное управление как несовместимое с суверенностью Российского государства. Китайские управы были закрыты, так как они не только «совершенно не помогали выяснением китайцев русских законов, а, напротив, сами являлись органами управления и суда по китайским законам»⁶⁵⁸. Все имущество китайских участков (от барачных и кладбищенской сторожки до «портрета государя императора» и «поношенной клеенки»⁶⁵⁹) передавалось городским полицейским управлениям, а оставшиеся денежные суммы поступили в депозиты военного губернатора Приморской области.

Ликвидация китайских участков сразу же породила массу проблем. В полицейские участки, в канцелярию губернатора посыпались прошения, просьбы о выделении средств на лечение неимущих китайцев, не уплативших больничного сбора, погребение трупов, оказание помощи бедным и увечным китайцам и пр. Дело доходило даже до непосредственного обращения к губернатору найти возможность уплатить за лечение и погребение неимущих китайцев⁶⁶⁰. Ежегодно в городскую больницу

⁶⁵⁷ Записка о китайских обществах в Приморской области переводчика Ульяницкого от 20 апреля 1913 г. (РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 868. Л. 1).

⁶⁵⁸ Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье // Труды Амурской экспедиции. Вып. IX. СПб., 1912. С. 112.

⁶⁵⁹ Протокол комиссии, образованной по приказу военного губернатора Приморской области от 20 июля 1898 г. под председательством и. д. советника Приморского областного правления коллежского асессора Пономарева для приведения в известность денежных сумм и вообще имущественного положения китайского и корейского общественных управлений и передачи таковых в ведение Владивостокского городского полицейского управления (РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1346. Л. 22).

⁶⁶⁰ В фонде Приморского областного правления отложились переписка Владивостокской городской управы с городским полицейским управлением о выделении 21 руб. за

поступало на излечение значительное число китайцев, не уплативших больничного сбора. Получить с них деньги за лечение и содержание в больнице было совершенно невозможно, так как полицейское управление, по запискам которого эти больные поступали, не удовлетворяло просьбы городского головы о взыскании с китайцев денег за лечение, поскольку их просто не могли найти. Раньше управа обращалась за содействием к китайскому участку, у которого существовала специальная статья расходов на этот счет, но с упразднением его и с передачей в распоряжение областного управления общественных сумм, последнее уплатило только за лечение нескольких китайцев из этого источника, а затем подобные выплаты прекратились. Обращение за содействием к китайскому коммерческому агенту осталось безрезультатным, так как в его распоряжении не оказалось средств для этой цели. Городской голова в сентябре 1899 г. обратился с просьбой к губернатору о более тщательном розыске недоимщиков-китайцев и предупредил, что в противном случае город вынужден будет прекратить прием в больницу китайцев, не уплативших больничного сбора⁶⁶¹.

После ликвидации общественного управления в канцелярию стали поступать ходатайства от китайцев с просьбами разрешить им обкладывать особым сбором прибывающих в край соотечественников с целью «основать капитал на благотворительные цели». Так, чиновник по дипломатической переписке при приамурском генерал-губернаторе летом 1899 г. передал подобное прошение приморскому губернатору Н.М. Чичагову от трех китайских подданных, проживавших в Хабаровске. Описав по возможности ярко бедственное положение своих «калек, слепых, больных и неимущих, нуждающихся в паспортной помощи, не имеющих...

лечение и погребение умершего в больнице китайца Юун Зена. Сначала городской голова обратился с этой просьбой в полицию. Исполнение поручили полицейскому надзирателю, который, в свою очередь, предписал городовым «разыскать имущество умершего в городской больнице китайского подданного Юун Зена», чтобы с его нового владельца взыскать требуемую сумму. Имущества у покойного не оказалось, по крайней мере, его не нашли. В конце концов, вся эта переписка, от хождения по инстанциям разросшаяся, как снежный ком, попала на стол к самому губернатору Приморской области вкупе с представлением городского головы, просившего изыскать возможность уплатить 21 руб. из сумм бывшего китайского участка (РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1346. Л. 81-86).

⁶⁶¹ Представление Владивостокской городской управы от 18 октября 1899 г. – военному губернатору Приморской области (Там же. Л. 301).

собственных средств для пропитания, лечения и приюта», они просили хабаровского полицмейстера разрешить им «при визировании китайских билетов от прибывших соотечественников с Сунгари, предлагать таковым добровольный взнос не более 30 коп. с каждого и на собранные деньги нанять особую фанзу, где помещать неимущих престарелых и больных, из образовавшегося капитала давать возможность бедным возвращаться на родину к родным, выдавать ежедневно на пропитание и таким путем дать возможность несчастным людям иметь теплый светлый уголок для поглощения пищи и, наконец, одеяние». Просители обещали регулярно предоставлять отчет о приходе и расходе пожертвованных сумм и заверяли, что предприятие их имеет целью не вымогательство и наживу, а «истинное попечение и заботу о своем единомышленнике и единоверце»⁶⁶². Чичагов решил, что «ходатайство не может быть удовлетворено, т. к. носит характер не добровольных пожертвованных». И вообще, он не признал необходимым учреждать еще какое-то особое китайское благотворительное общество «при существующем уже в Хабаровске благотворительном обществе, к которому они могут присоединиться»⁶⁶³.

Но приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков опасался, что содержание большого числа бедных, совершенно неимущих китайцев во Владивостоке, Хабаровске и других городах может лечь тяжким бременем на городскую общественную благотворительность. По его мнению, лучше было бы создать под наблюдением полиции собственное китайское благотворительное общество, основным фондом для которого могли бы послужить суммы, оставшиеся от содержания упраздненных общественных управлений⁶⁶⁴.

Таким образом, перед местной администрацией сразу же встала задача создания какой-то другой организации взамен упраздненного китайского общественного управления. Тем более, что закрытие китайских участков не привело к достижению главной цели – подчинению проживавшего в Приморье китайского населения русской администрации, оно по-прежнему управлялось своими старшинами, только теперь неизвестными русским властям.

⁶⁶² РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1359. Л. 372.

⁶⁶³ Там же. Л. 373.

⁶⁶⁴ Канцелярия приамурского генерал-губернатора от 3 июня 1898 г. – военному губернатору Приморской области (РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1346. Л. 2).

«...организовать общество взаимного вспомоществования для общего блага»

В последующее за закрытием управлений десятилетие китайские общества продолжали существовать тайно, хотя неоднократно пытались легализовать свое положение. Так, в 1901 г. проживавшие в Хабаровске китайские торговцы собирались на сход для решения вопроса защиты от хунхузов. В постановлении схода говорилось: «Живя здесь, мы подвергались огню и мечу, нападениям воров и разбойников, перенося страх в течение нескольких лет сряду. ... Хабаровск – захолустный город, далекий от нашей родины, и если не сплотиться для исполнения дела, то с непритворным страхом придется жить в одиночестве». Собрание признало «за благо собрать посильное пожертвование для найма сыщиков и организовать общество взаимного вспомоществования для общего блага и общественного спокойствия, надеясь на единение и общее напряжение сил домовладельцев и купцов»⁶⁶⁵. Открытие его предполагалось в 1902 г., но официальное признание китайских обществ взаимного вспомоществования в Приморской области произошло позднее.

Легализации китайских обществ способствовали, с одной стороны, проводившиеся с 1901 г. в Китае реформы с целью укрепления положения правящей династии или так называемая «новая политика», с другой – революционные преобразования в России, в частности, принятие закона 4 октября 1906 г. об общественных организациях. Первые активизировали создание китайских коммерческих обществ за границей, вторые использовались для их легализации в России.

Основными источниками послужили уставы китайских обществ взаимного вспомоществования, их ежегодные отчеты, представляемые русской администрации, выписки из журнальных постановлений Комитета общества, а также материалы делопроизводства приамурской администрации, в том числе, записки Л.Г. Ульяницкого о китайских обществах в Приморской области⁶⁶⁶ и о Владивостокском коммерческом обществе⁶⁶⁷.

⁶⁶⁵ РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 868. Л. 2.

⁶⁶⁶ Записка о китайских обществах в Приморской области от 20 апреля 1913 г. (РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 868. Л. 1-5).

⁶⁶⁷ Доклад о Владивостокском коммерческом обществе старшего помощника делопроизводителя канцелярии приамурского генерал-губернатора Ульяницкого от 26 марта 1915 г. (РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 1001. Л. 1-9).

Ульяницкий, будучи переводчиком канцелярии приамурского генерал-губернатора, неоднократно занимался проверкой китайских обществ по распоряжению Н.Л. Гондатти. Судя по всему, при составлении своих записок он использовал и информацию владивостокского цензора по иностранной печати на восточных языках А.Н. Занковского. Занковский с 1908 г. состоял русским секретарем китайского общества взаимного вспомоществования во Владивостоке, что позволило ему «особенно близко... ознакомиться с бытом и организациями живущих в крае китайских подданных, имеющих для нашей окраины столь громадное значение». Свои соображения он изложил в записке об «общественно-политическом значении китайских организаций в Приамурье», поданной во время его пребывания в Петербурге осенью 1912 г. министру внутренних дел⁶⁶⁸.

Важнейшей чертой «новой политики» в Китае было изменение отношения правительства к торгово-предпринимательским слоям. Государство впервые объявило о своем стремлении отойти от ограничения предпринимательства, встав на путь его поощрения. Созданное в 1903 г. Министерство земледелия, торговли и промышленности должно было всячески способствовать притоку частного капитала в промышленность и коммерцию⁶⁶⁹. Новое министерство в 1904 г. обнародовало закон об открытии коммерческих обществ не только в столичных и провинциальных городах и открытых портах в своей стране, но и за границей. Как следует из записки А.Н. Занковского, обращавшегося «к источникам на китайском языке», по предложению китайского Министерства торговли, «в исполнение реформы 1903 года, открывались внутри Китайской империи особые «коммерческие общества», такие же общества предположены к открытию повсеместно и за границей», причем «главные коммерческие общества («хау-шан-цзун-хуй») должны быть открыты к 1911 году, а второстепенные – «отделения» («фын-хуй») – к 1914 году»⁶⁷⁰.

---

⁶⁶⁸ Докладная записка ис. об. отдельного цензора по иностранной печати на восточных языках в г. Владивостоке А.Н. Занковского от 30 октября 1912 г. – министру внутренних дел (Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 759. Л. 42-48).

⁶⁶⁹ История Китая. М., 2002. С. 357.

⁶⁷⁰ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 759. Л. 43.

Претворяя распоряжение своего правительства в жизнь, китайские купцы, проживавшие в Приморской области, сорганизовались сначала в тайные коммерческие общества, а потом стали хлопотать об их легализации. Воспользовавшись изданием «Временных правил об обществах и союзах», они обратились в 1906 г. к приморскому военному губернатору В.Е. Флугу с просьбой зарегистрировать их коммерческое общество, назвав его «обществом взаимного вспомоществования». Все необходимые документы были представлены не только губернатору, но и в областное по делам об обществах и союзах присутствие. Областная администрация зарегистрировала китайское коммерческое общество под названием «Владивостокское общество взаимного вспомоществования» и утвердила его Устав, послуживший в дальнейшем образцом для всех других торговых обществ в крае. Всего русской администрацией официально были зарегистрированы три таких общества: во Владивостоке (18 апреля 1907 г.), Хабаровске (20 января 1910 г.) и Никольск-Уссурийске (4 февраля 1910 г.)⁶⁷¹.

Активное участие в хлопотах по регистрации обществ принимал китайский императорский генеральный консул Куэфан, бывший ранее коммерческим агентом во Владивостоке. Он заверил русскую администрацию, что намерение торговцев учредить общество «вполне согласуется с законами Китайской империи, предписывающими своим подданным, проживающим за границей: «способствовать развитию мирных отношений Китая с иностранными державами путем организации обществ, каковые общества, улучшая самих членов общества, руководили бы ими и направляли бы их жизнь согласно местных законов и распоряжений администрации на собственную пользу и на пользу той державы, гостеприимством которой китайские подданные пользуются»⁶⁷².

«Кроме трех, зарегистрированных нами «китайских обществ», – писал А.Н. Занковский, – в каждом городе и даже селе Края неофициально существуют названные «коммерческие общества» или типа «главных» или «отделов», соответственно величине и значению данного пункта населения. Последние, при

⁶⁷¹ Все три зарегистрированные китайские общества А.Н. Занковский относил к разряду «главных коммерческих обществ».

⁶⁷² Куэфан цитирует Устав об Обществах, опубликованный китайским Министерством торговли в законе 1904 г. – Удостоверение китайского генерального консула Куэфана от 8 января 1910 г. (РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 1001. Л. 27).

этом, делятся еще на: большие («да-хуй») – например, в Шкотово, Владимиро-Александровске, Ольге, – и на меньшие, каковые имеются, например, в Зиньковке, Петровке и др.»⁶⁷³. Эти общества должны были осуществлять контроль над местной торговлей, кроме того, им придавались административные функции с правом «принудительного воздействия на купечество». Ульяницкий считал, что «все эти общества, как легальные, так и нелегальные, объединившись между собой, представляют серьезную силу, с которой приходится считаться и местному купечеству, и администрации»⁶⁷⁴. Но сначала к ним относились как к благотворительным учреждениям, фактически взявшим на себя функции упраздненного китайского общественного управления.

Структура и деятельность этих организаций были практически одинаковыми, все они пользовались едиными правилами, единым уставом, утвержденным военным губернатором Приморской области. Тексты уставов всех трех официально зарегистрированных обществ были абсолютно идентичны, они отличались только названием города и датой утверждения. В архивных делах отложились как машинописные варианты устава, так и небольшие брошюры, отпечатанные типографским способом после его утверждения. Поэтому для характеристики обществ воспользуемся примером Владивостокского общества взаимного вспомоществования.

Устав состоял из 9 глав, разбитых на 101 параграф (цель, район деятельности, учредители, порядок вступления и выбытия, средства, Комитет⁶⁷⁵, общие собрания, отчетность, порядок изменения устава). Согласно уставу, общество ставило перед собой следующие цели: «развитие более тесного взаимного единения между членами общества, способствующего улучшению их быта в материальном и духовном отношениях» (§ 1); обсуждение нужд членов общества (§ 2); охрана «мирного течения торговли» и населения города от хунхузов, для чего предполагалось

⁶⁷³ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 759. Л. 44.

⁶⁷⁴ РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 868. Л. 4.

⁶⁷⁵ Глава, посвященная Комитету общества, разделена еще на 6 отделов, в которых определялись состав Комитета, порядок его избрания и проведения заседаний, сфера деятельности, права и обязанности председателя, вице-председателя и членов комитета, а также штат служащих.

предоставлять администрации «определенные денежные средства, путем складчины между членами общества на наем особых сыщиков, городских и околоточных надзирателей» (§ 3); «поддержка общих выгод и выработка цеховых уставов для улаживания недоразумений между членами общества» (§4); улучшение «материального состояния соотечественников», через снабжение неимущих пищей, одеждой и временным жильем, содействие в трудоустройстве, лечении больных и погребении умерших, оплату возвращения на родину, открытие различных благотворительных учреждений (больниц, ночлежных домов, общественных чайных и т. п.), но «не иначе, как с соблюдением каждый раз законов Российского государства и распоряжений правительства» (§ 5); сбор информации для «изучения развития торговли» (§ 6); содействие «развитию соотечественников» с помощью открытия школ, народных библиотек, читален, распространения книг и периодических изданий, приглашения различных специалистов для чтения лекций и т. п. (§ 7); наконец, предоставление соотечественникам возможности проводить свободное от работы время «с удобством, приятностью и пользой, чрез устройство в определенных помещениях с испрошением на то разрешения местной административной власти различных игр, как-то: в шашки, шахматы, домино и т. п., кроме запрещенных русскими законами» (§ 8).

Деятельность общества, согласно уставу, распространялась только на г. Владивосток «в его городской границе». Число членов общества было не ограниченным, вступить в него мог всякий китайский подданный, проживающий во Владивостоке, признающий устав и выполняющий все постановления Комитета и общих собраний. В общество не допускались несовершеннолетние, «злостные банкиры и неуплатившие долгов», лица, уже однажды исключенные из общества, состоящие под судом, «не пользующиеся общим уважением», лица «низких профессий», а также хунхузы, и «те, кто сносится с ними и принимающие краденые вещи». Прием новых членов осуществлялся на общем собрании посредством голосования. Кандидату необходимо было за 14 дней до собрания подать заявление, заручиться рекомендацией трех членов общества и получить более половины голосов на общем собрании. В противном случае вновь по-

давать заявление можно было только через год. В обществе, кроме учредителей, состояли почетные и действительные члены. К почетным относились лица, пожертвовавшие большие суммы, а к действительным – все остальные, вступившие в общество, «пока сам не вышел или не исключен».

Все члены общества, кроме почетных, были равны между собой и имели право избирать Комитет и почетных членов, рекомендовать кандидатов, принимать и исключать из общества, устанавливать размеры денежных взносов, «разрешать расходование денег», обсуждать устав, собирать необходимые торговые сведения, обращаться за юридическими справками в общество и проч. Кроме того, они могли выступать посредниками между поссорившимися членами общества, причем в примечании к этому пункту говорилось: «в таких случаях необходимо брать от обеих сторон нотариальные подписки, что они согласятся с решением посредника. За отсутствием подобной подписки посредник может попасть под суд».

Исключались из общества лица, в течение трех месяцев не вносившие членские взносы, а также совершившие «неблаговидные поступки», к каковым относились уголовные преступления, насилие, нарушения устава и интересов общества, распространение слухов, позорящих общество, «эксплуатация соотечественников», плохое поведение и потеря уважения в глазах членов общества. Для исключения было достаточно, чтобы три члена общества заявили о «неблаговидном поступке», а 2/3 собрания проголосовали за исключение.

Средства общества складывались из членских взносов, добровольных пожертвований, денежных штрафов, процентов с капиталов, доходов с недвижимых имуществ в случае их приобретения и случайных поступлений. Размеры членских взносов делились на 7 разрядов – от 1 до 50 руб.

Исполнительным органом общества являлся Комитет из 30 человек (председатель, вице-председатель, 5 помощников, 3 ревизора по финансам, 3 ревизора по делопроизводству, 5 советников, 7 докладчиков и 5 членов по особым поручениям), число которых по необходимости могло быть увеличено до 50 человек, но не более. В чрезвычайных случаях для работы в Комитете могли привлекаться «сведующие лица».

Избирался Комитет из действительных членов сроком на один год, члены Комитета сами из своей среды выбирали председателя и его заместителя, которые сами распределяли обязанности, причем никто не мог отказаться от порученных ему обязанностей. Председатель и его заместитель должны были обязательно владеть «русским и китайским литературным языком» и иметь не менее 30 лет от роду. Комитет ведал всеми делами, вытекающими из целей общества, распоряжался всеми деньгами, составлял годовые отчеты, а также выступал посредником в спорах между членами общества, если ссорящиеся обращались к нему за содействием. Комитет собирался каждое воскресенье для обсуждения текущих дел («обыкновенные заседания») и в любое время для решения неотложных чрезвычайных вопросов («экстренные заседания»). Решения принимались открытым голосованием простым большинством голосов при наличии 2/3 состава Комитета. Постановления вывешивались для общего сведения, по важным вопросам публиковались в газете, в случае необходимости – в русском переводе. Так как во Владивостоке не было китайских газет, то постановления печатались, как правило, в харбинской газете «Юань-дун-бао» или в одной из наиболее распространенных в городе шанхайских или чифуских газет.

Штат служащих состоял из делопроизводителя-китайца, заведующего делами и служащими, юрисконсульта (обязательно присяжного поверенного), русского секретаря (с образованием не ниже среднего), драгомана и кассира. Поскольку хорошо владеющего китайским языком образованного человека найти было трудно, в уставе даже была сделана оговорка, «если не найдется образованного человека, то пока пользоваться переводчиком».

Общество имело две печати, на которых по уставу (§ 10), должно быть вырезано название общества – «Владивостокское общество взаимного вспомоществования» – на русском и китайском языках.

Устав вступал в силу только после утверждения его военным губернатором Приморской области⁶⁷⁶.

Какими средствами располагало общество и на что они расходовались можно судить по официальным отчетам и выпискам

---

⁶⁷⁶ РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2397; Ф. 702. Оп. 3. Д. 304. Л. 70-77 и др.

из постановлений заседаний Комитета, ежегодно представляемым русской администрации. По уставу, сведения о деятельности общества и Комитета предоставлялись лишь по запросам администрации (§ 56), но до 1911 г. их никто строго не требовал. Контроль за деятельностью китайских обществ входил в обязанности городской полиции, но, поскольку они воспринимались как частные благотворительные учреждения, их особо не контролировали, специальных ревизоров не посылали и отчетов не требовали. Когда уполномоченный Министерства иностранных дел В.В. Граве по заданию Амурской экспедиции собирал сведения по так называемому «желтому вопросу», он вообще не нашел никаких отчетов: «...в Приморском областном правлении, как мне объяснили, отчетов нет, да и при посещении мною общества я мог достать лишь устав его печатный, но отчетов о деятельности там не было»⁶⁷⁷.

Последующие проверки показали, что финансовая отчетность общества велась «крайне небрежно», отсутствовали подробные записи, не всегда имелись оправдательные документы, подробные денежные отчеты для русской администрации вообще не составлялись, велись только сокращенные приходно-расходные записи. По мнению Л.Г. Ульяницкого, немалую роль в отсутствии полных документов сыграло особое внимание к китайским обществам назначенного в 1911 г. на пост приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти, который весной 1912 г. отдал распоряжение собрать самые подробные сведения об их деятельности. Поэтому общество, как писал Л.Г. Ульяницкий, «боясь раскрытия всех отрицательных сторон своей деятельности, начало всячески скрывать все документы, которые могли бы характеризовать его деятельность. Этим объясняется и то обстоятельство, что, начиная с 1911 г., общество пишет свои постановления в двух экземплярах: полные оно скрывает, неполные же, касающиеся, главным образом, денежных дел, сохраняет». Более того, русский секретарь общества А.Н. Занковский рассказал Л.Г. Ульяницкому, что с началом проверки советник Ундриц, опасаясь разоблачений, «потребовал уничтожения подробных записей и Комитет общества, весьма считавшийся с упо-

---

⁶⁷⁷ Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье // Труды Амурской экспедиции. Вып. IX. СПб., 1912. С. 114-115.

мянутым чиновником, исполнил его требование»⁶⁷⁸. Поэтому, можно предположить, что отчеты для русской администрации были неполными и, скорее всего, отличались от сведений, предназначенных для китайского начальства. Скорее всего, даже те краткие извлечения из отчетов за 1906–1911 гг., отложившиеся в фонде приморского областного правления, появились в канцелярии уже постфактум, то есть после начавшихся в 1911–1912 г. проверок обществ. Во всяком случае, А.Н. Занковский писал: «...до сих пор ими представлялись только приходно-расходные отчеты и сметы и только с приездом Генерал-Губернатора Шталмейстера Гондатти, при его высокой поддержке мне удалось достать от китайцев и представить ему, хотя и с купюрами, «Выписку из постановлений заседаний Комитета Владивостокского Китайского Общества», за истекшие года его официальной деятельности»⁶⁷⁹. Тем не менее, даже по этим неполным данным можно судить о деятельности общества. Более того, думается, что сама по себе «неполнота» отчетов дает представление о том, как эти общества себя позиционировали, какими они хотели выглядеть в глазах местной администрации.

Поскольку общество взаимного вспомоществования создавалось как благотворительное учреждение, акцент в отчетах для русской администрации делался именно на это, хотя, судя по статье расходов на благотворительность, это было далеко не приоритетное направление. Из отчетов следует, что «деятельность прямой, непосредственной благотворительности китайского общества выражалась, прежде всего, в единовременной выдаче денежных сумм отдельным лицам на усиление средств их или на покупку предметов первой необходимости из одежды, пищи и медикаментов»⁶⁸⁰.

Другие виды благотворительности могли осуществляться иногда и без денежных затрат, но все же «исключительно при наличии авторитета Комитета общества». К таким видам благотворительности относились, во-первых, отправка бедных и безработных китайцев на родину, для чего общество заключило

⁶⁷⁸ РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 1001. Л. 8.

⁶⁷⁹ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 759. Л. 44.

⁶⁸⁰ Извлечения из отчетов Владивостокского китайского общества взаимного вспомоществования за 1908–1910 гг., представляемых русской администрации (РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 1001. Л. 46).

соглашение с пароходными компаниями. Находясь в «деловых связях» с членами Комитета, такие компании в каждый рейс брали несколько таких неимущих китайцев и предоставляли им не только бесплатный проезд, но и довольствие в дороге. Вторых, общество оказывало помощь в погребении умерших китайцев, «борясь с выбрасыванием трупов на улицу». Комитет регистрировал акты смертных случаев и выдавал своим соотечественникам соответствующие удостоверения, а иногда и пособия на похороны бедняков.

Комитет выдавал специальные удостоверения для регистрации при получении русских паспортов (например, в 1912 г. было выдано 831, а 1913 г. – 667 таких удостоверений) и лично-наемных книжек (в 1914 г., например, было выдано 738 удостоверений)⁶⁸¹. Особенно эффективной была помощь общества во время эпидемий, когда Комитет выдавал своим соотечественникам так называемые «удостоверения о праве бедности» на льготный выезд в Китай без уплаты штрафа за отсутствие русского паспорта. Так, осенью 1910 г., когда во Владивостоке возникла опасность распространения чумы среди большого числа китайских безработных, по распоряжению санитарно-исполнительной комиссии и с разрешения военного губернатора Комитет выдал удостоверений на льготный выезд в Чифу за ноябрь на 2909, за декабрь – на 1242 человека⁶⁸².

Общество сотрудничало с русскими благотворительными учреждениями: помогало распространять билеты среди китайского населения на различные благотворительные акции (представления в театре, иллюзион); предоставляло денежные пожертвования (например, в 1914 г. в пользу русского благотворительного общества пожертвовали 10 руб., обществу покровительства животным – 15 руб., Вольно-Пожарному обществу – 200 руб.); обращались к китайской труппе с просьбой играть на «гуляньи в Невельском саду» и т. п. Китайское общество живо откликалось на каждое общественное бедствие не только в Китае (в 1914 г., например, было собрано около 2 тыс. руб. в помощь пострадавшим от наводнения жителям Шаньдунской провинции), но и в России (в самом начале войны обществом

⁶⁸¹ Отчеты Владивостокского китайского общества взаимного вспомоществования за 1913 г. и 1914 г. (РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 1001. Л. 57, 60).

⁶⁸² Там же. Л. 46.

единовременно было собрано в пользу раненых русских солдат и их семей 5315,20 руб. и принято решение ежемесячно вносить 50 руб. на счет лазарета имени гор. Владивостока до конца войны)⁶⁸³.

Наряду с благотворительностью, основной сферой деятельности обществ оставалась помощь в задержании и высылке в Китай хунхузов. Судя по отчетам, наибольшую часть расходов общества поглощало содержание дополнительного штата полиции для борьбы с хунхузами. Общество из своих средств выделяло определенные суммы на содержание русских городских и китайских десятников-сыщиков во главе с помощником пристава, на обязанности которых лежал розыск и преследование хунхузов. Помощник пристава получал жалованье в 135 руб., русские городовые (10 человек) и китайские десятники (6-8 человек) – по 30 руб. в месяц. Причем, кроме жалованья, полицейские чины получали еще наградные в размере месячного оклада к праздникам Рождества, Пасхи и к китайскому Новому году⁶⁸⁴. Примерно так выглядит деятельность Владивостокского общества в отчетах для областной администрации⁶⁸⁵.

Сначала многие местные чиновники, видя в обществах своеобразных посредников между местной администрацией и китайским населением городов, относились к ним вполне благожелательно, отмечая положительные моменты в их деятельности. Полицейстер Никольск-Уссурийска, например, докладывал, что китайское общество принимало меры к проведению в жизнь всех правил и законов, касавшихся его соотечественников. Особенно много было сделано обществом по предотвращению эпидемии чумы в 1911 г., самое деятельное участие оно принимало в работе санитарного надзора и оказывало содействие полиции

⁶⁸³ РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 1001. Л. 57, 60, 64, 65 и др.

⁶⁸⁴ Там же. Л. 8.

⁶⁸⁵ О деятельности Владивостокского общества взаимного вспомоществования см. подробнее: Сорокина Т.Н. Китайское Владивостокское общество взаимного вспомоществования в 1906–1914 гг. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Т. 4. Благовещенск, 2001. С. 354-362. Здесь подробно проанализированы ежегодные отчеты Владивостокского общества за 1906–1914 гг. и выписки из журнальных постановлений Комитета общества за 1908–1914 гг. Полученные данные о доходах и расходах общества и основных видах его деятельности сведены в таблицы по годам с 1906 по 1914.

«к искоренению опекуерия и других азартных игр среди китайского населения»⁶⁸⁶.

«...под невинным названием «Общество взаимного вспомоществования» санкционировано открытое существование китайских управ»

С назначением на пост приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти положение изменилось. Поводом послужило донесение начальника штаба Приамурского военного округа по поводу Хабаровского общества взаимного вспомоществования, представленное в начале марта 1912 г. Начальник штаба доносил, что областное присутствие при утверждении Устава было введено в заблуждение самим названием общества. На самом деле, вопреки § 10 Устава, по которому обществу полагалось иметь две печати с надписью «Китайское общество взаимного вспомоществования» на китайском и русском языках, такое название присутствовало только на русской печати, иероглифы же, вырезанное на другой печати переводились как «Хабаровское отделение коммерческого общества». По новым китайским правилам, коммерческие общества являлись вовсе не частными учреждениями, а органами управления с некоторыми правительственными функциями, правом самообложения, дисциплинарного воздействия, причем круг их не ограничивался только членами общества, как оговорено в уставе, а фактически охватывал всех китайцев данного региона, во-первых, потому что почти все они, так или иначе, имели отношение к торговле, а во-вторых, потому, что эти общества являлись филиальными отделениями торговых палат, официально учрежденных центральным правительством Китая. Поэтому название «Общество взаимного вспомоществования», по мнению начальника штаба, это маскировка, чтобы получить разрешение у русских властей на открытое существование. В качестве доказательства он ссылался на копию статьи из официальной хэйлунцзянской газеты, присланную хабаровскому полицмейстеру в январе 1911 г., в которой сообщалось о том, что китайское Министерство торговли уже выслало Хабаровскому коммерческому обществу печать и доклад о нем уже представлен на высочайшее импе-

⁶⁸⁶ Полицейстер г. Никольск-Уссурийского от 19 сентября 1911 г. – в I-е отделение Приморского областного правления (РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 190. Л. 66).

раторское утверждение. Получение обществом печати из Китая считалось несомненным доказательством тайного руководства им из-за границы. В заключение автор донесения негодовал: «Таким образом, под невинным названием «Общество взаимного вспомоществования» санкционировано открытое существование китайских управ, получающих директивы от китайских заграничных властей и управляющих всеми китайцами данного региона. Подобные замаскированные управы возникли во всех крупных городах Приамурья»⁶⁸⁷.

Н.Л. Гондатти наложил резолюцию: «Подобные сведения имеются. Надо запросить губернаторов где, когда и на каких условиях разрешены подобные общества, какую пользу они приносят русской администрации, и следует ли их поддерживать или надо немедленно закрыть». Удивительно, как, казалось бы, совершенно ничтожный повод (просто перевели иероглифы на печати!) может привести к таким серьезным последствиям и кардинально перевернуть прежние представления. Китайские общества взаимного вспомоществования начали серьезно проверять, требовать отчеты, составлять справки и пр. Началась кампания по сбору сведений, причем не только о китайских обществах, но и корейских и японских, более пристальное изучение их деятельности, в результате которой были собраны весьма любопытные данные, которые стали предметом обсуждения не только в Приамурском крае, но и в Петербурге.

Во-первых, проверки показали, что общества действительно находились в зависимости от китайского Министерства торговли. Ежегодно они представляли на рассмотрение в Китай отчеты о деятельности с приложением сведений обо всех своих новых членах, постановления об избрании председателя, его товарища и членов Комитета, причем они приступали к исполнению своих обязанностей только после утверждения министерством, от него же члены Комитета получали особые знаки отличия, медали и пр. Так, в 1912 г. Временное китайское правительство официально обратилось к китайским обществам Приморской области с предложением прислать своих депутатов в совещательный комитет в Пекине «для выяснения различных нужд китайского на-

⁶⁸⁷ Начальник штаба Приамурского военного округа, март 1912 г. – приамурскому генерал-губернатору Н.Л. Гондатти (РГИА.ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 787. Л. 557).

селения». Каждое общество избрало трех выборщиков, которые, собравшись во Владивостоке, выбрали депутатом председателя Хабаровского общества Сун Гочао, который за участие в работе совещания был награжден китайским правительственным орденом и жалованьем в 350 лян (700 руб.) в год ⁶⁸⁸. Более того, министерство нередко при выработке каких-либо законоположений обращалось в общества с просьбами дать свой отзыв. Например, в 1909 г. через Шанхайскую объединенную торговую палату министерство отправило во Владивостокское общество проект «торговых законов Китая» с поручением рассмотреть его, а затем высказанные замечания были препровождены тем же порядком в Пекин⁶⁸⁹. Министерство утверждало сроки отпусков членов Комитета, уведомляло обо всех международных коммерческих конференциях, выставках. Общества нередко обращались в Китай за содействием, когда необходима была правительственная поддержка, как, например, в случае устранения препятствий при отправке неимущих китайцев из Владивостока в 1909 г., чинимых китайской морской таможней.

Во-вторых, в соответствии с китайским положением о коммерческих обществах, они должны были иметь своих представителей в Шанхайской объединенной торговой палате. Все общества Приморской области имели таковых представителей, состояли в постоянной переписке не только с Шанхайской торговой палатой, но поддерживали контакты с другими коммерческими обществами в Китае.

В-третьих, оказалось, что общества взаимного вспомоществования были тесно связаны не только с Пекином, но и с администрацией китайских пограничных провинций. Цензор китайских изданий в Харбине И.А. Доброловский в письме правителю канцелярии приамурского генерал-губернатора сообщал: «Мне случайно пришлось ознакомиться с явлением, которое не должно быть терпимо в русских пределах. Эта тесная связь китайских общественных организаций в пограничных русских городах и поселках с китайской администрацией в Маньчжурии. Ко мне, как цензору, попал тюк окладных листов по сбору налогов и бланков для составления отчета о ходе русского и китай-

---

⁶⁸⁸ РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 868. Л. 4.

⁶⁸⁹ Там же. Оп. 2. Д. 1001. Л. 5.

ского заселения в Иманском уезде»⁶⁹⁰. Хабаровское общество почти ежемесячно получало официальные документы от китайской администрации по самым разным вопросам, которые разбирались на заседаниях общества. Только на одном мартовском заседании 1913 г. были заслушаны сообщения владивостокского консула о китайской торговле в крае, харбинского даотая о правилах поручительства и о порядке выдачи национальных паспортов, сансинского уездного начальника об инциденте между китайскими фирмами, торгующими чаем, и др. Приморские общества постоянно обращались к китайской администрации с просьбой о взыскании долгов и привлечении к ответственности своих должников и провинившихся по месту их жительства в Китае.

Подчинение обществ взаимного вспомоществования китайскому Министерству торговли, их связь с китайской администрацией приводили к тому, что китайское население воспринимало их как орган китайской правительственной власти. В его глазах они являлись не столько благотворительными организациями, сколько национальными учреждениями с широкими функциями не только торгового, но и административного характера. Л.Г. Ульяницкий писал о Хабаровском обществе: «Я считаю своим долгом доложить, что его деятельность ничего общего не имеет с деятельностью, предусмотренной Уставом общества, утвержденным русской администрацией. Несмотря на официальное название его благотворительным обществом, оно в трехлетнее существование такой деятельностью не занималось (в отчетах нет указаний). Наоборот оно всеми силами старается эксплуатировать китайское население. Несмотря на то, что по Уставу, членами общества могут быть только желающие, они обязали все население делать членские взносы»⁶⁹¹.

С регистрацией обществ китайское население стало обращаться в них за разрешением всех вопросов. Торговые общества присвоили себе права и функции гражданского управления и судопроизводства по делам не только своих членов, а вообще всего китайского населения на Дальнем Востоке. Члены правления занимались рассмотрением всех недоразумений между соотече-

⁶⁹⁰ РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 868. Л. 4.

⁶⁹¹ Там же. Л. 5.

ственниками, выдавали удостоверения личности, свидетельства на право приобретения и ношения оружия. «Что все гражданские дела решаются Комитетом общества, это несомненно», – писал Л.Г. Ульяницкий. Это подтверждалось не только постановлениями Комитета, но и почти полным отсутствием в русских судах китайских гражданских дел⁶⁹². Присвоив себе юрисдикцию, они обратили ее в доходную статью. Каждый, подающий прошение, обязан был уплатить 2 руб. 50 коп. и дополнительное вознаграждение после успешного завершения дела. Причем общество бралось не только за гражданские дела (семейные, наследственные и т. п.), но даже и уголовные (допрос хунхузов, например).

А.Н. Занковский отмечал, что деятельность китайских обществ выходит далеко за рамки устава и «улаживает недоразумения» не только между своими членами, а вообще всего местного китайского населения. Местная русская администрация, «средняя и низшая», сама способствует этому, посылая в Комитет не имеющих никакого отношения к обществу китайских подданных по вопросам, часто выходящим за границы его компетенции, принимая полученные «отзывы» к руководству. Учитывая отсутствие в Китае «разграничения власти судебной и административной», он делает выводы о том, что «местный, объединившийся в Обществах, торгово-промышленный класс является фактически вершителем судеб зависящих от него необеспеченных масс китайцев Приамурского края»⁶⁹³.

Многие русские чиновники особенно негативно относились к содержанию русской полиции на средства китайских обществ. Л.Г. Ульяницкий считал, что «нередко между полицией и Комитетом общества устанавливались крайне нежелательные отношения, которые отрицательно отражаются на деле». Комитет почти всегда был в курсе всех дел местных властей, имея нередко в своем распоряжении, по словам русского секретаря, копии секретных распоряжений, касавшихся китайцев⁶⁹⁴. В.В. Граве отмечал в своем отчете: «Ненормально также и то явление, что общество

---

⁶⁹² Для сравнения: по результатам ревизии китайских и корейских управ за 1891-1893 гг., «общественные судьи за все время существования китайского общественного управления только один раз имели случай действовать и то только по предложению русской полиции (РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1317. Л. 2).

⁶⁹³ АВПРИ. Ф.148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 759. Л. 44-45.

⁶⁹⁴ РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 1001. Л. 9.

платит известную сумму денег на наем и содержание чинов полиции, хотя бы даже для борьбы с хунхузами (§ 3). Упоминание о сем в уставе общества ставит администрацию в какую-то зависимость от последнего и дает обществу право предъявлять особые требования в этом отношении. С Государственной точки зрения это нежелательно, так как охрана как русских, так и иностранцев в Крае лежит на обязанности Правительства и расходы на осуществление этой охраны должны производиться из общегосударственных или земских средств»⁶⁹⁵. Особенно негодовал по этому поводу В.К. Арсеньев: «Это чудовищная аномалия! Государство в государстве?! Вслед за китайской полицией отчего бы не пригласить и китайские войска для защиты нас от тех же китайцев, отчего бы не пригласить японскую полицию для защиты нас от японцев...»⁶⁹⁶.

Наконец, опасение местной администрации вызывало и то, что с помощью торговых обществ китайцы были прекрасно осведомлены о состоянии рынка, кредитоспособности русских торгово-промышленных фирм, а уже одно это обстоятельство ставило их в весьма выгодное положение сравнительно с русскими купцами. Военный губернатор Амурской области, дожив, что на территории вверенной ему области нет официально зарегистрированных обществ⁶⁹⁷, категорически высказался за их закрытие, опасаясь, прежде всего, сплоченности китайских купцов, которые во имя защиты своих торговых интересов способны организовывать стачки, искусственно поднимать цены и бойкотировать русскую промышленность.

Для суммирования результатов кампании по изучению легализованных китайских обществ воспользуемся цитатой из В.К. Арсеньева: «С русской точки зрения общества эти существуют в помощь русской полиции и для борьбы с хунхузами, а с китайской точки зрения они существуют: 1) для разбора уголовных

⁶⁹⁵ Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье // Труды Амурской экспедиции. Вып. IX. СПб., 1912. С. 115.

⁶⁹⁶ Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. М., 2004. С. 240.

⁶⁹⁷ Как пишет Е.И. Нестерова, «китайское население Благовещенска неоднократно подымало вопрос о легализации общества, но областная администрация отнеслась к решению этого вопроса отрицательно» (Нестерова Е.И. Формы самоорганизации китайских мигрантов и хуацяо во второй половине XIX – начале XX в. // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск, 2010. С. 434).

дел и таких дел, которые так или иначе затрагивают их общественные интересы, 2) для сбора налогов, предназначенных для усиления денежных средств, 3) для торгово-промышленных целей и 4) для того, чтобы в экономической борьбе создать противовес русским»⁶⁹⁸.

В итоге все признали, что существование китайских торговых обществ крайне вредно в административном, политическом и экономическом отношениях, но по вопросу относительно их дальнейшей судьбы существовали разные точки зрения. Одни высказывались за немедленное и безоговорочное прекращение их деятельности – они предлагали закрыть общества через областное присутствие официальным путем за нарушение Устава. Как считал В.К. Арсеньев, «тут многих решений быть не может, тут есть только один исход – это разрушение всяких политических и торговых китайских ассоциаций»⁶⁹⁹. Другие отдавали себе отчет, что закрытие обществ цели не достигнет, поскольку они будут продолжать существовать тайно и контролировать их будет значительно труднее. Закрытые общества будут даже свободнее действовать, так как русская администрация не будет иметь точных сведений о их должностных лицах и их деятельности. Запретив общества, будет сложно нивелировать их отрицательные стороны, лишившись при этом всех плюсов. Поэтому, при отсутствии фактической возможности обеспечить реальный контроль над китайскими подданными, лучше иметь дело с явно действующими обществами, чем с тайными. В.В. Граве советовал их «терпеть», но с обязательным требованием изменить устав в соответствии с указаниями русской администрации⁷⁰⁰. Для обеспечения контроля за деятельностью обществ предлагалось обязать их ежегодно представлять печатный отчет о своей деятельности местным властям. Следить за строгим соблюдением утвержденного русской администрацией устава должен был русский секретарь, который бы не только свободно владел китайским разговорным языком, но имел право постоянного присутствия на всех собраниях общества.

---

⁶⁹⁸ Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. М., 2004. С. 237.

⁶⁹⁹ Там же. С. 240.

⁷⁰⁰ Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье // Труды Амурской экспедиции. Вып. IX. СПб., 1912. С. 114.

Понятно, что именно А.Н. Занковский, считая прежнее положение русского секретаря совершенно «бесправным», обращал особое внимание правительства на эту должность. Он сообщал, что предусмотренные уставами «русские секретари не могут быть контролирующими и регулируемыми органами со стороны России, ибо – как личный четырехлетний опыт показал – таковой секретарь, не имеющий от Русского правительства ни поддержки, ни специальных к тому инструкций – всецело зависит от нанимающих его Комитетов Китайских Обществ и должен довольствоваться пассивной ролью их русского корреспондента». Занковский рассказывал, что все его попытки вести дела «в согласии с принципами русской гражданственности и законности» вызывали всегда личное неудовольствие руководителей общества «с намеками на право комитета дать расчет такому секретарю», что он давно бы уволился, но его удерживало «только желание изучить интимную жизнь китайского населения и их Общества». Занковский предлагал преобразовать должность секретаря в советника, у которого имелась бы особая инструкция по ведению дел китайского общества с правом контроля над проведением и исполнением китайским населением предначертаний русской администрации. Деятельность советников, в свою очередь, должен контролировать состоящий в распоряжении приамурского генерал-губернатора «заведующий всеми делами желтых иностранцев Приамурского края»⁷⁰¹. Предложения о функциях советника сводились к следующему: он должен непременно присутствовать на заседаниях общества и докладывать о рассмотренных на них делах главе местной администрации; следить за тем, чтобы вся русская переписка без «скрепы» советника не принималась русскими официальными учреждениями и лицами, а вся переписка на китайском языке велась в двух экземплярах (одна копия должна храниться в архиве советника, другая с резюме на русском языке должна направ-

⁷⁰¹ Судя по всему, А.Н. Занковский имел в виду не уже существовавшую при приамурском генерал-губернаторе с 1896 г. должность чиновника по дипломатической части, а предлагал учредить новую: «...следовало бы сконцентрировать дела желтых иностранцев в ведении одного-двух лиц, знающих дальневосточные языки и состоящих в распоряжении Приамурского Генерал-Губернатора, которые ведали бы все текущие дела, касающиеся желтых и контролировали бы деятельность особых русских советников, отныне необходимых состоять при каждом официально открытом в Крае Обществе».

ляться для отчетности состоящему при приамурском генерал-губернаторе «заведующему»); советнику должны предоставляться по одной копии со всех документов о «составе, капиталах и оборотах местных фирм» и другие справки; советник обязан осуществлять контроль за регулярным составлением полных и подробных отчетов о деятельности общества и за исполнением всех текущих распоряжений местной администрации, а также составлять свои отзывы по этому поводу главе местной администрации. Назначать и сменять советников должен главный начальник края по представлению «заведующего». По мнению А.Н. Занковского, «поставленный таким образом контроль и влияние местной русской административной власти на желтое население и их организации в Приамурском Крае сможет открыть нам яркую картину внутренней жизни поселенцев желтых народностей, поистине, образовавших на нашей Окраине «государство в государстве»⁷⁰².

Приамурская администрация, очевидно, решила дважды не наступать на одни и те же грабли, памятуя ситуацию после закрытия китайских общественных управлений. Военный губернатор Приморской области генерал-майор Манакин в мае 1912 г. через полицмейстеров городов, где были официально зарегистрированы китайские общества, распорядился довести до сведения председателей их комитетов свои указания относительно изменений уставов как неперемennого условия существования общества. Он потребовал, чтобы общества изменили свою печать, оставив только надпись «общество взаимного вспомоществования», а все другие печати с надписью «коммерческое общество» передало полицмейстерам для уничтожения. Из уставов велели изъять параграфы о выработке цеховых уставов, о собирании торговых сведений и их обсуждении, печатании постановлений обществ в китайских газетах и обязательстве предоставлять отчеты китайскому консулу и др. – то есть все те параграфы, которые выходили за рамки благотворительного учреждения и превращали китайские общества в филиальные отделения коммерческих обществ, подчиненные центральным властям в Китае. Всего предлагалось исключить или изменить около 20 параграфов Устава из 101, только на этих условиях

---

⁷⁰² АВПРИ. Ф.148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 759. Л. 45-46.

разрешалось «допустить дальнейшее существование общества, прекратив то нежелательное направление, которое проявляют общества в последнее время»⁷⁰³.

Все новые требования были доведены до китайской стороны, но, чтобы «не возбуждать превратных толков» и избежать неблагоприятных последствий от закрытия обществ официальным порядком, начальство предложило им самим изменить уставы так, чтобы они отвечали только целям благотворительности. В ответ председатели обществ, легко соглашаясь с удалением некоторых параграфов, просили сохранить, например, право переписки с китайскими властями и разбора дел между своими членами. Но военный губернатор удовлетворить это ходатайство категорически отказался, наложив на прошение резолюцию: «Если само общество не найдет возможным изменить устав, его придется закрыть». К сожалению, мы не располагаем сведениями о том, насколько предложения Занковского по изменению положения русского секретаря были претворены в жизнь, но известно, что уставы подкорректировали, печати уничтожили, общества стали регулярно подавать отчеты о своей деятельности.

Казалось бы, проблема была решена, и про китайцев и их общества можно было бы сказать то же самое, что А. Занковский написал о корейцах: «Жизненный уклад их открыт для нашего ознакомления, а регулирование нами корейских организаций можно признать фактом свершившемся»⁷⁰⁴. Но не тут-то было! Новые проверки в 1914–1915 гг. показали, что общества по-прежнему пользовались старой печатью в переписке с китайскими правительственными учреждениями, руководствовались уставом, утвержденным китайским Министерством торговли, делая в своих отчетах для русской администрации упор на благотворительность. Даже на парадной двери, ведущей в помещение Комитета Владивостокского общества взаимного вспомоществования, красовалась вывеска с иероглифами «Владивостокское коммерческое общество», свидетельствующая о том, что оно своего китайского названия так и не изменило. Очевидно, они остались тем, чем были с самого начала по замыслу китайского

⁷⁰³ Военный губернатор Приморской области, 12 мая 1912 г. – Хабаровскому, Владивостокскому и Никольск-Уссурийскому полицмейстерам (РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 190. Л. 99).

⁷⁰⁴ АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 759. Л. 42.

правительства – торговыми палатами с широкими административными и судебными функциями. Таким образом, все усилия приамурской администрации поставить китайские общества взаимного вспомоществования под свой контроль и удерживать их в рамках благотворительности успехом не увенчались.

4.5. Национально-культурная автономия: рецепция и попытки реализации проекта в России

В современной России институт национально-культурной автономии является одним из ключевых понятий, используемых в публичном дискурсе по этнической тематике. В 1996 г. принят Федеральный закон «О национально-культурной автономии», это понятие присутствует в ряде других законов и нормативно-правовых актов федерального и регионального уровней. В научных и публицистических текстах встречаются также понятия «культурная автономия», «культурно-национальная автономия», «национально-персональная автономия», «экстерриториальная автономия», «нетерриториальная автономия». В одних случаях они употребляются как синонимы, в других им придаются разные значения.

Истоки и суть идеи. Впервые идея национально-культурной (национально-персональной, культурно-национальной, экстерриториальной) автономии была предложена южнославянскими социал-демократами на съезде в Брюнне (ныне Брно) в 1899 г. Представляя народы, имевшие наибольшую вероятность оказаться в ситуации национального меньшинства даже при самой совершенной организации мононациональных областей, они заявили, что «живая нация никогда не может быть отождествляема с мертвым географическим фактором – ограниченной территорией»⁷⁰⁵. В противовес резолюции, в которой предлагалось выделение «одноязычных» областей с обеспечением прав национальных меньшинств «особым законом», был предложен проект, предусматривавший придание территориальным областям чисто административного значения. Тем самым территориальное деление никак не влияло на национальные отношения, а вся империя превращалась в союзное государство национально-

⁷⁰⁵ Цит. по: Ратнер М.Б. Национальный вопрос в свете социалистического мировоззрения // Русское богатство. 1908. № 2. С. 59.

стей, в котором каждый народ образовывал автономную группу, самоуправляющуюся в области своих национальных интересов. Главным критерием для конструкции национальных прав выступала не территория, занимаемая народом, а сам народ в качестве правоспособного лица, субъекта национальных прав⁷⁰⁶.

Съезд отклонил программу южнославянской секции, но итоговая резолюция была компромиссной. Провозглашалась необходимость преобразования Австро-Венгерской империи в «демократическое союзно-национальное государство». Вместо исторических коронных земель предлагалось образовать «национально-отграниченные самоуправляющиеся единицы», которые следовало объединить в автономно управляемый «единый национальный союз»⁷⁰⁷. Брюннская программа, таким образом, вышла за пределы исключительно территориальной автономии, но не включила и положение о добровольном (персональном) вхождении в автономный национальный союз.

Но особенно сильное влияние на восприятие концепта национально-культурной автономии в России оказала концепция экстерриториальной автономии, разработанная лидерами австрийской социал-демократии Карлом Реннером и Отто Бауэром⁷⁰⁸. В автономии такого рода они усматривали лучший способ обеспечения свободного национального, прежде всего, культурного развития каждой национальности, установления правовых гарантий ее развития. С их точки зрения, территориальная автономия не может гарантировать правового решения национальной проблемы, поскольку субъектом государственных прав в этом случае выступает территория, а не национальность. «Чистый территориальный принцип, – писал О. Бауэр, – повсюду выдает меньшинство в руки большинства... Осуществление территориального принципа в чистом его виде означает., что каждая нация поглощает вкрапленные в ее тело меньшинства других наций, но зато жертвует своими собственными меньшинствами, расселенными в чужих национальных

⁷⁰⁶ См.: Ратнер М.Б. Национальный вопрос в свете социалистического мировоззрения // Русское богатство. 1908. № 2. С. 59-60.

⁷⁰⁷ Текст Брюннской программы см.: Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909. С. 550-551.

⁷⁰⁸ Шпрингер Р. [К. Реннер]. Национальная проблема. (Борьба национальностей в Австрии). СПб., 1909; Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909.

областях... территориальный принцип угрожает национальному миру, так как... немислимо, чтобы нации отказались от защиты своих меньшинств внутри других национальных областей... Таким образом, национальное самоопределение, осуществленное на основе территориального принципа, вызвало бы лишь новую национальную вражду»⁷⁰⁹.

Австромарксисты полагали, что оптимальный путь к разрешению национальных противоречий лежит в предоставлении статуса носителя национальных прав не территории, а *нации*, которую они трактовали как союз «одинаково мыслящих и говорящих на одном языке людей»⁷¹⁰. По их мнению, реальные права наций и национальных меньшинств, вне зависимости от численности и обладания компактной территорией проживания, могут быть обеспечены лишь в случае, если сами нации, оформленные во внутритерриториальные национальные союзы на добровольной персональной основе, станут *субъектом*, а не объектом права, т.е. будут самостоятельно представлять перед государством и защищать свои национально-культурные, языковые и религиозные интересы. «Национальное целое должно стать юридическим лицом, частно- и публично правовым, дееспособным...», – писал К. Реннер⁷¹¹.

Они предлагали, по сути, превратить этнические группы в сословия («национальные союзы»), членство в которых не зависело бы от места жительства⁷¹². Персональную принадлежность граждан к тому или иному национальному союзу должен был определять институт так называемого *кадастра* (переписи), составляемого на основе личных заявлений совершеннолетних граждан. В системе национально-персональной автономии кадастр получал не меньшее публично-правовое значение, чем территория для национально-ограниченной области. Создаваемые на основе кадастров национальные сообщества, получая статус коллективного юридического лица, обязывались заботиться об удовлетворении культурных потребностей нации, пользуясь при

⁷⁰⁹ Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909. С. 353–354.

⁷¹⁰ Шпрингер Р. [К. Реннер]. Национальная проблема. (Борьба национальностей в Австрии). СПб., 1909; Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909. С. 17.

⁷¹¹ Там же. С. 111.

⁷¹² См.: Осипов А.Г. Является ли национально-культурная автономия в России инструментом защиты меньшинств? // Вестник Института Кеннана. Вып. 9. 2006. С. 47.

этом полной свободой. Через свой культурно-национальный парламент они получали право издавать законы в рамках действующей в данном государстве конституции и реализовывать их через свое министерство без влияния государства⁷¹³.

Предложенная К. Реннером и О. Бауэром модель автономии получила название **экстерриториальной**, поскольку не увязывалась жестко с территорией. Эта автономия еще называлась **персональной**, ибо предполагала включение индивида в тот или иной национальный союз на добровольной, персональной основе, через личное волеизъявление. Добровольным являлся и выход из союза. Автономия называлась также **культурной**, так как право автономии распространялось прежде всего на область культуры в широком или узком ее понимании. Таким образом, эту модель отличали три определяющих признака: *персонализм*, т. е. принцип добровольной этнической самоидентификации; *экстерриториальность*, позволяющая удовлетворять национальные интересы, не нарушая территориальной целостности государств; признание национальных сообществ коллективными *субъектами права*, носителями национальных прав, единственно правомочными с точки зрения представительства национальных интересов.

Национально-персональная автономия и российские еврейские партии

Идея национально-персональной автономии приобрела широкую известность не только в Австро-Венгрии, но и за ее пределами. Нашла она как своих адептов и апологетов, так и оппонентов в многонациональной России. Ее принципы широко обсуждались как в партийной публицистике, так и в работах известных правоведов⁷¹⁴. Наиболее полную и детальную разработку она получила в программах и публицистике еврейских партий, прежде всего социал-демократической партии Бунд.

---

⁷¹³ Шпрингер Р. [К. Реннер]. Национальная проблема. (Борьба национальностей в Австрии). СПб., 1909; Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909. С. 234.

⁷¹⁴ См.: Кульчицкий-Мазовецкий К. Автономия и федерация в современных государствах. М., 1907. Отдел третий. Экстерриториальная национальная автономия; Яценко А. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912; Лазерсон М.Я. Национальность и государственный строй. (Юридико-политические очерки). Пг., 1918. Гл.VII. О персональной автономии и др.

Считая себя ортодоксальной марксистской партией и ставя себе в заслугу распространение марксизма «на еврейской улице», при постановке национального вопроса Бунд следовал приоритету классового подхода. На IV съезде в 1901 г. он впервые сформулировал свою национальную программу, которая предусматривала преобразование России в федерацию национальностей с полной национальной автономией каждой из них, независимо от территории. Окончательно программа Бунда по национальному вопросу оформилась осенью 1905 г. на VI съезде.

В программе говорилось, что полное разрешение национального вопроса может дать только социализм. В рамках же капиталистического строя социал-демократия должна стремиться к достижению максимальных гарантий устранения национальных конфликтов. Наряду с демократизацией государственного строя, гражданского, политического и языкового равноправия, такой гарантией называлось создание публично-правовых учреждений, позволяющих каждой нации развивать свою культуру. С этой целью предусматривалось «изъятие из ведения государства и органов местного и областного самоуправления функций, связанных с вопросами культуры, ...и передача их нации в лице особых учреждений, местных и центральных, избираемых всеми ее членами на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования». При этом оговаривалось, что центральная законодательная власть может оставлять за собой право устанавливать общие для всех национальностей России нормы: обязательность начального образования, светский характер обучения и т. п.⁷¹⁵

В экстерриториальной национальной автономии бундовцы увидели вариант, свободный, с их точки зрения, от крайностей национализма сионистов и национального нигилизма еврейской интеллигенции из среды РСДРП. В отличие от территориальной автономии, которая, на их взгляд, неспособна решить национальную проблему, так как предоставляется не одной, а нескольким нациям, проживающим на определенной территории, экстерриториальная автономия дает возможность защитить культурные интересы нации⁷¹⁶. Отсюда название, утвердившееся за бундовским вариантом национальной автономии, – *культурно-национальная*.

⁷¹⁵ Рафес М.Г. Очерки по истории Бунда. М., 1923. С. 270.

⁷¹⁶ См.: Медем В. Социал-демократия и национальный вопрос. СПб., 1906. С. 53.

Национально-персональная автономия в программе другой российской еврейской партии – Еврейской социалистической рабочей партии (сокращенно: ЕСРП, «е.-с.», «сеймовцы»)⁷¹⁷ должна была включать не только вопросы культуры, но и общественного призрения, народного здоровья, взаимной и трудовой помощи, распространения сельскохозяйственных знаний, статистики и руководства эмиграцией и переселенческим движением⁷¹⁸. Она представляла более широкий, чем у Бунда, вариант автономии, поскольку включала как культурно-просветительские задачи, так и социально-экономические и политические.

Публицисты Бунда и ЕСРП исходили из отрицания территориального решения национального вопроса. По словам бундовца В. Медема, «первородный грех территориального решения национального вопроса» заключается в том, что это не решение, а «фикция». «Борясь за «свое» право на область, данная нация права постольку, поскольку отражает притязания «державной», «верхней» нации. Достигнув своей цели, она оказывается в свою очередь захватывающей по отношению к следующей, «нижней» народности: последняя в свою очередь добивается «своего» права – с тем, чтобы присвоить себе собственность еще более низко лежащего этажа». Таким образом, «на место одного захватчика становится другой... А раз остался захват – остается борьба, остается национальная рознь и шовинизм»⁷¹⁹.

Противопоставляя экстерриториальную национальную автономию национально-территориальной, бундовские и сеймовские теоретики по-разному трактовали объект, на который эта автономия распространялась. Если бундовцы придавали ей универсальное значение, усматривая в ней «панацею для всех наций, населяющих Россию»⁷²⁰, то сеймовцы высказывались за применение национально-персональной автономии лишь к национальным меньшинствам.

Еще один вариант разработки идеи культурно-национальной автономии принадлежит еврейскому историку С.М. Дубнову.

⁷¹⁷ Название членов ЕСРП («сеймисты», «сеймовцы») пошло от выдвигаемого ими требования созыва экстерриториальных национальных парламентов – сеймов.

⁷¹⁸ Программу ЕСРП см. в: «С-Е-Р-П. Сборник первый». М., 1907. № 260-273.

⁷¹⁹ Медем В. К постановке национального вопроса в России // Вестник Европы. 1912. № 9. С.155.

⁷²⁰ Рафес М.Г. Очерки по истории Бунда. М., 1923. С. 277.

Согласно разработанной им теории *культурного автономизма*, основой национально-культурной автономии евреев и главным фактором их выживания в диаспоре должна была стать община – «историческая ячейка еврейской автономии». Оговаривалось, что это должна быть «не религиозная община средних веков и не жалкая *Kultusgemeinde*⁷²¹ современности, а *национальная община*, т. е. определенная частица народа, в качестве местной единицы самоуправления»⁷²². Органом самоуправления в каждой общине предполагался выборный общинный совет. Все общины в России намечалось объединить в союз общин, органами которого должны были стать периодические съезды делегатов от общин, созываемые один раз в год, и избираемый съездом постоянный исполнительный комитет. Компетенции органов национального самоуправления подлежали вопросы народного просвещения, взаимной и трудовой помощи, эмиграции, благотворительности, а также издания для своих учреждений уставов и инструкций (в пределах государственного и областного законодательства). За органами еврейского самоуправления закреплялись права юридических лиц. Им принадлежало право «принудительного обложения еврейского населения для тех специальных и местных нужд, которые не обеспечены суммами из общегосударственного бюджета, пропорционально отчисляемыми в распоряжение еврейских общин»⁷²³. Окончательное установление всех основ автономии было прерогативой учредительного национального собрания, избираемого всенародным голосованием⁷²⁴.

Критика радикального экстерриториализма

Столь категоричный отказ в признании территориального принципа как основы решения национальных проблем вызвал резкую критику сторонников территориального подхода к их решению, в частности, идеолога украинского национального движения, историка М.С. Грушевского. В 1913 г. он выступил в

---

⁷²¹ Kultusgemeinde – община, организованная на конфессиональных началах, исключая какую бы то ни было деятельность в области других национальных нужд, кроме религиозных и благотворительных.

⁷²² Дубнов С. Евреи // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия. СПб., 1910. С. 410–412.

⁷²³ Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. – 1917 г.). Вып. 2. М., 1996. С. 71.

⁷²⁴ Дубнов С. Указ. соч. С. 411.

журнале «Русское богатство» со статьей, направленной против радикального экстерриториализма бундовского публициста В. Медема. Грушевский утверждал, что экстерриториальная автономия далеко не безупречна, прежде всего, с точки зрения отсутствия борьбы при ее осуществлении. Она не устраняет розни, поскольку со стороны сильнейшей народности неизбежно проявляется тенденция оставить в категории «общих, областных дел как можно больше вопросов, учреждений, назначений и как можно меньше квалифицировать их как национальные, подлежащие размежеванию»⁷²⁵.

Грушевский был страстным защитником территориализма в подходе к решению национальных проблем. Он считал, что «территориальность слишком глубоко залегает в национальной стихии, и ее не удастся выгнать оттуда никакими заклинаниями; это стремление неизбежное, и нужно думать не о том, чтобы его искоренить и вытравить, а о том, чтобы дать ему содержание, соответственное демократическим и прогрессивным стремлениям, ввести его в гуманные и социальные формы, как и национальный инстинкт вообще. Национальность формируется под влиянием территории и в тесной зависимости от нее, и привязанность к известной территории – «стране отцов», «колыбели своего народа» – является одной из составных частей национального чувства, так что ходячие воззрения часто готовы даже отрицать возможность национального существования без территории»⁷²⁶.

Отстаивая необходимость использования территориального принципа в решении национального вопроса, Грушевский вместе с тем не отрицал и экстерриториальный его вариант для национальных меньшинств, в частности, для евреев, не имеющих «собственной» территории. Экстерриториальная автономия у Грушевского выступала как дополнение к национально-территориальной автономии, необходимое для обеспечения прав и защиты интересов национальных меньшинств.

Своеобразную черту подполемикой вокруг идеи национально-персональной автономии подвела статья сиониста В. Жаботинского в «Вестнике Европы». Подобно сеймовцам и М. Грушев-

⁷²⁵ Грушевский М.С. К вопросу о национально-территориальной автономии // Русское богатство. 1913. № 1. С. 236.

⁷²⁶ Там же. С. 241.

скому, он рассматривал возможность применения национально-персональной автономии лишь к национальным меньшинствам – «миноритарным народностям», под которыми он понимал, говоря современным языком, этнодисперсные группы, т. е. такие, которые «даже в теории нельзя представить себе «выделенными» в особый территориальный район...»⁷²⁷

Автор выступил сторонником точки зрения, которая выводит принадлежность к тому или иному национальному союзу из субъективного фактора – национального сознания, отрицая выдвижение в качестве критерия происхождения и язык. Добровольное причисление индивида к определенному национальному союзу должно быть зафиксировано посредством ведения метрических книг – *кадастра*. Здесь его мнение совпадало с позицией австромарксистов. В то же время В. Жаботинский не соглашался с формулой, ограничивающей функции национальных союзов «чисто национальными» делами и относящей «остальные» к ведению территориальных органов. По его мнению, жесткую границу здесь провести нельзя. К компетенции органов национально-персональной автономии он относил вопросы религии, школьно-просветительские, заботы о народном здравии, общественное призрение, трудовую и взаимную помощь, руководство переселением и внутренней или заграничной колонизацией, ведение актов гражданского состояния, право принудительного обложения. То есть, по сути дела, он оставлял за автономией те же функции, которыми наделяли ее теоретики ЕСРП.

Признавая необходимость придания законодательных функций органам национально-персональной автономии, В. Жаботинский вместе с тем полагал, что экстерриториальное законодательство в современных условиях неосуществимо, так как национальное меньшинство «не может не жить по закону, господствующему на всей территории», поэтому для миноритарной народности речь должна идти только о «национальном самоуправлении», которое может выражаться «только в праве устраивать и поддерживать в пределах законной предметной компетенции соответствующие институты, учреждения, корпорации, из-

---

⁷²⁷ Жаботинский В. Самоуправление национального меньшинства // Вестник Европы. 1913. № 9. С. 120.

давать для них уставы и инструкции, приобретать и отчуждать имущество и, следовательно, взыскивать необходимые на то налоги. Это все, что объективно возможно в смысле национально-автономных прав для миноритарной народности»⁷²⁸.

Позиции общероссийских политических партий

Отношение к идее национально-персональной автономии со стороны общероссийских политических партий было не одинаковым. Большевики с самого начала были непримиримыми противниками экстерриториальной автономии в любом ее варианте. Пик критики лозунга культурно-национальной автономии приходится на 1913–1914 гг. Полемика была вызвана принятием августовской конференцией меньшевиков-ликвидаторов⁷²⁹ решения о ее приемлемости в качестве программного положения (1912 г.) Особая роль в этом принадлежит В.И. Ленину, который был крайне «возмущен» этим решением. Он считал программу культурно-национальной автономии «реакционной» и «вредной» «и с точки зрения демократии, и еще больше с точки зрения пролетариата», полагая, что она стремится «конституировать» и «воплотить в жизнь самый утонченный и самый абсолютный, до конца доведенный национализм», «разгородить крепко и прочно все нации между собой». В противоречии культурно-национальной автономии «интернационализму классовой борьбы пролетариата», с его точки зрения, заключался «основной, принципиальный грех этой программы», «ее идейная основа и содержание»⁷³⁰.

Сводя суть культурно-национальной автономии к «разделению школьного дела по национальностям», В.И. Ленин противопоставлял этой идее, по его словам, «реакционной, вредной, мещанской, националистической», «мелкобуржуазной», «глупенькой», «пресловутой», «утопической», принцип «безусловного» и «полного» равноправия наций и «неразрывно связанное» с ним обеспечение прав национального меньшинства. По его мнению, интересы национальных меньшинств могли быть обеспечены путем «издания общегосударственного закона, ограждающего права

⁷²⁸ Жаботинский В. Самоуправление национального меньшинства // Вестник Европы. 1913. № 9. С. 146.

⁷²⁹ Меньшевики-ликвидаторы выступали за сворачивание подпольной революционной деятельности и за переход к работе в легальных формах.

⁷³⁰ Ленин В.И. Тезисы по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т.23. С. 317; Он же. Критические заметки // Там же. Т. 24. С. 131, 133; и др.

всякого национального меньшинства...»⁷³¹ В.И. Лениным был написан «Проект закона о равноправии наций и о защите национальных меньшинств», который он предлагал внести на рассмотрение Государственной думы, полагая, что «этим путем можно было бы популярно разъяснить глупость культурно-национальной автономии и *убить* сторонников этой глупости окончательно»⁷³². Соответствующий пункт с одновременным выражением отрицательного отношения к программе культурно-национальной автономии был включен в резолюции Поронинского совещания (1913 г.) и Апрельской конференции РСДРП(б) в 1917 г.

В сущности, большевики добивались того же, что и австромарксисты, – чтобы в процессе классовой борьбы рабочий класс не втягивался в национальные распри, но институту национально-культурной автономии придавали прямо противоположное значение. После Октябрьского переворота Ленин уже не выступал с критикой культурно-национальной автономии, но и не пересмотрел своего негативного отношения к ней. Роль ее критика взял на себя Сталин, который впервые это сделал в своей работе «Марксизм и национальный вопрос» (1913). На X съезде партии в 1921 г. Сталин порицал Г. Сафарова за использование этой формулы, «отдающей», по его словам, «бундизмом»⁷³³.

До 1917 г. ни одна из общероссийских политических партий не имела в своей программе отчетливо сформулированного требования национально-персональной автономии. Но и кадеты, и эсеры, и меньшевики, в отличие от большевиков, сочувственно восприняли эту идею. В программе конституционных демократов, принятой в 1905 г., говорилось о «праве свободного культурного самоопределения» для всех населяющих империю народностей. Эсеры поначалу ограничились признанием «права каждой национальности на пропорциональную своей численности долю в бюджете, предназначенную на культурно-просветительные цели» «в областях со смешанным населением»⁷³⁴. И, как показывает российская публицистика начала XX в., прежде всего

⁷³¹ Ленин В.И. Тезисы по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 317; Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // Там же. Т. 24. С. 140 и др.

⁷³² Ленин В.И. Письмо С.Г. Шаумяну 19 мая 1914 г. // Полн. собр. соч. Т. 48. С. 291.

⁷³³ Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. С. 48.

⁷³⁴ См.: Сборник программ политических партий России. Вып. 1. СПб., 1905. С. 41-42; Вып. III. С. 21.

эсеровская, лидеры социалистических партий не исключали возможности признания национально-персональной автономии в качестве программного положения.

Еще в 1903 г. в сборнике «Революционная Россия» была опубликована статья В. Чернова, в которой говорилось об ограниченности территориального подхода к решению национальных проблем. «Никаким перекраиванием границ нельзя избежать того, чтобы на одной и той же территории не жило в виде большинства и меньшинства различных национальностей». И уже тогда в качестве возможного способа решения проблемы национальных меньшинств выдвигалась культурная автономия: «Мы стоим за федеративный строй, за широчайшее утверждение местного самоуправления, за культурную автономию народностей»⁷³⁵. В 1907 г. в сборнике «Коллективист» говорилось еще более определенно, что «с.-р. на своем знамени пишут: для областей широкая областная автономия, а для национальностей культурно-национальная автономия». И здесь же: «Субъектом национальных прав является сама нация, то есть все граждане, которые причисляют себя к данной нации, организованные для удовлетворения своих культурно-национальных интересов, при посредстве своих представительных учреждений – национальных сеймов»⁷³⁶.

В апреле 1907 г. в Гельсингфорсе состоялась конференция по национальному вопросу, ставшая важной вехой на пути признания национально-персональной автономии российскими народническими партиями в качестве программного требования. В конференции приняли участие представители партии социалистов-революционеров и примыкающих к ней национально-социалистических партий – Польской партии социалистов (ППС-революционная фракция), Белорусской социалистической громады (БСГ), армянской «Дашнакцутюн», Грузинской социалистическо-федералистской партии и ЕСРП.

Предложенная ЕСРП концепция национально-персональной автономии вызвала оживленную дискуссию. Помимо «е.-с.» ее поддержали также представители «безусловно экстерриториальных наций» – армяне, белорусы и грузины («последние ... не без

---

⁷³⁵ См.: Савин А. Национальный вопрос и Партия С.-Р. // Социалист-революционер. 1911. № 3. С. 119-120.

⁷³⁶ Цит. по: Там же. С. 120-121.

серьезных колебаний»)⁷³⁷. Эсеры и польские социалисты выражали несогласие с отстаиваемым в докладе экстерриториализмом национальных союзов, говорили об их неосуществимости, о новизне и неразработанности программы национально-персональной автономии, предлагали перенести этот вопрос в сферу дискуссии и т.п.⁷³⁸ Они воздержались при голосовании резолюции конференции, в которой «создание экстерриториальных органов национального самоуправления публично-правового характера» объявлялось «необходимой предпосылкой для решения национального вопроса» в отношении не имеющих своей территории народностей. Одновременно конференция приняла другую резолюцию, в которой вопрос об экстерриториальных союзах признавался «не вполне» вышедшим из области дискуссии⁷³⁹.

Спустя три года полемика вспыхнула вновь на страницах журнала «Социалист-революционер» между А. Савиным и В. Черновым. А. Савин подверг позицию эсеров на Гельсингфорской конференции острейшей критике с позиций радикального экстерриториализма. По его словам, принцип экстерриториальной автономии «должен явиться центральным пунктом национальной программы». Он даже предложил включить в программу эсеров бундовскую формулировку культурно-национальной автономии⁷⁴⁰.

В. Чернов выступал против единообразного решения национального вопроса, предполагая и территориальную, и экстерриториальную модели его решения. По его мнению, «не может быть какой-то одной универсальной схемы, которая равно годилась бы для Гренландии и Тимбукту... Экстерриториальность не есть какая-то абсолютная самоценность, а лишь определенная форма самоуправления, представляющая ту или иную, большую или меньшую сумму выгод в зависимости от местных условий»⁷⁴¹. Поэтому, считал В. Чернов, «правовые формы экстерриториаль-

⁷³⁷ См.: Борисов М. (псевдоним М. Ратнера). Из жизни и литературы // С-Е-Р-П. Сб. второй. М., 1907. С. 273.

⁷³⁸ См.: Протоколы конференции российских национально-социалистических партий 16-20 апреля 1907 г. СПб., 1908. С. 54, 55, 58-69 и др.

⁷³⁹ См.: Там же. С. 75, 141, 143.

⁷⁴⁰ См.: Савин А. Национальный вопрос и Партия С.-Р. // Социалист-революционер. 1911. № 3. С. 131.

⁷⁴¹ Чернов В. Единообразие или шаблон? // Социалист-революционер. 1911. № 3. С. 157, 153.

ного самоуправления» «обеспечили бы кратчайший путь к самоуправлению», например, на Кавказе, где «татарское, армянское, грузинское, а теперь и русское население так перепутано, переплетено между собой, что национальная автономия там вряд ли может даже быть мыслима в территориальных формах. Никаким перекраиванием границ здесь не расплести этого сложного сплетения. Культурное размежевание в формах персональной автономии, независимо от территории, конструирующей каждую национальность в самоуправляющуюся корпорацию для заведывания делами своей духовной культуры, является единственно возможным и единственно напрашивающимся выходом. Оно уменьшило бы национальные споры до минимума, и в сфере дел, общих всем национальностям (дорожное, врачебное, суд и т. п.), положило бы начало их мирному сотрудничеству в органах самоуправления территориального»⁷⁴².

Таким образом, принимая в принципе идею национально-персональной автономии, российские сторонники существенно разошлись в оценке ее значимости как способа решения национального вопроса. Бундовские и некоторые эсеровские публицисты видели в ней универсальный способ решения национального вопроса, альтернативный территориальному. Другие авторы (сеймисты, эсеры, Грушевский, Жаботинский) усматривали в ней оптимальный способ защиты прав и интересов национальных меньшинств, не находящихся адекватного выражения в рамках национально-территориальной автономии, которую они вместе с тем считали необходимой формой решения проблем наций, обладающих «своей территорией». Имелись различия в подходах к определению степени власти и компетенции национального самоуправления: *культурно-национальная автономия у Бунда и национально-политическая автономия у ЕСРП*.

Для общероссийских партий, в отличие от национальных, которые выступали в национальном движении как его субъект, как «заинтересованная сторона, как действующая активная сила, стоящая внутри борющихся за национальное освобождение масс»⁷⁴³, национальный вопрос не имел самодовлеющего значения, был, как правило, вопросом тактики, поэтому при разра-

⁷⁴² Чернов В. Единообразие или шаблон? // Социалист-революционер. 1911. № 3. С. 151-151, 157.

⁷⁴³ Рафес М.Г. Очерки по истории Бунда. М., 1923. С. 271.

ботке национальных программ они отставали от опережающего развития национальных движений.

Развернувшаяся между революциями 1905–1907 и 1917 гг. на страницах оппозиционной прессы полемика имела большое значение с точки зрения применимости идеи национально-персональной автономии к российским условиям. Публицистические статьи, посвященные национально-персональной автономии, способствовали внедрению в общественное сознание экстерриториального и персоналистского подхода к решению национального вопроса.

Опыт реализации НКА в условиях революции и гражданской войны

После Февральской революции национально-персональная (культурная, экстерриториальная) автономия переходит из области дискуссий в плоскость практической политики и становится программным положением большинства российских политических партий и национальных движений. В этот период народы России, за исключением поляков и финнов, не стремились к дезинтеграции многонационального государства. Процессы нациестроительства развивались в контексте реформирования российской государственности на федералистской (этнотерриториальной) и культурно-автономистской (экстерриториальной) основе. Обвиняемые в сепаратизме «революции национальностей», как верно заметил В.П. Булдаков, «на деле были попыткой перестройки империи на этнотерриториальной и культурно-автономистской основах, которые ничуть не противоречили традиционным российским формам унии самодержца с территориями и народами (не случайно этот момент позднее активно использовали большевики). Удельный вес сепаратистских движений в 1917 г. был поразительно мал... Внутри национальных движений социальные факторы преобладали над «чистым» стремлением к национально-государственному строительству (*исключение составляли малые и дисперсные этносы, чьи элиты сосредоточились на реализации культурно-автономистских программ*)» (курсив мой. – И.Н.)⁷⁴⁴.

---

⁷⁴⁴ Булдаков В.П. Историкографические метаморфозы «красного Октября» // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 190.

Из общероссийских партий первыми включили ее в свою программу эсеры. III съезд ПСР, состоявшийся в конце мая – начале июня 1917 г., высказался, во-первых, «за форму федеративно-демократической республики, с территориально-национальной автономией в пределах этнографического расселения народностей»⁷⁴⁵ и, во-вторых, за возможность соединения «как наций без территории, так и национальных меньшинств со смешанным составом населения» в «экстерриториальные персонально-автономные союзы со своими местными и общегосударственными представительными органами»⁷⁴⁶.

Признание культурной автономии меньшевиками в качестве программного лозунга произошло в августе 1917 г на объединительном съезде: РСДРП будет добиваться «... широкой территориальной автономии областей... при гарантии общегосударственных законов действительной защиты прав национальных меньшинств на основе национально-культурной автономии...»⁷⁴⁷. Кадеты, для которых приоритетом была нераздельность России, увидели в экстерриториальной автономии альтернативу разгромившемуся федералистскому движению⁷⁴⁸. На IX съезде партии в июле 1917 г. они наполнили декларативный лозунг культурного самоопределения конкретным содержанием: «Государство может передать нациям, действующим в качестве единых нетерриториальных публичных союзов, осуществление... задач культурного управления... в отношении всех лиц, признающих свою принадлежность к этим национальностям»⁷⁴⁹. Это была классическая, хотя и урезанная формула национально-персональной автономии, поскольку степень власти и компетенции национальных союзов определялась общегосударственным, а не национальным законодательством. Бундовцы справедливо отмечали, что «пленила к.-д. в национально-персональной автономии не столько простота и ясность идеи, сколько возможность противо-

---

⁷⁴⁵ В то же время в решениях съезда не было пункта о праве наций на самоопределение, отстаиваемого ранее эсерами.

⁷⁴⁶ Третий съезд Партии социалистов-революционеров. Пг., 1917. С. 293.

⁷⁴⁷ Вперед. 1917. 30 авг. (12 сент.).

⁷⁴⁸ На VIII съезде в мае 1917 г. в качестве меры, способной, с одной стороны, предотвратить разрушение государственного единства России, а с другой – обеспечить интересы населяющих ее народов, была выдвинута идея провинциальной автономии.

⁷⁴⁹ Речь. 1917. 26 июля (8 авг.).

поставить» ее «централистическую тенденцию... федералистическим тенденциям территориалистов»⁷⁵⁰.

Таким образом, в 1917 г. национально-персональная автономия стала важным элементом политического сознания, претерпев существенную трансформацию в двух направлениях. Если одни, например к.-д., по-прежнему видели в ней универсальное решение национального вопроса, альтернативу территориальной автономии, способную предотвратить распад Российской империи, то большинство других (эсеры, меньшевики, и, как мы увидим дальше, национальные движения) рассматривали экстерриториальную автономию как оптимальный способ решения проблемы национальных меньшинств. Реальный опыт развивался именно в этом направлении.

В национальном движении мусульман выявились глубокие различия во взглядах на форму государственного устройства России и на вопрос о религиозно-культурной и политической судьбе ее тюрко-мусульманских народов. На этой основе сформировались два направления: культурно-автономистское и федералистское. Политическим лозунгом сторонников духовного и языкового единства мусульман, рассматривавших мусульман как единую нацию (в их числе были и либералы – С. Максудов, и социалисты – А. Цаликов), стала культурно-национальная автономия в парламентской демократической России. Этот вариант нашел своих адептов, прежде всего, среди дисперсных тюркских групп (поволжских, сибирских и крымских татар). Оппоненты из числа представителей крупных и относительно компактно расселенных групп тюркского населения, отстаивали переустройство России на федеративных началах с предоставлением ее народам национально-территориальной автономии. Сторонники этого направления, признавая религиозную основу духовного единства российских мусульман, отвергали необходимость их культурно-языкового слияния. Институт культурно-национальной автономии предусматривался только для дисперсных тюркоязычных этносов.

Эти противоречия проявились на проходившем в начале мая 1917 г. в Москве Всероссийском мусульманском съезде. В

---

⁷⁵⁰ Лютов А. Кадеты и национально-персональная автономия // Голос Бунда. Пг., 1917. С. 6.

докладе о форме государственного устройства России, с которым выступил осетин А. Цаликов (Цаликати), национально-культурная автономия называлась единственно приемлемой формой самоопределения мусульман России, представляющих единую нацию. Цаликов полагал, что территориальные автономии могли стать препятствием к формированию единой мусульманской культуры, и не смогли бы обеспечить единообразное и удовлетворительное решение земельного, рабочего и женского вопросов. При этом сотни тысяч мусульман, живущих дисперсно, остались бы вне автономии и не избежали русификации. Оппоненты Цаликова (азербайджанец А. Расуль-Заде и башкир А.З. Валидов) утверждали, что единой мусульманской нации, как таковой, не существует, поэтому каждая национальность, исповедующая ислам, должна быть «самостоятельна в своем доме». После острых дискуссий большинством голосов была принята резолюция о переустройстве России *на национально-территориально-федеративных началах*. Для национальностей, не обладавших определенной территорией, предусматривалась национально-культурная автономия. Таким образом, была принята программа двойной автономии – территориальной с элементами национально-культурной⁷⁵¹.

Уже в июле сторонники национально-религиозного единства мусульман России приступили к практической реализации проекта национально-культурной автономии. Второй всероссийский съезд мусульман принял документ под названием «Основы национально-культурной автономии мусульман Внутренней России и Сибири», который предусматривал предоставление «мусульманам-тюрко-татарам» статуса юридического лица. Высшим законодательным органом автономии, представлявшим нацию вовне, объявлялось выборное Национальное собрание. Для управления культурными, религиозными и финансовыми делами образовывалось Национальное управление (правительство), состоящее из трех ведомств: по делам религии, просвещения и финансов. Территория «внутренней России» со значительным мусульманским населением делилась на национальные губернии во главе с губернскими национальными собраниями, формируемыми на выборной основе. Губернское собрание для

---

⁷⁵¹ Давлетшин Т. Советский Татарстан. Лондон, 1974. С. 68-75.

ведения религиозных дел избирало мухтасиба, для управления вопросами просвещения – инспектора по просвещению, финансовыми делами – управляющего финансами. Национальная губерния делилась на национальные округа во главе с помощниками мухтасиба, губернского инспектора по просвещению и управляющего финансами. В каждом городе и деревне для ведения культурно-национальных дел избиралась комиссия в составе учителя, имама и представителя населения из мусульман⁷⁵².

Провозглашенная мусульманскими съездами в Казани культурно-национальная автономия представляла собой адаптированный к условиям дисперсного расселения мусульман в России культурно-религиозный вариант национально-персональной автономии с присущими ей основными чертами: экстерриториализмом и признанием союза мусульман субъектом права. Принцип добровольного вхождение индивида в то или иное национальное сообщество заменялся конфессиональным признаком – принадлежностью тюрко-татар к исламу.

То обстоятельство, что идея национально-культурной автономии разделялась далеко не всеми лидерами мусульманского движения в России, не могло не сказаться на работе Национального собрания мусульман (Милли меджлис), открывшегося 22 ноября (4 декабря н. ст.) в Уфе. Мусульманский парламент провозгласил образование «Идель-Урал-Штаты» (Урало-Волжской республики), т. е. национально-территориальной автономии мусульман. Одновременно были приняты «Основные положения о культурно-национальной автономии мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири» – Конституция экстерриториального религиозно-национального союза. 16 января 1918 г. (ст. ст.) эта первая в истории татар Конституция была опубликована (№ 5 журнала «Мухтариат»), с этого момента ее можно считать вступившей в силу⁷⁵³.

В той же сессии Национального собрания было избрано постоянное Центральное национальное управление (ЦНУ) в составе трех ведомств – просвещения, духовного и финансов – и принят ряд других документов об управлении духовно-религиозными и культурно-национальными делами. Все тюрко-татарское насе-

⁷⁵² См.: Давлетшин Т. Советский Татарстан. Лондон, 1974. С. 112-128.

⁷⁵³ Исхаков Д.М. Садри Максуди: наследие и современность. Казань, 1999. С. 57.

ление внутренней России и Сибири территориально было разделено на национальные округа, в которых были организованы свои местные органы. Тем самым создавалась сеть городских и окружных меджлисов с их исполнительными органами, ведающими духовно-религиозными и культурно-национальными делами под общим руководством ЦНУ.

Противоречивость принятых меджлисом решений имеет, на наш взгляд, следующее объяснение. При Временном правительстве, политику которого определяли кадеты, эсеры и меньшевики, принимавшие и разделявшие идею культурно-национальной (национально-персональной) автономии, осуществление мусульманами её религиозно-национального варианта было вполне реальным. Приход к власти большевиков, принципиально не признававших культурно-национальную автономию, делал её реализацию невозможной. Вместе с тем признание Советской властью федерализации России на этнотерриториальном принципе давал аргументы сторонникам территориального решения мусульманского вопроса. Но идее Урало-Волжской республики не суждено было осуществиться, она была ликвидирована Советской властью уже в марте-апреле 1918 г. А культурно-национальная автономия мусульман, руководящие органы которой были также распущены Советской властью, после её временного падения на востоке России возродилась и просуществовала до конца Гражданской войны. Образовав всероссийский автономный союз на экстерриториальной основе, стараясь быть нейтральными в общеполитической борьбе, мусульмане тюрко-татары фактически осуществляли права, вытекающие из основных положений о культурно-национальной автономии.

В 1917–1918 гг. идея национально-персональной автономии была использована Центральной украинской радой для решения проблемы национальных меньшинств в Украине⁷⁵⁴. В сентябре 1917 г. при содействии Рады в Киеве состоялся съезд народов России, который провозгласил право всех населяющих ее народов, как на территориальную, так и на персональную автономию («конструирование наций в публично-правовой союз, охватывающий ее членов на всем протяжении государства»). Компа-

⁷⁵⁴ См.: Симоненко Р.Г. Национально-культурная автономия на Украине в 1917–1918 годах // Вопросы истории. 1997. № 1.

тенция и конкретные формы автономных национальных союзов должны были определяться национальными учредительными собраниями⁷⁵⁵.

После провозглашения в ноябре 1917 г. Украинской Народной Республики Центральная рада в III Универсале объявила национально-персональную автономию для русского, еврейского и польского национальных меньшинств. 9 января 1918 г. на Украине был принят закон, предоставлявший право на экстерриториальную автономию трем заявленным в III Универсале меньшинствам. Для других это право предусматривалось при условии специального заявления сенату о принадлежности к данной национальности не менее 10 тыс. граждан, без различия пола и вероисповедания. Это был первый в мировой практике конституционный закон, включавший национально-персональную автономию в общие конституционные рамки, не устанавливая подробной картины всех ее публично-правовых институтов⁷⁵⁶. Украинский закон отличался от классического австрийского варианта персональной автономии, поскольку касался лишь «неукраинских» меньшинств, что лишало украинский народ возможности, воспользовавшись формами персональной автономии, объединить сотни тысяч украинцев, живущих вне пределов этнографической Украины (на Кубани, в Сибири, на Дальнем Востоке) и тяготеющих к связям с Радой, создавая органы экстерриториальной автономии, подобные Головной украинской раде в Сибири⁷⁵⁷.

Из-за оккупации территории Украины немцами и падения режима Центральной рады украинский проект национально-персональной автономии не был реализован.

Еще одна попытка претворения в жизнь национально-персональной автономии связана с сибирским областническим движением. До революции часть областников («автономисты») отстаивала автономию Сибири и «общего законодательного корпуса для всей Сибири» – Сибирской областной думы и, наря-

---

⁷⁵⁵ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОВУ Украины). Ф. 1115. Оп. 1. Д. 7. Л. 2, 2 об.

⁷⁵⁶ См.: Лазерсон М.Я. Национальность и государственный строй. Пг., 1918. С. 177-181.

⁷⁵⁷ Головная украинская рада была создана на общесибирском украинском съезде, который состоялся в конце июля – начале августа 1917 г. в Омске (Омский вестник. 1917. 30 июля).

ду с этим, выступала за создание специальных «инородческих учреждений, снабженных сравнительно с общей сибирской думой ограниченной законодательной властью». Другие («централлисты») предлагали организовать законодательные учреждения только для крупных коренных этносов, отвергая необходимость общесибирского законодательного органа⁷⁵⁸.

В условиях революции и сама областническая идея, и национальная программа, и политика областников претерпели существенные изменения. Сказался размах и характер национальных движений, а также влияние общероссийских партий, особенно эсеров, сибирские организации которых активно включились в областническое движение. Влияние эсеровской программы отразилось уже в решениях конференции общественных организаций Сибири в августе 1917 г. в Томске. Конференция приняла постановление «Об автономном устройстве Сибири», предусматривавшее, что Сибирь «должна обладать той полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, какой обладают отдельные штаты в современных федеративных государственных соединениях». Отдельным пунктом прописывалось обеспечение основными законами страны прав «национальных меньшинств в местностях со смешанным населением» и прав «наций без территории путем образования экстерриториальных персонально-автономных союзов, со своими местными и общегосударственными представительными органами, для заведования всеми своими культурными и национальными делами»⁷⁵⁹. Как отмечалось в статье Д. Портнягина «Автономия туземных племен Сибири», экстерриториальную автономию намечалось распространить на татар, а также на «народы персидской крови» (узбеков, сартов) и «тунгусские племена» (тунгусов, дауров, орочен). Предполагалось, что для этих племен национальная автономия будет носить не чисто экстерриториальный, а смешанный характер в виде локальных территориально отграниченных автономных «участков», связанных в единый экстерриториальный национально-персональный союз⁷⁶⁰.

⁷⁵⁸ См.: Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Сибирь. Ее современное состояние и нужды. СПб, 1908. С. 260-261.

⁷⁵⁹ Известия Сибирского организационного комитета. Томск, 1917. № 1. С. 11.

⁷⁶⁰ Там же. С. 5-7.

По решению конференции в октябре 1917 г. в Томске был созван областной съезд, который принял постановление об областном устройстве Сибири. Постановление это, как и решения августовской конференции, базировалось на эсеровской модели государственного устройства и решения национального вопроса: широкая автономия Сибири в федеративной демократической России и обеспечение национальных прав через предоставление территориальной автономии народам, проживающим компактно, и экстерриториальной, персональной – национальным меньшинствам и «нациям без территории», т. е. дисперсно расселенным этносам. Такой радикальный и вместе с тем гибкий подход, учитывающий разнообразие в уровнях политического, экономического и культурного развития народов России, не мог не снискать симпатии и поддержки с их стороны. «Иногородцы», как отмечал современник, «оказались во всех случаях на высоте понимания момента. Горячо и настойчиво отстаивая свое национальное самоопределение, они шли навстречу всему остальному русскому населению и в вопросах земельных, и в вопросах областной автономии, не выделяя для себя каких-либо особых привилегий и преимуществ. А уж кто бы, как не они, имели на это полное право»⁷⁶¹.

К областному съезду был приурочен созыв I съезда мусульман Сибири и Дальнего Востока, открывшийся в Томске 4 октября. Съезд заявил о присоединении к факту провозглашения культурно-национальной автономии всероссийскими съездами. Для Сибири создавался свой культурно-национальный центр – Центральный совет союза сибирских губернских мусульманских советов, действия которого объявлялись временными до созыва Сибирской областной думы. Компетенция органов мусульманского самоуправления в Сибири понималась достаточно широко. Сюда были отнесены не только вопросы культуры, но и экономические, военные, профессиональные, конфессиональные проблемы. Осуществление автономии мыслилось в рамках автономной Сибири.

По решению Чрезвычайно съезда, проходившего в Томске в декабре 1917 г., были созданы областные органы власти: законодательный – Сибирская областная дума (Сибоблдума) и ис-

---

⁷⁶¹ В. К. Областное обозрение // Сибирские записки. 1917. № 6. С. 114.

полнительный – Сибирский областной совет (Сибоблсовет). В структуре областных органов власти были образованы специальные органы – национальный совет Сибоблсовета и национальная фракция Сибоблдумы, которые вели подготовительную работу в сфере национальной политики. Был разработан ряд законопроектов: «О Министерстве туземных дел», «О Сибирском туземном фонде», «О территориях, переходящих в ведение Сибирского министерства туземных дел», «О туземном национальном совете», «Об учреждении Министерства экстерриториальных народностей» и др. Сибоблдума успела принять на своей 1-й сессии в январе 1918 г. до разгона большевиками лишь «Положение о территориях» и проекты о министерствах туземных и экстерриториальных дел.

В ряду этих документов особого внимания заслуживает «Законопредложение по национальному вопросу экстерриториальных народностей» – проект, предусматривавший предоставление национальным меньшинствам Сибири права на национально-персональную автономию. В основу проекта были положены принципы экстерриториальности, персонализма и признания национально-персональных союзов субъектами права, т. е. классические принципы, отличающие этот вид автономии от других, в первую очередь, от национально-территориальной автономии.

Предлагалась следующая структура ее органов. Национальные меньшинства объединялись в национальные союзы на основе именных списков. Высшим представительным органом национального союза должен был стать Национальный совет, избираемый сибирским конгрессом, думой или сеймом, низшими автономными единицами – сельские, волостные, городские советы, общины, рады, гмины и т. п. К функциям автономии были отнесены культурно-просветительная деятельность, религия, экономика, т. е. компетенция органов национально-персональной автономии предполагалась достаточно широкой. В пределах этой компетенции Национальный совет пользовался правом законодательства и управления. Финансовое содержание национальных союзов возлагалось на общегосударственные, городские, волостные, земские органы. Кроме того, национальным союзам предоставлялось право налогового обложения

своих членов, заключения займов и иных финансовых мер. Эти положения в основном соответствовали положениям закона Украинской Народной Республики о национально-персональной автономии, который и был, по всей вероятности, взят за основу при подготовке документа.

Отношение к национально-персональной автономии сменявших друг друга в годы Гражданской войны правительств (все-российских и областных) было различным. Проект «Временного положения о культурной автономии национальностей Сибири», разработанный Временным Сибирским правительством в Омске (июль 1918 г.) распространял право культурной автономии не только на национальные меньшинства, не имеющие компактной территории расселения, но и на те народы Сибири, которые претендовали на предоставление им территориальной автономии. Причем автономные функции были значительно сужены и сводились по существу к предоставлению права на создание учебных заведений и местных судов. Омское правительство не признавало и право мусульман на культурную автономию.

В отличие от Омского правительства, Комитет членов Учредительного собрания в Самаре (Комуч) в сентябре 1918 г. опубликовал в газетах обращение «К тюрко-татарскому народу Государства Российского», в котором признавал за мусульманами «тюрко-татарами», «бесспорное» право на широкую культурно-национальную автономию, а именно: право пользоваться «родным языком в местном управлении, самоуправлении и суде, свободно открывать всевозможные школы и строить свою религиозную жизнь», создавать «органы национального самоуправления, обладающие принудительной публичной властью, правом устанавливать и взимать особые национальные налоги и самостоятельно ведать дела общественного призрения, народного просвещения и культурно-экономические». Впредь до утверждения положения о культурно-национальной автономии мусульман «Всероссийской Верховной Властью» временным органом мусульманского национального самоуправления признавалось Национальное управление мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири, с местопребыванием в Уфе⁷⁶².

---

⁷⁶² ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 258. Л. 94-96; Вестник Комитета членов Учредительного собрания. Самара. 1918. 8 сент.

Всероссийское Временное правительство (Директория), поглотившее все областные правительства, в том числе Комуч и Сибирское правительство, и добившееся самороспуска Сибоблдумы, признало и национально-территориальную и национально-персональную автономию для территориальных и экстерриториальных народов соответственно. Сменившее Директорию правительство адмирала Колчака, которое воспринимало национальную автономию (и территориальную, и персональную) как ограничение державного суверенитета, не оставило национальным меньшинствам шанса на осуществление их чаяний.

Шанс осуществления национально-культурной автономии в начале 1920-х гг. появился в Дальневосточной республике, которая просуществовала недолго, но разработка ее национальной политики представляет большой интерес с точки зрения правовых и демократических норм. Конституция ДВР, утвержденная Учредительным собранием республики 27 апреля 1921 г., была одной из самых демократических конституций своего времени. Это проявилось и в предоставлении ею права на культурно-национальную автономию национальным меньшинствам. Министерством по национальным делам ДВР был разработан проект закона об автономии национальных меньшинств в ДВР, строившийся на классической модели национально-персональной автономии. Высшим представительным органом автономного национального союза, согласно проекту закона, объявлялось Национальное собрание, избиравшее исполнительный орган – Национальный совет. Каждый национальный совет выставлял одну кандидатуру в состав Министерства по национальным делам. Последнее жестко контролировало лишь один параметр: не противоречат ли действия органов национального союза Конституции ДВР и закону об автономии.

Законотворческая деятельность Министерства по национальным делам ДВР опиралась на шедший снизу процесс самоорганизации национальных меньшинств, создававших свои органы национального самоуправления: украинские рады, демократизированные еврейские общинные советы, корейские, тюрко-татарские и другие национальные общества и союзы. Не дожидаясь принятия закона об автономии национальных мень-

шинств, министерство возложило на национальные организации функции и права органов культурно-национальной автономии.

Однако закон об автономии национальных меньшинств в ДВР так и не был принят. По мере того, как «буфер краснел», практика национального строительства в ДВР приводилась во все большее соответствие с большевистской теорией и практикой решения национального вопроса в Советской России. В августе 1922 г. Дальбюро ЦК РКП(б) рассмотрело и утвердило «Тезисы по национальной политике ДВР», в которых заявлялось, что национальная политика в республике должна проводиться в «строгом соответствии с таковой же в РСФСР и определяться программой партии, постановлениями партийных съездов и конгрессов Коммунистического Интернационала». И хотя Дальбюро не отменило закрепленного в Конституции принципа культурно-национальной автономии, оно наметило меры, которые, с его точки зрения, должны были ослабить ее отрицательные последствия. В числе этих мер было ограничение культурно-национального самоуправления «исключительно местами поселения данной группы: город, село, без центральных объединений ...» до тех пор, пока в органах культурно-национальной автономии не будет «обеспечено преобладание коммунистов и сочувствующих беспартийных».

Согласно этим установкам были разработаны новые законопроекты, предоставлявшие национальным меньшинствам право образовывать культурно-национальные объединения лишь на местном уровне. Существенно ограничивались компетенция и функции органов национального самоуправления. Но и этим законопроектам не суждено было осуществиться. С упразднением в конце 1922 г. «буферной» республики и вхождением Дальневосточного края в состав РСФСР национальная политика в регионе была приведена в полное «соответствие» с большевистской теорией и практикой, в которой «реакционной» идее национально-культурной автономии места не было. Тогда же были произведены массовые аресты активистов национальных движений, а организации национальных меньшинств, руководство которых не было коммунистическим, ликвидированы.

После окончания Первой мировой войны и распада Австро-Венгерской и Российской империй идея национально-

персональной автономии достаточно широко обсуждалась в научных и политических кругах и даже нашла отражение в договорах о меньшинствах, заключенных в системе Лиги Наций⁷⁶³. Автономные институты в системе образования применялись в Латвии в период 1922–1934 гг., а в Эстонии с 1925 г. действовал закон о культурной автономии⁷⁶⁴, которым признавались права коллективного юридического лица за русским, немецким, шведским, еврейским и другими меньшинствами с численностью не менее 3 тыс. чел. Каждое меньшинство имело свой национальный список (регистр), в который включались граждане данной национальности, достигшие 18-летнего возраста. Закон предполагал высокую степень национального самосознания (идентичности) и активности со стороны меньшинств. Так, выборы в национальный совет признавались действительными при фактическом участии в них не менее половины числящихся в данном национальном списке граждан. Чтобы открыть деятельность органов культурного самоуправления, требовалась санкция большинства в две трети членов национального совета⁷⁶⁵. Эксперты Лиги Наций даже считали эстонскую модель защиты меньшинств эталонной⁷⁶⁶.

Культурная автономия немцев и евреев в Эстонии сформировалась быстро, уже в 1926 г. У русских, селившихся компактно на окраинах, и живших беднее других, оформление культурного самоуправления затянулось. Они подали ходатайство о создании самоуправления только в 1937 г., т. е. после государственного переворота 1934 г. Им объяснили, что Конституция более не действует, и автономии не создаются⁷⁶⁷. После присоединения к СССР все культурные автономии в Эстонии были ликвидированы. Вместе с Лигой Наций прекратила свое существование сложившаяся в ее рамках система защиты национальных меньшинств. Была забыта и идея национально-персональной автономии, как один из основных элементов этой системы.

⁷⁶³ См.: Вишняк М. Право меньшинств. Париж, 1926.

⁷⁶⁴ Текст закона см.: Курчинский М. Культурная автономия. II // Радуга. 1988. С. 50-53.

⁷⁶⁵ См. Вишняк М. Указ. соч. С. 62-79.

⁷⁶⁶ Осипов А., Никифоров И. Национально-культурная автономия. Идея и реализация. Эстонский опыт. Таллин, 2008. С. 18.

⁷⁶⁷ Там же. С. 19; См. также: Шор Т. Проблемы культурной автономии на страницах русской периодики в Эстонии 1925–1930 г. // На перекрестке культур. Русские в Балтийском регионе. Ч. 2. Калининград, 2004. С. 115-139.

Встречается мнение, что в 1920 – начале 1930-х гг. советское руководство, хотя и отрицало, следуя прежним идеологическим установкам, принцип культурно-национальной автономии, отдельные ее элементы все же получили достаточно широкое использование⁷⁶⁸. На практике это выражалось в образовании национальных административно-территориальных единиц (районы, сельсоветы), в создании национальных школ, клубов, секций и т. п. Но при этом не принимается во внимание, что эти «элементы» исключали основные принципы, заложенные в идею национально-культурной автономии: экстерриториальность, персонализм (добровольность этнической самоидентификации) и признание национальных сообществ (союзов) коллективными субъектами права. Ни один из этих принципов не был совместим с тоталитарным характером советской политической системы. Установление советской власти привело к утверждению сугубо территориального подхода к решению национальных проблем и к отрицанию потенциала культурной автономии, а затем и полному ее забвению. Уже в середине 1930-х гг. национальные советы и районы были ликвидированы, началось постепенное свертывание национальной системы образования. Конституция СССР 1936 г. вообще не содержала упоминания о национальных меньшинствах. С этого времени они утратили всякий юридически закрепленный статус, оказавшись обреченными на ассимиляцию, утерю культурной самобытности. Любые попытки самоорганизации национальных меньшинств беспощадно подавлялись. Непризнание идеи национально-культурной автономии советской властью привело к тому, что вплоть до конца 1980-х гг. сохранялся взгляд на нее как на «утопическую» и «мелкобуржуазную» затею, не соответствующую «классовым интересам» пролетариата.

Между тем попытки осуществления идеи национально-персональной (культурной) автономии в России в 1917–1922 гг., несмотря на их и незавершенность, заслуживают, несомненно, большего внимания. Модель национально-культурной автоно-

---

⁷⁶⁸ Андриченко Л.В. Право национальных меньшинств на культурно-национальную автономию // Расы и народы. Вып. 24. М., 1998. С. 98; См. также: Сабирова Д., Шарапов Я. Исторический опыт и современные представления о национально-культурной автономии татар в Российской Федерации // Этнополитический вестник. 1995. № 2. С. 236-238.

мии в единстве ее сущностных черт – экстерриториальности, персонализма и признания национальных союзов коллективными субъектами права, – призвана была не только снизить остроту межгосударственных и межэтнических противоречий, что, безусловно, важно, поскольку борьба за территории до сих пор остается камнем преткновения для разрешения многих конфликтов. Заложенные в этой идее добровольность этнической идентификации и передача национальным сообществам (союзам) проблем, связанных с сохранением и развитием культурной идентичности, могло иметь своим результатом дестатизацию (разгосударствление) сферы межнациональных отношений и превращение института национально-культурной автономии в важный элемент гражданского общества. «Национально-персональная экстерриториальная автономия, понимаемая как коллективная ответственность, произрастающая из персоналистского выбора группы и требующая для своего воплощения не территориального обособления, а максимального личного вовлечения в процесс собственного культурного строительства может стать своеобразным снятием противоречия между интересами государственности и этничности, с одной стороны, и плюралистической культурной идеи с универсальными правами человека, с другой»⁷⁶⁹.

---

⁷⁶⁹ Львова Э.Л. К читателю // Культурно-национальная автономия в истории России. Томск, 1999. С. 278.

Глава 5. Диаспорные стратегии интеграции мигрантов⁷⁷⁰

Введение

Последние десятилетия XX в. и начало XXI в. характеризовались *всплеском этнической идентичности*, во многом вызванным непрерывно возрастающей *миграционной активностью*. По данным ООН, на сегодняшний день более 175 млн одних лишь легальных мигрантов – иммигрантов, беженцев, иностранных рабочих, предпринимателей, студентов и многих других групп проживают за пределами страны своего происхождения⁷⁷¹. Россия также испытывает мощное миграционное давление, которое сопровождается изменением этнической структуры миграционных потоков, основную часть которого составляют трудящиеся (трудоуемые) мигранты. Их взаимодействие с российским обществом – проблема, требующая постоянного и системного анализа.

В изучении миграционных процессов уже произошел заметный прорыв. Наряду с количественным измерением миграционных потоков, их оценкой с точки зрения национальной и общей безопасности для общества и государства, наметился переход к анализу форм, методов и механизмов деятельности мигрантов, их адаптации к принимающему обществу, к изучению их жизненных стратегий и практик, формируемых ими сетей, их структуры, механизмов генезиса и функционирования, иначе говоря – к проблеме *диаспорализации* мигрантов.

Чрезвычайно важна и интересна в этом смысле ситуация в Сибири, регионе, население которого с конца XVII в. и до наших дней формировалось и развивалось в ходе массовых, добровольных и принудительных, миграционных процессов. Их важной составляющей были этнические миграции. В результате синтеза гетерогенного пришлого населения с автохтонными народами сформировалось специфическое переселенческое общество со сложным этническим и конфессиональным составом населения.

⁷⁷⁰ * Авторский коллектив главы: И.В. Нам (редактор главы; введение; 5.3), Г.Н. Алишина (5.1), П.К. Варнавский (5.2).

⁷⁷¹ Южанин М.А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу. [Электронный ресурс]: URL: <http://2008.isras.ru/files/File/Socis/2007-05/Yuzhanin.pdf> (режим доступа: свободный).

Во все времена перед мигрантами с неизбежностью вставала проблема выстраивания отношений с принимающим обществом и взаимной хозяйственной/экономической и социокультурной адаптации. Одной из спонтанно выбираемых мигрантами стратегий адаптации является диаспорализация – формирование сообществ «с развитыми и эффективно действующими экономическими и социальными сетями, механизмами взаимной поддержки и кооперации»⁷⁷². Диаспору можно понимать как «особый тип человеческих взаимоотношений, как специфическую систему формальных и неформальных связей, жизненных стратегий и практик, основанных на общности исхода с «исторической родины» (или представлениях, исторической памяти и мифах о таком исходе), на усилиях по поддержанию образа жизни «в рассеянии» – в качестве национального меньшинства в иноэтничном принимающем обществе»⁷⁷³.

Диаспора – не данность, а «процесс развития от «еще не диаспоры» через «собственно диаспору» к «уже недииаспоре», причем различных типов...»⁷⁷⁴. Ее «существование (или не существование), возникновение и исчезновение, может быть ситуативным ответом на вызов времени, места и обстоятельств. Исходя из такого подхода, наличие совокупности лиц одной национальности, живущих вне национального очага, пусть даже многочисленных и укорененных на новой родине – это еще не диаспора, а только необходимое условие к ее реализации. Другими словами, одни и те же люди, совокупность этих людей, могут быть, а могут и не быть диаспорой. Диаспоральность, общинность, связи, сети и отношения, выстроенные на этой основе, могут быть – и становятся – важнейшим ресурсом экономического успеха мигрантов. Они же могут быть и инструментом их интеграции в принимающее общество. Чаще всего, однако, их

---

⁷⁷² Дятлов В.И. Мигранты и принимающее общество: стратегии и практики адаптации (на примере Иркутска). [Электронный ресурс]: URL: http://www.buk.irk.ru/exp_seminar/3/3_dyatlov.pdf (режим доступа: свободный).

⁷⁷³ Дятлов В.И. Адаптация мигрантов к современному российскому обществу: стратегии диаспорализации. [Электронный ресурс]: URL: http://migrocenter.ru/publ/konfer/ekaterinburg/m_ekaterinburg03.php (режим доступа: свободный).

⁷⁷⁴ Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 77-78.

рассматривают в качестве фактора, противодействующего такой интеграции⁷⁷⁵.

Необходимым условием диаспорализации мигрантов является создание институтов, направленных на удовлетворение духовных, культурных и экономических запросов, способных обеспечить им успешную и относительно безболезненную адаптацию к новым условиям проживания без утраты этнической и конфессиональной идентичности. В конце XIX – начале XX вв. мигранты стремились с этой целью воссоздать, насколько это было возможно, традиционные социальные институты, в первую очередь религиозные общины, которые стимулировали деятельность благотворительных, образовательных, культурно-просветительных организаций. Однако новые условия хозяйственной и общественной жизнедеятельности и налаживание отношений с принимающим обществом вели к трансформации традиционных институтов и их замещению новыми, светскими организациями⁷⁷⁶. О том, как это происходило, на примере немцев г. Томска рассказывается в тексте Г.Н. Алишиной.

Мощный импульс процессам диаспорализации был придан революционными событиями 1917 г. и Гражданской войны 1918–1922 гг. В эти годы на всем пространстве бывшей Российской империи развернулись активные процессы национальной самоорганизации в сообществах «старых» и «новых» мигрантов, в ходе которых создавались широкие сети диаспоральных институтов – культурно-просветительные, политические, конфессиональные, кооперативные, военные организации, вершину которых венчали экстерриториальные общенациональные учреждения, ставящие своей целью объединение и защиту интересов национальных меньшинств на общероссийском и региональном уровнях⁷⁷⁷.

Процессы диаспорализации продолжались и после окончания Гражданской войны, до конца 1930-х гг., но уже под жестким

---

⁷⁷⁵ Дятлов В.И. Адаптация мигрантов к современному российскому обществу: стратегии диаспорализации. [Электронный ресурс]: URL: http://migrocenter.ru/publ/konfer/ekaterinburg/m_ekaterinburg03.php (режим доступа: свободный).

⁷⁷⁶ См. об этом: Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск, 2011. С. 323–435.

⁷⁷⁷ См.: Нам И.В., Наумова Н.И. Еврейская диаспора Сибири в условиях смены политических режимов (март 1917 – февраль 1920 гг.). Красноярск, 2003; Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск, 2009.

контролем власти, подозрительно относившейся к национальной самоорганизации, к диаспоральности, не вписывавшейся в вертикальную систему государственного управления. Репрессии по «национальным линиям» и этнические депортации 1930–1940-х гг. делали демонстрацию диаспоральности занятием опасным и бесперспективным с точки зрения успешности жизненных стратегий. Снижению этнической и религиозной идентичности у мигрантов способствовал и внутригосударственный характер миграции. Возможность свободного общения с «национальным очагом» в пределах единого государства дезактуализировала опасения по поводу сохранения этнической идентичности.

Ситуация радикально меняется с началом «перестройки». Отказ от официального интернационализма имел своим следствием актуализацию этнического фактора и процессов диаспорализации. Мощную динамику этим процессам придавал распад СССР, сопровождавшийся ростом трансграничных миграций из стран как «дальнего», так «ближнего» зарубежья. Эти факторы существенно увеличивают значение этнической идентичности, формируют диаспоральное сознание, дают мощный толчок строительству диаспор. Диаспорализация, как правило, происходит двумя путями. Первый путь – диаспорализация старожилов, потомков «старых» мигрантов дореволюционной и советской эпохи. Второй путь – формирование «новых диаспор» из числа «новых» мигрантов. В результате происходит «радикальный сдвиг» – от простого присутствия представителей пришлых этнических меньшинств «к их структурированию, формированию общин, с их институтами, активистами, поиском ниши, выдвижением коллективных (или от имени коллектива) целей»⁷⁷⁸. Процессы диаспорализации теперь не просто признаются властями, но и поддерживаются ими. Создается нормативно-правовая база, регулирующая эти процессы. Диаспоральные институты становятся важным и необходимым элементом интеграции мигрантов в принимающее общество. Показательна в этом смысле динамика создания и развития в городах России/Сибири национально-культурных землячеств, обществ, автономий, их внутренняя

---

⁷⁷⁸ Дятлов В.И. Мигранты и принимающее общество: стратегии и практики адаптации (на примере Иркутска). [Электронный ресурс]: URL: http://www.buk.irk.ru/exp_seminar/3/3_dyatlov.pdf (режим доступа: свободный).

эволюция⁷⁷⁹. В настоящей главе эти сюжеты рассматриваются в текстах Павла Варнавского и Ирины Нам на примере Улан-Удэ и Томска.

5.1. Немцы Томска в конце XIX – начале XX вв.: опыт диаспоральной институционализации

Институциональность можно рассматривать как имманентно присущее свойство социального мира. Существует несколько подходов к пониманию феномена «социального института». В целом исследователи выделяют две ключевые характеристики, отличающие этот феномен от прочих социальных практик: устойчивость и организующее влияние на социальную жизнь⁷⁸⁰. Перед диаспорой, как специфичным сообществом, одним из признаков которого является ситуация пребывания в условиях «иног» большинства, особенно остро встает задача культурного самосохранения, которая достигается путем культурного воспроизводства. Для ответа на «вызов среды» диаспора прибегает к образованию социальных институтов, нацеленных на сохранение и развитие диаспоральной идентичности, маркером которой, как правило, служит этническая или конфессиональная принадлежность (или их сочетание).

Начало институциональному оформлению немецкого диаспорального сообщества города Томска было положено в середине XIX в., и ключевым идентификационным маркером в этом процессе выступила не этническая, а религиозная принадлежность. Данное обстоятельство можно расценивать как закономерное, поскольку в это время роль основного идентификатора

⁷⁷⁹ Эти проблемы очень хорошо изучены на примере Иркутска: Гедвило Г.В. Национальное объединение в сибирском городе: форма институализации этничности и/или инструмент политики властей // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. М., Иркутск: Наталис, 2005; Гедвило Г.В. Национально-культурные общества в Иркутске: как и зачем объединяются люди по национальному признаку? // Мигранты и диаспоры на Востоке России: практики взаимодействия с обществом и государством. М.;Иркутск: Наталис, 2007; Калугина Г.В. Местная власть и трансформация дискурса «национальной политики» в постсоветскую эпоху. Случай Иркутска // Политика. 2010. № 2 (57); Калугина Г.В. Национально-культурные общества: посреднические и коммуникативные функции в городском сообществе (на примере Иркутска) // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Отгис, 2012.

⁷⁸⁰ Павенкова М.В. Институт и институциональность как социологические категории // Вестник СПбГУ. Серия 6. 2003. Вып. 3 (22). С. 1-12.

в обществе и государстве выполняла конфессия, к которой человек себя относил, а не его национальность⁷⁸¹. Именно поэтому диаспоральные институты томских немцев, которые были в подавляющем большинстве своем лютеранами, носили выраженный конфессиональный характер. Тождественность томской лютеранской общины и томского немецкого диаспорального сообщества подтверждается тем, что языком, на котором разговаривали лютеране Томска, был немецкий.

На немецком языке проводились богослужения⁷⁸², разыгрывались спектакли⁷⁸³, устраивались «немецкие вечера», на которых, как минимум, дважды обсуждалась идея о создании «немецкого клуба»⁷⁸⁴. Делопроизводство в лютеранском приходе велось на двух языках: русском и немецком. У Церковного совета лютеранской кирхи Св. Марии было даже два бланка: русско- и немецкоязычный⁷⁸⁵. При помощи первого велась переписка с местными и центральными органами государственной власти, на втором составлялись внутренние документы и сообщения, направляемые в Евангелическо-Лютеранскую Консисторию в Москве.

Практика двуязычия распространялась и на объявления в местной прессе, которые давала томская лютеранская община. Те объявления, что касались только членов общины, например, об очередном собрании, до 1905 г. печатались в «Сибирской жизни» на немецком языке⁷⁸⁶. Сообщения, предназначенные для более широкой аудитории (например, об устройении лютеранским обществом семейного вечера и проч.), были на русском⁷⁸⁷. Таким образом, немецкий являлся языком корпоративного об-

⁷⁸¹ Шостакович Б.С. К вопросу об употреблении слова «диаспора» в значении научного термина // Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири. Тезисы докладов Международной научно-практической конференции, 6-8 октября 1994 г., г. Иркутск / Отв. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: изд-во ИГУ, 1994. С. 20.

⁷⁸² Сибирская жизнь. 1904. 21 сент.; 1907. 25 авг.; 1908. 12 июля; 1914. 1 марта.

⁷⁸³ Там же. 1898. 6 фев.; 1902. 27 июня; 1908. 21 фев.; 1911. 25 янв.; 1912. 21 окт.

⁷⁸⁴ Там же. 1911. 28 янв.; 1914. 1 фев.

⁷⁸⁵ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 170. Оп. 1. Д. 2154. Л. 4, 12 и др.

⁷⁸⁶ Томский листок. 1897. 7 фев.; Сибирская жизнь. 1897. 5 нояб.; 1898. 7 фев., 22 сент.; 1899. 22 янв., 16 сент., 16 окт.; 1900. 5 фев.; 1901. 14 фев.; 1903. 23 марта, 17 апр.; 1904. 13 апр., 16 сент.

⁷⁸⁷ Томский листок. 1897. 17 апр.

шения в среде лютеран г. Томска. Заметим, что схожим образом использовали свой родной язык и томские поляки. Однако после 1905 г. по каким-то причинам практика подобного двуязычия в информационных сообщениях томской лютеранской общины исчезает со страниц газет. Возможно, это было связано с революционными событиями в стране.

Как уже отмечалось, хронологически начало институализации немецкого диаспорального сообщества Томска можно связывать с серединой XIX в., когда в городе был образован церковный совет лютеранской общины. В 1864 г. завершилось строительство каменной лютеранской кирхи. В это время в Томске насчитывалось лишь около полусотни лютеран⁷⁸⁸, а самой многочисленной не православной конфессией были католики⁷⁸⁹. Отсутствие у томских немцев достаточной «критичной массы» (как иногда обозначают необходимую для становления диаспоральной общины численность ее членов исследователи⁷⁹⁰), затрудняло процесс институализации.

Ситуация заметно изменилась к концу столетия, когда число лютеран в городе увеличилось более чем в десять раз (в 1895 г. – 617 человек⁷⁹¹). Это позволило томской лютеранской общине обрести относительное финансовое благополучие, что, в свою очередь, дало возможность для продолжения дальнейшей институализации. У томских лютеран появилось свое кладбище, находившееся напротив женского монастыря по соседству с православным Преображенским и магометанским кладбищами (район современной ул. Вершинина)⁷⁹². Рядом с ним в 1896 г. была заложена часовня⁷⁹³.

Увеличение числа лютеран в городе стало основанием для перенесения резиденции лютеранского пастора из Барнаула в

⁷⁸⁸ Черказьянова И.В. Организация духовной жизни лютеран в Сибири: хроника событий (XVIII в. – 1919 г.) // Известия ОГИК музея. 2000. № 8. С. 217.

⁷⁸⁹ Караваева А.Г. Кирха Святой Марии // Томск magazine. 2005. № 4. С. 24.

⁷⁹⁰ Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М.: ИВ РАН «Крафт+», 2001. С. 48.

⁷⁹¹ Томский справочный листок. 1895. 25 янв.

⁷⁹² Адресно-справочная книжка «Весь Томск» на 1911–1912 гг. Томск. С. 32; Путеводитель по г. Томску и его окрестностям. Томск. С. 22; «Томск в кармане»: Справочная книжка и адрес-календарь г. Томска. Томск, 1902. С. 24.

⁷⁹³ Пашкова Н.В., Рейно Л.А. Из истории лютеранской общины г. Томска // Немцы Сибири: история и культура. Омск: Омский гос. ун-т, Сибирский филиал Российского ин-та культурологии, ООО «Аркор», 2002. С. 234.

Томск, отчего последний стал и формальным, и фактическим центром лютеранства в губернии⁷⁹⁴. Как правило, пастором в приходе служил выпускник богословского факультета Дерптского университета. Институт пасторства выполнял несколько функций. Основной была, разумеется, религиозная. Но помимо своих прямых обязанностей пасторы также участвовали в управлении церковным приходом⁷⁹⁵ и занимались преподаванием⁷⁹⁶. Их деятельность предполагала оплату, которая складывалась из трех частей: жалованья из Вспомогательной кассы для Евангелическо-Лютеранского общества в России, квартирных денег от Томской евангелическо-лютеранской общины и доходов с треб⁷⁹⁷.

Территориальная обширность Томско-Барнаульского прихода заметно усложняла работу пастора. Это признавала Евангелическо-Лютеранская Генеральная консистория в Москве, которая в своем отчете за 1911–1912 гг. отмечала, что «на исключительно тяжелые условия наталкивается богослужбная жизнь в приходах *диаспоры* (выделено мной. – Г. А.), в коих проповеднику приходится проезжать громадные расстояния, чтобы доехать до места пребывания прихожан, так, напр., ... в отчетном году Томский пастор проехал 15 000 верст»⁷⁹⁸.

Хозяйственной частью томского лютеранского прихода ведал Церковный совет (Kirchenrat), во главе которого стоял председатель (Präsident). В Совете имелись и другие должностные позиции: товарищ председателя (Vice President), секретарь, казначей, а также рядовые члены Совета и члены ревизионной комиссии. С 1913 г. к приведенному списку добавились управляющий церковными домами и управляющий кладбищем⁷⁹⁹.

В Церковный совет томского лютеранского прихода входили представители различных социальных слоев: от губернатора до булочника. Состав совета часто менялся, за 1908–1915 гг.

⁷⁹⁴ Черказянова И.В. Организация духовной жизни лютеран в Сибири: хроника событий (XVIII в. – 1919 г.) // Известия ОГИК музея. 2000. № 8. С. 218.

⁷⁹⁵ Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. С. 123.

⁷⁹⁶ Там же. С. 122.

⁷⁹⁷ ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 920. Л. 3.

⁷⁹⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 851. Л. 199 об.

⁷⁹⁹ Памятная книжка Томской губернии на 1911 год. С. 39; на 1912 год. С. 40–41; на 1913 год. С. 38; на 1914 год. С. 36.

его членами побывали 27 человек⁸⁰⁰. Некоторые не задерживались дольше, чем на год, другие, напротив, были в этом смысле «долгожителями». Практически бессменными, например, были казначей Церковного совета Э.Ф. Рейтенбах и секретарь В.В. Граве⁸⁰¹. Такая ротация свидетельствует об активности общины в вопросах организации своей жизни. Но в 1914 г. впервые осталась вакантной одна из должностных позиций, число членов Совета заметно сократилось⁸⁰², и, судя по всему, в 1915 г. уже не было перевыборов, поскольку состав Совета фактически остался прежним⁸⁰³. Этот спад активности, по всей видимости, был обусловлено началом Первой мировой войны и принимаемыми в связи с этим мерами дискриминационного характера в отношении немецкого населения Российской империи.

Церковный совет вел финансовые дела общины и распоряжался ее имуществом. Кроме того, он был уполномочен представлять ее интересы. От имени Церковного совета велась деловая переписка с Генеральной консисторией, центральными и местными властями, прихожанами и проч.

Решение наиболее важных для общины вопросов принималось на общих собраниях прихожан евангелическо-лютеранской церкви Св. Марии. Частота их проведения, а также их посещаемость прихожанами позволяет судить о сплоченности лютеранской общины. Благодаря объявлениям Церковного совета в местной прессе, удалось установить, что собрания происходили, как правило, два раза в год: в промежуток с января по апрель и второй раз осенью⁸⁰⁴.

Круг обсуждаемых вопросов в основном не менялся. Обычно собравшиеся выслушивали итоговый отчет за прошедший год и обсуждали смету на текущий, выбирали членов Церковного совета (всех или нескольких). Причем выборы членов

---

⁸⁰⁰ Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. С. 123; на 1911 год. С. 39; на 1912 год. С. 40-41; на 1913 год. С. 38; на 1914 год. С. 36; на 1915 год. С. 67.

⁸⁰¹ Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. С. 123; на 1911 год. С. 39; на 1912 год. С. 40-41; на 1913 год. С. 38; на 1914 год. С. 36; на 1915 год. С. 67.

⁸⁰² Там же. На 1914 год. С. 36.

⁸⁰³ Там же. На 1915 год. С. 67.

⁸⁰⁴ Томский справочный листок. 1895. 26 янв.; Сибирская жизнь. 1897. 5 нояб.; 1898. 7 фев., 22 сент.; 1899. 24 янв., 16 сент.; 1900. 5 фев.; 1901. 19 фев.; 1903. 23 марта; 1904. 13 апр., 16 сент.; 1909. 10 марта; 1910. 4 марта; 1911. 19 марта; 1914. 25 апр. (часть объявлений на немецком языке).

Совета иногда проводились по два раза за год. Обсуждались и другие вопросы, например, о создании рабочего дома и установлении платы за место на кладбище⁸⁰⁵, о жаловании пастора, перестройке и расширении церкви и пастората⁸⁰⁶ и проч. В начале 1900-х гг. на повестку дня регулярно выносился школьный вопрос (Schulfrage)⁸⁰⁷. В 1909 г. обсуждалось избрание пастора для Томско-Барнаульского района⁸⁰⁸, а в 1910 г. – выбор комиссии для возведения пристройки к церкви⁸⁰⁹. Точных данных о посещаемости общих собраний лютеранской общины ее прихожанами обнаружено не было, но известно, что, как минимум, дважды – в 1899 г. и 1903 г. – назначенное на определенную дату собрание переносилось почти на месяц⁸¹⁰. В 1899 г. это произошло в связи с низкой явкой прихожан⁸¹¹.

Одной из функций диаспоральной общины является культурное воспроизводство, что подталкивает к заботе о подрастающем поколении. В случае с лютеранами этот аспект приобретал еще и религиозный подтекст. Будучи протестантами, в своей религиозной жизни они исходили из тезиса о сознательном выборе в принятии веры, что означало обязательное владение грамотой. Последнее подталкивало к созданию собственной школы. Томским немцам удалось решить эту задачу в 1896 г., когда при активном участии пастора Альфреда Келлера было открыто частное начальное училища для детей лютеран⁸¹², которое явилось первой официально зарегистрированной городской немецкой школой в Сибири⁸¹³.

К 1900 г. в штате школы, которая к тому времени стала двухклассной, числилось, кроме самого пастора, пять учительниц:

⁸⁰⁵ Сибирская жизнь. 1897. 5 нояб. (объявление на немецком языке).

⁸⁰⁶ Там же. 1899. 16 окт.

⁸⁰⁷ Там же. 1903. 23 марта; 1904. 13 апр. (объявления на немецком языке).

⁸⁰⁸ Там же. 1909. 10 марта.

⁸⁰⁹ Там же. 1910. 4 марта.

⁸¹⁰ Там же. 1899. 16 окт.; 1903. 17 апр. (объявления на немецком языке).

⁸¹¹ Там же. 1899. 16 окт. (объявление на немецком языке).

⁸¹² ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 920. Л. 12; Обзор Томской губернии за 1896 год. С. 51; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1987 год. С. 198.

⁸¹³ Нам И.В. Жизнь в диаспоре (городские немцы Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871–1941 гг. М.: ЗАО «МДЦ Холдинг», 2002. С. 379; Черказьянова И.В. Школьное образование российских немцев (проблемы развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII–XX вв.). СПб.: Обществ. акад. наук российских немцев, 2004. С. 83.

три лютеранки и две православные⁸¹⁴. Состав учеников также не был однородным. Например, в сентябре 1903 г. состав первоклассников по вероисповеданию был следующим: 14 лютеран, 10 православных и 1 иудей, всего 25 человек⁸¹⁵. Обучение было платным, в 1897 г. учащиеся вносили по 3 руб. в месяц⁸¹⁶, в 1900 г. – по 3 и по 5 руб.⁸¹⁷, в 1904 г. плата составляла 15 руб. за полугодие⁸¹⁸. С 1900 г. «двухклассное начальное училище при Евангелическо-лютеранской церкви» начинает активно рекламировать свои услуги в местной периодической печати, привлекая учащихся⁸¹⁹.

С 1905 г. подобные объявления исчезают со страниц местной прессы. Однако лютеранское училище упоминается в обзорах Томской губернии за 1906 и 1907 г.⁸²⁰ Таким образом, по обнаруженным источникам трудно установить, когда именно закрылась школа, основанная пастором А.А. Келлером. Можно лишь предположить, что ее деятельность окончательно прекратилась в связи с отъездом из Томска в 1908 г. пастора Р.К. Дальтона.

Диаспоральным институтом, нацеленным на заботу о подрастающем поколении, был открыт в 1897 г. приют для детей-сирот лютеранского вероисповедания. Его цель, согласно утвержденному в 1899 г. Уставу, заключалась в том, чтобы «ограждать от телесной и душевной гибели бедных и испорченных детей, развивать их разум и воспитывать их полезными членами общества»⁸²¹. Воспитанниками были в основном дети ссыльно-поселенцев⁸²². Недостатка в подобных заведениях в Томске не наблюдалось. На тот момент в городе функционировало пять детских приютов⁸²³. Однако томские лютеране пред-

⁸¹⁴ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1900 год. С. 171.

⁸¹⁵ Сибирская жизнь. 1903. 5 сент.

⁸¹⁶ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1897 год. С. 198.

⁸¹⁷ Там же. На 1900 год. С. 171.

⁸¹⁸ Сибирская жизнь. 1904. 17 авг.

⁸¹⁹ Там же. 15, 17, 18 авг.; 1902. 14, 15 авг.; 1903. 17, 19, 20 авг.; 1904. 17, 18 авг.

⁸²⁰ Обзор Томской губернии за 1906 год. Томск, 1907. Ведомость № 9; Обзор Томской губернии за 1907 год. Томск, 1909. Ведомость № 9.

⁸²¹ Сибирская жизнь. 1899. 29 янв.

⁸²² Там же. 12 марта.

⁸²³ Адресно-справочная книжка «Весь Томск» на 1911–1912 гг. С.141; Обзор Томской губернии за 1892 год. Томск, 1893. С. 64; Обзор Томской губернии за 1893 год. Томск, 1894. С. 73; Обзор Томской губернии за 1902 год. Томск, 1904. С. 48; Томский справочный листок. 1894. 30 сент.

почли организовать собственный приют. Туда принимались воспитанники обоего пола: бедные и сироты в возрасте от 4 до 15 лет. После конфирмации лютеранское общество считало своим долгом устраивать их на хорошие должности⁸²⁴. Число воспитанников было невелико, например, в 1911 г., по разным данным, в приюте «призревалось» от 14⁸²⁵ до 19⁸²⁶ детей. В этом году на содержание приюта было израсходовано 2305 р. 55 коп.⁸²⁷, что составило примерно от 165 до 121 руб. в год на одного ребенка.

Создание своего приюта свидетельствует не столько об обособленности томских лютеран, сколько об их стремлении сохранить свою численность. Попади дети-сироты из семей лютеран в любое другое специализированное учреждение, надежды на сохранение ими конфессиональной (а, следовательно, и диаспоральной) идентичности практически не было. Посредством приюта община боролась за каждого потенциального своего члена.

Для поддержания приюта и школы томским лютеранским обществом регулярно проводились благотворительные мероприятия – рождественские базары⁸²⁸, спектакли⁸²⁹, концерты духовой музыки⁸³⁰, семейные вечера, на которых разыгрывались любительские постановки и устраивались танцы⁸³¹. Помимо вечеров отдыха в «пользу убежища для бедных детей» лютеранским обществом устраивались лотереи-аллегри, в которых розыгрыш призов производился сразу после покупки билета⁸³². Поступали пожертвования и со стороны⁸³³.

Но, начиная с 1901 г., сообщения о лютеранских благотворительных мероприятиях исчезают со страниц томских газет. Причина, видимо, крылась в том, что в 1901 г. Министерством внутренних дел были изданы «Правила о порядке выдачи разрешений на лотереи и наблюдения за их разыгрыванием», в которых требования к проведению лотерей и других подобных ме-

⁸²⁴ Адресно-справочная книжка «Весь Томск» на 1911–1912 гг. С. 140–141.

⁸²⁵ Адресно-справочная книжка «Весь Томск» на 1911–1912 гг. С. 141.

⁸²⁶ Город Томск. Томск, 1912. С. 87.

⁸²⁷ Там же.

⁸²⁸ Сибирская жизнь. 1897. 17 дек.

⁸²⁹ Там же. 1898. 29 янв., 6 фев.

⁸³⁰ Там же. 1900. 1, 4 апр.

⁸³¹ Томский листок. 1897. 23 апр.

⁸³² Сибирская жизнь. 1899. 12 нояб., 9 дек.

⁸³³ Там же. 1903. 19 нояб.

роприятий значительно ужесточились. Теперь этим могли заниматься только официально существующие благотворительные общества и учреждения, а разрешение на проведение лотереи следовало получать у губернатора⁸³⁴. Этот законодательный акт существенно ограничил возможности лютеранской общины по устройению благотворительных мероприятий, и несколько лет сообщений о них в прессе не появлялось.

Возможно, именно этим обстоятельством и было вызвано образование в 1905 г. Томского евангелическо-лютеранского дамского благотворительного общества. Его целью являлось «доставление средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных евангелическо-лютеранского вероисповедания в Томской губернии без различия пола, возраста, звания и состояния»⁸³⁵. В 1910 г. в обществе числилось 34 члена, плативших в качестве взноса 3 руб. в год⁸³⁶. Бессменным председателем была Екатерина Георгиевна Рокачевская. Томское евангелическо-лютеранское дамское благотворительное общество, как установила И.В. Нам, было единственной благотворительной организацией такого рода в Сибири⁸³⁷.

Вместе с тем появление дамского лютеранского благотворительного общества было закономерным для начала XX в. Это время для российского общества ознаменовалось ростом гражданского самосознания, существенным оживлением общественной жизни. Исследователи отмечают, что наиболее активно в этом направлении действовали те категории населения, которые по различным причинам были дискриминированы в правовом отношении. Одной из таких категорий были женщины, которые также стремились компенсировать недостаток прав активным участием в общественно значимых проектах⁸³⁸. В этом смысле образование общества дам-лютеранок было, что называется, в духе эпохи.

---

⁸³⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 20. Л. 2-2 об.

⁸³⁵ Адресно-справочная книжка «Весь Томск» на 1911–1912 гг. С. 100-101.

⁸³⁶ Там же. С. 101.

⁸³⁷ Нам И.В. Жизнь в диаспоре (городские немцы Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871–1941 гг. М.: ЗАО «МДЦ Холдинг», 2002. С. 381.

⁸³⁸ Брэдди Дж. Добровольные ассоциации, гражданское общество и самодержавие в поздней имперской России // Российская история. 2011. № 2. С. 5.

Сразу же после образования общества в ведение дам-лютеранок был передан приют⁸³⁹. 13 февраля 1906 г. при приюте была создана школа, также содержавшаяся на средства дамского лютеранского благотворительного общества⁸⁴⁰. Членских взносов и пожертвований было недостаточно для содержания приюта и школы⁸⁴¹. Поэтому общество дам-лютеранок развило бурную деятельность по привлечению денежных средств. За период с 1905 по 1914 гг. им было организовано 9 крупных лотерей-аллегри⁸⁴², чистая прибыль от каждой из них стабильно составляла сумму в 1300–2000 руб.⁸⁴³

Этот успех дам-лютеранок у томской публики еще более впечатляет, если учесть, что по данным на 1912 г. в Томске функционировало около 80 общественных организаций, 25 из которых были посвящены исключительно благотворительности⁸⁴⁴. Но даже в условиях такой конкуренции общество дам-лютеранок сумело привлечь денежные средства на свои нужды. Помимо самостоятельно организованных мероприятий и пожертвований от частных лиц⁸⁴⁵, в пользу лютеранского приюта и школы устраивались представления в цирке Боровской⁸⁴⁶. Актриса Императорского театра Е.М. Кирова давала спектакль с благотворительной целью помочь лютеранским сиротам⁸⁴⁷. А в театре «Буфф» вниманию публики была представлена драма «Честь» Зудермана, сбор с которой также пошел в распоряжение общества дам-лютеранок⁸⁴⁸.

Немцы Томска в своей общественной жизни не замыкались на институтах диаспоры. Многие из них являлись членами, председателями, попечителями различных общественных орга-

⁸³⁹ Сибирская жизнь. 1905. 5 мая.

⁸⁴⁰ Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. С. 194; Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год. С. 269.

⁸⁴¹ Например, в 1911 г. членские взносы и пожертвования составили всего 54 руб. (Город Томск. Томск, 1912. С. 87).

⁸⁴² Сибирская жизнь. 1905. 11 дек.; 1907. 11 нояб.; 1908. 21 нояб.; 1910. 6 янв.; 1911. 6 янв.; 1912. 6 янв.; 1913. 6 янв.; 1914. 6 янв.; Сибирская мысль. 1906. 10 дек.; Голос Томска. 1908. 28 окт.

⁸⁴³ Сибирская мысль. 1906. 21 дек.; Сибирская жизнь. 1907. 24 нояб.; 1908. 10 дек.; 1910. 9 янв.; 1911. 9 янв.

⁸⁴⁴ Город Томск. Томск, 1912. С. 96.

⁸⁴⁵ Сибирская жизнь. 1911. 20 апр.

⁸⁴⁶ Там же. 1899. 12 марта.

⁸⁴⁷ Там же. 1908. 4 апр.

⁸⁴⁸ Там же. 1912. 5 авг.

низаций. Рекордсменом в этом смысле был потомственный почетный гражданин и гласный городской думы Герман Иванович Ливен, который состоял в шести различных обществах⁸⁴⁹.

Таким образом, диаспоральные институты томских немцев функционировали и развивались вполне успешно. Ключевыми направлениями их деятельности были: 1) организация внутри-общинной жизни; 2) культурное воспроизводство диаспоры; 3) представительство диаспоры перед принимающим обществом. Образование диаспоральных институтов происходило как по инициативе сообщества, так и в ответ на изменение властями «правил игры». Немцы Томска вели активную общественную жизнь, а мероприятия, которые они организовывали, зачастую принимали общегородской масштаб и получали одобрение со стороны горожан. Это свидетельствует о том, что немцы не придерживались изоляционистских установок и легко контактировали с окружающими. В то же время наличие такого числа этноконфессиональных институтов, сопровождавших члена общины с детства до «гробовой доски» (приют – школа – церковная община – кладбище), свидетельствует о том, что томское немецкое сообщество стремилось сохранить свою самобытность и достигало в этом отношении существенных успехов.

5.2. Кто этнизирует мигрантов: принимающее общество или они сами? Институционализация мигрантского сообщества на примере выходцев из Кыргызстана в Улан-Удэ

Основной задачей данного текста является реконструкция социальных и культурных структур, с помощью которых мигранты приспособляются к новому «жизненному пространству», а также описание условий и общего контекста, в которых протекает их становление. Происходит ли освоение и присвоение этого пространства (конечно, в социокультурном понимании, а ни в коем случае не в политическом или правовом смысле)? Или

⁸⁴⁹ Томское местное управление Российского общества Красного Креста, Томское общество (Патронат) покровительства лицам, освобождаемых из мест заключения, Томское общество защиты женщин «Пчельник», общество вспомоществования нуждающимся ученикам Томской мужской гимназии, Томское общество борьбы с детской смертностью, Томское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов (Памятная книжка Томской губернии на 1912 год. С. 25, 102, 104-105, 107, 109, 111-112).

это пространство остается чужим? Или идет процесс формирования специфических транснациональных и транслокальных социально-пространственных структур, о которых так модно стало сегодня говорить⁸⁵⁰?

Эмпирической базой являются материалы, собранные в 2008–2012 гг. в г. Улан-Удэ. Объектом исследования являются выходцы из Центральной Азии, причем основное внимание было сконцентрировано на выходцах из Кыргызстана.

Избранная исследовательская площадка довольно своеобразна и нетипична с точки зрения анализа миграционных процессов, как в России, так и в Байкальской Сибири. Но именно эта нетипичность, явное выпадение из доминирующих миграционных трендов, создает удобную возможность наблюдения и фиксации таких аспектов социокультурной адаптации мигрантов, которые либо нечетко просматриваются, либо вовсе выпадают из поля зрения специалистов, занимающихся данной проблематикой на материалах «классических» центров притяжения миграционных потоков.

Примерно та же логика лежала в основе выбора киргизских мигрантов в качестве основного исследовательского объекта. Размеры миграционного потока из Киргизии в Улан-Удэ и Бурятию вряд ли дают корректное представление о формах и масштабах трудовой иммиграции в целом – его интенсивность меньше, чем, например, у узбеков и тем более он не сопоставим с размерами китайской миграции⁸⁵¹. Данный пример интересен не в плане каких-либо стратегических и геополитических раскладов или социолого-количественных характеристик, а тем, что движение волны киргизской миграции в России с Запада на Восток можно наблюдать в режиме реального времени. И что особенно примечательно, есть основания предполагать, что параллельно

---

⁸⁵⁰ О концепции транснационализма и транслокальности смотрите подробнее: Кайзер М., Бредникова О. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграции и национальное государство / Под ред. Т. Бараулиной, О. Корпенко. СПб.: ЦНСИ, 2004. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.cisr.ru/migrati-on.html> (режим доступа: свободный).

⁸⁵¹ В качестве примера можно привести статистические данные ФМС по Бурятии. Так, в 2008 году в республике на учете в органах ФМС стояло 1261 человек из Киргизии (3,2 % от общей численности иностранных граждан), 3400 (8,7 %) человек из Узбекистана и 12 015 (30,7 %) – из Китая. Доля киргизских мигрантов в общем потоке миграции составляет, таким образом, от 3 до 5 %.

географическому проникновению на российский восток киргизская миграционная волна эволюционирует еще и в социальном отношении⁸⁵²: механическому перемещению в пространстве сопутствуют активные процессы формирования неформальных социальных структур, а местами дело доходит уже и до их юридической институционализации. Кроме того, мигранты из Средней Азии оказывают гораздо большее влияние, чем китайцы, на социокультурный ландшафт региона. В силу общего советского прошлого, они более эффективно адаптируются в принимающем обществе, их миграционные стратегии, как правило, более серьезны и долговременны, их количество, быть может, незначительно, но постоянно растет. Прямо у нас на глазах мигрант-гастарбайтер из безликого и безмолвного «дворника» или «строителя», приезжающего на заработки только летом и живущего где-то в вагончике или подвале, уже превратился в заметную фигуру повседневности. Иная речь, иная культура, иные поведенческие нормы становятся осязаемыми для обывателя, что не может не приводить к сложным социокультурным коллизиям, когда равнодушие (нулевая толерантность) становится отнюдь не единственным модусом восприятия – появляется еще и страх как реакция на «чужое», а за ним – неприятие, протест и агрессия.

Появление первых выходцев из Кыргызстана в Улан-Удэ приходится на рубеж XX–XXI вв. До середины первого десятилетия их численность была совсем незначительна, но заметно увеличилась в его второй половине и на данный момент не превышает 4500–5000 человек. Зато в плане социального развития и самоорганизации мигрантского сообщества киргизы за этот период претерпели кардинальную трансформацию: статистическая совокупность, если таковая и была, очень быстро превратилась в «реально» существующее сообщество, спаянное огромным количеством связей социального, культурного, экономического характера. Можно утверждать, что на данный момент киргизская община Улан-Удэ представляет собой сложный многоуровневый социальный механизм, одна из важнейших функций которого – адаптация мигрантов в среде принимающего общества.

⁸⁵² Во всяком случае, такое впечатление создается на основе личных полевых наблюдений, обсуждений с коллегами и после разговоров с представителями органов ФМС Бурятии.

Низовыми звеньями этой системы являются локальные группы мигрантов, связанные узами дружбы, родства и землячества, а венчает ее формально институционализирующаяся национально-культурная организация.

На протяжении всего десятилетия можно было наблюдать интенсифицирующийся процесс консолидации выходцев из Кыргызстана. Этот процесс во многом выстраивался по этническим линиям, то есть его можно охарактеризовать как выраженную этнизацию рассматриваемого сообщества.

С одной стороны, этничность становилась удобной организационной формой консолидации для самих мигрантов, позволяющей переступить или элиминировать границы и барьеры, разделявшие их. Этот концепт предоставлял в руки лидеров удобный, понятный и разделяемый всеми членами общины культурный материал, с помощью которого легко было конструировать групповые границы. Национальная идентичность («мы – выходцы из Кыргызстана»), традиционная культура и социальность и даже некоторые элементы современной светской культуры, которые являются не столько культурным достоянием собственно кыргызов, сколько общим наследием советского периода, используются в качестве важных и эффективных механизмов интеграции мигрантского сообщества. Причем эта интеграция происходит как на внутривыделочном (Улан-Удэ, Бурятия), так и на межрегиональном уровне (киргизские «диаспоры» разных сибирских городов и регионов активно взаимодействуют между собой, так что можно говорить о начале процесса складывания киргизской диаспоры России). И в этом смысле этнизация киргизской общины – внутренний продукт деятельности ее членов.

С другой стороны, концепт этничности стал востребованным и для принимающего общества: властные структуры – в лице муниципалитетов, профильных комитетов правительства РБ, силовых ведомств (ФМС, МВД, ФСБ), – сами заинтересованы в категоризации данной группы мигрантов посредством терминов этничности. Подобная категоризация помещала мигрантов в некий обыденный и удобный для восприятия чиновников контекст, после чего можно было выстраивать «понятные» практики управления и контроля. Кроме того, этнизации мигрантского сообщества способствует еще и общий идеологический кон-

текст. Мультикультурализм, как политическая практика и как специфичная манера самопрезентации принимающего общества, способствует созданию благоприятных институциональных условий для актуализации и воспроизводства этничности мигрантов. В этом смысле, этнизация мигрантского сообщества, несомненно, является результатом воздействия институтов принимающего общества, а этничность перестает быть «внутренним и аутентичным» продуктом общины, и приписывается мигрантам извне, то есть в какой-то степени становится навязанной.

И в том, и в другом случае очевидна конструируемая природа этничности, однако несколько за кадром остается проблема осмысления того типа социальных связей, которые практикуются внутри мигрантского сообщества. Какой формат социальных взаимодействий оно экспортирует в среду принимающего общества? Может ли такой экспорт стать причиной возникновения новых вызовов, а быть может, даже и угроз для него?

Миграционная ситуация в Бурятии

Прежде чем ответить на поставленные вопросы, рассмотрим вкратце общую миграционную картину, сложившуюся в Бурятии в 2008–2012 гг.⁸⁵³

Весь обозначенный период характеризовался постоянным ростом населения республики – оно увеличилось с 959,9 тыс. человек в 2008 г. до 972,2 тыс. в 2011. При этом показатели миграционного прироста стабильно оставались отрицательными: миграционная убыль составляла 2,6 тыс. человек в 2008 г., 1,5 тыс. человек в 2009 г. и 3,2 тыс. человек – в 2010 г. Правда, наметился миграционный прирост городского населения: в 2009 г. он составил 0,5 тыс. человек, а в 2010 – 1,6 тыс. человек; впрочем, этот прирост полностью обусловлен внутрирегиональной сельско-городской миграцией. Количество иностранных мигрантов, поставленных на миграционный учет по месту пребывания органами ФМС, все это время возрастало. В 2011 г. в республике насчитывалось 40 822, а в первом полугодии 2012 г. – 20 303 ино-

⁸⁵³ Статистические данные взяты из отчетов территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. [Электронный ресурс]: URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/ (режим доступа: свободный) и из сводных годовых отчетов УФМС по РБ. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.ufmsrb.ru/0ufms/Stat%20danye/> (режим доступа: свободный).

странных граждан. Собственно, трудовые мигранты при этом составляли в 2010 г. 4959 человек, в 2011 г. – 5299 человек, в первой половине 2012 г. – 4123 человека.

Наиболее значимыми странами-донорами для республики являются Китай (в 2011 г. оттуда приехало 10 662, а в первой половине 2012 – 5752 человека), Монголия (соответственно, 16 369/5055) и Узбекистан (4796/5310); мигранты из Кыргызстана занимают в этом рейтинге стабильное четвертое место (2025/875). При этом совокупная доля иностранной рабочей силы в численности экономически активного населения республики в 2011–2012 гг. составила не более 0,9 % (по сведениям Бурятстата, численность экономически активного населения в июне 2012 г. соответствовала оценке 451,3 тыс. человек, или 46,1 % общей численности населения республики) и, по мнению ФМС, не являлась «дестабилизирующим фактором регионального рынка труда»⁸⁵⁴.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что значимость миграционной составляющей в демографическом и экономическом развитии Бурятии преувеличивать не следует. Она совсем не является фактором роста населения республики, ее роль не очень велика в формировании структуры рынка труда. Иными словами, Бурятию нельзя назвать примером ярко выраженного притягательного для мигрантов региона. Тем не менее, миграционный приток не так уж мал и довольно стабилен, и нет никаких оснований полагать, что его объемы будут снижаться. Во всяком случае, пример Узбекистана и Кыргызстана свидетельствует о постоянном и стабильном росте среднеазиатской миграции. Так, в 2008 г. в республику прибыло 405 выходцев из Киргизии, в 2009 – 962, в 2010 – 1529, в 2011 – 2205, и наконец, в первой половине 2012 г. – 875 человек. Если верить оценкам лидеров общины, в середине 2012 г. в республике насчитывалось около 5000 выходцев из Кыргызстана; около 3000 из них постоянно проживают в Улан-Удэ, остальные рассредоточены по сельской местности Бурятии.

Социогенез мигрантской общины

Возвращаясь к вопросам, сформулированным выше, заметим, что на них трудно ответить без анализа социальных отно-

---

⁸⁵⁴ Аналитический обзор миграционной ситуации и деятельности УФМС России по Республике Бурятия по реализации государственной политики в сфере миграции в регионе в 1 полугодии 2012 года.

шений, которые связывают между собой всех членов мигрантской общины. Можно ли в принципе назвать всех выходцев из Кыргызстана в Бурятии общиной? Обладают ли они общей идентичностью, имеют ли общее поле коммуникации, иными словами, есть ли у них социальные механизмы, превращающие их в общность? Или это механическая сумма индивидуальных стратегий, статистическая величина, отдельные составляющие, которой ничем не объединены?

Имеющийся эмпирический материал недвусмысленно свидетельствует о том, что мигрант сразу с момента своего приезда, а точнее, даже и раньше – тогда, когда принимается решение о приезде, – оказывается включенным в групповые сети:

В основном как вот получается: неважно там, киргизы или узбеки; они приезжают семьями – там, братья, сестры. Им легче, получается, – работают вместе, сплоченно, дружно. Капитал накапливают и обратно уезжают, там обустраиваются – в Киргизии, у себя на родине. (Бузеля, 2008)

...в Сибири получилось так, что южане притащили своих... родственников... Просто поток мигрантов получается отчего? С деревни толпа уходит, да? Куда уехали они, например, да? В Улан-Удэ, заработать! Кто-нибудь звонит, говорит – эй, тут стройка есть, тут 500–700 долларов зарабатываешь! И на заработки приходят, конечно. (Доорбек, 2012)

Принятие потенциальным мигрантом решения о приезде – на время или навсегда – во многом обуславливается фактом наличия в «пункте приема» родственников или, по крайней мере, прямого или опосредованного контакта с кем-нибудь из «местных земляков»⁸⁵⁵. Короче говоря, как подчеркивают почти все

⁸⁵⁵ «... на микроуровне на миграционные решения влияет еще и наличие цепочек связей, соединяющих людей в пространстве. /.../ Когда механизм миграции уже запущен, социальные сети сами становятся одной из причин миграции, потому что обещают снизить издержки и риски, связанные с миграционным перемещением, и повысить отдачу от него. Сети образуют для мигрантов важный ресурс – с их помощью мигранты находят работу на новом месте, получают жилье и т. д. Миграция – это не просто акт осуществления индивидуальной мечты: между стремлением и решением уехать есть связующее звено – хоть какое-то ознакомление с более широкой социальной средой, чем та, что окружает человека при постоянном проживании в одном месте». См.: Пилингтон Х., Физакли А. Постсоветские миграции в контексте западных миграционных теорий // В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии / под ред. А.Р. Вяткина, Н.П. Космарской и С.А. Панарина. М., 1999. С. 78–98, 91, 94.

респонденты, большинство мигрантов приехали сюда к родственникам:

Ну, обычно кто приезжает? Родственники в основном. Чужие же не приходят. У кого брат приехал, у кого сестра. Родители. У кого знакомые двоюродные – вот так [Назира, 2010].

В основном-то родственники приезжают. Вот, у меня недавно племянник приехал. Гражданство получил. Женился на киргизке здесь уже. На работу устроился [Айша, 2010]

Родственники помогают решать и самые насущные проблемы первичного обустройства на новом месте. Они временно предоставляют новичкам свое жилье: «Например, мои родственники приехали – они у меня живут временно. Другие – у своих родственников» [Назира, 2010]; они помогают трудоустроиться: «Ну, сперва мы приехали. Нас встретили на вокзале брат со знакомыми. Ну, они нас познакомили со смежниками. Рассказали, какие здесь порядки, какие здесь понятия. Место нашли, арендовали» [Бузея, 2008].

Таким образом, практики первичной адаптации превращают родственников и земляков в главных союзников мигранта, что приводит к актуализации **локально-родственной идентичности**. Отметим мимоходом, что решение о миграции принимается либо индивидуально, либо в рамках семейной стратегии домохозяйства, что, понятное дело, свидетельствует об отсутствии в сознании и действиях мигрантов изначально заложенной установки на коллективистские «диаспоральные» модели социального поведения. Формирующиеся таким образом группы объединяют, в первую очередь, родственников, земляков и ближайших друзей. Важнейшая характеристика этих групп состоит в том, что они изначально по своей социальной природе являются **локальными**. Их возникновение нельзя рассматривать ни как следствие обще-разделяемой этнической идентичности, ни как результат конструирования диаспоры на месте прибытия; в социальном смысле они в большей степени замкнуты сами на себя. Это опять-таки подтверждается полевыми материалами. По словам одного из лидеров кыргызского национально-культурного центра, примерно до 2009 г. мигранты оставались один на один со всем комплексом тех специфичных проблем, которые возникали перед ними с момента приезда: «До этого [до образования

НКЦ. – П. В.] кто, где попался, что у него пропало – сами решали люди. Ну, там очень трудно было, до этого очень трудно было. Даже к обычному участковому зайти и спросить о помощи, или узнать про задержанного было трудно. Ну, сейчас хорошо, что все узаконилось, открыли свой культурный центр, и нас знают все компетентные органы» (Доорбек, 2012).

Наиболее наглядно демонстрируется отсутствие общей идентичности, и, что более важно, механизмов групповой мобилизации, а, следовательно, и социальных структур, способных обеспечить такую мобилизацию, в нижеследующей выдержке из интервью (Бузея, 2008):

И: И все эти три года, пока вы здесь, все на этом рынке – Тумэр Морин – работаете?

Р: Нет, на Саган-Морине стояла, на Элеваторе.

И: А почему оттуда ушли?

Р: А знаете как получается? Вообще-то аренда должна быть 3500 не больше. А китайцы места перепродают. Вот мы, например, платили и 8000, и 12 000, бывало и 16 000, бывало и 20 000, и 25 000 – как сезон пойдет. Это представляете, просто за торговое место, за аренду! В месяц. Это когда же началось-то? Года три назад. Там где сейчас боулинг, там были модуля старые. Раньше киргизов там вообще не было, там одни китайцы стояли. Потом киргизы попробовали и все туда ушли работать. Попробовали договориться с китайцами арендовать место. Ну, они сказали – 250 рублей в день. Смотрят – согласился. Ну, раз согласился, значит можно и больше. 300, 350, 500 рублей. Ситуация там уже до того дошла, даже местные у них – у китайцев, арендовали эти места за 500 рублей в день. Сейчас-то я не знаю, может и дешевле. Я там давно не стою.

И: А вы вот говорили, что киргизы искали себе место для работы. Это имеется в виду, что они как-то совместно эту проблему решали?

Р: Нет. В том-то и дело, что нет. Пробовали совместно решить, но видимо народ такой – мы люди такие – то ли не дружные, то ли что? Вот узбеки отличаются тем, что они все дружные. Вот они даже друг друга не знают, но вот узбек – все брат-брат. Они все делают сплоченно. А киргизы – нет. Каждый сам по себе, не при делах и все такое. Если бы было

наоборот, было бы все совместно – допустим, тебе не нравится, что ты стоишь весь день и платишь за это 500 рублей за место, ну соберитесь все – да? – сделайте собрание, да? У нас киргизов много... Китайцы же на этом бизнес делали – места перепродавали – соберитесь и договоритесь, что вот сегодня ни один киргиз не выйдет. Китайцам все равно же за места-то платить надо. Ладно, договорились, никто не будет выходить. Но один кто-нибудь выйдет и обязательно все испортит. Вот, так что такие попытки были несколько раз, но ничего не получилось.

Таким образом, в середине первого десятилетия XXI века выходцы из Кыргызстана в Улан-Удэ еще не представляли собой единой общности. Мигранты взаимодействовали между собой в большей степени в границах локальных групп, коммуникация между которыми, в свою очередь, была минимальна и не приводила к чему-то большому. Но к концу десятилетия ситуация изменилась, рост общей солидарности в 2009–2011 гг. стал едва ли не самым заметным трендом в социальной жизни киргизской общины Улан-Удэ. В этой связи интересно привести выдержки из двух интервью, взятых у одного и того же человека в 2007 и в 2009 г.:

И: А помощь в чем может выражаться?

Р: Ну, они товар дают на 10 дней, мы продаем. Через 10 дней мы им деньги отдаем.

И: А больше никак не помогаете друг другу?

Р: Помогаем... Ну, как, когда у нас товар кончается, они нам товар дают, мы деньгами возвращаем, а товар не отдаем.

(Чинара, 2007)

И: Чинара, а выходцы из Киргизии как-то собираются, есть у вас что-то наподобие землячества?

Р: Да. Даже наши обычаи держат они. Например, когда свадьба или еще какой-нибудь праздник. Приглашают друг друга в гости, вместе отмечают. Киргизы с киргизами.

И: Скажите, а в киргизской общине есть взаимопомощь. Друг другу помогаете?

Р: Да, если надо – помогают. Если проблемы какие-то деньги собирают.

И: А в каких случаях могут помочь?

Р: Ну, если женится кто-нибудь, или технику бытовую покупает, или трудности какие-нибудь – ну, там, заболел или домой надо съездить. Да, тогда все земляки собираются на маленькое такое собрание, деньги собирают и отдают, и домой отправляют.

И: А земляки – это те, которые из Оша?

Р: Нет, не только. Там и из Оша, и из Бишкека. Это все улан-удэнские киргизы. (Чинара, 2009)

Как видим из слов респондента, в 2007 г. вся помощь земляков сводилась к возможности предоставления товара под реализацию в бизнесе. В 2009 г. под помощью подразумеваются уже совместные групповые действия, далеко выходящие за рамки предпринимательского поведения. Также заметны преодоление узколокальных границ и рост общей идентичности. Наконец, в интервью, взятом в 2012 г. у одного из лидеров киргизской национально-культурной организации, рисуется картина уже вполне сложившегося сообщества, связанного большим количеством уз; сообщества, которое намеренно предпринимает действия для того, чтобы поддерживать свою социальную целостность (Доорбек, 2012):

Ну, в Бурятии, в общем, находится около 5000 киргизстанцев, из них около 3000 – в Улан-Удэ. И плюс все мигранты приезжают на заработки, на осенне-весенний период. Это не точно, но приблизительно. У нас все контакты есть – ФМС, МВД, представители диаспор других регионов – Омск, Томск, Новосибирск, Владивосток. Если кто потерялся, мы помогаем. Очень дружно работаем вот последние три года. Вот как представительство открылось. Раньше не знали, где выходцы из Киргизии, где живут. Раньше не знали, а сейчас всех знаем. Тем более вот спортивные мероприятия приближаются... Есть праздники республиканские киргизские – день суверенитета, 8 Марта. Концерты организовываем. Это праздники уже внутри диаспоры. Заказываем столы, ужин, вместе концерт делаем... Приглашаем эстрадных певцов из Киргизии... Ну, чтобы людям радость сделать.

Это сообщество обладает определенными формами социального контроля над своими членами («Раньше не знали где выходцы из Киргизии, где живут. Раньше не знали, а сейчас всех знаем»). Оно выстроило довольно эффективные связи и отношения, как с

органами региональной власти, так и с кыргызскими общинами из других регионов («У нас все контакты есть – ФМС, МВД, представители диаспор других регионов – Омск, Томск, Новосибирск, Владивосток»). Его лидеры предпринимая усилия для большей консолидации своих членов («Есть праздники республиканские кыргызские – день суверенитета, 8 Марта. Концерты организовываем. Это праздники уже внутри диаспоры. Заказываем столы, ужин, вместе концерт делаем»), причем используют для этого не только те элементы культуры, которые можно назвать сугубо этническими, главное – чтобы они позволяли эффективно осуществлять мобилизацию группы.

Этнизация мигрантского сообщества

Внутренняя консолидация мигрантских сообществ в принимающем обществе может иметь разные формы, но опыт российской действительности показывает, что чаще всего она происходит на основе этничности. Не исключением являются и кыргызские мигранты в Улан-Удэ. Как было заявлено выше, в процессе этнизации общины можно схематично выделить две составляющие: с одной стороны, актуализация этничности – это результат социальных практик самих мигрантов, в первую очередь, их лидеров; с другой стороны, этническая категоризация в отношении общины – это продукт деятельности принимающего общества. Ниже проиллюстрируем на эмпирическом материале как, по нашему мнению, действует механизм этнизации.

Чтобы описать первую из указанных тенденций, обратимся к опыту работы кыргызского национально-культурного центра в Улан-Удэ. Впервые такой центр под названием «Ала-Тоо» был зарегистрирован в 2004 г. Но до 2008 г. он в большей степени представлял собой фантом, который не проявлял заметной активности. НКЦ не имел связей с местной властью, никак не позиционировал себя в социально-культурном пространстве города и республики, одним словом, существовал только на бумаге. Затем в связи с принятием законодательных мер, ограничивавших возможности трудоустройства мигрантов, наметился их отток, что и вовсе привело к юридическому закрытию центра. Люди, лишённые возможности официального трудоустройства, были вынуждены вернуться на родину, а снижение численности общины делало проблему ее самоорганизации не актуальной. Наконец, в 2009 г. он прошел

процедуру перерегистрации, и после этого его активность заметно усилилась: *«Наши национально-культурный центр «Ала-Тоо» образовался в 2004 году... Потом наш центр знает, ...ну когда вышел закон о том, что работать могут только граждане России, неграждане работать права не имели ни в торговле, ни в строительстве... И тогда многие начали уезжать, а кто-то остался... У нас закрылся культурный центр – год не работал. С 2009 года мы возобновились»* (Доорбек, 2012).

Возможно, именно законодательные изменения в миграционной политике России и привели к активизации деятельности НКЦ. «Либерализация» миграционного законодательства по сути отменяла режим упрощенного получения российского гражданства, усложняла процедуру получения разрешения на временное проживание и вместе с введением системы квотирования рабочей силы превращала приезд и первичную адаптацию подчас в непосильную задачу для каждого отдельно взятого мигранта. В этих условиях НКЦ становился востребованной и едва ли не единственной официальной организационной формой, с помощью которой мигранты могли бы решать свои проблемы. Во всяком случае, почти весь спектр вопросов, связанных с приемом, обустройством и адаптацией вновь прибывших стал решаться на базе этой организации: *«Вообще, в уставе культурного центра – заниматься вопросами миграции нету! У нас там только участие в общественных мероприятиях и вопросы внутри общины. А миграции – это в Министерстве труда и занятости было, сейчас уже новое положение вышло, которое с МИДом РФ согласовано и с ФМС. И вот в рамках этого закона и работаем. Ну, вот, лично в обязанности моей должности входит... Ну, как, приезжают мигранты, сейчас поток мигрантов увеличился, все приезжают на заработки. Я занимаюсь тем, что помогаю своим землякам устроиться на работу, с регистрацией помогаю. И вот, вы видите сейчас, занимался получением пакета документов с ФМС, вместе сотрудничаем, получаю пакет документов, чтобы все законно было⁸⁵⁶»* (Доорбек, 2012). Причем посреднические услуги иногда выходят даже на первый план и становятся более приори-

⁸⁵⁶ Во время интервью, проводившемся в помещении кыргызского национально-культурного центра, одновременно работали сотрудники службы УФМС, которые вели прием с недавно прибывшими мигрантами. Эта практика сотрудничества между НКЦ и ФМС регулярна – один раз в неделю оформление документов ведется на базе НКЦ.

тетными по сравнению с иными аспектами деятельности НКЦ: *«И заодно наши культурный центр занимается разными делами, участвуем в региональных мероприятиях, в республиканских мероприятиях...»* (Доорбек, 2012).

Так или иначе, но такое положение вещей приводит к тому, что мигранты **из Кыргызстана** с самого начала попадают в сферу интересов **кыргызского НКЦ** – *«А в целом все нормально. Нас слушают, люди уже привыкли – кто приезжает, сразу отмечать и идут к нам. Именно сюда приходят, все телефоны наши знают. В последнее время мы тоже все записываем – кто приезжает, на какой срок, где остановился, где работает»*, – что не может не приводить к актуализации этнической категоризации и идентичности⁸⁵⁷. Последняя усиливается еще и за счет той манеры, в которой производятся действия по консолидации мигрантов. Причем конструирование этнической идентичности не ограничивается только улан-удэнскими мигрантами, в этот процесс включаются общины других регионов. Вот как это выглядит в рассказе информанта о деятельности НКЦ (Доорбек, 2012):

Футбольная команда наша вышла в одну восьмую финала чемпионата России, команда нашей киргизской диаспоры. В России проходит чемпионат киргизских команд по волейболу, мы два раза занимали второе место, два раза – первое. Сейчас тоже второй раз собираемся на чемпионат по волейболу, футболу, бильярду и национальной борьбе. Вот, это самое ближайшее мероприятие, готовимся ехать туда – в город Екатеринбург, там проходит всероссийский чемпионат среди киргизских команд, туда приезжают из 40 городов... Так что это получается именно чемпионат среди киргизских диаспор. Именно в Улан-Удэ мы организовали, со всеми диаспорами договорились, чтобы хотя бы близость была, чтобы со всеми диаспорами взаимоотношения были, чтобы связь держали. И для этого, вот – спорт. Он же всегда объединяет. Ну, вот, а первые мы организовали, в позапрошлом году, но тогда был чемпионат киргизских диаспор в Сибирском федеральном округе. Ну, а так сейчас у нас есть контакты, телефоны, электронная

---

⁸⁵⁷ По наблюдениям можно сказать, что эта картина типична не только для кыргызов, но и для остальных мигрантов из Средней Азии.

почта почти со всех регионов. Кто где находится, кто потерял родных-близких-знакомых. Всегда с консульством, с посольством связь держим.

В общем, национально-культурный центр и формирующаяся вокруг него община все больше этнизируются и начинают восприниматься не только принимающим обществом, но и самими мигрантами в качестве этнической группы. Этому процессу как нельзя лучше способствует (а быть может даже и запускает его в действие) институциональный порядок, сложившийся в самом принимающем обществе. Действительно, все публичные и властные институты, имеющие дело с миграционной проблематикой, действуют в направлении закрепления и легитимации этнического статуса мигрантов.

Например, в одном из отчетов УФМС России по Республике Бурятия в разделе, название которого уже говорит само за себя – «Взаимодействие с этническими сообществами и национально-культурными организациями по вопросам разъяснения требований...» – манифестируется важная цель: «... содействие интеграции иностранных граждан в российское общество». И этого предполагается достичь во взаимодействии именно «с представителями официально зарегистрированных в государственных органах **этнических сообществ**, /.../ с неформальными лидерами **национальных диаспор**...»⁸⁵⁸. Для этого, в частности, создан общественно-консультативный совет при УФМС, который исполняет роль площадки для диалога между чиновниками, работодателями и «представителями национальных объединений». Как выразился по этому поводу наш информант, *«вот сейчас заодно собираем совет по миграциям, туда входит начальник ФМС, заместитель начальника – им тоже легче, когда они с нами работают. Чем самим искать – где найти? Через нас им легче получается»* (Доорбек, 2012).

Восприятие мигрантов в терминах этничности свойственно и муниципалитетам. В этом смысле небезынтересно будет привести следующий пример из Улан-Удэнской действительности. Выходцы из Киргизии первоначально занимались торговлей на одном из городских рынков под названием «Сагаан-Морин», где

⁸⁵⁸ Аналитический обзор миграционной ситуации и деятельности УФМС России по Республике Бурятия по реализации государственной политики в сфере миграции в регионе в 1 полугодии 2012 года.

работали представители разных национальностей. В определенный момент – возможно тогда, когда между арендодателями-китайцами и торговцами-киргызами чуть было не разгорелся серьезный конфликт – руководство города и администрация рынка приняли решение перевести всех киргызов на отдельный специально для этого построенный рынок «Тумэр-Морин». Вследствие этого новый рынок превратился в ядро концентрации мигрантов из Кыргызстана, занимающихся торговым бизнесом.

И: Правильно ли утверждать, что все выходцы из Киргизии стараются работать в одном месте, скапливаются, так сказать, на определенном рынке?

Р: Ну, вот когда Тумэр-Морин строился, он изначально был предназначен для киргизов и узбеков, чтоб они там торговали. Потому что когда они на Саган-Морине работали, постоянно жалобы поступали, что места дорогие, китайцы их втридорога перепродают... Это видимо тоже, администрация заботится, чтобы до верха не дошло. Они отдельный рынок построили по своей собственной инициативе. Ну и изначально так было задумано и они сами так говорили – администрация – вот специально рынок для вас, езжайте туда и там работайте! Ну, вот киргизы туда и уехали...

И: А есть еще вот такие же точки концентрации?

Р: У киргизов и узбеков на Туяа еще. Две точки – Тумэр-Морин и Туяа⁸⁵⁹.

(Рашид, 2008)

Таким образом, этническая концентрация киргызов стала в данном случае не продуктом их собственных групповых стратегий, а появилась в результате внешнего административно-управленческого воздействия со стороны мэрии и бизнес-структур.

Наконец, одним из самых действенных механизмов институционализации этничности можно назвать политику мультикультурализма. Сила его легитимации настолько велика, что этничность очень быстро и порой почти нерелефлексивно для самих

---

⁸⁵⁹ К слову сказать, на данный момент в Улан-Удэ можно насчитать уже как минимум пять вещевых рынков, где сконцентрированы торговцы – выходцы из Кыргызстана.

акторов превращается в совершенно обыденную повседневную категорию восприятия.

В рамках этой политики в июне 2011 г. в Улан-Удэ был открыт Дом дружбы народов, представляющий собой «общественное учреждение, под крышей которого собрались представители всех национальных центров... В новом здании разместились 24 национальных центра. В ходе церемонии президент Бурятии Вячеслав Наговицын и председатель Народного Хурала Матвей Гершевич вручили новоселам и первый подарок – сертификат на приобретение компьютерной техники»⁸⁶⁰. В организационном плане это учреждение представляет собой место концентрации этнических активистов: *«Ну, а так, здесь в Доме Дружбы Народов мы со всеми связь держим – с еврейским, татарским, корейским, бурятским, даже со староверами – со всеми связь держим. Иногда их приглашаем на праздники, они нас приглашают. В прошлом году у татаров Сабантуй был, и мы там с концертной программой участвовали. У бурятов был праздник – тоже поздравили. Дни Киргизии прошли в Центральной библиотеке, там изготовили национальную куклу, концертную программу для студентов, про наших писателей лекция была... Ну, с администрацией города нормальные у нас отношения, с правительством. В общем надо знать, что мы всегда помогаем на благо Бурятии и Улан-Удэ»* (Доорбек, 2012).

«На презентации центра «Ала-Тоо», состоявшейся 31 марта в центральной городской библиотеке им. Калашникова города Улан-Удэ, **кыргызы** провели мастер-класс по национальной кухне. Здесь можно было попробовать каждое блюдо и получить его рецепт. Выступили юные таланты, которые подарили зрителям **свои национальные песни**»⁸⁶¹.

Короче, дискурс мультикультурализма очень эффективно превращает концепт этничности в центральную категорию социального взаимодействия, переводит его в социальные практики и затем способствует его укоренению в общественном сознании и институциональном строе общества.

⁸⁶⁰ В Улан-Удэ появился Дом дружбы народов // Байкал-Daily. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.baikal-daily.ru/news/16/27219/> (режим доступа: свободный).

⁸⁶¹ Леонова Л. Как добрые соседи: 2011 год объявлен в Бурятии годом Дружбы // Земляки. 2011. № 6. [Электронный ресурс]: URL: http://www.ufmsrb.ru/0ufms/voluntary_work/sovet_publicacii.php (режим доступа: свободный).

Итак, социальные практики мигрантов, действия их лидеров по консолидации мигрантского сообщества, административно-управленческие практики институтов принимающего общества и дискурс мультикультурализма – всё это в совокупности ведет к этнизации мигрантского сообщества. Формирующаяся таким образом диаспора быстро превращается в этническую группу и воспринимается в качестве таковой, как самими мигрантами, так и акторами принимающего общества. Этничность при этом становится не только формой (само)восприятия, но и реальным феноменом повседневности мигрантов. Это очень хорошо иллюстрируется следующими словами одного из наших информантов: *«У нас же как, в советское время в городе 70 % населения составляли русские, пока вся эта катавасия не пошла... А на киргизском, если я в детстве не общалась, то и говорить не умела. У нас как получается? Если родители в семье разговаривают на киргизском, то и дети говорят. А у нас в семье родители говорили на русском, ну и дети говорят на русском. А на киргизском я, как ни странно, научилась говорить здесь более-менее сносно. Ну и всё...»* (Бузеля, 2008).

Формат социальных отношений

Этнизация мигрантского сообщества – процедура в большей степени дескриптивная. Приписывание этнических атрибутов группе, её наделение (и самонаделение) этническими характеристиками позволяет всем участникам социальных взаимодействий «локализовать» её в определенной системе социальных координат, что, наверное, упрощает возможности её восприятия и коммуникации с ней. Но эта дескрипция мало что дает нам в плане понимания природы социальных связей, объединяющих мигрантов в социальную целостность. Какова система этих связей, какими сущностными характеристиками они обладают? Полномасштабная реконструкция социальных структур мигрантской общины – задача крайне сложная и едва ли выполнимая, по крайней мере, на имеющемся в данном случае эмпирическом материале. Но используя его, можно попытаться хотя бы схематично приблизиться к пониманию того, какой тип социальности они конструируют.

Первое, что бросается в глаза – это ярковыраженная ситуация транслокальности. Она часто оказывается едва ли не самым

значимым фактором, оказывающим влияние на все аспекты повседневной жизни – от экономического поведения до брачных стратегий, и свойственна почти всем категориям мигрантов – вне зависимости от их возраста, достатка и образования. Образ типичного трансмигранта можно представить из следующих слов нашего информанта:

Р: Они недавно приехали, на заработки только на весенне-осенний период. Зимой их не будет, потому что уезжают. Здесь морозы – холодно, они уезжают, мы-то здесь привыкли уже, сибиряки стали.

И: А они, как правило, идут в торговлю эти люди?

Р: Нет. Они получают патент – это продление времени пребывания иностранного гражданина и получение права на работу только в частном секторе – у физических лиц. У юридических лиц они не смогут работать. А у юридических лиц чтоб работать, надо иметь разрешение на временное проживание или вид на жительство или по квоте, которую выдают в ФМС. А эти люди работают на стройке – кому-то дом построить, кому-то коттедж, гараж. А в торговле таким людям нельзя работать. А для торговли надо иметь вот те документы, о которых я сейчас сказал. А эти мигранты приезжают на заработки, на осенне-весенний период (Доорбек, 2012).

Для небогатых людей трансмиграционные стратегии – это важная составляющая семейного бюджета: *«Ну, есть семьи, которые только живут от заработка детей, которые находятся в России. Есть такие бедные семьи тоже. Бедные семьи есть тоже, которые кто-то зарабатывают и отправляют деньги, семьи кормят»* (Доорбек, 2012). Естественно, эти стратегии плотно вписаны в экономический контекст домохозяйства мигранта:

Р: Я здесь три месяца бываю, потом туда уезжаю, потом опять. Но зимой-то, мне тоже уже 50 лет, возраст-то уже...

И: А, вот, вы говорите, 3 месяца здесь, 3 месяца на родине. А там чем занимаетесь?

Р: Там дома отдыхаю только, а муж работает у меня...

И: А вот когда вы сюда ехали, у вас план-то какой-нибудь был. Например, остаться... или просто поторговать да вернуться?

Р: Вернусь. Вот сейчас на ноги встанем и вернусь.

И: И как долго вы собираетесь еще здесь жить и работать?

Р: Пока не знаю. Детям-то хочу гражданство оформить... Пока они на ноги не встанут, буду здесь работать. Да и своим там надо помогать. У нас там хозяйство, корова (Чинара, 2007).

Но состояние транслокальности присуще и экономически преуспевающим мигрантам: *«Вот у нас в семье 9 детей – 2 сестры, 7 мужиков. Двое мы здесь находимся, остальные в Бишкеке. Ну, в Бишкеке, в деревне. У них свое... Один брат работает в правлении сельского совета, в сельской управе, другой там в школе работает. Старший брат остался на месте с матерью. Матери сейчас 81 год. У нее все свое хозяйство, всего хватает. А мы как приехали, так здесь и живем... У меня тоже ведь здесь квартиры нету – съемная квартира, а там у меня квартира – есть! И земельный участок есть. Вот хочу построить дом, как заработаю – так и построю! Там. У меня же гражданство киргизское» (Доорбек, 2012).*

Взаимозависимость миграционных стратегий и экономического положения семьи мигранта на родине настолько сильна, что позволяет говорить о формировании феномена **совокупного домохозяйства**. Это особый уклад, в рамках которого семейное хозяйство образуется из комбинации двух неразрывно связанных составляющих – экономической деятельности семьи в стране исхода и в стране приема. И, как кажется, социально-культурные эффекты распространения этого феномена будут иметь огромное влияние на социальный уклад общества в целом.

Этот процесс уже можно проследить на примере брачных стратегий мигрантов. Среди них высока доля молодых – тех, кому пора обзаводиться семьей. Поэтому свадьбы и регистрации браков – частое событие повседневной жизни мигрантов: *«У нас как, некоторые уезжают в Киргизию. Месяца два там поживут, женятся на своих – киргизках – и обратно приезжают» (Назира, 2010).* При этом для многих из них решение о создании семьи принимается в контексте ситуации транслокальности и обусловлено потребностями их совокупного домохозяйства: *«Я приехал сюда и планирую пожить здесь лет 8–10,*

а потом обязательно вернусь домой в Киргизию. А пока в ближайшее время, мне обязательно нужно жениться, привести невестку в дом, а то моя мама останется совсем одна, кто ей будет по дому помогать? Вот женюсь и потом сюда приеду. Моя мама уже в возрасте (ей 43), сейчас пока с ней моя сестра, но она скоро уедет учиться. Поэтому мне перед тем, как я вернусь сюда работать, нужно привести в дом помощницу» (Канимед, 2011). Такое положение вещей приводит, в частности, к эрозии моногамных браков и к укоренению проявлений полигамии. Так, один из наших информантов женат на коренной жительнице Бурятии, но у него также есть партнерша, приехавшая из Киргизии на заработки. Эта партнерша, в свою очередь, имеет мужа, находящегося в Киргизии, который занимается поставкой товара для бизнеса жены.

Транслокальность проявляет себя и в такой важной сфере жизни как похоронная обрядность. В мигрантском сообществе сложилась общепринятая норма, что умерших обязательно нужно хоронить на Родине: *«Киргиза обязательно будут хоронить на его родине, где бы он ни жил до этого, хоть в России, хоть в Америке. Его тело обязаны привезти домой – его родственники прежде всего, а если таковых нет, то земляки, друзья не должны оставить его на чужой земле. Ему нужно отдать последние земные почести. Хотя, если никого у человека нет, то, что поделаешь – похоронят там, где он жил. У нас случай был: у отчима умер одноклассник в поезде, ехали в Москву. Его тело нашли на четвертый день. Было лето, жарко. Он почти весь разложился, но его привезли домой, и даже обмыли, хотя он весь был как каша, завернули в саван»* (Канимед, 2011). Однако мусульманская традиция совсем не настаивает на такой сложной (и, прямо скажем, очень затратной) процедуре. С точки зрения ислама умершего можно и даже нужно хоронить там, где он окончил свой земной путь: *«Вот, по исламу специально я спрашивал муфтия республики Киргизия, имама /.../ Он очень образованный, очень общительный человек, мне показалось, как арабский шейх! Очень дружелюбный. Все четко объяснил! По исламу нельзя, оказывается! По исламу если человек умирает, мусульманин, да, я ему верю, он очень образованный – знает Коран наизусть полностью! По воспитательной части все законы*

шариата знает – четко! Он говорит, унести тело нельзя! Должен быть похоронен там, где умер. Это легче будет усопшему. Это по исламу – я сам слышал». А на вопрос о том, откуда же тогда в случае смерти человека появляется такое сильное стремление увести тело на родину, был получен ответ: «А у нас такая гордость есть или обычай: если я, например, оставлю родного брата здесь – похороню, поедешь, там у нас тебе стыдно будет – почему ты оставил своего родного брата? – из-за этого. Из-за гордыни или по обычаю. Бывает, что хоронят здесь. Было 2-3 случая, что хоронят здесь – родных-близких нету, они давно здесь живут. Но в основном увозят. На машине, на самолете – кто как сможет. **Столько истратит, в долг возьмет, но увезет...** А так-то по факту оказывается можно и здесь хоронить по исламу. **Это получается не по вере, а по своему адаму, по старому обычаю...**» (Доорбек, 2012).

Иными словами, в культуре мигрантского сообщества сохранились (или ревитализировались?) архаичные элементы доисламской традиции. И с этой позиции похороны родного или близкого на родине – важное событие, сигнализирующее о том, что люди, совершающие это действие, разделяют культуру группы, подтверждают свою принадлежность к ней и прилагают немалые усилия для поддержания своего социального статуса в ней. Ради этого не считаются ни с финансовыми, ни с организационными затратами («**Столько истратит, в долг возьмет, но увезет**»), что можно интерпретировать как еще одно из проявлений традиционности общества – престижной экономики, в рамках которой материальные ресурсы служат лишь инструментом сохранения, подтверждения и укрепления социального статуса индивида внутри группы. Еще одним проявлением престижности экономики мигрантов выступает их иррациональность в растрате заработанных в России денег. В нарративах многих наших информантов воспроизводится сюжет о том, как заработанные здесь деньги (причем немалые по понятиям кыргызской действительности суммы) тратятся по возвращении на родину на проведение празднеств для родственников и земляков с той целью, чтобы продемонстрировать им, каких успехов добился человек, съездив в Россию. Порой в эти торжества вбухивается

все, что удалось заработать, что зачастую ставит под сомнение чисто экономическую природу миграционных стратегий.

Наконец, традиционность мигрантского сообщества отражается в его социальной организации, которая носит, как кажется, весьма жесткий иерархичный характер. Одним из первых свидетельств этого являются следующие слова нашей информантки, полученные «на входе» в поле:

И: Вот, мне бы побольше узнать о местной киргизской общине. Как общаются, какие проблемы совместно решают?

Р: О, это вы у взрослых спрашиваете, они лучше знают.

И: В смысле, как у взрослых – у старших? Есть такие?

Р: Да. Они все обычаи знают, людей своих знают (Назира, 2010)

В процессе все большего погружения в поле, подтверждения выше сформулированного тезиса обнаруживались и в других сферах повседневной жизни мигрантской общины: «У нас у киргизов старших молодые уважают. Вот я, например, уже отношусь к старшему поколению (после 40 лет). Поэтому, я уже не принимаю никакого участия в организации и приготовлении праздничного стола. Я даже близко не подойду. Все молодые делают – и барана заколют, и блюда разные приготовят /.../ Приготовление мясных блюд в культуре киргизов – это дело мужское. Женщина не должна готовить мясные блюда. Когда я вижу, что женщина готовит шашлык, у меня пропадают слова для выражения неодобрения и других негативных эмоций» (Аскар, 2011).

Иерархичность социальных структур мигрантов проглядывается не только в частной жизни, но и в их профессиональной деятельности. Большинство выходцев из Киргизии занимаются торговлей и с формально-юридической точки зрения действуют как самостоятельные предприниматели или наемные продавцы. Но помимо этого все они объединены в рамках неформальных экономических структур: торговцы каждого рынка образуют, по сути, отдельный коллектив, напоминающий (этнический) профсоюз по защите прав. Все эти коллективы, в свою очередь, находятся под контролем лидеров общины. Вот как это выглядит в нарративе нашего информанта:

И: Вы сейчас упомянули, что каждый рынок, коллектив рынка, есть старшины. Ну, вот я, как простой прохожий-

покупатель, всегда думал, что на рынках – каждый сам по себе. А оказывается, там люди тоже как-то объединены...

Р: Да-да-да...

И: А почему и зачем?

Р: Вот смотрите. Даже такие случаи бывают, да? Именно покупатели чем-то недовольны, да? Не все же хороший товар продают – в основном же китайский товар продают, некачественный. В основном все конфликты с покупателями из-за некачественного товара, иногда купил не то, иногда обманывают, иногда и покупатели не правы. И вот администрация всех рынков с нами связь держат. Если какие-то вопросы – вымогают получается, бывают такие случаи! – вот мы назначили старших, они разбираются. Если они не могут разобраться, тогда приглашают нас, чтобы тихо-мирно без конфликтов разобраться. Если мы не сможем – компетентные органы есть, потребительский комитет, есть милиция...

И: То есть, это, можно сказать, зачатки профсоюзов? Эти объединения направлены на то, чтобы защищать интересы работников рынков, можно так сказать?

*Р: Да-да, интересы. Люди знают. Например, на каком-то рынке кто-то ответственный человек, общительный, а кто-то хулиган, пьющий. В основном же **старшаками** мы на каждом рынке **назначаем** аксакалов, людей в возрасте. А там у них у каждого свои ребята есть, которые к нему прислушиваются. Сейчас сотовая связь есть, люди все знают – если что-то случилось, люди быстро приезжают (Доорбек, 2012).*

Описанные черты жизни мигрантов свидетельствуют о формировании особого типа социальности, для которого характерна ярко выраженная интенция к актуализации традиционных форм социальной организации. Конечно, архаизация социальных форм во многом обусловлена спецификой социального уклада страны исхода, но ситуация трансмиграции, как кажется, также создает весьма благоприятные условия для укоренения архаики и традиционализма в социальной повседневности мигрантских сообществ. В поисках эффективных путей адаптации к принимающему обществу ревитализация базовых групповых идентичностей и соответствующих социокультурных форм становится востребованной стратегией поведения группы.

Выводы: социальная структура мигрантских сообществ – архаика, неотрадиционализм или модернизация?

Как отмечает Оксана Карпенко, представители принимающего общества склонны оценивать мигрантов примерно следующим образом: «они не адаптированы и не желают адаптироваться к нашей культуре, продолжают следовать нормам поведения, существующим на их «этнической родине», игнорируя факт несоответствия. Они стремятся к замкнутости, ограничивая социальные контакты, в основном, земляками (“кланы”), не проявляют активности в поиске социальных связей, которые позволили бы им вписаться в наше общество»⁸⁶². Отсюда возникает идея о нарастании социокультурного отчуждения между мигрантами и коренными жителями: «Замкнутый образ жизни отдельных этнических общин и их нежелание воспринять образ жизни местного населения, способствуют возрастанию социокультурной дистанции между ними и “коренным населением”»⁸⁶³. В этих условиях процессы формирования диаспор ставят под вопрос успешность интеграции приезжих в российское общество. По мнению В.И. Дятлова, «в результате диаспорализации возможно формирование неких твердых “ядер”, непроницаемых для посторонних. Это предпосылка для “закукливания” мигрантов в рамках своих общностей, что явно может понизить их стремление к социокультурной интеграции в принимающее общество»⁸⁶⁴.

Более того, проблематичность позитивной интеграции мигрантов в российское общество обуславливается с этой точки зрения не только фактором социокультурных различий, но и, что, наверное, более существенно, их различием в типах социальных отношений: «Напрашивается гипотеза о том, что такое общинное образование закрыто от принимающего общества не только социокультурной и этнической чужеродностью, но и принци-

⁸⁶² Карпенко О. «Эти гости, похоже, контролируют сегодня всю рыночную торговлю»: концепция «этнической экономики» через призму российской прессы. [Электронный ресурс]: URL: http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik8/8r_karp.htm (режим доступа: свободный).

⁸⁶³ Российские дискурсы о миграции // Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». [Электронный ресурс]: URL: <http://www.polit.ru/research/2004/11/30/demoscope179.html> (режим доступа: свободный).

⁸⁶⁴ Дятлов В.И. Диаспора: исследовательская и общественно-политическая нагрузка на термин и понятие в современной России // Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике. Иркутск, 2010. С. 266.

пиально отличным типом социальных связей, регулирования и власти. Неизбежное и далеко идущее следствие формирования ядра общности в атомизированном, индивидуалистичном обществе – постоянный контакт и взаимодействие двух разных, возможно несовместимых типов социальной организации»⁸⁶⁵.

Однако не стоит забывать, что социальные практики мигрантов, приводящие к активизации процессов диаспорообразования и закреплению границ между ними и принимающим обществом, часто обусловлены не их собственным стремлением и тем более продуманной политикой к социокультурному отмежеванию, а являются реакцией на контакт с принимающим обществом и его институциональным строем. Рождающиеся при этом социокультурные формы могут напоминать и носить элементы архаики и традиционализма, но по сути таковыми не являются, поскольку возникают и актуализируются в процессе взаимодействия мигрантского и принимающего сообществ.

Практики взаимной адаптации мигрантов и принимающего общества превращают этничность в важный феномен современной социально-культурной жизни, а институционализация мигрантских сообществ протекает в форме этнизации. Само по себе это не плохо и не хорошо, просто раз уж есть такая форма (само)организации социального пространства, то почему бы ее и не использовать, тем более, если это удобно всем участникам социальных взаимодействий. Во всяком случае, пример кыргызских мигрантов в Улан-Удэ демонстрирует нам, скорее, опыт позитивной взаимной адаптации принимающего общества и этнизирующей диаспоральной группы. При анализе миграционных процессов, а тем более при попытках управлять ими, нужно, по-видимому, четко осознавать, что сложившиеся практики делают этническую систему категоризации неотъемлемой, глубоко инкорпорированной частью социального мира. Несомненно, это система обладает как минусами, так и плюсами, а вопрос о том, нужна ли такая система, подходит она или лучше что-нибудь поменять – скорее риторический, поскольку стихия общности свой выбор уже сделала. Да и нужно ли что-то менять?

---

⁸⁶⁵ Дятлов В.И. Указ соч. С. 266.

5.3. Национально-культурная автономия как современная форма самоорганизации этнических сообществ (на примере Томской области)

В 2011 г. исполнилось 15 лет Федеральному закону «О национально-культурной автономии». Его принятие стало знаковым событием для России. Государство и общество получили новый многообещающий инструмент реализации национальной политики. Сегодня национально-культурные автономии (НКА) являются значимым институтом формирования гражданского общества. На 1 января 2011 г. в Российской Федерации действовало более 800 НКА разного статусного уровня: 16 федеральных, 215 региональных, 593 местных, созданных 59 этническими общностями в 76 субъектах⁸⁶⁶.

Понятие «национально-культурная автономия» активно используется в общественно-политических и научных дебатах по этнической тематике. И уже забывается, что в Советском Союзе НКА как теоретическая разработка и как опыт ее осуществления в 1917–1922 гг., подвергались резкой критике и осуждались как реакционные, противоречащие марксистско-ленинскому решению национального вопроса в СССР.

Поэтому так важно рассмотреть накопленный за последние годы опыт практической реализации этой идеи, особенно в той ее версии, которая сформулирована в Законе «О национально-культурной автономии». Причем сделать это на примере местного сообщества, где, собственно говоря, и происходят реальные процессы этнической самоорганизации.

Возвращение идеи НКА

Своей реабилитацией идея НКА обязана эпохе «перестройки». Одним из первых ее заново «открыл» Г.Х. Попов, заявив о необходимости преодоления «исключительно административно-территориального и развитии экстерриториального подхода» в решении национального вопроса⁸⁶⁷. В этих целях «весьма по-

⁸⁶⁶ Стенограмма семинара-совещания Комитета по делам национальностей на тему: «15 лет национально-культурным автономиям: опыт и перспективы». [Электронный ресурс]: URL: <http://komitet2-4.km.duma.gov.ru/site.xp/052052124052055055.html> (режим доступа: свободный).

⁸⁶⁷ См.: Память и «Память». О проблемах исторической памяти и современных национальных отношений беседуют д-р экономических наук Г.Х. Попов и Никита Аджубей // Знамя. 1988. № 1. С. 202.

лезной была бы культурно-национальная автономия», включающая, говоря современным языком, «этнокультурный компонент» в школьном образовании и различные культурные мероприятия, организуемые национальными землячествами⁸⁶⁸.

С распадом СССР интерес к идее НКА возрос. Она активно вторгается в общественные и научные дебаты, привлекая все большее внимание политиков, ученых, экспертов⁸⁶⁹. Идея объявляется «эффективной мерой регулирования межэтнических отношений»⁸⁷⁰, «наиболее глубокой и действенной формой реализации прав и интересов национальностей»⁸⁷¹, способной «обеспечить поступательное развитие и совершенствование многонационального общества»⁸⁷² и т. п.

В ее трактовке, определении функций и задач, структуры и механизма деятельности НКА сразу же наметился широкий разброс мнений и подходов. Одни, основываясь на классическом понимании НКА, характеризовали ее как «поразительно гибкий механизм: люди добровольно ассоциируют себя с определенной культурной группой – это может быть конфессия, а может быть, и этнос. Человек может вообще никак не декларировать своей принадлежности к какой-либо группе, это в каком-то смысле даже выгодно – платить не надо. Но если он желает культурно и политически соучаствовать в жизни организованного политически этноса или конфессии, он себя объявляет принадлежащим к нему или к ней. Он участвует в выборах национального или

---

⁸⁶⁸ См.: Осипов А.Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. СПб., 2005. С. 65.

⁸⁶⁹ См.: Зубов А.Б. Советский Союз: из империи в ничто? // Полис. 1992. № 2; Львова Э.Л., Нам И.В., Наумова Н.И. Национально-персональная автономия: идея и воплощение // Полис. 1993. № 2; Они же. Национальные меньшинства: забытый исторический опыт и современные решения // Этнополис. 1993. № 2; Филиппов В.Р. Классическая концепция и ее современная интерпретация // Национально-культурная автономия: проблемы и суждения. М., 1998; Хабриева Т.Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации. М., 2003; Осипов А.Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. СПб., 2005; Степанов В.В. Национально-культурная автономия в России как идея и правовая норма // Правовые аспекты этнических отношений в России. М., 2004 и др.

⁸⁷⁰ Международный опыт регулирования национальных отношений // Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 11. С. 966.

⁸⁷¹ Тишков В.А. Стратегия национальной политики // Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 8. С. 683.

⁸⁷² Кукушкин Ю.С., Барсенков А.С., Вдовин А.И. и др. К вопросу о концепции национальной политики в РФ // Этнополис. 1992. № 1. С. 87.

конфессионального совета. И, наконец, он платит тот налог, который этот совет устанавливает. Непременное условие при этом – добровольность, что решает целый ряд неприятных в других условиях вопросов, например, вопрос об ассимиляции или, наоборот, о развитии национальной культуры. Этнос, который не хочет платить за национальные культурные институты, может спокойно, тихо и добровольно ассимилироваться, хотя никто его к этому не будет принуждать»⁸⁷³.

Другие исходили из узкого понимания НКА, заложенной первыми законодательными актами, определяя ее как «систему национального самоуправления в форме различных национально-культурных центров, обществ, союзов, объединений, способствующих свободному развитию национальной культуры, языка, школы и других общественных институтов, дисперсно проживающих в инациональной среде...»⁸⁷⁴

По-разному трактовались роль и предназначение НКА в системе государственного устройства и решении национальных проблем. Суть одного подхода выразил В.А. Тишков: «Не вместо, а вместе с национально-государственными образованиями национально-культурная автономия является важнейшей формой самоопределения народов Российской Федерации и условием осуществления основного принципа плюралистического общества – «единство в многообразии»»⁸⁷⁵. Несколько иначе трактовалась роль НКА в разработанном под руководством С. Алексеева и А. Собчака проекте Конституции РФ (1992 г.), предполагавшем федеративное устройство страны, где наряду с республиками существовали бы и губернии, а для национальных меньшинств – национально-культурные автономии. Были и предложения вообще отказаться от национально-территориального принципа государственного устройства в пользу сугубо территориального, а решение всех национальных проблем возложить на институт НКА.

⁸⁷³ Из выступления А.М. Салмина на конференции Института по изучению межнациональных отношений при журнале «Дружба народов» // Дружба народов. 1992. № 3. С. 189.

⁸⁷⁴ Саликов М.С. Национально-территориальные и культурно-национальные формы автономии: проблемы становления и реализации // Вестник МГУ. 1993. № 4. Сер. 11. Право. С. 44.

⁸⁷⁵ Тишков В.А. Стратегия национальной политики // Вестник РАН. 1993. Т.63. №8. С. 684.

В силу исторических причин возвращение НКА в политическую практику России в 90-е годы не было простым. Возрождение интереса к культурной автономии многими рассматривалось как опасная тенденция, направленная на обострение и разжигание национальной вражды. Сторонники радикального национально-территориального подхода вообще предпочитали не упоминать об исторической прецедентности НКА в России, справедливо усматривая в ней неудобную для себя альтернативу. Скепсис был настолько велик, что даже сторонники НКА пессимистически смотрели на возможность ее осуществления в России.

В дебатах начала 1990-х гг. понятие НКА закрепились в качестве размытого и многозначного. Его использовали для обозначения и общего принципа свободы этнически ориентированной общественной деятельности, и организационной формы, сходной с «персональными союзами» австромарксистов, и даже формы местного самоуправления. При этом количественно преобладали тексты, где «автономия» трактовалась широко – как свобода самоорганизации граждан в форме этнических общественных объединений⁸⁷⁶. Значительная часть возникших тогда политических партий включила лозунг национально-культурной автономии в свои программы.

Важным шагом на пути признания НКА стал Закон 26 апреля 1990 г. «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР». Он положил начало созданию национально-культурных центров, обществ и землячеств «в целях содействия развитию национальной культуры, традиций, языка, народных промыслов, установления и поддержания культурных связей с национально-государственными образованиями в СССР и родственными национальными государствами за рубежом».

В России понятие НКА, а точнее, «культурно-национальной автономии», было впервые юридически закреплено в «Основах законодательства о культуре» от 9 октября 1992 г., которыми «гарантировалось» «всем этническим общностям, компактно

---

⁸⁷⁶ Осипов А.Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. СПб., 2005. С. 70.

проживающим вне своих национально-государственных образований или не имеющих своей государственности, право на культурно-национальную автономию», а именно: «право указанных этнических общностей на свободную реализацию своей культурной самобытности посредством создания на основании волеизъявления населения или по инициативе отдельных граждан национальных культурных центров, национальных обществ и землячеств»⁸⁷⁷.

Эти законодательные акты заложили правовую базу для формирующихся институтов гражданского общества – национально-культурных центров (НКЦ) и обществ. В 1990 г. свои национальные организации в Томске создали немцы (Центр немецкой культуры), татары (культурно-просветительный центр «Туганлык»), украинцы (НКЦ «Джерело»), башкиры (Центр башкирской культуры «Дуслык»), поляки («Дом польский»), азербайджанцы (НКЦ «Азери»), образовались общества латышской и литовской культуры. В 1991 г. были созданы Ассамблея советских корейцев и Общество еврейской культуры, в 1992 г. – Общество чечено-ингушской культуры «Вайнах», в 1993 г. – Союз армян, в 1995 г. – Общество чувашской культуры и Польский национальный центр «Белый Орел». В 1993 г. Центр немецкой культуры получил статус государственного учреждения культуры, переименованного затем (1996 г.) в Российско-немецкий дом. В этом же году татарский центр «Туганлык» был преобразован в государственное учреждение культуры – Областной центр татарской культуры.

Тем временем идея НКА, хотя и с трудом, находила все большее признание, становясь необходимым элементом политического сознания различных, нередко полярно противоположных политических сил. В 1992 г. Чувашский национальный конгресс заявил о необходимости создания НКА для чувашской диаспоры. В феврале 1993 г. II съезд татар Тюменской области принял «Основные положения культурной автономии сибирских татар», отвергнув вариант территориальной автономии. За культурную автономию высказалось 87 % участников I конгресса украинцев России, состоявшегося в Москве в октябре 1993 г. На принци-

---

⁸⁷⁷ Статус малочисленных народов России: правовые акты и документы. М., 1994. С. 188.

пах, сходных с НКА, строилась и концепция «Программы самоорганизации российских немцев в РФ», предложенная В. Дизендорфом.

В сентябре 1994 г. Министерство по делам национальностей РФ вынесло на рассмотрение Госдумы первый вариант проекта Федерального закона РФ «О национально-культурной автономии». С 1993 по 1996 г. в 9 регионах были изданы правовые документы, которые содержали нормы о НКА⁸⁷⁸. В мае 1996 г. закон был принят Государственной Думой, а в июне подписан президентом Б. Ельциным и вступил в действие⁸⁷⁹. Одновременно была принята Концепция государственной национальной политики РФ.

Федеральный закон описывает НКА двояко: как общественную организацию на этнической основе и как форму национально-культурного самоопределения и самоорганизации. Закон предусматривает право собственности НКА и позволяет решать этнокультурные проблемы вне зависимости от наличия компактной территории проживания. НКА предоставляются права, связанные исключительно с этнокультурной сферой деятельности, с «сохранением самобытности, развитием языка, образования, национальной культуры». Но ограничивая сферу функционирования НКА этнокультурной деятельностью, закон тем самым отказывает им в праве на занятие политической деятельностью. Согласно поправке к закону «Об общественных объединениях», НКА «не может быть признано» политическим общественным объединением. Кроме того, в 2002 г. федеральным законом об избирательных правах был наложен прямой запрет на участие НКА в избирательном процессе⁸⁸⁰.

НКА в Томской области

Томская область – традиционно полиэтничный регион, куда сегодня стекаются мигранты из государств Средней Азии, Кавказа и Китая, и где достаточно широко используется труд «га-

⁸⁷⁸ Степанов В.В. Национально-культурная автономия в России как идея и правовая норма // Правовые аспекты этнических отношений в России. М, 2004. С. 95, 108.

⁸⁷⁹ В Закон «О национально-культурной автономии» неоднократно вносились дополнения и изменения: 21 марта 2002 г., 10 ноября 2003 г., 29 июня 2004 г., 22 августа 2004 г.; 30 ноября 2005, 1 декабря 2007 г., 9 февраля 2009 г.

⁸⁸⁰ Степанов В.В. Национально-культурная автономия в России как идея и правовая норма // Правовые аспекты этнических отношений в России. М, 2004. С. 91.

старбайтеров». Кроме того, Томск, как город шести университетов, принимает ежегодно большое количество мигрантов, приезжающих для получения высшего образования.

В Томской области первыми к возможностям, предоставленным законом об НКА, обратились немцы. 22 октября 1997 г. состоялась учредительная конференция по созданию пятой на тот момент региональной немецкой НКА. Создание ННКА в России было результатом компромиссного соглашения лидеров немецкого национального движения, главной задачей которого ставилась полная реабилитация российских немцев и восстановление немецкой автономии на Волге. В январе 1997 г. руководители 11 общественных организаций российских немцев⁸⁸¹ подписали «Декларацию о единстве действий». Она констатировала, что Закон РФ «О национально-культурной автономии», «...не являясь ни в коей мере решением национального вопроса для народов России, дает, однако, возможность сделать в этом направлении очередной шаг». Было решено «объединить усилия с целью создания единой НКА российских немцев...», установив с этой целью тесное сотрудничество местных отделений немецких организаций в духе «Декларации». Решение о создании ННКА в России не означало прекращения борьбы за полную реабилитацию немцев и не рассматривалось как альтернатива идее восстановления немецкой государственности. Это решение было принято с целью использовать возможности, которые дает новый закон⁸⁸².

В октябре 1997 г. в Томске состоялась конференция азербайджанцев, учредившая местную НКА, а в январе 1998 г. – вторая конференция, на этот раз областного уровня. В ее работе приняли участие 400 делегатов из Томска, Северска, Асино и Стрежевого. На конференции был утвержден устав и избран Совет НКА во главе с предпринимателем А. Рагимовым. Провозглаша-

⁸⁸¹ Международного союза российских немцев, Общества «Видергебурт», Совета немцев России, Международного союза немецкой культуры, Фонда «Российские немцы», Межрегионального фонда «Бильдунг», Фонда реабилитации и помощи жертвам сталинизма и трудармейцам, Общественной академии наук российских немцев, Землячества немцев Поволжья и администраций немецких национальных районов в Алтайском крае и Омской области.

⁸⁸² Нам И. К. осуществлению Закона РФ «О национально-культурной автономии» // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 1997. № 5 (16). С. 47-50.

лись цели сохранения языка, национальной культуры, изучения азербайджанской истории. С НКА связывались и надежды на правовую защиту, на содействие адаптации к местным условиям недавних выходцев из Азербайджана. Но уже в марте 1998 г. она была упразднена по причине несвоевременного предоставления отчетов в управление Минюста РФ по Томской области.

О желании создать свои НКА в Томске заявляли чуваша, татары, башкиры и поляки. Однако осуществить право на их создание оказалось непросто. По закону предусматривалось создание НКА «снизу вверх», от местного до регионального (в субъектах РФ) и далее – федерального уровня. Местные НКА учреждались представителями общественных объединений. Это означало, что на местах должно было быть, как минимум, два общественных объединения, которые и могли создавать НКА. Между тем в Томской области, где к этому времени было зарегистрировано уже около 30 этнически ориентированных организаций, лишь немцы, евреи и поляки имели по 2 общественных объединения, а значит, и реальную возможность создать НКА.

Такой подход делал невозможным участие в создании НКА граждан, не входящих в национально-культурные объединения. Ограниченность закона, как об этом говорилось на учредительной конференции немецкой НКА, заключалась также в том, что он предусматривал такое распределение прав и обязанностей по поддержке национальной культуры и языка между государственными структурами и органами НКА, которое фактически исключало реальное самоуправление в этой сфере. И, наконец, законом не предусматривалось осуществление НКА представительных функций. Как очень ограниченная форма участия представителей меньшинств в процессе обсуждения и принятия решений, предусматривались лишь советы при органах исполнительной власти с правом совещательного голоса.

Эти ограничения, безусловно, сказались на том, что новых НКА в Томске не возникало вплоть до 2000 гг., когда образовались сразу две НКА – региональная (греков) и местная (корейцев), получившая государственную регистрацию в 2001 г. Параллельно создавались НКО: отделение организации «Российский еврейский конгресс», Российско-немецкое молодежное объединение «Югендблик», центр белорусской культуры «Бе-

лые росы», региональный отдел Союза армян России. В 2002 г. была учреждена и зарегистрирована томская региональная еврейская НКА, в 2003 г. – НКА киргиз («Кыргызстан») и поляков («Томская Полония»). В 2003 г. были также образованы и зарегистрированы два русских культурных центра и организация цыган «Романи дума».

В 2003 г. была приостановлена на шесть месяцев деятельность двух региональных НКО: азербайджанского НКЦ «Азери» и Центра башкирской культуры «Дуслык». К административной ответственности была привлечена и НКА немцев, которая фактически прекратила уставную деятельность: с 1999 г. не проводились отчетно-выборные конференции, хотя по уставу они должны были созываться не реже одного раза в два года. Формальным поводом для наказаний послужило или непредставление сведений о деятельности общественных объединений, или невыполнение ими в установленный срок предписаний регионального управления Минюста об устранении нарушений действующего законодательства. Но для административных претензий к НКА имелись и более веские основания. Материальные и организационные трудности, которые постоянно приходилось преодолевать, вызывали усталость и разочарование, приводили к снижению общественной активности.

В ходе нашего исследования, проведенного в 2002 г.⁸⁸³, на вопрос, какие формы организации национальных сообществ, отвечающих задаче сохранения их языка, культуры, традиций и обычаев применимы в нашей области, – были получены следующие ответы: национально-культурные объединения назвали 51,5 %, национально-административные образования – 20,7 %, **национально-культурные автономии – 11,8 %**, другие формы – 10,8 %. Такое распределение было результатом большей распространенности в это время в общественной практике НКО. Непопулярность НКА среди участников опроса вызвана была, во-первых, тем, что большинство представителей различных этнических групп, как и русских, не имели четкого представления о ее сущности и принципах. Во-вторых, практика НКА в этнополитической жизни региона была еще очень скудна. К концу 2002

⁸⁸³ Львова Э.Л., Нам И.В., Наумова Н.И., Рындина О.М. Этнокультурные, этносоциальные и этнополитические процессы в Томской области. Состояние и перспективы // Мультикультурность и образование. Томск, 2004. С. 213-214.

г. в области существовало только 4 НКА: немецкая, корейская, греческая и еврейская. Не случайно рейтинг НКА наиболее высок был у корейцев (47,6 %) и евреев (50 %). Самая «старая» НКА в Томске – немецкая – реальной популярностью, как можно косвенно судить по результатам опроса, не обладала.

В ноябре 2003 в Закон «О национально-культурной автономии» были внесены изменения и дополнения, касающиеся уточнения термина НКА, ее правового регулирования, порядка образования, государственной регистрации, реорганизации или ликвидации. В ст. 1 «Понятие национально-культурной автономии» (в редакции от 10 ноября 2003 г.) НКА определялось как «форма национально-культурного самоопределения», представляющая собой «объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры». Той же поправкой уточнялось, что по своей организационно-правовой форме НКА – общественная организация.

Поправки 2003 г. упростили процедуру создания местных автономий, которые могли теперь учреждаться «на общем собрании (сходе) гражданами Российской Федерации, относящими себя к определенной этнической общности и постоянно проживающими на территории соответствующего муниципального образования». Ее учредителями могли выступать и «зарегистрированные общественные объединения граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, действующие на территории соответствующего муниципального образования». Одновременно закон ограничивал круг этнических общностей, от имени которых НКА могут создаваться, и закрепил возможность существования только одной организационно-правовой НКА⁸⁸⁴.

Внесение в закон этих изменений активизировало процесс образования как новых НКА, так и преобразования НКО в НКА. В 2004 г. в Томской области было зарегистрировано еще три авто-

⁸⁸⁴ Федеральный закон Российской Федерации от 17.06.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» (с изменениями от 02.07.2013). [Электронный ресурс]: Электронный фонд правовой и нормативно-методической документации: URL: <http://docs.kodeks.ru/document/9018667> (режим доступа: свободный).

номии: чувашская, чечено-ингушская и узбекская. С заявлением о создании НКА в управление Минюста обращались также представители русских национально-культурных организаций, но им было отказано в регистрации на основании ст. 1, в соответствии с которой при создании автономии должен быть соблюден принцип нахождения этнической общности на данной территории «в ситуации национального меньшинства». В августе была создана и зарегистрирована, как некоммерческое партнерство, Ассамблея народов Сибири, учредителями которой выступило 16 НКО и НКА.

В 2005 г. новых НКО и НКА не было создано, но продолжился процесс учреждения НКА на основе уже существующих объединений и центров. В марте в Томске одновременно были учреждены две городские НКА – башкир («Башкортостан») и татар («Туган Иль»). Из-за серьезных разногласий среди активистов, НКА татар была создана только с четвертой попытки. В декабре была учреждена НКА белорусов. В 2007 г. добавились две местные НКА – грузин и бурят. Бурятская автономия была создана на основе студенческого землячества. В 2008 г. были зарегистрированы две новые автономии – таджикская и казахская («Казахстан»), и два НКЦ – азербайджанский центр «Азери» и Китайский национально-культурный центр, прошла презентация Центра славянской культуры «Светогор», открылся Центр удмуртской культуры в Чаинском районе в с. Нижняя Тига, где проживает около 300 удмуртов. В то же время по решению УФНС была исключена из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ), как фактически прекратившая свою деятельность, организация цыган «Романи дума»⁸⁸⁵. Утратили официальный статус НКА организации башкир, чеченцев и чувашей.

В 2009 г. к 13 существующим⁸⁸⁶ добавилась НКА удмуртов «Восходящее солнце», созданная в с. Нижняя Тига Чаинского района – первая в области сельская НКА. Удмурты рассчитывают, что статус автономии позволит им получать поддержку, в том числе и финансовую, для сохранения и развития этнокультурной

---

⁸⁸⁵ URL: <http://www.minjust.tomsk.ru/news-19.html>.

⁸⁸⁶ Татар, немцев, белорусов, поляков, корейцев, узбеков, казахов, киргиз, таджиков, греков, евреев, грузин, бурят.

самобытности⁸⁸⁷. Две организации – Православное братство русской культуры и польский центр «Белый орел» прекратили существование⁸⁸⁸.

В 2010–2011 гг. в НКА чеченцев, ингушей, белорусов и греков произошли структурные изменения. Ингуши выделились из общей с чеченцами НКА и образовали две местные автономии: г. Томска «Единство», Шегарского района «Согласие» и региональную автономию «Наши люди». Наряду с НКА белорусов г. Томска, была зарегистрирована местная автономия белорусов Томского района, вместе они образовали региональную НКА. По обратному пути пошли греки, зарегистрировав в 2011 г. две местных НКА – г. Томска и с. Кожевниково. Заново конструируют свою систему НКА чеченцы, зарегистрировавшие в 2011 г. две местные автономии – г. Томска и г. Асино. В 2012 г. были зарегистрированы 2 местные немецкие автономии – г. Томска и Томского района и местная НКА «Томские цыгане». В апреле 2013 г. появилась НКА алтайцев г. Томска «Горный Алтай».

В итоге к сентябрю 2013 г. в Томской области было зарегистрировано 25 НКА – 5 региональных и 20 местных⁸⁸⁹. 18 этнических групп – татары, белорусы, поляки, евреи, корейцы, немцы, буряты, ингуши, чеченцы, греки, киргизы, таджики, узбеки, казахи, грузины, удмурты, цыгане и алтайцы – осуществляют сегодня право на НКА, декларированное российским законодательством.

Наряду с НКА, этнокультурную деятельность в области осуществляют два государственных учреждения – Российско-немецкий дом, Областной центр татарской культуры (ОЦТК) и свыше 20 общественных организаций. Назовем только наиболее активные: «Союз армян», центр польской культуры «Дом Польский», центр украинской культуры «Джерело», азербайджанский НКЦ «Азери», общество белорусской культуры «Белые росы», общество возрождения еврейской культуры, общество литов-

⁸⁸⁷ Новая автономия зарегистрирована в Томской области. [Электронный ресурс]: МедиаFM Радиохолдинг: URL: http://mediafm.tomsk.ru/?page=news_a&show=18144&year=2009&mon=12&day=16 (режим доступа: свободный).

⁸⁸⁸ URL: <http://www.minjust.tomsk.ru/news-105.html>; <http://www.minjust.tomsk.ru/news-79.html>.

⁸⁸⁹ Территория согласия. 2001. № 1 (21). С. 54-56; О деятельности некоммерческих организаций. [Электронный ресурс]: Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации: URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (режим доступа: свободный).

ской культуры, центр башкирской культуры «Ялкын», Немецкий культурный центр с. Кожевниково, Китайский НКЦ, центр казахской культуры «Бирлик», в их числе молодежные, как давно существующие – Союз татарской молодежи, Российско-немецкое молодежное объединение «Югендблик», молодежный корейский центр «Анён», так и вновь созданные в 2010 г. – кавказская молодежная организация «Дети гор» и Татарская молодежная организация, в 2011 г. – Союз армянской молодежи «Миацум». На защиту интересов коренных малочисленных народов севера (КМНС) направлена деятельность ассоциации «Колта Куп» и правового информационного центра «Коголика», зарегистрировано 9 родовых общин селькупов и хантов. Представляющие интересы студентов алтайское, хакасское, тывинское и якутское землячества вместе с НКА бурят объединены в «Интер-землячество».

Но означает ли этот внушительный перечень этнически ориентированных общественных организаций, что этнокультурные запросы и потребности этнических сообществ, представляемых НКА и НКО, в Томской области решаются в полной мере? Достаточно ли они обеспечены федеральным и региональным законодательством в нормативно-правовом отношении?

Формально закон предоставляет НКА немалые права и возможности в сфере этнокультурной деятельности (ст. 4): получать поддержку со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления, необходимую для сохранения национальной самобытности, развития национального (родного) языка и национальной культуры; обращаться в органы законодательной (представительной) и исполнительной власти, органы местного самоуправления, представляя свои национально-культурные интересы; создавать средства массовой информации в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, получать и распространять информацию на национальном (родном) языке; сохранять и обогащать историческое и культурное наследие, иметь свободный доступ к национальным культурным ценностям; следовать национальным традициям и обычаям, возрождать и развивать художественные народные промыслы и ремесла; создавать образовательные и научные учреждения, учреждения культуры и обеспечивать их функционирование в соответствии с законодательством Российской Федерации; участвовать через

своих полномочных представителей в деятельности международных неправительственных организаций; устанавливать на основании законодательства Российской Федерации и поддерживать без какой-либо дискриминации гуманитарные контакты с гражданами, общественными организациями иностранных государств.

Однако положения закона, посвященные отношению государства с НКА, сформулированы так, что на практике они ни к чему не обязывают. Закон об НКА во всех редакциях не содержит никаких упоминаний о гарантиях и средствах защиты прав, предоставляемых автономиям.

И на региональном уровне НКА не получали предусмотриваемой законом поддержки. В отличие от других регионов, в органах региональной и муниципальной власти Томской области никогда не было самостоятельной структуры, способной оказывать НКА реальную поддержку. Со временем ситуация только ухудшалась. В 1998 г. в областной администрации в структуре департамента по информационной политике был создан отдел по работе с общественными организациями, национально-культурными объединениями и религиозными конфессиями, позднее преобразованный в комитет по работе с общественностью. Вместе с созданием отдела были заложены бюджетные средства на проведение совместных мероприятий, на информационную поддержку деятельности НКО. В эфире областного радио появилось две программы «Рукопожатие» и «Здравствуйте, соседи!». С 2003 стал выходить журнал «Территория согласия».

В 2006 г. функции взаимодействия с национально-культурными и религиозными объединениями были переданы в ведение департамента культуры, где был создан отдел современного искусства, образования и национальной политики. Сюда же были переданы и функции по работе с КМНС. Эта реорганизация в еще большей степени способствовала сосредоточению НКА на сугубо этнокультурной деятельности. При этом всеми сферами управления национальной и религиозной политики были заняты только два сотрудника, включая руководителя отдела. В таких условиях ожидать от отдела планомерной работы не приходилось. В 2012 г. в связи со сменой руководства области произошли изменения и здесь. Теперь координацией с национально-культурными и рели-

гиозными объединениями ведает всего один сотрудник, начальник комитета по культурной политике департамента по культуре.

Закон об НКА предусматривает возможность создания при органах власти консультативных советов. В Томской области координационный совет по делам НКО в администрации области был создан в 1998 г. В его функции входило рассмотрение вопросов, связанных с созданием условий для национально-культурного развития граждан, координация деятельности органов государственной власти и общественных объединений по вопросам развития НКО и реализация положений закона «О национально-культурной автономии». С самого начала деятельность координационного совета не носила регулярного характера, активизируясь только во время избирательных кампаний, а с течением времени и вовсе прекратилась. Сменивший его в октябре 2009 г. консультативный совет по делам НКА и вовсе оказался мертворожденным. Не внесло оживления в деятельность НКА и принятие Государственной думой области в конце 2008 г. закона «О государственной поддержке региональных и местных национально-культурных автономий в Томской области»⁸⁹⁰.

В Томской области никогда не было ни концепции, ни программы, регулирующих сферу межнациональных отношений, в которых бы должное место отводилось и роли НКА, хотя попытки их разработки неоднократно предпринимались. И только события на Манежной площади в Москве в декабре 2010 г. активизировали деятельность региональных органов власти по налаживанию взаимодействия с НКА. Взамен консультативного совета был создан координационный совет по межнациональным отношениям. Как пояснил губернатор на его первом заседании 17 января 2011 г., ранее существовавший консультативный совет не вполне соответствовал этим задачам, поскольку национальная проблематика шире сферы деятельности национальных общественных организаций. На заседании был обсужден и в целом одобрен план первоочередных мер по укреплению межнационального согласия и доверия на территории, включающий разработку концепции национальной политики и долгосрочной целевой областной про-

---

⁸⁹⁰ Текст закона см.: Территория согласия. 2008. № 3. С. 50-51.

граммы на 2012–2014 гг.⁸⁹¹ Однако со сменой губернатора в марте 2012 г. эти планы были отправлены в корзину.

Несмотря на то, что закон об НКА предусматривает возможность финансирования со стороны государственных органов власти субъекта федерации и местного самоуправления, деятельность НКА, как таковая, не финансируется. В бюджетах области и местных органов самоуправления нет отдельной строки, предусматривающей финансирование НКА. До 2006 г. определенные средства на реализацию политики в сфере межнациональных отношений закладывались в бюджете департамента по информационной политике, а с 2006 г. – в бюджете департамента по культуре. При этом поддерживаются мероприятия и проекты всех НКО, независимо от того, общественная это организация или автономия. В рамках календарного плана мероприятий в сфере культуры департамента по культуре есть раздел «реализация национальной политики в Томской области». Но финансируются мероприятия общего характера: фестиваль «Дружба народов», «Навруз», журнал «Территория согласия», Кирилло-Мефодиевские чтения и т. д., т. е. финансируется проведение мероприятий, а не деятельность НКА. В 2011 г. было выделено 10 млн на конкурс грантов для некоммерческих организаций, где могли принимать участие и НКА. Деньги смогли получить только НКА «Узбекистан», Ассамблея народов Сибири и каргасокская община КМНС «Дикоросы».

Все эти противоречия, заложенные в законодательство РФ, и объясняют, что деятельность НКА сводится преимущественно к празднично-обрядовой сфере: с 1994 г. ежегодно проводится областной фестиваль «Дружба народов», стало традицией проводить фестивали национальных культур в районах области. Особенно много мероприятий выпадает на март, когда проходит областной конкурс исполнителей национальной песни и танца «Радуга» и отмечается «Навруз» – весенний праздник тюркских народов. Летом эстонцами празднуется Янов день, татарами – Сабантуй. Но при довольно большом количестве культурных инициатив неблагоприятно выглядит положение с этнокультурным образованием.

⁸⁹¹ Концепция национальной политики и долгосрочной целевой областной программы на 2012-2014 гг. [Электронный ресурс]: Администрация Томской области. Официальный информационный интернет-портал: URL: <http://tomsk.gov.ru/ru/news/index.html?id=11165> (режим доступа: свободный).

Национальные языки изучаются на факультативной и кружковой основе. Лишь в отдельных школах есть классы, ориентированные на изучение национальных языков, литературы и культуры. Из языков КМНС факультативно изучается только селькупский язык – в селах Парабель и Нарым. Одной из самых насущных проблем остаются неравные возможности в обеспеченности НКА помещениями, необходимыми для осуществления культурной и образовательной деятельности. Не решает эту проблему и открытие в 2006 г. Дома дружбы народов, который представляет собой 11 маленьких кабинетов и конференц-зал общей площадью в 200 кв м. Только немцы и татары имеют собственные здания – Российско-немецкий дом, областной центр татарской культуры. Другие искивают средства и возможности для аренды помещений, но пока безуспешно. Сузилось информационное поле: исчезли этнически ориентированные передачи на томском радио, журнал «Территория согласия» выходит нерегулярно.

Между тем на практике НКА приходится решать множество других задач, не прописанных в законе, в частности, связанных с нелегальной и трудовой миграцией, необходимостью взаимодействия с правоохранительными органами, органами труда и занятости, с зарубежными представительствами и структурами. И все это на общественных началах. В Томской области эти задачи особенно актуальны для НКА узбеков, таджиков, киргиз, армян и азербайджанцев. Их возникновение было результатом массовой миграции из новых независимых государств Закавказья и Центральной Азии. Поток этот начал формироваться еще со времен СССР, когда в рамках единого государства часть избыточного населения из этих регионов мигрировала в область в поисках работы, хорошего и доступного образования.

НКА как ресурс адаптации мигрантов⁸⁹²

Увеличение притока в Томскую область мигрантов из бывших советских республик Кавказа и Средней Азии в начале

---

⁸⁹² В основу анализа положены исследования, проведенные в 2011–2012 гг. группой сотрудников исторического факультета с целью изучения проблем, связанных с адаптацией новых мигрантов в местный социум. Исследование проводилось количественными и качественными методами (фокус-группы и экспертные интервью с представителями НКА и НКО, объединяющих общины «молодых» мигрантов – азербайджанцев, армян, киргиз, таджиков, узбеков. В качестве экспертов привлечены были также представители УФМС по Томской области.

1990-х гг. сопровождалось институционализацией азербайджанской, армянской и чечено-ингушской общин, которые сыграли важную роль в процессе адаптации мигрантов. По словам руководителя азербайджанской общины, *«...они (мигранты-азербайджанцы) столкнулись с новым государством, им нужен был новый паспорт, новые документы, регистрация, жилье, все это отсутствовало. Никто уже никого ничем не обеспечивал, даже общежитий не было, если раньше они были совместно с заводами, то потом это все пропало. Приватизация, перепрофилирование и все прочее. Мы как могли эти вопросы решали, решали куда привезти, оформить документы, старались все делать правильно».*

С начала 2000-х гг. миграционный приток из Азербайджана, Армении и республик Северного Кавказа снизился в связи с начавшейся социально-экономической стабилизацией этих стран и регионов. Представитель азербайджанской общины: *«Азербайджанцам нет необходимости ездить [куда-либо из Азербайджана], это страна, которая имеет нефть, газ, другие ресурсы, у нас все есть. Сегодня азербайджанцы, может быть, от нечего делать приезжают, просто к родственникам приезжают, понравилось, остался, но так, как раньше, такого больше нет».* Мотивы миграции выходцев с Кавказа сегодня преимущественно связаны с желанием получить образование в Томске или воссоединиться с семьей.

В это же время поток трудовых мигрантов из стран Средней Азии не прекращался. Продолжается он и сейчас. Крайне низкий уровень жизни и отсутствие рабочих мест на родине стимулировали вахтовый тип трудовой миграции, при которой гастарбайтер работает в России большую часть года, а остальное время живет со своей семьей на родине. Руководитель таджикской НКА С. Исмадуллоев: *«Хотим того или нет, миграция будет. Если брать настоящее время, это связано с безвизовым режимом. [В России] легко найти работу. Те виды работ, которые мало привлекают местное население. Эти работы, во-первых, непривлекательны, во-вторых, малооплачиваемы. На такую нишу приезжают мигранты. Конечно, они приезжают на сезонную работу – с марта по октябрь-ноябрь».*

Таблица 1

**Численность мигрантов из Средней Азии и Кавказа в
Томской области по данным переписей населения**

	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	Доля среди всего населения, в %	
						2002 г.	2010 г.
Азербайджанцы	163	687	2752	4354	4178	0,42	0,40
Армяне	246	585	1407	2336	2801	0,22	0,27
Ингуши	26	69	277	298	224	0,03	0,02
Киргизы	70	94	856	492	1427	0,05	0,14
Таджики	35	165	912	498	956	0,05	0,09
Узбеки	247	1065	3328	1626	3924	0,15	0,37
Чеченцы	65	166	487	711	547	0,07	0,05
Итого	852	2831	10019	10315	14057	0,98	1,34

Самую большую группу представляют азербайджанцы, но их численность за 8 межпереписных лет сократилась, а численность других мигрантских групп, напротив, заметно выросла: киргизов в 2,9 раза, узбеков в 2,4 раза, таджиков в 1,9 раза, армян в 1,2 раза. В структуре этих национальных групп преобладают мужчины. Если у русских на 1000 мужчин приходится 1153 женщины, то у таджиков – 448, узбеков – 396⁸⁹³.

Мигрантские этнические сообщества (диаспоры) можно представить, как некие структуры, включающие несколько условных частей: старожилы общины, недавние мигранты, трудовые мигранты. «*Старожилы общины*» – те, кто прожил на данной территории длительное время (7–10 лет) и успешно адаптировался к внешним условиям общины. Старожилы представляют ядро общины (диаспоры), являются «основными производителями диаспорной идентичности». «*Недавние мигранты*» – имеют «четкие целевые установки на интеграцию в местное сообщество» и «активно перенимают диаспорную идентичность». Самая многочисленная группа – *трудовые мигранты*, приезжаю-

⁸⁹³ О национальном составе населения Томской области. [Электронный ресурс]: URL: http://tmsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tmsk/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/ (режим доступа: свободный).

щие на сезонные заработки, и, как правило, не имеющие целевых установок на интеграцию в местное сообщество⁸⁹⁴.

«Новые» мигранты формируют формальные и неформальные сообщества и организации, которые удовлетворяют спрос на удовлетворение «базовых потребностей в чужом обществе: безопасность, информацию, связи, инфраструктуру обеспечения проживания и деятельности». Видимую и признанную властью часть этой системы представляют НКА, общества, центры, объединения. И хотя по законам РФ их основная цель – сохранение и развитие национальной культуры, языка, обычаев и традиций, на первый план выходит выполнение представительских и посреднических функций, которые не входят в уставные задачи – взаимодействие с властью, оказание мигрантам правовой и материальной поддержки, содействие их адаптации и интеграции в местное сообщество.

Лидеры НКА в Томске, представляющие «новых» мигрантов из Средней Азии и Закавказья, как правило, относятся к мигрантам еще советского времени и обладают сравнительно высоким статусным положением в регионе. За плечами руководителя НКЦ «Азери» А.А. Рагимова – Томский государственный архитектурно-строительный университет (ТГАСУ), Томский госуниверситет (ТГУ), Академия госслужбы при президенте РФ. Первый председатель НКА «Кыргызстан» Р.А. Абдуманов, ныне общественный представитель Министерства труда и занятости Кыргызской республики в Томске – выпускник ТГУ, кандидат исторических наук. Председатель НКА «Узбекистан» Х.А. Хамроев – выпускник педагогического института. Типичен пример руководителя таджикской автономии С. И. Исмагуллоева. Уроженец города Орджоникидзебад, в 1984 г. он поступил в Томский институт (сейчас университет) систем радиоправления и электроники. Окончив его в 1990 г., вернулся на родину. Но после распада СССР его предприятие, производившее кварцевые резонаторы для России, оказалось под угрозой закрытия. И Исмагуллоев переехал в Томск, где стал работать программистом на кафедре моделирования систем. Ему поручили также заниматься наведением порядка в студенческом общежитии; там

---

⁸⁹⁴ Мокин К.С. Адаптация мигрантов: варианты стратегий // Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции. М., 2009. С. 105.

же ему предоставили комнату. В 1996 г. он женился и перевез в Томск Зульфину, выпускницу Института искусств. Сейчас С. Исмагуллоев – заместитель декана экономического факультета по работе с общежитиями.

Сегодня в Томской области уже сложились «мигрантские» сектора занятости – строительство и ремонт помещений, торговля фруктами. Руководитель узбекской диаспоры: *«Мигрант заполняет ниши, например, на стройке, которые не заняты никем, азербайджанцы любят торговлю, торговый бизнес у них, они на рынках работают в основном, изначально поставщиком фруктов были узбеки, сейчас перехватили другие национальности, узбеки ушли в строительство, и с ними нет конкуренции.* Таджики-гастарбайтеры, как отметил руководитель таджикской НКА, заняты в строительстве и отделке помещений.

Трудности адаптации у «недавних» и «трудовых» мигрантов возникают прежде всего в правовом поле и связаны с легализацией их пребывания и трудоустройства, получением социальной и медицинской помощи. Проблемы эти, по мнению экспертов, носят системный характер и силами только общественных организаций не могут быть решены. Главная проблема – несовершенство миграционного законодательства.

Эксперты отмечают, что те, кто приехал в Сибирь еще в советское время, прожили большую часть жизни здесь, связаны с местным населением профессиональными, товарищескими и родственными узами. Многие из таких мигрантов имеют русских жен и родственников, а их дети уже не знают национального языка и культуры и, по сути, являются такими же томичами, что и остальное население. Об этом говорит руководитель азербайджанской общины: *«Молодежь, о которой мы говорим, у них родители, большая половина, русские, они родились здесь, многие из них ни разу не были в Азербайджане. Они представления не имеют, если у них отец азербайджанец, ... что есть национальная родина».*

Азербайджанская и армянская общины демонстрируют наиболее высокую степень адаптивности и интеграции в местное сообщество. Как считает руководитель томского отделения «Союза армян»: *«Я бы не сказал, что у нас, коренных армян, есть какие-то проблемы. Абсолютно. Я вполне серьезно говорю,*

откровенно». «Те армяне, которые уже здесь осели – 90–95% – они свое будущее видят в Томске, они никуда отсюда не уедут». Армяне и азербайджанцы заметно представлены в органах исполнительной и законодательной власти, в сферах бизнеса и образования.

Лидеры армянской и азербайджанской НКА и НКО ориентированы на то, чтобы способствовать «укоренению» представителей своих общин в Томске. «Думаю, – считает руководитель «Союза армян», – большинство членов диаспоры останется в России на постоянное место жительства. Люди осели прочно, имеют работу, жилье, оставлять все это и начинать жизнь с нуля на новом месте – тяжело. Будем отстраивать ее здесь. Совет диаспоры принял решение в 2007 г.: каждой армянской семье, где рождается ребенок, из общественных денег единовременно выплачивать 5 тысяч рублей – это говорит о том, что люди настроены оптимистично»⁸⁹⁵.

Основная масса мигрантов из Таджикистана и Узбекистана, как правило, приезжает на сезонные работы и не мотивирована на погружение в культуру и среду принимающего сообщества, их главная цель – заработок. Но определенная часть «недавних» мигрантов из Средней Азии, в особенности киргизов, многие из которых уже приняли гражданство РФ, а некоторые обзавелись в Томске семьями, ориентирована на постоянное проживание. Приехавшие из Киргизии достаточно быстро включаются в местный социум, особенно легко адаптируются дети. Этому способствуют, по крайней мере, два фактора: сохранение после развала СССР за русским языком статуса официального языка и действовавший до октября 2011 г. упрощенный порядок принятия гражданами Кыргызстана гражданства РФ. В этом руководство киргизской автономии даже видит своего рода проблему, связанную с размыванием этнической идентичности: *«В школе, насколько я знаю, тоже проблема адаптации, они махом овладевают русским языком и забывают как раз киргизский. Существует проблема того, что новое поколение детей, которые приезжают с родителями, они теряют свой родной язык, общаясь только на русском, скажем, в школе».*

---

⁸⁹⁵ Рубен Манукян – человек без корней – перекаати поле // Территория согласия. 2007. № 1 (13). С. 35.

Менее включены в местный социум узбеки и таджики. Хотя граждане Таджикистана из числа тех, кто получил российское гражданство, в ближайшем будущем не намерены возвращаться на родину (*«из тех, кто принял гражданство, 80 % остаются в Томске»*), большинство мигрантов-таджиков видят в России, скорее, место для заработка, а не место реализации своего будущего и будущего своих детей. Руководитель узбекской НКА также отмечает, что узбеки приезжают в Россию именно зарабатывать деньги, а не обрести новую Родину. Среди узбеков распространена практика возвращения пожилых людей, проработавших долгое время в России, обратно в Узбекистан, что связано с особенностями менталитета, с желанием жить в среде «своей» культуры: *«Те же старики, почему возвращаются в Узбекистан, потому что условия не те. В Узбекистане принято веками, что старики в почете, а здесь отношение к старикам другое, их пинают, нечаянно задевают машинами, не уступают [место] в транспорте. И каждый для себя делает вывод, и я для себя знаю, что я также на старости лет уеду, это связано с обычаям, культурой»*.

На вопрос, какими путями следует решать проблемы адаптации мигрантов, эксперты указывали, прежде всего, на необходимость открытия центра адаптации для трудовых мигрантов. Представитель руководства НКА «Кыргызстан»: *«В первую очередь я создал бы центры адаптации для мигрантов, то есть построил что-то вроде общежитий для того, чтобы мигрант мог быстрее освоиться, в течение трех дней мог зарегистрироваться по месту пребывания именно в этом общежитии. Мог бы пройти курсы русского языка, чтобы ему все объяснили, что он должен делать, чего ему нельзя делать, ознакомили с элементарными законами РФ»*.

Идея создания центра по работе с мигрантами в Томске обсуждается давно. По мнению лидеров мигрантских общин, это даст «возможность организации единого «окна», где новоприбывшие мигранты смогут ознакомиться со всей информацией, связанной с проблемами регистрации, возможностями легального трудоустройства. Нуждающиеся смогут получить и правовую поддержку, а в случае возникновения конфликтных ситуаций, центр будет защищать их права. При этом осуществление учета

мигрантов, ищущих работу, а также предприятий, нуждающихся в рабочей силе, позволит скоординировать их действия. В таком центре помогут правильно составить трудовой договор или предоставят юриста. Центр сможет организовать взаимодействие с государственными структурами тех стран, откуда прибывают мигранты, а также проводить мероприятия информационного и организационного характера. При этом центр будет координировать свои действия с национально-культурными организациями области, ведь последние также заинтересованы в защите прав своих соплеменников»⁸⁹⁶.

Эксперты указывали также на необходимость большей прозрачности юридических и экономических процедур в отношении мигрантов и создание условий, способствующих их хозяйственной адаптации и выводу «из тени». Представитель киргизской автономии: *«Я бы предложил использовать экономический потенциал мигрантов. Взять, например, сельское хозяйство, которое в данный момент находится не на совсем должном уровне, то есть мигранты могли его поднимать. Тем более, что ... приезжие из Средней Азии все обладают навыками ведения сельского хозяйства. ... Например, взять умирающую деревню, заселить туда киргизов, чтобы они занялись животноводством, то есть той специализацией, с которой они хорошо знакомы, животноводством, например. А узбеки могли бы заниматься земледелием...»*

Руководители мигрантских НКА видят свою задачу также в профилактике противоправных действий и преступлений, как со стороны самих мигрантов, так и по отношению к ним. Чаще всего инструментом поддержания порядка выступает неформальное воздействие (беседа) со стороны авторитетных членов диаспоры. Руководители армянской и азербайджанской общин подчеркивают необходимость сотрудничества с властью в процессе решения задачи поддержания порядка. Руководитель «Союза армян»: *«Я всегда говорю, что многие не понимают... или вот только сейчас начали понимать, что руководители диаспор – это, в первую очередь, помощник властям. Вот в Москве то, что случилось [беспорядки на Манежной площади в декабре*

---

⁸⁹⁶ Абдумананов Р. Трудовая миграция // Территория согласия. 2005. № 2 (7). С. 23.

2010 г. – И.Н.]... Они только сейчас поняли, что надо ближе работать с диаспорой».

Приоритетной задачей для мигрантских НКА является экономическая поддержка приехавших на заработки мигрантов, которая фактически противоречит их уставной деятельности. Характерное мнение представлено в высказывании руководителя киргизской автономии: *«В настоящий момент приоритетным является поддержка мигрантов. Самая главная проблема не культурная, не социальная и никакая другая, а именно экономическая. То есть экономическая в плане именно поддержки трудовых мигрантов, хотя киргизам в этом смысле повезло, потому что они приезжают, получают гражданство»*. Экономическая поддержка реализуется, в первую очередь, через оказание помощи в трудоустройстве вновь прибывающих мигрантов, хотя правилом является поиск работы через родственников и знакомых. Руководитель ингушской общины: *«Конечно, если человек обратится – мы будем искать возможные варианты – прежде всего среди своих знакомых. Вот недавно устроили человека приехавшего, мужчину старше 50 лет – у него большой опыт в сфере нефтедобычи. Сейчас он трудоустроен»*. Чаще всего помощь выражается в разрешении конфликтных ситуаций, возникающих между трудовыми мигрантами и работодателями. Руководитель таджикской автономии: *«Они где-то работали, зарплату им не выплатили или не полностью выплатили, тогда письмом, начиная от правоохранительных органов до губернатора, затакаем работодателя. Конечно, если у мигранта заключен трудовой договор, в противном случае более проблематично. При решении вопроса любого характера статус юридического лица выше физического. Исходя из этого, НКА – пробивная организация, и на все свои письма либо требования получает ответ. В прошлом году рассматривали два таких случая. Первый решен положительно, а второй еще продолжается»⁸⁹⁷*.

Экономическая поддержка выражается и в том, что вновь прибывшим мигрантам помогают решать проблему с жильем, предоставляя общежития, технические и подсобные помещения в качестве первоначального места жительства. Нередко общи-

⁸⁹⁷ Умарзода Ф. В Томске скинхедов нет? [Электронный ресурс]: URL: <http://news.tj/ru/newspaper/article/v-tomske-skinhedov-net> (режим доступа: свободный).

нам приходится оказывать помощь родственникам тех мигрантов, которые умерли в Томске. Удалось, в частности, добиться, что правительство Кыргызской республики теперь компенсирует часть расходов по доставке на родину⁸⁹⁸.

Правовая поддержка и обеспечение безопасности подразумевает оказание помощи трудовым мигрантам при регистрации и оформлении разрешений на работу. Представители узбекской, таджикской и киргизской НКА отмечают, что этот этап адаптации является наиболее трудным для мигранта по причине постоянного снижения квот на рабочие места, в результате чего мигранту стало намного сложнее, чем раньше, найти работу на законных основаниях. Несколько ослабило проблему введение патентов на индивидуальную трудовую деятельность, имея который мигрант может пойти работать «на частника».

Сложность для вновь прибывшего представляет и регистрация, которую необходимо осуществить в первые три дня по приезду в Россию, и съем жилья. Хозяева сдают квартиры мигрантам, как правило, не регистрируя приезжих в ФМС. Ситуацию осложняет наличие посредников, которые берут деньги, обещая решить проблемы с регистрацией, трудоустройством и поиском жилья, но зачастую мигранты попадают на удочку мошенников.

Руководители азербайджанской, армянской общин указывают на то, что их общины поддерживают своих соплеменников, попавших в конфликты. Представитель азербайджанской диаспоры: *«Конфликты есть, они всегда были и будут, вопрос только, как к этому относиться, и какие оценки давать этому конфликту, если его раздуть и распылять, то это один подход, которого мы не придерживаемся и всякие конфликты, которые даже приводят к смертельным случаям, мы их стараемся решать мирным путем»*.

Представители всех мигрантских НКА входят в общественный совет при УФМС, полагая, что, что задачи у них одни – полная легализация мигрантов и обеспечение их прав.

В отношении культурной адаптации основной проблемой является владение русским языком. Немногие владеют им на уровне, достаточном для обеспечения самых первичных потребно-

---

⁸⁹⁸ Ефанова Ю. Две родины киргизов // Территория согласия. 2008. № 3 (17). С. 31.

стей. Особенно это касается молодежи. Другая проблемная категория – дети мигрантов. Руководитель узбекской НКА: *«Наших детей брали в учебные заведения только по месту прописки, несмотря на то, что родители снимали квартиры в других районах города. ... Другая, еще более острая проблема в том, что сегодняшние мигранты не могут двух слов связать по-русски. И подростки, которые были вполне успевающими учениками у себя на родине, вынуждены сидеть с малышками 3-4-х классов. Заниматься с ровесниками невозможно – нет языка... И вместо нормальных уроков – дискомфорт, насмешки, скука, нежелание посещать школу в принципе. Да и учителя им не рады – не укладываются в общие стандарты требований. Как учить? В итоге детей мигрантов «перепихивают» из школы в школу, лишь бы не брать на себя головную боль. А ничем не занятые подростки, потенциально готовы уйти на улицу... И это уже будет проблема не только ребенка, но общества».*

Обучение мигрантов русскому языку НКА пытаются решать своими силами. По инициативе узбекской НКА в декабре 2010 г. были организованы воскресные курсы, которые посещали не только школьники, но и студенты, чтобы «подтянуть язык». Их вел бывший преподаватель английского языка в Ошском государственном университете, переехавший в Томск с семьей летом 2010 г. после межэтнического конфликта на юге Киргизии. Преподаватель рассказывает: *«Я работал как «универсальный солдат» – помогал ученикам с математикой, химией, биологией, тем же английским... Ведь задания в учебниках написаны по-русски! Я давал элементарный курс – коммуникативный – 72 академических часа. Потом шел базовый – 100–120 часов».* На занятиях со взрослыми осваивались темы, необходимые трудовому мигранту в первое время – «Знакомство» (как зовут, откуда приехал, профессия), «Семья», «Денежное обращение», «Банк». Занятия преподаватель начинал со слов: *«Улыбка – это ваша визитная карточка».* Слово *«пожалуйста»* должно присутствовать в каждом вопросительном предложении. *Русские – приветливый народ, всегда оценят вежливое обращение»⁸⁹⁹.*

⁸⁹⁹ Как разрешить педагогические и социальные проблемы мигрантов? [Электронный ресурс]: URL: <http://tnews.tomsk.ru/stats/20/41687> (режим доступа: свободный); Трудности перевода. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.podst.ru/posts/6172> (режим доступа: свободный).

Томское отделение «Союза армян» в 2012 г. выиграло и реализовало муниципальный грант на создание общественного центра по правовой и социально-культурной адаптации мигрантов на территории области. Было организовано обучение мигрантов устным и письменным нормам русского языка, миграционному законодательству, были разработаны «Армянско-русский разговорник» и «Памятка мигранту».

Развитие и презентация национальной культуры также указывается лидерами НКА и НКО в качестве важного направления их деятельности, которое реализуется, во-первых, за счет создания и поддержки самодеятельных коллективов (например, ансамбль горского танца «Даймохк», получивший в 2011 г. звание народного коллектива) и, во-вторых, организации и совместного проведения национальных праздников и дней культуры. Обучение родному языку, религии и национальной культуре детей реализуется в Томской области среди армян. Руководитель армянской диаспоры: *«У нас есть воскресная школа, где мы изучаем армянский язык, основы христианства, культуру армянскую»*. Осуществляя эти функции, НКА и НКО выступают в роли центров сохранения и воспроизводства национальной идентичности.

Информационная деятельность выражается в создании своих печатных изданий и интернет-сайтов в целях информирования о предстоящих событиях и мероприятиях, презентации общественно-политической и культурной жизни диаспоры. Свои сайты имеют НКА «Кыргызстан»⁹⁰⁰ и «Узбекистан»⁹⁰¹, где есть рубрики «правовая помощь» и «мигрантам».

Таким образом, НКА, как институт, становится действенным инструментом интеграции «новых» мигрантов в местный социум, который имеет, как можно предположить, долгосрочную перспективу.

* * *

За 17 лет НКА в Томской области пережили серьезные трансформации, одни укрепили свои позиции, другие перестали су-

⁹⁰⁰ Местная общественная организация национально-культурная автономия кыргызов г. Томска. [Электронный ресурс]: URL: <http://tomsk.kyrgyz.ru/?page=1> (режим доступа: свободный).

⁹⁰¹ Узбекская диаспора в Томске. НКА «Узбекистан». [Электронный ресурс]: URL: <http://uzbekistan.tomsk.ru/index.php> (режим доступа: свободный).

ществовать. Как правило, НКА создавались на основе НКО. Но для некоторых НКО такой опыт оказался неудачным – для азербайджанцев, башкир, чувашей, – и они вернули себе статус национально-культурных центров. Другие НКО такой задачи перед собой вообще не ставят, не усматривая в этом необходимости: отделение «Союза армян» и Центр украинской культуры «Джерело». Причина этого кроется, вероятно, в том, что, как показывает сопоставление закона о НКА и законодательства об общественных объединениях и некоммерческих организациях, НКА обладают меньшим объемом прав, чем «простые общественные объединения, а их учреждение и функционирование связано с большим числом процедурных ограничений»⁹⁰².

Как и в других регионах Сибири, действующие в Томской области НКА и другие этнически ориентированные организации, разделяются на 2 основные группы: созданные потомками «старых» мигрантов, и представляющие новые этнические группы мигрантов, вызванные распадом СССР. «Эта типология отражает не только специфику процесса их формирования, но и различия в стратегии и практиках их деятельности. Если для первой группы приоритетны задачи этнокультурные (как это фиксируется и в их уставах), то для второй важны задачи адаптации мигрантов к принимающему обществу»⁹⁰³. Наряду с решением этнокультурных задач, НКА сегодня является важным институтом адаптации мигрантов к принимающему обществу. Однако эти функции законодательно не прописаны и противоречат уставной деятельности.

Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г., принятая в декабре 2012 г., акцентировала внимание на проблемах адаптации мигрантов, обучения их детей в школах, предупреждении создания этнических анклавов, борьбе с нелегальной миграцией, религиозным фундаментализмом и наркотрафиком. В плане мероприятий по реализации Стратегии

⁹⁰² См.: Осипов А.Г. Автономия, меньшинства и мультикультурализм: в чем смысл «управления многообразием»? // Мир России. 2008. № 1. С. 106-108; Он же. Национально-культурная автономия: идея и реализация // Национально-культурная автономия: идея и реализация. Эстонский опыт. Таллинн, 2008. С. 23-27.

⁹⁰³ Калугина Г. Национально-культурные общества: посреднические и коммуникативные функции в городском сообществе (на примере Иркутска) // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск, 2012. С. 356.

имеется специальный пункт, предусматривающий создание условий для социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов. Планом предусматривается оказание финансовой поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям, включая национально-культурные автономии, религиозные организации, молодежные объединения, реализующим проекты и программы, направленные на интеграцию и адаптацию мигрантов⁹⁰⁴. Тем самым признается роль НКА, как института, с помощью которого органы власти и правоохранные структуры надеются поставить процессы социокультурной адаптации мигрантов. Но это не означает официального придания институту НКА реальных полномочий, дающих право выступать от имени мигрантов, защищая их интересы. НКА по-прежнему остается общественной организацией, сфера деятельности которой ограничивается этнокультурной деятельностью. На неопределенность положения НКА указывает и тот факт, что в окончательную редакцию Стратегии не вошло положение, фиксировавшее НКА и федеративное устройство государства и «как две формы укрепления общего культурного, образовательного, информационного пространства, организации управления и политики интеграции, сохранения многообразия и единства страны»⁹⁰⁵.

---

⁹⁰⁴ План мероприятий по реализации в 2013–2015 годах. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс]: URL: <http://government.ru/media/files/41d47a99d97a4ea0ebf3.pdf> (режим доступа: свободный).

⁹⁰⁵ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Проект по состоянию на 1 ноября 2012 г. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.google.ru/> (режим доступа: свободный).

Глава 6. Пространство образов и слов⁹⁰⁶

Введение

Исследование пространства миграций неизбежно включает в себя рассмотрение способов осмысления и «говорения» об этом явлении. «Мир *социальный* возможен только как названный, т. е. обозначенный при помощи *относительных* категорий языка. <...> В этом смысле первоочередное значение приобретает анализ языка и особенностей его употребления, то есть дискурса и дискурсивных стратегий»⁹⁰⁷.

Распространенные в обществе мыслительные схемы и системы категоризации организуют способы восприятия реальности, побуждают видеть вещи в определенном ракурсе. Так, доминирование классового подхода настраивает на поиск классово-обусловленных объяснительных моделей, тогда как этническая рамка восприятия заставляет искать причины происходящего в межэтнических отношениях. Таким образом, используемый нами язык во многом конструирует образ той реальности, которую мы воспринимаем.

Анализ языка описания необходим и для того, чтобы лучше понимать реалии конкретного времени, контекст событий и ту смысловую нагрузку, которую несли на себе слова (понятия, категории, образы, метафоры) в данный исторический момент. Ведь зачастую привычные для нас определения могли иметь совершенно другой смысл в иную, отдаленную от нас эпоху. Вспомним, например, что те, кого сегодня называют «таджиками» и «киргизами», вовсе не обязательно являются потомками людей, которые именно так обозначаются в переписи населения Российской империи 1897 года⁹⁰⁸.

⁹⁰⁶ Авторский коллектив: Н.Г. Галеткина (редактор главы; введение; 6.2), В.И. Дятлов (6.1), В.Ю. Рабинович (6.3), И.Г. Поправко (6.4).

⁹⁰⁷ Осипов А.Г. Идеология «миграционной политики» как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краев) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 155. М.: ИЭА РАН, 2002. [Электронный ресурс]: URL: http://www.igpi.ru/info/people/osipov/krasnodar_stavr.html#_ftn1 (режим доступа: свободный).

⁹⁰⁸ Абашин С. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетей, 2007. С. 97.

К тому же значение понятий и категорий могло варьироваться в зависимости от того, кто именно их использовал, в какой конкретной коммуникативной ситуации. Знания словарного значения слова здесь явно недостаточно, необходимы методы исторической семантики, которые помогают «понять, какой смысл понятия обретали в действиях. Ведь значения не существуют сами по себе: они создаются конкретными людьми, обладающими собственным взглядом на вещи и воображением <...>. Надо уметь читать метафоры, чтобы понять, что смысл может быть заключен не только в словах, но кроется также в невысказанном и неочевидном»⁹⁰⁹.

Соединению «невысказанного и неочевидного» с вполне оформленными и распространенными в обществе идеологемами посвящено открывающее эту главу исследование В.И. Дятлова. На материале комплекса представлений и идей, составивших синдром «желтой опасности» в позднеимперской России, автор размышляет над феноменом экзотизации и выдвигает гипотезу, согласно которой экзотизация дальневосточных народов и культур была одним из механизмов их дегуманизации и исключения. Он показывает, как нормальная, стандартная процедура начала знакомства с неизвестным, чужим объектом, могла вести к представлению о его полной «чуждости», «инаковости», когда набор экзотических характеристик представителей «желтой расы» «представал настолько великим и всеобъемлющим, что, в каком-то смысле, вообще исключал их из человеческого сообщества». Подобная дегуманизация представителей чужой культуры становилась естественной предпосылкой для их демонизации, для превращения реального или потенциального противника в смертельного врага.

Образ «чужого», несущего угрозу привычному миру, лежит в основе любой ксенофобии, будь то синдром «желтой опасности» в позднеимперский период или мигрантофобия в современном российском обществе. Представление об угрозе, по сути, отражает те вызовы, которые появление «чужаков» ставит перед идентичностью принимающего общества. Страхи, связанные с мигрантами, на самом деле выражают тревогу за свою социаль-

⁹⁰⁹ Шперлинг В. «Спящая красавица»: что делать? Империя как понятие, метафора и сеть взаимодействий // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 77.

ную идентичность; мигранты как таковые выступают в качестве «повода», а причины недовольства и страхов лежат в проблемах самосознания и в неуверенности в собственном завтрашнем дне. Такой вывод делается в работе И.Г. Поправко о мигрантофобии в интернет-пространстве сибирского города.

Тема образов миграции и мигрантов в СМИ привлекает внимание многих современных исследователей⁹¹⁰. В данном случае автор стремится показать, как образы, во многом сформированные средствами массовой информации, переходят в пространство интернет-форумов, домысливаются там и используются в конструировании мигрантофобий. На материале двух интернет-порталов г. Томска автор очерчивает то реальное, порой спонтанное и хаотичное, коммуникативное поле, в котором «живут» образы и страхи, связанные с мигрантами.

Диахронное рассмотрение этномиграционных процессов позволяет увидеть повторяющиеся, устойчивые черты, которые не меняются с переменой исторических обстоятельств. Несмотря на разницу эпох, несовпадение конкретики рассматриваемых случаев, и «столыпинских» переселенцев начала XX века, и представителей «желтой расы» позднеимперского периода, и современных трудовых мигрантов в России объединяет, кроме всего прочего, тот факт, что они не являются самостоятельными субъектами публичного дискурса. Эти люди не имеют собственного голоса, за них высказываются другие, их оценивают и определяют извне с точки зрения «полезности» или «угрозы» для принимающего общества.

Отношение к мигрантам как к ресурсу и инструменту в решении государственных проблем также не является характерной чертой какой-либо одной исторической эпохи. В работе Н.Г. Галеткиной подобный инструментальный подход рассматривается на примере языка описания «столыпинских» переселенцев чиновниками и экспертами Переселенческого ведомства. Кроме того, автор задается вопросом о месте, которое занимает в вос-

⁹¹⁰ См., например: Шнирельман В. СМИ, «этническая преступность» и мигрантофобия // Язык вражды против общества. М.: Центр «Сова», 2007; Регаме А. Образ мигрантов и миграционная политика в России // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 389-406; Малькова В.К. Этнические аспекты журналистики. Из опыта анализа российской прессы. М.: ООО «Информполиграф», 2004; Титов В.Н. О формировании образа этнического иммигранта (анализ публикаций прессы) // Социологические исследования. 2003. № 11.

приятию переселенцев этнически ориентированный подход и приходит к выводу, что вовсе не он определяет общую картину. Этничность не входила в число основных элементов этого языка описания. Употребление же этнической лексики демонстрировало смешение маркеров локальности, гражданства, конфессии и собственно этничности.

Конечно, утверждать, что «национальность» была изобретена большевиками, было бы не совсем верно. В документах полицейского и воинского учета, в служебных аттестатах и врачебных карточках «национальность» фиксируется уже в начале XX века⁹¹¹. Тем не менее, говорить об этничности как о базовом идентификационном принципе на тот момент времени, не приходится. Однако после революции 1917 года «национальность» и «социальное происхождение» заменяют собой прежние конфессиональные и сословные принципы официальной классификации населения⁹¹². Этот переход, отмечает еще один автор нашей главы В.Ю. Рабинович, фактически завершился к середине 1920-х годов. В своей работе он показывает, как складывалась новая система взаимоотношений власти и этнических меньшинств, составляющих важную часть сибирского переселенческого общества, как формировался соответствующий этой новой системе дискурс управления. Сформированные в начале 1920-х годов дискурсивные практики взаимодействия власти с этническими меньшинствами определили и фон, и язык межэтнического взаимодействия на весь последующий исторический период.

Таким образом, проблематика властного и общественного дискурса относительно этномиграционных процессов объединяет столь разные кейсы, представленные в этой главе. Логику их расположения определяет хронология рассматриваемых в них сюжетов: от позднеимперской России через раннесоветский период к сегодняшнему дню.

---

⁹¹¹ Байбурин А.К. К антропологии документа: паспортная «личность» в России // Антропология социальных перемен: сборник ст. / отв. ред. Э. Гучинова, Г. Комарова. М.: РОССПЭН, 2011. С. 533-555.

⁹¹² Там же. С. 547-548.

6.1. Синдром «желтой опасности» в дореволюционной России: экзотизация как механизм дегуманизации и исключения

Вторая половина XIX в. стала периодом формирования и массового распространения целого ряда общемировых ксенофобий. В большинстве из них (хотя и не во всех) в качестве объекта страха и ненависти выступали этнические, религиозные или расовые группы. Почетное место в этом ряду занимает синдром «желтой опасности» («yellow peril»). К началу XX в. это уже наиболее мощная и распространенная в мире ксенофобия. Тогда же окончательно утвердилась и редакция ее названия, возникшая на исходе XIX века. Основными очагами генерирования и дальнейшего распространения синдрома были США, Германия и Россия⁹¹³. Страны очень разные. С чрезвычайно несхожим характером и интенсивностью контактов с теми, кого часто называли тогда «желтыми» – с народами и странами Восточной Азии. Поэтому причины, механизмы производства и влияния, набор основных компонентов синдрома также значительно варьировались. Однако плотность международных связей, развитость системы коммуникации были уже таковы, что немедленно происходило взаимное проникновение, наложение возникших на разной почве идей и образов, а это вело к созданию кумулятивного эффекта.

В основе любой ксенофобии лежит представление о существовании не просто «иного» или даже «чужого», но такого «чужого», который представляет угрозу, иногда угрозу смертельную, для самого существования носителя такого представления, для его группы, его мира, для всего, что является для него важным и священным.

Во многих случаях идеи о враждебном «чужом» базировались на широко распространенных и популярных в рассматриваемое время расовых теориях. Они исходили из презумпции природной, органической принадлежности человека к «расе», в которой биологические характеристики предопределяют интеллектуальные, моральные и духовные. Считалось при этом, что в мире существуют несколько «рас», природных тел, прин-

⁹¹³ Подробнее см.: Дятлов В.И. «Великие ксенофобии»: взаимовлияние и взаимодействие // Идеи и идеалы. Научный журнал. 2010. № 2 (4). Т. 1. С. 51-63.

ципально отличающихся друг от друга. Характер их взаимодействия мог быть разным – от вполне мирного и даже взаимно дополняемого сотрудничества до антагонизма, смертельной вражды и борьбы вплоть до взаимного уничтожения. В любом случае, принадлежность к «расе» не является вопросом личностного выбора, ибо нельзя выбрать цвет кожи или разрез глаз. Биологические характеристики, принадлежность к «расе», предопределяют для носителей такого понимания и ключевые характеристики человека как социального существа. Его образ жизни, поведение, систему ценностей и групповую лояльность. Для рассматриваемой эпохи подобные идеи считались вполне научными и уважаемыми.

В рамках такого взгляда на мир, «краеугольным камнем» конструкции синдрома «желтой опасности» становился тезис о тотальной, природной несовместимости «желтой» и «белой» рас⁹¹⁴. Причем несовместимости настолько глобальной, что это не предполагало возможности даже относительно мирного сосуществования. Отсюда вывод о непримиримом конфликте рас. Расовые отличия виделись настолько великими, что ставили под вопрос принадлежность к единой человеческой общности. В результате происходит дегуманизация представителей иных рас. А коль скоро синдром возник в европейском мире (в широком смысле), среди «белых», то и базируется он на представлении о том, что только «белая раса» является аутентично человеческой. Все остальные находятся за этими рамками.

Несовместимость рас – это достаточное основание для их непримиримой борьбы за выживание. «Война миров» – как это было замечательно зафиксировано у такого чуткого к социальным процессам и переменам беллетриста как Герберт Уэллс. Марсиане в его одноименном романе являются символом абсолютной чужеродности, предельной *не-человечности* разумных существ⁹¹⁵. В другом, менее известном романе «Война в воздухе»⁹¹⁶, Г. Уэллс моделирует ситуацию, когда начавшаяся в

⁹¹⁴ См., например: Blue Gregory. Gobineau on China: Race Theory, the “Yellow Peril”, and the Critique of Modernity // *Journal of World History*. 1999, Vol.10. №1. P. 93-139.

⁹¹⁵ Уэллс Г. Война миров // Герберт Уэллс. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. 2. М.: Библиотека «Огонек», Издательство «Правда», 1964. С. 5-160.

⁹¹⁶ Он же. Война в воздухе // Герберт Уэллс. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. 4. М.: Библиотека «Огонек», Издательство «Правда», 1964. С. 5-294.

Европе *межгосударственная* война стремительно перерастает в войну мировую, *меж-расовую*, тупиковую с точки зрения выхода из нее. Наряду с прогрессом военных технологий это становится причиной «краха цивилизации, не выдержавшей напряжения современной войны...»⁹¹⁷. Причина тупиковости – в тотальной несовместимости сторон, взаимном непонимании и вытекающей из этого невозможности договориться.

Принципиально важно то, что в позднеимперской России представители многочисленных народов Восточной Азии часто и привычно определялись через слово «желтые». Это был самый распространенный и наиболее употребительный термин. Он активно использовался в обыденной речи (от просторечия до языка образованных слоев), в публичном дискурсе, в языке прессы и публицистики, в научных исследованиях, в официальном бюрократическом языке (вплоть до важнейших государственных документов). И хотя одновременно употреблялись собственные названия народов (китайцы, корейцы, японцы, монголы и т. д.), но в целом они сливались в единую, огромную, нерасчлененную массу «желтых».

Можно предположить, что одним из механизмов дегуманизации «желтых» была экзотизация дальневосточных народов, культур и цивилизаций, сравнительно недавно ставших предметом пристального интереса европейцев. Набор экзотических характеристик «желтых» предстал настолько великим и всеобъемлющим, что это, в каком-то смысле, вообще исключало их из человеческого сообщества. Соответственно, взаимоотношения между ними не могли строиться на базе общих норм человеческой морали и законов.

Эту гипотезу я попытаюсь проверить на материале комплекса представлений и идей, составивших синдром «желтой опасности» в позднеимперской России. Синдром эмоционально чрезвычайно насыщенный, многослойный, включающий в себя как сложные интеллектуальные построения, так и примитивные (и потому массовые и действенные), не нуждающиеся во внутренней логике и доказательствах постулаты.

---

⁹¹⁷ Он же. Предисловие к роману «Война в воздухе» // Герберт Уэллс. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. 14. М.: Библиотека «Огонек», Издательство «Правда, 1964. С. 341.

У этой работы имеется важное ограничение – она базируется на анализе письменных текстов и потому не может адекватно отразить настроений, стереотипов и комплексов тех многочисленных слоев российского населения, которые жили в то время вне рамок письменной культуры. С другой стороны, бурные процессы формирования массового общества, городского и по преимуществу образованного, а значит, и массовой культуры, вели к постепенному преодолению прежде почти непреодолимой культурной границы, к трансляции вырабатывающихся массовой культурой слов, образов, контекстов в слои необразованные.

Немного об экзотизации и экзотике

Теперь немного об авторском понимании экзотизации. Это необходимо, т. к. стоящие за этим словом феномены стали основным объектом авторского внимания. В то же время, это важно в силу новизны и слабой распространенности слова. Вряд ли оно стало (или становится) научным термином, относительно понимания которого сложились и приняты некие конвенции. Интенсивная работа в этом направлении идет⁹¹⁸, но пока это, скорее, описательное средство, возможно даже – метафора. Более того, это слово не попало и в словари русского языка, хотя бы в качестве производного от слова, от привычного и распространенного слова «экзотика».

«**Экзотика.** Причудливые, необычайные особенности (природы, обычаев, искусства и т. д.) отдаленных малоизвестных стран». «**Экзотика** [гр. *exotikos* – чуждый, иноземный] – предметы, явления, черты чего-л., свойственные отдаленным, напр. восточным, южным странам, районам и представляющиеся людям других стран причудливыми, необычными; * нечто причудливое, необычное»⁹¹⁹.

На примере увлечения европейцев «китайскостью» и «японскостью» размышляет о природе экзотического и общественной потребности в нем В.В. Малявин: «Образ Китая в «эпоху Просвещения» был чем-то значительно большим, чем повод к фило-

⁹¹⁸ См., например: Huggan, Graham *The postcolonial exotic: marketing the margins*. London: Routledge, 2001.

⁹¹⁹ Словарь русского языка в четырех томах / Изд. третье, стереотипное. Т. 4. М.: Русский язык, 1988. С. 748; Словарь иностранных слов /18-е изд., стер. М.: Русский язык, 1989. С. 586.

софским или политическим спорам. Он был повсеместно признанной модой, органической частью некоего целостного взгляда на жизнь и даже, если угодно, художественным стилем, в которых отразились существеннейшие черты европейского миро-созерцания той эпохи. При этом симпатии европейцев к Китаю вовсе не означали умаления европейской культуры. Напротив, новый образ Китая, как мы уже знаем, не отрицал, а по-своему удостоверял достижения европейской мысли и, в первую очередь, главнейшее из них – открытие полной самостоятельности разума. Но всякое усилие осознания, всякое умозрение предполагает способность отвлечься от всего частного и преходящего в нашей жизни, отстраниться от самого предмета размышлений. Китай и был таким предметом дружелюбно-отстраненного рассмотрения, располагавшимся в удобном удалении от наблюдателя. И недаром любители Китая предпочитали посещать эту страну в своих мечтах; никто из них, кажется, и в мыслях не держал отправиться туда наяву»⁹²⁰.

«Но вернемся к моде на все китайское, захватившее Европу на рубеже XVII–XVIII вв. Эта мода, как мы можем догадаться, не была знаком серьезного интереса к восточному искусству или даже готовности европейцев подражать ему [...] Главную причину нужно искать в духовных и общественных запросах самих европейцев, в особенностях европейской мысли и культуры того времени. Обращение к разуму как к верховному началу человеческой природы внушило европейцам новое чувство дистанции по отношению к окружающему миру, поставило в центр европейской культуры эстетическое отношение к жизни. Европа нуждалась в таких образах для созерцания, которые, будучи отстраненными, недостижимыми, вообще «чужими», могли бы в то же время удостоверять торжество разумной воли в человеческом бытии. Впервые провозгласив самодостаточность эстетического начала в духовной жизни человека, век Просвещения [...] впервые открыл и неизвестную ранее истории область экзотического. Ибо, что такое экзотика как не явление чего-то знакомого и привычного в незнакомом и непривычном обличье? Экзотическое – это мир, вывернутый наизнанку и все же легко

---

⁹²⁰ Малявин В.В. Шинуазери, или Грезы о Китае // Книга путешествий / Сост. В.В. Малявин. М.: Нагалис, 2000. С. 214-216.

узнаваемый, игровой мир, остающийся подвластным человеку, поскольку он сам устанавливает его правила. Это именно мир грез, знаменующий выпадение из действительности, но выпадение неизбежно временное, ибо всякой игре рано или поздно приходит конец»⁹²¹.

Экзотика, таким образом, – это «чужое», интересное и важное именно в качестве чужого, отличного от своего. Но это, одновременно, освоенное, можно сказать даже – присвоенное – «чужое». «Чужое», пропущенное через себя, через свое мироощущение. Важное для более глубокого и тонкого понимания своего, вообще для решения собственных проблем. Экзотика – это включение «чужого» в собственный мир, его присвоение через процедуру отбора, адаптации, переосмысления. «Чужое» может быть представлено широким диапазоном феноменов – от художественного стиля (шинуазери, китайские штучки) до социальной философии («недвижный Китай») и идеологием («желтая опасность»). Но в любом случае – чужое уже обслуживает интересы своего, собственного мира, выполняя в нем важную функцию.

Функция может быть разной. Это может быть модой, формирующей художественный стиль. Эстетическим вызовом, позволяющим через контраст острее пережить свое, привычное. Предметом любования и интереса. На этом базируется туризм – прибыльная и высокоразвитая отрасль экономики, специализирующаяся на продаже экзотики, зачастую – на её производстве в качестве товара. Но может удовлетворяться потребность в объекте страха и отторжения. Это чрезвычайно востребованный продукт. Тогда экзотика может рассматриваться и как проявление абсолютной и потому враждебной, исключительной «наше», материи. В этом случае происходит переход от любования чужим, контрастным, непривычным к страху перед ним – и неизбежной враждебности.

Производная от экзотики конструкция «экзотизации» подразумевает действие, его объект и субъект. Некто или нечто подвергаются процедуре экзотизации, т. е. выделения и пристального рассмотрения, подчеркивания в них «причудливых, необычных особенностей», причем особенностей, свойственных «отдален-

---

⁹²¹ Малявин В.В. Указ. соч. С. 220.

ным, напр. восточным, южным странам, районам и представляющиеся людям других стран причудливыми, необычными».

Экзотизация – это нормальная, стандартная процедура начала знакомства с новым, неизвестным, чужим объектом. Совершенно естественным образом в нем сразу бросаются в глаза странности, отличия – экзотизмы. То, что непохоже на свое, родное, привычное, в общем – нормальное. Как вариант – происходит любование особостью. Но экзотизация может стать и механизмом, и процессом поиска, конструирования, подчеркивания различий, придания им самодовлеющего, иногда гипертрофированного, значения. Даже при нейтральной или позитивной коннотации – это механизм отстранения и остранения. Через подчеркивание, гипертрофию отличного, другого это может вести к его абсолютному выделению и к дегуманизации. Экзотизация – это не обязательно исключение – но такая возможность заложена в ней изначально.

«Желтая опасность»: российская версия общемировой ксенофобии

Ксенофобии – неотъемлемая и важнейшая часть общественной жизни. Без «чужого», без «врага» и без их образов трудно, часто практически невозможно, осознать, оценить себя, выявить и консолидировать «своих». Уникальность ситуации рубежа XIX–XX веков состояла не в самом существовании ксенофобий – а в общемировом характере и массовости некоторых их версий. Формирующееся массовое, не партикулярное общество формировало острый спрос на массовые же идеологии и фобии. Стремительный переход от сословного общества к массовому диктовал необходимость перехода от партикулярных врагов, страхов и фобий к консолидирующему коллективному, общезначимому врагу.

Эпоха Модерна породила феномен общемировых «великих ксенофобий» – великих, в смысле их общемирового характера, глубины воздействия на огромные человеческие массы в качестве регулятора их поведения и умонастроений. Я разделяю мнение Л. Гудкова о том, что возникновение массовых фобий, *«появление и выработка символических «врагов» становятся формой партикулярной реакции на процессы массовизации, вызванные модернизационными изменениями в традиционных обществах»*. Враг становится необходимым инструментом консолидации воз-

никшего в результате разрушения сословного порядка *«принципиально нового социального состояния – слабо управляемой плазмы массового рессантимента и возмущения...»*⁹²².

И если такая мощная и инструментально действенная на рубеже XIX–XX веков ксенофобия как антисемитизм, страх перед «сионскими мудрецами», плетущими «мировой еврейский заговор», при всей своей содержательной и функциональной новизне, опиралась на многовековую традиционалистскую анти-иудаистскую основу, то синдром «желтой опасности» стал явлением совершенно новым. Возникнув в середине XIX века, он стремительно распространился практически по всему европейскому миру. Европейскому – в широком смысле – вплоть до США, Южной Африки и Австралии. А через контакты с миром не европейским – распространялся и дальше, становился предметом рефлексии в формирующемся массовом обществе Японии, например⁹²³. Наоко Шимацу отмечает распространяющийся там на рубеже веков феномен соотнесения «расы с цивилизацией», применение «принципа «цвета» (в западном понимании), чтобы отличить цивилизованных от варваров». Он приводит две крайних позиции в рамках такого мировидения: от отрицания своей «желтизны» до упоения ею. «Японцы – вовсе не «желтая угроза». У японцев белое сердце под желтой кожей. «Желтая угроза» – русские: у них желтое сердце под белой кожей». «Вот и наступила эра расовой войны! Война между Россией и Японией – первый шаг в битве между арийской и желтой расами»⁹²⁴.

Объектом пристального внимания, вражды и страха народы Восточной Азии стали по ряду обстоятельств. Страны региона вошли в мировую систему международных отношений в качестве важной и неотъемлемой части. Под воздействием с разной скоростью и результатами протекавших там модернизационных процессов менялась их геополитическая роль. Следствием стало нарастание опасений, а потом и страхов, по поводу растущих мощи и амбиций Японии и перспективы того, что «Китай проснется». Начались массовые трудовые миграции китайцев в страны европейского мира. Это делало неизбежным массовые

⁹²² Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социальной интеграции // Образ врага. М.: ОГИ, 2005. С. 17, 19.

⁹²³ Мещеряков А.Н. Статья японцем. М.: Эксмо, 2012. С. 282-295.

⁹²⁴ Шимацу Наоко. «Возлюби врага своего» // Родина. 2005. № 10. С. 70-71.

и обыденные контакты. И контакты эти оказались чрезвычайно конфликтными. Анти-китайские настроения становились частью массового сознания, массовой культуры и идеологии.

Эти настроения обрели слова, образы и объяснения в чрезвычайно популярной тогда расовой теории, которая рассматривалась как последнее достижение научной мысли и была вполне уважаемой. Массовые анти-китайские настроения, геополитические страхи и устремления и расовая теория соединившись, породили синдром «желтой опасности». «Желтые» в этой системе взглядов выглядели наиболее опасной расой, реальной угрозой для расы «белой». За нею виделись огромная и мобилизованная численность, мощь древней китайской империи и цивилизации, растущая сила и амбиции модернизирующейся Японии. А модернизация позволяла «желтым» присвоить и использовать научно-технические, экономические и военные достижения европейской цивилизации для непримиримой борьбы с нею же. Неизбежность борьбы, причем борьбы на взаимное уничтожение, выводилась из принципиальной несовместимости рас, невозможности взаимного понимания и компромисса.

Россия не осталась в стороне от всех этих процессов. С одной стороны, она уже находилась в общеевропейском информационном пространстве. Образованная публика практически сразу знакомилась с последними новинками в сфере науки, идеологии, общественных настроений, массовой культуры. Синдром «желтой опасности», в том виде, как он формировался на европейской и американской почве, внимательно изучался и комментировался. Переводились и издавались статьи и брошюры – как научные, так и публицистические⁹²⁵. Популярный очерк А. Столповской содержит большой и информативный раздел о китайской миграции в страны европейского мира, о сопутствующих этому конфликтах и массовых анти-китайских настроениях⁹²⁶.

---

⁹²⁵ См., например: Сарториус фон-Вальтерсгаузен. Вопрос о труде китайцев // История труда в связи с историей некоторых форм промышленности. СПб., 1897. С. 250-270; Менгден О.Ф. Желтая опасность или эмиграция китайцев и влияние, оказываемое ею на белую и желтую расу / Пер. с нем. СПб.: Изд. В. Березовского, 1906. 68 с.

⁹²⁶ Столповская А. Очерк истории культуры китайского народа. СПб.: Издание К.Т. Солдатенкова, 1891.

Книга В.В. Граве, одно из самых глубоких исследований ситуации с мигрантами на российском Дальнем Востоке, начинается с отсылки к международному опыту: «Сравнение истории Приамурского края с историей Америки, колоний Англии, Голландии, Португалии др. указывает на то, что в настоящее время мы переживаем наблюдавшийся уже в этих странах тот фазис отношения к желтому вопросу, когда заботы о выработке законоположений для борьбы с наплывом к нам желтой расы заменили безразличное отношение местной администрации»⁹²⁷.

Массой комментариев в прессе сопровождалась высказывания Вильгельма II о «желтой опасности» (с его легкой руки этот термин и вошел в широкий оборот), и его символический дар Николаю II. По заказу и замыслу кайзера в 1898 г. был создан рисунок, где «группа женщин, изображавших главные европейские нации, с ужасом видят поднимающийся с востока страшный образ Будды, на который указывает им ангел, стоящий на вершине горы с мечом в руке; под рисунком помещены слова: «Народы Европы, защищайте свои самые священные блага». Рисунок был подарен Николаю II с припиской: «Я прошу тебя благосклонно принять набросанный мной для тебя рисунок, представляющий символические фигуры России и Германии, стоящих на страже на берегу Желтого моря для проповеди Евангелия, истины и света на Востоке»⁹²⁸.

Таким образом, внешнее влияние не стоит игнорировать или недооценивать – как это неволью получилось в отличной книге Т.А. Филипповой⁹²⁹. Однако при всей важности внешних воздействий, российский синдром «желтой опасности» вырос на собственной почве национализирующейся империи. Он оказался чрезвычайно востребованным в силу большого комплекса внутренних причин и обстоятельств. В процессе разложения со-

⁹²⁷ Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Отчет Уполномоченного Министерства Иностранных Дел В.В.Граве // Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. XI. СПб, 1912. С. 1.

⁹²⁸ Ремнев А.В. «Крест и меч». Владимир Соловьев и Вильгельм II в контексте российского имперского ориентализма // Европа. Международный альманах. Вып. IV. Тюмень, 2004. С. 56-78; Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914. М.; Пг., 1923. С. 8-10, 42-43, 48; Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878–1918. М.; Пг., 1923 С. 38-39.

⁹²⁹ Филиппова Т.А. «Враг с Востока». Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М.: АИРО–XXI, 2012.

словных отношений и формирования массового общества в России уже явно не доставало консолидирующей и мобилизующей роли таких классических инструментов как антисемитизм и полонофобия. Германофобия стала играть значимую роль только в годы Первой мировой войны⁹³⁰. Внешний «Враг с Востока»⁹³¹ заполнял поэтому очень важную нишу.

Росту страхов перед «желтой расой» способствовала и геополитическая ситуация. Россия стала дальневосточной державой. Присоединив Дальний Восток, она обрела и тесное соседство двух империй, гигантскую и очень беспокойную общую границу с ними. По замечательной метафоре Акихиро Ивасита, «4000 километров проблем»⁹³². Тяжелое ощущение напряженности и неуверенности создавал теперь уже соседний Китай. Здесь у властей и общества причудливо перемешивались различные настроения: от стремления к новым территориальным приобретениям за его счет, пренебрежительного взгляда на него, скорее, как на пространство, а не державу, до ужаса от перспективы его «пробуждения». Эта гремучая смесь высокомерного пренебрежения, подспудной неуверенности и страха стала одной из причин массовой расправы над китайцами в Благовещенске в 1900 году, когда к этому пограничному городу вплотную подкатилась стихийная волна бушевавшего в Китае анти-иностранный восстания боксеров (ихэтуаней)⁹³³. Проигранная Русско-японская война добавила к этому острое чувство национального унижения.

Только что присоединенный и практически не освоенный во всех отношениях Дальний Восток заставлял постоянно тревожиться о слабости контроля над ним, создавал ощущение вре-

---

⁹³⁰ Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Т. 1. Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. М.: АИРО–XXI, 2010.

⁹³¹ Филиппова Т.А. Указ. соч.

⁹³² Ивасита Акихиро. 4000 километров проблем. Российско-китайская граница / пер с яп. М.: АСТ: Восток – Запад, 2006.

⁹³³ Подробнее см.: Дятлов В. «Благовещенская «Утопия»: из истории материализации фобий // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубеже XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Отгиск, 2012. С. 95–117; Сорокина Т. «Благовещенская паника» 1900 года: версия власти // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубеже XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Отгиск, 2012. С. 118–145; Дятлов В. «Благовещенская Утопия»: историческая память и историческая ответственность // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубеже XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Отгиск, 2012. С. 146–175.

менности присутствия там, возможности потери этой «далекой окраины». С другой стороны, эта слабость провоцировала планы экспансии в Китай, в Маньчжурию прежде всего в качестве меры активной обороны, для захвата и оформления удобных для защиты границ. Такова была, например, позиция военного министра А.Н. Куропаткина⁹³⁴.

Совершенно новым для России явлением стали массовые трудовые миграции на Дальний Восток – постоянные и безвозвратные у корейцев и временные, сезонные – у куда более многочисленных китайцев. И дело было не только в огромных масштабах и слабой подконтрольности процесса со стороны властей. Настораживала и даже пугала отчетливо осознаваемая полная зависимость существования региона от труда мигрантов.

Принципиально важным следствием новой миграционной ситуации становились массовые повседневные человеческие контакты, общение – как обыденность, норма. Это могло иметь – и имело – противоречивые последствия. С одной стороны, существовала возможность взаимного узнавания, уменьшения дистанции, размывания расового дискурса и отчуждения. С учетом опыта колонизации Сибири, включения аборигенных народов в категорию «мы» (пусть и не полностью), открывалась возможность трансформации, переформатирования конструкции «мы – они». Преобладала, однако, противоположная тенденция – массовое повседневное общение вело к увеличению отчуждения и дистанции. Культурная чужеродность китайских мигрантов, их замкнутость, минимальное стремление к интеграции, временный характер пребывания, осознание полной экономической зависимости от их труда, ощущение присутствия за их спиной хоть и «спящего», но великого Китая – все это не способствовало их интеграции и не формировало добрых чувств у малочисленного российского населения региона. Возрастало значение конкуренции на формирующемся рынке труда, свидетельством чего были регулярные сообщения о стычках и массовых драках китайцев и русских рабочих⁹³⁵.

⁹³⁴ Куропаткин А.Н. Русско-китайский вопрос. СПб, 1913. С. 195.

⁹³⁵ Панов А. Желтый вопрос в Приамурье // Вопросы колонизации. 1910. № 7. С. 65, 109; Комов А. О китайцах и корейцах в Приамурском крае // Сибирские вопросы. 1909. № 27. С. 23.

Комплексы настороженности, страхов, опасений, высокомерия и неуверенности, существовавшие в массовых настроениях, нуждались в оформлении, в вербализации. Требовались слова, образы, яркие и понятные метафоры. Все это без труда можно было найти во входящей в моду расовой теории. Из научной гипотезы она стремительно превратилась в идеологему – и в таком виде пришла в Россию. Исследователи отмечают меньшую, чем в Европе и США долю расового компонента в общей структуре ксенофобских комплексов⁹³⁶. Тем не менее, как и на Западе, именно расовые представления легли в основу стремительно набиравшего силу комплекса «Врага с Востока», не случайно и здесь названного «желтой опасностью».

Типичны в этом смысле слова профессора-антрополога, видного теоретика русского национализма А.И. Сикорского: «В современной русско-японской войне мы имеем дело с событиями и условиями, совершенно отличными от тех, с какими европейские народы привыкли иметь дело. Мы встречаемся здесь с расовой борьбой, но не в обычном вульгарном значении этих слов, а в совершенно ином смысле. Мы стоим в настоящую минуту лицом к лицу с крупным биологическим событием, которое выяснилось и поднялось во всей своей жизненной силе...»⁹³⁷.

С другой стороны, огромную жизненную энергию придавало формирующемуся синдрому подключение ресурсов собственного, отечественного концепта «монгольского ига». К этому времени он уже господствовал в историческом сознании, в качестве важнейшего постулата вошел в школьные и университетские учебники, его основные положения казались настолько очевидными, что выглядели уже трюизмами. Такой синтез дал мощную метафору «нового монгольского нашествия», «панмонголизма».

---

⁹³⁶ О формировании, структуре и роли расового дискурса в России см.: Могильнер М. *Homo imperii: история физической антропологии в России (конец XIX – начало XX вв.)*. М.: Новое литературное обозрение, 2008; Тольц В. *Дискурсы о расе: имперская Россия и Запад в сравнении // «Понятие о России» к исторической семантике имперского периода*. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. II. С. 145-193; Холл К. «Расовые признаки коренятся глубже в природе человеческого организма»: неуловимое понятие расы в Российской империи // «Понятие о России» к исторической семантике имперского периода. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. II. С. 195-258.

⁹³⁷ Цит. по: Могильнер М. *Homo imperii: история физической антропологии в России (конец XIX – начало XX вв.)*. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 215. Подробнее об А.И. Сикорском см.: Там же. С. 253-278.

Создавался огромный кумулятивный эффект, ведь с XIX века и по настоящее время в массовом сознании, официальной идеологии, школьных учебных программах господствует представление о том, что «иго» было самой страшной катастрофой в истории страны. Такое понимание «панмонголизма» совсем не имело в виду реальных монголов того времени. Мистические «монголы» «панмонголизма» выступают символом «Желтизны», «Нашествия», «Ига». Это сливается в инфернальный страх «войны миров». Выдающийся образец этого дают знаменитые работы В.С. Соловьева «Панмонголизм» и «Три разговора о войне, прогрессе и конце человеческой истории». По жанру это скорее пророчества о «предстоящем страшном столкновении двух миров», «о панмонголизме и азиатском нашествии на Европу»⁹³⁸. Уже не на расовой основе, но это идея о принципиальной несовместимости и неизбежной смертельной войне миров.

Влияние подобных представлений и образов было столь велико, что и вполне рациональный анализ рисков, реальных и потенциальных опасностей и проблем, вытекающих из новой геополитической и миграционной ситуации, наполнялся их идеологией или формулировался в их категориальном аппарате. Потребности управления Дальним Востоком, задачи его удержания, освоения и колонизации, теснейшая вовлеченность в международные отношения в регионе, экспедиция 1900 года в Китай и война с Японией – все это делало насущной потребностью изучение реальных проблем региона. Этим занимались гражданские и военные чиновники (столичные и колониальные), ученые, путешественники, публицисты. Иногда один человек мог выступать в нескольких из этих ролей. И здесь сразу вспоминается В.К. Арсеньев – всемирно известный путешественник, ученый, писатель, кадровый военный⁹³⁹. Зачастую это были выдающиеся знатоки местных реалий, глубокие и тонкие аналитики, хорошие стилисты. Многие их исследования и сейчас представляют не только историографический интерес. Еще

⁹³⁸ Соловьев Вл. Панмонголизм // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М.: Наука, 1993. С. 233; Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Владимир Сергеевич Соловьев. Сочинения в двух томах / Второе издание. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 635-762.

⁹³⁹ Его научную биографию см.: Хисамутдинов А.А. Владимир Клавдиевич Арсеньев. 1872–1930. М.: Наука, 2005.

более важно то, что и обычная образованная публика неплохо разбиралась в узлах международных отношений на Дальнем Востоке и, что уже точно, не путала Китай и китайцев с Японией и японцами. Задолго до появления имагологии в качестве отдельной науки изучались образы китайцев, японцев, даже в массовой прессе существовал отдельный образ корейца.

И, тем не менее, даже во вполне профессиональных исследовательских работах и в ведомственной аналитике широко и привычно использовалась терминология и образы синдрома «желтой опасности». Так, чиновник Переселенческого управления из Владивостока А. Панов, давая глубокий и трезвый анализ состояния рынка труда в связи с китайской миграцией, делал далеко идущий вывод о том, что «китайский поток вовсе не имеет того стихийного характера, который ему обычно придается. Это не то несокрушимое стремление, с которым движется глетчер, оползающая гора, морское течение или поток лавы и с которым воля человеческая не в силах бороться. Это самое естественное экономическое явление, регулируемое, как и всякое другое, спросом и предложением, а стало быть, и бороться с ним возможно и необходимо также на экономической почве – путем изменения условий рабочего рынка»⁹⁴⁰. Он очень четко отделяет положение на рынке труда китайцев, корейцев и японцев. И, тем не менее, в заголовках его статей обыденно употребляются словосочетания «желтый труд», «желтый вопрос», и даже «желтое засилье», с которыми он привычно призывает бороться⁹⁴¹.

Даже пропагандистская, а в чем-то и просто лоббистская брошюра его однофамильца, тоже А.А. Панова, основная идея которой сводилась к тому, что без иностранных, особенно американских, капиталов Россия потеряет Дальний Восток, называлась «Грядущее монгольское иго»⁹⁴².

Таким образом, российский вариант синдрома «желтой опасности», вобрав в себя основные западные «достижения», пре-

⁹⁴⁰ Панов А. Борьба за рабочий рынок в Приамурье // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 251.

⁹⁴¹ Панов А. Желтый вопрос в Приамурье // Вопросы колонизации. 1910. № 7. С. 53-116; Панов А. Желтый вопрос и меры борьбы с «желтым засильем» в Приамурье // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 171-184; Панов А. Желтый труд на Дальнем Востоке по данным 1914 года // Вопросы колонизации. 1916. № 19. С. 140-171.

⁹⁴² Панов А.А. Грядущее монгольское иго. Открытое письмо Народным Представителям. СПб., 1906.

жде всего расовый дискурс, внес много собственного, оригинального. Он имел очень сложную внутреннюю структуру – от вполне рационального анализа рисков от экспансионизма Японии, соседства с Китаем и зависимости от китайских мигрантов до эсхатологических построений и образов «Панмонголизма» Владимира Соловьева и «Скифов» Александра Блока.

Экзотизация «желтых» российского Дальнего Востока

Ксенофобия базируется на максимально глубоком отторжении от того субъекта, который признан «чужим». Чем выше степень отчуждения – тем больше градус страха и ненависти. Самый крайний вариант «чужого» – не человек, а существо, даже если это существо разумное, обладающее высоким интеллектом, огромными знаниями и способностями в их применении. Пример высочайшего интеллекта при нечеловеческой, непостижимой логике и морали – марсианин у Г. Уэллса. Очень показательна, кстати, что метафора «инопланетянин» встречается уже в российской публицистике начала века как вполне привычная⁹⁴³.

В этом контексте решающее значение имеет работа по дегуманизации, обезчеловечиванию «чужого». Если «чужой» – не человек, то при всех его остальных качествах к нему не применима человеческая мораль, нормы поведения, заповеди. Условно говоря, если «чужой» – это муравьи или саранча⁹⁴⁴, пусть даже и сверхразумные, то их уничтожение – не есть убийство. Такое уничтожение оправдано и необходимо, ибо и опасность в них таится также не человеческая, а запредельная, трансцендентная.

Одним из способов дегуманизации «врага», важнейшей инструментальной частью синдрома «желтой опасности» стал механизм экзотизации. В российском обществе и раньше было увлечение восточной экзотикой, «*китайскостями*» и «*японскостями*», мода на которые шла из Европы⁹⁴⁵. В этом контексте

⁹⁴³ «И вся эта одношерстная толпа имела вид людей совсем с иной планеты» (Вережников А. Китайская толпа // Современник. 1911. Кн. 3-4. С. 128).

⁹⁴⁴ «Китайцы – это тьма непросветная, гнус, саранча» – цитирует публицист «Современника» амурского крестьянина-старожила (Вережников А. Китайская толпа // Современник. 1911. Кн. 3-4. С. 132).

⁹⁴⁵ Малявин В. В. Восток, Запад и Россия. Избранные статьи. М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2005; Молодяков В. «В лимонной гавани Йокогама». «Живописная Япония» в русской поэзии Серебряного века // Родина. 2005. № 10. С. 58-60.

можно рассматривать и конструирование абстрактной модели неподвижного, застойного Китая, где отсутствуют свобода, закон и само понятие личности⁹⁴⁶. По словам А.М. Позднеева, «что касается самого Китая, то вопрос о нем все еще мало интересует европейцев и как будто представляется уже решенным. Китай – страна восточного застоя, замкнутости, страна, вообще враждебная к иностранцам – по своим традициям, своей косности, своим предрассудкам и своей отсталости. Китай – это совершенная противоположность Европе, которая есть выражение движения и прогресса. Китай замкнулся в себе и уединился от прочего человечества с своей полудикой культурой – Европа идет с девизом высокой цивилизованности к объединению народов, ей суждено внести эту цивилизацию и в самый Китай – обновить его жизнь»⁹⁴⁷.

Модель эта применялась скорее как интеллектуальный инструмент для понимания и оценки собственных проблем, а не реального Китая. «Разумнее предположить, – пишет В.В. Малявин, – что миф о «желтой угрозе», как всякое упоение экзотикой, высвобождает в европейцах какие-то инстинктивные страхи и запретные желания [...] Это чисто современный страх дегуманизации жизни, «расчеловечивания» человека, когда личность низводится до винтика экономических и государственных «механизмов», растворится в скотоподобной массе»⁹⁴⁸. И здесь трудно поэтому говорить о китаефобии. Пока китаец был «созданием с узкими глазами, которых рисуют на чайных ящиках»⁹⁴⁹, персонажем с чайных этикеток – вся эта экзотика воспринималась вполне отстраненно и нейтрально.

Экзотизация становится инструментом дегуманизации с появлением острой потребности в синдроме «желтой опасности». Как уже отмечалось, несущей конструкцией этой ксенофобии стало расовое понимание характера отношений между людьми и группами людей. Представление об органической принадлеж-

⁹⁴⁶ Подробнее см.: Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. С. 49-74; Малявин В. Восток, Запад и Россия. Избранные статьи. М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2005. С. 157-158.

⁹⁴⁷ Об отношении европейцев к Китаю. Речь, произнесенная на акте С-Петербургского университета 8 февраля 1887 года ординар-профессором А.М. Позднеевым. СПб., 1887. С. 5.

⁹⁴⁸ Малявин В. Указ. соч. С. 158.

⁹⁴⁹ Китай и китайцы // Москвитянин. 1852. № 24. Отд. 7. С. 163.

ности к расе, о цвете кожи и прочих фенотипических признаках как показателях уровня интеллекта и человеческой морали. Выстраивалась логическая цепочка: иная раса – другие люди – не люди вообще.

Известный и плодовитый публицист, многолетний обозреватель «Нового времени» М.О. Меньшиков неоднократно возвращался к мысли о том, что «расы», к которым он относил среди других и китайцев с евреями, настолько несовместимы друг с другом на биологическом уровне, что испытывают друг к другу инстинктивное «расовое отвращение». «Негр ненавистен американцу уже тем, что он негр. Китаец противен не чем иным, как лишь своим китаизмом: желтой кожей, косыми глазами, запахом, манерами». «Кроме экономической опасности, господствующие народы чувствуют просто физиологическую опасность покушения на чистоту своей расы, на плоть и кровь свою, понимая, что в особенностях крови все могущество народа. В диких на вид погромах и манифестациях обнаруживается протест естественной чистоты расы против противоестественного смешения их»⁹⁵⁰.

Наиболее ярким проявлением расового подхода, инструментом экзотизации, было общепринятое и общераспространенное употребление эпитета «желтый». Его широко и свободно, в качестве нормального и привычного, употребляли в обыденной речи представители и простонародья, и элитных слоев. Им оперируют журналисты, исследователи, ведомственные аналитики, чиновники, высшие администраторы. При этом в слово «желтые» могли закладываться разные смыслы и значения – от подчеркивания расовых коннотаций («желтая раса») до удобного агрегирования совокупности китайцев, корейцев и японцев.

Из Всеподданнейшего отчета приамурского генерал-губернатора: «Много лет покоившаяся на побережьях Тихого океана желтая раса ныне потревожена назойливыми чужеземцами и неволью встрепенулась. Перед нею страшная картина совершившегося с Индией, где старинные вельможные роды обратились в нули, а цветущие царства – в вассальные колонии для высасывания из них европейцами лучших жизненных соков. Перед ними предстало надвигающееся европейское владычество. Поднялась

---

⁹⁵⁰ Меньшиков М.О. Письма к русской нации. М.: Издательство журнала «Москва», 2000. С. 272-274.

голова этой расы, Япония, население которой по островному своему положению и примеси энергической и интеллигентной малайской крови, является мозгом и нервными центрами гигантского туловища – Китая и Кореи. Началась, пока и глухая, борьба пятисотмиллионной желтой расы с европейскими выходцами»⁹⁵¹. Характерно, что перед этим идет тщательный и обстоятельный анализ ситуации с мигрантами в регионе, и оцениваются выгоды и риски от присутствия именно китайцев, корейцев и японцев, а не агрегированных «желтых». Геополитический анализ, однако, потребовал иного категориального аппарата.

Вполне осознанно такой подход постулируется в книге В.В. Граве: «При выработке мер для борьбы с наплывом желтой расы в русские пределы и уничтожения их конкуренции с русскими предприятиями, необходимо, прежде всего, определенно выяснить положительные и отрицательные качества отдельных народностей, входящих в состав этой желтой массы, и в связи со значением, которое они имеют на местное население, регулировать отношение государства к ним»⁹⁵². И далее автор дает характеристику китайцам: «... Не менее важное значение представляют для страны с точки зрения Государственной безопасности присущие этому народу расовые особенности, поскольку таковые влияют на местную жизнь. Они выражаются в свойственном китайцам чувстве дисциплины; в стремлении организовать в отдельные общества или союзы для более успешного достижения намеченных целей; в консерватизме во взгляде на жизнь, на ее обстановку, благодаря которому китайцы не могут привыкнуть к регулирующим русскую жизнь законам и фактически управляются своими начальниками, тайно исполняющими свои обязанности по китайским законам; в полном равнодушии к смерти, а отсюда – в несоблюдении минимальных требований санитарии и личной гигиены и, наконец, в способности ограничивать до *minimum* а и личные потребности в одежде, пище, жилищах и т. п.»⁹⁵³.

⁹⁵¹ Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора Генерал-Лейтенанта Духовского. 1893, 1894 и 1895 годы. СПб., 1895. С. 167.

⁹⁵² Граве В.В. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Отчет Уполномоченного Министерства Иностранных Дел В.В. Граве // Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. XI. СПб., 1912. С. 234.

⁹⁵³ Граве В.В. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Отчет Уполномоченного Министерства Иностранных Дел В.В. Граве // Труды

В.К. Арсеньев пока анализирует проблемы, трудности, риски, связанные с пребыванием китайцев в Крае, анализирует их личные качества – говорит только о китайцах. Но как только дело доходит до общих выводов и рекомендаций, т. е. до политики – сразу переходит на эпитеты «желтый» и «желтый вопрос»⁹⁵⁴.

Генерал-губернатор Приамурского края П.Ф. Унтербергер, опытный колониальный чиновник, заслуженный исследователь и знаток края, уделял огромное внимание ситуации с китайскими и корейскими мигрантами. По его инициативе создан первый проект миграционного законодательства в России. Он употребляет термин «желтые» – но как обобщающую категорию для китайцев, корейцев и японцев. Борьба с «желтым трудом» для него – это вполне трезвая стратегия освоения региона, а не трансцендентная проблема «войны миров»⁹⁵⁵.

Генерал-губернатор Н.Л. Гондатти (1914): «...китайская эмиграция, высасывающая государственные и народные средства, ничего, кроме вреда, не приносит; в силу же того обстоятельства, что к нам стремится из Китая исключительно люд, которому терять решительно нечего и который, благодаря чисто своим расовым свойствам и принципам, смотрит на многие вопросы совершенно иначе, чем русские и вообще европейцы, они – во время своего пребывания в наших пределах являются элементом высшей степени незаконмерным...»⁹⁵⁶.

Военный министр, генерал А.Н. Куропаткин отстаивал геополитический проект присоединения к России Северной Маньчжурии для оформления безопасных естественных границ и гарантии удержания Дальнего Востока. Но вводил проект в контекст «желтой опасности», как общемировой угрозы. «Но особенную угрозу для Европы представляет движение против европейцев, начавшееся в Азии. Император Вильгельм II называет это движение «желтой опасностью» и пророчески указывает

командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. XI. СПб., 1912. С. 103.

⁹⁵⁴ Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историческо-этнографический // Записки Приамурского Отдела Императорского Русского Географического общества. Т. X. В. 1. Хабаровск, 1914.

⁹⁵⁵ Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912; Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1856–1898 гг. СПб., 1900.

⁹⁵⁶ «Движение китайцев в Россию принимает угрожающие размеры» // Источник. 1997. № 1. С. 70.

на серьезность этой опасности. Нельзя действительно не признавать опасности движения против Европы, в котором может принять участие население численностью около восьмисот миллионов душ, с армией в несколько миллионов человек». «Потеря владений в Азии и на других материках, потеря всемирных рынков – составляет такую угрозу самым жизненным интересам Европы, что для отражения опасности все европейские государства... должны объединить свои усилия, чтобы дать отпор силам других рас»⁹⁵⁷.

О распространенности подобных представлений говорит хотя бы то, что их придерживался выдающийся полярный исследователь и общественный деятель Ф. Нансен, человек, чей природный гуманизм реализовался в гигантских по масштабам программах помощи беженцам и перемещенным лицам после Первой мировой войны, помощи голодающим Поволжья. Наблюдая ситуацию с китайскими мигрантами на востоке России, он совершенно органично и естественно рассуждает в категориях расовых различий, противостояния и неизбежной битвы «рас» на взаимное уничтожение⁹⁵⁸.

В общем, как писал анонимный журналист, «...взгляды публицистов и ученых на китайскую «желтую опасность» совершенно не сходны между собой в основах. Одни признают эту опасность только в виде мирной, трудовой и всепоглощающей «желтой волны», другие присоединяют к этому еще возможность беспощадной, за жизнь или смерть, вооруженной борьбы между желтой расой и кавказской, как пророчит это известный китаевед проф. Васильев»⁹⁵⁹.

Идея «желтой опасности» разделялась в России далеко не всеми. Причем на очень разных основаниях. «Спасая Европу от придуманной и даже нарисованной императором Вильгельмом «желтой опасности», мы воевали с Японией... и, может быть, будем воевать с Китаем». Так осуждающе пишет убежденный сторонник русского национализма, призывающий бороться с за-

⁹⁵⁷ Куропаткин А.Н. Россия для Русских. Задачи русской армии. Т. III. Задачи России и русской армии в XX столетии. СПб., 1910. С. 253-254.

⁹⁵⁸ Нансен Ф. В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Пг., 1915.

⁹⁵⁹ Л-н. Капитуляция русского труда и капитала в Приамурье (к желтому вопросу) // Сибирский сборник за 1904 год. (Приложение к газете «Восточное обозрение»). Иркутск, 1904. С. 78.

сильем в стране евреев, китайцев, иностранцев. Провозглашая лозунг «Россия для русских», он восхищается японским национализмом и призывает учиться у него⁹⁶⁰.

Социалист С.Н. Тавокин, также восхищаясь «великим прогрессом Японии» и ее военными успехами, переводит проблему в плоскость классово-борьбы: «Если же «желтая опасность» и существует, если она и представляет некоторую реальную силу, то угрожает она не человечеству, не культурному миру, а единственно той «белой» буржуазии, которая питалась дальневосточными рынками. Если призрак «желтой опасности» страшен, то не Европе и европейской цивилизации, а исключительно лишь современному капиталистическому строю Старого и Нового Света». В общем, «свет, избавление от яра капитализма, разрешение социалистического вопроса произойдет с Востока»⁹⁶¹.

Однако отрицание «желтой опасности» не сопровождается у них протестом против употребления самого эпитета «желтый» или его игнорированием в собственных текстах. Даже противник расовой теории, политический ссыльный-народник и выдающийся исследователь Сибири Д. Клеменц, принципиально и аргументированно отрицая «желтую опасность», возможность объединения столь разных народов как китайцы, японцы и монголы, тем более для совместной экспансии против Европы, привычно пользуется соответствующей терминологией, даже не заковычивая ее⁹⁶².

И только внимательный наблюдатель и тонкий аналитик Д.И. Шрейдер практически не пользуется словом «желтый» и не мыслит в этих категориях. «На манз⁹⁶³ да и на всех прочих инородцев, не исключая японцев, занимающих ныне едва ли не первое место на всем азиатском Востоке, европеец – безразлично: на нашей ли далекой окраине, в Индии, на Малайском архипелаге и т. д. – всегда привык смотреть, как на людей низшей породы.

---

⁹⁶⁰ Тимофеев П. Порто-франко на Дальнем Востоке и русский космополитизм. М., 1908. С. 16-22.

⁹⁶¹ Тавокин С.Н. К вопросу о «желтой опасности». Киев: Изд-во «Восточная библиотека», 1913. С. 4, 24, 31.

⁹⁶² Клеменц Д. Беглые заметки о желтой опасности // Русское богатство. 1905. № 7. С. 36-56.

⁹⁶³ «Манзами» называли тогда китайцев на российском Дальнем Востоке.

С ними не сближаются... обыватели равно не знают их и равно чужды им»⁹⁶⁴.

Важнейшей, знаковой фигурой англо-американской массовой культуры, *персонифицированным* образом «желтой опасности» в ней был гениальный, но лишенный человеческих чувств доктор Фу Манчу. Через весь XX век прошел образ этого «*зловещего доктора*», героя серии детективных романов⁹⁶⁵ и нескольких фильмов⁹⁶⁶ – мистического восточного человека, хитрого, коварного, обладающего невероятным умом и огромной образованностью. Получившего европейское образование и знания и потому особенно страшного. Человеческий облик сочетается в нем со сверхинтеллектом, сверх-образованностью (знание всех достижений восточных и западной цивилизаций) при полном отсутствии человеческой морали, этики, всего человеческого. Он не доступен человеческому пониманию и смертельно опасен именно поэтому. Это абсолютный злодей, стремящийся к уничтожению европейского мира. Он угрожает самим основам существования человека и человечности. Это, скорее, не человек, а существо, но существо индивидуализированное, яркая и уникальная личность.

Именно этого нет в российской традиции – нет личностей, нет лиц, нет героев и анти-героев. Людей нет вообще – есть одна масса. Именно поэтому еще с середины XIX века излюбленной становится метафора «муравьи». О китайских «муравейниках» писал еще А.И. Герцен⁹⁶⁷. Этот же образ находим в популярной брошюре, допущенной Ученым комитетом Министерства народ-

⁹⁶⁴ Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. СПб., 1897. С. 82.

⁹⁶⁵ Сакс Ромер. Зловещий доктор Фу Манчу. Оригинал: Sax Rohmer «The Mystery of Dr. Fu-Manchu (The Insidious Dr. Fu-Manchu)», 1913. М.: Деком, 1993; Сакс Ромер. Возвращение доктора Фу Манчу. Оригинал: Sax Rohmer, «The Devil Doctor (The Return of Dr. Fu-Manchu)», 1916. М.: Деком, 1993; Сакс Ромер. Рука доктора Фу Манчу. Оригинал: Sax Rohmer, «The Si-Fan Mysteries (The Hand of Fu-Manchu)», 1917. М.: Деком, 1993; Сакс Ромер. Дочь доктора Фу Манчу. Оригинал: Sax Rohmer, «Daughter of Fu Manchu», 1931. М.: Деком, 1993; Сакс Ромер. Невеста доктора Фу Манчу. Оригинал: Sax Rohmer, «The Bride of Fu Manchu», 1933. М.: Деком, 1994; Сакс Ромер. Президент Фу Манчу. Оригинал: Sax Rohmer, «President Fu Manchu», 1936. М.: Деком, 1994; Сакс Ромер. Остров доктора Фу Манчу. Оригинал: Sax Rohmer, «The Island of Fu Manchu», 1941. М.: Деком, 1994. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.oldmaglib.com> (режим доступа: свободный).

⁹⁶⁶ Western Visions: Fu Manchu and the Yellow Peril // The Illuminated Lantern. Revealing the Heart of Asian Cinema. 2000, Vol. 1. Oct.-Nov. Issue 5. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.illuminatedlantern.com/fumanchu/index.html> (режим доступа: свободный).

⁹⁶⁷ Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Сочинения: В 9 т. Т. 6. М.: ГИХЛ, 1967. С. 67-68.

ного просвещения для народных библиотек всех низших учебных заведений, в народные читальни и для публичных народных чтений: «Путешественники, углубившиеся внутрь страны, все были изумлены несметными массами людей, которые кишмя кишат там везде, точно муравьи в каком-то огромном муравейнике»⁹⁶⁸.

Подчеркивание массовидности, стайности, реализуемое через эпитеты «муравьи», «саранча», «гнус», «толпа», становится важнейшим способом дегуманизации. Господствует отношение к китайцам как к некоей однородной массе, в которой растворялась индивидуальность каждого. Индивид не воспринимается как субъект, а лишь как часть «муравейника».

Пугающую картину рисует публицист «Современника» А. Вережников. «Китайская толпа в синих лохмотьях, с одинаковыми безбородыми, безусыми желтыми лицами, бредет, куда глаза глядят. Не сговаривается, не спорит, не противоречит... переговаривается одинаковыми шипящими, чиликающими глосами... И нет в ней предводителя, зачинщика, человека выше всей этой толпы на целую голову... В ней нет гордых, смелых, отчаянных голов... Все фигуры в китайской толпе по одному образцу, как фабричное изделие». «Толпа поднялась. Расползлась по косогору, заполнила пустое пространство и валом повалила к месту работ». «Но в этом равнодушии, полусне и полудремоте чувствуется терпеливое выжидание момента, скрытая настороженность. И, кажется, что вот-вот они зашевелиятся все разом, задвигают желтыми белками, поднимутся и пойдут. И будут идти... из десятков вырастая в сотни, из сотен в тысячи... и все будут идти и идти, плодясь и размножаясь»⁹⁶⁹. Эта талантливая зарисовка пронизана сложным чувством пренебрежения, страха, безглаговного отчуждения и немного жалости. Это отношение не к людям, а к саранче, к инопланетянам – и неслучаен пассаж о том, что у них «вид людей совсем с другой планетъ». Прямо или косвенно подразумевается здесь и другое измерение: муравьи – возможно, и разумные существа, но не люди. Они руководствуются не человеческой логикой и моралью, поэтому и отношение к ним может строиться вне этого контекста.

⁹⁶⁸ Пуцыкович Ф.Ф. Китайцы. Чтение для народа. Изд. 3-е. СПб., 1901. С. 14.

⁹⁶⁹ Вережников А. Китайская толпа // Современник. 1911. Кн. 3-4. С. 124-130.

Отсюда массовая уверенность, что у них «пар вместо души». По словам Н. Пржевальского: «...наши казаки и солдаты всех инородцев называют не иначе как «тварью»⁹⁷⁰. Молодой офицер А.В. Верещагин, оказавшийся в Благовещенске сразу после того, как в Амуре было утоплено несколько тысяч китайцев, описывает реакцию горожан. Вот один из его очерков. В вечерней мгле пароход, на котором он путешествует по Амуру, приближается к чернеющим на воде предметам. «Китаец – говорит мне вполголоса старик-лоцман, таким невозмутимым тоном, точно речь шла о какой-либо коряге или колдобине... На морщинистом лице старика, с редкой коричневой бородкой, появляется презрительная улыбка. Она как бы говорила: «стоит ли обращать внимание на такие пустяки!»! Характерна и реакция пассажиров – «когда во всю ширь Амура поплыли утопленники», «все повылезли из кают – смотреть на такое невиданное зрелище». Достаточно насмотревшись, все идут обедать⁹⁷¹.

Талантливый наблюдатель Н. Матвеев писал: ««Ходя», «китаюза», «купеза» – такое, как и везде, обращение к ним, обращение насмешливо-снисходительное, большого с малым, взрослого с подростком. Щелкнуть «ходю» в лоб, дернуть его за косу, дать ему «подножку», хорошего «тумака» – все это было допустимо, сходило совершенно безнаказанно и делалось просто так, любя, шутки ради... Оборотить, ограбить «ходю» среди бела дня, «укокошить» его считалось делом пустяковым, совсем безгрешным, все равно, что зарезать барашка, и всякий ответ за него казался сущей бессмыслицей. И если «добрые люди» находили где-нибудь на дороге труп китаюзы, то просто за ноги оттащивали его в сторонку и спускали его в шурф; тем все и кончалось. Ни разборами, ни протоколами, ни всякими там следствиями никто себя не беспокоил. Есть из-за кого...»⁹⁷².

В образе муравья нет издевки и даже насмешки. Есть отстраненность, спокойная констатация нечеловеческой природы китайцев. А вот образ других «желтых» – японцев – насыщен

---

⁹⁷⁰ Пржевальский Н. Путешествие по Уссурийскому краю. 1867–1869. СПб., 1870. С. 142.

⁹⁷¹ Верещагин А.В. По Манчжурии. 1900–1901 гг. Воспоминания и рассказы // Вестник Европы. 1902. № 1. С. 116–118.

⁹⁷² Матвеев Н. Китайцы на Карийских промыслах // Русское богатство. 1911. № 12. С. 30.

оскорбительными коннотациями в полной мере. Если китайцы – «муравьи», то японцы – «макаки». Называть их так публично не стеснялся и Николай II. Вокруг этого образа выстраивалась военная пропаганда времен Русско-японской войны⁹⁷³.

Об опасности подобного взгляда писал накануне войны бывший Приамурский генерал-губернатор, генерал Д.И. Суботич (1903 г.): «Только теперь (для тех, кто не знал этого раньше) выяснилось, что Япония населена не «япошками», а настоящими «японцами», которые такие же люди, как и мы, грешные, и которым «наступать на голову» не следует, ибо, вообще, ни во внешней, ни во внутренней политике это – недопустимо»⁹⁷⁴. Правда, до 1908 года это оставалось мнением для своих и никак не повлияло ни на общественные настроения, ни на стратегию военной пропаганды.

При всей оскорбительности метафоры «макака» – это уже признание большей, чем у китайцев близости к человеческой природе, что выражалось и в персонификации образов – предметом насмешек становятся конкретные японские генералы и адмиралы. Суть издевки и состоит в том, что отторгается претензия на равенство и включенность. Делается это, как отметил А. Мещеряков, через экзотизацию телесности. Отсюда насмешки по поводу маленького роста, узких глаз и т. д.⁹⁷⁵

Признание нечеловеческой или недочеловеческой природы «желтых» («муравьев» – китайцев и «макак» – японцев), их дегуманизация, становилось естественной и необходимой предпосылкой для демонизации «чужого», для превращения реального или потенциального противника в смертельного врага.

Мы забыли, пишет известный дальневосточный аналитик, «один весьма важный антропологический закон: скала монгольского племени по своей твердости занимает первое место среди всех народов на нашей планете [...] Они по своей выносливости, плодовитости и нетребовательности представляют из себя почти 400-миллионную массу, volens-nolens, но мирно,

⁹⁷³ Подробный анализ см.: Филиппова Т.А. «Враг с Востока». Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М.: АИРО–XXI, 2012. С. 40-101.

⁹⁷⁴ Задачи России на Дальнем Востоке. Письмо генерала Д.И. Суботича к Военному министру А.Н. Куропаткину в 1903 году. Ревель, 1908. С. 39.

⁹⁷⁵ Мещеряков А.Н. Статья японцем. М.: Эксмо, 2012. С. 282-295.

бескровно поглощают с костями соседние народы[...] Народы Китая – тот биологический вулкан, который придя в действие, должен, судя по ходу исторической эволюции, задавить все близ лежащее»⁹⁷⁶.

При осмыслении «желтой проблемы» мистический элемент, ощущение грядущей «войны миров» присутствовало почти везде. О ее распространенности, обыденности говорит присутствие подобного сюжета в таком популярном уже в начале XX века жанре массовой литературы как фантастика. «Желтые полчища» предстают там, как нерасчлененная, не дифференцированная, не индивидуализированная масса⁹⁷⁷.

Демонизация относится не только к синдрому «желтой опасности». При сопоставлении всех «великих ксенофобий» XX века бросается в глаза элемент трансцендентности, запредельности опасности от того или иного «чужого». Угроза с их стороны воспринимается не как что-то рациональное или поддающееся рациональному обоснованию и/или объяснению, по крайней мере, описанию, а как нечто таинственно-грозное, глобальное, всеобще-вездесущее, мало зависящее от действий, воли и решений отдельных людей. Рок.

«Чужой», представляющий опасность, предстает не в облике конкретного «противника», имеющего совершенно реальные интересы, несущие в себе угрозу, пусть даже смертельную. Он становится персонификацией «абсолютного зла», воплощением тотальной чужеродности, принципиальной несовместимости. Аналогом Дьявола. С ним невозможно договориться, сторговаться, достичь компромисса. Его логику невозможно понять. Конфликт с ним – это тотальное противостояние, смертельная война до полного уничтожения одной из сторон. А неконкретность, невидимость «врага» делает сомнительным возможность победы над ним. Запредельность и смертельность угрозы вытекает из того, что ее носитель – человек принципиально иного мира, и в этом смысле – скорее не человек, а мыслящее и разумное существо. Расовый подход подразумевал настолько прин-

⁹⁷⁶ Мацокин П. Несколько слов к статье Л. Богословского «Крепость-город Владивосток и китайцы» // Вестник Азии. 1913. № 15. С. 18-19.

⁹⁷⁷ Кошелев А. Реванш «желтый» // Алфавит. 2000. № 35 (93). [Электронный ресурс]: URL: <http://www.alphabet.ru/nomer.shtml?action=select&a=82> (режим доступа: свободный).

ципально качественные отличия, что практически выводил представителей других рас из категории людей с их моралью и системами ценностей. Поэтому «желтые», «муравьи», даже «макаки» предстают как враг с нечеловеческой, **инопланетянской** логикой и мотивацией действий.

По словам Л. Гудкова, «речь идет не о конкретных неприятностях или частных действующих лицах – противнике, оппоненте, социально опасном лице, т. е. предсказуемых и понимаемых по своим мотивам действиях. Для того, чтобы этот актер стал «врагом», он должен получить ряд генерализированных характеристик: неопределенность и непредсказуемость, асоциальную силу, не знающую каких-либо нормативных или конвенциональных ограничений. При появлении «врага» не работают или уходят на задний план обычные системы позитивных вознаграждений и стимулов взаимодействия...». От «врага» исходит угроза, смертельная опасность самому существованию группы⁹⁷⁸.

* * *

В этом тексте очень много цитат, иногда огромных. Поэтому, в каком-то смысле, он приобретает характер коллажа. Это вполне законный жанр – и чтобы выдержать его до конца, приведу в заключение еще две большие цитаты. Они отражают крайние, радикально противоположные отношения к проблеме.

Анонимный автор «Сибирского сборника» решительно выступает против взгляда, по которому «китайское население края оказывалось какой-то общею многотысячною шайкою разбойников, хищников, разоряющих естественные богатства края и вносящих своей распущенностью, опиокурением, азартными играми и прочим – полную деморализацию в среду русского элемента. За манзами не оставлялось ни одной светлой черты; в жизнь края они вносили только одно зло – и нравственное, и экономическое, и политическое, плодили бесправие – словом, являлись таким отбросом, против которого нужны были самые строгие меры, и чем скорее избавился бы край от такого элемента, тем было бы лучше».

Он прямо пишет о мотивах подобного отношения: «в силу исконной враждебности сибирского населения к инородцам и

⁹⁷⁸ Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социальной интеграции // Образ врага. М.: ОГИ, 2005. С. 12.

традиционной привычке считать их ниже себя, не допускать до себя, а ставить лишь объектом всевозможной эксплуатации, русское население, не имевшее в своем характере, ни в образе жизни и культуре ничего общего с китайцами, смотрит на манз, по простонародному выражению, как на тварь, не имеющую даже души и стоящую отчасти даже вне закона. Различия столь несхожих гражданских традиций, религий, цивилизаций и характеров, как русский и китайский, всюду, во всех странах, сопровождались самыми резкими осложнениями и всюду с ними приходилось считаться очень сильно». И вывод: «нужно[...] снять с китайцев излишние нарекания и показать, что они также люди и имеют такое же право, как и все, на покровительство законов, что они постольку же равноправны, поскольку то допущено основными законами, а не произволом массы; короче, нужно было вывести манзу из ложного положения, как ради него самого, так и ради правильного течения жизни в русской дальневосточной колонии»⁹⁷⁹.

Однако господствовала иная позиция, прямо и откровенно сформулированная в брошюре П. Ухтубужского: «Известно, что желтые народы питают органическую ненависть к европейцам, а к нам, русским в особенности [...] Они мечтают [...] о завоевании всего мира [...] Нашествие желтых на богатые области Сибири уже началось. Правда, это, как выражаются у нас, «мирное», экономическое нашествие, но и при этом мирном нашестве русские вытесняются желтыми, которые захватывают торговлю, промыслы, заработки и т.д.». «Народами правит Бог. Побеждают те народы, которые защищают Добро и Истину. Если в Азии столкнется Россия, несущая народам свет Православия с желтыми народами, погрязающими во тьме язычества, то в исходе этой борьбы не может быть сомнений. Крест одержит победу над Драконом, олицетворяющим «князя мира сего»⁹⁸⁰.

Анализ ксенофобских комплексов, особенно если это не подразумевает социологической оценки масштабов их распространения и глубины воздействия, чреват опасностью абсолютиза-

⁹⁷⁹ Л-н. Капитуляция русского труда и капитала в Приамурье (к желтому вопросу) // Сибирский сборник за 1904 год. (Приложение к газете «Восточное обозрение»). Иркутск, 1904. С. 77-108.

⁹⁸⁰ Ухтубужский П. Русский народ в Азии. 1) Переселение в Сибирь. 2) Желтая опасность. Издание Русского народного союза Михаила Архангела. СПб., 1913. С. 64-65, 75, 85.

ции их роли и значения в интеллектуальной, идеологической и политической жизни общества. В принципе, это предмет специального анализа. Тем не менее, уже из материалов этого текста видно, что отношение к синдрому «желтой опасности» в поздней имперской России было сложным и неоднозначным. Были его решительные противники, и яростные сторонники. Причем и те, и другие часто исходили из разных, иногда взаимоисключающих, посылок. Было много тех, кто отвергал основные положения синдрома или стремился понять, насколько миграционная и геополитическая ситуация России, связанная с соседством с дальневосточными странами и народами, несет в себе риски и угрозы для страны. Однако использование ими терминологии и образов, дискурса синдрома «желтой опасности» только вело к его усилению, укрепляло его легитимность. И экзотизация представителей дальневосточных народов вносила свой немалый вклад в этот процесс.

6.2. Язык описания «столыпинских» переселенцев в служебной аналитике Переселенческого ведомства

Аграрное переселение на восточные окраины Российской империи в начале XX века почти вдвое увеличило население Сибири⁹⁸¹. Мощный переселенческий поток, (а в годы «пика» движения из Европейской России за Урал проходило не менее полумиллиона человек в год), требовал от государства не только огромных организационных усилий, но и идеологического осмысления явления, выработки языка его описания.

Как представители власти воспринимали это движение, как разделялся и группировался переселенческий поток в служебной документации, в каких категориях описывались «столыпинские» переселенцы чиновниками-экспертами – эти вопросы определяли исследовательский интерес при работе над данной темой.

Для реконструкции бюрократического и экспертного (что зачастую в рассматриваемых ситуациях совпадает) языка описания переселенцев была проанализирована делопроизводственная

---

⁹⁸¹ Шиловский М.В. Массовые переселения начала XX века как способ утверждения Российской идентичности в Сибири // Азиатская Россия: Миграции, регионы и регионализм в исторической динамике. Иркутск: Отгиск, 2010. С.55.

документация и служебная аналитика Переселенческого ведомства. Источниковую базу исследования составили, с одной стороны, годовые отчеты о деятельности местной переселенческой организации со сведениями о ходе и положении переселенческого дела в Иркутской губернии, с другой стороны, экспертные статьи, отчеты, справки, публиковавшиеся, главным образом, на страницах периодического издания «Вопросы колонизации».

Несколько слов о том, почему публикации в этом журнале и архивные материалы фондов Переселенческого ведомства рассматриваются как источники одного порядка.

Специализированный периодический сборник «Вопросы колонизации» издавался при финансовой поддержке Переселенческого управления на протяжении 1907–1916 годов. Он выходил с периодичностью два номера в год (за исключением 1909 и 1916 г., когда было подготовлено по одному выпуску) и таким образом, всего было издано 19 номеров. По сути, сборник играл роль официального издания Переселенческого ведомства, на страницах которого печатались авторы, непосредственно причастные к проведению переселенческой политики. Практически в каждом выпуске публиковались материалы по истории переселения, очерки колонизации различных регионов, аналитические статьи «на злобу дня», отражавшие проблемы текущего момента. Кроме того в каждом номере помещались материалы заседаний правительственных комиссий и Особых Совещаний по вопросам переселения, законопроекты и их обсуждения, сметы и отчеты Переселенческого управления, работы первых лиц государства. Однако в целом содержание сборников было далеко от правительственного официоза. Здесь можно было встретить как преимущественно теоретические, так и сугубо эмпирические материалы.

Появление такого издания в 1907 году неслучайно. С одной стороны, именно в это время наблюдается небывалый рост переселенческого движения. А с другой стороны, Переселенческое Управление, учрежденное еще в 1896 году, превращается в своеобразное «министерство колоний», заботящееся «о всестороннем развитии наших окраин»⁹⁸². В сферу его ответственности входят не только руководство передвижением переселен-

---

⁹⁸² Гинс Г. Вопросы колонизации Азиатской России и «выставка по переселенческому делу» // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 4-5.

цев и землеотводными работами на местах их водворения, но и поземельное устройство старожильского и инородческого населения, чем ранее занималось Министерство земледелия и государственных имуществ. Сосредоточение функций по землеустройству как переселенцев, так и старожилов в одном ведомстве начинается с 1905 года, когда Переселенческое управление переходит из-под контроля МВД во вновь образованное Главное управление землеустройства и земледелия⁹⁸³.

До 1909 года вопросами устройства переселенцев на месте водворения ведали чиновники Главного управления землеустройства и земледелия, носившие звания «заведующих водворением». Затем в целях объединения деятельности чинов Переселенческого управления эти вопросы были переданы в компетенцию одного лица: «заведующего землеустройством и переселением». На него было возложено общее руководство постановкой всех сторон переселенческого дела во вверенной ему губернии. Заведующие землеустройством и переселением в Сибири входили в состав Общих Присутствий губернских управлений, где имели право решающего голоса при обсуждении переселенческих вопросов. Они должны были представлять губернатору сметы и планы проведения работ на каждый предстоящий год, а также годовые отчеты о деятельности местной переселенческой организации со сведениями о ходе и положении переселенческого дела⁹⁸⁴.

В штате Переселенческого управления и его местных структур на 1 января 1911 года состояло 2328 человек. В это число входили заведующие переселенческими районами и подрайонами, их помощники, работники землеотводных партий, техники, различного рода специалисты (фельдшеры, агротехники и пр.)⁹⁸⁵.

Работники Переселенческого ведомства к этому времени составляли особую категорию «чиновников-ученых», о чем под-

⁹⁸³ Подробнее о структуре и функциях Переселенческого управления см.: Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Управление миграционными процессами в поздней имперской России: концепты, люди и структуры // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Отгиск, 2012. С. 27–92.

⁹⁸⁴ Шободоев Е. Организация переселения и землеустройства в Иркутской губернии (историческая справка) // Во власти истории: Евгений Шободоев: сборник статей и публикаций / сост. А.В. Шободоева. Иркутск: Отгиск, 2009. С. 209–210.

⁹⁸⁵ Обзор переселения и землеустройства за Уралом за 1906–1910 гг. // Вопросы колонизации. № 10. 1912. С. 233.

робно пишут в своей работе А.В. Ремнев и Н.Г. Суворова⁹⁸⁶. Заселение новых земель предварялось проведением широкомасштабных исследований с участием специалистов ботаников, почвоведов, гидрологов, агрономов. Процесс водворения переселенцев сопровождался изучением их экономического положения, к чему привлекались первоклассные экономисты и статистики.

В свою очередь, эксперты, публиковавшие материалы в «Вопросах колонизации», во многом опирались на отчеты о водворении и переселении и другую делопроизводственную информацию. Зачастую они и сами входили в штат Переселенческого ведомства и имели непосредственное отношение к подобной документации. Эти люди знали ситуацию с переселенцами не понаслышке, оперировали конкретными фактами, находились в курсе реальных проблем. В то же самое время они не были свободны от распространенных в обществе идеологием и стереотипных представлений. Их отношение к переселенцам во многом определялось восприятием собственно переселения как явления.

Переселенец как «носитель цивилизации» и «колониационный материал»

В оценке характера и значимости крестьянского переселения, несмотря на различия взглядов по отдельным вопросам, авторы проанализированных материалов проявляют единодушие. Миграции из Европейской России на восток рассматриваются, прежде всего, как важное государственное дело, как освоение малообжитых земель, как процесс расширения границ империи и нации⁹⁸⁷. Неслучайно для обозначения всей совокупности восточных и юго-восточных имперских окраин в обиход проч-

---

⁹⁸⁶ Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Управление миграционными процессами в позднеимперской России: концепты, люди и структуры // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Отгиск, 2012.

⁹⁸⁷ Об имперской и национальной составляющей властного дискурса см. подробнее: Ремнев А.В. Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX века // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 112–146; Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи: оценки и прогнозы имперских экспертов // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Отгиск, 2010. С. 17–64.

но входит понятие Азиатская Россия. Колонизация российских окраин – вот та основная идея, которая определяет восприятие переселенческого движения.

Мнения чиновников низшего и среднего звена находятся в русле общегосударственной политики, которую озвучивают представители верхних эшелонов власти. «Важнейшим в Сибири государственным делом является переселение, – пишет в отчете о поездке в Сибирь П.А. Столыпин. – Богатая всем, кроме людей, Сибирь только в приливе сюда живой русской рабочей силы может найти полноту хозяйственной и культурной жизни. Все остальное: быт старожилов, киргиз, казаков, лесные и горные промыслы, земские и городские дела – все это представляет довольно неподвижную общую среду; напротив, переселение является здесь главной движущей силой»⁹⁸⁸.

«Заселение *окраин* как таковых, то есть создание на самых границах Азиатской России политически и экономически крепких оплотов, составляло одну из главнейших задач А.В. Кривошеина»⁹⁸⁹, – пишет в обзоре истории колонизационного дела В. Вошинин о главноуправляющем землеустройством и земледелием в 1908–1915 гг.

Представление о безлюдности окраин становится общим местом в переселенческой риторике, так же как и уверенность в исконной принадлежности этих земель России: «наша Сибирь», «наш Туркестан» ожидают того, что будут освоены и включены в общее российское пространство. Если же и возникает речь об уже обитающем здесь местном населении, то о нем говорится как о нуждающемся в опеке и просвещении.

«Местное население, – пишет автор показательной во многих отношениях работы⁹⁹⁰, – должно выйти из состояния пенкоснимателей богатой природы и забыть о полудикой свободной жизни в неограниченной шире, где нет никаких побудительных

⁹⁸⁸ Записка Председателя Совета Министров и Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь в 1910 г. // Вопросы колонизации. 1911. № 8. С. 277.

⁹⁸⁹ Вошинин В. Колонизационное дело при Кривошеине // Вопросы колонизации. 1916. № 18. С. 20.

⁹⁹⁰ Речь идет о статье Г. Гинса, посвященной обзору «выставки по переселенческому делу» 1912 года. Здесь возникает двойная репрезентация переселения – автор представляет читателю выставку, которая, в свою очередь, представляет посетителю историю и современное состояние переселенческого дела.

факторов к культурному интенсивному хозяйству. Этот перелом в укладе жизни местного населения не может совершиться без помощи казны»⁹⁹¹.

Нередко при возникновении темы цивилизаторской миссии переселенцев в сдержанное и сухое изложение фактов относительно состояния переселенческих поселков, размера ссудной помощи, организации сельскохозяйственных складов вдруг вторгаются пафосные интонации, возникают яркие образы и метафоры.

«Два миллиона душ, водворенных за пятилетие 1906–1910 гг., двадцать четыре миллиона десятин, отведенных переселенцам, это отчет обществу и истории» – восклицает Г. Гинс⁹⁹². Чуть ниже он добавляет: «При населении Сибири, выражающемся ныне 12 миллионами, каждый новый миллион искусственного прироста уподобляется склянке «живой воды», возвращающей силы мертвому богатырю. Никакое развитие торгово-промышленной жизни Азиатской России, никакое интенсивное хозяйство в ней немыслимо при редком населении. Переселение является средством экономического оживления Сибири»⁹⁹³.

Думаю, будет уместно в этой связи упомянуть о другой, во многом схожей метафоре (правда, с иной гендерной окраской), которая возникла примерно в те же годы и относилась к еще одной имперской окраине. Это – сравнение Северного края со спящей красавицей, охраняемой грозным змеем Горынычем, пробудить которую к жизни сможет только железная дорога. Так образно в 1909 году местный предприниматель пытался убедить читателей городской газеты вкладывать деньги в железнодорожный проект⁹⁹⁴. В. Шперлинг пишет, что Север здесь «переосмысливался по образцу Сибири как имперская окраина: природной дикости окраины можно было радоваться, но лишь недолго, поскольку грубую природу надлежало укротить во имя прогресса и цивилизаторской миссии»⁹⁹⁵.

⁹⁹¹ Гинс Г. Вопросы колонизации Азиатской России и «выставка по переселенческому делу» // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 7.

⁹⁹² Там же. С. 41.

⁹⁹³ Гинс Г. Вопросы колонизации Азиатской России и «выставка по переселенческому делу» // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 47.

⁹⁹⁴ Шперлинг В. «Спящая красавица»: что делать? Империя как понятие, метафора и сеть взаимодействий // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 71- 98.

⁹⁹⁵ Там же. С. 79.

Не только сам по себе прогресс и его распространение в далеких землях придают делу переселения такую важность в глазах общества. Цивилизаторский пафос сопровождается страхом запустения, а то и вовсе утраты этих земель, поскольку за этим «пустым пространством» притаился враг. «Японская война заставила вплотную подойти к вопросу о немедленном заселении тех огромных пространств, которые до сего времени лежат как мертвый, но ценный груз, тая несметные богатства, требующие только приложения труда»⁹⁹⁶. Опять возникает образ мертвого сна, скрытого богатства, ждущего своего открытия, но также и нуждающегося в защите.

«Японская война и пробуждение Китая, – вторит ему другой автор, – ясно показывают, что если мы не поторопимся наверстать пропущенное нами для колонизаторской деятельности время, то подвергаемся опасности не удержать Тихоокеанское побережье перед агрессивными, начинающими усваивать новейшую технику, соседями»⁹⁹⁷.

Необходимость искать все доступные способы к извлечению доходов «из дремлющих природных богатств страны» только усиливается в связи с мировой войной, о чем пишет один из главных редакторов «Вопросов колонизации» Г.Ф. Чиркин. Это насущная необходимость «отчетливее и виднее освещает тот исторический путь, по которому до сих пор медленно шла Россия – путь освоения государственной территории русским народом»⁹⁹⁸.

Для описания продвижения русской колонизации на восток он обращается к метафоре «постепенно суживающегося зазубренного меча, тонким концом соприкасающегося у берегов Тихого океана с обширным государством желтой расы». Для того, чтобы «этот тонкий конец русского меча, при столкновении с желтой расой, не был обрублен», он предлагает более интенсивно проводить колонизацию пустыющих территорий, причем не только аграрную, но и промышленную. Необходимость такой

⁹⁹⁶ Введенский И. Землеустройство и колонизация // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 113.

⁹⁹⁷ Коль А. Американская гомстедная система наделения переселенцев землею как средство успешной колонизации и экономического развития русских окраин // Вопросы колонизации. 1912. № 10. С. 4.

⁹⁹⁸ Чиркин Г. О колонизационно-культурных задачах после войны // Вопросы колонизации. 1916. № 18. С. 26.

колонизации проистекает из близости (а, следовательно, опасности) Китая и наличия неосвоенных российских земель. Без притока населения невозможно ни аграрное, ни промышленное освоение данной территории.

Переселенец в этом смысле наделяется высокой цивилизаторской миссией – превратить необжитые окраины в неотъемлемую территорию империи, приобщить местное население к цивилизации, стать гарантом всестороннего развития этих земель и противостоять «засилию желтой расы». В то же самое время к нему прилагаются объективирующие, можно даже сказать, механистические категории, такие как *колониционный материал* и *колониционный элемент*.

«Теперь мы должны именно постараться выяснить, что такое представляет собою наш переселенец, как *колониционный материал*»⁹⁹⁹, – пишет в 1905 г. А.А. Кауфман¹⁰⁰⁰, известный экономист и статистик, который на протяжении двух десятилетий успешно сочетал исследовательскую и служебную деятельность, работая в многочисленных правительственных комиссиях и комитетах, связанных с переселенческим делом. «Переселенцы Тамбовской, в особенности же Полтавской, Черниговской и Екатеринославской губерний представляют в высшей степени *полезный колониционный элемент* при степных условиях хозяйства ...», – отмечает в своем отчете статс-секретарь и управляющий делами Комитета Сибирской железной дороги А.Н. Куломзин¹⁰⁰¹.

Им вторят авторы отчетов по переселению и водворению за 1908–1912 гг., использующие выражения «*элемент, полезный для нашей губернии*», «*элемент энергичный, привыкший к борьбе с суровой природой и таежными условиями жизни*», «*желательные/нежелательные элементы*»¹⁰⁰².

Чиновников в первую очередь интересует экономический потенциал прибывающих переселенцев. Общие сведения о количестве водворенных на участке сопровождаются информацией

⁹⁹⁹ Здесь и далее курсивом выделено мною. – Н. Г.

¹⁰⁰⁰ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 319.

¹⁰⁰¹ Всеподданейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896. С. 183.

¹⁰⁰² Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 171. Оп. 1. Д. 140. Л. 22; Ф. 171. Оп. 1. Д. 147. Л. 93; Ф. 171. Оп. 1. Д. 245. Л. 50.

об их имущественном положении. Подробно перечисляется количество имеющихся в каждом хозяйстве лошадей, телег, скота, птиц, построек. Эта информация нужна для того, чтобы определить, к какому типу поселенцев их следует отнести с точки зрения экономического положения, и какие действия в связи с этим рекомендуется предпринять (каков должен быть размер индивидуальной ссуды, давать ли ссуду на общественные нужды и если да, то на каких условиях и пр.).

Какие-либо специфические характеристики переселенческих групп появляются во вторую очередь, и возникают они опять же в связи с необходимостью организации экономической помощи. Так, например, ходатайство переселенцев-католиков о поддержке строительства молитвенного здания вызывает необходимость обращения чиновника за дополнительной информацией к католическому священнику. При этом, естественно, конфессиональная принадлежность обсуждается как одна из основных характеристик данной переселенческой группы¹⁰⁰³.

Есть и обратный пример, когда настоятель иркутского католического прихода обращается к начальнику переселенческого района за сведениями о своих единоверцах – для того, чтобы составить отчет вышестоящему церковному иерарху. При этом он просит сообщить не только их количество, но и народность, поясняя, что «сведения о числе переселенцев католиков по народности мне нужны для соображения, насколько потребен священник, владеющий хорошо немецким языком»¹⁰⁰⁴. Откликаясь на эту просьбу, заведующий землеустройством и переселением в Иркутской губернии обращается к нижестоящим чиновникам с распоряжением, собрать соответствующие сведения. В итоге из переселенческих подрайонов присылаются таблицы, где в графе «какой народности» или «какой национальности» (что в данном случае синонимично) упоминаются поляки, немцы, белорусы, латыши.

Инструментальный, прагматичный подход, когда на переселенца смотрят, прежде всего, как на инструмент или материал колонизации, определяет и основные типологии, используемые чиновниками, и их язык описания переселенцев в целом. Имен-

¹⁰⁰³ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 195. Л. 366.

¹⁰⁰⁴ Там же. Д. 592. Л. 1.

но с точки зрения полезности для дела колонизации некоторые авторы выделяют два основных переселенческих типа. Это – «пионер-колонист», идущий в новые земли на свой страх и риск, самостоятельно преодолевающий все препятствия, и переселенец, рассчитывающий на помощь государства, на «казенный кошт» и «дешевый тариф». Пионерский тип соответствует начальному времени колонизации, второй – более позднему ее этапу – массовому переселению.

Вот как об этом пишет А.А. Кауфман: «... далеко не всякий переселенец способен быть таежным пионером. Прежде всего, нынешний переселенец, хлопочущий о разрешении, рассчитывающий на «дешевый тариф» и казенное пособие, имеет немного общего с прежним пионером-колонистом, который уходил, несмотря на «крепкие заставы» и всяческие запрещения, который не останавливался перед неделями и месяцами дороги на телеге или пешком, перед голодом и холодом, и твердо знал, что ему не на кого надеяться, кроме Бога и самого себя»¹⁰⁰⁵.

В другой работе Кауфман отмечает, что качества, характерные для пионерского типа (инициативность, самостоятельность, энергичность), иногда встречаются и у современных ему переселенцев. Оспаривая стереотипное представление о благотворном культурном влиянии «русской колонизации» на «туземное население окраин», он описывает темноту и невежественность русских крестьян-переселенцев. Однако при этом признает, что есть исключения из правила, и в качестве примера приводит латышей, ведущих образцовое хозяйство в глухом тарском урмане, меннонитов, поселившихся в новоузенской степи и в предгорьях Туркестанских гор, амурских молокан¹⁰⁰⁶.

Обращает на себя внимание то, что «латышские поселки» и «молоканские хутора» служат для него примерами инициативных проводников «русской колонизации». Приведу еще одну подобную цитату. Говоря о «*всей массе русских переселенцев*», Кауфман замечает, что ««переселенец» – это не собирательный тип, а только собирательное название, объединяющее под один, в значительной мере внешний, признак, представителей самых разнообразных типов *нашего крестьянства*, начиная от

¹⁰⁰⁵ Кауфман А.А. Колонизация Сибири в ея настоящем и будущем // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 186.

¹⁰⁰⁶ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 328.

пионера-таежника или трудолюбивого латыша и белоруса и кончая переселенцем-ростовщиком или действительно бродячим "кустанайцем"»¹⁰⁰⁷.

Это – показательная цитата, в которой в один ряд поставлены номинации, обозначающие и этничность (латыш, белорус), и профессиональное занятие (ростовщик), и территориальная идентичность (кустанаец). Логику задает колонизаторский дискурс, который нивелирует понятийные границы, уравнивая этнонимы, топонимы и другие определения. Перечисление идет от наиболее «полезных для колонизации элементов» к менее полезным. При этом и *латыш*, и *белорус* входят в общую категорию *наше крестьянство*, составляя неотъемлемую часть *русских переселенцев*. Возникает вопрос – в чем состоит в данном случае «русскость»?

Неопределенность этнической лексики

На протяжении всего периода массового крестьянского переселения гетерогенный переселенческий поток зачастую описывается как единый, в том смысле, что все это – «русская колонизация», русское переселение¹⁰⁰⁸. Смысловое поле определения «русский» при этом не имеет четких границ, оно используется как в узкоэтническом, так и в более широком понимании, причем оба смысла плавно перетекают одно в другое.

С одной стороны, переселенцы характеризуются как *наш русский народ*, и кажется, что в этом выражении отчетливо просматривается собственно этнический смысл слова: «Переселения русских крестьян признаются многими за одну из характернейших особенностей русского народного быта. Одни, оптимисты, видят в них проявление присущих нашему народу особых колонизаторских способностей, которые помогли русскому серому зипуну приобщить к культуре такие разнообразные ... местности, как самарская степь и гористая тайга Уссурийского края, как вологодский север и предгорья Тянь-Шана ...»¹⁰⁰⁹

¹⁰⁰⁷ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 321.

¹⁰⁰⁸ Далее для анализа берется фрагмент из работы А.А. Кауфмана, однако в подтверждение тезиса можно сослаться и на многочисленные публикации в «Вопросах колонизации». Практически в каждом обзоре или аналитической статье аграрное переселение на восточные окраины империи описывается как «русская колонизация».

¹⁰⁰⁹ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 4.

С другой стороны, слово *русские* зачастую понимается в расширительном смысле как обозначение подданства, государственной принадлежности и общей культуры. «Мы только что видели, что *русские переселенцы* – это *свои крестьяне*, к которым *русское правительство* и *русское общество* не могли ни при каких обстоятельствах отнестись с тою черствою жестокостью, какая возможна по отношению к чужестранным иммигрантам. Но ведь и туземное население местностей, куда направляется русское переселение, – это тоже свое население, к которому ни русское правительство, ни русское общество не могут относиться так, как испанцы относились к ацтекам или инкам и как англичане до сих пор относятся к чернокожим обитателям своих африканских владений»¹⁰¹⁰.

В выражениях «русское правительство» и «русское общество» определение *русский* употребляется, скорее, в том же значении, в каком сегодня зачастую используется слово *российский* для обозначения принадлежности к российскому государству. Но в то же самое время туземцы, составляющие часть населения империи, русскими при этом не называются.

Да, можно сослаться на концепт большой русской нации, объединяющей великороссов, малороссов и белорусов в один русский народ. При этом можно вспомнить, что в первой переписи населения Российской империи 1897 г. «этнографический состав» населения определялся преимущественно на основании «родного языка»¹⁰¹¹. Русский язык при этом считался состоящим из трех наречий – малороссийского, белорусского и великорусского. Соответственно, рассматривался и состав русского народа.

Но в вышеупомянутом случае под русскими крестьянами понимаются представители и других этнических групп (латыши, немцы). Т. е. слово *русский* используется здесь и для обозначения представителя большой русской нации, и для обозначения подданства.

Интересно, что в узкоэтническом смысле, но вкупе с конфессиональной характеристикой, этноним *русский* фигурирует в основном переселенческом законе того периода – «Временных правилах о добровольном переселении сельских обывателей и

¹⁰¹⁰ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 9.

¹⁰¹¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального Статистического комитета МВД / Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. VIII. Волынская губерния. СПб., 1904. С. VII, XI.

мещан земледельцев» от 6 июня 1904 года¹⁰¹². В ст. 5 идет речь о разрешении переселяться в Сыр-Дарьинскую, Ферганскую, Самаркандскую области и в Кавказский край «только лицам коренного русского происхождения Православного исповедания или же последователям таких раскольничьих сект, допущение которых к водворению в названных местностях Министр Внутренних Дел по соглашению с Министром Военным и Главноначальствующим Гражданской частью на Кавказе, по принадлежности, признает возможным». Согласно ст. 27, эти же преференции распространялись на отставных военнотружущих нижних чинов, которые бы пожелали переселиться в указанные области.

Размытость смысловых границ характерна не только для определения *русский*. Это относится и к другим этнонимам и производным от них словам, которые используются во внеэтническом или не только в собственно этническом значении.

Этнонимы часто соседствуют с категориями, обозначающими место проживания, рождения, поселения (назовем их обобщенно маркерами локальности), причем те и другие используются как равнозначные и заменяющие друг друга определения. Порой трудно сказать, фигурирует ли этноним в качестве обозначения места выхода или же, наоборот, название региона указывает на этничность его представителей. Например, обозначает ли выражение «выходец из малороссийских губерний» или «выходец из литовско-белорусских районов» этническое происхождение человека или же оно только указывает на место его прежнего проживания?

Логично предположить, что определения типа «выходцы из...» являются маркерами локальности, а прямое употребление этнонима (белорусы, латыши) сигнализирует об этническом происхождении. Однако конкретные примеры словоупотребления показывают, что это не всегда так, поскольку переход от этнонима к категории локальности и наоборот, совершается на протяжении одного небольшого фрагмента текста и оба определения используются как синонимы.

Приведу пример. «Очень часто <...> особо благоприятные свойства приписывают переселенцам-малороссам по сравнению

¹⁰¹² Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. XXIV. № 24701.

с выходцами из великороссийских губерний. <...> но в существе своем хозяйство переселенцев-малороссов ничем не отличается от хозяйства выходцев из великороссийских губерний. И что притом особенно существенно – это то, что малороссы, как и вообще переселенцы-южане, как мы знаем, являются колонизационным элементом с наиболее одностороннею пригодностью и совершенно не годны для роли пионеров сибирской тайги»¹⁰¹³. *Малороссы* сравниваются здесь не с русскими, не с великороссами, а с *выходцами из великороссийских губерний*. Кроме того, они мыслятся как часть более общей категории *переселенцы-южане*. Можно сказать, что на первый план здесь выходит не обозначение этничности, а указание на территориальность, этноним используется во внеэтническом значении (*малороссы* как *южане*, как *выходцы из малороссийских/южных губерний*, а не как представители «малороссийского народа»).

М.Д. Долбилов в работе о семантике слова *поляк* в имперском политическом лексиконе описывает интересную ситуацию использования в официальной риторике XIX века этнически нейтрального выражения *уроженцы/жители Западных губерний* вместо этнонима *поляки*. Такая замена, по мнению автора, могла быть не только своеобразным эвфемизмом в условиях курса на деполонизацию Западного края, но и указывать на стремление сконструировать вненациональную краевую идентичность подобно «галичанам» в империи Габсбургов¹⁰¹⁴.

Однако в процитированном выше фрагменте относительно малороссов вряд ли речь идет о такой же сознательной замене этнонима маркером локальности. Скорее всего, наблюдаемая взаимозаменяемость (малоросс – выходец малороссийских губерний – южанин) показывает размытость семантического поля понятий, служащих для обозначения этнической и географической характеристик.

О сходном словоупотреблении, но применительно к более раннему периоду, пишут А.Л. Котенко, О.В. Мартынюк и А.И. Миллер: «Именно в XVIII веке в русский язык постепенно входят *малороссияне/малороссийцы/малороссиянцы/малороссы*

¹⁰¹³ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 329.

¹⁰¹⁴ Долбилов М.Д. *Поляк* в имперском политическом лексиконе // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 302-302.

в типичном раннемодерном географическом (не этническом!) значении жителей, уроженцев *Украины/Малороссии*. <...> Несмотря на присоединение территорий и населения по правому берегу Днепра в результате разделов Речи Посполитой, существенных изменений в понятии малоросс не произошло. *Малороссы/украинцы/южнороссы* все так же бессистемно употребляются как синонимы в своем значении XVIII века – для обозначения населения определенной территории, преимущественно на левом берегу Днепра»¹⁰¹⁵.

К числу общеизвестных фактов относится смешение в эту эпоху маркеров этничности и конфессиональности, когда *поляк* автоматически означало *католик, русский – православный, еврей – иудей*, и наоборот, конфессиональные определения указывали на соответствующее этническое происхождение.

Помимо обозначения локальности и конфессиональной принадлежности, содержание этнонима могло включать также и политический компонент¹⁰¹⁶. В качестве других вариантов внеэтнической нагрузки этнонима выступали указания на сословные и лингвистические характеристики.

Критерии классификации

Какое же место занимают этнические категории в типологиях и классификациях «стольпинских» переселенцев? Чтобы ответить на этот вопрос, надо посмотреть, на каких основаниях строятся подобные типологии.

О выделении двух типов переселенцев, соответствующих раннему «самовольному» и позднему массовому этапу колонизации, уже говорилось выше. Посмотрим теперь, по каким критериям сортировался переселенческий поток в документации Переселенческого ведомства, на какие группы разбивали пере-

---

¹⁰¹⁵ Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И. Малоросс // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 399-400.

¹⁰¹⁶ О политической нагруженности понятия *поляк* см.: Долбилов М.Д. *Поляк* в имперском политическом лексиконе // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 293, 310-311; Крих А.А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века). Омск: Издат. дом Наука, 2012. С. 186-187, 190.

селенцев чиновники при подготовке годовых отчетов и других справок¹⁰¹⁷.

На первый план здесь выходят две характеристики. Во-первых, географический критерий – по месту выхода и месту вселения с показанием процента выходцев из той или иной губернии от общего количества переселившихся. Во-вторых, хозяйственно-экономические показатели (размер хозяйства, земли, денег), свидетельствующие о степени состоятельности переселенца и его семьи. Причем, эти критерии фигурируют как основные не только в годовых отчетах заведующих переселением и водворением, но и в опубликованных обзорных материалах разных годов¹⁰¹⁸. Показатели хозяйственной состоятельности лежат в основе принятия переселенческими чиновниками решения о размере ссуд, выдаваемых правительством на хозяйственное устройство.

Только вслед за этими характеристиками в некоторых материалах появляется распределение по социокультурным критериям: сословным (из бывших государственных или помещичьих крестьян, из мещан-землепашцев), конфессиональным, этническим. Последнее также увязывается с вопросом «пригодности» для колонизации. Например, «молдаване Бессарабской губернии» рассматриваются как нежелательные переселенцы, поскольку среди них высок процент «обратников», что связано с их неприспособленностью к сибирским условиям¹⁰¹⁹.

В материалах, описывающих состояния уже водворившихся семей, на первый план выступает временной фактор. Длительность проживания на переселенческом участке служит показателем колонизационной способности этих людей, а также является дополнительным фактором их дальнейшей успешной адаптации (поскольку от этого зависит наличие связей с местными жителями, нахождение дополнительных финансовых источников в

¹⁰¹⁷ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 29, 147, 183, 195, 245, 256, 317, 494, 667, 1107; Ф. 172. Оп. 1. Д. 99.

¹⁰¹⁸ См., например: Переселение в Сибирь. Прямое и обратное движение переселенцев семейных, одиноких, на заработки и ходоков. Вып. XVIII. Я.Ф. Ставровский и В.В. Алексеев. СПб.: Изд. Перес. управления, 1906; Обзор переселения и землеустройства за Уралом за 1906–1910 гг. // Вопросы колонизации. 1912. № 10. С. 219-288; Яшнов Е. Колонизация Туркестана за последние годы // Вопросы колонизации. 1916. № 18. С. 102-157.

¹⁰¹⁹ ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 140. Л. 22, 22 об.

виде заработков на железной дороге или премий за раскорчевку лесных участков¹⁰²⁰).

Переселенцы чаще всего в подобном контексте называются *новоселами*, а местное население – *старожилами* и *инородцами*. Хотя относительно различия новосела и старожила следует сказать, что при общеупотребительном наименовании вчерашних переселенцев новоселами на протяжении 10 или даже 25 лет по водворении, существовала и другая, «фискальная», точка зрения. Согласно инструкции от 17 февраля 1906 г., «после занятия на переселенческом участке всех долей и истечения установленных по платежу оброчной подати льгот, заведывающим водворением переселенцев составляется особый акт, обусловливающий включение переселенческого поселка в общую погубернскую раскладку. Составление этого акта (...) признавалось до сего времени за момент перехода переселенческих поселков в разряд старожильческих селений». Циркуляр Главного управления землеустройства и земледелия от 3 августа 1910 за № 18 внес изменения в это положение и постановил считать моментом такого перехода полное заселение участка, оставляя за жителями этих поселков право на льготное налогообложение до истечения установленного срока¹⁰²¹.

Тема взаимоотношений переселенцев и местного населения время от времени появляется на страницах «Вопросов колонизации», хотя и не занимает здесь главного места¹⁰²². В документах фондов Переселенческого ведомства она встречается еще реже и, главным образом, в связи с работами землеустроительной комиссии по отрезке земельных «излишек» у инородческого населения в пользу переселенческих участков.

Старожилы также обозначаются как *русские жители Сибири, коренные русские жители Сибири, сибирские крестьяне-старожилы, сибиряки*¹⁰²³. Инородцев иногда называют *туземца-*

¹⁰²⁰ ГАИО. Ф. 171. Оп. 5. Д. 237.

¹⁰²¹ Там же. Оп. 1. Д. 143. Л. 186.

¹⁰²² За исключением, пожалуй, первого выпуска сборника, «посвященного преимущественно рассмотрению одного из главных вопросов колонизации – отношению между землеустройством переселенцев и аборигенов». См.: От редакции // Вопросы колонизации. 1907. № 1. С. 2.

¹⁰²³ Подробнее об употреблении понятия старожилы см.: Крих А. А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века). Омск: Издат. дом Наука, 2012. С. 3-5.

ми, *аборигенами*, но чаще всего в их наименовании слово инородец сочетается с этнонимом (*инородцы-буряты, инородцы-киргизы*)¹⁰²⁴.

Несмотря на использование различных категорий и явное выделение в принимающем обществе двух больших групп, и инородцы, и старожилы объединяются по смыслу в одну категорию, когда авторы рассуждают об экстенсивности их хозяйства, о недостаточно развитых культурных навыках и т. п. Соответственно, за крестьянином-переселенцем закрепляются характеристики более цивилизованного, более культурного элемента, несущего «свет цивилизации» на окраины империи. Т. е. опять-таки мы видим, что переселенческое движение воспринимается в рамках колонизационного цивилизаторского дискурса.

Анализируя принципы категоризации и описания переселенцев на примере двух локальных групп¹⁰²⁵, я пришла к выводу, что обе эти группы для представителей власти были частью единого переселенческого потока, различаемые прежде всего по месту выхода и месту поселения, а также по степени полезности для заселяемой территории. Статус переселенца являлся определяющим для восприятия этих людей, а все другие групповые характеристики по своей важности стояли на втором месте. Среди них, прежде всего, следует отметить конфессиональный маркер. Что же касается этнической принадлежности, то складывается впечатление, что на тот момент времени ни для внешнего наблюдателя (будь то чиновник, житель соседней старожильческой деревни или поселенец соседнего переселенческого участка), ни для самих членов группы она не входила в число наиболее важных групповых характеристик.

Рассмотрение этого вопроса на более широком материале подтверждает сделанные выводы. Говорить об этничности как о базовом идентификационном принципе на тот момент времени не приходится, даже несмотря на то, что этнические преферен-

¹⁰²⁴ О многозначности понятия инородец см.: Бобровников В.О. Что вышло из проектов создания в России инородцев? (Ответ Джону Слоуму из мусульманских окраин империи) // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 259-291.

¹⁰²⁵ См.: Галеткина Н. Категоризация и репрезентация столыпинских переселенцев (на примере двух переселенческих групп) // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Отгиск, 2012. С. 193-217.

ции содержались в основном законе, регулировавшем переселенческое движение (о чем было сказано выше).

* * *

Подытоживая, можно сказать следующее. Данное исследование показывает, что на первый план в описании чиновниками-экспертами массового переселения на восточные окраины империи в начале XX века выходили хозяйственно-экономические показатели, что было обусловлено колониционной рамкой восприятия всего явления в целом. Власть интересовали не политическая лояльность, не культурная однородность общества и возникающие проблемы между местным и пришлым населением. В фокусе интереса находилась способность переселенца к хозяйственному освоению «новых», «пустых» земель. Прагматичный подход к нему как к инструменту колонизации, как к «полезному/бесполезному колониционному элементу», определял и язык описания.

Среди других классификационных критериев чаще всего использовались категории локальности, а также сословные и временные характеристики.

Этничность вовсе не входила в число основных элементов этого языка описания. Употребление же этнической лексики демонстрирует смешение маркеров локальности, подданства, конфессиональной и собственно этнической принадлежности. Т. е. зачастую этническое определение (например «русский») понимается, прежде всего, в расширительном смысле как обозначение подданства/гражданства, общей культуры и во вторую очередь, происхождения. Либо оно употребляется как показатель места прежнего проживания – например, когда в качестве синонимов употребляются «малоросс», «выходец из малороссийских губерний», «выходец из южных губерний».

6.3. Советская власть и этнические меньшинства Сибири: поиск и формирование дискурса управления (1920-е годы)

В начале 20-х годов прошлого столетия большевики оказались в странной и необычной ситуации. С одной стороны, еще нет никаких национально-государственных рамок, и есть надежда

на легкое решение всех политических проблем империи, включая и национальный вопрос. С другой, очевиден декларативный схематизм «национальных» концепций новой власти, равно как и отсутствие конкретных механизмов претворения их в реальную жизнь. Власть активно искала работающие инструменты реализации своей модели решения национальных вопросов. В такой ситуации этнические эксперименты были не только неизбежны, но, с точки зрения большевиков, еще и крайне желательны.

Необходимость формирования повседневных бюрократических практик не позволяла слишком отрываться от действительности. Национальная политика молодого государства во многом формировалась ситуационно, под влиянием исторического момента, актуальных приоритетов и политических реалий. Острые теоретические и идеологические баталии по этому поводу, сотрясавшие «кремлевские кабинеты», до поры мало влияли на практику государственного и национального строительства.

В 1920-е годы этническая ситуация в Восточной Сибири, и в Иркутске, в частности, также претерпевала принципиальные и активные трансформации. Основными советскими органами, формирующими национальную политику на местах, были губернские отделы по делам национальностей, входящие в состав соответствующих исполкомов. Как отмечалось на Всероссийском совещании народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнац) в декабре 1920 г., они создаются «в целях осуществления защиты интересов и удовлетворения нужд национальных меньшинств, а также установления братского сожительства, как между ними, так и между национальными меньшинствами и преобладающей национальностью». К задачам и компетенциям отделов среди прочего относились: содействие дальнейшему развитию всех национальных меньшинств данной местности; проведение классового расслоения, поднятие классового самосознания и организация трудящихся масс национальных меньшинств; установление тесной связи и согласование действий советских органов с национальными меньшинствами; издание периодической и непериодической литературы для национальных меньшинств¹⁰²⁶.

До июня 1920 г. в структуре губкома РКП(б) действовал национальный отдел. Он имел самостоятельный характер и работал

¹⁰²⁶ Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.1318. Оп.1. Д.149. Л.13.

на правах отдельного уездного комитета РКП(б), что позволяло иметь весьма заметный политический вес и значительные полномочия. Нацотдел включал в себя несколько национальных секций, представляющих интересы наиболее значимых и по численности, и по политическим соображениям этнических групп¹⁰²⁷. Все секции существовали на правах райкомов и имели возможность вести широкую самостоятельную деятельность.

Однако, 15 июля 1920 г. Нацотдел был ликвидирован, а все секции были реорганизованы и переименованы в агитационно-пропагандистские секции организационно-инструкторского отдела губпарткома. К 1921 г. из множества национальных секций в Иркутском губкоме (польской, мусульманской, китайской, мадьярской, чехословацкой, югославянской, корейской, бурятской, немецкой, латышской, эстонской, еврейской) остается только одна – татарская.

Работа секций к этому моменту происходила в губернском масштабе и велась на национальном языке. По сути, с этого момента обязанности секций сводятся только к агитации и пропаганде среди своих национальных групп. В частности, в «Инструкции для дальнейшей организационно-агитационной работы среди национальных меньшинств» говорится о вменяемых секциям обязанностях: «Все члены..., которые не знают русского языка, должны будут освобождаться от районных русских собраний. Вследствие этого все агитационные бюро должны будут приготовить списки товарищей, недостаточно владеющих русским языком, и списки должны будут утверждаться от губпарткома. Все эти агитационные бюро, которые имеют таких членов, должны будут командировать в район одного товарища агитатора-организатора, который должен будет присутствовать на общих собраниях района и потом дать рапорт своему агитационно-пропагандистскому бюро. От общих городских собраний никто не освобождается»¹⁰²⁸.

Все национальные бюро должны были устраивать раз в неделю общие собрания членов РКП своей национальности (на родном языке), где должны были обсуждаться те же вопросы, что и на русском собрании. Кроме этого, должно было организовываться не менее двух публичных лекций в неделю: одна – пар-

¹⁰²⁷ Государственный Архив Новейшей Истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф.1. Оп.1. Д.21. Л.12.

¹⁰²⁸ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 416. Л. 34.

тийная («предлагается для лекции азбука коммунизма»), а другая – общеполитическая («о текущем моменте»). Все бюро должны были организовать рабочие клубы: «Товарищи же, не имеющие своего собственного клуба и знающие русский язык, идут в русский клуб (рабочий клуб). Всеобуч для всех членов обязателен. Группы, имеющие членами бывших солдат других стран, имеют право формировать особые отряды, но только с разрешением и указанием Губпарткома и под общим руководством командира коммунистического отряда»¹⁰²⁹.

Особо подчеркивалось, что «работа Агитационно-пропагандических бюро должна иметь целью сплотить массы различных национальностей с массами русских и никак не допустимо, чтобы в Агитационно-пропагандических бюро различных национальностей среди рабочих был бы желателен сепаратизм. По возможности, бюро должны стремиться к принятию мер, чтобы товарищи, не понимающие русского языка – получали бы уроки русского языка и чтобы стенки между товарищами различных национальностей и русскими товарищами, были разбиты окончательно. Необходимо, чтобы работа секций под непосредственным наблюдением партийных коммунистов, чтобы члены секций обязательно входили в местную организацию, чтобы она ни в коем случае не обособлялась. Вся деятельность Секций должна сводиться исключительно к пропаганде и агитации среди национальности своей...»¹⁰³⁰.

Важнейшей проблемой для всех секций стал вопрос о соотношении родного языка меньшинства и русского языка. Большевики неожиданно столкнулись с целым рядом проблем, имеющих «лингвистический» оттенок. Власти, озабоченные политической пассивностью деревни и недоверием (а зачастую и враждебностью) по отношению к себе, не сразу смогли развернуть широкую агитационно-пропагандистскую работу, например, в татарских деревнях. Массовое незнание русского языка, с одной стороны, и отсутствие подготовленных кадров, знающих татарский язык, с другой, делали такую работу практически невозможной.

Ключевым этапом формирования национальной политики, как в центре, так и на местах, становится первое пятилетие мо-

---

¹⁰²⁹ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 416. Л. 34.

¹⁰³⁰ Там же.

лодого государства (1918–1923 гг.). Этот предельно небольшой временной отрезок до отказа насыщен значимыми решениями, событиями, трансформациями, имеющими принципиальный характер. В этот период шел активный поиск языка национальной организации и управления молодого государства.

Для нас важно, что к началу 1920-х годов большевики столкнулись с очевидным изменением общественного мнения. В отчете о деятельности Иркутского губернского комитета РКП(б) отмечается: «Настроение населения и отношение его к власти и партии резко изменяется... Революционный энтузиазм, охвативший рабочих и крестьян, бедняков и середняков, когда они готовы были отдать все Красной Армии, Советской власти и партии большевиков, постепенно, по мере успокоения и вхождения жизни в обычное русло, потухал и переходил в большинстве случаев в равнодушно-сочувственное к партии коммунистов, а в некоторых случаях, даже враждебное отношение»¹⁰³¹.

Мы попытаемся более подробно рассмотреть отдельные векторы формирования официального дискурса в отношении этнических меньшинств, опираясь на ряд ключевых, «опорных» вопросов. Такая предельная схематизация проблемы вполне допустима на начальных этапах исторического исследования. По сути, мы получаем возможность наглядно показать некоторые способы организации социального пространства, что, по Ф. Барту, имеет прямое отношение к понятию «этничность».

Ключевой проблемой такого исторического исследования является очерчивание круга людей, вовлеченных в поле межэтнических контактов. В данном случае основными носителями официального языка управления становились члены партийных организаций и советские чиновники.

Изменение практики взаимодействия с этническими меньшинствами на последнем этапе Гражданской войны потребовало уточнения требований к профессиональным навыкам советских и партийных чиновников. Привлечение к этой деятельности штатных функционеров выглядит уже недостаточным. Так, например, в официальной переписке фраза «русские товарищи не понимают» специфики той или иной этнической группы, встречается

---

¹⁰³¹ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 35.

весьма часто¹⁰³². Очевидным становится необходимость привлечения в эту сферу и опоры на представителей этнических групп, хорошо владеющих и национальным, и русским языком. Это, в свою очередь, еще более усугубляет острый кадровый голод в области национальной политики, ставшей очевидной проблемой органов государственного управления на всех уровнях. Свою роль здесь сыграла и постоянная текучка кадров, вызванная и перманентными мобилизациями, и экстренными «перетряхиваниями» опытного партийного костяка.

В начале 20-х годов становится очевидным настойчивое стремление нацотделов установить полный формальный контроль и руководство над любыми официальными контактами с национальными меньшинствами. Причинами таких жестких требований стали как растущее социальное напряжение в местах массового проживания меньшинств, так и трения между нацотделами и советскими хозяйственными органами.

Очевидно, что этническая ситуация в Сибири в начале 1920-х годов была достаточно напряженной¹⁰³³. По крайней мере, Президиум ВЦИК в ноябре 1921 г. вводит должность полномочного представителя Наркомнаца при Сибревкоме «в целях более успешного осуществления национальной политики Советской власти в Сибири»¹⁰³⁴. Это тем более показательно, что на других территориях должности полномочных представителей наркоматов сокращались в стремлении остановить дублирование управленческих органов и «обюрокрачивание».

Уполномоченный Наркомнаца при Сибревкоме не подчинялся местным властям и назначался центром. При этом «все мероприятия Сибревкома и его отделов, затрагивающие интересы национальных и этнографических групп в Сибири», должны были предварительно представляться этому чиновнику¹⁰³⁵. Заметим, что механизм разрешения споров и конфликтов между Сибревкомом и уполномоченным был достаточно запутанным и неэффективным. В таких случаях чиновник, имея только совещательный

---

¹⁰³² ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 24. Д. 5. Л. 1.

¹⁰³³ О неоднозначной политике советских хозяйственных органов в отношении сибирских инородцев и национальных меньшинств см. напр. ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 435. Л. 36-41, 45-47.

¹⁰³⁴ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 145. Л. 85.

¹⁰³⁵ ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 145. Л. 85.

голос, не приостанавливая решения Сибревкома, обращался за разъяснениями в вышестоящие инстанции.

В результате, появляется ряд подробных инструкций о поведении советского и партийного работника во время работы в местах массового поселения меньшинств. В одной из таких инструкций, в частности, рекомендуется инструктору-организатору по прибытии в такие населенные пункты начать свою работу с «выяснения вопроса о данном национальном меньшинстве». Особо оговаривается: «Если на данном месте есть масса национального меньшинства, но секция пока не организована, инструктор-организатор приступает к организации таковой. ПРИМЕЧАНИЕ: при организации секции не нужно руководиться желанием непременно организовать ее, когда нет потребности в массах, и нет ответственного числа коммунистов»¹⁰³⁶.

Список требований, предъявляемый наработникам, достаточно строг. От них требуется идеологическая верность, но это фоновое требование. Основными оперативными навыками становится владение родным языком меньшинства и знание «национальной жизни». Обладание данными навыками рассматривается как ключевое условие для завоевания доверия со стороны населения (особенно в деревне) и дает возможность разъяснений основных положений советской политики.

В циркуляре Еврейского отдела Наркомнаца «О задачах и функциях еврейских секций Отделов по делам национальностей», завизированного И.В. Сталиным, отмечается, что основная работа отделов сводится «к образованию среди данной нации базы для широкого советского строительства и приспособления этого строительства к удовлетворению нужд данной национальной группы»¹⁰³⁷.

Таким образом, главные функции еврейских отделов (как и отделов по делам других национальностей) сосредоточивались на ряде важных и актуальных функций:

- 1) концентрация всех материалов, характеризующих состояние данной национальной группы;
- 2) корректировка деятельности различных советских органов по отношению к данной группе;

¹⁰³⁶ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 439. Л. 1.

¹⁰³⁷ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 116. Л. 31-39.

3) инициирование в соответственных советских органах деятельности, направленной на удовлетворение нужд и запросов данной национальной группы;

4) контроль деятельности различных общественных и частных организаций в данной национальной среде;

5) осуществление политико-просветительской деятельности для лучшего усвоения данной группой как общих принципов Советской власти, так и точного значения отдельных ее мероприятий.

Как результат, от еврейских работников, прежде всего, требовалось: «Хорошо знать, знать в цифрах и фактах, жизнь местного еврейского населения. Не располагая этим знанием вы, очевидно, не можете явиться тем авторитетным органом по проведению в еврейской среде твердой коммунистической политики, каким мы должны быть. Тем более, что за время войны и революции произошли в еврейской среде столь значительно экономические изменения и социально-психологические сдвиги, что даже те немногие отрывочные цифры и общие представления, какие имелись в распоряжении еврейской пролетарской мысли о жизни еврейских масс, утратили почти свое значение...»¹⁰³⁸

Находясь в непростых условиях, власти пытаются привлечь к выполнению, в том числе и ответственных поручений, совсем молодых и неопытных нацкадров. Подобная ситуация нередко встречается в работе мусульманской и бурятской секций. Попытка наладить обучение и подготовку таких чиновников оказывается неэффективной из-за большой текучки кадров, огромного объема постоянной работы и значительной разбросанности и удаленности мест компактного проживания данных меньшинств.

В такой ситуации власти пытаются привлечь к работе представителей политических направлений, которые рассматриваются большевиками как союзники, – эсеров и бундовцев. Последние были активно включены в работу на «еврейской улице» в Иркутске. До поры им разрешается достаточно активно действовать, не подчиняясь распоряжением коммунистических функционеров. Подобная смычка позволяет добиться заметных результатов в общей борьбе с сионистами, как в Восточной Сибири, так и в Дальневосточной республике.

¹⁰³⁸ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 116. Л. 31-39.

Свою роль здесь сыграла и специфика местного еврейского населения. Характеризуя деятельность Еврейской секции, иркутские власти отмечали: «90 % всего еврейского населения Иркутской губернии живет в городе Иркутске, где оно превышает 25 000 человек. Евреев-рабочих в Иркутске незначительный процент, остальное – элемент мелко-буржуазный. Национал-шовинисты, религиозная аристократия и буржуазные филантропы имели и по сию пору имеют огромное влияние на эти мелко-буржуазные массы. Умудренные тысячелетними скитаниями, гонениями и надругательствами, они научились ловко маскировать свои анти-пролетарские действия и, обдывая явно контрреволюционные делишки, может непосвященному показаться, что делается доброе коммунистическое дело на благо трудящимся. И не мудрено, что мелко-буржуазный обыватель слепо верит им. Вот с этим элементом малочисленной Еврейской секции РКП под непосредственным ведением Губкома и приходится бороться и постоянно быть начеку». «Ничем не отличаясь экономически от русского населения, вся борьба коммунистов с национал-шовинистами сосредоточивается вокруг культурно-просветительских учреждений и вопросов социального воспитания и обеспечения. Все эти учреждения Секция взяла в свое ведение: школы, детские дома, театр, клуб и различные культурно-просветительские кружки и библиотеки. ... Не ограничиваясь этим, Секция открыла народную аудиторию на окраине, где живет еврейская беднота и там каждую неделю читаются доклады, знакомящие массы с коммунизмом, ведется культурно-просветительная работа и делаются попытки привлечь массу к общественной деятельности и активной поддержке Советвласти. ... Секция также за это время закрыла религиозные хедеры, передав Губкомтруду 33 человека, обслуживающих хедеры и синагоги»¹⁰³⁹.

Уже в конце 1919 г. сионизм был объявлен «буржуазно-клерикальным» учением. Евсекция в Иркутске борьбу с ним вела последовательно и энергично. Одной из побед стало закрытие спортивного клуба «Маккаби»: «Секция приняла все меры к тому, чтобы Клуб «Маккаби», около которого группировались реакционно-сионистские элементы, был распушен». Кроме этого,

¹⁰³⁹ Коммунист // Орган Иркутского губернского Комитета РКП (большевиков). 1921. № 6 (апрель). С. 17-19.

секции вменялось «обратить внимание на все еврейские культурные организации и контролировать их»¹⁰⁴⁰.

Краеугольной проблемой здесь стал вопрос о соотношении иврита («старого еврейского языка») и идиша («жаргона»). Этот вопрос имел ярко выраженную политическую окраску. С точки зрения Евсекции, иврит являлся реакционным языком еврейской буржуазии и должен был быть полностью заменен идишем – языком еврейского пролетариата. Школы с преподаванием на иврите, равно как и периодические издания на иврите, закрывались. К концу 20-х годов иврит оказался единственным языком, объявленным в Советском Союзе «вне закона». В результате иудейское религиозное образование сделалось невозможным. Иркутская Евсекция принимала все возможные меры для недопущения деятельности любых образовательных учреждений, где одним из предметов был бы иврит. Были закрыты школы «Тарбут», имеющие сионистскую «начинку»¹⁰⁴¹.

Другой проблемой в формировании устойчивого языка управления стал поиск и формирование площадок для работы с меньшинствами. Часть из них носили традиционный характер (партийные ячейки, агитпункты, политические пункты 5-й Армии и т. д.), но появляются и новые, непривычные для советских и партийных работников.

Такой поиск сопровождался ликвидацией традиционных религиозных общин, что представлялось как их демократизация. Алгоритм подобных действий был успешно отработан в других регионах. Например, в 1923 г. Иркутский городской совет объявил костел и его имущество своей собственностью, а католическая община была поставлена под государственный надзор. Ей вменялось в обязанность ежегодное представление в горсовет списка верующих. Любые мероприятия в костеле требовали предварительного разрешения у чиновников, что нередко предполагало унижительные просьбы к начальству и долгие согласования. Костел и община облагались постоянно растущими ежегодными налогами, что вместе с необходимостью самостоятельно содержать здание было для прихожан непосильным грузом¹⁰⁴².

¹⁰⁴⁰ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 63, 80.

¹⁰⁴¹ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 1-3.

¹⁰⁴² Масырж В., Павлусь И. Римско-католический костел и приход в Иркутске: 1811–1937 и 1991–1995 гг. // Поляки в Сибири. Научно-информационный бюллетень

Другой причиной, актуализирующей необходимость поиска таких площадок, стало возникновение к этому времени большого количества национальных общественных организаций, неподконтрольных власти и идеологически оппозиционных коммунистам. Особенно много их было на «еврейской улице». В ноябре 1920 г. в своем циркуляре всем евсекциям РКП заведующий Евотделом Наркомнаца Мережин отмечает: «Следует не упускать никогда из виду, что обслуживание еврейского населения – основная задача и прямая обязанность еврейских советских учреждений. Поскольку это обслуживание вызывает необходимость в создании национальных учреждений. Поэтому следует всячески избегать положения, при котором удовлетворение надобностей еврейского населения возлагается на частные общественные организации». Далее в циркуляре рекомендуется закрывать такие общества, не допускать или лишать их регистрации, запрещать их финансирование из государственных и партийных источников и т. д. «Во всяком случае, вам не следует вступать в них, а довольствоваться строгим контролем и иметь наблюдение за тем, чтобы ни шагу не было сделано ими без вашего ведома. Этого следует требовать от всех советских учреждений»¹⁰⁴³.

После ликвидации самостоятельных национальных отделов и их вхождения в агитационно-пропагандистские отделы, основной формой работы среди меньшинств становятся методы прямой агитации и пропаганды, что во многом определило и места проведения мероприятий. В качестве иллюстрации сошлемся на отчет мадьярской секции (осень 1920 г.), весьма активно осуществляющей подобную деятельность. Секция проводила свою работу в разбросанных по всему Иркутску и его пригородам 14 агитпунктах, в которых не реже одного-двух раз в неделю читались лекции, проходили собеседования, устраивались общие собрания¹⁰⁴⁴.

Мы можем выделить наиболее «задействованные» площадки, к которым отнесем:

1. **Школы.** По мере формирования основных принципов национальной политики, власть все чаще ставит вопрос об установлении контроля над национальными школами. Представители

Гуманитарного общественно-научного центра. Иркутск, 1995. С. 13.

¹⁰⁴³ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 24. Д. 3. Л. 6-6 об.

¹⁰⁴⁴ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 28.

нацотделов входят в качестве постоянных членов в Губнаробраз и Губполитпросвет.

Наиболее острая борьба развернулась в еврейских и татарских школах. В первом случае активную роль играли сионистские организации, традиционно привлекательные для молодежи. Во втором, активную роль играло мусульманское духовенство, занявшее крепкие позиции во многих татарских школах¹⁰⁴⁵.

2. **Рабочие клубы.** В каждой национальной секции был создан свой рабочий клуб. Они стали традиционными местами, где теплилась неформальная жизнь национального сообщества. Они использовались как место официальных публичных мероприятий и инструмент пропаганды и агитации. Но при этом в клубах действовали музыкальные, театральные, рукодельные кружки и секции.

Здесь также разворачивается активная борьба за установление идеологического контроля. Не случайно, наиболее активные «боевые действия» развернулись вокруг самого крупного и влиятельного рабочего клуба – еврейского клуба «Цукунфт». Клуб был создан в 1918 г. и занял заметное место в жизни «еврейской улицы». К началу 20-х годов руководство клуба прочно перешло в руки бундовцев. Потребовались решительные и активные действия властей по его возвращению под контроль РКП. Не менее жаркие схватки разгорелись вокруг спортивного молодежного клуба «Маккаби», ставшего легальной площадкой сионистских организаций.

Иркутские чиновники руководствуются общими рекомендациями Евтдела Наркомнаца, который считает необходимым прежде всего «коммунизировать» национальные общественные организации и общества: «Отношение к так называемым «общественным организациям» с самого начала... резко отрицательное, как к очагам меньшевизма и саботирования еврейской советской работы. ...Для безболезненной ликвидации этих «обществ» необходимо раньше их «коммунизировать». Этого требовала также слабость аппарата Евтдела»¹⁰⁴⁶.

3. **Площадки публичных мероприятий.** В отчете еврейской секции находим: «Нужно определенно сказать, что ни одно важ-

¹⁰⁴⁵ ГАРФ. Ф. 1318. Д. 22. Л. 59; ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 459. Л. 5, 10.

¹⁰⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 24. Д. 5. Л. 6.

ное политическое событие не проходит без того, чтобы секция не использовала его для агитации и пропаганды. Наши субботники и воскресники политического, литературного характера привлекают всегда полную аудиторию. Мы пользуемся для агитации и драматической секцией клуба, которая ставит пьесы из пролетарской жизни, ставит шаржи, лубки, живые картины политического характера. Начавшуюся организовываться хорovou группу нам также удастся использовать в агитационных целях»¹⁰⁴⁷.

Власть столкнулась с неприятной для себя ситуацией снижения эффективности прямых агитационных и пропагандистских мероприятий. Привычные и столь полюбившиеся функционерам митинги и общие собрания, традиционно проходящие по одному сценарию (один доклад на общеполитические темы и два – три по текущим вопросам), стали вызывать отторжение даже у сторонников РКП. Возникла острая необходимость в поиске новых форм обращения к массам. В национальных организациях эта потребность была еще более острой.

В описываемый период «модными» формами проведения публичных мероприятий были живые газеты и политические суды. Очень быстро выяснилось, что в случае плохой организации суды приводят к обратным результатам. Та же опасность грозила и проведению прямых антирелигиозных диспутов с участием духовенства.

В результате митинги приобрели вид публичных зрелищ. Доклад, подготовленный по заранее одобренным тезисам, сопровождался театральными сценками, декламацией, исполнением песен, музыкальными номерами.

Стабилизация повседневной работы национальных организаций стала еще одной причиной уменьшения количества традиционных пропагандистских мероприятий. В отчетах Евсекции по итогам 1921 г. находим: «В митингах у нас нужды нет, так как часть еврейского населения, которых мы желаем вовлечь приходит на наши собрания, устраиваемые нами как регулярно, так и по случаю различных вопросов текущего момента. Таких собраний, сопровождаемых концертом, спектаклем, инсценировками и т. п.

---

¹⁰⁴⁷ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 465. Л. 3-4.

за последний год было 109. Наименьшее количество посетителей было 50 человек, и наибольшее – 1400 человек»¹⁰⁴⁸.

Своеобразным рубежом, ознаменовавшим новый этап в формировании национальной политики, стал 1923 год. На XII съезде партии была, наконец, выработана официальная концепция национальной политики. Анализируя итоги съезда, руководитель губернского агитпропа Б. Ольховый подчеркивает: «При царизме все национальные меньшинства угнетались великодержавной великорусской нацией, и наследием этой политики является недоверие к русским со стороны этих национальных меньшинств. ... В то же время наследие прошлого дает себя иногда чувствовать кой-где и в партии, когда поляка называют «полячишкой», татарина – «князем», кавказца – «восточным человеком» и т. д. Еще сильнее это сказывается на советском аппарате, где пренебрежение к интересам нацменьшинств благодаря бюрократическим извращениям этого аппарата могут давать о себе сильно чувствовать»¹⁰⁴⁹.

Представляется, что с этого момента начинается новая страница этнической истории региона. К середине 1920-х годов алгоритм взаимодействия Советской власти с национальными меньшинствами в основном сложился. В результате многовекторных поисков, были сформированы административные и политические структуры, позволяющие чиновникам эффективно управлять меньшинствами. Сложился язык публичного обсуждения национальной проблематики.

К середине 1920-х годов фактически завершился переход от официального сословно-конфессионального маркирования населения государством к этническому, что стало одной из причин изменения личностных идентификационных практик. Не случайно, к этому времени происходит реформирование традиционных общин и в основном завершается процесс секуляризации церковного имущества, что стало формальным итогом отделения церкви от государства, сопровождавшегося значительным ослаблением традиционных структур всех российских конфессий¹⁰⁵⁰. Но для локальных этнических групп религиозные структуры уже не

¹⁰⁴⁸ ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 467. Л. 1.

¹⁰⁴⁹ Коммунист. 1923. № 4-5-6. С. 1-5.

¹⁰⁵⁰ О перечне изъятого имущества из иркутских еврейских молитвенных домов, римско-католического костела и евангелическо-лютеранской церкви см., например: ГАНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 17-18.

играли роль повседневно необходимых институций. Они были заменены структурами нового государства. Отметим, что светская этническая идентичность предполагает ее манифестирование конкретным индивидом, что во многом определяет природу взаимодействия меньшинства с чиновниками, принимающим обществом, другими национальными группами.

Маркирование по «национальному признаку» прочно и надолго становится ключевым элементом советского образа жизни. Меньшинства тоже научились уживаться с новой властью. Более того, они встроились в структуру нового государства на принципиально иных, нежели в Российской империи, основаниях. Сформированные в начале 1920-х годов дискурсивные практики взаимодействия власти с этническими меньшинствами определили и фон, и язык межэтнического взаимодействия.

6.4. Этнофобия и мигрантофобия в интернет-пространстве сибирского города: конструирование образа (Томский кейс)

В качестве эпиграфа:

«Для современной России ... присущи иные проявления ксенофобии, а именно: этнофобия (ненависть, страх, предубеждения к этническим сообществам, объявляемым «чуждыми»), а также мигрантофобия»¹⁰⁵¹.

Пожалуй, приведенная цитата могла бы выглядеть короче («Для современной России присуща мигрантофобия»): сегодня этнофобия очень тесно переплетена с мигрантофобией, поскольку мигранты воспринимаются прежде всего как этнически чужие. Возможно ли, что страх перед мигрантами является страхом утраты собственной идентичности (этнической, культурной, гражданской)? В каких формах он выражается? Какие ситуации провоцируют проявления подобного страха (они могут быть довольно неожиданными¹⁰⁵²)? Какими средствами

¹⁰⁵¹ Паин Э., Сулова М. Способна ли демократия противостоять ксенофобии? // Россия в глобальной политике. 2012. № 5. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Sposobna-li-demokratiya-protivostoyat-ksenofobii-15723> (режим доступа: свободный).

¹⁰⁵² По дороге в Москву летом познакомилась в купе поезда с женщиной-москвичкой, лет 55, образованной, верующей и воцерковленной, ежегодно посещающей Синайский полуостров с целью паломничества по святым местам. Вспоминая слова одного из героев повести Л. Улицкой «Веселые похороны» о том, что «всегда под рукой

пользуются люди, чтобы вербализировать свой страх, и какие аргументы при этом они используют?

Целью работы является попытка качественного анализа мигранто- и этнофобий, распространенных среди пользователей сети Интернет, а в качестве предмета исследования выступают средства конструирования страхов, связанных с мигрантами.

Пространство интернет-форумов выбрано не случайно, поскольку в современных условиях оно в наибольшей степени свободно от контроля (модерирование вряд ли можно сравнить с цензурой и редакторской политикой СМИ) и представляет ценный источник для различного рода социальных исследований. Процесс коммуникации в свободном пространстве сети (в частности, на интернет-форумах) хаотичен и не линеен по своей природе. Однако стоит помнить о некоторых ограничениях сети Интернет, рассматривая его в качестве исследовательского «поля»¹⁰⁵³. Одно из таких существенных ограничений заключается в недостатке знаний о контексте высказывания пользователей¹⁰⁵⁴, а также в том, что «не являясь участником и лишь подглядывая, мы не всегда можем интерпретировать эти материалы и оценить их репрезентативность»¹⁰⁵⁵. Кроме того, для антрополога интернет-пространство может представлять только часть исследовательского поля и включать лишь молодежь и людей среднего возраста, живущих преимущественно в больших городах.

Имеются и несомненные достоинства. Как пишет Илья Утехин, интернет-пространство – это «голубая мечта наивного этнографа о поле, не испорченном возмущающим воздействием наблюдателя», поскольку «контент, порожденный пользователя-

---

вульгарнейшие образцы религиозного примитивизма... а это трудно вынести», перед собой я видела совершенно иное: сдержанное и толерантное поведение глубоко верующего и религиозного человека, вызывающее исключительное уважение. Наше внимание на одной из станций привлекла форма проводницы РЖД – очень стильная и строгая, и моя соседка не сдержалась от комментария: «Какая красивая форма у наших проводников: юбка, блузка, беретик – все в тон. *И особенно приятно, что это наши русские девочки, а не какие-нибудь таджички...*».

¹⁰⁵³ Форум: Научное знание в условиях Интернета // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 7-130. [Электронный ресурс]: URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/014/14_forum.pdf (режим доступа: свободный).

¹⁰⁵⁴ Желнина А. Форум: Научное знание в условия Интернета // Антропологический форум. 2011. №14. С. 49.

¹⁰⁵⁵ Утехин И. Форум: Научное знание в условия Интернета // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 109.

ми, форумы и блоги ценны для исследователя тем, что пользователи порождают тексты друг для друга, отражающие не только их язык, но их мнения и заботы»¹⁰⁵⁶.

Подобные методологические оговорки в самом начале публикации необходимы, чтобы снять возможные вопросы относительно адекватности использования в качестве основного источника комментариев участников интернет-форумов.

Исследовательскими площадками выступили два портала в томском интернет-пространстве: *gorod.tomks.ru*, *news.vtomske.ru*. Их выбор обусловлен акцентом, который сделан в данном исследовании на томской специфике этно- и мигрантофобии, поскольку Томск является уникальным местом в силу своего статуса «студенческого города». Для Томска характерны образовательная и трудовая миграции, что делает город пестрым в культурном, социальном и образовательном плане. Но при этом главной «мишенью» ксенофобских атак являются не иностранные студенты или студенты, приехавшие из национальных республик РФ, а трудовые мигранты. Кроме того, в Томске – одна из самых больших концентраций людей с высшим образованием, что дает ему основание считаться «умным городом» и позволяет нам предположить, что аудитория интернет-форумов будет в этой связи весьма красноречивой и довольно специфичной.

В качестве материала для анализа были выбраны высказывания посетителей порталов (так называемые «комменты»), оставленные после опубликованного «поста» или новости¹⁰⁵⁷, содержащих в себе информацию о мигрантах и упоминания этнонимов. В поисковики на сайтах вводились такие слова, как «мигранты», «гастарбайтеры», а также названия этнических групп (узбеки, таджики, киргизы и др.), далее отбирались статьи по указанным темам со всеми оставленными пользователями комментариями. Материал был собран за последние 5 лет. Общее количество статей – 27, постов – 30. Число комментариев – 5545. Количество участников дискуссий – 467. Все это составило 1000

¹⁰⁵⁶ Утехин И. Форум: Научное знание в условия Интернета // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 109.

¹⁰⁵⁷ «Пост» отличается от «Новости» тем, что это может быть текст, написанный любым пользователем, зарегистрированным в сети, или же скопированная информация с других порталов, не новостийных. «Новость» же всегда публикуется в отдельном разделе и идет, как официальная информация от редакции.

страниц текста (в формате Microsoft Word 10 кегль), 90 % которых приходится именно на комментарии пользователей.

Указанные порталы позиционируют себя в сети следующим образом. «Городской портал «В Томске» (<http://news.vtomske.ru>) – это молодой, динамично развивающийся сайт, охватывающий многие сферы жизни города и удовлетворяющий информационные потребности широкой аудитории. Наша цель – создать самый разносторонний городской интернет-ресурс, который станет визиткой города, и с помощью которого каждый житель сможет планировать свой день. Городской портал «В Томске» – только на начальном этапе своего развития и пока состоит из тринадцати тематических проектов»¹⁰⁵⁸. Основная аудитория портала – молодые люди (в основном от 22 лет) и люди среднего возраста, томичи.

«Развлекательный блог Город.томск.ру (<http://gorod.tomsk.ru/>) был открыт 10 ноября 2005 года и поначалу представлял собой список постов по 4 разделам. Спустя год сайт расширился и смог поддержать статус информационно-развлекательного портала. Сегодня «Город.Томск.Ру» представляет собой социальную сеть, которая объединяет сотни тысяч посетителей, ежедневно привлекая огромную аудиторию, состоящую преимущественно из взрослых людей в возрасте от 20 до 50 лет»¹⁰⁵⁹.

Следует подробнее остановиться на специфических характеристиках источников. Выше я уже обосновала выбор именно этих двух порталов, как представляющих томскую городскую интернет-площадку, однако – и это ясно видно по комментариям пользователей – интернет-пространство стирает географические границы. Некоторые пользователи, принимающие участие в дискуссиях, не являются жителями Томска, но когда-то имели к нему отношение (бывшие студенты). Уникальность томской интернет-аудитории в том, что в большинстве своем это люди с высшим образованием или получающие его (на 500 тысяч жителей города приходится 100 тысяч студентов). Другой особенностью данного вида источника (и это относится не только к Томску) является относительная ано-

---

¹⁰⁵⁸ Корпоративный раздел портала «В Томске». [Электронный ресурс]: URL: <http://corp.vtomske.ru/> свободный (режим доступа: свободный).

¹⁰⁵⁹ О проекте «Город.Томск.Ру». [Электронный ресурс]: URL: <http://gorod.tomsk.ru/about/> (режим доступа: свободный).

нимность авторов¹⁰⁶⁰. Редко по регистрационному имени («нику») можно предположить возраст, пол, социальный статус комментатора, скорее это можно понять по содержанию его (ее) сообщений. Сам характер коммуникаций на форумах не линейен, часто неструктурирован и обладает своей собственной логикой. Несомненно, все комментарии пользователи оставляют «по поводу» опубликованной новости (на портале «В Томске») или поста (Город.Томск.ру), однако далее процесс приобретает уже свою направленность. Чей-то комментарий может сам стать «поводом» (иногда и раздражителем) для дальнейшего комментирования, что приведет к возникновению дополнительной темы внутри уже имеющейся, и так может происходить до бесконечности. Все это, с одной стороны, осложняет аналитический процесс, но с другой, дает возможность увидеть реальное коммуникативное поле – спонтанное, эмоциональное, хаотичное. Именно в таком поле «конструируются» и «живут» образы и страхи, связанные с мигрантами. Во многом эти образы формируются СМИ и уже переключиваются в пространство форумов, обретая там, порой, новые характеристики.

Сегодня публикуется довольно много работ, посвященных конструированию средствами массовой информации этнических образов (и образов мигрантов в том числе). На материале федеральных и региональных СМИ авторы этих публикаций показывают, каким образом журналисты, политики, эксперты формируют образы миграции, мигрантов, этнических групп¹⁰⁶¹. Од-

---

¹⁰⁶⁰ «Анонимность участников форумов и блогов относительная: они заинтересованы в успешной коммуникации в интернет-сообществе, в поддержании своего образа и репутации... И они практически не пользуются теми возможностями анонимности, которые им предоставляет Интернет» (Назарова И.Ю. Форум. Научное знание в условиях Интернета // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 89).

¹⁰⁶¹ Малахов В. Этнизация феномена миграции в публичном дискурсе и институтах: случай России и Германии // Понаехали тут... очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007; Шнирельман В. СМИ, «этническая преступность» и мигрантофобия // Язык вражды против общества. М.: Центр «Сова», 2007; Соколовский С.В. Образы Других в российской науке, политике и праве. М.: Путь, 2001; Малькова В.К. Этнические аспекты журналистики. Из опыта анализа российской прессы. М.: ООО «Информполиграф», 2004; Сараева О.В. Конструирование образов миграции на региональном и федеральном уровнях // Вестник ТОГУ, права и социологии. 2012. № 3 (26). [Электронный ресурс]: URL: <http://algorithmr.ru/index.php/about-us/stati/58-st3> (режим доступа: свободный); Титов В.Н. О формировании образа этнического иммигранта (анализ публикаций прессы) // Социологические исследования. 2003. № 11. [Электронный ресурс]: URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0179/analit03.php> (режим доступа: свободный); Сергеева З.Х. Феномен миграции в россий-

нако ответов на резонно возникающие вопросы, каким образом используются эти образы-конструкты в процессе повседневной коммуникации, используются ли они вообще, и если да, то в каких случаях – как правило, не следует. И это вполне объяснимо. Как утверждает американский медиа-социолог Брайан Мак-Нейр, «нельзя с уверенностью предсказать воздействие того или иного медиа-образа, если не известен контекст его восприятия различными людьми в их физической и социальной среде. То, что означает, к чему располагает, что провоцирует или внушает некий образ, вытекает не только из наполнения образа, но и из личных обстоятельств индивидуума. <...> Фундаментальная неопределенность, заложенная в процессе коммуникации, делает бесконечными все дебаты об эффектах медиа-образов на индивидуумов – не потому, что таких эффектов нет, но ввиду того, что их изоляция, измерение или предсказание возможны лишь сугубо умозрительно»¹⁰⁶². Тем не менее, здесь предпринимается попытка проследить подобный эффект: каким образом конструируемые в СМИ образы мигрантов отражаются и изменяются в сознании пользователей сети Интернет. Но прежде, несколько слов о стратегиях конструирования образа мигранта в СМИ.

Во-первых, это тенденциозное использование различных статистических данных, способных стимулировать чувства тревоги и страха. «Статистические данные, предоставленные министром внутренних дел Рашидом Нургалиевым 1 июля 2009 г., отражают долю иностранцев среди «авторов» всех преступлений, зарегистрированных в России (2,2 %), а не долю преступников среди иностранцев. Тем не менее после этого заявления в печати зазвучала тема «роста преступности среди мигрантов»¹⁰⁶³.

Во-вторых, часто журналисты при описании быта, традиций и жизни мигрантов, пользуются характеристиками, вызывающими исключительно отрицательные эмоции: страх, отчуждение, неприятие или брезгливость, что независимо от исходной позиции автора работает на создание образа «чужого» и «врага»: *«Деятели*

ских СМИ и оценках экспертов // Политическая экспертиза. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.politex.info/content/view/479/30/> (режим доступа: свободный).

¹⁰⁶² МакНейр Б. Стигмиз-культура: секс, медиа и демократизация желаний / пер. с англ. М. Леоновича. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА, 2008. С. 24-25.

¹⁰⁶³ Регаме А. Образ мигрантов и миграционная политика в России // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 398. [Электронный ресурс]: URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/013/13_regamey.pdf (режим доступа: свободный).

культуры требуют от С. Собянина запретить публичное убийство баранов в Курбан-байрам. Кровавые публичные жертвоприношения являются чужеродной традицией для России»¹⁰⁶⁴.

Но СМИ – не единственный агент в формировании образа мигрантов и связанных с ними страхов. Другим «игроком» на поле создателей мигрантофобии стоит назвать, вслед за французским исследователем Амандином Регаме, само правительство РФ и проводимую им миграционную политику. А. Регаме доказывает, что восприятие мигрантов элитами, СМИ и общественным мнением влияет на миграционную политику, а миграционная политика, в свою очередь, накладывает отпечаток на образ мигрантов. Называя миграционную политику российских властей, по аналогии с французской ситуацией, «правительственной» ксенофобией, он подчеркивает, что «сама государственная политика способна с помощью законов, административных решений, полицейских документов, названий учреждений и пр. конструировать отрицательный образ мигрантов и миграции, представляя их в качестве проблемы, угрозы и бремени для страны»¹⁰⁶⁵.

Отмеченные стратегии СМИ и государственная миграционная политика, как одна из тем, попадающая на страницы прессы, используются как на федеральном, так и на региональном уровнях, что можно увидеть на материалах СМИ города Томска.

Типичные представления и стереотипы, возникающие при описании мигрантов в томской прессе, были выделены группой томских исследователей, работавших в проекте по изучению трансграничных миграций¹⁰⁶⁶. Согласно их выводам, образ мигранта включает в себя следующие характеристики:

а) мигрант – это человек с низкой профессиональной квалификацией, занятый преимущественно в сферах рыночной торговли, мелкого предпринимательства, а также на стройках и

¹⁰⁶⁴ Сараева О.В. Конструирование образов миграции на региональном и федеральном уровнях. [Электронный ресурс]: URL: <http://algorithmrk.ru/index.php/about-us/stati/58-st3> (режим доступа: свободный).

¹⁰⁶⁵ Регаме А. Образ мигрантов и миграционная политика в России // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 389-406. [Электронный ресурс]: URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/013/13_regamey.pdf (режим доступа: свободный).

¹⁰⁶⁶ Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: монография / Науч. ред. В.И. Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 144-153 (Глава 2).

отделочных работах, сельском хозяйстве и лесной промышленности;

б) это человек, приехавший из Китая, Узбекистана, Киргизии, Азербайджана, Таджикистана, Казахстана, поэтому он является носителем отличных от местного населения менталитета и культуры;

в) он поддерживает тесные связи со своими соотечественниками, такими же мигрантами;

г) он плохо понимает и говорит по-русски (или вообще не владеет русским языком);

д) он является потенциальной угрозой безопасности в силу своей возможной (!) принадлежности к экстремистским группировкам или наличия криминального прошлого, а также в связи с оказанием некачественных услуг и продажей некачественных товаров.

Это описание «типичного мигранта» можно использовать как исходную модель и проследить за тем, каким образом она используется для дальнейшего конструирования страхов, связанных с мигрантами, в пространстве анализируемых мною форумов.

Страхи людей связаны с утратой ими коллективной идентичности: гражданской, этнической, социокультурной. Можно выделить несколько групп подобных страхов, отраженных в следующих максимах:

Мигранты отнимают НАШИ рабочие места

Типичный страх, в основании которого лежит более чем спорная идея о связи между миграцией и безработицей. В Томске он дополнен еще и обвинением в адрес власти в том, что она, ввиду своих коррупционных appetites, не заинтересована в прозрачности трудовой деятельности мигрантов. Причем из комментариев не всегда ясно, какая именно власть подразумевается, федеральная или региональная. Добавляется и такой аргумент: дешевизна рабочей силы мигрантов сбивает уровень заработной платы для местных «коренных» жителей.

Пользователь Elena47: *«Своим людям работы нормальной нет – а гастарбайтеров обеспечим! Нам они очень нужны – чтобы платить взятки и чтобы не платить за работу мест-*

ным или платить копейки»¹⁰⁶⁷. И далее идет детализация страха. «Лучше бы своих обеспечили работой, чем мигрантов. Коренное население никому не нужно, пускай вымирает, у нас огромная скрытая безработица. После 40 лет никуда не устроиться, или зарплата копеечная. Вставать на биржу труда тоже смысла нет с ИХ смешным пособием и смешными вакансиями. И выкручиваются люди, как могут, спасаются временными подработками. Многие работают без оформления, многих обманывают с зарплатой. Зато теперь штрейкбрехеров из-за границы будем выписывать, лишь бы своим зарплату не платить!»

Пользователь Silva4: «Вот и именно, что нет дела до коренного населения власти, и вообще, весь контроль спущен с тормозов «после НИХ хоть потоп!» Да и об чём говорить...». Это типичное высказывание, в котором под НИМИ объединяются все властные структуры, не заинтересованные в благополучии своего народа¹⁰⁶⁸.

Пространство форума характеризует наличие в нем самых различных мнений, в том числе и прямо противоположных. Правда, высказываться они могут в поддержку одного и того же аргумента: мигранты нам не нужны.

Пользователь bloodnicca в ответ на реплику пользователя кобки «мигранты есть суть обычные люди, пытающиеся прокормить свои семьи», пишет: «Ну пусть у себя на родине и кормятся: там и теплее и приятнее... Раздражают мигранты очень и это недешевая сила (бумаги оформи (эпопея ж целая), жилье предоставь, за их проезд оплаты, и главное налоги бешеные за них платятся), они нас выживают: наркотики везут, болезни, преступность...». Приведенный комментарий отражает крайне противоречивую природу мнений о мигрантах: с одной стороны, они влияют на уровень заработной платы на

¹⁰⁶⁷ Комментарии этого пользователя оставлены после публикации новости «Мигрантам области предоставят рабочие места без учета квот». [Электронный ресурс]: URL: <http://news.vtomske.ru/news/48219.html> от 15.05.2012 (режим доступа: свободный). Публикация с таким заголовком появилась на сайте и вызвала огромное количество комментариев пользователей. На самом деле речь идет об одном из предложений, внесенных в рамках круглого стола по проблемам трудовой миграции. Однако из заголовка можно понять, что это – уже принятое руководством области решение.

¹⁰⁶⁸ Антигосударственный дискурс является характерным именно для пространства интернет-форумов, но не для СМИ. Отмечу, что красной нитью через практически все мигрантофобские высказывания проходит тема «геноцида» русского народа («коренного» населения).

рынке услуг, соглашаясь выполнять работу за меньшие деньги, но в то же время они недешевы, поскольку работодатель (если он устраивает мигрантов легально) несет большие затраты.

Нелегальные мигранты способствуют демпингу заработной платы, от чего страдают «местные». Но это еще не все: **помимо того, что НАШИМ платят меньше из-за того, что ОНИ готовы работать за копейки, так ОНИ еще и плохо работают.**

Связка «мигрант – не квалифицированный работник» проанализирована Амандином Регаме: «В действительности однако, (как это часто бывает с мигрантами и беженцами), лицам, приезжающим в Россию, приходится соглашаться на работу, требующую более низкой, чем имеющаяся у них, квалификации (врачи, работающие медсестрами; учительницы, ставшие официантками, и пр.). Но стереотип вызывает «смещение» и приводит к тому, что в силу специфической социальной ситуации уроженцы целого региона наделяются определенными устойчивыми характеристиками. Другими словами, на основе описания объективно существующей ситуации (большинство мигрантов из Центральной Азии выполняют неквалифицированную работу) рождается негативная оценка самих мигрантов («мигранты из Центральной Азии обладают низкой квалификацией»)»¹⁰⁶⁹.

Форумы переполнены комментариями о личном опыте взаимоотношений с мигрантскими строительными бригадами. Пользователь fochi, 12.09.2011, 13:39: *«Видел я, как они работают, как делают и знаю, сколько нервов это стоит! откуда потомственному скотоводу знать все тонкости работы с электроинструментом, например? а откуда ему знать, как класть кирпич, если он до этого жил в глинобитной дедовой хижине? одна бригада узбеков ломает инструмента больше, чем русские украдут!»*

Сравнение отношения к труду мигрантов и русских проходит лейтмотивом такого типа обсуждений. Можно выделить три мнения: одна часть считает, что мигранты работают плохо, поскольку не обладают требуемой квалификацией, и поэтому надо нанимать квалифицированных русских или обучать русских, если они не имеют достаточно знаний. **Пользователь ded37:**

¹⁰⁶⁹ Регаме А. Образ мигрантов и миграционная политика в России // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 400. [Электронный ресурс]: URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/013/13_regamey.pdf (режим доступа: свободный).

«Для меня лично важнее обучить на стройке любого местного молодого студента, чем объяснять по десять раз узбекам».

Другая часть говорит об обратном – мигранты работают лучше, чем русские, потому что не пьют и не воруют материалы, и работа их стоит дешевле. Пользователь evgen02: *«А если посмотреть правде в глаза? Допустим, я сейчас начал строить дом, кирпичный. За один куб кладки местные просят с меня от 1000 до 1300 руб. за куб. Таджики безо всяких условий ту же работу выполняют за 600–800 руб, и с тем же качеством! Т. к. я плачу из СВОЕГО кармана, то мне по барабану кто строит, качество то же, и по срокам ещё быстрее! Если наши местные умельцы смогут предложить цену НИЖЕ таджиков, обращусь к ним! <...> Почему я должен ИЗ СВОЕГО кармана поддерживать бездействие тех, кто кричит, что я лучший каменщик, а на деле у него только цена больше, а качество и сроки те же? Или только из-за национальности ему платят больше за меньший объем?»*

Третьи говорят, что и те, и другие работают одинаково плохо, но предпочтение все же следует отдать «своим», потому что они *РУССКИЕ*. Аргументация последней позиции иногда доходит до абсурда. Пользователь **bloodnicca**: *«Нашим бы работающим помощь оказали лучше: в лечении алкоголизма, прививанием культуры, помощь бы малоимущим (у нас таких каждый первый кажется), они бы и газоны садили и домики строили. Подвели русского мужика к нищете, голоду, обезличили, может даже хуже чем при царе, а теперь и вовсе заменяют, только вот замена не та».*

Таким образом, первый страх – **мигранты угрожают НАШЕМУ экономическому статусу**. Страх потери рабочего места (хотя, как видно из комментариев, мигранты занимают ниши, куда не идут «местные», но в этом тоже виноваты ОНИ – «понаехавшие», ведь ОНИ согласны работать за копейки), достойной заработной платы и в целом своего положения может быть обозначен шире – **страх потери своего социального статуса**.

Важнейшая тема – негодование по поводу «доведения» русских до плачевного состояния (истребления русских, геноцида), встречающиеся практически в 70 % комментариев. Это свиде-

тельство страха утраты гражданской и культурной идентичности.

Объектами нападок здесь являются не только мигранты, но и государство, которое, преследуя свои собственные интересы (а не интересы народа), намеренно уничтожает своих граждан. Главная претензия к государству: ИМ (мигрантам) – все, а НАМ («коренным» русским) – ничего. Страх этот выражается в различных максимах.

ОНИ чужые нам по культуре, традициям, менталитету, поэтому они представляют угрозу для НАС. Это, пожалуй, наиболее часто используемые аргументы во всем арсенале конструкций мигрантофобии. Вот несколько наиболее ярких примеров:

Пользователь Elena47: *«Я не националистка, и знаю, что в каждой нации есть разные люди, но есть и некие национальные особенности, не надо сбрасывать это со счетов. В бывших союзных республиках до сих пор феодальный строй и это накладывает отпечаток на всех, кто оттуда приезжает. <...> Да гастеры – обычные люди, которые хотят прокормить свои семьи. Я тоже обычный человек, который хочет прокормить свою семью. НО... на второй день после переезда сюда, многие перевозят сюда семью и считают эту землю своей. И уже суды шариата тут вводить хотят и миллионами молятся на Московских улицах и считают, что Аллах создал Москву для них. А попробуйте приехать к ним в республику и там пожить. Свою землю они считают только своей и вам там места не найдется. У них такой менталитет - садиться слабым на голову. А доброту и «толерантность» нашу они считают слабостью. Возможно не все, но большинство. У них клановое сознание. Укрепившись на нашей земле, они будут продвигать своих родственников, занимать лучшие рабочие места, а мы будем у них на побегушках чрез 10 лет такой «политики». Не сомневаюсь».*

Интересно суждение пользователя iola на тему «русского и «мигрантского» менталитета», его ответ на реплику предыдущего комментатора о менталитете мигрантов («*есть и некие национальные особенности, не надо сбрасывать это со счетов*»): «*Поэтому они не грабят и не избивают своих стариков, не сдают родителей в дома престарелых и почти не имеют детдомов.*

Не пьянствуют на работе и именно этим могут переломить то, что вы называете русским менталитетом – пьянством и неуважением к родителям и прочими «особенностями» нашей нации».

Дискуссий на тему «русского менталитета» очень много на форумах, и говорят они о том, что тема мигранты и все, что с ними связано рано или поздно выводит пользователей на размышления о том, кто такие *мы*, русские. Здесь довольно широкий разброс мнений: от «русские все алкаши и тунеядцы», до «русские – носители великой культуры и великого языка». Но для нас важен сам факт подобного дискурса, проблематизирующего вопрос о собственной идентичности и страх ее утраты под «натиском» культуры и традиций «понаехавших». В этой связи пользователи часто ссылаются на опыт Европы: **ОНИ не желают интегрироваться в наше общество, нас ждет «вымирание», как это ждет Европу.**

Этот страх питает представление о том, что мигранты плохо говорят или вообще не владеют русским языком (а значит, не желают интегрироваться в НАШУ языковую среду). «Идея, согласно которой мигранты из Центральной Азии не владеют русским языком, чрезвычайно распространена. Здесь процесс стереотипизации также приводит к «смещению». От описания определенной социолингвистической ситуации (сегодня в Центральной Азии русский язык используется гораздо меньше, чем в советский период, поэтому молодежь владеет им хуже, чем старшее поколение) осуществляется переход к оценке языковых способностей всех мигрантов»¹⁰⁷⁰. Довольно симптоматичным выглядят в этом смысле комментарии к статье о том, что из бюджета Томской области планируется выделить средства на организацию курсов русского языка для детей мигрантов¹⁰⁷¹.

Пользователь *RusIvan*: *«Ну, так и пусть у СЕБЯ учат русский язык. Мы же к ним детей не возим учиться казахскому и т.д. И притом, почему ИХ ДЕТЯМ должны быть какие-то особые условия в РОССИЙСКИХ школах? Приезжай, поступай,*

¹⁰⁷⁰ Регаме А. Образ мигрантов и миграционная политика в России // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 400. [Электронный ресурс]: URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/013/13_regamey.pdf (режим доступа: свободный).

¹⁰⁷¹ Детей мигрантов научат русскому языку. Новость от 09.02.2012. [Электронный ресурс]: URL: <http://news.vtomske.ru/news/43974.html> (режим доступа: свободный).

учись, кто мешает? или мы должны открывать одну школу для казахов, одну школу для узбеков, одну для таджиков и т. д.? Вводить на уровень государственных их языки и обычаи?»

Подобная изоляционистская позиция характерна для большого количества высказываний. И вновь она демонстрирует противоречивость суждений о мигрантах. С одной стороны, пользователи возмущаются по поводу ИХ нежелания интегрироваться в российское общество (чаще, правда, встречается выражение «*принимать русскую культуру*»), и чаще в комментариях речь идет именно о языковой интеграции. С другой стороны, появляется шквал критики в адрес областной власти в связи с ее намерением выделить средства на ту же самую языковую интеграцию мигрантов.

Очень часто в качестве аргумента распространенной точки зрения «мигранты не хотят интегрироваться» звучит отсылка к опыту Европы. Представления об «опыте Европы» во многом основаны на материалах СМИ, где можно встретить такие формулировки, как «крах» или «провал» политики мультикультурализма¹⁰⁷².

Пользователь Elena47: *«Европа уже сто раз пожалела, что приняла мигрантов из Азии. Европейцы в своей стране скоро будут себя гостями чувствовать, а потом вымрут, не выдержав конкуренции с «гостями», которые живут кланами, не желают ассимилироваться, но желают пользоваться благами цивилизации и имеют по 10 детей. Не хочу повторять чужих ошибок. Это вопрос выживания Русской нации».*

Пользователь кобки: *«Прошу прощения, но вы даже представления не имеете о миграционной политике Европы, сформировавшейся по итогам второй мировой войны. Европа не «принимала» мигрантов из Азии, а ЗАМАНИВАЛА их, играя в мультикультурализм. Чем всё это обернется, знали уже тогда, но игра стоила свеч. Все производства Европы изначально были настроены на поглощение энергии Азии. То же самое есть и будет в РФ. И вы либо живете в этом мире, либо покидаете его. Вопрос о выживании Русской Нации в реальности не стоит, и никто кроме одержимых ставить его всерьез не собирается».*

¹⁰⁷² Например: Ходина О. Европейская политика мультикультурализма терпит крах // Вести.ру. Материал от 13.02.2012. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=713499> (режим доступа: свободный).

Хорошо видно, как пользователи обобщенно представляют всю Европу, не разделяя ее на отдельные государства, что только подчеркивает стереотипное восприятие проблемы. Они воспринимают мигрантов как угрозу для «коренных» европейцев, считают, что последние уже проигрывают демографическую «битву» выходцам из Азии и Африки и скоро просто «вымрут». Подобную же угрозу они видят и в мигрантах из Средней Азии и Кавказа для России, питая следующую фобию:

ОНИ представляют угрозу государственному строю России.

Пример аргументации в пользу этого страха – в комментариях пользователя kommi: *«Русские тут живут уже почти полтысячи лет. Это наша земля. И уже по праву принадлежит нам. Однако мы не должны тут допускать «второй Узбекистан». И если вы тут никого по национальностям «не делите» - то они делят всегда. Они не желают ассимилироваться и даже учить язык. Они хотят жить не в Сибири, а именно создать тут второй Узбекистан и Азербайджан. Именно для этого они создали свои «нац.автономии» и «диаспоры» постоянно ноют о своей «нац.культуре». Они продуцируют тут создание своих квазигосударств. К чему это привело в Косово - знают все. Там все началось именно с этого. И учить сербский и становиться сербами албанцы НЕ ПОЖЕЛАЛИ. Они хотели создать именно второй албанский анклав и создали его, истребив и изгнав в итоге местное сербское население. Я лично тут такого не хочу».*

Вновь отсылка к «опыту Европы». Кроме того, присутствует довольно резкое эмоциональное высказывание о том, что мигранты «ноют» о своей «нац.культуре» и создают «диаспоры» и «нац.автономии». Действительно, в Томске существуют более 30 общественных национально-культурных объединений (включая 12 автономий). Созданы они были, прежде всего, для поддержания национальной культуры и традиций, но в условиях увеличения миграционного потока из таких стран как Узбекистан, Таджикистан, Киргизия их функции расширились: они, по сути, выполняют посредническую роль между своими соотечественниками (мигрантами) и российским обществом в вопросах их адаптации и интеграции. В этой роли их укрепляет УФМС РФ

по Томской области и МВД, постоянно обращаясь к «диаспорам» в случае возникновения проблем. Практика привлечения государством общественных организаций для решения проблем адаптации мигрантов не является исключительной для Томска, но в восприятии участников форума это выглядит как «захват» диаспорами «исконно русской» земли.

Культурно-изоляционистский настрой в отношении мигрантов часто подкрепляется расистскими суждениями (раздражает «не славянский» разрез и цвет глаз, цвет кожи и т. д.). Часто звучит связка «мигрант – преступник», вызванная некорректным использованием в СМИ статистики МВД. «Хрестоматийным» в этом смысле выглядит следующий пример, представляющий собой «классический набор» стереотипов и страхов:

Пользователь EmelyanovAV: *«Русские вскоре сопьются и вымрут, а мигранты приедут и расплодятся так что вы и ваши дети в вашем доме, квартале, районе, в городе вскоре будете чувствовать себя очень неуютно. Мигранты во всех странах и в России обычно не хотят ассимилироваться – живут своими общинами, диаспорами, говорят на своих языках, исповедуют свои религии, обычаи, традиции невзирая на местное население. Каждый день приходится видеть черномазые лица, слышать на улицах чужую гортанную громкую речь, видеть как группы приезжих никого не стесняясь ведут себя как хотят. Мигранты массово везут в Россию наркотики, среди них немало сторонников радикального ислама (салафиты/ваххабиты), то есть потенциальных боевиков и террористов. Мигранты по данным МВД совершают много преступлений, грабежей, воровства, сексуального насилия, убийств. Зачем горбатиться за копейки на стройке, когда можно украсть, ограбить, заработать перевозкой наркотиков, угонами и перепродажей машин, строительники и тп. Во всех странах мигрантские кварталы и гетто это рассадники криминала, проституции, наркотиков, бандитизма, религиозного экстремизма и терроризма. Работать они потом уже не хотят, живут на пособия и криминальные доходы, при этом плодят много таких же детей. Сложив это всё и подумайте надо ли оно вам и вашим детям, если хотите жить в России».*

В дискуссиях всегда есть участник (иногда несколько, но они всегда в меньшинстве), который демонстрирует если не критический, то ироничный взгляд на ситуацию. В приведенном ниже комментарии пользователь подчеркивает важность языковой интеграции мигрантов, если не в первом, то во втором поколении. Он отмечает, что мигранты уже стали частью «местного» сообщества через сеть «шашлычек» и «узбечек»¹⁰⁷³:

Пользователь Nadzhibulla: «Что то я не понял какая связь между вашим бредом про государственный таджикский язык в России, и курсы русского языка для таджикских пацанят в России. То что их родители будут работать в России – это ежу понятно, а то что хорошо бы чтобы их дети росли в России зная русский язык, а не замыкаясь в диаспорах – это вроде как тоже должно быть очевидно. Как то парадоксально – все ненавидят и кавказцев и узбеков – но во всех шашлычных и узбечных анилаг и плов и шашлыком истинные арийцы уплетают за обе щеки. Парадокс».

Анализ томских интернет-форумов позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, между мигрантофобией и этнофобией можно поставить знак равенства, поскольку главная угроза со стороны мигрантов представляется участникам дискуссий именно в том, что ОНИ несут с собой ИНУЮ культуру, которая чужда НАШЕЙ. Сосуществовать рядом эти две культуры не могут: одна культура непременно уничтожит другую (пример тому – провальный опыт мультикультурализма в Европе). Культурный изоляционизм демонстрируется в большинстве высказываний на форумах.

Во-вторых, все страхи относительно мигрантов на самом деле связаны с тревогой за собственную социальную идентичность (этнокультурную, гражданскую). Социальная идентичность актуализирована также через экономическое измерение и выражается в противоречивом и абстрактном страхе утраты НАШИХ рабочих мест. В то же время, претензии по поводу демпинга на рынке труда адресованы не столько мигрантам, сколько

¹⁰⁷³ Это особенно хорошо видно в студенческом городке Томска: так называемые «узбечки» (маленькие кафе, где работают мигранты не только из Узбекистана, но в народе они зовутся именно «узбечками») привлекают клиентов из числа студентов своей дешевой и качественной пищей.

работодателям. Мигранты выступают здесь в качестве «повода», а причина недовольства и страха – в неуверенности в СВОЕМ завтрашнем дне.

В-третьих, образы мигрантов, конструируемые в СМИ, переключаются в пространство интернет-форумов, домысливаются там и используются в конструировании мигрантофобий. В этом смысле, довольно показательным выглядит сопоставление приведенного в тексте комментария и образа мигранта, транслируемого томскими СМИ:

– конструкт СМИ: мигрант – это человек, приехавший из Китая, Узбекистана, Киргизии, Азербайджана, Таджикистана, Казахстана. В силу этого он является носителем отличных от местного населения менталитета и культуры, он поддерживает тесные связи со своими соотечественниками, такими же мигрантами. Комментарий на форуме: *«Мигранты во всех странах и в России обычно не хотят ассимилироваться – живут своими общинами, диаспорами, говорят на своих языках, исповедуют свои религии, обычаи, традиции невзирая на местное население»;*

– конструкт СМИ: мигрант является потенциальной угрозой безопасности в силу своей возможной принадлежности к экстремистским группировкам или наличия криминального прошлого, а также в связи с оказанием некачественных услуг и продвижения некачественных товаров. Комментарий на форуме: *«Мигранты массово везут в Россию наркотики, среди них немало сторонников радикального ислама (салафиты/ваххабиты), то есть потенциальных боевиков и террористов. Мигранты по данным МВД совершают много преступлений, грабежей, воровства, сексуального насилия, убийств».*

Вместо заключения. От Центра к Сети: изучение этномиграционных и диаспоральных процессов в Иркутске¹⁰⁷⁴

Этим томом мы заканчиваем не только исследование по теме «Переселенческое общество Азиатской России: этномиграционные процессы в формировании локальных пространств и сообществ. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков», но и серию проектов 2009–2013 гг., связанных общей проблематикой и единым исследовательским коллективом. Поэтому будет не лишним подвести некоторые итоги.

Специфика жанра предопределила заметный налет отчетности с неизбежной при этом лексикой и стилистикой бюрократического канцелярита. Монотонное перечисление проведенных проектов и опубликованных монографий и статей может вдохновить, видимо, только возможных будущих грантодателей для будущих проектов. Однако опыт становления неформального – и при этом эффективно работающего уже довольно большое время – междисциплинарного и межрегионального исследовательского коллектива («сети») может быть полезен и интересен не только его участникам.

Ядром для формирования нашей сети стал исследовательский центр по изучению этномиграционных и диаспоральных процессов, сформировавшийся на базе Иркутского государственного университета в течение двух последних десятилетий. Его преимущественным, но не единственным исследовательским полем являются переселенческие общества Востока России. За эти годы из небольшого и неформального сообщества историков-иркутян выросла большая межрегиональная междисциплинарная исследовательская сеть, осуществившая несколько серьезных научных и научно-образовательных проектов, имеющая в своем активе солидный список публикаций. Участники сети объединены большим опытом совместной работы, стремлением к ее продолжению, сходным пониманием целей и задач, добрыми человеческими отношениями. Это совершенно не исключает различия профессиональных языков, профессионального и человеческого опыта, рабочих и человеческих конфликтов и споров. Более того, это является естественной частью плодотворной творческой атмосферы работы.

---

¹⁰⁷⁴ Авторы: В.И. Дятлов, К.В. Григоричев

Необходимость и возможность появления такого коллектива создала общая ситуация в стране. Она породила как качественно новую ситуацию в сфере трансграничных миграций, этнических и диаспоральных процессов, государственной национальной политики, так и возможности для ее изучения. Более того, возник огромный общественный спрос на эту проблематику, а благодаря приходу иностранных благотворительных фондов этот спрос стал даже отчасти платежеспособным.

Такая ситуация радикально изменила сферу исследовательских интересов и траекторию профессиональной деятельности одного из соавторов этого текста, в то время доцента кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета В.И. Дятлова. Завершая работу над докторской диссертацией, посвященной проблеме «торговых меньшинств» и этнического предпринимательства в странах Арабского Востока и Тропической Африки¹⁰⁷⁵, он увидел формирование подобного феномена в своей стране и в своем городе. Очень острым было ощущение «уходящей природы» – стремительности процесса, невероятной скорости, с какой формировались и безвозвратно исчезали практики деловой активности и человеческой повседневности. Многие процессы можно было отслеживать почти с нуля, что давало российским исследователям огромные, уникальные возможности. Было просто интересно изучать феномен здесь и сейчас, а не в далекой Африке и по довольно дефицитным письменным источникам. Казалось очень важной и интересной задачей применение идей и подходов, наработанных в ходе изучения азиатских и африканских реалий, в качестве инструментария для изучения отечественной ситуации. Вполне логичной для университетского преподавателя стала и форма переориентации интересов – совместная работа над новой тематикой с учениками – дипломниками и аспирантами.

Результатом такого поворота интересов стала публикация двух выпусков альманаха «Сибирский еврейский сборник»¹⁰⁷⁶. Для того времени, с его атмосферой табу на исследования и публикации по еврейской тематике, это было преодолением общественно-

---

¹⁰⁷⁵ Дятлов В.И. Предпринимательские меньшинства: торгоши, чужаки или посланные Богом? Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки. М.: Наталис, 1996.

¹⁰⁷⁶ Сибирский еврейский сборник. № 1. Иркутск: Арком, 1992; Сибирский еврейский сборник. № 2. Иркутск: Арком, 1996; Сибирь. Евреи. Россия. Иркутск: Арком, 1998.

политического, профессионального и чисто психологического барьера. Альманахи положили начало сильной традиции изучения специфики еврейской проблематики в переселенческих обществах Сибири и на Дальнем Востоке. В последующие годы была проведена серия конференций, были защищены кандидатские и докторские диссертации, выпущены многочисленные книги и статьи, посвященные сибирской и дальневосточной иудаике.

Одновременно, в 1994 г. на базе Иркутского государственного университета была проведена одна из первых (если не первая) в России конференций, посвященная изучению диаспор.¹⁰⁷⁷ Успех этих региональных проектов подтолкнул к более масштабной идее. В 1999 г. нами был основан в Москве независимый научный журнал «Диаспоры». Тогда это казалось, да, в общем-то, и было, авантюрой, возможной только в атмосфере девяностых годов. Тем не менее, журнал оказался востребованным, находил и находит спонсоров, выходит до сих пор и пользуется высокой научной репутацией. В решающей степени, это результат огромной и высокопрофессиональной работы возглавивших журнал московских коллег – А.Р. Вяткина и Н.П. Космарской.

Работа в регулярных семинарах, проводимых Московским центром Карнеги, Независимым исследовательским Советом по миграциям стран СНГ и Балтии, в серии международных коллективных исследовательских проектов позволила участникам формирующейся иркутской группы включиться в деятельность российского научного сообщества, активно разрабатывающего этномиграционную и диаспоральную проблематику.

Однако переломным моментом, который вывел нашу деятельность на новый уровень, стала реализация двух больших коллективных исследовательских проектов, поддержанных Фондом Форда¹⁰⁷⁸. Масштабные задачи и немалые ресурсы потребовали создания больших междисциплинарных и межрегиональных коллективов. Так, при реализации проекта «Система высшего образования в социальном развитии Центральной Азии» работало девять исследо-

---

¹⁰⁷⁷ Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири. Иркутск, 1994.

¹⁰⁷⁸ Проект «Этнополитическая ситуация в Байкальском регионе: мониторинг и анализ» (2000–2003 гг., при поддержке Фонда Форда); Проект «Система высшего образования в социальном развитии Центральной Азии» (2003–2006 гг., при поддержке Фонда Форда).

вательских команд из четырех стран (Россия, Казахстан, Киргизия, Монголия).

Для управления таким сложным проектом потребовалась специальная структура. В результате в 2003 году был создан АНО Исследовательский центр «Внутренняя Азия». В последующие годы центр осуществил еще ряд международных и российских сетевых проектов, где он выступал и как самостоятельная исследовательская единица, и как менеджер сетевого проекта. Результатом этой работы стала публикация серии монографий, сборников статей, специальных выпусков журнала «Диаспора». Важным направлением работы «Внутренней Азии» стало проведение ряда научно-образовательных семинаров и школ. Особенно ценным было партнерское участие в общероссийском проекте Школа молодого автора, проводимого ООИЦ «Вестник Евразии» (проведение сибирских тренингов ШМА в 2002–2006 гг.). Научно-образовательные мероприятия стали для нас важнейшим инструментом поиска, подготовки и привлечения к работе молодых и талантливых кадров.

Созданием Исследовательского центра «Внутренняя Азия» процесс институционализации уже сложившегося коллектива не завершился. Когда Иркутский государственный университет в результате жесткого конкурса стал в 2003 г. участником общероссийской программы Межрегиональных институтов по общественным наукам, мы приняли активное участие в основании и проектах МИОН при ИГУ. На довольно долгий срок Иркутский МИОН стал одной из основных институциональных площадок, на базе которой были выстроены несколько крупных, в т. ч. общероссийского масштаба, исследовательских и научно-образовательных проектов.

Одним из первых опытов реализации масштабного межрегионального исследования, охватывавшего территорию России от Калининграда до Владивостока, стал исследовательский проект «Трансграничные мигранты и принимающее общество: стратегии и практики взаимной адаптации». Это исследование проводилось в 2007–2009 гг. как сетевой проект, опирающийся на ресурсную базу сети Межрегиональных институтов общественных наук при финансовой и организационной поддержке АНО «ИНО-Центр» (Москва). Проект стал первым опытом не только выстраивания межрегионального взаимодействия, но и едва ли не первой нашей практикой совместной работы представителей разных наук и научных школ,

традиций, объединенных не по территориальному, а по проблемному принципу.

Несмотря на все сложности, первый блин не вышел комом, и проект имел достаточно серьезные научные результаты. Был подготовлен проблемный сборник научных статей¹⁰⁷⁹, две коллективные монографии¹⁰⁸⁰, специальный номер журнала «Этнографическое обозрение» (2008, № 4), целый ряд статей в других журнальных и книжных изданиях. Не меньшее значение имел наработанный опыт совмещения концептуальных аппаратов и профессиональных языков представителей разных научных специальностей. С одной стороны, это породило ряд трудно разрешимых противоречий в авторском коллективе, связанных как с определением тактики и стратегии исследований, так и с пониманием устоявшихся или, напротив, не имеющих принятых дефиниций явлений, терминов, понятий. Крайне сложной оказалась проблема «совмещения» профессиональных языков, описывающих различные грани одного объекта исследования, однако, часто плохо сочетающихся друг с другом из-за существующих между ними различий. С другой стороны, эти противоречия позволили выйти на новое понимание процесса взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества, увидеть новые грани изучаемых процессов, остававшиеся вне исследовательского фокуса в рамках монодисциплинарных исследований.

Реализация проекта стала стимулом к формированию нового большого проекта в рамках межрегионального и полидисциплинарного исследовательского коллектива, который постепенно сформировался за много лет совместной работы в научных и научно-образовательных проектах. Стала очевидной необходимость развития нового для нас типа исследовательской структуры, функционирующей на принципах неформальной сети. Миграционная проблематика позволяет, а иногда и просто заставляет, подходить к

¹⁰⁷⁹ Миграционная политика в регионах Российской Федерации: законодательство и правоприменительная практика. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009.

¹⁰⁸⁰ Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: монография. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2009. (Электронная версия размещена в библиотеке интернет-еженедельника Демоскоп-Weekly [Электронный ресурс]: URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/transmig/transmig.html> (режим доступа: свободный)); Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики / Науч. ред. Н.П. Рыжова. Иркутск: Отгиск, 2009. (Электронная версия размещена в Библиотеке интернет-еженедельника Демоскоп-Weekly [Электронный ресурс]: URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/integracija/integracija.html> (режим доступа: свободный)).

ее изучению с точки зрения широкого круга гуманитарных дисциплин, использовать наработанные ими концептуальные и терминологические аппараты, преодолевать неизбежно возникающее непонимание, а иногда и отчуждение. С другой стороны, миграционные ситуации чрезвычайно разнообразны, особенно в условиях такой огромной, и очень неоднородной страны как Россия. Во многом ситуация зависит от состояния местной экономики, этнокультурной и социальной специфики местного общества и массы других уникальных в каждом конкретном случае факторов. И здесь опыт, знания и интуиция местных ученых незаменимы.

Окончательное оформление коллектива, составляющего основу исследовательской сети, произошло в ходе ряда проектов, выполненных в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. Первым из них стал проект «Миграции и диаспоры в социокультурном, экономическом и политическом пространстве Сибири, XIX – начало XXI века», выполненный в 2009–2011 гг. Почти трехлетний проект был завершен публикацией проблемного сборника и монографии¹⁰⁸¹, а также серией статей в журналах «Полития», «Диаспоры», «Дружба народов», «Известия Алтайского университета», «Известия Иркутского университета. Серия «Политология. Религиоведение». В работе приняли участие более 40 историков, экономистов, социологов, географов, этнологов, политологов из Иркутска, Улан-Удэ, Барнаула, Омска, Томска, Хабаровска, Владивостока, Благовещенска, Петербурга и Москвы, а также Казахстана, Монголии, Польши.

Еще до завершения работы по проекту стали очевидны новые возможности, которые дает сетевая организация проектов. Особенность сети состоит в том, что в ней не просто собраны вместе специалисты в области различных наук, представители разных научных языков, школ, подходов и концепций. Их плодотворная работа была

---

¹⁰⁸¹ Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2011. 624 с. (Электронная версия размещена в библиотеке интернет-еженедельника Демоскоп-Weekly. [Электронный ресурс]: URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/dyatlov/dyatlov.html> (режим доступа: свободный)); Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010. 640 с. (Электронная версия размещена в библиотеке электронных публикаций МИОН при ИГУ. [Электронный ресурс]: URL: <http://mion.isu.ru/ru/publications/docs/Migrations.pdf> (режим доступа: свободный)).

возможной только через попытки найти общие тематические площадки и проблемные поля, с тем, чтобы в ходе совместной исследовательской работы выявить общее и особенное этномиграционных процессов в различных контекстах и эпохах. Именно такой подход, на наш взгляд, позволяет сформировать объемное, стереоскопическое представление о характере миграционных и диаспоральных процессов, преодолеть ряд стереотипов, уже сложившихся в рамках тех или иных научных школ и направлений.

В процессе завершения работы над проектом «Миграции и диаспоры...» выяснилось, что многие интересные темы и сюжеты наших авторов не вошли в итоговые публикации по редакционным соображениям. Возникли новые идеи и темы, наметились новые направления дальнейших исследований. Закончившись организационно, проект продолжал развиваться содержательно. Поэтому очень кстати оказался новый грант в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России». Он был получен в 2010 году для реализации проекта «Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI вв.». Организационно самостоятельный, в содержательном и концептуальном плане он стал прямым продолжением предыдущего проекта и был выполнен тем же авторским коллективом. Предсказуемо качественными и масштабными оказались и его научные результаты: коллективная монография¹⁰⁸², более четырех десятков статей в журналах «Полития», «Диаспоры», «Этнографическое обозрение», «Известия Иркутского университета. Серия «Политология. Религиоведение», более десяти публикаций в журнальных и книжных изданиях в Великобритании, Индии, Польше, доклады на международных симпозиумах в России, Великобритании, Монголии, Индии и других странах.

Продолжилось и научно-педагогическое направление нашей работы. Помощь молодым исследователям в их профессиональном становлении мы всегда рассматривали как чрезвычайно важную для нас задачу. Без постоянного притока «молодой крови», без непрерывного пополнения новыми идеями, подходами, людьми, без

¹⁰⁸² Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Отгиск, 2012. 426 с. (Электронная версия размещены в библиотеке интернет-еженедельника Демоскоп-Weekly. [Электронный ресурс]: URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/issledovanie/pdf/djatlov.pdf> (режим доступа: свободный)).

конструктивного конфликта поколений мы обречены на застой и неизбежную деградацию. Поэтому в рамках довольно скромных ресурсов проекта, в качестве, как говорили в советские времена, общественной нагрузки, мы провели открытый конкурс статей молодых ученых по тематике проекта. Все присланные статьи получили экспертную оценку и научное редактирование у ведущих специалистов нашего проекта. Фактически, это были индивидуальные мастер-классы. После соответствующей дальнейшей переработки шесть статей были опубликованы в качестве специального раздела в журнале «Известия Иркутского университета. Серия «Политология и религиоведение»¹⁰⁸³.

Оба направления нашей работы (исследовательское и научно-педагогическое) продолжились в проекте «Переселенческое общество Азиатской России: этномиграционные процессы в формировании локальных пространств и сообществ. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков», непосредственным итогом которого является эта книга. Однако, как и прежде, результаты проекта много шире, чем одна, пусть и объемная коллективная монография. Участниками сети опубликованы две монографии¹⁰⁸⁴, серия статей в журналах «Полития», «Этнографическое обозрение», «Диапоры», «Вестник Тихоокеанского университета». Опубликован специальный выпуск журнала «Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение» (2013. № 2 (11). Часть 2), в который, наряду с работами участников сети и молодых исследователей, вошли статьи таких известных исследователей как Владимир Мукомель (Институт социологии РАН) и Бавна Даве (Университет Лондона). В марте 2013 года результаты исследования представлялись в серии лекций и семинаров для слушателей и сотрудников Восточного института Познанского университета им. А. Мицкевича (Польша).

Столь масштабные результаты стали возможны благодаря тому, что от основной тематики «отпочковались» (но не дистанцировались) новые, вполне самостоятельные исследования пригородных сообществ, изучения этномиграционного фактора в формировании

¹⁰⁸³ Мигранты и принимающее общество // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2012. № 1 (8). С. 88–144.

¹⁰⁸⁴ Рыжова Н.П. Экономическая интеграция приграничных регионов. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013. 352 с.; Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Отгис, 2013. 248 с.

переселенческого общества Сибири и др. Поддержка этих проектов была связана с получением грантов в рамках той же ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» для реализации исследований под руководством кандидатов наук (К.В. Григоричев) и под руководством приглашенных исследователей из-за рубежа (А.В. Коробков, Университет штата Теннесси, США).

Важным фактором успешности проекта и масштабности его результатов стало включение ряда работ в научно-исследовательскую часть Программы стратегического развития ИГУ на 2012–2016 гг., что обеспечило дополнительную организационную и финансовую поддержку исследованиям сети. С реализацией Программы связаны некоторые изменения, произошедшие в системе организации работы нашей исследовательской сети в последний год.

В 2009–2012 годах координационным центром, выполнявшим задачи административного и информационного обеспечения работы сети, стал МИОН при ИГУ. В его функции, кроме исследовательской деятельности, входили как собственно организационная работа, так и поиск ресурсов для реализации проектов (фандрайзинг), инициирование и проведение образовательных мероприятий, документальное и информационное сопровождение проектов сети. Иными словами, МИОН выступал как центр формирования исследовательской инфраструктуры, научно-образовательной и информационной среды для проведения исследований в сфере миграционных и диаспоральных процессов.

Это определялось набором задач, которые стоят перед исследовательской сетью помимо собственно научной работы. Прежде всего, это трансляция научного знания в образовательный процесс, внедрение результатов исследовательских проектов в базовые и специальные курсы вузов, подготовка и публикация учебных пособий, организация «летних» школ и т. п. Очень тесно к этой задаче примыкала и работа по привлечению в научную деятельность молодежи: студентов, магистрантов, аспирантов. И здесь ограничиться только учебной работой уже невозможно. Аспиранты и молодые преподаватели принимают участие в проектах сети как полноправные коллеги. Включение в коллектив проектов позволяет существенно ускорить их профессиональный рост, помочь им войти в научное сообщество.

Выбор институциональных форм реализации исследовательских и образовательных проектов нашей сети диктуется прагматическими соображениями. Прежде всего – соображениями удобства работы со спонсорами и грантодателями. С негосударственными, особенно заграничными, фондами удобнее и проще всего было работать через Автономную некоммерческую организацию «Исследовательский центр «Внутренняя Азия». Это стало и замечательной школой научного планирования и менеджмента. Для включения в деятельность правительственных федеральных целевых программ наиболее адекватной оказалась институциональная форма МИОН при ИГУ.

Новый этап государственного планирования и финансирования научных исследований, совпавший и с внутренней логикой развития нашего коллектива, потребовал создания новой институции. С осени 2012 года все обозначенные функции в работе исследовательской сети взяла на себя лаборатория исторической и политической демографии, созданная в рамках Программы стратегического развития ИГУ (проект Р222-МИ-003). Уже в декабре 2012 года лаборатория провела научно-образовательный семинар «Этнодемографические процессы и переселенческое общество на Востоке России: история и современность», в котором в качестве экспертов приняли участие член-корреспондент РАН С.В. Рязанцев и д.ф.н. Л.Е. Бляхер, а в качестве слушателей – более двадцати аспирантов и молодых сотрудников вузов и научных учреждений Иркутска, Новосибирска, Владивостока, Томска, Улан-Удэ, Читы. На основе обобщения многолетней работы Школы молодого автора было опубликовано учебное пособие «Как писать научный текст»¹⁰⁸⁵. В апреле 2013 года участник нашего большого коллектива Л.Е. Бляхер (Хабаровск) прочитал в Иркутском университете специальный курс лекций «Восточный поворот России: шансы и риски перехода от политики к экономике». Этот «гостевой» научно-образовательный курс стал первым и довольно успешным опытом подобной формы работы сети: на сайте Иркутского университета опубликована полная видеозапись лекций, готовится к публикации одноименное учебное пособие. Крупным мероприятием в деятельности лаборатории и сети стало проведение междуна-

¹⁰⁸⁵ Как писать научный текст: опыт Школы молодого автора: учебно-метод. пособие / Н.А. Дидковская, В.И. Дятлов, Н.В. Липагова, С.А. Панарин; Сост. и отв. ред.: Сергей Панарин. Иркутск: Оттиск, 2012. 240 с.

родного научно-образовательного семинара «Этномиграционные и диаспоральные процессы в переселенческом обществе», осуществленного совместно с МИОН при ИГУ 26 мая – 2 июня 2013 года. В работе семинара в качестве лекторов и экспертов приняли участие В. Коробков (США), Б. Даве (Великобритания), В. Мукомель (Москва).

Появление новой институции отнюдь не означает прекращения сотрудничества с Иркутским МИОНОм. Это, скорее, ответ на требования времени в создании нового инструмента работы сети. Инструмента, более адаптированного к работе со студентами (лаборатория имеет статус учебно-научной и позволяет гибче привлекать к исследованиям обучающихся в университете), к системе организации университетской науки, новым форматам предоставления грантовой поддержки и т. д. Весь огромный опыт, накопленный в рамках работы с МИОНОм, составляет важнейшую часть организации работы сети, ее интеллектуальный и человеческий капитал, в значительной степени научный бренд.

Представляется, что выбранный нами подход в развитии миграционных и диаспоральных исследований, может быть чрезвычайно продуктивным. Широкий территориальный охват, взаимодействие представителей различных наук дают мощнейший импульс исследованиям, способствуют генерации новых интересных идей. А отсутствие жестких институциональных рамок работы коллектива позволяют ему расти, как в числе коллег и партнеров, так и в реализации проектов.

Исследовательские и образовательно-исследовательские проекты, осуществленные коллективом на базе ИЦ «Внутренняя Азия», МИОН при ИГУ, лаборатории исторической и политической демографии ИГУ:

1. Проект «Этнополитическая ситуация в Байкальском регионе: мониторинг и анализ» (2000–2003 гг., при поддержке Фонда Форда).
2. Проект «Система высшего образования в социальном развитии Центральной Азии» (2003–2006 гг., при поддержке Фонда Форда).
3. Проект «Иностранцы рабочие в России – мост через Амур? Миграция и иммиграция в Центрально-Азиатском и Сибир-

- ском регионах, китайская и другие диаспоры» (2003 г., при поддержке Фонда Розы Люксембург).
4. Проект «Этнические и миграционные процессы в динамике развития сибирского общества» (2004 г., совместно с МИОН при ИГУ).
  5. Семинар-мастерская «Этномиграционные процессы и становление диаспор в Азиатской России: история и современность» (2005–2006 гг., совместно с МИОН при ИГУ и журналом «Диаспоры»).
  6. Подготовка проекта Концепции государственной национальной политики Иркутской области (2005–2006 гг., по заказу Администрации Иркутской области).
  7. Исследовательский семинар «Этнические миграции и диаспоры в культурно-историческом пространстве Востока России» (2006 г., грант РГНФ).
  8. Мигранты и принимающее сообщество: ценности толерантности через университет (2008–2009 гг., при поддержке Программы малых грантов Посольства США в Российской Федерации).
  9. Российско-китайское сотрудничество: региональное (сибирско-дальневосточное) измерение. (Сетевой межрегиональный проект МИОН. 2006–2007 гг.).
  10. «Высшее образование и «этнический ресурс»: стратегии в полиэтничном сообществе», (межрегиональный научно-исследовательский семинар, Иркутск, 2004 г.).
  11. Монголия – Сибирь: динамика формирования и развития образов. (Международный исследовательский семинар, 2004 г., Бурятия).
  12. «Местные органы власти в поисках национальной политики» (научно-практический семинар, 29–31 октября 2004, Иркутск).
  13. Проект «Этнические и миграционные процессы в динамике развития сибирского общества» (2004 г.).
  14. «Формирование молодого поколения в сибирском научном сообществе: социальные сценарии и индивидуальные жизненные стратегии». (Научный семинар МИОН. 2003 г. Иркутск).

15. Семинар «Город в этнокультурных процессах Байкальской Азии». (Бурятия, 2003).
16. Трансграничные мигранты и принимающие сообщества: практики взаимной адаптации (Сетевой межрегиональный проект МИОН, 2007–2008 гг.).
17. Миграции и диаспоры в социокультурном, экономическом и политическом пространстве Сибири, XIX – начало XX века. (2009–2011 гг.).
18. Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI вв. (2010–2012 гг.).
19. Переселенческое общество Азиатской России: этномиграционные процессы в формировании локальных пространств и сообществ. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков (2012–2013 гг.).
20. Развитие пригородов крупных городов Восточной Сибири как пространства социальной модернизации во второй половине XX – начале XXI века.
21. Этномиграционный фактор в формировании социального пространства Сибири (с участием профессора Университета штата Теннесси (США) А. Коробкова).

Монографии и сборники статей, опубликованные коллективом в 2000–2013 гг.

1. Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М., Наталис, 2000.
2. «Мост через Амур». Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: Сборник материалов международного исследовательского семинара / Под ред. В.И. Дятлова, англ. пер. О.А. Бакшеевой. Москва – Иркутск, Наталис, 2004.
3. Строганова Е.А. Бурятское национально-культурное возрождение (Конец 80-х – середина 90-х годов XX века, Республика Бурятия). Москва – Иркутск, Наталис. 2001. (Проект «Этнополитическая ситуация в Байкальском регионе: мониторинг и анализ». Исследования и материалы. Вып. 1).

4. Социально-экономическая характеристика Байкальского региона (Республика Бурятия, Республика Тыва, Иркутская область, Усть-Ордынский Бурятский автономный округ): Информационно-статистический сборник / Сост. С.В. Жбанов. Москва – Иркутск: Наталис, 2002 (Проект «Этнополитическая ситуация...»). Исследования и материалы. Вып. 2).
5. Байкальский регион: правовое поле этнополитической ситуации (1992–2001) / Автор-составитель Ю.Н. Пинигина. Москва – Иркутск, Наталис, 2002 (Проект «Этнополитическая ситуация...») Исследования и материалы. Вып. 3).
6. Байкальская Сибирь: фрагменты социокультурной карты. Альманах-исследование / Отв. ред. и руководитель творческого колл. М.Я. Рожанский. Иркутск: ИГУП, 2002. (Проект «Этнополитическая ситуация в Байкальском регионе...»): Исследования и материалы. Вып. 4).
7. Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность / Редколлегия: В.И. Дятлов, С.А. Панарин, М.Я. Рожанский. М.; Иркутск: Наталис, 2005 (Проект «Этнополитическая ситуация в Байкальском регионе: мониторинг и анализ»: исслед. и материалы / Иркут. гос. ун-т, Исслед. центр «Внутренняя Азия». Вып. 5).
8. Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005.
9. Мигранты и принимающее сообщество: ценности толерантности через университет: Сборник программ учебных курсов / Главный редактор В.И. Дятлов. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2009.
10. Специализированные выпуски журнала «Диаспоры»: «Ветер с Востока»: китайцы и корейцы в рассеянии // Диаспоры. 2001. № 2-3; «Сибирь – место встречи культур» // Диаспоры. 2003. № 2; Миграции и диаспоры к востоку от Урала // Диаспоры. 2006. № 1.
11. Мигранты и диаспоры на Востоке России: практики взаимодействия с обществом и государством / Отв. ред. В.И. Дятлов. М.;Иркутск: Наталис, 2007.

12. Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики / Под ред. Н.П. Рыжовой. Иркутск, 2010.
13. Трансграничные мигранты и принимающее общество: практики взаимной адаптации / Под ред. В.И. Дятлова. Екатеринбург, 2009.
14. Миграционная политика в регионах Российской Федерации: законодательство и правоприменительная практика. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009.
15. Специальная тема номера «Чайнатауны в России» (Ответственный редактор В.И. Дятлов) // Этнографическое обозрение. 2008. № 4.
16. Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010.
17. Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2011.
18. Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2012.
19. Мигранты и принимающее общество // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2012. № 1 (8).
20. Этнодемографические процессы и переселенческое общество на Востоке России: история и современность / под ред. В.И. Дятлова и К.В. Григоричева. Иркутск: Оттиск, 2012.
21. Этномиграционные и этнодемографические процессы на Востоке России в конце XIX – начале XXI веков / под ред. К.В. Григоричева. Иркутск: Оттиск, 2012.
22. Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск, 2013.
23. Этномиграционный фактор в формировании социального пространства Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2013. № 2 (11). Ч. 2.

Сведения об авторах

Алексеевко Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры философии и проблем человеческого развития, Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

Алишина Галина Николаевна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета. Томск.

Балдано Марина Намжиловна, доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Заместитель главного редактора журнала «Вестник БГУ», серия «История». Улан-Удэ.

Бреславский Анатолий Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ.

Бляхер Леонид Ефимович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск. Главный редактор журнала «Полития» (Москва).

Варнавский Павел Кондратьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ.

Галеткина Наталья Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Санкт-Петербург.

Григоричев Константин Вадимович, кандидат исторических наук, начальник научно-исследовательской части, руководитель лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета. Иркутск.

Дятлов Виктор Иннокентьевич, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета, директор

АНО Исследовательский центр «Внутренняя Азия». Заместитель главного редактора журнала «Диаспоры» (Москва).

Дятлова Елена Викторовна, старший преподаватель факультета сервиса и рекламы Иркутского государственного университета. Иркутск.

Журавская Татьяна Николаевна, младший научный сотрудник Амурской лаборатории экономики и социологии Института экономических исследований ДВО РАН, ст. преподаватель Амурского государственного университета. Благовещенск.

Кириченко Светлана Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии ФБГУН Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ.

Крих Анна Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент Сибирской автомобильно-дорожной академии. Омск.

Мулина Светлана Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионального развития Омского государственного аграрного университета. Омск.

Мкртчян Никита Владимирович, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института демографии НИУ ВШЭ. Москва.

Нам Ираида Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. Томск.

Пешков Иван Олегович, кандидат экономических наук, профессор Восточного Института Университета им. Адама Мицкевича в Познани. Познань (Польша).

Поправко Ирина Геннадьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований исторического факультета Томского государственного университета. Томск.

Рабинович Владимир Юльевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой рекламы Иркутского государственного университета. Иркутск.

Рыжова Наталья Петровна, кандидат экономических наук, заведующая Амурской лабораторией экономики и социологии ИЭИ ДВО РАН. Благовещенск.

Скрипник Екатерина Олеговна, кандидат экономических наук, научный сотрудник сектора социальных проблем Института экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск.

Сорокина Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Омск.

Суворова Наталья Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Омск.

Список сокращений

Archiwum PAN w Warszawie – Archiwum Polskiej Akademii Nauk w Warszawie

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАТО – Государственный архив Томской области (Областное государственное казенное учреждение «Государственный архив Томской области»)

ИсАОО – Исторический архив Омской области (Казенное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области»)

ГУТО ГА в г. Тобольске – Государственное учреждение Тобольской области Государственный архив в г. Тобольске

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГИАДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

ЦГАВОВУ – Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины

J. – jednostka

L. – list

Z. – zespoł

Всеросс. науч. конф. – Всероссийская научная конференция

Вып. – выпуск

г. – город

Д. – дело

д. – деревня

Др. – другие

ЕСРП – Еврейская социалистическая рабочая партия

Изд. – издание

Кн. – книга

КСЖД – Комитет Сибирской железной дороги

Л. – лист

Мат-лы – материалы

МВД – Министерство внутренних дел

МЗиГИ – Министерство земледелия и государственных имуществ

НГУ – Новосибирский государственный университет

об. п. – обоюго пола

Оп. – опись

Пг. – Петроград
Полн. собр. соч. – Полное собрание сочинений
Руб. – рубли
с. – село
С. – страница
Сер. – серия
См. – смотрите
СПб. – Санкт-Петербург
Ст. – статья
Тыс. – тысяч
Ф. – фонд
Цит. – цитата

**Переселенческое общество
Азиатской России: миграции,
пространства, сообщества.
Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков**

Верстка: И.В. Кравцов
Корректор: И.В. Миргородская

Издательство «Оттиск».
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 19.08.2013. Формат 60/84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 29,3. Уч. изд. л. 35,5.
Тираж 500 экз. Заказ № .

Отпечатано в типографии «Оттиск»
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 28.
Тел. 34-32-34, 241-242.
E-mail: ottisk@irmail.ru